

Министерство Республики Северная Осетия-Алания
по вопросам национальных отношений

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева –
филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»

ИСТОРИЯ ОСЕТИИ

в 2-х томах

Том 1

История Осетии
с древнейших времен до конца XVIII века

Владикавказ 2019

ББК 63.3 (2Рос.Сев)
УДК 94 (470.65)

Печатается по заказу Министерства Республики Северная Осетия-Алания
по вопросам национальных отношений.

История Осетии: В 2-х томах / СОИГСИ им. В.И. Абаева – филиал ВНЦ РАН; Гл. ред.
З.В. Канукова, ответ. ред.: С.А. Айларова, А.Г. Кучиев. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019.
Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII в. – 498 с.

Редакционная коллегия:

З.В. Канукова (главный редактор), С.А. Айларова (ответственный редактор), А.Г. Кучиев
(ответственный редактор), Р.Х. Гаглойти, Ю.С. Гаглойти, Ф.Х. Гутнов, Р.Г. Дзаттиаты,
А.А. Туаллагов, Г.И. Цибилов, А.А. Цуциев.

Рецензенты:

Н.Н. Великая – доктор исторических наук, профессор АГПУ (Армавир)
Ю. Ю. Карпов – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии народов Кавказа Му-
зея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-
Петербург)
А.Ю. Скаков – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института архе-
ологии РАН (Москва)

В первом томе «История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века» рассматрива-
ется ряд вопросов древней и средневековой истории Алании-Осетии, проблемы новой истории
Осетии. Впервые вводятся в научный оборот археологические материалы, открывающие ранее
неизвестные страницы истории Центрального Предкавказья. Излагаются факты военно-поли-
тической истории Алании, исследуются миграционные процессы, хозяйственная деятельность,
раскрываются этнокультурные и экономические контакты алан-осетин. Особое внимание уде-
лено становлению российско-осетинских отношений, приведшему к самому крупному полити-
ческому событию в истории осетинского народа XVIII века – присоединению Осетии к России.

Авторами глав являются:

Раздел 1: глава 1 – В.Л. Ростунов; глава 2 – Х.Т. Чшиев; главы 3-5 – А.А. Туаллагов.
Раздел 2: главы 1, 2 – В.А. Кузнецов, глава 3 – В.А. Кузнецов, Ф.Х. Гутнов, А.А. Цуциев;
глава 4 – В.А. Кузнецов; глава 5 – Ф.Х. Гутнов, А.А. Цуциев; глава 6 – Ф.Х. Гутнов.
Раздел 3: глава 1 – Ф.Х. Гутнов; глава 2 – Е.И. Кобахидзе, З.В. Канукова, А.Х. Хадикова,
Л.А. Чибилов; главы 3, 4 – Ф.Х. Гутнов.

ISBN 978-5-91480-152-3

ББК 63.3 (2Рос.Сев)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание посвящено важному историческому событию – наступающему 100-летию автономии Северной Осетии.

Современные археологические исследования не оставляют сомнений в том, что территория обеих частей Осетии была заселена человеком еще в эпоху палеолита. Горные массивы, составляющие значительную часть Осетии, никогда не являлись непреодолимым препятствием для взаимосвязей и общения древнего населения. Этническое многообразие на территории Кавказа – давняя особенность региона, но как свидетельствует история, далеко не всегда этот край был ареной острых межэтнических столкновений. С глубокой древности на территории Кавказа проживали представители разных культур, выработавшие особую систему межэтнического общения, основанную на глубоком этнокультурном взаимопроникновении. Здесь пересекались исторические судьбы местного населения, народов Ближнего Востока и степных племен юга Восточной Европы.

Интенсивность и направленность таких контактов в различные периоды определялись природными, экономическими и социальными причинами, что обусловило многокомпонентность материальной культуры населения предгорной зоны, имевшего культурные связи с племенами Ближнего Востока и Закавказья, с жителями гор и степей Северного Кавказа, юга Восточной Европы.

Ценным историко-культурным наследием осетин является кобанская бронзовая культура, которая обеспечивала не только собственные потребности, но и возможности обмена с соседними и удаленными землями. Кобанцы никогда не жили замкнуто. Находки кобанских вещей подтверждают постоянное общение и обмен не только с кавказскими соседями, но и с племенами Крыма, Северного Причерноморья, Передней Азии, с другими высокоразвитыми центрами бронзовой металлургии – Луристанским (Западный Иран) и Карпато-Дунайским (Австрия, Богемия, Бавария).

Яркая и оригинальная культура эпохи поздней бронзы и раннего железа стала основой формирования последующих культур предков ряда народов Центрального Кавказа, в том числе осетин. Значимый вклад в формирование той этнической среды, из

которой вышли предки современных осетин, внесли племена скифов, савроматов, сарматов и особенно алан. Появление ираноязычных племен в середине – второй половине VII в. до н. э. положило начало активным межэтническим процессам.

К середине I в. н. э. аланы (осы – в грузинских и ясы – в русских средневековых источниках) возглавили мощный в военном отношении племенной союз. После гуннского нашествия (IV в.) начинается новый этап в формировании аланского народа, оказавшегося в новых историко-географических и культурно-хозяйственных условиях. На территории Северного Кавказа аланы создали два самостоятельных протогосударственных образования: западное – с центром в верховьях Кубани, и восточное, тяготевшее к предгорьям Центрального Кавказа. Через территорию алан проходил Великий шелковый путь, связывавший Причерноморье с государствами Прикаспия и Средней Азии, Восточную Европу с Ближним Востоком.

К середине IX в. сложилось единое раннефеодальное аланское государство, но уже к концу XII в. оно распалось на отдельные владения. Нашествия монголо-татар, чингизидов, войск Тамерлана в XIII-XIV вв. привели Аланию к военно-политической и демографической катастрофе, в результате которой уцелевшее аланское население было оттеснено в горные ущелья Центрального Кавказа по обе стороны Главного Кавказского хребта. Оказавшись зажатыми в тесных ущельях, осетины испытывали острую нехватку земель, поставившую их в зависимость от грузинской и кабардинской феодальной знати.

В XVI-XVII вв. произошли заметные сдвиги в социально-политической и экономической жизни горских народов, изменилась и общеполитическая ситуация в регионе. Народы Кавказа совместными усилиями отстаивали свою независимость в борьбе с экспансией Ирана, Турции и Крымского ханства.

С середины XVI в. усиливается процесс укрепления и развития разносторонних связей с Россией. И здесь особое место занимает опыт социально-экономической и культурной интеграции осетин в состав России.

60-70-е годы XIX века стали важным этапом в истории русско-осетинских отношений. Русская пограничная линия была приближена к Осетии, началось переселение осетин в урочище Моздок, где была основана крепость. Решающим фактором активизации русско-осетинских отношений стал Кучук-Кайнарджийский договор 1774 года, по которому Россия добилась признания подданства Кабарды. Был поставлен вопрос о присоединении Осетии к России и начат переговорный процесс.

После официального присоединения к России населенных осетинами областей Центрального Кавказа (1774) началось переселение осетин с гор на Владикавказскую равнину, принявшее массовый характер в 20-60-е гг. XIX в.

Проведение буржуазных реформ, вовлечение Северного Кавказа в систему всероссийского рынка, урбанизационные процессы, повышение социальной мобильности населения Северного Кавказа предопределили его интеграцию в российский социокультурное пространство.

Важнейшим этапом в развитии русско-осетинских отношений стало возникновение города Владикавказ, в рамках которого создавались наиболее благоприятные условия социально-культурного развития. Именно во Владикавказе, в усло-

виях городской общественно-культурной среды зарождающаяся интеллигенция получила существенный импульс для развития и достижения серьезных результатов.

В Осетии интеллигенция сложилась как социальный страт, представленный профессиональными группами. Мы выделяем педагогическую, творческую, военную, церковную, медицинскую и техническую группы, активно включенные в различные виды профессиональной, общественной и культурно-просветительской деятельности.

Многочисленные административные и судебные преобразования подготовили постепенный переход осетин к жизни в рамках единого российского законодательства. Народ обрел при сохранении привычного самоуправления централизованное государственное оформление. Расширились и укреплялись экономические связи в регионе, развивалась транспортная инфраструктура, складывались новые формы материальной культуры осетинского населения; укреплялись тесные контакты с казачеством и полиэтничным городским населением, отличавшиеся межэтнической кооперацией, взаимопомощью на бытовом и хозяйственном уровне.

Служба осетин в российской армии способствовала сближению народов, их взаимному духовному обогащению и росту гражданского самосознания.

Своими подвигами в служении российскому Отечеству осетины завоевали самый высокий авторитет, а также доверие командования и российского правительства. Они отстаивали интересы Российского государства как свои собственные, считали, что защищают свою землю, семью, благополучие родных очагов.

Огромным интегративным потенциалом обладала политика России в области просвещения, организации образовательных учреждений в Осетии.

Деятельность российских православных миссий рассматривается как эффективный механизм формирования российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии. Конкретные факторы влияния православной церкви на общественно-политические и культурные процессы – строительство храмов и развитие приходской жизни, основание школ и распространение грамотности, формирование осетинской церковной интеллигенции и осуществление ее просветительских проектов. Результаты реализации социальных функций православия, которые в условиях пореформенной модернизации активно воздействовали на осетинское общество в нескольких взаимосвязанных направлениях, способствовали интеграции Осетии в общероссийские общественно-политические, профессиональные и социально-культурные процессы.

Различные духовные и светские школы, училища, гимназии готовили осетин к новой гражданской жизни, вовлекали горское население в систему духовно-культурных ценностей Российской цивилизации.

Таким образом, осетинский социум вовлекался в обновляющееся движение российского общества и государства, сохраняя всю самобытность своей национальной культуры.

Судьба Осетии неразрывно связана с судьбой всей России, и все достижения нашей республики – это реализация общегосударственных планов и задач.

В настоящем издании рассматривается и история формирования многонационального сообщества Осетии, в этническую структуру которой включено более 100 национальностей. Со второй половины XIX века Осетия складывается как этноконтактный регион с активным взаимодействием и взаимовлиянием различных культурных традиций, как миграционный ареал для представителей европейских, российских и восточных этносов – армян, грузин, евреев, немцев, греков, поляков, татар, азербайджанцев, персов и некоторых других народов. Они формировались в результате миграционной политики Российской империи, войн, экономических кризисов и других причин, успешно справлялись с адаптационными и интеграционными процессами, вырабатывали свою модель жизнеустройства, что позволило им сохраниться в условиях различных политических режимов, избежать межнациональных столкновений. Это, в своем роде уникальное, явление дает основание для презентации Осетии как лаборатории по изучению межэтнических отношений, прежде всего, диаспоры.

В этой книге жизнь осетинского народа впервые предстает как единая история. Осмысление прошлого осуществлено на основе новых концептуальных подходов и привлечения значительного массива исторических источников, впервые введенных в научный оборот.

«История Осетии» призвана сказать свое веское слово современникам. Особое геополитическое положение делает небольшую территорию республики важнейшим стратегическим плацдармом, определяющим устойчивость российских позиций в регионе. Угрозой национальной безопасности является фальсификация гуманитарного знания – инструмент, нацеленный на разрушение единства и целостности государства. Поэтому важной задачей настоящего издания является обоснованное противостояние академической науки историческим и культурным фальсификациям, ангажированным лженаучным исследованиям, число которых неуклонно нарастает и агрессивно вторгается в общественно-политическую жизнь региона.

Представляемая книга дает образец академического, объективного анализа узловых моментов истории Осетии в сложнейшем межкультурном, межэтническом взаимодействии населявших ее территорию народов.

Предлагаемый читателю фундаментальный двухтомный труд, подготовленный коллективом Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, содержит неизвестные ранее факты и явления, новые объективные интерпретации исторических событий, документов, новый взгляд на личности некоторых общественных деятелей и на другие важные вопросы нашей истории и культуры.

*Министр по делам национальностей
Республики Северная Осетия-Алания,
кандидат исторических наук Аслан Цуциев*

ВВЕДЕНИЕ

100-летие автономии Осетии Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева отмечает выходом в свет обобщающего исследования «История Осетии». В новой коллективной монографии жизнь осетинского народа, издревле разделившегося на северную и южную ветви, впервые предстает, начиная с древности и до начала XX века, как единая история.

Осетины — народ сложной и драматичной судьбы. Связанные с обширным иранским миром кочевников-номадов, предки осетин — аланы в IX-XII вв. смогли создать сильное средневековое государство — Кавказскую Аланию, имевшую высокий политический вес и обширные связи в тогдашнем цивилизованном мире Евразии. Но после катастрофического нашествия монголо-татарских завоевателей Алания пала и исчезла с политической карты, численность её населения резко сократилась. Вытесненные с плодородных равнинных земель в горы, аланы-осетины были обречены на новые тяжелые испытания. В этих условиях лучшие умы Осетии не переставали размышлять о дальнейшей судьбе своего народа. Они пришли к единственно верному решению, получившему общенародную поддержку и на севере и на юге: просить помощи у своего великого северного соседа — России.

Ключевой исторической датой присоединения Осетии к России считается 1774 год, когда состоявшиеся после Кючук-Кайнарджийского мирного договора осетино-русские переговоры завершились присоединением Осетии к России. Сделанный исторический выбор открыл перед осетинским народом благоприятные перспективы для развития экономики и культуры. Авторы показывают на основе имеющихся документов и материалов длительный путь вхождения Осетии в социально-экономическое, культурное и правовое

поле России, на конкретных фактах показывают благотворное влияние русской культуры на развитие осетинской национальной культуры.

Важно отметить, что настоящая книга посвящена не только истории разделенного осетинского народа. Это — история многонациональной Осетии, где вместе с осетинами издревле живут и трудятся русские, грузины, ингуши, украинцы, армяне, евреи, кумыки, кабардинцы — представители около 100 народов. В Осетии действуют разные религиозные конфессии, здесь мирно живут христиане, мусульмане, католики, иудеи.

Взаимоуважение и толерантность свойственны современной общественной жизни Осетии. Главным средством межнационального общения служит русский язык — им владеют все. Высок уровень образованности и национального самосознания осетинского населения, отсюда непреходящий интерес к своей истории, начиная с древнейших времен. Это влечет за собой особую ответственность историков, призванных отразить события прошлого объективно и достоверно, не подстраиваясь под конъюнктуру текущего момента.

За последние три столетия по истории Осетии, осетинского народа были накоплены богатые и многообразные источники. В осетиноведение, которое всегда было важной составной частью кавказоведения, внесли значительный вклад выдающиеся русские ученые. Среди них В. В. Латышев, Ю. А. Кулаковский, Ю. Клапрот, П. Г. Бутков, Б. А. Рыбаков, Б. В. Скитский, Е. Г. Пчелина, Е. И. Крупнов и др.

Особо следует подчеркнуть неоценимую роль действительных членов Российской академии наук А. М. Шегрена и В. Ф. Миллера в изучении истории осетинского народа и осетинского языка. Общественный строй и социальная история осетин стали объектом исследования для ученого с мировым именем М. М. Ковалевского.

Огромным авторитетом в осетиноведении в XX веке по праву стал В. И. Абаев. Его многочисленные фундаментальные труды открыли широкий простор для изучения проблем истории осетин, их языка, этнографии и религии, богатейшего фольклора.

Со времени издания обобщающего исследования «История СОАССР» (1987) прошло более двух десятилетий. В свое время это издание сыграло значительную роль в формировании историко-культурного кругозора осетинского общества. С этого времени многое изменилось в стране и в республике, и на повестку дня встала задача написания масштабного труда по истории Осетии на современном научном уровне. Сама жизнь сформулировала требование к ученым республики осмыслить прошлое народа в свете тех новых подходов и концепций, которые стали актуальны в постсоветском развитии научного знания, на базе новых источников, накопленных или открытых лишь в последние десятилетия.

Данный труд стал исследованием, отличающимся от предыдущего издания не только территориальным охватом — ведь это история единой Осетии, — но и более солидной источниковой базой, опорой на весьма обогатившуюся за последние годы историографию осетинской истории, а также объемом и структурой.

Первый том «История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века» двухтомного издания включает три раздела. Первый раздел «Территория Осетии в древности» охватывает значительный хронологический период в истории той территории Кавказа, которую сегодня занимает Осетия, — от эпохи камня до раннего средневековья. Само географическое расположение данной территории с древнейших времен обусловило ее роль как той своеобразной зоны, где проживали и непосредственно взаимодействовали различные по своему происхождению группы населения. Такое положение, в свою очередь, определяло заметное этническое и культурное разнообразие местного населения на отдельных хронологических этапах. Особенностью же изложения материала в первом разделе монографии является ставка, прежде всего, на археологические данные, что объективно продиктовано отсутствием для большей части освещаемого периода какой-либо письменной информации.

В отличие от прежнего издания в главе, посвященной древнейшему историческому периоду, подробно освещаются материалы конкретных археологических памятников на территории современной Осетии, которые наглядно демонстрируют справедливость сформулированного выше положения. Уже для данного периода было характерно не только появление здесь носителей различных археологических культур, вступавших между собой в контакты различного уровня и интенсивности, но и развитие процессов этнокультурного синтеза и формирования новых этнокультурных образований.

Заметной чертой местных культур было также наличие обширных и динамичных связей с сопредельными и более отдаленными территориями. Именно в такой обстановке на базе местных археологических памятников в горных районах Осетии происходило зарождение и развитие знаменитой кобанской археологической культуры, название которой дал могильник, открытый возле с. Верхний Кобан в Северной Осетии. Недавние исследования показали, что протокобанские памятники локализуются в основных горных ущельях Осетии, и именно из ее горной части, а также из района Рачи, впоследствии происходило расселение носителей кобанской культуры на иные территории. Сама территория Осетии входила в зону распространения центрального варианта данной культуры.

Для истории Осетии изучение памятников кобанской культуры имеет особое значение и в плане исследования проблемы этногенеза осетин. Данную проблему принято решать с позиции признания участия в указанном

процессе двух основных сторон — местного кавказского полиэтничного населения и расселявшихся здесь ираноязычных мигрантов, известных в письменных источниках под обобщающими названиями скифов, савроматов, сарматов и алан. Процесс этногенеза хронологически был достаточно длительным, распадаясь на отдельные периоды, которые имели свои специфические особенности как в интенсивности и уровне взаимодействия сторон на различных территориях, так и в конкретной этнокультурной составляющей этих сторон.

Учитывая такое положение, в первом разделе монографии вниманию читателя представлены краткие обобщающие сведения о формировании археологических культур, носителями которых принято считать указанных выше номадов. В отличие от предшествующего издания представлены и более подробные сведения об их памятниках, открытых непосредственно на территории Осетии, что позволило несколько скорректировать прежние отдельные научные представления об условиях и местах расселения номадов. Накопленный и проанализированный исследователями археологический материал открыл ранее неизвестные страницы, например, в истории алан Центрального Предкавказья.

Информативность письменных источников в освещении истории древнего населения Центрального Предкавказья заметно ограничена, что и обусловило приоритет данных археологии. Вместе с тем, сведения письменных источников, касающиеся истории древних ираноязычных кочевников в кавказском регионе, достаточно подробно представлены в отдельных параграфах. Учитывая сложность проблемы этногенеза осетин уже на самом раннем его этапе, методологически верным представляется не сведение ее к обобщающей оценке, а предоставление в распоряжение читателя наблюдений и выводов отдельных ведущих специалистов.

Во втором разделе «Алания — Осетия в эпоху средневековья (V-XVII вв.)» подробно излагаются факты военно-политической истории, исследуются миграционные процессы, хозяйственная деятельность, раскрываются этнокультурные и экономические контакты алан-осетин.

Эпоха средневековья продолжает оставаться одним из наиболее сложных для изучения периодов в истории Осетии, что обусловлено малочисленностью и неполнотой имеющихся письменных источников данного периода и недостаточной изученностью археологических памятников региона. Тем не менее, в разделе дается их обстоятельный анализ и предлагается опыт реконструкции исторических событий, а также предпринимается попытка рассмотрения важнейших социальных явлений, этапов формирования общественного строя алан. Большое внимание уделено возникновению и эволюции раннефеодальной государственности, появлению раннесредневековых городов и их роли в экономической и культурной жизни Кавказа

и сопредельных территорий. Подробно исследуются маршруты важнейших торговых путей.

Для более целостного и объективного освещения трагических событий XIII-XV вв. (нашествие монголов, разгром Алании войсками Тамерлана), как и других важных периодов, в разделе привлекаются сведения о соседних регионах. В частности, представляется логичным рассмотреть военные действия Тамерлана в Алании на фоне его политики на Кавказе в целом. Участие осетин в ирано-турецком противостоянии XVII в. изложено в контексте столкновения агрессивных интересов мировых держав в Закавказье. Кроме того, мы посчитали целесообразным включить в соответствующую главу материал о венгерских ясах.

В разделе уделено внимание проблемам религии (христианизация Алании, проникновение ислама, сохранение традиционных верований) и традиционной культуры (осетинский Нартовский эпос, культура жизнеобеспечения и т.д.).

Третий раздел «Осетия в XVIII веке» состоит из нескольких глав, каждая из которых посвящена разным аспектам истории, общественного быта и духовной культуры осетин в XVIII веке. Этот период отмечен качественными сдвигами в российско-северокавказских отношениях.

Важное место в ряду рассматриваемых в разделе сюжетов занимает проблема социального строя горцев Северного Кавказа, которая является одной из наиболее сложных в историографии. Дискуссионность этого аспекта кавказоведения связывается, прежде всего, с очевидным своеобразием общественного уклада народов региона, в том числе осетин, разнообразием существовавших форм собственности и сложной мозаикой общественных отношений, регулируемых обычно-правовыми нормами.

Физико-географические условия обитания горцев во многом определяли специфику хозяйствования и землепользования. Выраженная зональность, характеризующая горные территории, обусловила ведущее место в структуре хозяйства отгонного скотоводства, требующего значительных трудовых затрат и кооперации труда. Именно действием экономических факторов объясняется устойчивость патриархальных форм социальной организации у осетин, важное место в которой занимали родственные объединения разной степени сложности.

Как показано в разделе, уже в исследуемый период четко обозначились неодинаковые темпы социально-политического и хозяйственного развития разных осетинских обществ, что оказало влияние на своеобразие форм и степени зависимости общинников от местной социальной элиты и обусловило сложность сословной структуры осетинского социума.

В духовно-религиозной жизни осетин наряду с христианством и исламом значительное место занимали традиционные верования, связанные с арха-

ическими пластами духовной культуры народа и тесно переплетавшиеся с сакральными представлениями и магическими практиками. В главе, посвященной духовной культуре осетин, аргументируется тезис об устойчивости древних форм религиозного мышления осетин, как, впрочем, и других народов Кавказа, которая была обусловлена особенностями общественного уклада, условиями жизнеобеспечения и тесной связью верований с народными хозяйственно-бытовыми традициями и обычаями. Черты религиозного синкретизма отразились и в пантеоне осетинских святых, наиболее почитаемые из которых носят христианские имена, в то же время покровительствуют тем или иным аспектам хозяйственной и общественной жизни, и в особом поклонении святилищам (дзуарам), многие из которых в прошлом были христианскими церквями, и в топонимике. Многие дохристианские культы и верования с соответствующей праздничной обрядностью сохранились у осетин дольше и в более полном виде, чем у их соседей, что дает уникальную возможность глубокого проникновения в духовный мир народа.

Мощным импульсом к развитию всех сфер традиционной общественной жизни Осетии стало ее присоединение к России. Будучи самым крупным политическим событием в истории Осетии XVIII века, оно объективно способствовало развитию социально-политической, экономической и культурной жизни осетинского народа в составе Российской империи.

Второй том «История Осетии в XIX — начале XX века» включает два раздела, каждый из которых охватывает значимые отрезки исторического пути народов и обществ, населявших территорию современной Осетии. В первом разделе рассматривается вовлечение Осетии в государственную систему Российской империи, которое сопровождалось учреждением соответствующего административного аппарата. Его формирование шло в широком контексте правительственных территориально-административных преобразований на Северном Кавказе в целом, однако особенности социально-политического и хозяйственно-экономического развития Осетии обусловили специфику конкретных форм и методов российского управления, варьировавших на разных этапах развития административной системы и отвечавших в целом основной политической задаче, которую ставило перед собой правительство, — интеграции территории и населения региона в общегосударственную административно-правовую систему.

В составе Российской империи осетины получили возможность решить жизненно важный для них вопрос о земле. На протяжении всего XIX века шел непрерывный процесс освоения осетинами равнинных земель Центрального Кавказа.

В северокавказской политике Российской империи особое значение имел конфессиональный аспект. Распространение христианства среди гор-

ских народов возводилось в ранг государственной политики: правительство считало православную миссионерскую деятельность основным инструментом освоения края. Созданные в этих целях православные миссии положили начало становлению системы образования, формированию кадров священнослужителей из осетин.

Расширение российских владений на Северном Кавказе вызвало повышенный интерес к региону и его жителям со стороны ученых и путешественников. Их труды заложили основу кавказоведения как отдельной отрасли исторической науки.

Таким образом, у читателя, с одной стороны, появляется возможность составить целостное представление о едином процессе включения региона в государственную систему, а с другой, — увидеть, какое место занимала Осетия в правительственных планах по обустройству северокавказской периферии.

Второй раздел «Осетия в эпоху пореформенной модернизации (вторая пол. XIX в. — начало XX в.)» представляет период, отличающийся необычным динамизмом и событийной насыщенностью. Реформами 60-70-х гг. XIX в. открывается новая эра общественного развития осетинского народа. В таком контексте данный период предстает ключевым в истории трансформации традиционного общества Осетии в модернизированное. Процессы модернизации выявили и актуализировали на этапе переустройства социума многие проблемы, в том числе адаптации к системе российского административного управления, налоговому прессу, товарно-денежным отношениям, к новым гражданским связям в регионе.

Реконструкция и интерпретация истории Осетии в пореформенный период как процесса осовременивания (модернизации) позволили авторам сделать акцент на инновациях, связанных с капиталистическим этапом развития общества, показать, как устоявшиеся тысячелетиями традиции в течение нескольких десятилетий трансформировались в узаконенные Российским государством аграрные и социальные институты, в цивилизованные отношения, построенные на диалоге и взаимодействии.

В разделе получил освещение целый спектр проблем: развитие народного образования, роль православия в просвещении Осетии, приобщение народа к городскому образу жизни и урбанистической культуре, формирование осетинской интеллигенции и т.д.

Особо подчеркивается важная роль интеллигенции в осознании народными массами задач модернизации, исторической ответственности интеллигенции в этот период.

В трудах видных представителей И. Д. Канукова, А. Г. Ардасенова, Г. Ф. Чочиева, А. А. Гассиева и др. анализируются адаптивные возможности в процессе модернизации осетинского общества. Они анализируют и условия хозяй-

ствования и традиционную горскую хозяйственную и социальную культуру. Будущее своего народа осетинские просветители видели во внедрении новых интенсивных методов агрокультуры, воспитании в народной среде ценностей рационального хозяйствования и трудолюбия.

Анализ творчества К.Л. Хетагурова с новых методологических позиций позволил выявить сквозную, единую проблему всех его трудов — проблему «интеллигенция и народ», являющуюся основополагающей, фундаментальной и для русской общественной мысли XIX века. Религиозно-нравственные, общественные и художественные поиски Коста были направлены на преодоление культурно-исторической разобщенности интеллигенции и народа, консолидацию масс и образованной элиты вокруг созидательной идеи национального развития.

Таким образом, данный труд аккумулировал все наработки и достижения современной историографии Осетии.

Редколлегия и авторский коллектив надеются, что представленная работа вызовет интерес не только в научных кругах, но и у широкой общественности, учитывая особое геополитическое положение Северного Кавказа. Специфика его состоит в том, что регион входит в лимитрофную зону стыка Европы и Азии, двух цивилизаций и миров — западного и восточного, двух великих конфессий — христианства и ислама. Важно отметить, что Осетия находится в центре вышеназванной контактной зоны, и стабильность Северного Кавказа в немалой мере зависит от стабильности Осетии. Редколлегия и авторский коллектив надеются, что эта книга будет способствовать лучшему пониманию давних и ставших неразрывными связей Осетии с Россией и русским народом, всеми народами Российской Федерации. В нашем исторически сложившемся единстве — наша сила.

Редколлегия

Раздел первый

Территория Осетии в древности

ГЛАВА 1. ЭПОХА КАМНЯ, РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Относительно небольшая по площади горная территория Кавказского перешейка — горной страны между Черным и Каспийским морями — характеризуется необычайным разнообразием рельефа, геологического строения и природных условий. Географическая среда на ранней стадии деятельности человека оказывала, несомненно, сильное влияние на хозяйственное и культурное развитие общества. Неослабевающий интерес к изучению древней истории Кавказа объясняется его исключительным географическим положением — на стыке Европы и Азии. Южная область Кавказа — Закавказье — по рельефу и природным условиям тяготеет к Передней Азии, тогда как северная его часть — Предкавказье — исторически и географически входит в область юга Восточной Европы. Кавказ является тем пограничным узлом, где издавна пересекались исторические судьбы местного населения и народов Ближнего Востока, а также степных племен юга Восточной Европы. Следы этих сложных исторических процессов нашли свое отражение в памятниках старины. Указанные два фактора во многом обусловили своеобразие социально-экономического и культурного развития различных областей Кавказа и необычайную этническую пестроту его населения.

С точки зрения физико-географического районирования территорию Кавказа делят, как правило, на три части: Предкавказье, Большой Кавказ и Закавказье. Большой Кавказ нередко делят на Западный, Центральный и Восточный, с границами по меридианам Эльбруса и Казбека. Термин «Центральный Кавказ» употребляется для определения горной области Большого Кавказа между Эльбрусом и Казбеком, с примыкающими предгорными наклонными равнинами.

Древнейшие археологические памятники на территории Южной Осетии. На территории Южной Осетии

сосредоточено большое количество палеолитических памятников. Среди них особое место занимают Кударо I, II, III, IV, V, Цонская (Бубская) пещера, содержащие ашельскую индустрию с ручными рубилами, а также памятники открытого типа в Знаурском, Цхинвальском, Дзауском районах,¹ что связано с наиболее благоприятным климатом в период ашеля-мустье, а также с географическим расположением, т.е. вблизи стыка с переднеазиатским миром, где осуществлялись активные и сложные передвижения многочисленных групп людей на заре истории человечества.

Первые находки ашеля (от 400 до 100-80 тыс. лет назад) были сделаны в Знаурском районе у с. Лаше-Балта.² Наиболее хорошо культура ашеля представлена в пещерах около Квайса — это широко известные и ставшие эталонными для археологии пещерные стоянки Кударо I, Кударо II и Буб (Цонская пещера).³ Находки каменных изделий говорят о том, что данные горные районы осваивались человеком одновременно с низменными, а в позднем ашеле люди той эпохи продвинулись далеко на север.

Памятники следующей за ашелем эпохи — мустье (от 100-80 до 35-30 тыс. лет назад) — также были вначале обнаружены в Знаурском районе Южной Осетии. Мустьерские памятники изучены также в Корнисе (Знаурский район), Дзиццойта (Цхинвальский район), Морго (Дзауский район).⁴

Некоторые памятники палеолитического времени содержат до двадцати культурных слоев. Так, в Цонской пещере следы обитания человека прослеживаются на протяжении длительного периода — начиная с нижнего палеолита и кончая эпохой ранней бронзы.⁵ На высокогорной стоянке Кударо были найдены зубы ашельского человека, который был сходен с синантропом (архантропом).⁶ Памятник верхнего палеолита (продолжался до 12-10 тыс. лет назад) был обнаружен на Джермухской горе.⁷

Неолитических памятников в Южной Осетии немного. Материалы, характерные для этого периода, найдены в Лаше-Балта, Пичиджын, Нагутни, Дзагина, Калет, Зар.⁸

Материалы эпохи энеолита из нижнего слоя холма Нацаргора (у г. Цхинвал) — каменные зернотерки, обуглившиеся зерна пшеницы, каменные ступки, кремневые вкладыши составных серпов — свидетельствуют о том, что в V-IV тыс. до н. э. этот район входил в зону складывания ранней оседло-земледельческой культуры. Здесь также были обнаружены лепная керамика, наконечники стрел из камня и обсидиана, каменные молоты и др., а также единичные медные изделия.

Весьма ощутимым представляется влияние энеолитической культуры на формирование куро-араксской культуры эпохи ранней бронзы.⁹ Памятники куро-араксской культуры в Южной Осетии выявлены в окрестностях Цхинвала — Згудрисгверда, Нацаргора, Кулбакеби, Кулыхуым, а также в Дзагина, Нул, Квасатал, Коринта.¹⁰

В IV тыс. до н. э. уже фиксируется по археологическим материалам довольно развитое для своего времени земледельческо-скотоводческое хозяйство. Это схематическое изображение пашни, фигурки быков как тяглого скота, орудия труда. О скотоводстве говорят находки маслостойки и рост поголовья мелкого и крупного рогатого скота.¹¹ В III тыс. до н. э. появляется и отгонная (яйлажная) форма скотоводства — чередование использования летних и зимних пастбищ. Социальный строй раннеземледельческо-скотоводческой культуры — это окончательное утверждение патриархального строя, а редкие находки золотых предметов сигнализируют о появлении родовой аристократии.

В первой половине II тыс. до н. э. население, обитавшее на территории Южной Осетии, продолжило совершенствование обработки металла, керамического производства. Появились и центры металлообработки в Дзауском, Цхинвальском, Знаурском и Ленингорском районах, в которых обнаружены остатки древних металлургических печей, тиглей, слитков, шлаков и др. Продукты этого производства зафиксированы в сс. Нул, Квасатал, у Нацаргора, а также в Цхинвале (территория лесокombината). Курганы эпохи средней бронзы исследованы у сс. Хетагурово и Принеу.¹²

Более десятка погребений Тлийского могильника и ранние материалы стирфазских кромехов также относятся к среднебронзовому периоду. Предметы, характерные для среднебронзовой эпохи, — это бронзовые трубчатообушные топоры, бронзовые кинжалы с составными рукоятями, наконечники копий с листовидными перьями, каменные и бронзовые булавы, бронзовые шилья, различные украшения — в особенности булавки с роговидными и молоточковидными и пятишишечными головками, а также браслеты, диадемы, пронизи и пр.¹³

Древнейшие археологические памятники на территории Северной Осетии. Находки периода ашеля реже отмечаются и на территории Северной Осетии — у хутора Попов, в 4 км к юго-западу от г. Владикавказ. Но следует учитывать, что северный склон Центрального Кавказа исследован намного меньше южного. У хутора Попов найдены различные предметы из местного кремня, андезита и алевролита (нуклеусы, скребла с тщательно подправленными ретушью лезвиями, отщепы и пластины архаичных форм). Особое внимание привлекает находка обломанного в древности крупного удлиненного рубила на массивном алевролитовом отщепе, напоминающего некоторые юго-осетинские копьевидные бифасы.

В среднем палеолите на южном и на северном склоне центральнокавказского участка широко распространяются памятники с леваллуазскими индустриями, базировавшимися преимущественно на местном андезитовом сырье. Они имеют свою специфику, и характер их культурно-генетических связей пока не ясен. Ряд общих черт, отличающих их от прочих закавказских

и северокавказских индустрий, позволил выделить здесь особую транскавказскую группировку среднепалеолитических памятников. В Южной Осетии к ним относятся многочисленные местонахождения цхинвальской культуры в предгорьях (Каркуста-кау, Морго, Кусрети-I-III и др.), в Северной Осетии — Мыштуладжы-лагат и отчасти Лысая гора, Редант I, хут. Попов. Обращается внимание на наличие в Мыштуладжы-лагат удлинённых левалуазских пластин, напоминающих изделия кударско-цонской индустрии. находка в районе Лысой горы наконечника листовидной формы, который и морфологически, и пространственно наиболее приближен к орудию из Цоны, может отражать контакты и передвижения среднепалеолитических индустрий Центрального Кавказа.¹⁴ Местонахождения эпохи мустье в Северной Осетии также отмечены в районе Сунженского хребта (у сс. Карджин, Заманкул, Старый Батакоюрт).

Многочисленные предметы эпохи мезолита (X-V тыс. до н. э.), изготовленные из черного, реже цветного камня, открыты в Северной Осетии в пещерной стоянке Шау-лагат (нуклеусы, пластинки, скребочки, узкие пластинки с ретушью, стамесочки, наконечники стрел и др.). Эпоха неолита (V-первая половина IV тыс. до н. э.) в Северной Осетии представлена «мастерскими» на горе Аtdорта и в местности Уорскена на р. Урух (нуклеусы, отщепы). Возможно, неолитическими являются каменные клиновидные топоры, найденные у сс. Фараскат, Заманкул, Дур-Дур и пр. Энеолит представлен двумя поселениями у сс. Верхний и Средний Кобан, а также отдельными находками (кремневый топор у г. Владикавказ).

У с. Цми в высокогорной зоне Алагирского ущелья, у южного склона крутого утеса обнаружены три культурных слоя (неолит, мезолит 1 и мезолит 2), предварительно датируемые X-VIII и VII-V тыс. до н. э. Здесь зафиксированы следы кострищ, кости животных, деревянные плахи, фрагмент лепного слабопрофилированного, орнаментированного наколами сосуда, нуклеусы, скребки, вкладыши, обсидиановый нож и пр. Единичные находки, возможно, относятся к самому позднему периоду позднего палеолита. Вокруг кострищ были расчищены столбовые ямки, что может указывать на наличие жилищ столбовой конструкции.¹⁵

В горной зоне Северной Осетии наиболее полно изучено два многослойных памятника — пещерные стоянки Мыштуладжы-лагат и Шау-лагат. Материалы из пещерной стоянки Мард Шаджи-лагат не опубликованы.

Пещерная стоянка Мыштуладжы-лагат. Расположена на правом склоне ручья — притока р. Гизельдон, в Гизельдонском ущелье. В пещере прослежено 19 слоев (мощность отложений 11 м). В верхнем горизонте слоя найдено два каменных изделия, относящихся к эпохе мезолита. Здесь же зафиксированы культурные остатки, относящиеся к эпохе поздней бронзы (кобанская керамика — в нижних трех горизонтах) и раннего средневековья (аланская керамика — в верхних трех горизонтах). Для слоя 2 характерно полное от-

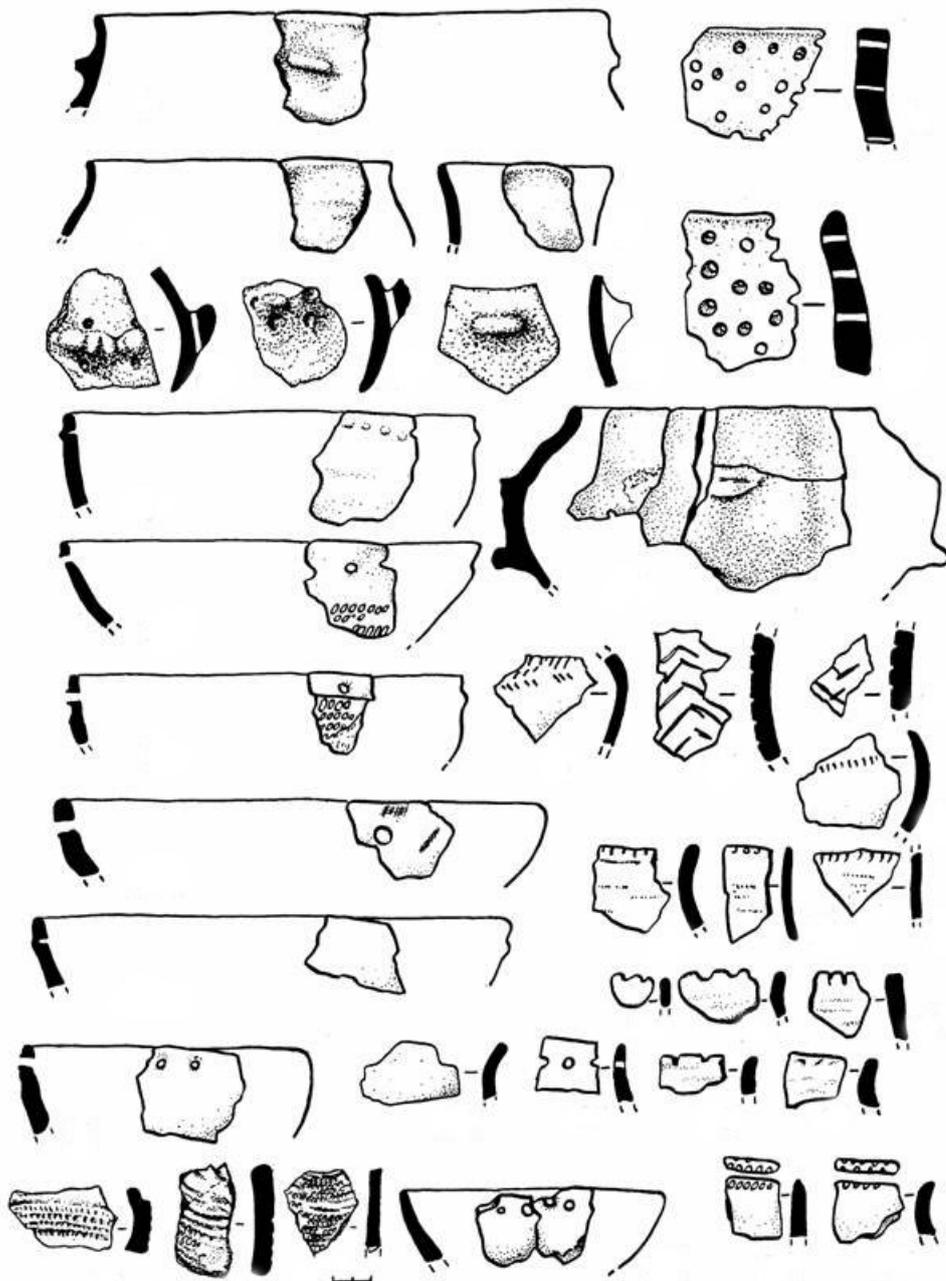
существование материалов эпохи средней бронзы, что позволяет выявить лакуну в функционировании памятника в среднебронзовый период.

В слое 3, мощностью 20–23 см, зафиксированы следы культурной деятельности человека: уголь, зольные вкрапления, керамика позднего энеолита и ранней бронзы. К эпохе энеолита относятся фрагменты керамики, обладающие комплексом специфических особенностей группы памятников типа Гинчи, Чинна, Абаносхеви, Чинти и др. Материалы периода ранней бронзы представлены фрагментами керамических изделий майкопской и куро-араксской культур. Керамика эпохи энеолита составляет основной, наиболее массовый комплекс находок из слоя 3 (76% общего количества керамики). К ее наиболее характерным типам относятся мискообразные сосуды-жаровни, со сквозными отверстиями у края бортика; в ряде случаев отверстия, выдавленные изнутри, не сквозные, а образуют на внешней поверхности шишечки — «внутренний накол». Характерны также сосуды с широкой, слабо выраженной горловиной и раздутым туловом, а также дымокуры-«цедилки» баночной формы, с большим количеством сквозных отверстий на корпусе.

Часто в качестве формы для изготовления посуды использовались корзины, сделанные из рогожи и тонких прутьев, вследствие чего на донцах и стенках сосудов оставались отпечатки различных типов плетения. Наиболее характерные типы ручек — наклепные прихваты, иногда с отверстием для подвешивания, ручки петлевидной формы; типы некоторых ручек близки к полусферическим ручкам куро-араксской культуры. Своеобразен декор: пальцевые защипы или насечки по краю венчика, венчики в виде «петушиного гребня», ряд косых насечек на тулове и елочный орнамент.

Исходным сырьем для формовочной массы сосудов служила влажная ожелезненная глина; в формовочной массе отмечены значительные примеси песка и дресвы. Нередко внешняя поверхность сосудов ангобировалась с последующим заглаживанием или лощением. Редко встречается «текстильная» керамика с тканевой прокладкой, оставляющей отпечатки при обжиге. Этот технологический признак сближается с технологическими особенностями куро-араксской керамики, особенно на раннем этапе куро-араксской культуры. Из некерамического инвентаря следует отметить орудия из кости и рога, а также многочисленные галечные орудия. Наиболее выразительны лощило по коже в форме мотыжки, изготовленное из рога, каменное тесло, топор с желобчатым перехватом.

Материалы энеолитического периода стоянки Мыштуладжы-лагат отличаются от материалов шулаверо-шомутепинской культуры прежде всего своеобразием керамики (за исключением елочного орнамента на посуде, который прослежен и на шулаверо-шомутепинской керамике). Широкие и детальное аналогии керамика Мыштуладжы-лагат обнаруживает с материалами поселений Арагвского ущелья — Жинвали, Ахали Жинвали, Хертвиси,

Пещера Мыштуладжы-лагат. Керамика эпохи
энеолита (цопи-гинчинская группа)

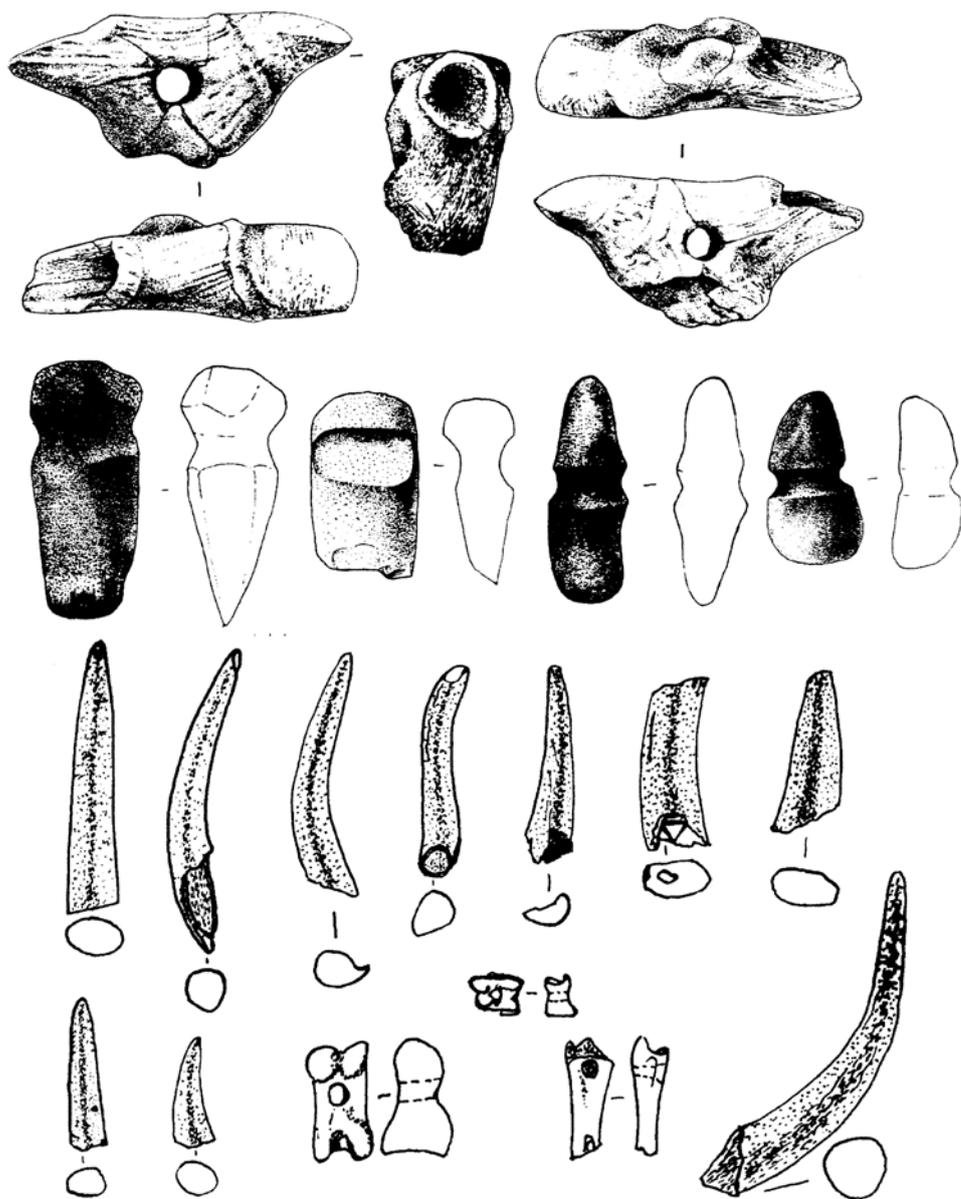
Бодорна, Чинти — по особенностям цветовой палитры, примесей и декора сосудов, по ряду форм керамических изделий. В качестве более широких аналогий следует назвать поселение Цопи в Квемо Картли; Сиони — в Кахети, в Армении — поселение Техута; в Дагестане — Гинчи, Чинна и др.

Материалы куро-араксской культуры представлены фрагментами сосудов, керамических крышек, литейных форм, костяной булавкой и костяным наконечником стрелы. Типологический анализ керамики позволяет выделить несколько групп, находящих аналогии в разновременных куро-араксских памятниках Северной Грузии.

К наиболее ранним образцам относится одноручный горшок двучастной формы, с яйцевидным туловом; цвет сосуда соломенно-желтый. По форме, цвету и технологическим особенностям сосуд соответствует керамике кикетского типа, который исследователи относят к раннему этапу куро-араксской культуры. Еще несколько фрагментов сосудов красного и светлосерого цвета, с петлевидными ручками, двучастной формы, с ангобом коричневого цвета, соответствуют керамике из слоев E-D Хизанаант-гора, поселения Самшвилде, Абаносхеви и других ранних памятников Грузии.

Для куро-араксской керамики из Мыштуладжы-лагат, соответствующей периоду развитого куро-аракса и слоям C-B поселений Хизанаант-гора и Квацхелеби (Северная Грузия), характерен ряд специфических особенностей, таких как резной орнамент в виде расходящихся углов и резная линия, опоясывающая место перехода тулова в горло, резные косые линии; «текстильная» керамика; полушарные и ленточные ручки; коричневый ангоб; серо-черный и черный цвет сосудов, при наличии красной и розовой «подкладки», и др. Также характерны обжиг в восстановительной среде, высушенная и измельченная глина, смачиваемая перед употреблением, устойчивая традиция примесей шамота в формовочной массе.

В слое 3 Мыштуладжы-лагат материалы протомайкопской культуры представлены исключительно керамикой. Здесь найдены фрагменты сосудов желтого и красно-желтого цвета; сосуды сформованы на гончарном круге из легкоплавкой ожелезненной глины. Их специфической особенностью является отсутствие минеральных примесей в формовочной массе, с органическими примесями навоза. В качестве исходного сырья использовалась предварительно высушенная и измельченная глина. Другая группа керамики представлена лепными сосудами желтого и желто-коричневого цвета с неровным обжигом. Отличие от сходных по форме и цвету энеолитических сосудов состоит в том, что эта керамика сформована из предварительно высушенной и измельченной глины, а также в наличии в формовочной массе, помимо навоза, песка или дресвы, примесей шамота, не характерных для энеолитической посуды Мыштуладжы-лагат. Последняя группа представлена 8 фрагментами тулова от четырех сосудов, серо-черного и серого цвета,

Пещера Мыштуладжы-лагат. Некерамический инвентарь эпохи позднего энеолита (цопи-гинчинская группа)

в двух случаях с «зольной» подкладкой. Сосуды сформованы из легкоплавкой ожелезненной глины на гончарном круге. В качестве исходного сырья использовалась предварительно высушенная и измельченная глина. В формовочной массе выявлены примеси навоза и шамота (в двух случаях), а также песка, навоза и шамота. Вся найденная керамика майкопской культуры соответствует посуде ее раннего, галюгаевского варианта.

Пещерная стоянка Шау-лагат. Расположена в Куртатинском ущелье, в 1,5 км к северо-западу от с. Дзивгис, на левобережье р. Фиагдон. Нижние горизонты пещеры представлены материалами конца верхнего палеолита-мезолита. Средний горизонт содержит культурные остатки эпохи позднего энеолита, а также раннего этапа куро-араксской культуры. В верхней части горизонта выявлена керамика финальной стадии развития куро-араксской культуры. В верхнем горизонте найдена керамика кобанской культуры, аланского времени и изделия позднего средневековья. Горизонты 1-4 Шау-лагат содержали материал куро-араксской культуры.

Керамика куро-араксской культуры из нижнего слоя Шау-лагат представлена фрагментами сосудов оранжевого, коричневого и серо-коричневого цвета с примесями в формовочной массе песка и шамота; в одном случае в формовочной массе примеси дресвы и шамота. По формам и технологическим особенностям керамика имеет параллели в посуде ранних куро-араксских памятников Грузии.

Керамика энеолитического типа из нижнего слоя Шау-лагат имеет ряд характерных особенностей, позволяющих отнести ее к посуде цопи-гинчинской группы. Совстречаемость раннекуро-араксской керамики с цопи-гинчинской позднеэнеолитической посудой в нижнем слое Шау-лагат, который перекрыт стерильной прослойкой, подтверждает данные из слоя 3 Мыштуладжы-лагат и свидетельствует об участии двух компонентов в формировании культурного слоя памятника: пережитков позднеэнеолитического и нового, куро-араксского. Наличие тонкой прослойки, содержащей указанные материалы, фиксирует, вероятно, сезонный характер стоянки, связываемый, возможно, с отгонным скотоводством.

Находки в горах Северной Осетии позднеэнеолитических памятников цопи-гинчинской группы позволяют включить восточную часть Центрального Кавказа в ареал распространения раннеземледельческих племен, фиксируемых ранее только в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан). Наличие в культурных отложениях стоянок Мыштуладжы-лагат и Шау-лагат материалов раннего этапа куро-араксской культуры позволяет расширить ареал этой культуры и констатировать факт пребывания в горах Северной Осетии куро-араксских племен еще на самой ранней стадии их функционирования. Материалы стоянок свидетельствуют о продолжении проживания позднеэнеолитического компонента в конце IV-начале III тыс. до н. э. и о

сложных процессах взаимодействия здесь трех этнокультурных типов населения — цопи-гинчинского, куро-араксского и майкопского.

Весьма вероятно, что в целом образование слоя 4 Мыштуладжы-лагат и нижних горизонтов Шау-лагат совпадают с концом ледникового — началом постледникового периодов. Потепление предбореального периода, ко времени которого можно предварительно отнести слой 4а Мыштуладжы-лагат и слой 3 Шау-лагат, привело к появлению мезолитического населения в среднегорной зоне Северной Осетии (до середины VIII тыс. до н. э.). Похолодания бореального периода (середина VIII-начало VI тыс. до н. э.) привели к образованию стерильной прослойки между слоями 4а и 3 Мыштуладжы-лагат. На этом этапе, соответствующем по времени эпохе неолита в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан), зафиксирован hiatus в культурных отложениях пещерных стоянок. Возможно, общее похолодание привело к оставлению населением районов среднегорья. Наиболее теплый, атлантический период голоцена (VI-середина III тыс. до н. э.) совпадает с временем образования слоя 3 Мыштуладжы-лагат и слоя 2 Шау-лагат. На этом этапе отмечено наличие почвенного слоя и культурных остатков деятельности человека.

Памятники эпохи ранней и средней бронзы в горах Северной Осетии. К финальным памятникам эпохи ранней и средней бронзы в горах Северной Осетии относятся одиночное погребение у с. Галиат, могильник Фаскау, а также могильники и поселение из *Кобанского ущелья*.

Поселение и могильники в местности Загли Барзонд расположены на вершине отрога между Скалистым и Пастбищным хребтами. Площадь могильника Загли I около 4 га. На могильнике исследовано 48 погребений. На могильнике Загли II исследовано 2 погребения. Найденные на поселении материалы позволили установить идентичность поселения и могильников. Нижнекобанский могильник расположен неподалеку от выхода из Кобанского ущелья, на пологой террасе, спускающейся к левому берегу р. Гизельдон. Всего на могильнике изучено 8 погребений. Поселение и могильники относятся к финальному этапу куро-араксской культуры.

Подавляющее большинство захоронений в могильниках совершено в каменных ящиках, состоящих из 4 плит, поставленных на ребро, а также в гробницах, боковые стенки которых сооружены из нескольких ярусов отесанных каменных блоков, а торцевые стенки — из плит, поставленных на ребро. В куро-араксский период погребения в склепах, каменных ящиках и гробницах известны в Южной Грузии и в Армении (Элар). В Северной Грузии погребения совершались в грунтовых ямах.

Выявленные в горах Северной Осетии каменные ящики и гробницы по всем деталям конструкции — по ориентировке (меридиональная, с сезонными отклонениями), позе и ориентации погребенных (на боку, скорченно,

головой на С и на Ю), а также по микродеталям обряда (мощение дна галькой и каменными плитами; крепление кладки глинистым раствором; наличие камня-подушки под головой погребенного; кости жертвенных животных) — соответствуют только погребальным комплексам родового могильника I горизонта Амиранис-гора (Месхети, Юго-Западная Грузия). На финальном этапе функционирования могильников, наряду с традиционными типами погребальных сооружений, появляются гробницы с тремя стенками из вертикальных плит и одной стенкой из нескольких ярусов каменных блоков, а также гробницы, все четыре стенки которых сооружены из кладки каменными отесанными блоками. Последние характерны для раннего (беденского) этапа среднебронзового Гинчинского могильника в горном Дагестане. На позднем этапе на могильниках появляются также захоронения «чужаков», совершенные в грунтовых ямах.

Найденные в погребениях украшения представлены бронзовыми браслетами в 1,5-3 оборота; бронзовыми двуволютными булавками квацхельского типа, булавками с двумя разделенными волютами, Т-образными булавками с гладким стержнем, булавками кипрского типа — с петлевидной головкой и проволочной обмоткой, булавкой с месяцевидным навершием, сближающейся по типу с беденскими образцами. Из мелких украшений встречаются бронзовые и серебряные височные подвески в 1,5-3 оборота, бронзовые спиральные и трубчатые пронизи, разнообразные типы бус: пастовые цилиндрические, плоские круглые и чечевицеобразные сердоликовые, бронзовые цилиндрические, овальные и биконические из горного хрусталя. Из культовых предметов найдены обереги-амулеты из собачьих зубов и медвежьего клыка, каменная моделька фаллоса. Оружие и бытовой инвентарь представлены кремневыми наконечниками стрел и наконечником копья с выемчатыми основаниями, бронзовыми черенковыми ножами с вытянутым подтреугольным клинком, бронзовым втульчатым топором новосвободненского типа, вислообушными топорами и теслом типа «Начеркереви».

В керамической коллекции куро-араксских могильников Кобанского ущелья выделяются 17 типов посуды: 14 основных и 2 редких, дополнительных типа. Из них 12 типов находят прямые аналогии в куро-араксских памятниках Закавказья. 5 типов посуды относятся к посткуро-араксскому периоду. Типы посткуро-араксской посуды происходят от куро-араксских прототипов, либо находят прямые аналогии в закавказских памятниках марткопско-беденского периода. Сосуды коричневого, серо-черного и черного цвета, в ряде случаев двучастной формы (с уступом на месте перехода тулова в горло). Около 30% посуды имеет красную подкладку на внутренней поверхности. Посуда изготовлена из легкоплавкой ожелезненной глины, предварительно высушенной и измельченной, смачиваемой перед употреблением; в формовочной массе — примеси песка и шамота.

Изучение материалов куро-араксских памятников Кобанского ущелья позволяет выделить два этапа развития куро-араксского населения в горах Северной Осетии во второй половине III тыс. до н. э. На первом этапе зафиксировано появление в горных районах куро-араксского населения, несущего в погребальном обряде и материальной культуре признаки месхетского и шидакартлийского локальных куро-араксских вариантов. Очевидно, приход этого населения свидетельствует о том факте, что горные районы Северной Осетии были издавна освоены куро-араксскими племенами. Данное положение подтверждается материалами Шау-лагат и Мыштуладжы-лагат. Начальная дата этапа документируется материалами погребения № 3 могильника Загли I, погребения № 2 могильника Загли II, а также погребения № 7 Нижнекобанского могильника. В этот период прослеживаются определенные контакты горного куро-араксского населения с майкопскими племенами предгорий (топор новосвободненского типа из погребения № 2 могильника Загли II), которые носили, возможно, характер обмена.

На первом этапе археологически фиксируется также установление взаимосвязей горного населения Северной Осетии с племенами периода «В» Северной Грузии, имевшими, по-видимому, торгово-обменный характер (сосуд из погребения № 6 могильника Загли I, булавка кипрского типа из погребения № 18 могильника Загли I). Конец этапа знаменуется установлением связей горного куро-араксского населения Северной Осетии с раннесачхерским населением Имеретии. Первоначально эти связи носили, возможно, характер межплеменных браков, что находит археологическое отражение в материалах погребений №№ 7, 9 могильника Загли I. В этот период фиксируется знакомство местных мастеров с сачхерскими бронзовыми украшениями (погребения №№ 9 и 18 могильника Загли I). Конечная дата этапа определяется временем около середины-второй половины XX в. до н. э.

На втором этапе развития куро-араксских племен в горах Северной Осетии наблюдается усиление связей куро-араксских и сачхерских племен. Археологически фиксируется появление в горах Северной Осетии мужского сачхерского населения, хоронящего своих умерших сородичей на местных куро-араксских могильниках, по собственным традициям (погребение № 24 могильника Загли I и погребение № 6 Нижнекобанского могильника). Весьма вероятно, что сачхерское население Имеретии приносит с собой собственные традиции изготовления керамики, нашедшие отражение в появлении сачхерских типов посуды среди керамического инвентаря погребений Нижнекобанского могильника (погребения №№ 4 и 8). О связях с закавказским населением может свидетельствовать находка в погребении № 4 Нижнекобанского могильника импортного сосуда майкопского типа с трехчастной моделировкой формы.

Конец второго этапа знаменуется, вероятно, началом контактов куро-араксского населения горной зоны Северной Осетии с населением Севе-

ро-Восточного Кавказа. Наличие таких связей демонстрируется находкой в финальных погребениях №№ 12, 15, 23 могильника Загли I высококачественных сосудов красного цвета, изготовленных на гончарном круге, с шаровидным туловом и плоским дном, с насечками и гребенчато-елочным орнаментом на тулове. В этот же период устанавливаются контакты с племенами беденской культуры южных склонов Центрального Кавказа, о чем свидетельствуют находки беденского сосуда в погребении № 4 Нижнекобанского могильника и бронзовой булавки, сходной с беденскими экземплярами, из погребения № 30 могильника Загли I. Дата второго этапа — конец XXII-начало XX вв. до н. э.

Одинокое захоронение у с. Галиат (Дигория) найдено в высокогорье. Погребение совершено по древнейшему обряду. Погребенный лежал на спине, с подогнутыми коленями вверх ногами, головой на ЮЗ. В конце III тыс. до н. э. наблюдается активизация древнейшего населения степной зоны Центрального Предкавказья. Часть древнейшего населения перемещается в предгорную зону. В древнейших погребениях степной зоны зафиксированы изделия закавказского происхождения. Находка захоронения древнейшей культуры у с. Галиат выявляет один из путей продвижения древнейших племен через перевальные пути Северной Осетии. Время миграции устанавливается в рамках XXI в. до н. э., что соответствует позднему этапу развития куро-аракских племен в горах Северной Осетии. В это время древнейшие захоронения появляются на южных склонах Центрального Кавказа, в предгорьях. Особенности, например, погребения в с. Коринта в Ксанском ущелье Южной Осетии является наличие смешанной атрибуции парного захоронения, совершенного по куро-аракскому и древнейшему обряду, с куро-аракским и древнейшим погребальным инвентарем.

Одинокое захоронение в местности Суардон (Кобанское ущелье) в каменном ящике, установленном в глубокой яме, и содержащее вытянутое на спине труположение, по особенностям керамического инвентаря и обряда захоронения не имеет ничего общего с памятниками куро-аракского и посткуро-аракского периодов. Погребение предложено датировать в рамках XVI-XIV вв. до н. э. *Могильник Фаскау* в Стырдигорском ущелье выделен в своеобразную «дигорскую культуру»,¹⁶ непосредственно предшествующую кобанской, и датирован первой половиной-серединой II тыс. до н. э. «Дигорская культура», которую исследователи рассматривают и как локальный вариант «северокавказской культурно-исторической общности», складывается в горной Дигории и в прилегающих к ней с запада горных районах. Именно здесь вызревает ряд черт, ставших характерными для последующей кобанской культуры. Генетически близкой ей, но имевшей собственный путь развития, считают Беахни-Купскую культуру. Их образование связывается с отходом в горы степного населения, вероятно, близкого по культурному и, возможно, этническому характеру.

Таким образом, в горной зоне Северной Осетии хронологически вычлняется две группы памятников. Первая относится к концу ранней-началу средней бронзы и датируется концом III-рубежом III-II тыс. до н. э. (могильники Загли Барзонд I, II, Нижнекобанский, погребение у с. Галиат). Вторая относится к среднебронзовому периоду и датируется первой половиной-началом второй половины II тыс. до н. э. (могильник Фаскау, захоронение в местности Суардон).

Памятники эпохи энеолита, ранней и средней бронзы в предгорной зоне Северной Осетии. В предгорной зоне Северной Осетии также выявлены памятники эпохи энеолита, ранней и средней бронзы. Существуют сообщения о наличии памятников эпохи неолита (Чикола 1-2, Хусхомайхуа 1-4, Хусфарак и др.), представленных значительными, до тысячи единиц, коллекциями. В верхней части предгорной зоны расположены поселения Редант I и II, на шлейфе южной экспозиции г. Лысая, в 2 км к северу от выхода из Дарьяльского ущелья. Мощность культурного слоя на поселениях — 10-15 см. На поселении Редант I культурный слой делится на два горизонта. На поселении Редант II культурный слой однороден. Удалось выявить характер жилищ: строения наземные, прямоугольной формы, размерами 3×4-3,5×4,5 м, имели столбовую и жердевую конструкцию. Жерди вкапывались в землю, образуя каркас строений, и крепились в основании мелкими камнями и фрагментами сосудов. Внутри жилых строений прослежены следы кострищ. В южной части одного из строений зафиксированы остатки очага из обожженной глины: очаг овальной формы, с выделенным бортиком. Вне жилищ выявлены хозяйственные ямы круглой в плане формы, диаметром 1-1,3 м и глубиной до 1,5 м. Культурный слой содержит фрагменты керамики и кремневые отщепы.

Посуда из поселения своеобразна: сосуды лепные, плоскодонные, с вертикальным либо отогнутым наружу четко профилированным венчиком. Некоторые сосуды — двучастной формы — имеют уступ, отделяющий тулово от горла. Цвет сосудов варьирует от черного до оранжевого; преобладают светлые тона. В формовочной массе обильные примеси песка или крупной дресвы. В качестве формы для изготовления посуды иногда использовались корзины из рогожи, оставившие на днищах и стенках сосудов отпечатки. Найдена только одна ручка ленточной формы.

Характерная особенность посуды — наличие на тулове выступов-прихватов, что сближает ее с энеолитической керамикой с территории Грузии. Декор посуды состоит из сосцевидных налепов, одиночных и парных; вертикальных налепов-«долек», одиночных и групповых; полусферических налепов; косых насечек, штампованного треугольного орнамента у края венчика. На Северном Кавказе аналогов такой керамике нет. Близкие аналогии прослеживаются в посуде из поселений Арагвского ущелья. Но наибольшее сходство керамика обнаруживает в памятниках эпохи ранней бронзы Рион-Квирильского бассейна.

Поскольку культурные компоненты поселений Редант I и II (конструкция жилищ и очагов, керамика) сильно отличаются от энеолитических и ранне-бронзовых памятников на Северном Кавказе, правомерно их объединение в автономную культурную группу памятников населения, проживавшего на северных склонах восточной части Центрального Кавказа. Время функционирования поселений — середина-начало второй половины IV тыс. до н. э.

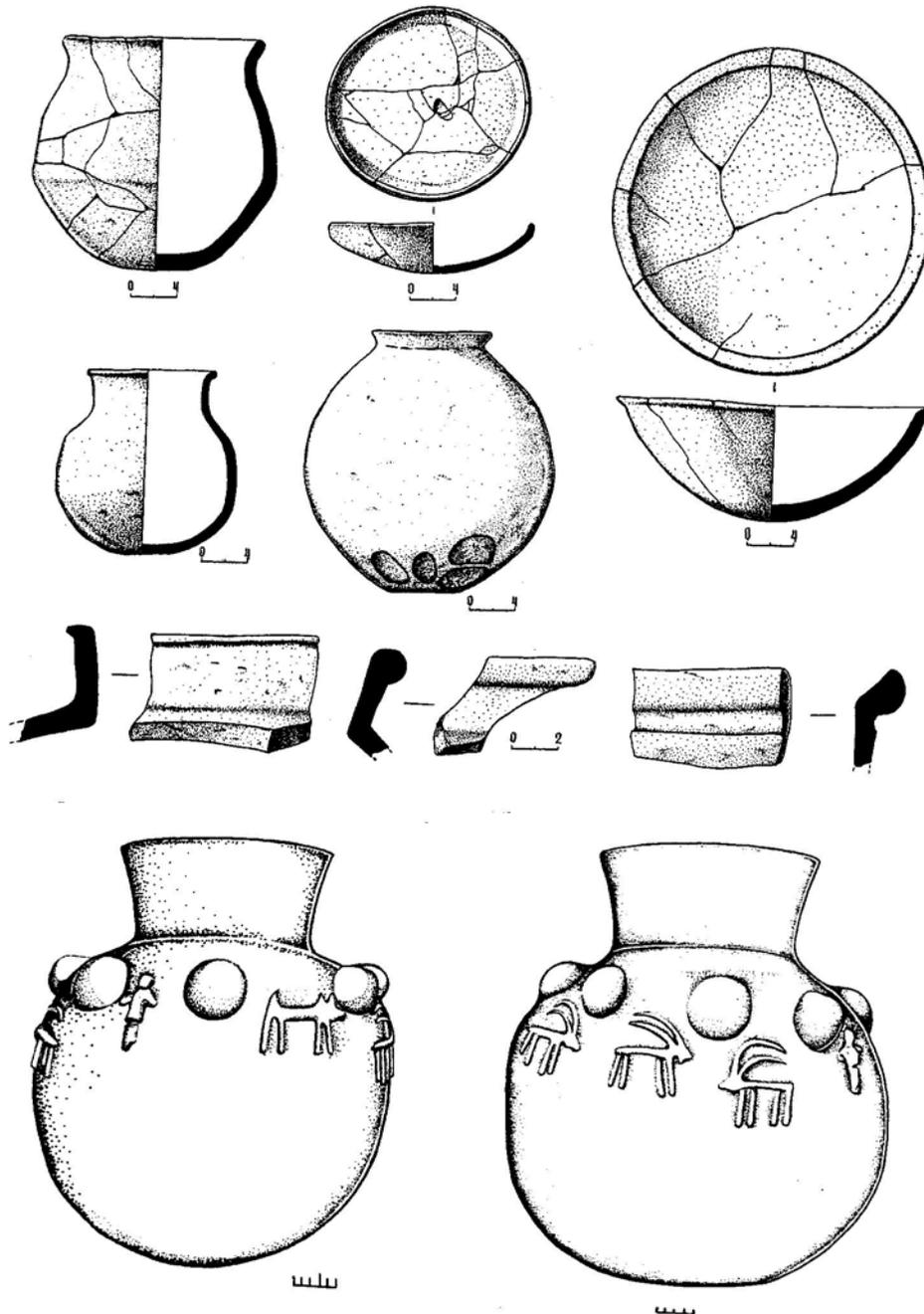
Памятники майкопской культуры в предгорной зоне Северной Осетии представлены курганными захоронениями Сунженского и Дзуарикауского могильников.

Курганы **Сунженского могильника** расположены на шлейфе западной экспозиции отрога Лесистого хребта, в 2 км к северо-востоку от с. Сунжа. Курганы имели одну земляную насыпь. Диаметр курганов — 20-30 м. Полы насыпи окаймлялись каменным кромлехом-крепидой для предотвращения оплывания. В одном из курганов зафиксирована каменная конструкция полумесячной формы. В полах курганов отмечены тризны с использованием гончарных и лепных сосудов, больших чанов. Встречаются кости жертвенных животных. Во всех курганах зафиксированы одиночные могилы с одиночными и коллективными захоронениями.

Могильные ямы впущены в материк с древней дневной поверхности, имеют вытянутую прямоугольную форму. Длина могильных ям, как правило, в 2 раза превышает их ширину. Большинство могил ориентировано по длинной оси СЗ-ЮВ, в отдельных случаях — по оси В-З. На дне могил сооружалась галечная вымостка. Стенки погребений крепились камнем. Позиция погребенных и их ориентация не установлены, т. к. практически все погребения были разграблены в древности.

Локальными отличиями майкопских погребений Сунженского некрополя от аналогичных захоронений Центрального Предкавказья являются вытянутая форма погребальных сооружений, отсутствие «эталонной» ориентировки по оси СВ-ЮЗ, отсутствие деревянного перекрытия и наличие галечной вымостки на дне погребения. Особая сакральная роль захоронений могильника подчеркивается скоплением тризн по гипотетическим направляющим длинной оси захоронения — СЗ-ЮВ, с наибольшей их концентрацией в юго-восточном секторе.¹⁷

Керамическая посуда некрополя находит точные аналогии в материалах базового, Галюгаевского поселения. Замечательной находкой является лепной сосуд из кургана № 2 с раструбным горлом, круглым туловом и слегка уплощенным дном. Верхняя часть тулова у места перехода в горло украшена композицией из полусферических выпуклостей, выдавленных изнутри, а также рельефными изображениями фигурок человека, собаки, безоаровых козлов и кошачьего хищника. Данный сосуд, наряду с серебряными и золотыми сосудами из Большого Майкопского Кургана «Ошад» и Старомышастовского

Керамика майкопской культуры из Сунженского могильника

клада, является экстраординарной находкой периода ранней бронзы Кавказа. Стиль и техника изображений на сосуде указывают на ранние, энеолитические традиции декора посуды.

Остальная керамика, как правило, лишена орнаментации. Лишь на горле одного из сосудов из кургана № 6 прослежены две прочерченные горизонтальные полоски. Особо следует отметить наличие на сосуде из кургана № 4 трех знаковых вдавлений сегментовидной формы. Такие знаки, являющиеся, возможно, клеймами мастеров, зафиксированы на керамике из Галюгаевского поселения и посуде заманкульских «царских» курганов майкопской культуры. Гончарные знаки на сосудах имеют несомненное ближневосточное происхождение. Параллели им прослеживаются на посуде из Арслантепе VIa в Восточной Анатолии, на керамике из энеолитического некрополя Библа и других ближневосточных позднеэнеолитических памятников.

Дата курганов определяется в рамках конца IV-начала III тыс. до н. э. Подавляющее большинство лепных сосудов из погребений могильника имеет архаичные черты, присущие позднеэнеолитической керамике ближневосточных, в особенности восточноанатолийских, памятников. Присутствие гончарной керамики, восходящей по формам к позднему энеолиту южных склонов Центрального Кавказа, позволяет думать, что сунженские захоронения отражают начальную стадию появления на северных склонах Центрального Кавказа носителей раннего, или «галюгаевского Майкопа», связанного частично с предшествующей эпохой Южного Кавказа.

Курганы **Дзуарикауского могильника** расположены цепочкой на второй террасе левобережья р. Фиагдон, в 2 км к северу от выхода из Куртатинского ущелья. Всего раскопано 12 курганов могильника. 5 майкопских захоронений обнаружены в двух курганах: три погребения — в кургане № 1 (погребения №№ 7, 8, 20) и два погребения — в кургане № 2 (№ 5, 8).

Курган № 1 состоял из двух земляных насыпей. Диаметр кургана — 24×30 м, высота — около 3 м. Древнейшим в кургане было майкопское захоронение № 20, которое перекрывалось майкопскими погребениями № 7 (основное для II курганной насыпи) и № 8 (впускное во II насыпь). Курган № 2, высотой около 1 м и диаметром 20 м, также состоял из двух насыпей, возведенных над майкопскими захоронениями № 5 (основное для I насыпи) и № 8 (основное для II насыпи). С майкопскими погребениями связано сооружение каменного кромлеха. Майкопские погребения сооружены в ямах прямоугольной формы, с меридиональной ориентировкой (С-Ю; ССВ-ЮЮЗ; СВ-ЮЗ). Дно погребений имеет галечную вымостку. В одном случае (погребение № 20 кургана № 1) дно земляное. Погребенные лежали скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ и ЮЮЗ. Все погребения носят следы древнего ограбления.

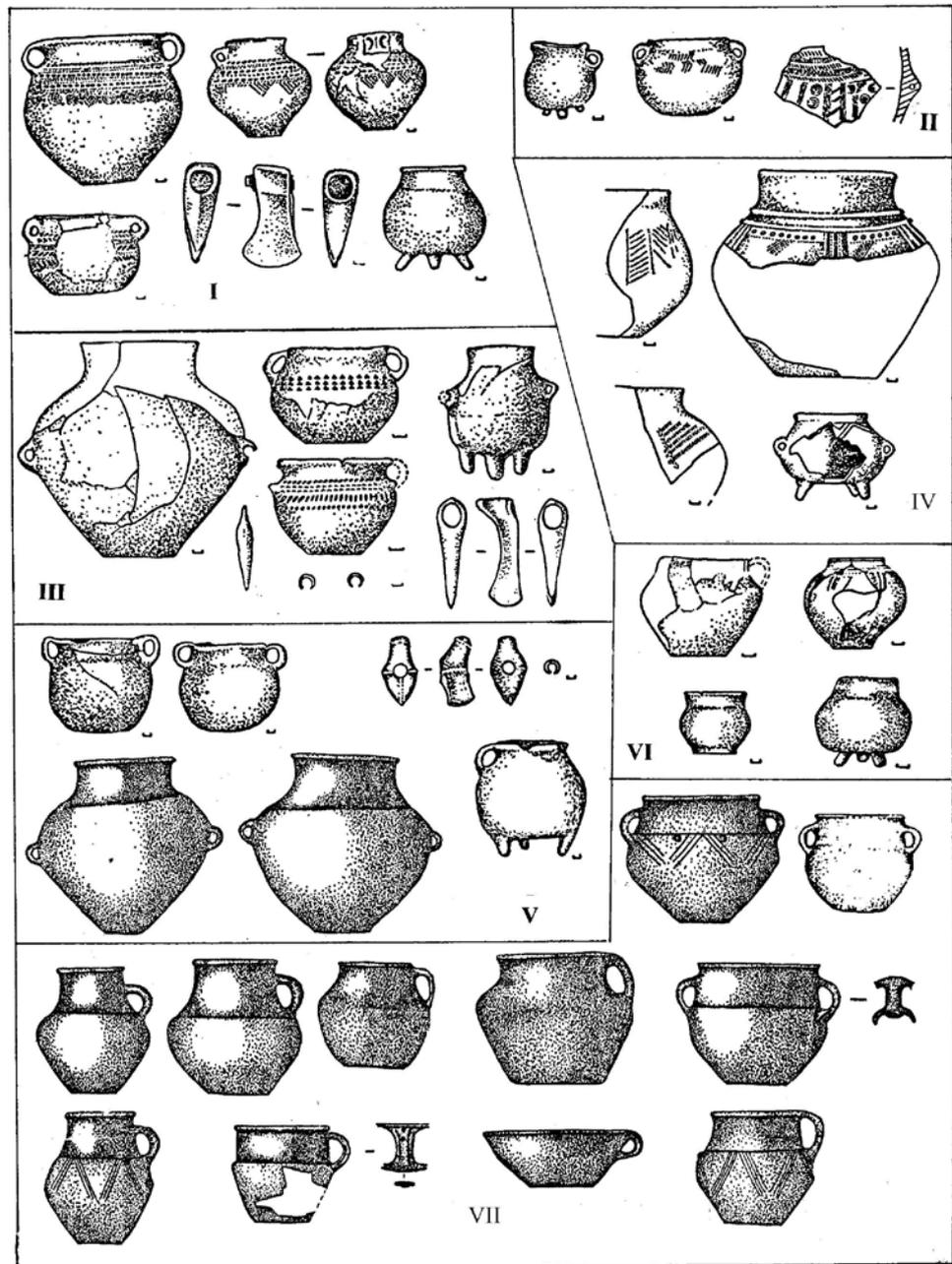
Керамическая коллекция могильника небогата. Керамика представлена двумя гончарными сосудами с уплощенно-шаровидным туловом и

S-образным венчиком, одним сосудом с уплощенно-шаровидным туловом и низким вертикальным горлом, одним сосудом с туловом грушевидной формы и сужающимся горлом, а также четырьмя мисками с прямым и загнутым внутрь венчиком. Все сосуды плоскодонные. Еще один плоскодонный орнаментированный сосуд, подобный дзуарикауским, найден в разрушенном кургане под г. Алагир.

Майкопские (новосвободненские) захоронения Дзуарикауского могильника существенно отличаются от майкопских захоронений Сунженских курганов. В обряде захоронения дзуарикауских комплексов прослеживается традиция курганного кладбища (по 2 и 3 захоронения в кургане), тогда как Сунженские курганы представлены исключительно одиночными захоронениями. Форма дзуарикауских погребений приближается к квадрату, в отличие от удлиненно-прямоугольных сунженских погребальных ям. Иная и ориентация погребений — С-Ю и ССВ-ЮЮЗ. Сильно отличаются формы дзуарикауской керамики — плоскодонные сосуды с грушевидным и уплощенно-шаровидным туловом. В формовочной массе сосудов отсутствуют примеси соломы. Декор сосудов более разнообразен. Погребальные комплексы из Дзуарикауского могильника относятся к долинскому варианту Майкопа, либо к новосвободненской группе.

Исходя из анализа материалов бытовых памятников, расположенных на южных и северных склонах Центрального Кавказа,¹⁸ представляется возможным определить в общих чертах характер этнокультурных процессов, происходивших здесь в эпоху энеолита и ранней бронзы. В конце V-первой половине IV тыс. до н. э. в южных районах Центрального Кавказа появляется и развивается раннеземледельческое население, материальная культура которого отличается от культуры населения раннего энеолита. Это население названо условно племенами цопи-гинчинской группы. Во второй половине IV тыс. до н. э. цопи-гинчинское население появляется в горных районах Центрального (Мыштуладжы-лагат, Шау-лагат) и Северо-Восточного Кавказа (Гинчи, Чинна).

В середине-начале второй половины IV тыс. до н. э. в южных районах Центрального Кавказа зафиксировано появление населения, керамика которого обладает комплексом признаков, характерных для посуды Восточной Анатолии периодов Убейда-Урука. Прослеживается сосуществование местного цопи-гинчинского и пришлого восточноанатолийского населения (поселение Бериклдееби в Северной Грузии — период Урук IV, по месопотамской хронологии). Оформление восточноанатолийского «протомайкопского» компонента в южных районах Центрального Кавказа продолжается вплоть до начала раннекуро-араксского периода, представленного материалами I (нижнего) слоя поселения Самшвилде и Гомарети, конец этапа — комплексами поселения Грмахевистави.

II и III горизонты Дзуарикауского могильника

В этот период прослеживается сосуществование трех культурных компонентов: цопи-гинчинского (сионского), «протомайкопского» и раннекуро-араксского (в рамках блока Дидубе-Кикети). Подобный процесс зафиксирован и по данным пещерных стоянок Западной Грузии. Указанный этап соответствует по месопотамской хронологии периоду Урук III (фаза Джемдет-Наср). Очевидно, в конце указанного периода происходит миграция «протомайкопского» населения на северные склоны Центрального Кавказа, что отражено в резком уменьшении «протомайкопского» компонента в памятниках Грузии, представленных средним слоем Самшвилде и рядом комплексов Грмахевистави, а также в появлении майкопской керамики, наряду с раннекуро-араксской (дидубе-кикетской), в материалах Мыштуладжы-лагат. Мыштуладжы-лагат рассматривается в этой связи как один из промежуточных пунктов миграции протомайкопских племен в Центральное Предкавказье, указывая направление миграции.

Отсутствие всяких следов майкопского (или протомайкопского) компонента на куро-араксских поселениях конца раннего этапа функционирования культуры может служить дополнительным хронологическим репером для определения времени появления собственно майкопской культуры на северных склонах Центрального Кавказа. Между тем, на северных склонах, в предгорьях Северной Осетии и в степной зоне, появляются погребальные и бытовые памятники майкопской культуры, керамика которых отмечена следами цопи-гинчинского и восточноанатолийского культурного воздействия (Сунжа, Заманкул, Брут, Галюгай), а также раннекуро-араксского культурного влияния (Долинское и Луговое поселения). Весьма характерно, что Сунженский могильник является единственным памятником галюгаевского Майкопа, расположенным в предгорной зоне, на отрогах Лесистого хребта. Остальные известные памятники данного типа расположены в степной зоне.

Отсутствие в куро-араксских памятниках Грузии периода E всяких следов протомайкопских и цопи-гинчинских позднеэнеолитических традиций позволяет полагать появление в горах Северной Осетии волны раннекуро-араксского населения в период, соответствующий этапу E Северной Грузии. В горных районах пришлое куро-араксское население вступает в контакты с населением цопи-гинчинской группы, а в предгорьях — с носителями майкопской культуры. Этот период следует за фазой Джемдет-Наср и относится к первой четверти III тыс. до н. э., что по месопотамской хронологии соответствует Раннединастическому I периоду. К указанному периоду следует, видимо, отнести формирование памятников долинского варианта майкопской культуры, расположенных только в предгорной зоне Центрального Кавказа и имеющих следы раннекуро-араксского влияния.

Особенности четкого регионального разделения памятников различных вариантов майкопской общности могут объясняться особенностями хозяй-

ственного уклада населения в различных природно-климатических зонах. Так, у населения галюгаевского варианта зафиксирована специфическая особенность хозяйственного уклада — подвижно-земледельческое хозяйство с медленным планомерным передвижением вдоль речных долин. Зарождение такой экономики относится, видимо, еще к эпохе энеолита. Не исключено, что в хозяйстве населения долинского варианта Майкопа преобладало не земледелие, а скотоводство, чем может объясняться устойчивая тяга к заселению предгорной зоны.

Памятники **конца ранней-средней бронзы** в предгорной зоне представлены курганами Дзуарикауского и Сунженского могильников. Анализ погребений Дзуарикауского могильника позволяет реконструировать картину этнокультурных процессов, происходивших в предгорной зоне Северной Осетии в III-первой половине II тыс. до н. э. На раннем этапе функционирования могильников в предгорьях отмечено проживание племен майкопской культуры. Верхняя дата их бытования определяется в рамках III тыс. до н.э. В этот период в горах Северной Осетии прослежено появление поздней волны куро-араксского населения (могильники Загли Барзонд и Нижнекобанский) и зафиксированы отдельные контакты горного куро-араксского населения с майкопскими племенами предгорий, носящие, вероятно, характер обмена.

Характерная особенность второго этапа Дзуарикауского могильника — появление керамики новых форм со «шнуровой» орнаментацией, топора постновосвободненского типа (тип «Московское», по С.Н. Кореневскому). Определяющей особенностью является наличие в комплексе керамического инвентаря сосудов на ножках — триподов. Комплексы этого типа обозначены как «группа погребений с триподами». Верхняя хронологическая граница погребений данного горизонта корректируется появлением куро-араксских захоронений в каменных ящиках и гробницах, что определяет их появление в рамках конца XXX-XXVIII вв. до н. э. Вопрос о культурной принадлежности погребений «группы с триподами» остается открытым.

На третьем этапе функционирования Дзуарикауского могильника (XXVIII-XXVI вв. до н. э.) зафиксировано появление горного куро-араксского населения. Специфика погребальных конструкций, ориентации погребений, а также однотипные наборы погребального инвентаря из куро-араксских погребений Дзуарикау и горных куро-араксских могильников позволяют отнести их к одной группе и полагать общность соорудившего их населения. Появление горного куро-араксского населения связано, видимо, с началом пика похолоданий суббореального периода. Новой чертой куро-араксских захоронений в предгорьях является возникновение курганного обряда, что указывает на заимствование этого обычая у местного населения предгорной зоны. Появляются и погребения «группы с триподами», а также керамика и

металлические изделия сачхерского типа, свидетельствуя об установлении в этот период прочных контактов горного населения с племенами предгорий, что отражено в погребальном обряде и инвентаре захоронений населения предгорной зоны. В погребальных комплексах могильника прослеживается процесс смешения населения закавказского происхождения с местными предгорными племенами, что свидетельствует о начальном этапе этнокультурного синтеза предгорного и горного населения в предгорной зоне Северной Осетии — синкретизме, когда начинается обмен между различными группами населения элементами своей культуры.

На четвертом этапе куро-араксский компонент представлен в погребальном обряде помещением маленького сосуда в большой; рядом сосудов куро-араксских типов и технологии; бронзовыми бочковидными и цилиндрическими бусами, плоскими круглыми бусами из сердолика и горного хрусталя, височными подвесками в 1,5 оборота и бронзовым браслетом в 3,5 оборота. Позднесачхерский компонент сунженских погребений — в их широтной ориентации и в появлении бронзовых двуволютных булавок с «бараньей головкой», одна из которых имеет перевитой стержень. Местный, предгорный компонент погребений Сунженского могильника составляют бронзовая бляха-медальон, витые стерженьки-подвески, ложковидные подвески, бронзовые клыковидные подвески, известные по погребениям харсенойской группы Гатын-кале.

Характеристика погребений четвертого этапа Дзуарикауского и синхронной ему группы захоронений Сунженского могильника свидетельствует о процессах развития и углубления этнокультурного синтеза. На этом этапе в результате взаимодействия потомков куро-араксского, сачхерского и местного предгорного населения возможно появление зачатков нового этнокультурного образования. Этот процесс находит свое отражение в материальной культуре и идеологических (культовых) представлениях нового образования.

Общие черты погребального обряда, керамики и некерамического инвентаря, прослеживаемые в Дзуарикауском и Сунженском могильниках, с погребениями Харсенойского могильника, погребением № 2 могильника Саади-Катар и группой захоронений горизонта могильника Гатын-кале в Чечне, позволяют отнести указанные захоронения к единой «харсенойской группе» или «харсенойскому горизонту» и датировать их в рамках XXVI-XXIV вв. до н. э.

Для пятого этапа могильника Дзуарикау характерна однородность наборов погребального инвентаря погребений. Определяющим признаком служит наличие в погребениях многовитковых бронзовых браслетов с насечками или У-образных булавок, нередко встречающихся в одном погребении. Нижняя хронологическая граница группы погребений — конец XX-XIX вв. до н. э. Верхнюю хронологическую границу установить в настоящее время затруднительно.

На территории Центрального Кавказа известно 12 комплексов с У-образными булавками и многовитковыми браслетами. Характеристика наборов украшений и отчасти керамики из погребений этой группы выявляет их тесную связь с комплексами предшествующего периода. В результате продолжения и углубления процесса синтеза различных культурных компонентов ряд изделий получает дальнейшее развитие. Весь комплекс инноваций, прежде всего особенностей женского погребального костюма, связан, видимо, с развитием новых, специфически местных культовых воззрений на заупокойный ритуал. Данное обстоятельство, вместе с фактом появления новых традиций изготовления посуды, может отражать окончание процесса слияния разнокультурных компонентов и появление качественно нового этнокультурного образования, с новыми чертами материальной культуры и погребальным ритуалом.

Финальный этап функционирования Дзуарикауского могильника отражен в курганах №№ 9 и 10. В кургане № 9 древнейшим, основным для первой по времени сооружения насыпи было погребение № 1 под каменным курганом. Погребение совершено в яме вытянутой овальной формы, ориентированной на З-В. Погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на В. За ним следовало погребение № 2, основное для второй курганной насыпи. Насыпь земляная, погребение совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии З-В (возможно, кенотаф). Последним по времени было погребение № 3 (основное для третьей насыпи). Форма ямы и ориентировка аналогичны погребению № 2; кенотаф. Все три погребения датируются началом эпохи средней бронзы. Специфическим признаком керамики из погребений кургана № 9 является наличие на нижней части тулова крупных безручных сосудов обмазки жидкой глиной. Этот технологический прием характерен для керамического комплекса памятников посткуро-араксского периода горного и приморского Дагестана. С середины II тыс. до н. э. такая керамика появляется в комплексах развитой бронзы в горной зоне и предгорьях Чечни. Курган № 10 по особенностям погребального обряда и по специфике инвентаря близок комплексам кургана № 9.

Курганные захоронения с комплексом признаков, аналогичных погребениям в курганах №№ 9 и 10 Дзуарикауского могильника, появляются на Осетинской наклонной равнине в середине II тыс. до н. э. и относятся ко второму стратиграфическому горизонту Архонского курганного могильника. Материалы Дзуарикауского и Сунженского некрополей демонстрируют факт непрерывного проживания населения в предгорной зоне Северной Осетии на протяжении около 2000 лет. Прослеживается генетическая связь культуры предгорных племен на всех этапах развития в конце ранней и средне-бронзовой эпох, что объясняется наличием благоприятных для жизни природных

условий предгорий, где климат лишь незначительно менялся в течение длительного времени. Предгорья являлись контактной зоной, где происходило взаимодействие местного населения с жителями гор, с одной стороны, и со степными племенами, с другой стороны, чем объясняется многокомпонентность материальной культуры населения предгорной зоны.

Археологические памятники, расположенные в пределах **Осетинской равнины**, изучены практически на всей её территории. На западе равнины раскопано около 40 курганов в Чиколинской котловине, у с. Хазнидон и г. Чикола. В центральной части равнины изучены курган к западу от с. Кора-Урсдон, курган у ст. Николаевской, курган у с. Мичурино. Известны также случайные находки из разрушенных курганов у гг. Дигора, Ардон, сс. Кадгарон, Дур-Дур, Красногор — всего из 11 пунктов. В восточной части равнины, между ст. Архонская и с. Фарн, исследовано 5 курганов. На восточном краю равнины изучены по одному кургану у с. Ногир и на северной окраине г. Владикавказ.

Характерной особенностью памятников на данной территории является тот факт, что все они относятся к развитому этапу средней бронзы и датируются в рамках второй четверти-середины II тыс. до н. э. (с коррекцией — к последней четверти III-первой четверти II тыс. до н. э.). Никаких следов памятников более раннего времени здесь не найдено. Всего на Осетинской равнине учтено 1600 курганов, 95% которых располагается в ее южной части. Курганы между ст. Архонская и с. Фарн имеют 1 или 2 насыпи. В курганах №№ 1 и 3 насыпи из крупных речных валунов, высотой свыше 2 м, были перекрыты земляными насыпями. В кургане № 2 первая насыпь представляла собой маленький каменный курганчик высотой до 0,8 м, перекрытый земляной насыпью. С возведением второй насыпи связано сооружение каменного кромлеха-крепиды.

Выявлено 4 стратиграфических горизонта захоронений эпохи средней бронзы. Первый представлен погребением № 3 кургана № 2 (основное для первой насыпи). Ему соответствует погребение № 13 кургана № 1 у с. Ногир. Датировка — XVIII-XVII вв. до н. э. (с коррекцией — около 2200-1950 гг. до н. э.). Вторым горизонтом представлены погребениями № 3 кургана № 1 (основное для первой насыпи), № 8 кургана № 3 (основное для первой насыпи), № 1 кургана № 2 (основное для второй насыпи, перекрывало погребение № 3). Синхронность погребений определяется однотипным набором погребального инвентаря (безручные пифосы с обмазкой нижней части тулова жидкой глиной, горшки, «рогатый бисер»). Комплексам горизонта соответствуют комплексы располагавшихся рядом еще 3 курганов и кургана у хладокомбината (северная окраина г. Владикавказ) и кургана № 10 могильника Дзуарикау.

Третий горизонт представлен погребением № 10 кургана № 3. Это кенотаф, впущенный в первый курган и перекрытый второй насыпью. Ориенти-

рован по линии В-З. Погребение в яме прямоугольной формы. Инвентарь: 2 сосуда, 2 флажковидные подвески. Четвертый горизонт представлен погребениями №№ 2, 4, 6, 9 кургана № 3. Первые три погребения — катакомбы, с меридиональной ориентировкой камер. В погребении № 2 находился скелет ребенка, скорченно, на левом боку, головой на С. Все катакомбы безинвентарные. Погребение № 9 — яма овальной формы с каменной забутовкой. На дне лежал скелет взрослой женщины, скорченно, на левом боку, головой на СВ. Инвентарь — пастовый бисер. Все три погребения впущены во вторую курганную насыпь. В Ногирском кургане катакомбные захоронения также являются последними по времени сооружениями.¹⁹

Материалы Архонского курганного могильника не имеют параллелей с более ранними комплексами из предгорий, за исключением особенности обряда в погребении № 3 кургана № 2, демонстрирующего остаточные reminiscenции куро-араксской традиции. Отчетливо выделяется группа захоронений второго горизонта: эти погребения совершены под каменными курганами, либо с каменной наброской в виде небольшого курганчика, в больших прямоугольных ямах, имеющих широтную ориентацию и каменную забутовку, с восточной ориентировкой погребенных, содержат в керамическом инвентаре крупные безручные пифосы с обмазанным жидкой глиной туловом. На этом этапе прослеживаются различия в позициях погребенных: при общей восточной ориентации мужские захоронения вытянуты на спине, а женские — скорчены на левом боку. В предгорьях в этот период появляются памятники указанной группы, представленные курганами №№ 9 и 10 Дзуарикауского могильника. В керамике группы отмечено наличие дагестанских технологических традиций, что предполагает приток в первой половине II тыс. до н. э. отдельных групп населения с Северо-Восточного Кавказа. Нижняя хронологическая граница комплексов определяется наличием в них «рогатого бисера» — XVI-XV вв. до н. э.

Наиболее поздними в курганах у ст. Архонская и с. Ногир являются захоронения катакомбной культуры. Прослеживается сосуществование местных и катакомбных племен на одной территории, о чем свидетельствует появление стандартных наборов керамики, содержащих одноручные кружки и пифосы с обмазанным жидкой глиной туловом в катакомбных захоронениях (погребения у с. Лескен, погребение № 1 кургана № 1 Урух; погребение № 4 кургана № 3 Чикола; погребения №№ 2, 3 кургана № 1 Ногир).

Носители катакомбной культуры, как ранее и носители ямной культуры, не только продвинулись вплоть до предгорий, вступая в тесные отношения с местным населением, но проникли и в высокогорные районы. Полагают, что на территории Северной Осетии сложился один из основных районов обитания катакомбников.²⁰ Влияние катакомбной культуры затем прослеживается даже на территории Южной Осетии. Отмечаемый целый пласт индоевропей-

ских лексических заимствований в осетинском языке позволил полагать, что он является вкладом носителей срубной или катакомбной культур.²¹ Было высказано и мнение о том, что именно натиск на Северный Кавказ степных племен катакомбной культуры положил начало последовательной экспансии степного населения на Кавказ и «иранизации» местного населения.²²

Курганы Чиколинской котловины, смыкающейся с северо-запада с Осетинской равниной, также содержат только комплексы развитого этапа средней бронзы. Инвентарь погребений содержит бронзовые молоточковидные булавки, литые бляхи-умбоны, крупные литые стерженьки-подвески, бляхи-медальоны и др. Непосредственно с погребениями второго горизонта Архонского могильника следует соотнести погребение № 1 кургана № 1 Хазнидонского могильника, содержащее однотипный набор безручных пифосов, каменную булаву с 4 выступами. Последняя находит точные аналогии в материалах могильника Фаскау в горной Дигории и в поздних комплексах из горных могильников Безенгийской котловины — Айлама и Шилтрак.

Курганные комплексы Осетинской равнины не имеют общих особенностей в конструкции насыпей, погребального обряда и инвентаря со среднебронзовыми курганами предгорной зоны. Датируются они концом второй четверти-серединой II тыс. до н. э. (с коррекцией — около 2200-1950 гг. до н. э.).

В зоне Цалыкской депрессии, примыкающей с северо-востока к Осетинской равнине, исследованы курганы №№ 1, 2 у с. Заманкул и курган № 3 у с. Брут, относящиеся к эпохе ранней бронзы. Курганы возведены над погребениями галюгаевского варианта майкопской культуры. Высота курганов от 6 м до 9 м; диаметр — от 55 м до 60 м. Курганы насыпались в два этапа. На первом этапе над погребением возводилась земляная насыпь. После обрушения перекрытия камеры погребения сооружалась вторая насыпь, укрепленная по краям каменным кромлехом-крепидой. В кургане № 3 после возведения второй насыпи крепиды не сооружалась. В кургане № 1 каменный кромлех был сооружен из двух типов камня: нижняя его часть выложена крупными речными валунами из поймы р. Терек (вес валунов до 150-200 кг); верхняя часть кромлеха — горными породами камней (весом до 30-50 кг).

Уникальны материалы кургана № 3. Здесь над майкопским захоронением единовременно возведены три насыпи эллипсоидной формы. Поверхность первых двух имеет обмазку 35-40 см ярко-жёлтой глины, третья такой обмазки не имеет. Между второй и третьей насыпью с южной стороны возведена глиняная полумесячная платформа-лунница. Наиболее интересна конструкция кургана № 2, который первоначально возводился в виде двухступенчатого зиккурата. Сначала был возведен усеченный конус из материковой глины. С севера и юга насыпь округлая, конусовидной формы, с западной и восточной сторон имела плоские пирамидальные грани. Поверхность конуса обмазана 10-15 см слоем глинистого раствора. Конус опоясан пологой терра-

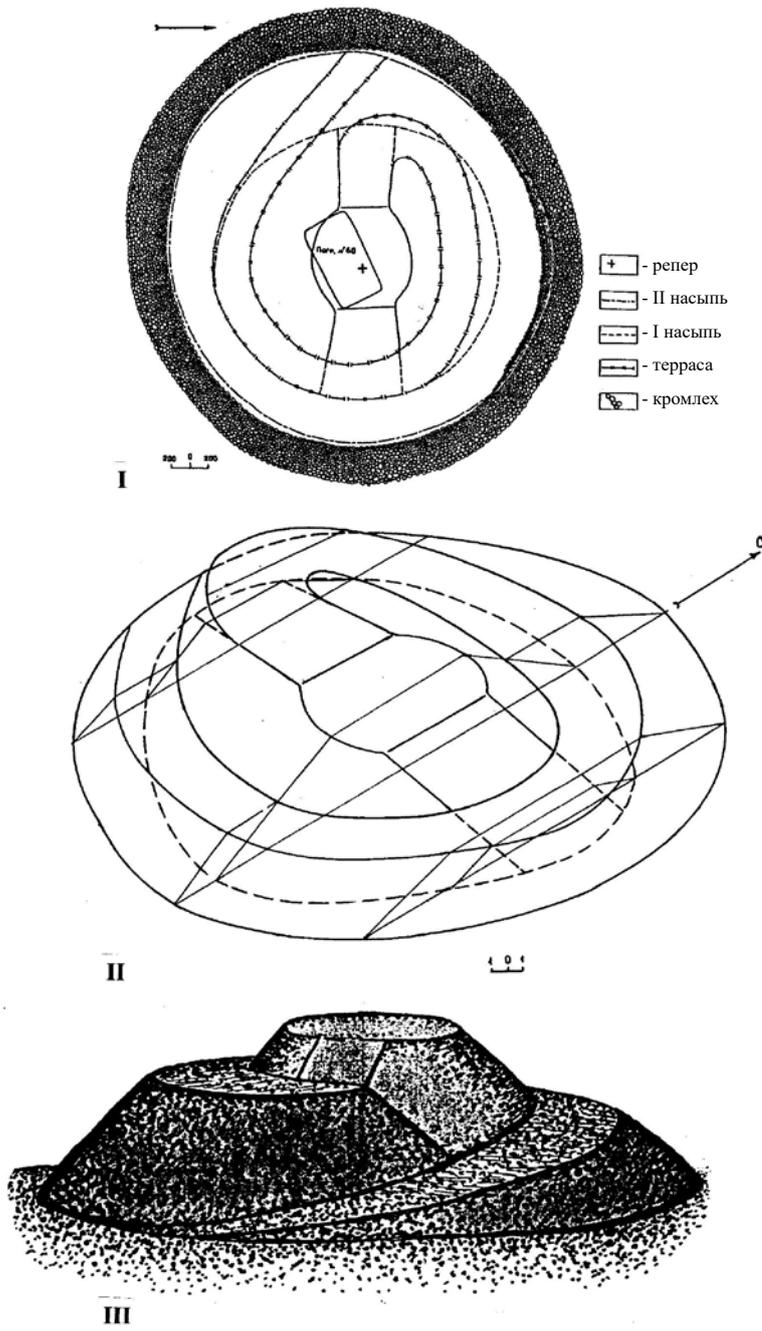
сой, сооруженной из черного гумусированного грунта. Терраса начиналась у подножия кургана, спирально опоясывала коническую насыпь и, постепенно повышаясь, вела к верхней площадке конструкции. Терраса составляла нижнюю ступень зиккурата. В насыпи обнаружены следы деревянной опалубки, используемой при его строительстве.

Погребения под курганами были сооружены в ямах прямоугольной формы с широтной и меридиональной ориентацией. Края погребальных камер оконтурены каменным бордюром, галечной вымосткой, либо окаймлены камышовым настилом. Стенки выложены булыжником на глинистом растворе. Размеры погребальных конструкций — от 7,5×4,2 до 11,5×8 м, глубина — до 2 м. Погребения ограблены в древности, но находки бронзовых изделий и керамики из погребения № 60 кургана № 1 полностью соответствуют эталону «царских» майкопских захоронений — Большому Майкопскому кургану (бронзовое тесло, топор, мотыга, котел и др.). Бронзовая мотыга является четвертым экземпляром такого типа изделия, после Большого Майкопского кургана, Псекупского могильника и Галюгаевского поселения.

Важными являются находки гончарных знаков на сосудах, отражающих ближневосточную, в частности, восточноанатолийскую энеолитическую традицию маркировки гончарной посуды. Найден также маленький лепной сосуд, находящийся аналогии в посуде протомайкопского позднеэнеолитического поселения Бериклдееби. Радиоуглеродные даты из захоронений не только несколько древнее галюгаевских, но обнаруживают и меньший хронологический разброс. Эти даты укладываются в рамки конца IV-первой четверти III тыс. до н. э., что подтверждает данные Сунженского могильника о наиболее раннем пребывании майкопцев на территории Северной Осетии после миграции из районов Восточной Анатолии, через южные склоны Центрального Кавказа. Антропологические реконструкции двух черепов из погребения № 70 кургана № 1 показывают их принадлежность к южноевропейскому антропологическому типу.

Материалы курганов Заманкульского некрополя отражают погребальный обряд высших слоев общества — «царей-жрецов». Они сопоставимы только с захоронением Большого Майкопского кургана «Ошад», где ярко проступает культовая, церемониальная символика. Эти захоронения являются наиболее богатыми воинскими погребениями в сопровождении оружия, символов земледелия и деревообработки. Присутствие в таких могилах бронзовых котлов, видимо, подразумевало, что умерший при жизни или в потустороннем мире причастен к устройству больших родовых трапез. Очевидно, то была высшая степень подчеркивания значимости ранга умершего сородича способом погребального обряда майкопской культуры.

Вопрос о социальной дифференциации в погребальном обряде майкопского общества неоднократно обсуждался. Наиболее полно проблема

«Царский» курган-святилище № 2 у сел. Заманкул

ранговой градации раскрыта в работе С. Н. Кореневского. Согласно С. Н. Кореневскому, хозяйственно-культурный тип майкопской культуры определяется оседлостью, поселениями на открытых местах, керамика с которых соответствует по величине и форме сосудам из ближневосточных теллей. Обитатели поселений занимались земледелием, разводили мелкий и крупный рогатый скот. В подобных условиях появились самые высокоразвитые для той эпохи Предкавказья и Восточной Европы ремесла, охватывающие производство керамики, металлов, каменных орудий. В новосвободненское время прогресс в экономике обусловил возрастание роли высшей прослойки в обществе, накопление личных и родовых богатств, приспособление ее под социальную психологию религиозных верований и культов. Разрабатываются разнообразные формы стратификации мужской воинской среды, которая обозначает свой ранг предметами личного, родового богатства, престижными изделиями, декорируя их порой золотом и серебром. Племена новосвободненской культуры представляли собой уже стратифицированное потестарное родовое общество.²³

Комплексов эпохи средней бронзы в курганах Цалыкской депрессии исследовано немного. Известно 9 погребений из 3 курганов. Исследовано 5 бескурганых захоронений катакомбной культуры у северо-восточной окраины г. Беслан. Погребения совершались в грунтовых ямах прямоугольной формы, с широтной ориентацией, в которых устанавливались деревянные гробовины (короба). Погребенные лежали вытянуто на спине и скорченно на левом боку, головой на В. Устанавливается строгая дифференциация в порядке ингумации. Погребенные женского пола лежали на левом боку, скорченно, а погребенные мужского пола — на спине, вытянуто. Выявлен случай перекрытия погребения в коробе захоронением катакомбной культуры.

В инвентаре погребений отмечены крупные безручные лепные сосуды, украшенные богатой орнаментацией, и маленькие одноручные кружки. Из украшений в женских захоронениях найдены пастовые бусы, бронзовые выпуклые бляхи с пуансонным орнаментом, бронзовые браслеты с несомкнутыми концами и подвески в 1,5 оборота с расплюснутыми концами. В мужских захоронениях найдены бронзовые ложковидные подвески и бляхи-медальоны. По ряду специфических особенностей (ориентировка, деревянные гробовины, вытянутая на спине позиция погребенных, особенности керамики и некерамического инвентаря) захоронения средней бронзы из Заманкульского могильника сближаются со среднебронзовыми погребальными комплексами степной зоны — из Моздокского района Северной Осетии.

Памятники эпохи средней бронзы в степной зоне Северной Осетии.

Всего на территории Моздокского района в 1973-1990 гг. исследовано 40 курганов: 10 на правобережье и 30 на левобережье р. Терек. В курганах выявлено 234 погребения эпохи энеолита и бронзы. Курганы представляли со-

бой исключительно земляные насыпи, в большинстве своем многослойные. Отличием памятников правобережья является выявление в них кольцевой системы захоронений в эпоху конца ранней и средней бронзы.

В период энеолита (первая половина-середина IV тыс. до н. э.) в степной зоне проживало население хвалынско-среднепестовской энеолитической общности, со скотоводческим хозяйственным укладом. Эти племена являлись носителями древнейшего подкурганного обряда захоронения. Захоронения совершались в материковых ямах, на спине, скорченно, с подогнутыми коленями вверх ногами. Погребенные ориентированы головой строго на В. Курганные насыпи незначительны, высотой не более 1-1,5 м. Подкурганный комплекс представлен одним захоронением. Коллективных кладбищ здесь нет. Такими захоронениями являются два комплекса на левобережье р. Терек, у хут. Комарово, в курганах №№ 2 и 7, и одно — в кургане ст. Троицкой.

Основное погребение № 18 кургана № 2 у хут. Комарово совершено в неглубокой грунтовой яме. Погребенный лежал на спине, с подогнутыми коленями вверх ногами, головой на В. При нем найдено каменное тесло, длинная кремневая пластина с ретушью, два кремневых орудия из пластин меньших размеров, два костяных стержня (длинный и короткий), сосуд. Погребение было густо посыпано красной охрой. В 5 м к северу от погребения располагалась яма неправильно овальной формы, заполненная охрой. В яме найдены обломки двух мергелевых браслетов. Находка в поле кургана обломков двух майкопских сосудов галюгаевского типа вместе с фрагментами мергелевых браслетов говорит о контактах с племенами майкопской культуры.

Основное захоронение № 9 кургана № 7 у хут. Комарово сооружено на месте небольшой естественной возвышенности, в подпрямоугольной яме размерами 1,35×0,78 м. Вокруг ямы выложен слой желтого материкового выкида. Погребенный лежал на спине, скорченно, с подогнутыми вверх ногами, головой на В, кисти рук в области таза. Дно могилы и кости скелета густо окрашены охрой. Кусочки охры попадались в заполнении ямы. Слева от черепа, у плеча, лежала длинная птичья кость. Справа от черепа находилась ножевидная пластина с ретушью по краям. Над погребением сооружена невысокая насыпь диаметром 10-12 м и высотой до 1 м. За пределами насыпи, в 15 м к ЮВ от погребения, зафиксирован комплекс находок, позволяющий интерпретировать его как жертвенник, с четко выделенным пятном ямы, заполненной охрой. Жертвенник представлял собой скелет молодой женщины. Поза покойной дает основание предполагать, что она была брошена в яму ничком. На грудных костях и у шейных позвонков найдено 9 пастовых бусинок. В заполнении ямы встречено около 40 фрагментов мергелевых браслетов, принадлежащих примерно 10 изделиям. Погребение и ямку с браслетами, как и комплекс кургана № 7, следует рассматривать как единый культовый комплекс.

Погребальный обряд эпохи энеолита Моздокских степей отражает социальную дифференциацию местного населения, зафиксированную в особом каноне заупокойного ритуала. Чрезвычайно своеобразен в этом плане подкурганый комплекс из кургана у хут. Комарово — погребение умершего сородича, которое специально выделялось курганной насыпью и сопутствующей жертвой женщины. Подобные захоронения сопряжены с ранговой дифференциацией, связанной с выделением ритуалами мужской части населения. Ранговая градация, отражаемая погребальными культурами, характерна для различных племен энеолитического периода. В древнейших курганных могильниках степей Восточной Европы начинают встречаться символы власти и оружие (каменные булавы, боевые топоры, скипетры), отражая усиление в жизни родовых коллективов военного фактора как следствия прогресса производящего хозяйства — развития скотоводства.

В эпоху ранней бронзы в степной зоне появляется население галюгаевского варианта майкопской культуры. Поселения майкопцев исследованы на границе с Моздокским районом, в Курском районе Ставрополя. В Моздокском районе в кургане № 1 у хут. Комарово исследован погребальный комплекс, относящийся к майкопской культуре. Его высота 6,8 м при диаметре 75-80 м. Погребение полностью разграблено вскоре после совершения погребения и до возведения насыпи кургана. Лишь в галечном заполнении ямы отмечены фрагменты костей человека.

В основании кургана находилась группа захоронений №№ 30, 33, 34. Погребения №№ 33, 34 в форме подбоев-катакомб находились в 1,5 м от восточной длинной стенки погребения № 30. Между ними найден жертвенный комплекс, который тоже был совершен в вырытой яме. В его состав входили черепа трех быков и их конечности. Могилы и жертвенник одновременны. Каменная вымостка погребения № 30 перекрыла могилы №№ 33, 34 и жертвенник. Таким образом, зафиксирован очень сложный обряд одновременно захоронения некоего лица (или лиц) в могиле № 30 и двух его сопровождающих людей в подбоях-катакомбах, с одновременной жертвой быками. Насыпь кургана сооружалась через какой-то временной интервал после совершения погребений из черноземного и материкового грунта, образуя «зестристые» прослойки. Ее вершина несколько смещена от геометрического центра захоронения № 30. Комплекс погребений и жертвенника не имеет аналогий в Предкавказье, но по косвенным признакам может быть отнесен к кругу раннемайкопских (галюгаевских) памятников.

Во второй половине III тыс до н. э. колебания климата в степной зоне приводят к резкому сокращению разнотравья. Продолжает идти процесс аридизации. В этот период майкопская культура исчезает. В Моздокских степях появляются племена древнеямной культуры, со скотоводческим хозяйственным укладом. Погребальные комплексы этого населения выявлены как на правобере-

режье (Терская, Киевская), так и на левобережье р. Терек. Для населения древнеямной культуры характерен обычай хоронить своих усопших в неглубоких прямоугольных ямах, на спине, скорченно, с подогнутыми коленями вверх ногами, головой на В или на З. Над погребениями насыпались курганы.

Полагают, что отмеченное Птолемеем название Терека Алонта (Ptol. V, 8, 6), которое историки обычно связывают с названием алан, имеет гораздо более древнее происхождение. В его основе лежит тот же индоевропейский корень, что и, например, в названиях Арагви или Риони. Предполагается, что данное название обязано своим происхождением древнеямному населению.²⁴

В кургане № 2 у хут. Комарово древнеямное захоронение было основным для второй курганной насыпи и перекрывало энеолитическое погребение № 18. Во вторую насыпь также было впущено древнеямное захоронение. В кургане № 7 парное захоронение древнеямной культуры впущено в полу насыпи энеолитического периода, после чего была сооружена вторая курганная насыпь. В центр второй насыпи впущено другое древнеямное захоронение, после чего курган был вновь достроен и окружен ровиком. В дальнейшем в третью насыпь впущено три древнеямных погребения, не сопровождавшихся досыпкой кургана.²⁵

Этот период связан с появлением населения, хоронящего своих покойников под курганами, в грунтовых ямах. Часто ямы имеют заплечики для деревянного настила над погребальной камерой. Усопших хоронили в деревянных либо берестяных гробовинах. Иногда вместо гробовин сооружались срубы из мощных стволов деревьев. Погребенные лежали на спине, вытянуто, либо на боку, скорченно, с разнообразной ориентировкой. Преобладает южная и восточная ориентация костяков. На правобережье Терека захоронения совершались в основном по обряду вытянутого труположения, в ямах с заплечиками. В центральной части кургана помещались погребения молодых женщин и детей, которые были окружены кольцом из погребений взрослых мужчин и женщин (кольцевая система захоронений). Все погребения, совершенные за короткий промежуток времени, образуют правильный круг. Расстояние между ними не превышает 1-1,5 м. Погребения совершены с уровня древней дневной поверхности и одновременно перекрыты курганной насыпью. В ряде случаев кольцевая система захоронений не замкнута. Материалы этих захоронений говорят о сезонном характере некрополей. На кладбищах хоронились умершие в зимний период члены родового коллектива. В весенний период, перед откочевкой на север, в глубь Моздокских степей, над захоронениями возводилась единая курганная насыпь. В этой связи объяснимым становится отсутствие кольцевой системы захоронений на левобережье Терека, где курганы возводились в весенне-осенний и летний периоды.

На левобережье Терека, в курганах у ст. Павлодольская и Чернорская в этот период прослежено появление погребений в больших прямоугольных

ямах, одна из коротких стенок которых была заовалена. Ямы имели меридиональную ориентацию. Размеры ям доходили до 4×2,8 м. Все выявленные захоронения — основные в курганах. Ямы перекрыты мощным бревенчатым настилом. Время сооружения этих захоронений — XXI-XX вв. до н. э. (с коррекцией 2500-2100 гг. до н. э.).

В эпоху средней бронзы в Моздокских степях появляется население катакомбной культурно-исторической общности. Однако, в отличие от более северных районов Ставрополя, захоронения в катакомбах здесь не являются доминирующими. В катакомбный период в Моздокских курганах зафиксировано несколько различных обрядов захоронения. Помимо собственно катакомбного обряда, широко практикуются захоронения в ямах прямоугольной, овальной и квадратной формы с заплечиками. В ямах устанавливалась деревянная гробовина либо берестяной короб. Преобладает меридиональная ориентировка погребальных сооружений. Погребенные лежат вытянуто на спине и скорченно на боку, головой в южном направлении. На несколько более позднее время приходится возникновение захоронений в ямах квадратной формы, с жердевой конструкцией, на которой крепилось деревянное перекрытие. На краях могильной ямы либо в стороне от погребения практикуется сооружение тризн (черепя и конечности мелкого и крупного рогатого скота).

В раннекатакомбный период появляются своеобразные захоронения, отличающиеся от остальных конструкцией погребального сооружения и содержащими богатые наборы инвентаря. Наиболее полно прослежена конструкция таких сооружений в погребении № 6 кургана № 3 у ст. Троицкая, в погребении № 9 кургана № 1 у ст. Черноярская и в погребении № 12 кургана № 7 у хут. Комарово. Погребения совершены в ямах с меридиональной ориентацией. Западная и восточная стенки ям вдаются вовнутрь в центральной части. Дно восьмеркообразное, с перехватом в центральной части. В центре ямы устанавливался берестяной короб прямоугольной формы. По углам короба устанавливались деревянные столбы с соединительными плахами в верхней части, что позволяет реконструировать сооружение как паланкин. У южной и северной стен короба помещались циновки, свернутые в несколько слоев. Дно короба обычно выстилалось берестой и обильно посыпалось мелом. Взрослые погребенные лежали на левом боку, скорченно, головой на Юг. Под головой погребенного сооружалась грунтовая подушка. Данные погребения демонстрируют, видимо, отражение в погребальном обряде одного из проявлений социальной дифференциации общества в эпоху средней бронзы.

Материалы погребальных комплексов кургана № 2 у ст. Павлодольская позволяют установить, что на первом этапе существования памятника совершалось захоронение в яме с заплечиком, с вытянутым на спине костяком. Второй этап функционирования кургана фиксирует появление нового насе-

ления, практикующего погребения в катакомбах. Прослеживается сосуществование пришлого и местного населения и начало его смешения, что отражено в синкретических чертах погребения № 12. На третьем этапе продолжается этнокультурный синтез двух групп населения. К сожалению, несмотря на весьма значительное (около 200) количество выявленных в Моздокском районе среднебронзовых комплексов, большая их часть не опубликована.

Вполне вероятно, что и в последующий период территория Северного Кавказа была открыта для непосредственного проникновения представителей северных степных регионов. Исследователи неоднократно отмечали здесь заметное влияние срубной, сабастиновской и белозерской культур, проявляющееся в форме инноваций, в том числе в конском снаряжении, оружии и керамике. В последнее время в Прикубанье и в Западном Закубанье открыты погребальные памятники срубной культуры. Выделение памятников срубной культуры непосредственно на территории Северной Осетии все еще является проблематичным. На основании раскопок из ст. Новоосетинская был поставлен вопрос о некотором проявляющемся влиянии срубной культуры, более всего характерной для Поволжья. Достаточное сходство со срубными памятниками проявляют погребения у сел Веселое, Троицкое, Комарово, ст. Чернойарская, Павлодольская.²⁶

Некоторые исследователи даже полагают, что осетинские жилые строения сопоставимы со срубно-андроновскими жилищами этого типа середины II тыс. до н. э. по социальной функции, плану и строительной технике.²⁷ Новационные планировки жилых помещений и техника строительства отмечаются на Северо-Восточном Кавказе. Они сопоставимы с аналогиями на памятниках сабастиновской культуры, что рассматривается как проявление контактов кавказского населения с ираноязычными пришельцами. Указывается на наличие соответствующих материалов и в Центральном Предкавказье.

Примечания

1. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. С. 42.
2. Любин В. П. Палеолитические находки в Юго-Осетии (работы 1951-1952 гг.) // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 13.
3. Любин В. П. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I // Известия ВГО. М., 1959. Т. 91. С. 180; Каландадзе А. Н. Цонская пещера и ее культура // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1965. Т. III.
4. Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. 1960. № 79. Т. 4. С. 65.
5. Каландадзе А. Н. § 1. Нижний палеолит // Археология Грузии. Тбилиси, 1959. С. 328.
6. Асланишвили В. Новые антропологические материалы из Шида Картли // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010. С. 54.
7. Археология Грузии. Тбилиси, 1969. С. 46.

8. Любин В.П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. 1960. № 79. Т. 4. С. 58.
9. Гобеджишвили Г.Ф. Холм Нацаргора близ города Сталинира // Мимомхилвели. Тбилиси, 1952. Т. II.
10. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. С. 72-77.
11. Техов Б.В. Указ. соч. С. 94.
12. Джапаридзе О.М. Северная часть Шида Картли в эпоху бронзы // Друзья памятников культуры. Тбилиси, 1968. Вып. 14.
13. Техов Б.В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
14. Любин В.П., Беляева Е.В. К вопросу о транскавказских связях в нижнем и среднем палеолите // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар-Анапа, 2001. С. 78-83.
15. Ростунов В.Л., Ляхов С.В., Туаллагов А.А. Раскопки на объекте «Чми» в 2007 г. Предварительные итоги исследования // XXV Крупновские чтения. Владикавказ, 2008. С. 320.
16. Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. 1951. № 23. С. 17-74.
17. Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993. С. 57, 59.
18. Rostunov V. The Problems of the Transition Period from Aeneolithic to the Early Bronze Epoch in the Central Caucasus // International conference «The Caucasus in the Context of World History». Tbilisi, 1996. P. 97-102.
19. Николаева Н.А. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 90.
20. Сафронов В.А. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 59-60.
21. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С. 75; Техов Б.В. Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника (к вопросу о проникновении элементов катакомбной культуры на южные склоны Главного Кавказского хребта) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 64-67.
22. Герасимова М.М. Е.И. Крупнов и палеоантропология Северного Кавказа // XXIV Крупновские чтения. ТД. М., 2004. С. 56.
23. Корневский С.Н. Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 6-20.
24. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 256-257; Дегтярева Т.А. Пути развития современной лингвистики. М., 1961. Т. I. С. 106; Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 21, 25; Федоров Я.А. Горы и степь (Страницы этнической истории Северного Кавказа эпохи бронзы) // ВМГУ. Серия VIII. История. 1978. № 1. С. 80.
25. Наглер А.О., Антипина Е.Е. О хронологическом месте восьмеркообразных ям эпохи средней бронзы Моздокской степи // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 69.
26. Тменов В.Х. Курганы эпохи бронзы у ст. Новоосетиновской Моздокского района СО АССР // МАДИСО. 1975. Т. III. С. 131; Nagler A. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. Espelkamp // Archäologie in Eurasien. 1996. Bd. 3. S. 30-31, 44, 47, 58, 63, 65.
27. Кузьмина Е.Е. Традиции материальной культуры индоиранцев в нартовских сказаниях и этнографии осетин // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991. С. 74-75; Она же. Откуда пришли индоари? М., 1994. С. 89-90.

ГЛАВА 2. ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА. КОБАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Генезис и периодизация кобанской культуры. Эпоха поздней бронзы-раннего железа включает время с середины II тыс. до н. э. до первой трети I тыс. до н. э. В Осетии это время соответствует зарождению и развитию кобанской археологической культуры. Кобанская археологическая культура, или кобанская культурно-историческая общность, как ее определяют некоторые современные исследователи, получила свое название от с. Верхний Кобан Тагаурского общества в Северной Осетии. Близ данного селения в 1869 г. был открыт обширный некрополь, который стал известен позднее в ученых кругах всего мира под наименованием «Верхнекобанский могильник».

Великолепные бронзовые предметы Верхнекобанского могильника — украшения, оружие, предметы конской упряжки и т.д. — стали эталонными для древностей центрального варианта кобанской культуры. Двоякоизогнутый парадно-боевой топор, крестовидные привески, высокие прямоугольные поясные пряжки, инкрустированные железом и цветным стеклом, пламевидные кинжалы с зооморфными навершиями и другие найденные в могильнике предметы, как оказалось позже, составляют специфику центрального варианта кобанской культуры, являясь маркерами для определения границ культурно-локальных сообществ древнего населения. Бронзовые топоры с прямым и изогнутым корпусом, кинжалы, удила и псалии, украшения и орудия труда из погребений этого памятника составили основу для типологии и классификации материалов в целом всей кобанской культуры¹.

За более чем 150-летнее изучение выявлено около 500 памятников кобанской культуры в более чем 150 пунктах

Кавказа. Известны места 160 поселений, 240 могильников, 12 культовых мест, 10 кладов. На сегодняшний день территория распространения памятников кобанской культуры выходит далеко за пределы Осетии. Методом картографирования установлено, что территория, занимавшаяся в древности кобанскими племенами, на севере охватывала плато Ставропольской возвышенности, на западе доходила до междуречья Большого Зеленчука и Урупа, на востоке — до левобережья р. Аксай, на юге — до среднего течения рр. Большая и Малая Лиахва, Ксан и верховий р. Арагви.

Происхождение кобанской культуры неразрывно связано с группой памятников раннего этапа эпохи рубежа средней и поздней бронзы горной зоны Центрального Кавказа. В основном они занимают горную и предгорную зону Северной (В. Рутха, Фаскау, Камунта, Чми, Цамад, Н. Зарамаг, Адайдон и др.) и Южной Осетии (Тли, Стырфаз, Нацаргора, Рук, Царциаты Кадзах, Уаллаг Лиса, Нул, Квасатал) и район Рачи (Брили). Наиболее ранние материалы этих памятников датируются сегодня рубежом III-II — первой половиной II тыс. до н. э.

Характерной чертой местных культур является наличие широких и динамичных связей с сопредельными регионами. Для южного вектора развития это документируется наличием относительно большого количества кинжалов «переднеазиатского» типа, украшением посуды ручками с «ушастым зверьком» и др. Связи с культурами, расположенными к северу, северо-западу от Кавказа, кроме керамики катакомбного типа, документируются подвесками со спиральными завитками, манжетовидными и рифлеными браслетами, бронзовыми антропоморфными подвесками европейской культуры Ноа (Беахни-куп). Перечисленные предметы считаются специалистами некавказскими по своему происхождению и маркируют связи раннекобанской культуры с территорией среднего Подунавья и Восточной Европы².

В ходе раскопок могильника Адайдон, расположенного в верховьях Алагирского ущелья и давшего обширный материал периода Кобан I, а также Цамадского могильника, расположенного в восточном ответвлении Алагирского ущелья, стало очевидным, что протокобанские памятники занимали не только предгорья и горы Рачи, Южной Осетии и Дигорское ущелье, но также горную зону Алагирского и Туалгомского ущелий Северной Осетии³. Известны находки бронзовых предметов периода Кобан Ia и с территории Восточной Осетии. В частности, они найдены у сс. Даргавс и Чми,⁴ а также в окрестностях с. Балта. Именно из горной части Осетии, а также из района Рачи, культура начала движение в предгорья, преимущественно Северного Кавказа.

Наиболее полная и подробная периодизация кобанской культуры, с привлечением новых данных как памятников северного, так и южного склонов Центрального Кавказа, предложена В. И. Козенковой. Ею было выделено

4 хронологических этапа (Кобан I, II, III, IV), охватывающих временной промежуток с XIV в. до н. э. по начало IV в. до н. э.

Период Кобан I (протокобанский) (XIV-первая половина XII вв. до н. э., по В. И. Козенковой) характеризуется наличием в материалах культуры кремневых наконечников стрел, трубчатообушных бронзовых топоров с шаровидным выступом на обухе (Фаскау, В. Рутха), хурритской печати XV-XIV вв. до н. э., подвесок культуры Ноа, кинжалов переднеазиатского типа (Фаскау, Тли, Адайдон, В. Лиса), полуовальных поясных пряжек со спиральным орнаментом (В. Кобан, Фаскау). В материалах Кобани данного времени ощущается влияние позднекатакомбной и северокавказской культур, среднебронзовых культур Центральной Европы. Новые археологические находки на территории Осетии, в частности факт наличия в ранних гробницах Адайдонского некрополя и могильника Верхняя Рутха керамики беденского типа, позволяют поставить вопрос об удревнении протокобанского периода (Кобан Ia) до XXII-XIX вв. до н. э.

Период Кобан II (середина XII — рубеж XI-X вв. до н. э.) характеризуется появлением дуговидной фибулы (В. Кобан, Змейская, Тли), ранних форм глиняных пиксид (В. Кобан), крупных корчаг (Змейская). Завершается оформление классического дважды изогнутого бронзового топора. В этот период заметно присутствие изделий, характерных для позднесабатиновских и раннебелозерских памятников: кельтов, коленчатых серпов, роговых псалий (Змейская). В материалах культуры появляется железо, поначалу как средство украшения (инкрустация) прямоугольных бронзовых пряжек. Отмечены и первые комплекты жесткой конской верховой узды (Змейское поселение).

Период Кобан III — классический (начало второй половины X-нач. VII вв. до н. э.), характеризуется в основном дальнейшим развитием уже известных в предыдущее время категорий материальной культуры — фибул, кинжалов, топоров, украшений. Появляются и распространяются разнообразные типы металлической узды с роговыми, костяными и бронзовыми псалиями. В конце периода в североосетинских памятниках распространяется узда черногорского и новочеркасского типов — стремечковидные бронзовые удила с трубчатыми псалиями и двукольчатые удила с трехпетельчатыми псалиями. Широкое распространение получает железное оружие — копья, кинжалы, ножи. Происходят изменения в орнаментике предметов, выражающиеся в их сильной стилизации и типизации (четвертый хронологический период в эволюции декора классификации А.Ю. Скакова). На топорах появляются гравированные изображения обернутых назад животных в динамичной позе, лапы которых оканчиваются плавниками⁵.

В конце периода в материалах культуры широко представлены предметы киммерийско-скифского типа — биметаллические кинжалы и мечи с коль-

чатым орнаментом, стрелы, различные типы акинаков, предметы, украшенные звериным стилем, в котором уже чувствуется степное влияние⁶. В этот период в материалах культуры многочисленны импорты из стран Передней Азии — Ассирии, Урарту. Чувствуется также влияние зооморфного искусства Луристана (Юго-Западный Иран) — парные, противопоставленные друг другу зооморфные изображения, массивные бронзовые булавки с зооморфными навершиями.

Этот период — эпоха максимальной территориальной экспансии кобанских племен на север, северо-запад и северо-восток. Восточный вариант культуры распространяется до территории Чечни и проходит в это время по бассейну р. Аксай, граница западного варианта достигает Ставропольской возвышенности, граница центрального варианта прослеживается севернее Моздока⁷. Существенным элементом обряда в это время является появление в кобанских погребениях захоронений взнузданного коня вместе с всадником или укладывание в могилы уздечки (В. Кобан, Стырфаз, Тли, Адайдон, Эльхотово). Этот обряд, фиксируемый в кобанских погребениях, характеризует присутствие в идеологии кобанцев обряда посвящения коня уже в период, предшествующий скифской экспансии.

Кобанские племена и племена скифо-сарматского культурного круга контактировали с VII в. до н. э. по рубеж I тыс. до н. э. и I тыс. н. э., т. е. почти тысячелетие. Межплеменные связи кобанцев и скифов были настолько тесными, что, по мнению исследователей, затрагивали не только сферу взаимообмена престижными типами оружия, узды или посуды, но и сферу мелко-предметного частного бытового обмена. Скифские памятники Юго-Восточной Европы, «начиная с эпохи скифской архаики, обнаруживают тесные связи с Кавказом...»⁸. Особой статьей импорта кобанцев были бронзовые ситулы и бронзовые кружки с парными ручками в виде фигурок мифологических Сатургов — Симургов. Их распространение было настолько широко, что они найдены и на территории скифских памятников Украины (Квитки, Жаботин, Таганча)⁹.

Об использовании древними кобанцами в эпоху конца классического периода чешуйчатого панциря скифского типа свидетельствуют находки в материалах Эльхотовского могильника бронзовых прямоугольных пластин с отверстиями по верхнему краю¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдается с классическим скифским коротким мечом — акинаком. Уже в VII-VI вв. до н. э. большое количество железных акинаков разных форм и типов оказывается в захоронениях кобанских воинов. По мнению исследователей, скифские походы в Закавказье и Переднюю Азию «должны были осуществляться в тесном контакте с местным населением, т. е. с племенами кобанской культуры»¹¹. Однако в конце классического-начале позднекобанского периодов союзниче-

ские и торговые взаимоотношения североиранских степных номадов и кобанцев резко меняются.

Позднекобанский период, или период Кобан IV (середина VII-начало IV в. до н. э.), характеризуется появлением массивных бронзовых фибул с широким подквадратным иглодержателем. Появляются железные фибулы, топоры, широко распространяются железные кинжалы (В. Кобан, Тли, Галиат (Фаскау), Адайдон, Эльхотово). Для горной зоны Центрального Кавказа, где племена кобанской культуры дольше сохраняли свою консервативность и самобытность, Е.П. Алексеевой разработана подробная хронологическая периодизация для позднего этапа бытования культуры. Выделены позднекобанский первый период VI-III вв. до н. э. и позднекобанский второй период II в. до н. э.-III в. н. э.¹²

Для периода Кобан IV характерна существенная трансформация всего облика кобанской культуры. В первую очередь это связано с переориентацией экономических связей культуры, вероятной утратой кобанскими племенами контроля над значительной зоной Предкавказья, каспийскими зимниками, временной потерей части территорий, примыкающих к центральной зоне Кабардино-Сунженского хребта. Все эти перемены связаны, как считается, с перемещениями в районе Северного Кавказа с начала VII в. до н. э. степных кочевников скифо-савроматского культурного круга.

Если в период с IX по VIII вв. до н. э. взаимоотношения со «степняками» были не только не конфронтационными для кобанцев, но и, судя по взаимным импортам, весьма плодотворными, то в новую эпоху картина меняется. На многих поселениях предгорной зоны (Змейское, Эльхот-ком, Среднеурухское), процветавших в «киммерийское» и раннескифское время, в последующую эпоху жизнь прекращается. В то же время кобанские племена не покидают полностью предгорную зону. Появляются новые поселения и могильники в данном районе — Верхнесанибанское, Карагасы-обау, Заманкульский. К концу VI-V вв. до н. э. кобанские памятники опять распространяются на север до района г. Моздок (Моздокское поселение, Моздокский и Комаровский могильники).

Произошедшие за два века изменения были значительны. Они касаются как материальной и духовной культуры, так и погребального обряда. В предгорьях и на равнине в скифское время, наряду с грунтовыми могильниками, появляются подкурганые кобанские погребения с южной ориентировкой. Оружие и украшения приобретают ярко выраженный скифо-сарматский облик. В орнаментации распространяется степной звериный стиль. Кобанские дуговидные фибулы увеличиваются в размерах, появляются железные фибулы. Поясные пряжки, напротив, уменьшаются в размерах, орнаментика на них представляет смешение кавказского и степного зооморфных стилей.

Становятся модными пояса из цепей, многочисленные привески, привязанные к ним также на цепочках, железные топоры в некоторых случаях еще дублируют форму бронзовых (Дзинага, Архон), а в конце периода появляются топоры-клевцы. В этот период ощущается влияние греческой и Иранской культур. В найденных материалах присутствуют аттические бронзовые шлемы, однолезвийные кинжалы типа махайры, зеркала ольвийского типа, чаши-фиалы, биконические серьги, браслеты с прогибом спинки и зооморфными концами¹³. Кобанская керамика скифо-сарматского периода более грубой выделки. Появляются такие новые категории, как кувшины с массивной ручкой, сарматоидные миски, в конце периода — стакановидные сосуды с выступающей закраиной.

Памятники позднекобанской археологической культуры, подвергшиеся сильному влиянию позднескифской и сарматской культур, сохраняются в горной зоне Северной и Южной Осетии вплоть до III в. н.э., т.е. до раннеаланского времени¹⁴.

К последним векам I тыс. до н. э. предгорная и равнинная зоны Осетии были заняты населением, сформировавшимся в результате синтеза скифо-сарматского этноса и поздних кобанцев. Таким образом, весьма справедливо мнение В. И. Абаева, основанное на данных языкознания, о гетерогенности, двуприродности осетинского этноса¹⁵. Один из этих элементов — кобанская культура, субстрат, второй — ираноязычные скифы и сарматы, суперстрат.

Вопрос об этноязыковой принадлежности населения, оставившего памятники кобанской археологической культуры, до сегодняшнего дня остается весьма дискуссионным в среде исследователей. По мнению ряда исследователей, кобанская (по Б. В. Техову — кобано-тлийская) культура оставлена киммерийцами, ираноязычными племенами (Л. А. Ельницкий, Л. И. Лавров, Н. Л. Членова, в последние годы — Б. В. Техов). Большинство же специалистов признают кавказские корни кобанского феномена (адыго-абхазские, нахские, картвельские) (В. Б. Виноградов, В. Н. Гамрекели, Ю. Д. Дешериев, С. Л. Дударев, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов, Г. А. Меликишвили, А. И. Робакидзе, Я. А. Федоров, Р. Л. Хорадзе, К. З. Чокаев и др.)¹⁶. Этот вопрос вряд ли может быть окончательно решен без дополнительных данных археологии, антропологии, генетики и пр.

По мере изучения кобанской культуры стали очевидными и некоторые отличия, фиксируемые в зависимости от зональной и территориальной принадлежности ее памятников. Изучение и анализ этих особенностей привели к разделению территории кобанской культуры на три локальных варианта — центральный, западный и восточный. Территория северной и южной частей Осетии находится в зоне распространения центрального варианта кобанской культуры, с делением на две группы, имеющие региональные отличия, — северную и южную.

В целом центральный вариант кобанской культуры занимает срединную зону Кавказа, захватывая водную систему Казбека по обе стороны Главного Кавказского хребта. Южная граница центрального варианта фиксируется в бассейне Большой Лиахвы, по линии Стырфаз — Душети; северная — по среднему течению Терека севернее Моздока; западная фиксируется на территории Кабардино-Балкарии (междуречье Баксана и Чегема) и Грузии (по Рачинскому и Сурамскому хребтам). Восточная граница центрального варианта кобанской культуры проходит в Закавказье по верховьям р. Арагви, а на севере — в междуречье Ассы и среднего течения Терека. Центральный вариант является метрополией данной культуры.

Нижние даты памятников западного и восточного вариантов, на территорию которых кобанские племена переселились несколько позднее, определяются сегодня в пределах конца XII-XI вв. до н. э. или, по новым данным, несколько более ранним периодом. Западный вариант кобанской культуры занимал запад горно-предгорной части Центрального Кавказа, захватывая водную систему Эльбруса. Южная граница проходила по Главному Кавказскому хребту; западная — по верховьям левого берега р. Уруп, притока Кубани, и по западной части Ставропольской возвышенности, по линии Ставрополь — Буденновск; восточная — по правобережью р. Кума и междуречью Баксана и Чегема. Восточный вариант кобанской культуры занимает северо-восточные склоны Главного Кавказского хребта, захватывая бассейны рр. Сунжа и Аргун, междуречье рр. Асса и Терек, на востоке — бассейн р. Аксай. Ранняя дата памятников восточного варианта кобанской культуры наиболее молодая. Она фиксируется в рамках рубежа II и I тыс. до н. э.¹⁷.

В настоящее время в ареале центрального варианта кобанской культуры, большая часть памятников которого находится на территории Осетии, зафиксированы более 140 археологических объектов.

Поселения. Места для своих поселений кобанские племена выбирали, как правило, вблизи от реки, зачастую используя крутые берега как естественное фортификационное укрепление. Достаточно часто поселки расположены на мысах подтреугольной формы, сформированных слиянием двух или более рек (Зарамагское поселение). В некоторых случаях места поселений представляют собой возвышенные плато или отдельные холмы, возвышающиеся над окружающей местностью (Среднеурухское и Комсомольское поселения, поселение Нацар-гора, Николаевское и др.), склоны, которым искусственно придавали большую крутизну с целью более успешной защиты в случае нападения врага.¹⁸ Топография поселений представляла собой, как правило, группы жилых и хозяйственных помещений, расположенных по краю холма, в центре которого, между жилищами, находилась свободная площадка — «сельская площадь»¹⁹. В некоторых случаях (Среднеурухское поселение)

строился более сложный фортификационный комплекс. Он включал в себя искусственное укрепление северного и западного склонов большими уплощенными окатанными речными камнями, а также почти примыкающее к его северной части округлое в плане небольшое возвышение (форпост или сторожевая башня).

Жилища представляли собой турлучные прямоугольные в плане дома, стоящие на фундаменте из камней-валунов или рваного камня. Полы в помещениях были либо выложены мелким булыжником, либо глинобитными со следами неоднократных подмазок. Их толщина иногда достигала 30 см. Внутри домов постоянным атрибутом был очаг прямоугольной (0,65×1 м) или овальной формы, сложенный из камня или глины. Некоторые очаги имели высокие глинобитные бортики («тондыр») ²⁰. Исходя из некоторых предварительных данных с бытовых памятников горной части ареала распространения кобанской культуры, можно предполагать, что здесь для строительства общественных и частных построек преимущественно использовался камень.

Зафиксированы также такие особенности поселений, как вымостка камнем улиц, предохраняющая последние от размыва дождями и создающая более комфортные условия для передвижения жителей. Важным атрибутом поселений были помещения, связанные с производством керамических и металлических изделий — гончарные, бронзолитейные и железоплавильные мастерские. Эти хозяйственные помещения часто размещались на окраине населенных пунктов, с учетом доступа к источникам воды, необходимой в производственном цикле (Среднеурухское поселение, поселение Сауар в Дигорском ущелье). Продукты питания, зерно и т. д. хранились в специальных больших хозяйственных ямах колоколовидной или полусферической формы, закрывавшихся в верхней части лаза крышкой. Материалы поселений свидетельствуют о достаточно ранней специализации в гончарном и металлургическом производствах. В поселениях выявлены целые кварталы с мастерскими гончаров и металлургов (Змейское, Сауар) ²¹.

Картографирование поселений кобанской культуры показывает, что выбор места для их основания, с одной стороны, был связан с условиями ландшафта каждой конкретной местности, а с другой, — находился во взаимосвязи с определенными представлениями древних кобанцев, связанными, например, с примерно равным расстоянием между бытовыми памятниками. Последнее наблюдение подразумевает существование определенной системы этно-территориального объединения древнекобанских племен, возможно, связанной с социально-политическими и экономическими реалиями того времени.

Погребальный обряд и элементы духовной культуры древних кобанцев. Погребальный обряд и типы погребальных сооружений протоко-

банских и кобанских племен весьма разнообразны и связаны как с ландшафтной зональностью, так и с периодом, которым датируется тот или иной могильник. При этом, как показывают материалы раскопок, не имеет значения, находятся ли памятники на северном склоне Главного Кавказского хребта или на южном. Так, к примеру, в Верхнекобанском и Тлийском могильниках захоронения произведены в однотипных погребальных сооружениях. Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении гробниц Нульского, Квасатальского, Верхнерутхинского и Адайдонского некрополей²².

Для раннего этапа бытования кобанской культуры характерны захоронения в прямоугольных гробницах, сооруженных из камня, где захоронения произведены в вытянутом положении. В это время в культуре преобладают коллективные погребения в гробницах, которые представляют собой большие подземные сооружения с входом-лазом, закрывавшимся каменной плитой или плитами, сходные с осетинскими позднесредневековыми полуподземными и подземными склепами. В классический период и в раннескифское время характерны захоронения в скорченном положении в каменных ящиках в горах и в грунтовых погребениях овальной или подпрямоугольной формы на плоскости, а также в подпрямоугольных грунтовых ямах, обложенных валунами (Эльхотовский, Николаевский могильники, «Северное кладбище» у с. Нижний Кобан, могильник у с. Горная Саниба и др.)²³. В это время преобладают одиночные и парные захоронения. Аналогичен вышеописанным погребальным сооружениям с. Николаевская и «Северного кладбища» тип погребений в кобанском могильнике у с. Цамад, но, в отличие от вышеописанных памятников, последний датируется раннекобанским временем²⁴.

Еще одним типом погребальных сооружений культуры, выявленным у с. Стырфаз, являются грунтовые ямы, окруженные каменными кромlechами²⁵. Наконец, в конце классического — в скифский период — известны в материалах кобанской культуры как подкурганые захоронения, так и впускные в курган (Моздокский и Комаровский могильники, могильник у пос. Садовый)²⁶.

Кобанские некрополи, особенно расположенные в горах, достигали весьма больших размеров. По примерным оценкам, в конце XIX-начале XX века в районе сс. Верхний и Нижний Кобан было раскопано более 600 погребений, относящихся к кобанской культуре. Обширный некрополь представлял собой также могильник у с. Тли. Здесь было выявлено более 400 погребальных сооружений. Гробницы Верхнекобанского могильника большей частью представляли собой ящики размером 120×70 см, преимущественно прямоугольной формы, сложенные из каменных плит. Сверху погребения перекрывались также каменными плитами или уплощенными камнями. Дно погребений покрывалось деревом или войлоком. Погребенных укладывали

в скорченной позе, на левом или правом боку, головой, как правило, на С-З, реже — на В и Ю. Ноги погребенных согнуты в коленях, руки — в локтях, кисти сложены вместе и приближены к лицу.

Захоронения сопровождалось, как правило, многочисленным и разнообразным погребальным инвентарем. Бронзовые витые браслеты и налокотники, шейные гривны, перстни, поясные пряжки с инкрустацией железом и цветным стеклом, многочисленные и разнообразные литые привески в виде фигурок домашних и диких животных, фантастических образов, булавки-заколки и фибулы составляли элементы костюма и украшений погребенных. Бронзовые топоры нескольких типов, копья, кинжалы, стрелы, булавы, конская узда, фибулы составляли специфику мужских захоронений.

Как уже отмечалось, докобанские коллективные гробницы Нули и Квасатала сходны с Рутхинскими и Адайдонскими²⁷. Близок также и археологический материал этих памятников. Сходство проявляется и в обилии оружия и украшений, положенных с погребенными. В Нуле и Квасатале, «в отличие от триалетских курганов, в большом количестве представлено бронзовое оружие — наконечники копий, клинки, а также украшения — браслеты, булавки разного типа, височные подвески и др.»²⁸. Здесь и на северном склоне Главного Кавказского хребта в это время использовалась преимущественно мышьяковистая бронза, хотя имеются уже и предметы из оловянистой бронзы.

Погребальный обряд кобанцев предусматривал ритуалы, связанные с культом огня, помещением в могилы кремня для огнива (Эльхотово), красной или желтой охры (Стырфаз),²⁹ разведение в них костра, посыпание дна погребения древесным углем (Эльхотовский и Адайдонский могильники).

Частью погребального обряда являются жертвоприношения крупного и мелкого рогатого скота с помещением в погребения их частей. Весьма часто это бедро и часть голени жертвенного животного. Интересен в этой связи бытующий до сих пор осетинский обычай, когда при ритуальных трапезах бедро и голень (æвдасарм) жертвенного животного отделяются и играют в обрядовом действе отдельную особую роль.

Важной частью кобанской идеологии является обряд посвящения коня. Последний обычай связан с погребением воинов и вождей и характеризуется погребением с всадником целых взнузданных лошадей, их частей (голова) или укладыванием рядом с погребенным уздечки (Верхнекобанский, Тлийский, Эльхотовский, Моздокский, Комаровский, Адайдонский могильники, некрополь Гастон Уота и др.). В памятниках горной зоны Осетии в докобанский и кобанский периоды встречается, хотя и не повсеместно, также обряд кремации погребенного и инвентаря (могильники В. Рутха, Адайдон, Гастон Уота).

Еще одной интересной особенностью кобанского погребального обряда является обычай «очищения», «подготовки покойников» к захороне-

нию. Выражается он в освобождении костяков от плоти неизвестным нам пока способом. Кобанцы, возможно, использовали специальные каменные площадки с кругом из вертикально установленных или расставленных под углом каменных плит в центре. Следы подобного сооружения зафиксированы на окраине Адайдонского некрополя. Очищенные от плоти костяки через какое-то время укладывались в гробницы и сопровождались характерным для кобанцев большим количеством погребальных предметов и соответствующих конкретному случаю (в зависимости от половой, социальной и другой принадлежности) атрибутов.

Вопросы о местах, связанных с отправлением религиозных культов племенами кобанской культуры, относятся к категории малоизученных, т. к. непосредственно связаны с проблемой раскопок поселений. На территории Осетии были проведены исследования на поселениях Змейское, Сауар и Нацар-гора. Частично исследовано поселение «Царциаты Кадзах». Площадь Змейского поселения к моменту начала раскопок была уже в значительной степени скрыта. На могильнике Гастон Уота у с. Донифарс был выявлен жертвенник, датируемый V-IV вв. до н. э., представлявший собой место для ритуальных жертвоприношений. На ровной прямоугольной площадке размером 3×2,5 м, огороженной стеной из камня и обугленных плах, высотой до 1,5 м, в слое кострища были обнаружены сожженные останки от нескольких взнузданных лошадей. Здесь же, среди золы и костей лошадей, находились отдельные пережженные человеческие кости. Дно жертвенника было покрыто слоем кострища мощностью в 15 см, на котором находилось два бронзовых навершия жреческих жезлов-«штандартов», украшенных антропоморфными и зооморфными фигурками. Нижний ярус «штандартов» представлял собой литые колокольчики³⁰.

Первое навершие представляет собой ажурный конус, на котором расположены скульптурные изображения головы оленя, двух фигур всадников, четырех мужских фигурок и двух головок козлов. К нижнему ободу «штандарта» привешивались 13 небольших колокольчиков. Еще один большего размера прикреплялся в центре нижней части композиции. Второе навершие украшено фигурами трех оленей и также снабжено колокольчиками. Ближайшие аналогии описанным предметам известны из клада кобанских предметов, найденного близ с. Казбеги и из с. Камунта. Однако находка из Казбеги является кладом, а бронзовое навершие в виде протомы оленя с колокольчиками из Камунты происходит из неустановленного комплекса. Таким образом, только благодаря сауарским находкам мы можем прочно связать эти предметы с культовой практикой древних кобанцев.

В святилище Реком у с. Цей найден бронзовый кобанский ритон, покрытый гравированным свастическим орнаментом и украшенный головой

быка. Ритон, относящийся к древностям классического периода кобанской культуры и датируемый началом I тыс. до н. э., попал в святилище вместе с другими многочисленными приношениями. В святилище были также найдены бронзовые фигурки птиц, животных и подвески от конской узды кобанского типа. Возможно, в районе Цея в древности находилось культовое место кобанских племен. На наличие в окрестностях с. Нар кобанского святилища указывает случайно найденное здесь бронзовое скульптурное изображение человеческой головы, сделанное в кобанском стиле. Параллели этой находке известны из Тлийского могильника и с. Моллаисаклы в Азербайджане³¹.

К предметам, связанным с культовыми местами кобанских племен, относится также, по мнению некоторых исследователей, гранитная плита с высеченным на ней изображением лабиринта, найденная в окрестностях с. Махческ в Дигории. Происхождение этого изображения связывали с влиянием на кобанскую культуру, оказанным со стороны археологических культур «Средиземноморья догомеровского периода»³². К атрибутам жреческих церемоний относятся и протокобанские бляхи, изображающие птицевидную фигуру с крыльями в виде секир и головой барана, гравированные солярным и геометрическим орнаментом (В. Рутха, Фаскау, Адайдон)³³. К таким же предметам относится, вероятно, сложная привеска, являвшаяся, возможно, частью посоха, которая изображает три человеческие фигуры, прикрепленные посредством колечек к пластине со скульптурным изображением двух птиц (В. Кобан)³⁴.

К предметам, связанным с магическими представлениями кобанцев, относятся также раковины каури (*cuprea moneta*), являвшиеся атрибутом женского костюма. Раковины были составной частью связок бус, нашивались на одежду, иногда на головные уборы и связывались в представлениях древних кобанцев с женским плодородием.

Основные категории материальной культуры. В кобанских захоронениях и на поселениях обнаруживается, как правило, большое количество посуды, которая в зависимости от назначения изготавливалась как тарная, столовая или погребальная. При ее помещении в погребения наблюдается определенный канон, например, захоранивался комплект корчага (крупный кувшин без ручки) — кружка, или — черпачок и миска с загнутым внутрь краем, или — корчага и кружка. Погребальная посуда обычно более богато украшена резным или налепным орнаментом. Имеются великолепные образцы черной лощеной керамики, резной орнамент которой затерт специальной стекловидной белой пастой. Одной из разновидностей столовой и погребальной посуды были бронзовые котлы-ситулы и изящные бронзовые кружки, украшенные зооморфным орнаментом.

Цветовая гамма кобанской керамики весьма разнообразна — от охристого до коричневого цвета, с большим количеством оттенков. Широко представлена в материалах культуры серолощенная, пепельная, бежевая и черная лощеная керамика. Наиболее типичной формой сосудов являются крупные корчаги с раздутым туловом, относительно небольшим плоским дном, коротким горлом и отогнутым венчиком, украшенные геометрическим и наклепным орнаментом. В быту у кобанцев использовались и орнаментированные изящные корчаги небольших, высотой до 20 см, размеров.

Распространенным видом столовой и погребальной посуды являются кружки и черпачки средних размеров с округлым туловом, отогнутым венчиком и петлевидной ручкой, поднимающейся над венчиком, а также кружки аналогичной формы, но меньших размеров. Еще одна категория столовой посуды — миски с загнутыми краями, «в подавляющем большинстве прекрасно лощеные и орнаментированные прорезным, реже зубчатым штампованным орнаментом»³⁵.

Протокобанская керамика на территории Осетии представлена находками из Чми (Беахни-куп), Верхней Рутхи (Кумбулта), Фаскау, Тлийского, Нульского и Адайдонского могильников. Орнамента ранней керамики северной группы представляет собой штампованный орнамент, сопряженный с небольшими ручками-налепами с отверстием в вертикальной плоскости, фризы из заштрихованных треугольников с вершинами, направленными вверх, горизонтальные каннелюры, вдавления треугольного штампа, шнуровой орнамент, налепы, расположенные группами, сосцевидные налепы, зеркальное лощение. На некоторых сосудах в этот период уже появляется орнамент в виде волны. Как формы, так и орнамент этой керамики обнаруживает сходство с материалами предкавказской катакомбной культуры позднего этапа³⁶.

Период с середины XI по начало VII вв. до н. э. является эпохой расцвета керамического производства кобанских племен. В это время появляются новые формы керамики — пиксиды, классические кобанские корчаги с раздутым туловом, широким горлом и резко отогнутым массивным венчиком, разнообразные комбинации кружек с петлевидными ручками, миски с резко загнутым внутрь венчиком, миниатюрные черпачки с закругленным дном, «тюльпановидные» горшочки, спаренные сосудики и т. д. Появляется шахматный орнамент. Наряду с разнообразными сочетаниями геометрического рисунка используются и зооморфные мотивы, появляется прием затирания резного орнамента цветной стекловидной пастой. Появляется прием оформления верхнего края или всей ручки сосуда в виде зооморфного существа с выделенными ушками. Тогда же в материалах кобанской культуры появляется такая замечательная категория посуды, как украшенные чеканным орнаментом бронзовые кружки, вазы и ведерки-котлы (В. Кобан, Тли, Адайдон). Эти формы становятся характерными для кобанской культуры вплоть до

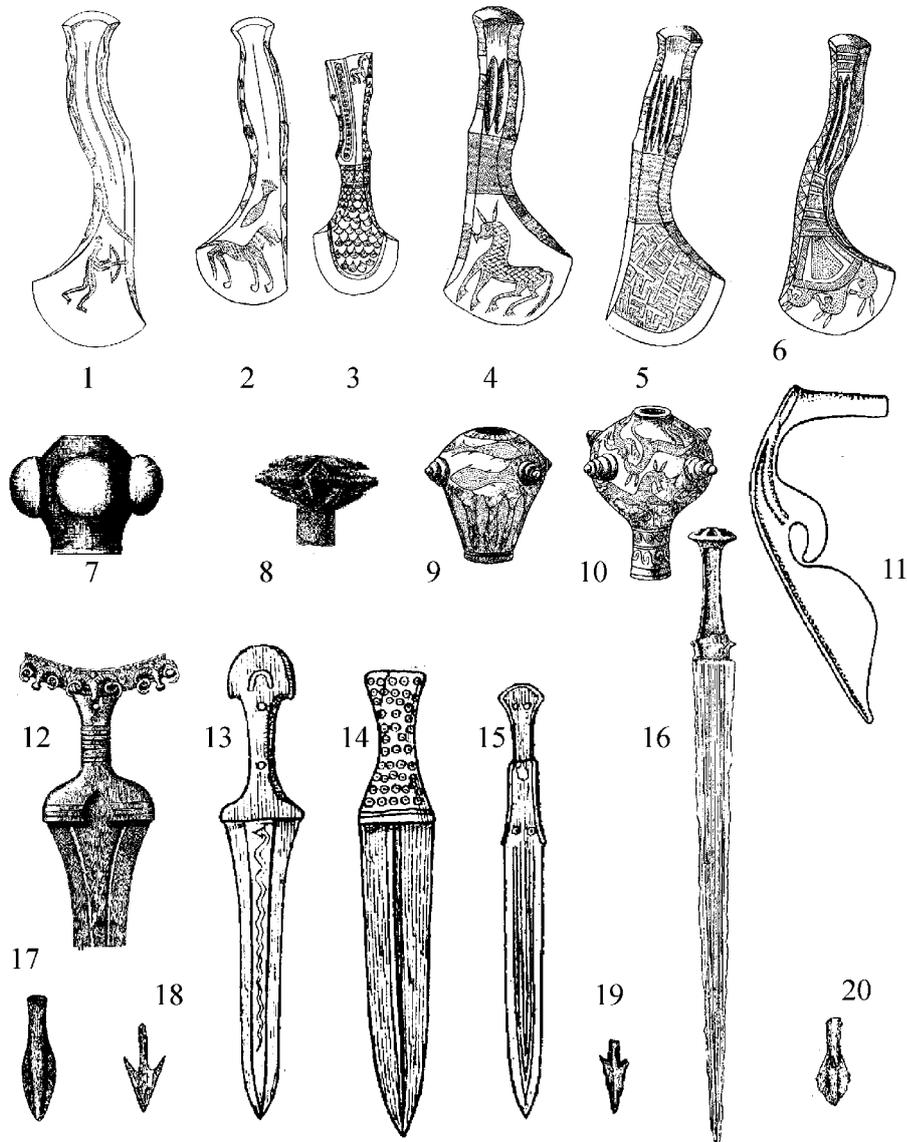
раннесарматского времени. В скифское время бронзовая посуда кобанских племен весьма часто оказывается ведущим типом импорта в степную, киммерийско-скифскую среду. Так, самые поздние находки бронзовой кобанской посуды засвидетельствованы в скифских комплексах VI-V вв. до н. э.³⁷

В скифо-сарматское время происходит стандартизация кобанской керамики, характерная, в целом, для материальной культуры всего северо-кавказского региона. Для данного периода характерны корчаги с грушевидным туловом и относительно небольшим венчиком, кружки и кувшины с ручкой, переходящей в венчик, но не нависающей над ним, глубокие миски, орнаментированные резными фризами, сарматоидные сосуды с вертикальными стенками и дисковидным выступающим дном, кружки с петлевидной, выступающей над венчиком ручкой, орнаментированные по тулову парными косями насечками.

Оружие и защитное снаряжение. Наиболее известным атрибутом кобанской культуры являются бронзовые парадно-боевые топоры, нередко украшенные гравированным или литым орнаментом, обнаруживаемые почти в каждом мужском погребении, часто по несколько экземпляров в одном. П. С. Уварова выделила четыре типа топоров с дважды изогнутым корпусом, с прямым корпусом и с прямым корпусом и клиновидным обухом. На территории Осетии встречаются все из них, но наиболее характерны первые три³⁸.

Изящные, двоякоизогнутые топоры (тип А, по П. С. Уваровой, тип 1, по В. И. Козенковой и Б. В. Техову) можно назвать главным определяющим типом для территории Осетии в эпоху классической Кобани, т. к. их суммарное количество находок здесь превышает число находок на всей остальной территории как Северного Кавказа, так и Закавказья. Только в одном Верхнекобанском могильнике их обнаружено 50 штук. Он наиболее типичен не только для северной группы центрального варианта кобанской культуры, но и для южной. В погребениях Тлийского могильника он зафиксирован в 37 случаях. К западу и востоку от Осетии этот тип топора встречается гораздо реже³⁹. Прекрасно сбалансированный с изящными пропорциями, этот топор-секира наиболее часто украшался геометрическим гравированным орнаментом, а также зооморфными, антропоморфными и солярными изображениями. Боковые стороны корпуса топоров, как правило, украшены тремя или пятью подтреугольными в сечении гранями — ребрами жесткости.

Бронзовые кобанские топоры с прямым корпусом (тип Б, В, по П. С. Уваровой, тип 2, по В. И. Козенковой и Б. В. Техову) распространены на значительно большей территории. Они встречаются как в границах всего ареала Кобани, так и в зоне бытования колхидской культуры. Этот же тип топора часто встречается в виде кобанских импортов на сопредельных территориях. Бронзовые топоры с прямым корпусом и клиновидным обухом в большей

Оружие и символы власти кобанской культуры.
 1-3, 12, 17 – В. Кобан; 4-6, 9-10, 13-15 – Тли; 7 – Адайдон;
 8 – В. Рутха; 11 – Фаскау; 16 – В. Лиса; 18-20 – Эльхотово.

степени встречаются на территории центрального варианта, а также в материалах колхидской культуры. Они весьма редки к западу от Осетии (2 экземпляра), и практически не известны к востоку⁴⁰.

Вышеописанные типы топоров бытуют в период от XII в. до н. э. до конца классического этапа бытования кобанской культуры (начало VII в. до н. э.). В скифское время, когда в регионе происходит повсеместное вытеснение бронзовых орудий и оружия железными, кобанские топоры начинают изготавливать из железа. Одновременно упрощается форма топоров. Известное в предыдущую эпоху разнообразие типов сводится в основном к двум — топору с прямым корпусом и топору-клевецу, предназначенному для пробивания защитных доспехов противника. На раннем этапе данного процесса железные топоры кобанских племен копируют еще форму бронзовых. Однако со временем под воздействием новой техники изготовления (литье сменяет ковка) упрощается и форма железных топоров, которые теперь представляют собой простой узкий топор с прямоугольным или подквадратным обухом⁴¹. Почти в неизменном виде форма железного топора с подпрямоугольным обухом бытует на Северном Кавказе в аланской культуре, вплоть до VII-VIII вв. н. э., преимущественно в горной зоне Северной Осетии (Архон, Камунта).

В протокобанскую эпоху существовало большее разнообразие типов бронзовых топоров, связанное с поисками наиболее рациональных и гармоничных форм. Для этого времени характерны типы трубчатообушных, а позднее проушных топоров с круглым отверстием. Материалы эпохи Кобан Ia, Ib (по периодизации В. И. Козенковой) обнаруживают большое разнообразие форм. Эти топоры представлены в могильниках Фаскау, Камунта, В. Рутха, ранних комплексах Тли, в Стырфазе, Адайдоне, Кобане, Карца и Чми. Из орнаментальных мотивов, распространенных в этот период для украшения топоров, использовались параллельные каннелюры на втулке, «елочный» орнамент или «косичка» на боковой части втулки, украшение обуха бронзовым шариком. На некоторых топорах (тип Фаскау 7 из Галиата (Фаскау) и Адайдона) появляется гравированный орнамент.

Характерным приемом орнаментации для топоров этого типа является расположение на обухе и спинке топора скульптурного изображения барана, иногда двух, или бараньих рогов (В. Рутха, Фаскау, Адайдон). Форма клина топоров, бытовавших в период Кобан I, также поражает своим разнообразием. Известны топоры с узким дуговидным корпусом (тип 2,6, 2,8, по С. Н. Корневскому), короткие с относительно широким клином, секировидные, с широким лезвием и заточенной внутренней стороной клина (тип 2,12), двоякоизогнутые секировидные и двоякоизогнутые узкоклинчатые (тип 2,17, 2,18). Бытовали ритуальные клювовидные топоры-секиры (тип 2,16) с удлиненной трубкой и клином-лезвием в виде массивного вытянутого клюва птицы. Этот

же тип топоров-секир, но увеличенных размеров с усиленными ребрами жесткости, с заточенным клином, использовался как тяжелый боевой клевец для пробивания щитов или защитного доспеха⁴².

Выяснение ареала генезиса перечисленных типов топоров требует дополнительных исследований. Но уже сегодня можно утверждать, что местом происхождения наибольшей части указанных топоров является район, охватывающий, в первую очередь, горную зону Осетии. Эти топоры отличались от бытовавших в кобанский период не только формой, но и составом бронзы. Если для топоров эпохи классической Кобани типичны оловянистые бронзовые сплавы, в некоторых случаях с высоким содержанием этого металла, то для более ранних топоров характерна лигатура мышьяком и сурьмой (7-8% мышьяка и 0,9-7% сурьмы)⁴³.

Кинжалы. Как и топоры, кинжалы составляют неперенный атрибут погребального обряда мужских захоронений кобанской культуры. До сегодняшнего дня, несмотря на обилие находок из других памятников кобанской культуры, как на севере, так и на юге Осетии, непревзойденными по красоте, функциональности и сложности композиционных украшений остаются кинжалы Верхнекобанского могильника. Активное творческое начало, присутствующее кобанским мастерам-металлургам на всех этапах развития кобанской культуры, способствовало созданию огромного разнообразия типов кинжалов. Тем не менее, существуют несколько форм данного предмета вооружения, которые можно назвать типичными для кобанской культуры.

Для периодов Кобан I и II характерны бронзовые кинжалы с треугольным клинком, снабженным грибовидным навершием, стержневидной рукоятью, иногда с отверстием на конце, или полусферическим основанием клинка, к которому на штырях-заклепках крепилась деревянная или костяная рукоять. Бытуют и кинжалы со сложными бронзовыми рукоятями, богато украшенными геометрическим орнаментом. Ажурные рукояти или выемчатый орнамент на них в некоторых случаях заполнены цветной стекловидной пастой или деревом. Достаточно часто встречаются цельнолитые кинжалы так называемого «переднеазиатского типа», представляющие собой относительно узкий удлиненный клинок, снабженный фигурной рамочной рукоятью, во внутренние полости которых помещались фигурные вкладки из ценных пород дерева (В. Кобан, Тли, В. Рутха, Уаллаг Лиса, Фаскау, Адайдон)⁴⁴. Кинжалы последнего типа являются заимствованной формой из стран Передней Азии эпохи рубежа средней — поздней бронзы, свидетельствуя об активных межплеменных контактах древнего населения Кавказа.

В эпоху классической Кобани наиболее типичными формами являются кинжалы с пламевидным клинком, имеющим сужение в средней части, с многофигурной бронзовой или насаживаемой посредством заклепок деревянной рукоятью. Распространены также простые вытянуто-треугольные

клинки с бронзовой или деревянной рукоятью. Этим временем датируются прекрасные бронзовые кинжалы с металлической рукоятью, а также составной ажурной ручкой и высокохудожественной гравировкой на клинке в виде змеи и «бегущей волны» из Тли и Стырфаза. Цельнометаллические бронзовые кинжалы с составной и грибовидной рукоятью известны также в Корнисе, Квасатале, Ортеу⁴⁵.

В конце классической эпохи в материалах культуры встречаются цельнометаллические или биметаллические кинжалы «киммерийского типа» с прорезной кольчатой рукоятью, снабженной грибовидным навершием. В позднекобанское время появляются и широко распространяются формы, близкие скифским акинакам, выполненные в железе. Кобанским мастерам были известны практически все разновидности скифского акинака, что подтверждается находками из собственно кобанских погребений. В то же время видна тенденция придания этой «модной» в эпоху раннего железа форме кинжала кавказских признаков, проявляемая как в оформлении рукояти, так и в пропорциях клинка⁴⁶.

Булавы. Бронзовые и каменные навершия булав, выполнявшие функции как оружия, так и символа власти, известны в материалах протокобанской эпохи и кобанской культуры с самых ранних этапов ее бытования. На территории Осетии они найдены в Верхнекобанском, Верхнерутхинском, в Фаскауском, Стырфазском, Тлийском и Адайдонском могильниках. Ранние навершия представляют собой шар, иногда снабженный четырьмя шаровидными выступами, или конус, украшенный круговыми каннелюрами. В классический период — это овальный шар с четырьмя конусообразными отвершиями, украшенный гравировкой. Необычное пока для материалов Кобани оформление имеет бронзовое навершие булавы из Дигории, представляющее собой трубку с пятилучевой звездой на конце и шариками, расположенными между лучами⁴⁷.

Бронзовым булавам кобанской культуры предшествуют каменные, характерные для эпохи средней бронзы, а в периоды Кобан Iб и II сосуществующие с бронзовыми. Они известны в Кобане, Тли, Нацаргора, Стырфазе, Донифарсе, Адайдоне. В это же время известны каменные булавы с четырьмя полусферическими выступами, форма которых повторяет бронзовые (Тли, Фаскау, Адайдон). Одним из шедевров бронзолитейного производства кобанских племен являются две булавы из Тлийских погребений №№ 57, 227, с коническими выступами, украшенные гравированными сложными сюжетными сценами⁴⁸.

Копья. Типичным видом вооружения кобанских воинов на территории северной группы центрального варианта с самого раннего этапа бытования культуры служили копья и дротики с бронзовыми и железными наконечниками. В памятниках южной части Осетии они часто встречаются в докобан-

ское и в раннекобанское время, и в меньшем количестве в последующие эпохи. Большинство из них снабжены массивной раскованной втулкой, часто с отверстиями для закрепления древка. Но известны и типы цельнолитых наконечников копий. Достаточно рано, по сравнению с другими категориями оружия, примерно с середины IX в. до н. э. этот тип вооружения начинает изготавливаться из железа. Большое количество копий известно в материалах могильников В. Рутха, Догуй Хунта, Эльхотовском и Адайдонском могильниках. В могильнике Догуй Хунта, близ Донифарса, обнаружены железные наконечники копий, достигающие вместе с втулкой длины в 57 см, форма которых свидетельствует об их использовании для пробивания металлического доспеха. До полуметровой длины достигают массивные бронзовые наконечники копий Адайдонского некрополя. Весьма внушителен также по своим боевым качествам кобанский наконечник копья из с. Горное Карца⁴⁹. Использовались и дротики, о чем свидетельствуют находки их наконечников в погребениях Кумбулты (В. Рутха), Кобана, Адайдона. В некоторых гробницах Адайдонского могильника найдено более десяти копий и дротиков.

Стрелы. Лук и стрелы не были типичны для комплекса вооружений кобанских племен, хотя и известны на всем протяжении бытования культуры. К протокобанским относятся кремневые, обсидиановые (Фаскау, Адайдон) и бронзовые — уплощенные с треугольными заостренными крыльями (В. Кобан, В. Рутха, Нул, Чми, Балта). С VIII в. до н. э. и до сарматского времени использовались бронзовые втульчатые наконечники стрел степных форм и костяные (В. Кобан, Змейская, Корниси, Эльхотово, Н. Зарамаг, Адайдон). Стрелы не входили в перечень ведущих типов кобанского вооружения, хотя и являлись атрибутом воинских захоронений. В погребениях Эльхотовского могильника они встречаются в количестве от 1 до 3 в каждом третьем мужском комплексе. В некоторых погребениях находились 6-7 наконечников стрел. Преимущественно в ранний и классический период лук и стрелы использовались древними кобанцами для охоты. В позднекобанскую эпоху ситуация меняется, и многочисленные колчаные наборы становятся достаточно типичным атрибутом воинских захоронений. У кобанских стрел имелась еще одна немаловажная функция — ритуальная. Об этом свидетельствуют случаи вложения в погребение одной стрелы (погребение № 41 Эльхотовского могильника), а также сцена на топоре из Верхнекобанского могильника, изображающая, предположительно, лучника, стреляющего в гигантских змей. Вероятно, стрела играла определенную роль в погребальных ритуалах, обеспечивающих переход из этого мира в потусторонний⁵⁰.

Защитное вооружение. К защитным доспехам относятся, в первую очередь, высокие массивные бронзовые поясные пряжки, составлявшие часто один комплект с широким бронзовым поясом. Являясь одновременно и типичным парадным элементом одежды, и защитным вооружением, эти катего-

рии предметов часто богато украшались разнообразными видами орнамента и зооморфными изображениями. Ширина бронзовых поясов — 6-15 см.

К немногочисленным находкам относятся нагрудные защитные пластины, представлявшие собой заостренный книзу бронзовый нагрудник с коническими выступами на внешней поверхности. Несколько экземпляров таких нагрудников-пекторалей известны на территории западного варианта кобанской культуры (Султангорский 1 могильник, Клин-Яр 3 и в Западном Закавказье). Клин-ярский нагрудник, вероятно, входил в комплект с обнаруженным здесь же бронзовым коническим шлемом ассирийского типа, снабженным выступами, защищающими висок и часть лица. К сожалению, клин-ярский шлем и пектораль происходят из разрушенных погребений могильника, поэтому нет точных данных о нахождении их в одном комплексе. В Осетии же бронзовые нагрудники-пекторали найдены пока только в Верхнерутхинском могильнике и в могильнике Фаскау⁵¹.

Еще одним видом защитного вооружения являются конические бронзовые шлемы. На территории Осетии они находились в погребениях могильников Фаскау, В. Рутха, Чми и В. Кобан. На шлеме из В. Рутхи, относящемся к типу «передневосточных» и датированном серединой VIII в. до н.э., имеется урартская клиновидная надпись «кладовая Аргишти» (царь Урарту Аргишти I — 786-764 гг. до н.э.), свидетельствующая о том, что шлем, вероятно, был взят в царской сокровищнице Урарту. К позднекобанскому периоду относится аттический бронзовый шлем (V в. до н. э.), свидетельствующий о контактах с эллинистической культурой⁵². В классический период кобанцам, вероятно, был известен и бронзовый чешуйчатый панцирь, составленный из подпрямоугольных пластин, прошивавшихся по верхнему краю. Пластины от него были найдены в материалах Эльхотовского могильника⁵³.

Коневодство и уздечные комплексы. Начиная с самого раннего этапа существования кобанских поселений и могильников, в их материалах фиксируются кости лошадей (Змейское, Сержень-юрт, Адайдон). Таким образом, для эпохи поздней бронзы-раннего железа подтверждается наличие лошади в местном хозяйстве, связанное с использованием ее в качестве тягловой силы, а также началом освоения лошади для верховой езды. О значении лошади и всадничества в кобанской культуре свидетельствует большое количество бронзовых привесок, изображающих лошадей и всадников. Часто лошадь представлена и в графическом искусстве — в виде гравировок на бронзовых парадно-боевых топорах и чеканки на бронзовых поясах.

На территории Осетии в памятниках кобанской культуры обнаружено более 60 предметов разнообразных типов конской сбруи (Змейская, Фаскау, В. Кобан, Донифарс, Комарово, Тли, Ленингори, Эльхотово, Адайдон и др.). При этом «большая часть узды происходит с ... территории Северной Ос-

тии»⁵⁴. Наиболее ранние предметы, связанные с конской уздой, — костяные псалии — зафиксированы в материалах Змейского поселения (XI в. до н. э.). В предскифское-раннескифское время (IX-начало VII в. до н. э.) в материалах кобанской культуры известно большое количество разнообразных комплектов строгой узды для верховой лошади. Только из погребений Верхнекобанского могильника происходят 15 наборов разных типов.

Известны однокольчатые и двухкольчатые бронзовые удила с разнообразным рифлением грызла, удила с оформлением концов в виде стремени, с овальными кольцами на концах удил и др. Также многочисленны костяные, роговые и особенно бронзовые псалии, использовавшиеся для жесткой узды. Из Верхнекобанского могильника происходят прекрасные комплекты удил, сочетающихся с бронзовыми псалиями, которые отлиты вместе в сложных литейных формах. Особенно примечательны удила с псалиями, концы которых оформлены в виде голов лошадей, в виде загнутого рога или когтя, трубчатые псалии с шляпковидными головками на концах. В этот период «...отчетливо видно знакомство всадников Кобани практически со всеми видами конского снаряжения IX — начала VII вв. до н. э., известными в Передней Азии, Северном Причерноморье, Средней Европе и Западном Средиземноморье (Аппенины)»⁵⁵.

В целом конская узда в раннескифское и в классическое скифское время идентична у киммерийцев, скифов и кобанцев (Кобан, Эльхотово, Адайдон, Тли). Эта схожесть породила проблему так называемого «новочеркасского комплекса». В данном случае вполне справедливым представляется мнение, что «строгий» уздечный комплекс «новочеркасского типа», который «складывался в сфере кобанской культурно-исторической области», был не только заимствован у кобанцев и модифицирован киммерийцами, но и посредством мобильности последних был занесен и передан другим племенам, часто значительно отдаленным от Кавказа (Украина, Венгрия, Австрия и другие современные регионы Восточной и Центральной Европы)⁵⁶.

В позднекобанскую эпоху, в конце VII-VI вв. до н. э., кобанская узда, изготавливаемая теперь часто из железа, уже не обнаруживает такого разнообразия, как в предшествующее время. Теперь уже под влиянием обратного импульса со стороны племен скифо-сарматского культурного круга происходит известная унификация узды, сопровождающаяся копированием многих «модных» образцов степного мира. Одновременно с изменением формы происходит и заимствование орнаментальных мотивов, зооморфного оформления псалий и т. д. Мощные металлургические центры кобанской культуры достаточно быстро сориентировались в условиях новой «степной» конъюнктуры и освоили массовое производство новых типов узды не только для своих нужд, но и для экспорта. «С конца VII в. до н. э. и на долгое время в конском снаряжении центрального варианта, в особенности в северокавказ-

ской группе... представлены практически все разновидности удил и псалиев скифо-савроматского облика»⁵⁷.

Возможно, кобанские племена были знакомы и с колесницами⁵⁸. На это, в частности, могут указывать изображения колесниц на некоторых бронзовых поясах из Тлийского могильника, а также литые бронзовые привески в виде однопарной колесницы⁵⁹.

С раннего этапа бытования кобанской культуры важное место при погребении воинов и вождей играет обряд захоронений коней или их частей, или помещение в могилы уздечки и элементов сбруи. Из них наиболее ранними являются захоронения из Верхнекобанского и Стырфазского (XI-IX вв. до н. э.) могильников Центрального и Терезинского, Сержень-Юртовского и Зандакского могильников западного и восточного вариантов культуры. Например, в гробнице № 3 могильника Терезе (Прикубанье) находился целый остов взнузданного коня. Еще более чем в 50 случаях в кобанских погребениях отмечена сбруя, символизирующая наличие лошади. Первой половиной VII в. до н. э. датируются бронзовые удила с роговыми псалиями из Тлийского могильника, располагавшиеся в захоронении рядом с черепом коня⁶⁰. На жертвенной площадке могильника Гастон Уота вокруг кремированного воина находились остовы нескольких лошадей. На этом же памятнике зафиксированы жертвоприношения лошадей⁶¹. Несколько десятков случаев нахождения узды в погребениях зафиксировано в Верхнекобанском могильнике. Известен этот обряд в Эльхотовском и Адайдонском некрополях.

Раннее и широкое развитие коневодства и освоение лошади под верх в среде кобанских племен было обусловлено, в первую очередь, особым экономическим укладом общества. Одна из главных составляющих экономики кобанцев — отгонное скотоводство — невозможна без мобильных вооруженных всаднических отрядов, перегоняющих и оберегающих скот при сезонных перемещениях с альпийских пастбищ в прикаспийские, предгорные зимники и обратно. Иллюстрацией этому процессу может служить сюжет осетинского Нартовского эпоса, когда герой Сослан вызывается перегнать скот на равнинные пастбища, расположенные у моря, заслужив этим подвигом уважение и благодарность нартовского общества.

Украшения. Если украшения являются самым массовым атрибутом кобанской культуры, то из них наиболее массовой является такая категория, как бронзовые стержневидные булавки. Их основу составляет заостренный стержень, как правило, с отверстием в верхней утолщенной части, увенчанный большим разнообразием наверший (в виде геометрических фигур, зооморфных и даже изображающих сложные многофигурные сцены). Булавки были важной частью парадного, ритуального, а также и повседневного костюма. Одни из них использовались для закрепления прически (некоторые

из этих экземпляров достигают длины более 35 см), а также для украшения головного убора. Другие служили для закрепления одежды, а также для ее украшения, часто совмещая практическую и эстетическую функции. Наличие особенно большого количества булавок отличает женские погребения. Как правило, это массивные булавки, использовавшиеся для закалывания головного убора и прически. Но нередки находки скреплявших одежду булавок и в мужских комплексах. В частности, булавка с завернутой в трубку головкой в погребениях Эльхотовского могильника встречается исключительно в мужских погребениях.

Наиболее типичны для памятников протокобанской эпохи и кобанской культуры Северной Осетии булавки с навершием в виде диска, закрученных бараньих рогов, конуса, булавки с пятью выступами, с раскованной и завернутой в кольцо головкой, грибовидные, с навершием в виде пяти заостренных выступов, цветка розы, овальным навершием, ажурным веерообразным («павлинье перо») и др. Для памятников периодов Кобан I-II юга и севера Осетии характерны булавки «павлинье перо» (Фаскау, В. Рутха, В. Кобан), с конусовидным навершием (Адайдон, Нул, Квасатал), булавовидным навершием (В. Рутха, Тли, Адайдон), виловидные (Тли, Цамад), с пятью навершиями (В. Рутха, Фаскау, Цамад), в виде закрученных бараньих голов (Фаскау, В. Рутха), с овальными навершиями (Тли, Цамад). В классический период (Кобан III) широкое распространение получают булавки с раскованным, завернутым в узкую трубочку концом. В это время появляются и широко распространяются булавки с оформлением навершия в виде изображения секиры, кобанского топора, секиры и двух птиц, птичьих голов (В. Кобан, В. Рутха, Эльхотово). Редкими по своему высокому уровню художественного исполнения являются булавки Верхнекобанского могильника с навершием в виде секиры, на обухе которой изображена сцена охоты двух собак на оленя, булавки с навершием в виде группы птиц и булавки с навершием в виде двух собаководных хищников, держащих в пасти добычу⁶².

Фибулы. Особое место в системе парадного костюма занимает бронзовая дуговидная фибула — застежка-брошь для скрепления воинского плаща. Поскольку каждый представитель мужского пола в кобанской культуре считался воином, то фибулы встречаются и в захоронениях мальчиков. В ранний период корпус бронзовой дуговидной фибулы более тонкий, а орнаментация более строгая — геометрическая. В скифское время и позднее, в позднекобанское время, фибулы достигают иногда гигантских размеров. Корпус и иглоприемник расширяются, а вся поверхность покрывается геометрическим и зооморфным орнаментом. Появляется дуговидная фибула в XII в. до н. э., являясь следствием контактов с индоевропейскими народами Средиземноморья и Балкан (субмикенская фибула — Vogenfibel)⁶³. В конце позднекобанского периода, наряду с предметами сарматоидного типа, встречаются

Украшения и элементы костюма древних кобанцев.
 1 – В. Рутха; 2 – 5 – 6, 9 – 11, 16, 18 – 20 – В. Кобан; 3, 13 – 15 – Тли; 4 – Цамад;
 7 – 8, 21 – 26 – Эльхотово; 12 – Джизи; 17 – Сохта

уже и фибулы «арбалетного» типа, широко известные в Причерноморье, Восточной Европе, а также в памятниках сарматских племен в степной — предгорной зоне Предкавказья⁶⁴.

Пряжки. Непременной принадлежностью парадного и, следовательно, погребального костюма являются бронзовые пряжки с внутренним крючком, из которых наиболее распространенными были прямоугольные, полуовальные, прямоугольные с вогнутым основанием, биспиральные с крючком и умбоновидные⁶⁵. Пряжки использовались в комплекте с бронзовыми и кожаными поясами. Массивные бронзовые пряжки не только были атрибутом мужского костюма. В сочетании с широким бронзовым поясом они представляли собой один из элементов защитного вооружения. Женские пряжки были меньшего размера и также сочетались как с бронзовыми поясами, так и с кожаными. В последнем случае на женские пояса по всей их длине нашивались ряды бронзовых спиралевидных пронизей.

Для раннего периода типичны полуовальные, часто покрытые спиральным орнаментом пряжки, а также биспиральные с крючком. В классический период наиболее распространенным типом стали уплощенные пряжки подпрямоугольной формы, часто массивных размеров (высотой до 18 см). Их внешняя поверхность была покрыта гравировкой и инкрустацией железом и разноцветной стекловидной пастой. Рисунки на внешней поверхности пряжек содержали типичные кобанские геометрические орнаменты — волну, спираль, ломаную линию, треугольники, разнообразные свастики. Зооморфные рисунки изображали собак, змей, лошадей, оленей, рыб. В эту эпоху в материалах Верхнекобанского могильника известны такие замечательные образцы кобанской металлопластики, как пряжки в виде литых скульптурных изображений скачущей лошади, двух стоящих друг против друга леопардов, в виде литого изображения кисти руки и др.

В позднекобанский период уменьшаются размеры прямоугольных пряжек, упрощается рисунок на них, появляются новые виды. Для этого времени характерны умбоновидные пряжки, прямоугольные пряжки меньших, чем в предыдущий период, размеров, с выступом в центральной части, а также ажурные прорезные пряжки с двумя круглыми большими отверстиями по бокам крючка. Финал поздней Кобани знаменует появление типов пряжек сарматского типа — овальных и полусферических пряжек, сделанных из бронзового прута и снабженных подвижным язычком⁶⁶.

Гривны (шейные обручи). Важной частью кобанского костюма классического периода были шейные обручи — круглые или большей частью овальной формы гривны, скрученные из массивного бронзового прута с раскованными и закрученными в трубочки концами. На поздних этапах развития культуры диаметр прута шейных обручей уменьшается. Часто он завит по всей длине, кроме концов, которые раскованы в виде удлиненной под-

треугольной в плане пластины, в некоторых случаях покрытой гравировкой. В Эльхотовском могильнике шейные обручи, в том числе с геометрическим орнаментом, были найдены только в женских погребениях. На юге Осетии, в Тли, гривны встречаются в большей степени в начале I тыс. до н. э. и только в мужских погребениях⁶⁷.

Налокотники и браслеты. Непременным атрибутом женского костюма были витые спиральные бронзовые налокотники и пластинчатые браслеты. Использовались два вида налокотников — цилиндрической и усеченно-конической формы, которые изготавливались из подтреугольной или полусферической в сечении узкой бронзовой пластины, скрученной вокруг своей оси. Концы их отгибались и скручивались в конусовидные завитки. Эти массивные украшения на территории Осетии известны пока в двух памятниках — Верхнекобанском и Эльхотовском могильниках⁶⁸. Подобные налокотники не обнаружены в материалах кобанской культуры югоосетинской группы памятников. Время их бытования ограничено классическим периодом развития кобанской культуры. Они появляются в эпоху расцвета культуры и выходят из употребления на финальной фазе предскифского периода — в конце VIII в. до н. э.

Еще одним предметом украшения племен кобанской культуры являются ножные и наручные браслеты⁶⁹. В отличие от налокотников, которые бытуют относительно короткое время, браслеты известны с самых ранних этапов бытования культуры и до конца позднекобанского периода. Они представлены в материалах практически всех памятников центрального варианта культуры. Для протокобанских памятников типичны широкие наручные манжетовидные браслеты без завитков на концах, простые узкие с ребром в средней части или без него, ребристые или полусферические в сечении с утончением к концам. В конце периода Кобан II появляются и широко распространяются в материалах всех памятников центрального, западного и частично восточного (Ингушетия) вариантов культуры пластинчатые браслеты с тремя ребрами на внешней стороне и одним завитком на каждом из концов.

Для позднекобанского периода характерны браслеты с разомкнутыми заостренными концами, скрученные из овального или полусферического в сечении бронзового прута, поверхность которого украшена ребристыми ободками. В это время встречается также такой дополнительный прием орнаментации, как зооморфное оформление сужающихся концов браслетов. Характерной особенностью позднейших браслетов позднекобанского периода является также прогиб спинки. Достаточно часто, особенно в ранние периоды, в женских комплексах могильников Осетии встречаются ножные браслеты (Тли, В. Кобан, В. Рутха, Адайдон). Они представляют собой кольца, согнутые, как правило, из круглого в сечении прута и украшенные гравированным орнаментом.

Привески. Большую роль в костюме кобанцев играли литые скульптурные бронзовые привески, известные в материалах всех памятников в больших количествах и в разнообразных формах и видах — геометрические, солярные, зооморфные, антропоморфные. Привески выполняли не только функцию талисманов, оберегов, культовых атрибутов, но также свидетельствовали о ранге, социальном и семейном положении и прочих характеристиках носивших их людей. Некоторые из них (очковидные, двуволютные скрученные в 2 оборота, овальные с расширением на концах) были частью головного убора, другие носились на груди, отдельно или в составе ожерелий.

Для периодов Кобан I и II характерен небольшой набор форм — привески в виде головы барана, птицевидные с головой барана, двуволютные, скрученные в 2 оборота, овальные с расширением на концах, привеска в виде подтреугольной пластины с четырьмя отверстиями, ранние типы птицевидных привесок с головой животного (В. Кобан, Беахни-Куп, Фаскау, В. Рутха, Адайдон, Цамад). В классическую и позднекобанскую эпоху, кроме трансформировавшихся привесок вышеописанных типов, появляются новые — крестовидные, булавовидные, спаренные и одиночные птицевидные с головой барана или собаки, в виде моделей кинжалов, секир и топоров, оленей, лошадей, человеческих фигур и др. (В. Кобан, Тли, Фаскау, В. Рутха, Стырфаз, Донифарс, Эльхотово, Адайдон).

Хозяйство и орудия труда. Основу экономики древнекобанских племен составляли скотоводство, земледелие и металлургия. Одной из главных отраслей хозяйствования было отгонное овцеводство, характеризующееся сезонными перегонами мелкого рогатого скота с предгорных и высокогорных пастбищ на равнинные, прикаспийские зимники и обратно. Этот вид скотоводства в условиях Кавказа являлся весьма высокопродуктивным, что позволяло получать большой прирост стада и обеспечивать общество мясной продукцией. Кости мелкого рогатого скота встречаются как в высокогорных памятниках культуры, так и в равнинных и предгорных поселениях и могильниках, что позволяет считать эту отрасль сельского хозяйства характерной для всего ареала культуры.

Наряду с овцеводством, важную роль в хозяйстве играло разведение крупного рогатого скота, также культивируемое и в равнинных, и в горных районах. Это подтверждается не только материалами горных и равнинных памятников (Тли, Змейское, Средний Урух, Адайдон), но и наличием большого количества скульптурных изображений быков, найденных в материалах могильников. Крупный и мелкий рогатый скот был и непременным атрибутом погребальных обрядов, а также жертвоприношений во время культовых празднеств.

В большом количестве в материалах кобанской культуры присутствует изображение собаки (бронзовые привески и гравировки с ее изображением,

сюжетные сцены охоты с ее участием и т. д.). Вероятно, это связано с системой хозяйствования кобанцев, в частности, с развитием отгонного скотоводства, а также с охотой. Имеющиеся материалы позволяют говорить о наличии как минимум двух разных пород собак. Первая представлена в виде пастушеской породы — вероятно, один из подвидов современной кавказской овчарки. Вторая — бойцовая, резко отличается от нее короткой широкой мордой и короткими ушами. Именно фигурки двух бойцовых (боевых) собак с оскаленными мордами, вместе с оружием и уздечным комплектом, были найдены в воинском захоронении могильника Адайдон.

В предгорьях и на равнине было развито также свиноводство, о чем свидетельствуют находки в памятниках этой зоны костей свиньи и бронзовых привесок с изображением этого животного⁷⁰. Знали древнекобанские племена и пчеловодство, продукт которого — воск — широко использовался их металлургами для отливки бронзовых поделок по восковым моделям.

Достаточно высокого развития достигло земледелие. В горах возделывались просо-магара и ячмень нескольких видов. На равнине и в предгорьях кроме них культивировали пшеницу твердых и мягких сортов. Данные палеоботаники свидетельствуют о длительном использовании пашни древними кобанцами, что подтверждает наличие у них пашенного типа земледелия⁷¹. Также предполагается наличие у кобанцев пашенного земледелия и в нагорной полосе⁷². К предметам, связанным с сельским хозяйством, относятся также находки бронзовых мотыг и бронзовых плоских топоров-тесел, зернотерок. В каменных зернотерках зерно размалывалось каменными же пестами-курантами (Змейское, Нацар-гора, Зарамагское поселение и др.) для приготовления каш или муки. Убирали урожай бронзовыми серпами или деревянными серпами с кремневыми вкладышами. Исходя из находок кремневых вкладышей для серпов исключительно в женских погребениях, можно сделать вывод, что земледелие в основном было уделом женщин. Большое количество находок керамических пряслиц и бронзовых игл свидетельствует о широком развитии в домашнем хозяйстве прядения шерсти и изделий из нее.

Важной отраслью экономики была металлургия и металлообработка. Основанная на местной базе залежей полиметаллических руд, кобанская культура в эпоху поздней бронзы располагала наиболее развитой на Кавказе и сопредельных регионах металлургией. Большая насыщенность захоронений разнообразными бронзовыми и вообще металлическими предметами, начиная с протокобанской эпохи, свидетельствует об очень высоком развитии техники и технологий. Выплавка руды осуществлялась на древесном угле в плавильных горнах, куда с помощью мехов и керамических трубочек-сопел нагнетался воздух.

Известны несколько типов отливок металлических предметов — с помощью каменных и керамических односторонних и двусторонних форм. Слож-

ные металлические композиционные предметы отливались посредством применения восковых моделей и глиняных утрачиваемых форм. Кобанские мастера изготавливали высокохудожественные изделия, применяя технику выколотки, чеканки, холодной и горячей сварки, кузнечной цементации, гравировки, инкрустации и т. д. Особенностью кобанской металлографии, неизвестной другим кавказским культурам в этот период, являлась техника инкрустации металла металлом, а также техника инкрустации металла разноцветными стекловидными наполнителями. С X в. до н. э. появляется первое железо, используемое пока преимущественно для инкрустаций по бронзе. К концу IX-VIII вв. до н. э. железо уже широко применяется. «Металлографические исследования показали, что кобанские кузнецы использовали разные сорта черного металла — от чистого железа до высокоуглеродистой стали»⁷³.

Изобразительное искусство кобанской культуры. На всем протяжении существования кобанской культуры ей сопутствует особый орнаментально-изобразительный стиль. Художественный стиль древних кобанцев развивался достаточно динамично, что связано как с развитием внутренних творческих сил культуры, так и с новыми технологиями, инокультурным влиянием и внутренним развитием самого общества. Также весьма динамично развивалась техника исполнения художественных предметов. Если в протокобанскую эпоху повсеместно господствует техника литья и кузнечной обработки с редкими спорадическими элементами гравировки, то в дальнейшем гравировка, если не превосходит по популярности литье, то, во всяком случае, не уступает ему по распространенности.

Богатый религиозно-идеологический мир кобанских племен при развитой технической составляющей культуры позволял мастерам создавать уникальные по выразительности и художественному решению произведения, как в керамике, так и в металлопластике. Разноцветная, лощеная до зеркального блеска керамика, часто сплошь покрытая резным орнаментом, затертым белой стекловидной массой, на черном или коричневом фоне сосудов, благодаря контрастам и гармоничному узору производит яркое впечатление. Но, безусловно, славу признанных мастеров и художников кобанцы получили благодаря работе по металлу. Применявшаяся ими кроме литья в двустворчатых каменных формах техника литья по утрачиваемой глиняной модели позволяла создавать очень тонкие многофигурные композиции, часто со сложными внутренними вставками.

Эта техника требовала не только высоких профессиональных навыков, но и высоко развитого абстрактного мышления, способности моделировать в сознании сложные технико-художественные композиции. При внимательном рассмотрении композиции сюжетов на бронзовых топорах, пряжках и поясах становится ясным определенное трехчастное, трехуровневое ком-

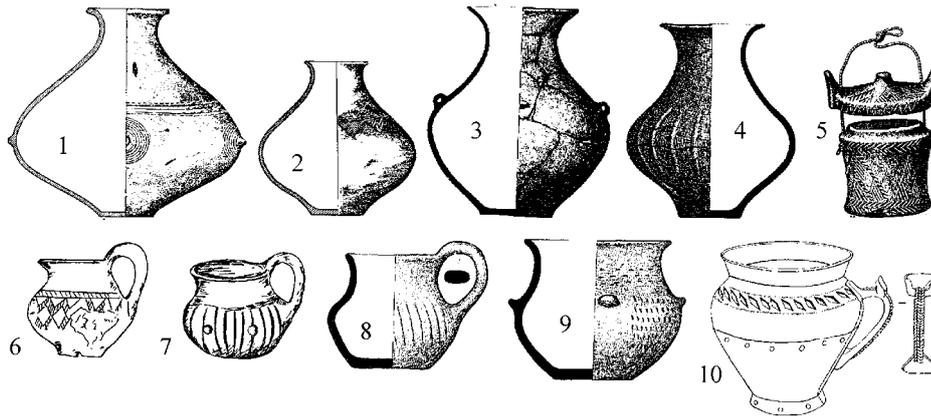
позиционное распределение фигур⁷⁴. В данном случае можно предполагать связь различных изображенных фигур с «верхним» миром (солярные знаки и снабженные крыльями персонажи), средним (животные и человек) и нижним, хтоническим миром (змеи, рыбы, изображения воды).

Большое разнообразие технических приемов, использовавшихся, например, жителями, оставившими Верхнекобанский могильник, поражает даже в сравнении с таким богатым и разнообразным материалом, как погребальный инвентарь из Тлийского могильника. Так, если «тлийцы» для украшения прямоугольных бронзовых пряжек пользовались преимущественно только одним техническим приемом — «гравировка иглой или резцом», то «верхнекобанцы» — четыремя: гравировка иглой, инкрустация железом, глубокая выборка с последующим заполнением разноцветной стеклянной массой, мелкая выборка резцом⁷⁵.

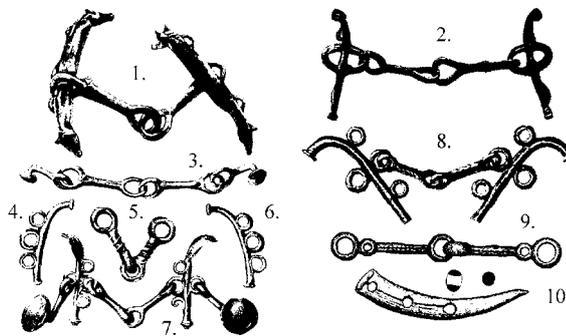
В классический период, судя по развитию и трансформации образов кобанского художественного стиля, происходят изменения и в идеологии кобанских племен. В частности, если в предыдущую эпоху в иконографии господствовали зооморфные образы божеств, оберегов и т. д., то в указанное время появляются и распространяются сложные антропоморфные композиции, например, в виде человеческой фигуры, стоящей на голове оленя или вооруженного булавой божества, стоящего на рогах туров или оленей (Верхнекобанский могильник). Глядя на эти фигурки, непроизвольно вспоминаются строки осетинского Нартовского эпоса: «А сын Афсати из лесных владений, сюда примчался на рогах оленя...»⁷⁶. Этим же временем датируются литые изображения женщины с младенцем на руках (кобанская «мадонна»?) и сложная композиция из трех человеческих фигур, прикрепленных к перекладине с двумя скульптурными изображениями птиц (Верхнекобанский могильник), фигурки воинов, всадников и т. д. Все эти антропоморфные изображения свидетельствуют о том, что в религиозно-идеологической системе кобанских племен произошли важные изменения, и часть функций перешла от демонов-хозяев окружающей среды, имевших зооморфный облик, к божествам, представлявшим в человеческих образах.

Еще один мифологический образ, распространенный на территории древнего Ирана, Закавказья и Северного Кавказа, нашел свое отражение в кобанской металлопластике. Это многочисленные привески, изображающие птицу с головой собаки, снабженную хвостом в виде секиры или топора. Они свидетельствуют о возможном существовании в среде кобанских племен культов, близких мифологическому образу древнеиранского Сэнмурва-Симурга⁷⁷.

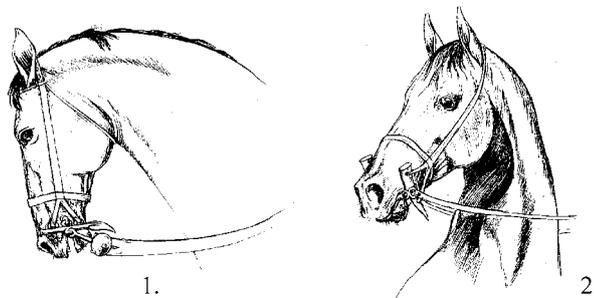
Существенные изменения со временем претерпевал и геометрический орнамент, например, гравированные изображения на бронзовых топорах.

Столовая и погребальная посуда кобанских племен.
1–2 – Змейская; 3–4, 8–9 – Эльхотово; 5–7 – В. Кобан; 10 – Тли.

Удила и псалии кобанской культуры. 1–8 – В. Кобан; 9–10 – Эльхотово.

Типы кобанской уздечки.
1. – В. Кобан; 2 – Эльхотово; Реконструкция Х.Т. Чшиева, художник – Б.Г. Цогоев

Динамично развивающаяся орнаментика на кобанских топорах, в частности, развитие геометрического орнамента, является важным датирующим элементом культуры⁷⁸.

Из Верхнекобанского могильника происходят и псалии в виде колеса со спицами и антропоморфными изображениями по его ободу, семантически связанные с солярными представлениями⁷⁹. Это литое изображение колеса вполне соответствует образу, описанному в осетинском Нартовском эпосе, — антропоморфное «колесо Балсага (Барсага)», связанное в эпосе с солярной символикой.

К позднекобанскому периоду, вместе с трансформацией культуры в целом, изменяется и кобанское художественное искусство. Под влиянием скифо-сарматских, греческих и ахеменидских образцов распространяются новые стилистические каноны, сюжеты, мотивы. Одновременно под влиянием глубоких традиций кобанской металлопластики и керамического производства скифы и сарматы перенимают ряд чисто кобанских элементов. При этом «степняками» заимствуются целые наборы признаков, характерных для кобанской культуры, как это произошло в случае с кобанскими керамическими кружками, украшенными поясками по плечикам, вертикальными или косыми линиями на тулове и зооморфными ручками. Кобанские орнаментальные мотивы, солярные и антропоморфные бронзовые амулеты, некоторые типы керамики продолжают жить в аланской северокавказской культуре вплоть до эпохи развитого средневековья, когда сама кобанская археологическая культура уже прекратила свое существование⁸⁰.

Примечания

1. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С.91, 94, 98, 100; Чшиев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Осетии. Владикавказ, 2007. Т.1. С.178-183.

2. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.118.

3. Чшиев Х.Т. Два типа топоров эпохи поздней бронзы из Адайдонского могильника кобанской культуры в Северной Осетии // МИАСК. 2007. Вып.7; Он же. Памятники кобанской культуры...; Он же. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006-2007 гг. Предварительные итоги исследования // XXV Крупновские чтения. ТД. Владикавказ, 2008; Он же. Птицевидные привески раннего типа из Алагирского ущелья Северной Осетии // XXIV Крупновские чтения. ТД. Нальчик, 2006.

4. Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. 1951. Вып.23. №20. С.58, рис.27.

5. Скаков А.Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997. С.84-85.

6. Чшиев Х.Т. Ключовидные секиры Адайдонского некрополя (новые данные о вооружении древних племен Кавказа) // XXVI Крупновские чтения. ТД. Магас, 2010. С.128.
7. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С.253, карта 24; Она же. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С. 66-67.
8. Ильинская В. А. Скифы Днепровского степного Левобережья. Киев, 1968. С.171.
9. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИР. 1998. Вып. 2–5. С.110.
10. Чшиев Х.Т. Отчет о раскопках Эльхотовского могильника в 1998 г. // Архив ИИА. Владикавказ, 1999; Альбом к отчету Х.Т. Чшиева о раскопках Эльхотовского могильника в 2002 г. // Архив ИИА. Владикавказ, 2003. Рис.7а.
11. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Скифские походы в Переднюю Азию и некоторые аспекты хозяйственно-культурной характеристики скифов // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994. С.35.
12. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // УЗ ЛГУ. 1949. Вып.13. С.193.
13. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.100-101.
14. Алексеева Е. П. Указ. соч. С.193-195.
15. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. Т. I; Он же. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.18-19.
16. Дударев С.Л. Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. Киев-Полтава, 2009. С.135-141.
17. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа. С.256, 259; Она же. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе. С.96.
18. Фидаров Р.Ф., Чшиев Х.Т. Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир, 2004. С.186-206.
19. Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры // МАДИСО. 1961. Т.1. С.16; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе. С.37.
20. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе. С.38.
21. Козенкова В. И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник. М., 2001. С.78, 82, 89.
22. Абесадзе Ц. Н. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1974. Т. 1.; Чшиев Х.Т. Два типа топоров эпохи поздней бронзы...; Он же. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии.
23. Иессен А. А. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа // Тезисы докладов на пленарном заседании конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1957. С.87-89; Алексеева Е.П. Указ. соч. С.193-195; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.15; Чшиев Х.Т. Отчет о раскопках грунтового могильника близ с. Эльхотово Кировского р-на РСО-А, разведках у с. Заманкул Правобережного р-на РСО-А и разведках у с. Горная Саниба Пригородного р-на РСО-А в 2005 г. // Архив ИИА. Владикавказ, 2006. С.62.
24. Чшиев Х.Т. Птицевидные привески раннего типа... С.198-199.
25. Чшиев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии. С.210-211.
26. Чшиев Х.Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006-2007 гг. ...
27. Абесадзе Ц. Н. Указ.соч. С.63.

28. Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. С.213.
29. Там же. С.156.
30. Мошинский А. П. Жертвенник кобанского могильника Гастон-Уота // XV Крупновские чтения. ТД. Махачкала, 1988. С.37-38; Mošiniskij A. Die Bestattung eines «Priesters» der Koban — Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. S.221-222; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С. 25.
31. Семенов Л. П. Памятник древнего культа Осетии (бронзовая голова идола из окрестностей с. Нар.) // МИА. 1951. Вып. 23. С.142; Марковин В. И. Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С.94, 100, 108, рис.17, серия 9.
32. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии. С.65; Марковин В. А. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. 1960. Вып.93. С.80; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе. С. 40.
33. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII. Табл. XCIII, 1; Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Berlin, 1996. Bang 3, taf. 13, 2-4; Мошинский А. П. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.34-41; Чшиев Х. Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии. С.278.
34. Уварова П. С. Указ. соч. Табл. XXXI, 6.
35. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.444; Деопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение.... С. 20-23; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе. С.38, рис.15, 23.
36. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.113-114, рис.39, № 19; Сафронов В. А. Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С.67.
37. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.47.
38. Уварова П. С. Указ. соч. С.15-16; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.57.
39. Корневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С.67.
40. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.69-70.
41. Тменов В. Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980. Вып. 1. Т. XXXVI. С.25, рис.5, 4-5.
42. Корневский С. Н. Указ. соч. С.28, рис.6, 13-15. С. 30, рис.8. С.29, рис. 7, 12-17; Чшиев Х. Т. Клювовидные секиры Адайдонского некрополя... С. 362.
43. Корневский С. Н. Указ. соч. С.27, 30; 33-34, 45, карта находок указанных типов топоров на рис. 11 и 15; Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973. С.68.
44. Уварова П. С. Указ. соч. С. 25, рис. 30-31 и др.; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе.... С. 91, рис. 34, 2, 31, 68-69. С. 94, рис. 35, 26, 28; Она же. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. 2-5. М., 1982. С.123, рис.47, 8.
45. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949. Табл. IX.
46. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.148-151.

47. Уварова П. С. Указ. соч. С.29; 39, рис. 34, 3, 70, рис. 35, 6; Техов Б. В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. Владикавказ — Цхинвал, 2000. С.162; Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska... S.236, taf. 36, 1.
48. Мошинский А. П., Переводчикова Е. В. Скифский «звериный» стиль в кобанских могильниках Дигории // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. ТД. Ростов-на-Дону, 1998. С.26; Техов Б. В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. С.53; Он же. Центральный Кавказ в 16-10 вв. до н. э. М., 1977. С.110-112; Уварова П. С. Указ. соч. С.207, рис. 179; Чшиев Х. Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии... С.279.
49. Техов Б. В. Центральный Кавказ в 16-10 вв... С.24; Он же. Археология южной части Осетии... С.207; Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант // САИР. Вып. В2–5. М., 1995. С.59; Уварова П. С. Указ. соч. Табл. LXXVII, 3.
50. Чшиев Х. Т. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // МИАСК. 2004. Вып.4. С.277-278.
51. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С.335, 350-353, 358; Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska... S. 223, taf. 23, 4.
52. Семенов Л. П. Шлемы из Северной Осетии // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С.62.
53. Альбом к отчету Х. Т. Чшиева о раскопках Эльхотовского могильника... 2003. Рис.7а, б.
54. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.59.
55. Там же. С.61.
56. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа... С.170.
57. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.61.
58. Там же. С.59.
59. Техов Б. В. Кобано-тлийское графическое искусство. Владикавказ-Цхинвал, 2001. С.265.
60. Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. С.253-254.
61. Мошинский А. П. Древности горной Дигории в VII-IV вв. до н. э. М., 2006. С.8-9.
62. Уварова П. С. Указ. соч. Табл. XXIX, 2-4.
63. Козенкова В. И. Материальная основа быта... С.72-73.
64. Уварова П. С. Указ. соч. С.39-50; 41. С.51; Туаева З. Д. Прямоугольные поясные пряжки эпохи поздней бронзы-раннего железа из Кобана и Тли // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.99-103.
65. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа... Табл. XI, 49, 51.
66. Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа... Табл. XI.
67. Техов Б. В. Центральный Кавказ в 16-10... С.150.
68. Уварова П. С. Указ. соч. С.58-59, рис.54-55; Альбом к отчету Х. Т. Чшиева о раскопках Эльхотовского могильника в 1999 г. // Архив ИИА. Владикавказ, 2000. Рис.12, 1-2.
69. Уварова П. С. Указ. соч. С.57, табл. XXX, 4-5; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.94, рис. 35, 12, 38; Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska... S.232-233, 246-249.
70. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа... С.266.
71. Там же.
72. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа... С.313; Техов Б. В. Археология южной части Осетии... С. 323.

73. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа... С.266.
74. Туаева З. Д. Указ. соч. С.101.
75. Там же.
76. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа... С.261.
77. Чшиев Х. Т. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // МИАСК. 2005. Вып.5. С.89; Он же. Древнеиранская собака-птица в кобанской металлопластике // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ, 2006. Ч. II. С.142-150.
78. Скаков А. Ю. К вопросу об эволюции декора... С.70-88.
79. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984. Рис. 182-184.
80. Чшиев Х. Т. К вопросу о северокавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // РА. 2008. №4; Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа... С. 193-195; Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе... С.148-151; Уварова П. С. Указ. соч. С.29; 39, рис.34, 3, 70, рис.35, 6; Техов Б. В. Новый памятник эпохи поздней бронзы... С.162; Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska... S.236, taf. 36, 1.

Скифы по данным археологии. Исходя из сообщения Геродота (Herod. I. 15, IV. 11-12) об изгнании киммерийцев скифами из Северного Причерноморья, исследователи считали логичным отражением тех исторических событий изменения в археологической картине. Соответственно вопросы идентификации исторических киммерийцев и скифов с носителями определенной археологической культуры были включены в общую проблематику заключительного периода эпохи бронзы в степях Евразии. В ходе своих поисков ученые связывали с киммерийцами или скифами кобанскую, протомеотскую, срубную, катакомбную, кизил-кобинскую, сабашиновскую, белозерскую культуры и т. д. Особое внимание уделялось миграциям, контактам и влиянию катакомбного, срубного, сабашиновского и белозерского населения на местное северокавказское население, переживанию позднесрубных традиций, становлению кочевого хозяйства и появлению всадничества. Однако указанные гипотезы на сегодняшний день в своем большинстве либо не нашли научного подтверждения, либо не получили общего признания у специалистов.

Дискуссия по вопросам генезиса киммерийской и скифской археологических культур еще не окончена. Важное место в ней, например, занимают вопросы соответствующей атрибуции черноморско-камышевыхских и новочеркасских групп памятников. Но в целом известные археологические материалы периода киммерийско-скифских походов, как полагают исследователи, свидетельствуют о том, что киммерийцы и скифы были носителями раннескифского археологического комплекса и мало отличимые, если не тождественны друг другу, с точки зрения археологии.

Формирование данного комплекса, по мнению археологов, было связано с несколькими волнами переселений кочевников из Центральной Азии. Некоторые специалисты предполагают наличие раннего «скрытого» этапа формирования скифских культур Центральной Азии и Южной Сибири, уходящего в XI-X вв. до н. э. Первая волна азиатских мигрантов докатилась до Восточной Европы около X или IX вв. до н. э. Следующая миграция, связанная с тем же генетическим источником, датируется второй половиной VIII или рубежом VIII-VII вв. до н. э. Гипотеза о связи раннескифской культуры с азиатским импульсом в той или иной степени разделяется многими исследователями.

Начало указанных переселений связывают с изменениями климата, а их отражение усматривают в сообщениях по истории государства Западное Чжоу. Окончательное формирование скифской культуры относят за счет миграции на запад среднеазиатских кочевников последней трети VI в. до н. э., полагая ее причиной экспансию Ахеменидского Ирана в Среднюю Азию. Северный Кавказ стал тем местом, где происходило само становление культуры ранних скифов. Наблюдения за сложением основных элементов раннескифской культуры позволили рассматривать ее носителей как потомков пришлых номадов, ассимилировавших часть предшествовавшего им, вероятно, в первую очередь этнически близкого населения. Вместе с тем, часть исследователей критически относится к идее центральноазиатского очага в формировании скифской культуры.

В антропологическом плане специалисты отмечают сходство скифов с населением Северного Причерноморья эпохи бронзы. В то же время указывалось и на значительное антропологическое сходство скифов со многими одновременными им популяциями Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Не отрицается и вероятность участия пришельцев в формировании скифского населения Северного Причерноморья. Например, для скифского населения степного Приднепровья отмечают близость к окуневцам Центральной Тувы, скифскому населению Западной Тувы, тагарцам и группе эпохи бронзы Южного Узбекистана, что делает предпочтительней гипотезу о появлении скифов с юга Средней Азии или Центральной Азии. В целом, в антропологическом отношении скифы не выходят за рамки европейского расового ствола с преобладанием долихокраничных форм черепов с примесью брахикраничных.

Скифская проблема тесно связана с вопросами формирования савроматской археологической культуры. Здесь мы сталкиваемся с той же достаточно сложной картиной переходного периода. В письменных источниках нет информации о древнейшем населении к востоку от р. Дон. Большинство памятников междуречья Волга-Дон не поддается этнокультурному определению, имея довольно скудный инвентарь. Проблематичен и вопрос о непосредственной роли предшествовавшего населения в сложении савроматской культуры. В междуречье Волга-Дон нет классических памятников савро-

матов ранее середины или второй половины VI в. до н. э. Комплексы первой половины или середины VI в. до н. э. несут в себе много скифских черт. Кроме того, Нижний Дон служил местом прямых контактов меотского, скифского и савроматского миров. Два последних очень близки друг другу, и часто бывает трудно строго идентифицировать те или иные памятники.

Окончательное оформление комплекса савроматской культуры между речья Волга-Дон относят ко второй половине VI в. до н. э. за счет своеобразного «выброса» из «скифского» кавказского котла. Полагают, что могло иметь место продвижение с низовий Дона и с территории южнее р. Маныч каких-то групп скифского мира до бассейна р. Аксай или локальная миграция части кочевого населения с Северного Кавказа на Волгу в середине VI в. до н. э., что послужило катализатором для окончательного сложения «савроматской» культуры в междуречье Волга-Дон и на Нижней Волге. Следует отметить, что формирование савроматской культуры совпадает с периодом окончательного формирования скифской культуры, связанным с появлением новых восточных мигрантов, возможно, и на Северном Кавказе.

Выделяется два крупных локальных варианта «савроматской» культуры, что отражает наличие двух культур, принадлежавших близкородственным этносам. Формирование культур раннего железного века в междуречьях Волга-Дон и Волга-Орь, при определенной сложности решения, было исторически различным и диахронным. В первом районе располагалась культура скифского облика. Применение этнического названия исторических савроматов для определения археологической культуры оправдано только для памятников междуречья Волга-Дон или только для нижнедонских памятников, хотя и наблюдается известная близость материалов с приуральскими. Согласно антропологическим данным, савроматское население тяготело к сакским группам, сериям саргатской культуры, предгорий Алтая и т. д. К ним примыкает и серия европейских «царских скифов».

Киммерийцы и скифы Северного Кавказа по данным археологии.

Выделение киммерийской археологической культуры на Северном Кавказе, как отличной от скифской, сталкивается со многими трудностями. Попытки определения присутствия киммерийцев на Северном Кавказе основываются, в первую очередь, на фиксации инноваций в памятниках местного населения за счет различного рода контактов и прямой инфильтрации в их среду кочевников. По мнению части исследователей, с киммерийцами следует связать черногоровские или новочеркасские памятники, появление оленных камней, широкое распространение всадничества, культ коня, отдельных компонентов материальной культуры, переднеазиатский импорт, появление кладов с деталями упряжи колесниц и погребений колесничих. Погребения черногоровского типа не встречены восточнее излучины Терека¹.

На Северном Кавказе известно лишь около десятка таких погребений. **В Северной Осетии** к ним относят погребение № 6 кургана № 1 могильника Садовый в Моздокском районе. Оно представляет собой впускное погребение в небольшой яме овальной формы, размерами 1,25×0,7 м, в курган эпохи бронзы. Яма ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ — ВЮВ. Погребенный лежал скорченно, на левом боку, спиной вплотную к северной стенке, головой на ВЮВ. В погребении зафиксированы плоскодонный сосуд с косыми насечками в средней части тулова, жаровня с углями, бронзовая орнаментированная налобная бляха, бронзовая бусина, каменный молоток цилиндрической формы с двусторонним сверлением².

В Закавказье известно лишь два примера находок новочеркасского типа (клад из Сурмуши с двукольчатыми удилами и фрагмент трехпетельчатых псалий из Ксани). Черноговорские материалы полностью отсутствуют. Некоторые исследователи за интенсификацией связей между носителями колхидской культуры (мегрельский и особенно бзыбский варианты) и носителями западного варианта кобанской культуры в конце VIII-начале VII вв. до н. э. предположительно усматривают последствия киммерийских походов. Картографирование ряда находок (в первую очередь «пекторалей») указывает на основные маршруты через перевалы Клухорский, Донгуз-Орунбаши, Гебийафцаг, Гуырдыафцаг. Использовались эти маршруты и позднее³. Другие исследователи категорически отрицают факт присутствия киммерийцев в Центральном Предкавказье, как и в других районах, в которых представлены находки черноговорского и новочеркасского типов⁴.

Если исходить из признания киммерийцев и скифов носителями раннескифского археологического комплекса, то на первый план выдвигаются данные по скифской археологии в северокавказском регионе. О начале проникновения скифов на Северный Кавказ в VII в. до н. э., видимо, свидетельствуют как местные, в которых появляются черты скифской культуры (погребение Каменноостского могильника, комплексы у Лермонтовского разъезда, у хут. Алексеевский, находка в ст. Махошевской, в кургане Хадхож I и др.), так и собственно скифские памятники.

Обретение скифами предкавказских территорий нередко оборачивалось вооруженным противостоянием с местным населением⁵. Наиболее древние наконечники скифских стрел обнаружены на территории разрушенного в начале VII в. до н. э. поселения у с. Сержень-Юрт, возле г. Грозный, непосредственно на территории Дербента. Находки, например, в слоях пожара на труднодоступном дербентском холме, при наличии свободного прохода шириной в 3,5 км между холмом и Каспийским морем, свидетельствуют о стремлении скифов поставить данные земли под свой постоянный контроль для свободного пополнения воинских контингентов в Передней Азии⁶. Со скифской опасностью связывают возведение оборонительных стен вокруг

Дербента⁷. Угрозой со стороны кочевников объясняют исчезновение населения в Приморском Дагестане еще в конце II тыс. до н. э. и появление укрепленных поселений в начале I тыс. до н. э. Гибель же древнейшего здесь городища Шах-Сегир (IX-VII вв. до н. э.) относят к последствиям скифских походов по прикаспийскому пути⁸.

Внезапно прекращают существование ранее процветавшие поселения Центрального Предкавказья⁹. Густо населенное в X-VIII вв. до н. э. Змейское поселение было оставлено своими обитателями. Аналогичная ситуация фиксируется на Бамутском поселении. Учитывая тесные связи между Змейским поселением и Эльхотовским могильником, которые приходят в запустение к началу-середине VIII в. и к середине VII вв. до н. э., допускается связь затухания памятников с киммерийским проникновением в предгорья Северного Кавказа. Не исключено, что мы имеем дело с последствиями киммерийского и скифского наступлений. Близкая картина наблюдается на Алхан-Калинском и Замни-Юртовском поселениях. Первой половиной VII в. до н. э. ограничено существование Баксанского и Алхастинского поселений.

С прекращением жизни на Бамутском и Змейском поселениях синхронизируется гибель Сержень-Юртовского поселения. На его территории представлены следы пожаров и разрушений, сопровождавшиеся спешными захоронениями погибших жителей, зарытием кладов ценных вещей, находками в napольной части убежища скифских стрел архаического типа. Впоследствии жизнь здесь уже не достигала предшествующего уровня. Сходная судьба постигла Аллероевское 2 поселение. Наблюдаются и другие примеры зарытия кладов местным населением (Алтуд, Ессентуки, Бештау, Былым, Железноводск, Жемтала, Майртуп).

Видимо, в первой половине VII в. до н. э. был оставлен огромный Зандакский могильник. Уменьшается количество захоронений в Кобанском и даже Тлийском могильниках кобанской культуры. Близкая картина наблюдается в многочисленной группе могильников Пятигорья и Кабарды. Не позднее начала VII в. до н. э. прекращают использоваться Клин-Ярский № 1, «Лермонтовский», «Агачевский», Березовские №№ 5 и 6 и другие могильники. Во второй половине VII в. до н. э. перестают функционировать Березовский № 4, у мебельной фабрики г. Кисловодск, ранняя группа погребений Султан-Горского, Заюкаевского некрополей. Лишь единичные захоронения сохраняются в VI в. до н. э. на Березовских №№ 1 и 3, Эчкивашском, Каменомостском древнем могильниках. Сокращение местного населения прослеживается по материалам Моздокского, Алпатовского и других некрополей. Часть местного населения покинула свои места обитания, что ощущается даже по материалам с южных склонов Кавказского хребта.

Выжившие и не покинувшие места прежнего проживания вынуждены были подчиниться скифским завоевателям. Если раньше лишь часть местных

поселений использовала для защиты особенности рельефа местности, то в VI-IV вв. до н. э. к такому способу защиты прибегают многие поселенцы на плоскости и в лесистых горах. Обносятся рвом отдельные участки Ханкальского 2 и 3 городищ. Наконечники стрел степных типов VI-IV вв. до н. э. обнаружены в скелетах погребенных на Кисловодском, Березовском № 1, «Энергетике», Эчкивашском могильниках, в «Вихровском» погребении и др. (Северный Кавказ), а также в Кехвском могильнике (Южная Осетия).

Скифский наконечник, воткнутый в правую височную кость черепа погребенного, обнаружен в кобанском захоронении у с. Пелагиада недалеко от Ставрополя вместе с четырьмя отдельными черепами. В погребении обнаружены останки 10 человек, брошенных в яму и забитых камнями. Обращалось внимание на то, что на Ставрополье собственно скифские памятники локализуются в местах наибольшей концентрации оседлого населения, т. е. в районе Ставропольских и Калаусских высот. Скифские курганы вытянулись по линии г. Ставрополь — с. Александровское — р. Кума, что, по наблюдениям исследователей, совпадает с Азово-Моздокской линией первых русских крепостей при завоевании Кавказа, отражая соответствующие отношения скифов с местным населением. Позднее столкновения скифов с автохтонами перестали быть столь тотальными, оставляя место лишь эпизодическим. Об этом свидетельствуют, например, находки наконечников стрел в погребениях №№ 14, 16 Северного могильника в Кобани¹⁰.

Столкновения могли возникать между разными как скифскими, так и местными группировками. Так, для поселения «Гуамха» в Прикубанье отмечается период нестабильности, связываемый с киммерийскими походами. Население равнинного Закубанья вследствие частых набегов кочевников ушло в горы до стабилизации обстановки. Само поселение отличалось не только использованием для защиты особенностей рельефа местности, но и сложной искусственной оборонительной системой. Предполагают, что поселение Каменные Столбы на р. Лаба перестало функционировать после первых походов кочевников через горные перевалы в Закавказье. С нашествием скифов связывают гибель поселений кобяковской культуры на Нижнем Дону¹¹. Подобные обострения приходились и на различные хронологические периоды, причины которых установить в настоящее время не всегда представляется возможным.

На Северном Кавказе располагаются и наиболее архаичные памятники собственно скифов. В Прикубанье особо выделяются Келермесские курганы, служившие усыпальницами скифской знати. Наличие рядом синхронных грунтовых захоронений, совершенных в закубанских традициях, позволило заключить, что в данной части меотского этнокультурного региона существовало военное объединение под главенством скифской знати. В то же время происходило сращивание местной знати с кочевой элитой. В бассейне

р. Кубань вместе с Келермесскими выделяется более 20 раннескифских погребений. Аналогичные по погребальному обряду подкурганные воинские могилы на Ставрополье также считаются принадлежащими скифам, занявшим в VII в. до н. э. господствующее положение на Северном Кавказе. К настоящему времени на Северном Кавказе известно более 50 скифских захоронений VII-VI вв. до н. э., включая богатейшие погребения знати, в том числе участников переднеазиатских походов. Погребение скифянки из кургана № 7 могильника Новозаведенное-II демонстрирует участие представительниц не только среднего сословия, но и знати в военных действиях.

Северный Кавказ становится не только плацдармом для скифских походов в Переднюю Азию, но превращается в место постоянного обитания достаточно многочисленных скифских племен, где происходило само формирование культуры ранних скифов. Наибольшая концентрация скифских памятников и памятников автохтонов, в которых отмечаются черты скифского воздействия, отмечается в районах Прикубанья, Кавминвод, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. В настоящее время зафиксировано более 100 собственно скифских погребальных и культовых памятников и более 70 соответствующих памятников автохтонов. Особо отмечается демонстрируемое могильником Новозаведенное-II сочетание скифского комплекса с подосновой новочеркасского и даже белозерского характера. Количество выявляемых скифских памятников на Северном Кавказе продолжает постоянно увеличиваться.

В целом скифские памятники представляют собой подкурганные и грунтовые погребения. Под курганами возводились каменные склепы, иногда имевшие дромос, деревянные гробницы и земельно-деревянные сооружения. Наиболее многочисленные захоронения совершались в простых грунтовых ямах с деревянным перекрытием или надмогильными каменными выкладками, в каменных склепах, опущенных в грунтовую яму, в склепах, сочетавших деревянные и каменные конструкции в стенах и перекрытиях, в столбовых деревянных гробницах, в деревянных срубах. Над грунтовыми погребениями могли возводиться деревянные сооружения и глинобитные постройки. Менее знатные представители скифского общества погребались во впускных в курганы простых ямах или подбоях. Видимо, военизированный образ жизни скифов стал причиной появления кенотафов.

Значительную роль в погребальном обряде скифов играл огонь. Отмечаются следы погребальных тризн. Большая часть погребений принадлежала мужчинам. Женские погребения немногочисленны, но всегда сопровождаются предметами вооружения. Такое соотношение женских и мужских погребений заставляет предполагать, что мужчины-скифы брали себе в жены и представительниц автохтонов. Скифские памятники могли сопровождаться захоронениями коней, число которых иногда доходит до

нескольких десятков и даже сотен. Со скифским импульсом связывают появление в Предкавказье грунтовых погребений, обложенных поверху камнем или на уровне погребения засыпанных землей, камнями, несколькими рядами камней¹².

В скифских захоронениях представлены бронзовые наконечники стрел различных типов. Обнаружены костяные зооморфные наконечники луков, отдельные детали и украшения колчанов и горитов. Скифские воины часто использовали копья. Реже наконечников копий и стрел встречаются находки мечей и кинжалов различных типов, боевых топоров. Судя по находкам шлемов кубанского типа, бронзовых и железных панцирных пластин, поясов, скифская аристократия составляла тяжеловооруженную часть войска. Часто в погребениях встречаются разнообразные предметы конского снаряжения (удила, псалии и т. п.), изготовлявшиеся из кости, бронзы и железа и нередко украшавшиеся зооморфными и иными мотивами.

В скифских погребениях обнаружены каменные жертвенники и плитки, украшения, посуда, предметы культа. Фиксируются случаи помещения с покойником напутственной пищи. Кроме захоронений становятся известны и культовые памятники скифов. Например, курган № 1 у хут. Красное Знамя рассматривается как храм огня. Несколько святилищ было обнаружено возле Ульского аула. Они представляли собой открытые площадки на насыпях более древних курганов или естественных возвышенностей, на которых было обнаружено большое количество разнообразных вещей. Полагают, что святилище Ульского кургана № 5 было посвящено скифскому божеству Аресу. В Ставропольском кургане 1984 г. фиксируют следы культовых действий, совершавшихся спустя 200-250 лет после возведения его основного погребального сооружения.

О пребывании скифов на Северном Кавказе свидетельствуют находки скифских антропоморфных изваяний. Они фиксируют факт более-менее длительного присутствия скифов, места ставок, служивших центрами общественно-политической и религиозной жизни скифских объединений. Само распространение скифских изваяний связывают с освоением скифами новых территорий в период миграций. Они ни разу не были найдены с погребениями самого высшего ранга, в том числе «царскими». Если погребения «царей» совершались в глубине «коренных территорий», то дружинные могильники и связанные с ними изваяния располагались на «передовых рубежах», маркируя направления военной и экономической активности своего правящего центра. Они нередки на пограничье, иногда даже в глубине иноплеменной территории, там, где скифам удалось утвердиться, и где они сами и их могилы особенно нуждались в магической защите. Наиболее устойчивым признаком расположения изваяний и дружинных могильников потому становится тяготение к узловым пунктам водных и сухопутных путей¹³.

Следует полагать, что именно такая ситуация складывалась на Северном Кавказе. Видимо, в вопросах о характере взаимоотношений местного населения со скифами и их последствий следует учитывать факт вступления в контакты как непосредственно населения скифских «царских» центров, так и периферийных дружинных группировок. Вполне возможно, что если в первом случае наблюдалось строгое разграничение между скифским и местным населением, по крайней мере на первых этапах взаимодействия, то во втором скифская среда оказывалась более предрасположенной к межэтническому взаимодействию.

Спор исследователей о существовании царства — плацдарма скифов на Северном Кавказе представляется несколько условным. Наиболее вероятно, что здесь не существовало некоего единого «царства», а сложилось несколько объединений кочевников, видимо, отличавшихся и различной степенью централизации верховной власти. Возможно, какая-то часть кавказского населения попала в данническую зависимость от скифов. В целом наблюдается упадок всаднических традиций у кобанцев, вероятно, связанный с установлением скифами своего контроля над большей частью равнин. Где-то в Закавказье находилась другая контролируемая скифами территория, которая могла менять свои границы. Она служила опорной базой кочевников для непосредственного проведения боевых действий, концентрации действовавших и прибывавших с Северного Кавказа боевых отрядов.

На Северном Кавказе скифские памятники располагаются на высоких грядках, водоразделах или плоскогорьях, напоминая о свидетельстве Диодора Сицилийского (Diod. Sic. II. 43) о приобретении скифами земель в горах вплоть до Кавказа. Скифское влияние прослеживается в верховьях Кубани¹⁴. Такое положение свидетельствует о стремлении скифов обеспечить свой контроль над перевальными путями, дающими военно-стратегические и экономические преимущества не только в отношениях с закавказскими территориями, но и с представителями северокавказского населения. Известно, что население, занимавшее степные и предгорные территории, получало значительное преимущество над горским населением, диктуя условия в своих взаимоотношениях с ним. Для кочевников открывались и хорошие перспективы сезонного кочевания с использованием богатых альпийских и субальпийских пастбищ.

Скифские памятники свидетельствуют о продвижении их хозяев вплоть до предгорий, к которым они большей частью и тяготеют, указывая на особую заинтересованность скифов в контроле над важными кавказскими перевалами и в отношениях с местным населением. После активных первоначальных столкновений эти отношения налаживаются. Скифы были весьма заинтересованы в получении продукции ремесленного производства кобанцев. Видимо, поэтому многие скифские курганы концентрируются возле их

наиболее крупных оседлых центров. Особое стремление скифов к тесному взаимодействию с местным оседлым населением отражало и объективные закономерности в существовании групп номадов. Расположение скифских памятников в лесостепной, предгорной зоне, в соседстве с местными кавказскими памятниками, как полагают, может отражать не только военно-кочевое состояние скифского общества того времени. Было отмечено, что часто переселенцы ищут условия, сходные с некогда существовавшими у них на родине. Известны и отличия в формах хозяйствования у степняков и номадов предгорий. Недавно близкое наблюдение было сделано и по поводу более позднего появления аланов¹⁵.

Скифы активно продвигаются и в некоторые горные районы, о чем могут свидетельствовать, например, подкурганные комплексы бассейна Верхнего Подкумка. Культура местного кобанского населения в VII-VI вв. до н. э. подверглась активному степному влиянию, что отразилось в представительной группе памятников региона. О проникновении какой-то группы скифов в высокогорную зону вплоть до Эльбруса свидетельствует находка каменного изваяния в местечке Жылы-суу¹⁶. На появление скифов в горных районах Дагестана, как полагают некоторые исследователи, указывают святилище у с. Хосрех и иные находки¹⁷.

Во второй половине VI-V вв. до н. э. на Северном Кавказе расселяются савроматы. Об их пребывании в соседстве с автохтонными племенами свидетельствуют курганные погребения у с. Ачикулак и Бажиган V-IV вв. до н. э., курганные погребения у с. Этоко и в окрестностях Ставрополя, у сс. Бамут, Гойты, Мескер-Юрт, Кулары, Шалушки. Савроматские погребения обнаружены возле г. Нефтекумск, у с. Коби, ст. Галюгаевская. В V в. до н. э. отмечается концентрация могильников с дружинными погребениями в окрестностях ст. Ассиновская, сс. Бамут и Ачхой-Мартан, свидетельствующие о наличии здесь крупного и могущественного кочевого населения, видимо, контролировавшего выход из Ассиновского ущелья. Савроматские памятники исследованы и к северу (Левокумский район Ставрополя, Восточный Маныч, Чограй).

Концентрацию скифских культурных элементов в кобанских памятниках горных районов Осетии на фоне преобладания кобанских элементов в зооморфном искусстве в предгорьях объясняют зависимостью горных жителей от зимних пастбищ предгорий, определявших направление этнокультурных контактов. Савроматское влияние ощущается по материалам из Дагестана, свидетельствуя о продолжительных и тесных контактах савроматов с местным населением¹⁸.

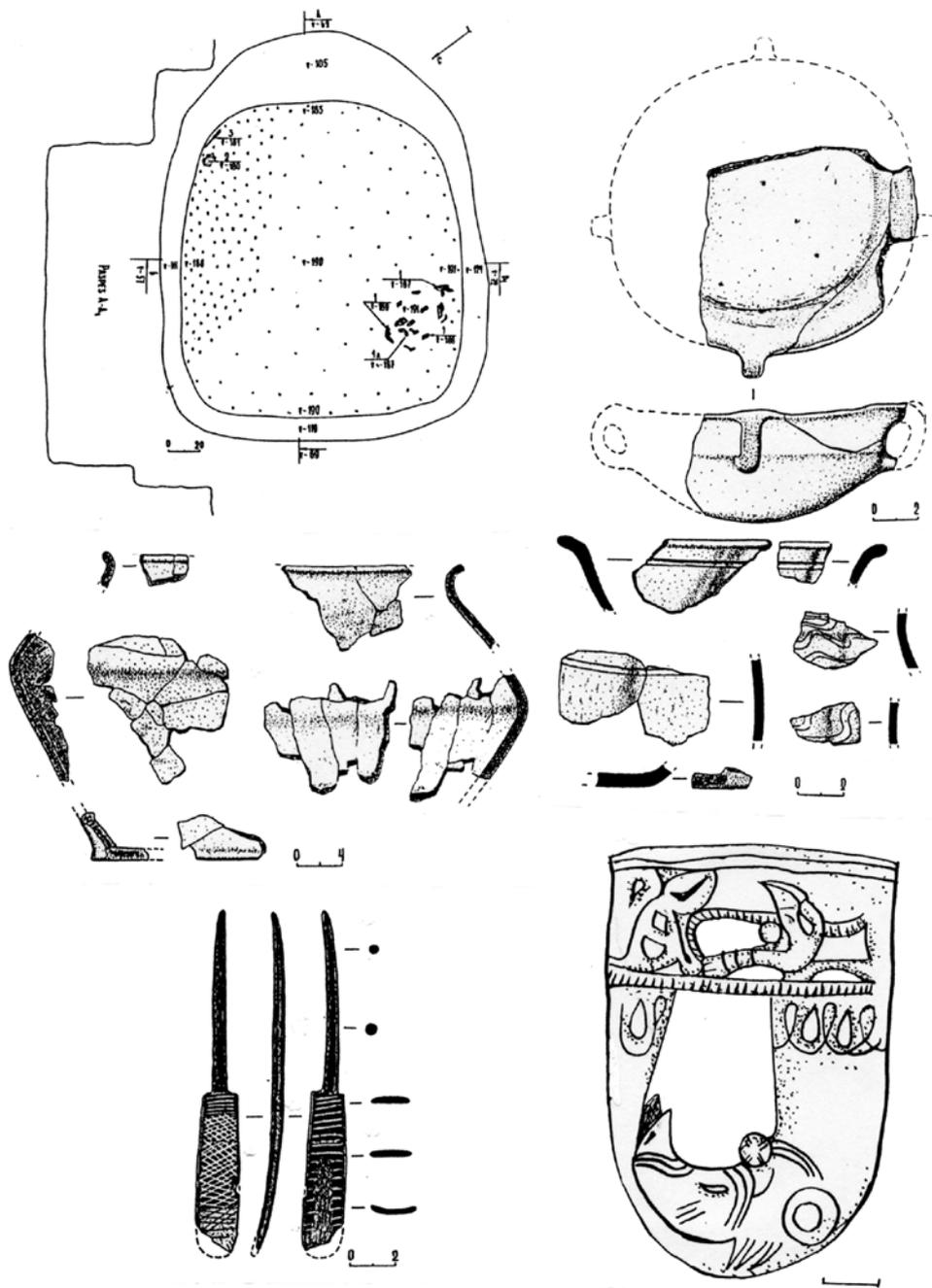
Практически до последнего времени на территории Северной Осетии не были известны собственно скифские или савроматские погребальные комплексы. Возможное исключение составляло разрушенное в 1934-1935 гг.

погребение со скифской керамикой на правом берегу р. Терек, напротив г. Моздок¹⁹. В основном же на территории Северной Осетии отмечались предметы скифского облика, зафиксированные в погребениях кобанской культуры (могильники у сс. Кобан, Галиат, Камунта, Карца, Кумбулта, Чми, Донифарс, Заманкул, Комарово, г. Моздок), на поселениях (городище «Эльхоты ком», «Парстаг» у с. Эльхотово, городище Дур-Дур III, Раздольненское, Змейское поселение). Часть предметов составляла случайные внекомплексные находки (сс. Камунта, Кумбулта, Чми, Верхняя Рутха, Лезгор (урочище Хор-Гон), территория Дигорского оросительного канала у с. Чикола, ст. Николаевская с. Лац, вершина холма у с. Гизель, святилище Реком, ст. Змейская, окраина с. Средний Урух). На юго-западной окраине г. Владикавказ открыто поселение в районе «Сухая Балка», в керамическом комплексе которого отмечают некоторые образцы, характерные для керамики скифского типа. По оценке специалистов, к скифским памятникам могут относиться зафиксированные курганы у сс. Красногор, Став-Дорт, г. Ардон, сс. Брут, Сунжа, Карца, Веселое, Чикола, на юго-западной окраине г. Владикавказ, грунтовые могильники на правом берегу Терека у кадетского корпуса г. Владикавказ и горы Иль²⁰.

Отмечались интенсивные контакты скифов с кобанским населением Дигорского, Кобанского и Дарьяльского ущелий, причем в последнем случае не только на плоскости, но и в предгорной и горной зонах бассейна р. Терек. Не исключено, что скифы летом непосредственно проникали в горы, в том числе для выпаса собственного скота. В V-IV вв. до н. э. по кобанским памятникам горной Дигории прослеживается влияние культур скифо-савроматского типа, возможно, за счет контактов со смешанным населением предгорий. Об этом свидетельствуют погребения в Гастон Уота, совершенные по обряду трупосожжения вместе с деревянной камерой, жертвоприношения коней, появление своеобразного варианта вытянутого на спине трупоположения, наличие оружия скифских форм, скифской узды, предметов, выполненных в скифском зверином стиле и в новой для кобанцев технике. Налицо усиление роли и престижа всадничества, социальной стратификации, расширение связей с внешним миром. Наблюдается отсутствие традиционных для кобанского вооружения топоров при широком распространении нехарактерных для него стрел, колчанов и луков. Аналогии материалам из Гастон Уота усматривают в погребениях I и II Нартанских могильников (Кабардино-Балкария), а также в савроматских погребениях²¹.

Согласно А.П. Мошинскому, «степные влияния не проникли вглубь культуры и практически не затронули культовую сторону жизни... Только начиная с сарматской эпохи степные иранские элементы внедряются в культуру горных племен»²².

Кобанцы плоскости, а тем более горных районов, вступив в контакт и приняв на свою территорию группы кочевников, не утратили основные эт-

Материалы погребений Сунженского могильника
(по В. Л. Ростунову, Я. Б. Березину)

нические признаки. Согласно В. Б. Ковалевской, это были отношения близких соседей, союзников²³. Этнические связи не были бесплодны для обеих сторон. Местная культура подверглась частичной «скифизации». Это влияние отразилось и в материальной, и в духовной культуре. В частности, к скифскому периоду относится формирование Нартовского эпоса, общего для многих народов Северного Кавказа, но имеющего и ярко выраженный иранский компонент. В то же время у степняков заметными становятся кобанские элементы.

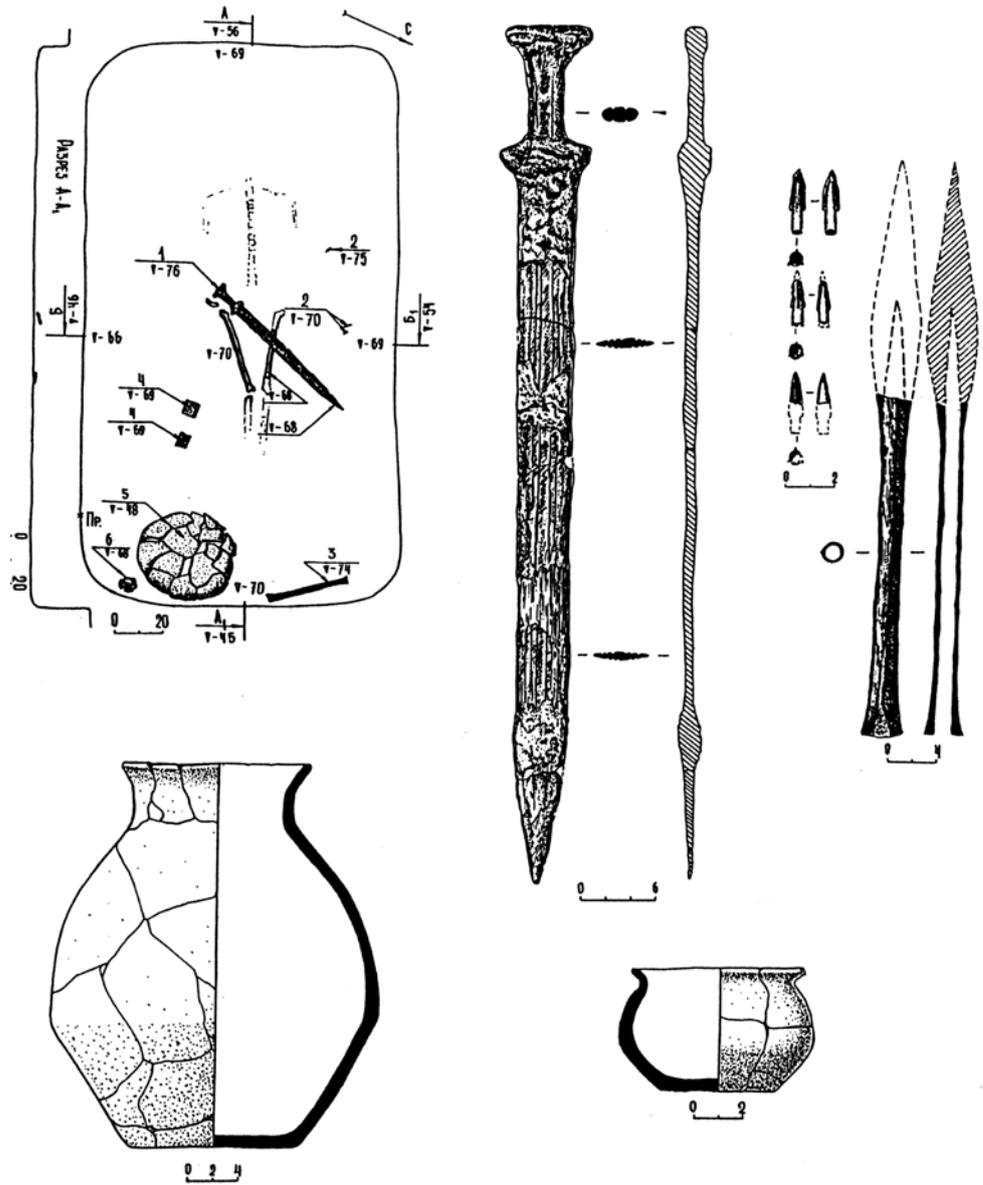
Обратимся к материалам археологических раскопок. В Сунженском могильнике представлены основные и единственные погребения в курганах №№ 7 и 17 VII-VI вв. до н. э.

Погребение из кургана № 7 Сунженского могильника представляло собой яму подквадратной формы, ориентированную по длинной оси С-Ю. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на С. При погребении использовался обряд кремации. По краям ямы фиксировались остатки деревянных плах, перекрывавших все погребение. В захоронении обнаружены песчаниковая плита-алтарик со следами красной краски, миска и корчага скифского типа, наконечник ножен кинжала, украшенный зооморфными изображениями. Погребение из кургана № 17 представляло собой подквадратную яму с заплечиками, ориентированную по длинной оси СЗ-ЮВ. К сожалению, оно оказалось ограбленным. В ней зафиксированы следы кремации, фрагменты двух мисок (одна из них с 4 ручками), корчаги, а также орнаментированная костяная булава²⁴.

На территории Северной Осетии сегодня известен и целый ряд памятников несколько более позднего хронологического периода: погребение № 3 кургана № 11 Сунженского могильника конца V-IV вв. до н. э., погребение № 7 кургана № 1 у ст. Павлодольская, погребения №№ 3, 4 кургана № 2 могильника Садовый VI-V вв. до н. э., погребение № 2 кургана № 1 у ст. Чернорская, погребение № 2 кургана № 1 у с. Брут V в. до н. э.²⁵.

Погребение № 3 кургана № 11 Сунженского могильника представляло собой впускную прямоугольную яму, ориентированную по длинной оси СВ-ЮЗ. Яма забутована крупным булыжником. На ее дне обнаружен вытянутый на спине костяк погребенного, ориентированный головой на ЮЗ. Поперек нижней части тела покойного, справа налево, лежал обоюдоострый меч с параллельными лезвиями, с сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием. На клинке отмечены 6 параллельных нервюров. В погребении также обнаружены развалы корчаги и кружки, железный втульчатый наконечник копья с листовидным пером, бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел.

Погребение № 7 кургана № 1 у ст. Павлодольская представляло собой впускное погребение (контуры ямы не прослежены). В погребении обнаружены два вытянутых на спине костяка, ориентированные головой на З. У од-

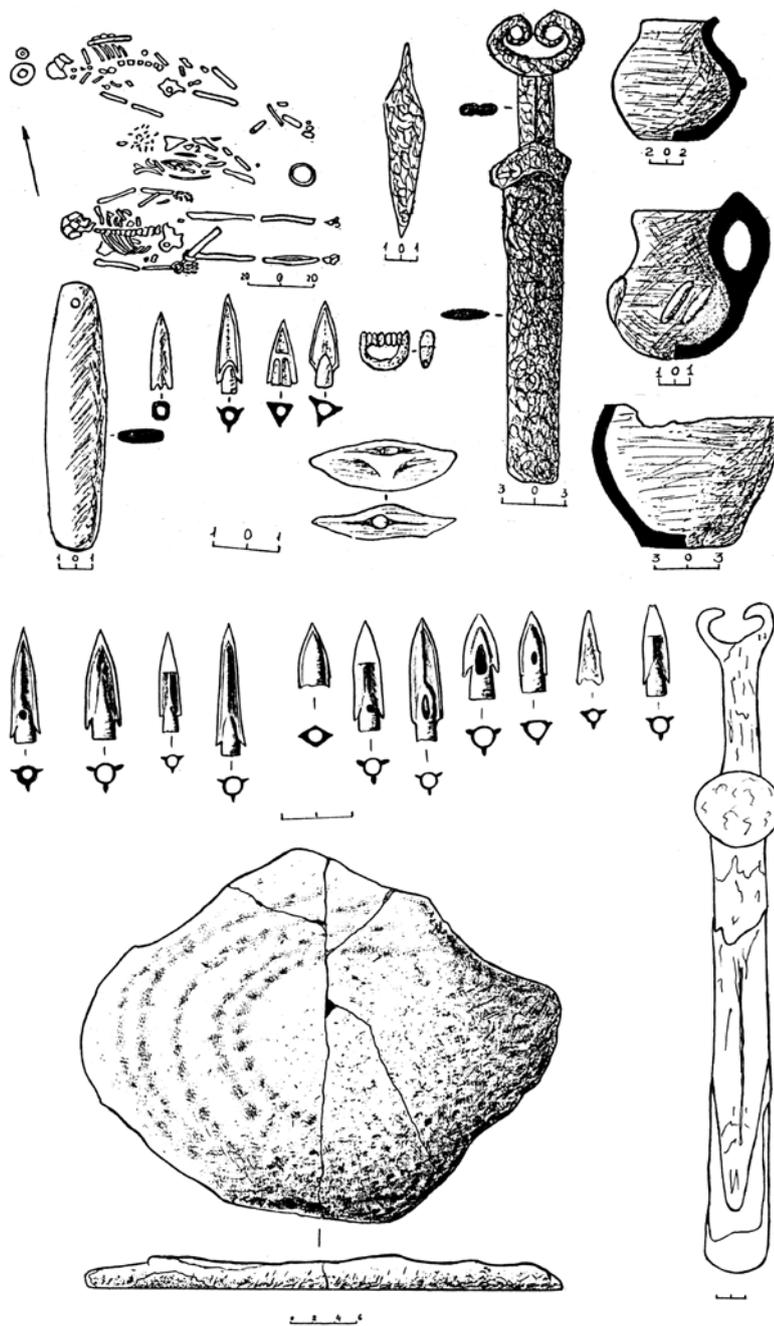

Материалы Сунженского могильника
(по В. Л. Ростунову, Я. Б. Березину)

ного из погребенных поперек кисти правой руки и берцовой кости правой ноги лежал обоюдоострый железный акинак с параллельными лезвиями, с волутообразным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием. Нижняя часть клинка отсутствовала (обряд «умерщвления вещей»). Рядом с локтем правой руки зафиксировано бронзовое кольцо от портупей. Между погребенными лежали кости жертвенного барана (отсутствуют череп и копыта), железный нож, бронзовые трехлопастные втульчатые и костяные втульчатые пулевидные наконечники стрел, костяная застежка, вероятно, от колчана. В голове второго погребенного стояли одноручная биконическая кружка, одноручный кувшин с заглаженными местами облома ручки, у правой ноги — каменный оселок с отверстием для подвешивания. В ногах погребенных располагался плоскодонный горшок.

Погребения №№ 3, 4 кургана № 4 могильника Садовый представляли собой впускные прямоугольные ямы, располагавшиеся практически строго друг над другом («ярусные погребения»). В нижнем погребении № 4 обнаружен кремнированный костяк, лежавший вытянуто на спине, ориентированный головой на 3. В районе тазовых костей обнаружен железный кинжал в ножнах с антенновидным навершием и почковидным перекрестием, обломок каменного оселка. У бедренной кости правой ноги располагалась песчаниковая плита-алтарик со следами красной краски. Между плитой-алтариком и бедренной костью зафиксированы бронзовые трехлопастные втульчатые и трехгранный костяной наконечники стрел. В верхнем погребении № 3 также обнаружены бронзовые трехгранные втульчатые и аналогичный костяной наконечники стрел.

Основное погребение в кургане № 1 у с. Брут, видимо, представляло собой деревянный сруб, сооруженный на дневной поверхности и ориентированный по линии ССЗ-ЮЮВ. После совершения захоронения он был перекрыт камышом. Погребение ограблено. Зафиксированы фрагменты человеческих костей, костяные четырехгранные втульчатые и железные двулопастные втульчатые наконечники стрел, фрагменты бронзовых пластин с отверстиями на концах, видимо, от боевого защитного пояса, ворворки, нож, стеклянная бусина, железные кольцо с остатками муфты и фрагмент железной трубки, фрагменты неких железных предметов, ножа, стержня и фрагменты лепных сосудов. У северо-восточного угла погребения обнаружены костяки лошади, лежавшей на правом боку с подогнутыми ногами, и, видимо, «слуги», лежавшего на спине с подогнутыми влево ногами и «державшего под уздцы» эту лошадь. У ног «слуги» зафиксированы кости теленка. Могила слуги и лошади обозначена деревянными плахами. С лошадью обнаружены железные двусоставные удила с насадками строгости, в петли которых вдеты двудырчатые псалии с секирковидными окончаниями. Вместо утерянного одного из окончаний было положено зооморфное окончание от псалия иного типа.

Материалы погребений у ст. Павлодольская и могильника Садовый
(по В. Л. Ростунову, Я. Б. Березину)

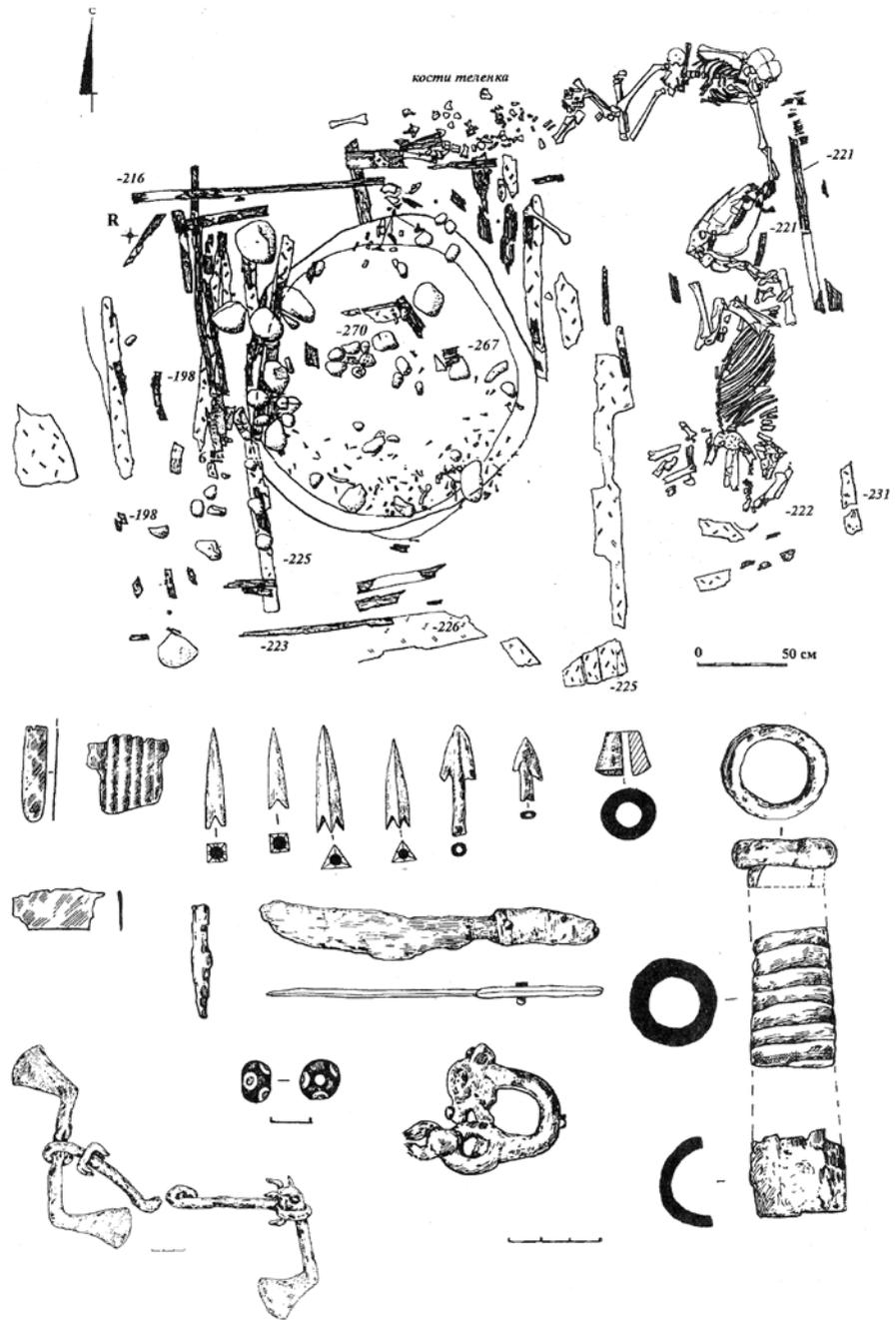
По мнению исследователей, появление таких курганов, как Павлодольский, Этокский, Ачикулакский, могло быть связано с продвижением какой-то части кочевого населения из междуречья Волга-Дон или Нижнего Поволжья. Аналогичные, но хронологически более ранние памятники известны на Нижнем Дону и прилегающих областях Прикубанья. Исследователи не исключают, что павлодольское погребение принадлежало супругам, происходившим из разных этнических групп²⁶.

Погребения могильника Садовый сопоставляют с погребением из кургана № 7 могильника Аксеновский, погребениями №№ 2, 4 кургана № 2 могильника Цаган-Усн. «Ярусные захоронения» известны по погребальным памятникам «предсавроматского» и «савроматского» периодов в районе рр. Илек и Орь. После исчезновения их здесь в IV в. до н. э. они появляются на территории башкирского Приуралья. Прямые соответствия в погребальном обряде и инвентаре, например, погребений Моздокского района Северной Осетии с нижневолжскими погребениями, по мнению исследователей, указывают на достаточно устойчивые связи кочевников Нижнего Поволжья с Северным Кавказом.

Материалы брутского погребения сопоставляют с синхронными им, видимо, погребениями той группировки, которая контролировала выход из Ассиновского ущелья. В то же время материалы из погребальных памятников этой группы свидетельствуют об устойчивых связях с Прикубаньем и степной Скифией²⁷. В определенной степени позволяют судить об истории кочевого населения Центрального Предкавказья наблюдения за особенностями звериного стиля на различных предметах. Многие из них имеют прямые параллели в материалах из Приднепровья, Подонья, Поволжья, Южного Приуралья, Зауралья, Казахстана, Алтая. Сосуществование в одном регионе различных стилистических школ искусства звериного стиля свидетельствует о превращении в V в. до н. э. Предкавказья в один из периферийных районов распространения скифской культуры²⁸.

Данные археологии позволили констатировать мирный характер расселения на Северном Кавказе носителей савроматской культуры. Как и скифы, савроматы, исключая нижнедонских, также не создали на Северном Кавказе единого мощного объединения. Скифы в середине VI в. до н. э. перенесли свой центр из Северного Кавказа в Северное Причерноморье, с чем, в частности, связывают прекращение функционирования ряда торговых путей. Некоторые авторы полагали, что в данных событиях принимали участие и представители кобанского воинства, возвращавшегося затем на родину. К концу IV в. до н. э. скифы практически исчезли из северокавказского региона. Интересно, что именно к этому времени прекращает свое существование и северопричерноморская Скифия.

В то же время некоторую дополнительную информацию дает изучение Татарского городища на окраине г. Ставрополь²⁹. Как отмечают исследова-

Материалы погребения у с. Брут
(по Т. А. Габуеву, В. Р. Эрлиху)

тели, видимо, появившиеся в VII в. до н. э. скифы интегрировались в местное кобанское общество, заняв в нем лидирующие военные и социальные позиции. С V в. до н. э. дальнейшее развитие городища было связано с населением, близким по облику материальной культуры со скифами, но перешедшим к оседлому образу жизни и имевшим устоявшийся обряд коллективного захоронения в склеповых могильниках. Подобные склепы, распространяющиеся на Ставропольской возвышенности, сопоставимы с предшествующими хронологически скифскими погребальными памятниками (курганная группа у с. Александровского) и последующими такими сооружениями у с. Гойты. Конструктивно они близки сооружениям некрополей эллинистических городов Крыма, Азиатского Боспора, местной знати на Нижнем Дону и Тамани, скифским памятникам Восточного Крыма. За их появлением на Ставрополье могли стоять как единый процесс распространения обряда на обширной территории, так и прямое переселение части населения, связанного с причерноморскими центрами в лице скифов или носителей «метотской культуры». Видимо, не следует забывать о наблюдениях археологов о возможной связи появления каменных гробниц в памятниках скифского периода Предкавказья под переднеазиатским влиянием в результате скифских походов³⁰.

Скифские материалы с территории Закавказья в определенной степени сопоставимы с северокавказскими, но имеют и свою специфику. Они появляются здесь синхронно со скифскими памятниками Северного Кавказа и связаны с эпохой скифских походов. На Апшеронском полуострове тогда прекращает свое существование ряд поселений. В Кахетии скифские стрелы ранних типов обнаружены в верхних слоях разрушенных памятников (поселение Мочрили-Гора, святилище Мелаани). В двух погребениях в местностях Шалто и Хашури они найдены в могилах воткнутыми в костяки погребенных. В Северо-Восточной Армении такие стрелы обнаружены в крепостях Тмбандир и Норашен³¹.

Некоторые исследователи полагают, что еще до появления скифов было разрушено киммерийцами южноколхидское царство Кулха³². О разрушениях в результате киммерийских, а затем скифских вторжений могут свидетельствовать некоторые другие археологические данные³³. В целом, непосредственное присутствие скифов в Закавказье является научно установленным фактом³⁴. Но выявление собственно скифских памятников нередко сопряжено с известными трудностями. В настоящее время у нас есть только краткая информация об отдельных раннескифских погребениях в Закавказье³⁵.

Такое положение, при сравнении с ситуацией на Северном Кавказе, может иметь свое объяснение. Если на Северном Кавказе скифы расселялись, группируясь в собственные объединения, то в Закавказье и в Переднюю Азию уходили мужские воинские отряды, что и определяло различие судеб

скифов по обе стороны Главного Кавказского хребта. Восточное Закавказье, наиболее пострадавшее от скифских действий, на первом этапе не становится местом их дислокации. Видимо, лишь к окончанию переднеазиатской эпопеи или после ее завершения часть скифов останавливается там, сохраняя этническую обособленность от местного населения. Видимо, тогда в районе слияния Куры и Иори появляется Сакасена³⁶.

Как отмечали исследователи, в Центральном и Западном Закавказье происходило расселение отдельных представителей или групп скифского воинства среди местного населения, что сразу накладывало свой отпечаток на их культурный облик. Скифы, появившиеся здесь, были профессиональными воинами. Воинский комплекс их походного состояния был освобожден от хозяйственной (скотоводческой) и семейной функций, которые накладывают свой отпечаток в условиях стабильного племенного проживания. В результате воины-скифы не несли с собой сложный комплекс скифской материальной культуры, который в то время мог быть еще и недостаточно устойчив. Реалии жизни заставляли скифов идти на тесные контакты с местным населением. В результате скифы внедрялись в местные общества, чьи семейные и общественные отношения, материальный быт меняли облик их погребальных памятников.

Видимо, как и на Северном Кавказе, к тому подталкивало и стремление более тесно контактировать с местными оседлыми центрами, чья производственная база могла обеспечить материальные потребности скифов. Местное же население могло принимать в свои общества воинов-скифов с целью обеспечения собственной безопасности от различных внешних угроз. Но в Закавказье сказывался отрыв от северокавказской «метрополии», диктовавший и большую предрасположенность скифов к внедрению в местные общества. В таких условиях внедрение ограниченных контингентов скифских воинов, заинтересованных в отчуждении произведенного продукта у земледельцев, в места наибольшего сосредоточения местного населения вело к утрате традиционного для них кочевого хозяйства и к переходу к образу жизни принимавшего их населения. Но некоторые исследователи полагают, что в результате оседания скифов в различных районах Кавказа происходило распространение кочевого скотоводства³⁷.

Военные рейды скифов между северокавказской «метрополией» и землями к югу от Кавказа, действительно, могли сопровождаться достаточно интенсивным внедрением их воинов в местную среду. Но данное внедрение не изменяло коренным образом этнической ситуации в охваченных этим процессом областях³⁸. Исследователи обычно выделяют в местных памятниках отдельные погребения, несущие на себе печать скифо-закавказских этнокультурных контактов. Так, в грунтовых захоронениях Иоро-Алазанского междуречья зафиксированы вытянутые на спине

костяки в сопровождении костяков коней, наборов стрел скифского типа и украшенных в зверином стиле блях. Конструкции погребальных ям сравнимы с соответствующими конструкциями северокавказских скифских памятников.

Погребения в грунтовых ямах с вытянутым положением погребенных, в сопровождении коней, наконечников стрел скифских типов, акинаков, топоров, бронзовых зеркал с длинными ручками представлены в могильниках Мингечаурский, Куланурхвский, Гуадику и т. д. В Самтаврском могильнике отмечены погребения с вытянутым труположением, но без отмеченного выше сопровождающего инвентаря. На могильниках Тли, Двани, Цицамури, Ркинис-Кало исследованы погребения, совершенные по местному обряду, но в сопровождении конских костяка или черепа, наконечников стрел скифского типа, акинаков, железных топоров, предметов конской сбруи, образцов звериного стиля. В могильниках Тли, Самтавро и других выделяют и погребения по местному обряду с соответствующим сопровождающим инвентарем, но без конских погребений.

По мнению исследователей, памятники из Восточного Закавказья относятся к V-IV вв. до н. э. и фиксируют непосредственное позднее проникновение в данный регион скифов. Что касается памятников Западного Закавказья, куда скифы проникали через Дарьял, Мамисон и Клухор, то они относятся к более раннему периоду — VII-VI вв. до н. э. — и демонстрируют достаточно быстрое растворение пришлого элемента в местной этнической среде. Так называемые «приусадебные» погребения из Грузии, долгое время относимые к погребениям колхидской и иберийской знати, предложено рассматривать как памятники, отражающие присутствие или сильное влияние евразийских кочевников. Погребения по своей конструкции, погребальному обряду и составу инвентаря наиболее близки погребениям северокавказских кочевников. В Западном Закавказье присущие им черты впервые отмечаются в указанных выше памятниках. «Приусадебные» погребения исчезают синхронно со скифскими памятниками³⁹. Таким образом, и закавказские материалы свидетельствуют о единовременном угасании всей скифской истории как на Кавказе, так и в Северном Причерноморье.

Взаимодействие кочевников и аборигенов. Учитывая различные подходы исследователей в определении памятников киммерийцев, следует в первую очередь обратиться к материалам «предскифского периода» (IX-первая половина VIII вв. до н. э.) на Северном Кавказе. Судя по достаточно ограниченному здесь числу памятников черноголовского и новочеркасского типов, кочевое население было немногочисленным. Поэтому приобретают особое значение фиксируемые примеры взаимодействия кочевников и аборигенов, некоторые наблюдаемые закономерности в развитии погребального обряда местного населения.

Исследователи отмечали, что в погребениях протомеотского населения появляется обряд вытянутого на спине труположения и южная ориентировка покойного. Такая смена обряда была характерна и для степной зоны. Преимущественно на спине начинают хоронить мужчин, прежде всего представителей более высокого ранга — всадников, а затем пеших воинов. Женщин продолжали хоронить скорченно на боку. Появление нового обряда закономерно отражает влияние кочевников, судя по данным антропологии, непосредственно проникающих в местную среду.

В памятниках протомеотского населения начинает фиксироваться обряд погребения с хозяином шкуры коня, набитой соломой или травой, с головой и конечностями, головы коня с бронзовой сбруей или только сбруи. В VII в. до н. э. данный обряд затухает, что связывают с прекращением киммерийских походов и с ассимиляцией киммерийцев. Показательным считают само совпадение формирования протомеотской культуры с периодом появления степняков.

В Центральном Предкавказье появление коневодства относится к концу II тыс. до н. э. под влиянием, как полагают исследователи, какой-то группы кочевников, мигрировавших через Кавказ на юг. Появление железных удил здесь отмечается с предскифского времени, тогда как в Закавказье — под непосредственным влиянием скифов. В районе Пятигорья в погребениях начинают достаточно часто встречаться предметы конской сбруи, но совместных погребений всадника и коня практически не представлено (единственный случай отмечен в погребении № 3 могильника у с. Терезе второй половины VIII в. до н. э.). Погребения коней в степных районах отсутствуют, что объясняется особенностями экологической ситуации.

На фоне явного преобладания иных предшествующих форм погребальных сооружений в некоторых могильниках Пятигорья распространяются захоронения в простых грунтовых ямах. Фиксируются и иные новые микро-детали в погребальном обряде, такие как полукруглые ямки в дне могилы с отдельными деталями инвентарного набора, положение каменных плит под правым боком погребенного, что отмечено и в Сержень-Юртовском могильнике. Причем во втором случае такая плитка сочетается с конским погребением, подтверждая связь обряда со степными традициями. Положение плиток соотносится с аналогичным обрядом в меотских погребениях Прикубанья, в связи с чем обращается внимание на определенные кобано-меотские взаимодействия. Еще с протомеотского времени в погребальном обряде использовались коленные чашечки крупного рогатого скота, что находит себе позднейшую аналогию в погребении № 1 могильника «Лермонтовская скала (у реки)»⁴⁰.

На Северо-Восточном Кавказе у носителей каякентско-харачоевской культуры влияние степняков на характер труположения не прослежива-

ется. Зато в предскифский период на территории Чечни представлены погребения конной аристократии. Для середины VIII-рубежа VIII-VII вв. до н. э. фиксируется полное исчезновение данного обряда, что указывает на его связь у местного населения с появлением кочевников,⁴¹ а его затухание — с заметным ослаблением таких связей. Столь же эпизодически встречаются конские погребения и на территории Дагестана. В конечном итоге, для Северо-Восточного Предкавказья признается спорадическое появление номадов, которое не привело к какому-либо существенному воздействию на местное население.

В результате же непосредственных контактов в равнинных и предгорных зонах Центрального и Северо-Западного Предкавказья произошло оседание и слияние определенной части кочевников с протомеотским и кобанским населением. Никакой культурной гегемонии немногочисленных номадов над местным населением не было. Второе выступило в качестве равноправной силы в развивавшихся взаимоотношениях «партнерство-соперничество». Давление кочевников привело к перевооружению местных племен, появлению у них конных отрядов. В отличие от номадов, предпочитавших стрельбу из лука, они использовали традиционные для себя копья, дротики, топоры и кинжалы. Изменилась и манера владения мечом под влиянием кочевников.

Появление древностей новочеркасского типа рассматривается как проявление межэтнической субкультуры воинской всаднической верхушки протомеотских, кобанских и степных племен, возникшей синтезным путем на основе культурных и технических достижений населения Кавказа, под «катализирующим» давлением кочевого этнополитического фактора. Новочеркасские древности предстают частью кобанской культуры, но оказываются непопулярными у носителей ее центральнокавказского варианта, широко распространяясь на равнинах и у предгорий Кабардино-Пятигорья. Сами кочевники, являвшиеся распространителями элементов данной субкультуры, использовали полученные от кавказцев предметы как цветной металлический лом, почему многие из них и не попали в собственно кочевнические погребения⁴².

Другие ученые полагают, что новочеркасский комплекс формировался в регионах древнемеотской и западнокобанской культур, приобретая свой окончательный облик в результате участия его носителей в переднеазиатских походах до конца VIII в. до н. э. Тогда же наблюдался «выплеск» некоторого воинского контингента, носителей данного комплекса, из Северо-Западного Предкавказья в степь и лесостепь Северного Причерноморья. Мнение об участии носителей новочеркасского комплекса в переднеазиатских походах разделяется и рядом других авторов⁴³. Часть исследователей, признавая отнесение отдельных памятников новочеркасского типа на Северном Кавказе к компонентам местных культур, включают их в круг древностей киммерий-

ской культуры. Они настаивают на погребальном характере большинства из них, причисляя к памятникам дружинников местного населения, поддерживавших тесные связи с населением степей.⁴⁴

Черногоровские и новочеркасские материалы, как и прежде, продолжают рассматриваться и в качестве погребений киммерийцев некоторыми современными авторами⁴⁵. Признание же части находок как кладов киммерийцев, синхронизированное с появлением кладов конской упряжи в Центральной Европе и в кобанских памятниках на Северном Кавказе, объясняется дестабилизацией обстановки после появления из восточных районов Евразии скифов⁴⁶. Высказано и мнение о принадлежности черногоровских древностей степнякам, а новочеркасских — киммерийцам, как результата тесных контактов степняков с оседлым населением после переселения части носителей черногоровского комплекса в более благоприятные зоны⁴⁷. Но, как уже отмечалось, другие исследователи полностью отрицают связь черногоровских и новочеркасских памятников с киммерийцами.

Приведенные решения об условиях появления древностей новочеркасского типа наглядно демонстрируют сложность научного определения собственно киммерийских памятников. Кроме того, часть исследователей отрицает возможность участия как носителей новочеркасского комплекса, так и носителей кобанской культуры в переднеазиатских походах. Изучение, например, материалов могильника Клинь-Яр III позволило констатировать отсутствие у аборигенов самостоятельного значения конницы и восприятие коня в качестве атрибута социальной престижности⁴⁸. Отмечается и наличие сильных родовых традиций, не позволявших нарождавшейся «аристократии» утвердить свой статус в погребальном обряде.

Некоторые исследователи полагают, что дифференциация в кобанском обществе во многом была связана с участием знати в переднеазиатских походах киммерийцев, а отсутствие конских погребений, например, в Сержень-Юртовском могильнике, указывает на неучастие местного населения в тех политических событиях. Показательно, что материалы Сержень-Юртовского могильника демонстрируют резкое угасание всаднической традиции именно в период появления на западных территориях новочеркасских древностей⁴⁹.

Совсем иная ситуация, как мы знаем, представлена для периода появления на Северном Кавказе скифов. Здесь достаточно надежно документируются как собственно скифские памятники, так и памятники автохтонов, в которых представлены следы разнообразных контактов с новыми хозяевами степей. Интересная ситуация складывалась на левобережье Кубани, о чем свидетельствуют Келермесские курганы. Здесь обосновалась сильная в военном отношении скифская дружина, участвовавшая в переднеазиатских походах. Общая картина Келермесского могильника характеризует местное

общество как двуэтническое военно-политическое образование во главе со скифской воинской аристократией. Номады были заинтересованы в защите подвластного населения от посягательств других кочующих группировок, взамен получая воинское пополнение пехотинцев и всадников от меотов, а также хлеб и ремесленную продукцию. Несмотря на тесное взаимодействие, обе группы оставались верны своим традициям. В то же время отмечается сращивание представителей скифской знати с меотской, когда ее представители формировали царскую дружину. Здесь, как и в Нартане, отмечается погребение «амазонки». Некоторые исследователи не исключают, что среди меотов присутствовали представители ираноязычного или индоарийского миров.

Тесное соседство, а иногда совместное проживание способствовали скифизации раннемеотской культуры. В VII-VI вв. до н. э. меотская знать перенимает обряд подкурганых погребений в сопровождении конских захоронений и инвентаря преимущественно скифского типа. С этого же периода в меотской среде распространяется искусство скифского звериного стиля. Ощущается и меотский вклад в раннескифский комплекс. Присутствие скифов подтолкнуло и развитие процессов расслоения общества. На рубеже VII-VI вв. до н. э. произошел отток части закубанских скифов в лесостепные районы Северного Причерноморья.

Оставшиеся скифы продолжали играть заметную роль в меотском мире вплоть до IV в. до н. э., но, составляя меньшинство, они неизбежно подвергались метисизации, все более интегрируясь в местную этническую среду, что вело к их ассимиляции. Вероятно, потомки скифов, еще не утратившие собственное самоназвание, господствовали в районе расположения Ульской и Уляпской групп погребальных и культовых памятников. Не исключают, что какой-то скифский «анклав» мог сохраняться в районе Семибратнего городища. Возможно, эллинизированным скифо-меотам принадлежали Елизаветинские курганы в захоронениях в сконструированных по греческим образцам склепах и в сопровождении человеческих и конских жертв.

Исследователи отмечали⁵⁰, что распространение элементов степной культуры скифо-савроматского круга среди местного населения в пределах каждой ландшафтной зоны всего Центрального Кавказа было более или менее равномерным. Так, степные скифоидные элементы проникали в горные районы Кавминвод, о чем свидетельствуют некоторые подкурганые комплексы бассейна р. Верхний Подкумок. Культура местного кобанского населения в VII-VI вв. до н. э. подверглась активному степному влиянию, что отразилось в представительной группе памятников. Особенно сильное влияние степных культур испытывали некрополи Пятигорья. Но памятники Кисловодской котловины свидетельствуют об особенно сильном противодействии местного населения скифам, что выразилось в сохранении местных форм

посуды при наличии довольно грубых подражаний скифской керамике.

Для северо-восточного Пятигорья отмечается отсутствие собственно скифских памятников и сохранение местным населением прежних традиций в погребальном обряде и керамике. В то же время могильник на Чеснок-горе многими чертами близок к степным памятникам кочевников. Степное влияние в первую очередь ощущается в керамике. Полагают, что к середине V в. до н. э. местная керамика полностью вытесняется, сильно изменяется состав вооружения и женских украшений, в погребениях преобладает вытянутое на спине головой на 3 труположение, т. е. местные традиции полностью сменяются на скифоидные.

Во второй половине I тыс. до н. э. на территории Ставропольской возвышенности отмечают процессы глубокой ассимиляции скифской и позднекобанской культур. Происходили взаимовлияние и обоюдная трансформация культурных и хозяйственных традиций. Симбиоз традиций способствовал постепенному изменению экономического уклада и форм хозяйствования кочевников, что вело к переходу к полукочевому, а затем оседлому образу жизни. Это существенно изменило обстановку в регионе и оказало влияние на рост числа новых и увеличению старых поселений. В результате на базе ряда кобанских поселений, занимавших наиболее выгодное географическое и экономическое положение, стали появляться протогородские центры со смешанным населением.

Весьма ощутимо скифское влияние отмечали для территории современной Кабарды. Обитание здесь скифов и установление их политического господства привело к распространению скифской культуры со стойкими признаками. Как указывали исследователи, предгорные и равнинные районы Кабардино-Балкарии были базовым районом формирования традиций керамики «скифского типа», которая распространилась в треугольнике между Ставрополем, Минеральными Водами и Моздоком. В изготовлении новых изделий принимали участие представители различных этнографических групп населения, что связано со становлением скифской культуры в Центральном Предкавказье при активной культурной миксации носителей центральнокобанской и западнокобанской культур, происходившей вне основной территории их расселения — бассейн р. Кума, Центральное Ставрополье, Ставропольская возвышенность.

Анализ археологических материалов, исследованных у ст. Павлодольская и Черноярская Моздокского района и у с. Сунжа (Северная Осетия), позволил исследователям поставить вопрос о существовании в предгорно-плоскостной части этого района Центрального Предкавказья кобанского населения, теснейшим образом связанного с племенами скифо-савроматского круга⁵¹. Полагают, что курганные могильники Ани-Ирзо и Бойси-Ирзо, располагавшиеся возле с. Урус-Мартан (Чечня), были оставлены кобанским населе-

нием, вступившим в тесные и дружественные связи с расположившимися рядом скифами. Это население заимствовало у соседей многие важные черты материальной и духовной культуры (курганные насыпи, наличие реалъгара, белой глины и охры, засыпка дна белым щебнем, широкое распространение акинаков, чуждых соседним аборигенам, погребение головы коня). Но не исключают, что речь идет о процессе слияния местных этноплеменных групп с номадами⁵².

Аналогичные процессы выявляют по материалам Моздокского, Нестеровского, Воздвиженского, Луговского и некоторых других могильников, что, видимо, находит свое подтверждение и по антропологическим материалам⁵³. Поставлен вопрос о принадлежности воина-всадника, погребенного в кургане у с. Учкекен (Карачаево-Черкесия), к этническим новообразованиям скифо-кавказского характера⁵⁴. На основе анализа закавказских памятников, сочетающих скифские и кобано-колхидские компоненты, предполагается их принадлежность к складывавшейся воинской верхушке со своей субкультурой, частично влившейся в состав конфедерации раннескифских племен на правах ее «левого крыла»⁵⁵.

Следует отметить, что решение вопросов об этнокультурной принадлежности отдельных памятников нередко различно решается исследователями. Например, одни исследователи относят Нартановский курганный могильник к памятникам скифов или савроматов⁵⁶. Другие полагают, что оставившие его кочевники постепенно ассимилировались в плотном окружении носителей кобанской культуры. Первоначально кочевники господствовали над земледельцами, составляя аристократическую прослойку местного общества. Позже формируется новый господствующий слой, включивший местную аристократию⁵⁷. При признании Нартановских курганов скифскими различия в положении и ориентации костяков в их парных захоронениях «свободных» и «зависимых» относили к этническим и социальным⁵⁸. Отмечался синкретический характер памятника на базе скифо-савроматского и кобанского элементов при проявлении некоторых черт меотского влияния. Различия в парных захоронениях расценивались как социальные⁵⁹.

Памятники рассматривались и как собственно кобанские при признании синкретического сращивания кобанской и степной культур скифо-савроматского облика⁶⁰. Их относили к памятникам нового этнообразования, признавая различия между парными погребениями как социальные⁶¹. В то же время не отрицается возможность этнической и социальной подоплеки различий в парных захоронениях «свободных» и «зависимых», которые вполне могли сочетаться. Хотя провести резкие отличия «свободных» и «зависимых» в этническом плане невозможно, но указывается на то, что черты их сходства определяются кобанскими корнями, а для «свободных» характерна более тесная связь со степняками, и в частности с савроматами⁶².

Также курганные могильники у сс. Алды, Кулары, Гойты одни исследователи склонны рассматривать как скифские или савроматские. Другие не исключают их принадлежности автохтонам, подвергнувшимся влиянию скифской или савроматской культур.

На Северо-Восточном Кавказе, в основном в Чечне и Дагестане, обнаружены «скифоидные» изваяния (галайтинская, мескетинская, замай-юртовская и, возможно, мамайкутанская группы), рядом особенностей отличающиеся от памятников «классической» общескифской схемы. Они являются несомненной инновацией для данного региона. Галайтинские изваяния были вторично использованы местным населением для сооружения каменных ящиков. Одни исследователи полагают, что практика использования таких изваяний была принята этнически смешанной группой, исчезнув через 100-200 лет⁶³. Другие рассматривают факт вторичного использования изваяний как акт поздней мести со стороны аборигенов скифам, или отражение сохранения напряженности между аборигенами и скифами⁶⁴.

Приведенные примеры разнонаправленных или в определенной мере совпадающих этнокультурных интерпретаций одних и тех же археологических материалов во многом находят свое отражение и в результатах оценки итогов взаимодействия скифо-савроматского населения с автохтонами Кавказа. Поэтому приведем основные заключения отдельных исследователей.

Е. И. Крупнов полагал, что появление скифских элементов в материальной культуре Центрального Предкавказья VII-IV вв. до н. э. открыло второй этап развития местной кобанской культуры, наложив на нее заметный отпечаток и придав ей смешанный характер, который со временем приобрел весьма отчетливые черты «скифоидной» (смешанной) культуры. Речь шла о переоформлении местной культуры за счет включения в нее скифских и савроматских элементов, о наличии признаков новой этнической среды. Исследователь выдвинул тезис о смешанном составе местной культуры при сохранении ее основы, когда происходила лишь постепенная смена языка автохтонов при ассимиляции ираноязычными скифами, а затем сарматами. Тесные связи автохтонов с кочевниками, которые сыграли значительную роль в сближении самих северокавказских племен, способствовали оживлению связей с различными территориями, втягиванию в военные походы местного населения, что вело к социальной дифференциации общины. Само включение в местную среду скифских, а позднее сарматских элементов определило начало формирования в центральной части Северного Кавказа основного ядра алано-осетинской народности с сохранением в ее культуре сильных и действенных элементов кобанской культуры I тыс. до н. э.

В то же время Е. И. Крупнов полагал, что пришельцы кочевники лишь политически подчинили себе местную этническую среду, сами перешли на но-

вые оседлые формы хозяйства и восприняли материальную культуру и быт аборигенов. Происходившая инфильтрация скифов, сарматов, а затем алан в кавказскую этническую среду вела к появлению иных элементов языка и культуры. Начало иранизации местного населения, прежде всего равнинной части, рассматривавшейся с точки зрения вопроса об этногенезе осетин, было связано с появлением «скифо-сарматских племен» с VII-VI вв. Изначально оно не было массовым, приобретая данное качество с последующими сарматскими и аланскими волнами⁶⁵.

Отмечали наличие тесных контактов между кобанцами и скифами В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин⁶⁶. В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев полагают, что с тесными и постоянными взаимодействиями скифов с местным населением связано проникновение иранской речи. Это была первая, но еще слабая волна, положившая лишь начало языковой иранизации отдельных групп древнего населения центральной части Северного Кавказа. Местная культура не была заменена на скифскую, местные традиции продолжали сохраняться и доминировать. А.П. Мошинский также указывал, что материалы из Дигорского ущелья конца V-начала IV вв. до н. э. свидетельствуют о новой активизации связей степняков и горцев. Но говорить об иранизации ущелья в данный период можно только с большими оговорками, т. к. глубокого проникновения инноваций в кобанскую культуру, а тем более в этнос или язык, не происходило⁶⁷.

В.Б. Виноградов отмечал смену первоначально враждебных отношений скифов с аборигенами на более конструктивные. Затем они сменяются на аналогичные взаимоотношения аборигенов с савроматами, освоившими степи к северу от р. Терек. Между горцами и степняками протянулась обширная «буферная» зона, населенная отчасти ираноязычными степняками, подвергшимися кавказскому влиянию, но в основном родственными горцам кобанцами, успешно амортизирующими этногенетические кочевнические влияния. Усиление интенсивности взаимоотношений привело к инфильтрации некоторой части савроматов в южном направлении, особенно активно на плоскости Чечни и Ингушетии. В районах стыка двух миров при непосредственном и тесном соседстве наблюдалось взаимопроникновение культурных элементов, определенный культурный синтез.

Происходило приспособление различных этнических групп и общностей к совместному сосуществованию, к овладению основными элементами культуры соседей, взаимное частичное двуязычие. Находки предметов волжско-подонского типа документируют активизацию связей аборигенов с савроматскими племенами Северного Прикаспия и частично лесостепного Подонья. Скифо-савроматское, хотя, видимо, в основном савроматское влияние, прослеживается примерно в 11% (1:10) местных памятников в равнинной и ближайшей к ней предгорной зонах. Горское население сохраняло

свою этническую чистоту. Скифо-савроматское влияние не шло далее умеренного (в обряде отсутствует, в инвентаре очень скромно). Здесь не было никакой ассимиляции кобанцев, которая, если и началась, то только в пограничных равнинных районах.

Впоследствии исследователь пришел к выводу о межэтническом синтезе (миксации) между скифами и кавказцами, о слиянии, породившем новые этнообразования. Они были отличны как от пришлых, так и от горнокавказских племен. Ход этногенеза здесь не подчинял одних другим, а постепенно создавал из их части новый «предэтнос»⁶⁸. Предварительный вывод о наблюдавшемся процессе синтеза этносов и культур (савроматы и автохтоны) в контактной зоне Центрального Предкавказья был сделан А. О. Наглером и В. В. Гридневым⁶⁹.

В. И. Козенкова полагает, что на первых этапах взаимодействия действовал фактор силового равнодействия, когда при вооруженном нейтралитете осуществлялись многообразные связи при договоренностях относительно нормального функционирования яйлажной системы скотоводства, жизненно важной для горного региона. В такой ситуации превалировал фактор взаимопроникновения культур, ведущий, в конечном итоге, к победе более сильной, кобанской культуры. Под воздействием скифской культуры она приобретает гетерогенный характер, постепенно трансформируясь в ряде признаков, что могло вести к образованию ее локального варианта, иногда с формированием качественно новой культуры.

Несмотря на мощное воздействие новой культуры, происходил процесс постепенного поглощения инноваций и превращения их в традицию. При обогащении и обновлении новыми признаками автохтонная культура сохраняла основной генофонд первоначальных признаков, возвращаясь к исходному рубежу. Проникновение степных черт культуры в среду кавказцев не ликвидировало исконных традиций, как в погребальном обряде, так и в инвентаре, не привело к значительной этнокультурной ассимиляции кавказцев. При этническом смешении степняков и кобанцев все заканчивалось растворением через 2-3 поколения в местной среде скифского компонента, оторванного от своего основного ядра.

У кобанцев появились хорошо организованные в военном отношении общества, в том числе и те, которые включили и растворили культурные и этнические элементы скифского и савроматского происхождения. Они имели взаимовыгодные партнерские отношения со скифами, возможно, поддерживаемые родственными отношениями и отношениями типа куначества. Такие группы кобанцев поддерживали своеобразный пограничный кордон в зоне контактов со степными инокультурными племенами Предкавказья. Они выделялись среди сородичей своим социальным статусом, обусловленным необходимостью поддержания нормального функционирования яйлажной

системы скотоводства, которая требовала постоянного пополнения для пребывания на границе ареала отборного людского контингента, воинов-пастухов, на основе своеобразной кооперации, предполагавшей постоянное выделение таких отрядов из среды отдельных племенных групп. Подобное положение предполагается и для более раннего периода в пограничных зонах между носителями различных вариантов кобанской культуры.

Для позднекобанского периода отмечалось влияние ираноязычных кочевников скифо-савроматского круга в изменениях местного погребального обряда (увеличение числа грунтовых могил, обложенных камнем, появление подкурганых захоронений с южными направлениями в ориентировке, скифские формы оружия), активизация процесса синкретического сращивания элементов старой культуры с чужеземными новациями кочевников. Но введение термина «скифо-кобанская» или «савромато-кобанская» культура признается неправомерным при всех очевидных чертах синкретического сращивания кобанской и степной культур скифо-савроматского облика.

Степняки теряли свои исконные качества и характер занятий, постепенно смешивались с оседлым населением и сами становились оседлыми, воспринимая и определенные черты быта и культуры кобанцев. Предполагается, что после ослабления силового господства скифского воинского контингента и ухода из Предкавказья его основной ударной части, оставшиеся группы скифов образовали разрозненные анклавы с преимущественно оседлым бытом внутри и в пограничье кобанского ареала. Это положило начало поглощению их местной средой, и только ассимилированные представители этих анклавов в результате брачных прецедентов могли быть приняты внутрь коренного сообщества⁷⁰.

В.Б. Ковалевская отмечала смешанный состав кобанского населения в VII-VI вв. до н. э. В кобанской культурно-исторической общности определялось последовательное бытование культур, из которых только первая отличалась гомогенностью, тогда как последующие были гетерогенными. В условно названной «скифо-кобанской» культуре представлено сочетание древнекобанских традиций с иранскими инновациями, причем соотношение между ними различно для различных географических зон (горы, предгорья, равнины и степи) Северного Кавказа. В равнинном Предкавказье размещались группы населения, которые были носителями смешанной кобано-скифской культуры за счет включения в их состав собственно скифов. Отмечаются и важные выводы антропологов «о сложности формирования антропологического состава» носителей кобанской культуры.

Пример могильника Уллубаганалы 2 (Карачаево-Черкесия) рассматривается как свидетельство социальной дифференциации смешанного общества на основе разделения труда, когда скифы являлись воинами, а кобанцы занимались производственной деятельностью. Наблюдался этнокультурный

и социально-политический симбиоз, когда при очень сильном взаимодействии скифов и кобанцев население с единой материальной культурой и погребальным обрядом было представлено двумя антропологическими типами (В. И. Козенкова считает, что по комплексу ведущих признаков могильник Уллубаганалы 2 целиком принадлежал кобанскому населению, и нет оснований говорить о наличии собственно кочевнических захоронений)⁷¹.

Идея о межэтническом симбиозе была поддержана Д. С. Раевским и М. Н. Погребовой, посчитавшими, что инкорпорация скифов в местную кобанскую среду вела к этническим изменениям. Результатом длительных связей номадов и аборигенов в Центральном Предкавказье стал процесс формирования постоянного устойчивого компонента, этникоза, сочетавшего в себе как местные кавказские традиции, так и внешние по своему происхождению новации⁷².

С. В. Махортых не исключал, что скифские воины брали себе жен из местного кавказского населения. Вместе с тем, происходили процессы оседания кочевников, смешения их с местным населением. Иногда эти процессы охватывали целые родоплеменные коллективы, и можно говорить о сложении этнических новообразований. Особое внимание обращается на появление кобанского варианта скифо-сибирского звериного стиля как одного из наиболее ярких примеров новообразования. В то же время роль ираноязычного этноса в сложении и оформлении кавказских народностей была хоть и заметна, но все же оставалась достаточно скромной⁷³.

С. Л. Дударев полагал, что союзнические отношения и совместное участие в военных предприятиях привели к этническому слиянию скифов и автохтонов в результате заключения браков между воинами-степняками и представительницами колхидо-кобанских и центрально-закавказских племен. В результате возникали образования смешанного скифо-кавказского происхождения, примером чему служит могильник Уллубаганалы 2. Такие группировки исследователь, как и В. Ю. Мурзин, определял как «левое крыло» собственно скифов. Одним из наиболее важных индикаторов процесса сложения скифо-кавказских этнообразований (предэтносы), возможно, являлась утрата степняками традиционных форм погребальной обрядности, прежде всего обряда захоронения в курганах, свидетельствующая о достаточно далеко зашедшей миксации. На Северном Кавказе наблюдались этнические процессы двустороннего характера: с одной стороны, шло постепенное слияние некоторых автохтонных этноплеменных групп с номадами (памятники типа Урус-Мартановских курганных могильников), с другой стороны — растворение отдельных контингентов степного населения в кавказской среде (Уллубаганалы 2)⁷⁴.

По мнению М. П. Абрамовой, после установления скифами политического господства над оседлыми племенами их культура сильно повлияла

на местную. В то же время наблюдается различие в степени такого влияния. Материалы из предгорий оказываются ближе степным, чем горным. В горах сказывается большая замкнутость и консервация. В Центральном Предкавказье менее всего скифское влияние ощущается в Затеречье. На территории же современной Кабарды оно более ощутимо, а скифские памятники здесь наиболее яркие и проявляют близость с памятниками скифов Ставрополья. Оба этих района объединяет среди прочих признаков и своеобразие местной керамики. Обитание здесь скифов и установление их политического господства привело к распространению скифской культуры со стойкими признаками, в первую очередь, в особенностях погребального обряда.

После ухода основной части скифов эта культура распадается, хотя часть оседлого и кочевого населения остается. Из многих районов Северного Кавказа такая нестабильность характерна именно для этой территории, т. к. здесь проходил один из основных путей, по которым кочевники проникали в богатые земли Закавказья. В районе же Пятигорья отмечается своя специфика, объясняющаяся изолированностью данного района, стоящего в стороне от основного пути к перевалу Дарьял. В районе Кабардино-Пятигорья длительные контакты оседлого населения с кочевниками привели к сложению смешанной группы населения, значительно иранизированной. Со скифским влиянием связывается распространение катакомб у этого населения, хотя отмечается отсутствие таких погребальных сооружений у скифов Северного Кавказа. Скифская волна оказала непосредственное влияние на процесс иранизации местного населения, и с ней может быть связано формирование одного из диалектов осетинского языка⁷⁵. Видимо, в русле данных построений стояло и заключение Т.А. Габуева, что, возможно, ко времени зарождения катакомбного обряда иранский элемент доминировал на равнине и в предгорьях Центрального Кавказа⁷⁶.

Солидаризировался с положением о связи одного из диалектов осетинского языка с наследием скифов и В. А. Кузнецов. Исследователь полагает, что картографирование скифских памятников указывает на их компактное выдвигание в зону предгорий Центрального Кавказа и гораздо меньшее продвижение вглубь Северо-Западного Кавказа и Дагестана. Здесь в пределах Центрального Кавказа происходило взаимопроникновение двух различных по происхождению археологических культур и этносов в результате скифского завоевания. Это первый, наиболее ранний этап этноязыковой иранизации и начавшийся к его концу процесс этнической миксации. Важно, что этот процесс приурочивается к предгорной контактной зоне, в пределах которой в последующем иранизация будет продолжена, и которая станет колыбелью раннесредневековой аланской народности.

Значительная часть Прикубанья и северного Дагестана останется вне зоны распространения скифов. Здесь интенсивные процессы иранизации не

шли, а этническое контактирование имело маргинальный характер. Адыго-абхазский и вайнахо-дагестанский этносы здесь не были втянуты в миксацию и ассимиляцию и сохранили свою древнюю этническую индивидуальность. И для горных районов Центрального Кавказа констатируется только маргинальное контактирование, отсутствие их заселения скифами⁷⁷.

В.Г. Петренко отмечает, что скифы, продвинувшись в Предкавказье, потеснили и частично покорили горские племена. Они принесли с собой более совершенные виды оружия и конской узды, которые заимствовали кобанцы. Длительные контакты отразились не только в материалах погребальных памятников, но и повлекли более глубокие влияния в области идеологии (культы, погребальный обряд). Факты включения вещей кобанской культуры в обиход скифского населения с учетом специфики предметов свидетельствуют об учете запросов заказчиков, выявляя новые аспекты взаимоотношений скифов и кобанцев. В совместной работе с М.П. Абрамовой исследователи указывают на факт включения в состав позднекобанского населения потомков скифских племен, оказавших влияние на формирование этой культуры⁷⁸.

По мнению Б.М. Керефова, в плоскостной части современной Кабардино-Балкарии и Центрального Предкавказья процесс интеграции скифо-сарматов и позднекобанского населения находился на стадии завершения. В языковом отношении в среде этого фактически нового этнообразования, далеко уже не идентичного составляющим его компонентам, в значительной степени преобладающим, скорее всего, был иранский язык. Применительно к сарматской эпохе о местных племенах, по-видимому, можно говорить несколько условно как о субстрате «вторичного порядка». Исследователь, как и В.М. Батчаев, отмечал некорректность утверждения о том, что господство кочевников начиналось только к северу от Терека, и определения скифо-сарматского влияния в отношении 1:10, т. к. оно не учитывало дифференцированного подхода к памятникам предгорий и плоскости⁷⁹.

В.С. Ольховский за резким сокращением скифских памятников на Северном Кавказе в течение V в. до н. э. усматривал либо миграцию скифов, либо этническую трансформацию путем слияния с местными группами населения и образование новой смешанной этнокультурной общности⁸⁰.

Сведения письменных источников о киммерийцах и скифах на Кавказе. Письменные источники донесли до нас противоречивые сведения о местах первоначального обитания киммерийцев. Они помещали их в Северном или Северо-Западном Причерноморье, на Крымском полуострове, возле Азовского моря, в Италии. Там же они неоднократно отмечали различные «киммерийские» топонимы. Достаточно рано образ киммерийцев был включен греками в мифологическую картину мира. В результате киммерийцы стали ассоциироваться с далеким северным народом, живущим в неосвещаемых солнцем местах, под землей или у входа в царство мертвых. В их землях

стояли вечные туманы, нескончаемые или очень долгие ночи. Поэтому многие современные исследователи не только отрицали, например, достоверность античной традиции об изначальной связи киммерийцев с северопричерноморским регионом, но даже полагали, что киммерийцы действительно являлись лишь мифологическим образом.

Согласно античным авторам, киммерийцы были изгнаны в Малую Азию скифами со своей родины, располагавшейся в Северном Причерноморье, или на Крымском полуострове, или возле Азовского моря (Her. I, 15, 103, IV, 1, 11-13, Eustath. ad Dionys. Perieg. 772, Callim. ad Arthem. (III). 252-253, Ps.-Scymn. 767-772, Plut. Mar. IX, Str. XII, II, 5). Что касается Кавказа, то более поздние источники отводят под места обитания киммерийцев его северо-западную часть (Dion. Perieg. 652-710, Avien. 852-891, Mela. I. 12-13, Plin. NH. VI. 35). В ассирийских источниках киммерийцы впервые упоминаются в 714 г. до н. э. Примерно к этому времени относится и письменная традиция произведений Гомера, упоминающая киммерийцев. Следовательно, появление исторических киммерийцев и фиксация их эпического образа оказываются практически синхронными, что позволяет говорить о достаточно оперативном информировании греков о далеких событиях, а двойная письменная фиксация киммерийцев указывает в пользу изначальной историчности сведений о кочевом народе. Само название «киммерийцы» попало к грекам через посредничество лидийцев, подвергнувшись незначительному изменению⁸¹.

В ассирийских, вавилонских и древнегреческих источниках содержится достаточно много сведений о деятельности киммерийцев и скифов в Передней и Малой Азиях. Следует отметить достаточно четкое различие ассирийцами этих двух народов. Полагают, что в Библии киммерийцы под именем «зимвры» («зимы»), опущенном в Септуагинте, представлены в пророчестве Иеремии (XXV, 25-26) среди враждебных Вавилону народов. Их искаженное здесь название могло быть заимствовано из аккадского языка. Предполагаемые отношения некоторых других пророчеств к образу киммерийцев не могут быть окончательно доказаны.

В ахеменидских надписях упоминаются саки-тиграхауда («саки с остроконечными шапками»), известные у греков как ортокорибантии (Herod. III, 92). На вавилонский язык их упоминание переводится как «страны киммерийцев, шапки которых остроконечны». Если ассирийцы хорошо различали киммерийцев и скифов, то персы называли всех скифов саками и никогда не упоминали киммерийцев. Слово «саки» персидских и эламских версий надписей Ахеменидов всегда переводилось на вавилонский язык словом «киммерийцы». Вполне вероятно предположение, что «скифы» из Центральной Азии и некоторые киммерийцы из Малой Азии служили в армиях Вавилона и Ахеменидской Персии⁸².

В ассирийских источниках упоминается страна (земля) Гамир (ра), под которой подразумевается территория обитания киммерийцев. Обычно исследователи помещают ее к югу от Главного Кавказского хребта. В последнее время было предложено локализовать ее на Северном Кавказе с учетом возможной подмены сведений о стране сведениями о районах местонахождения киммерийских подвижных отрядов во время их набегов на Закавказье и Переднюю Азию⁸³. Но вполне обоснованным представляется восприятие такого решения, как «гиперверсии», с учетом отсутствия у ассирийцев знаний о Кавказе вообще, а тем более о северокавказских территориях⁸⁴.

Подтверждение присутствия исторических киммерийцев некоторые исследователи искали в данных топонимии, гидронимии и этнографии Кавказа,⁸⁵ что выглядит не всегда убедительно. С киммерийцами сопоставляли образы великанов гуымырытæ (гамерытæ) Нартовского эпоса осетин, в которых видят реальный прототип и для грузинского сказочного богатыря Гимир (Гмири). В эпосе абхазов представлен и сопоставимый образ первых нартов камиров. С легендой о гибели киммерийских царей (Herod. IV, 12) сопоставляли осетинские эпические сказания о гибели нартов⁸⁶. Попытки найти в абхазском эпосе и другие сопоставимые образы⁸⁷ представляются неудачными.

Что касается истории скифов на Кавказе, то античные источники отводят под места их обитания Северный Кавказ в целом, хотя для равнины, судя по всему, выделяется, как и для киммерийцев, также Северо-Западный Кавказ (Diod. Sic. II. 43. 2-5). Возможно, данное положение отмечал Сократ (Xen. Aromnaem. Sokr. II. 1. 10), указывающий на подчинение скифам меотов, обитавших на Северо-Западном Кавказе. Эсхил помещал скифов вокруг Меотийского озера и на Кавказе (Aesch. Prom. vinct. 1-2, 427-440). Гелланик (Fr. 92) упоминает выше синдов меотов-скифов (Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 321). Меотов называют скифами Евстафий Фессалоникский и Стефан Византийский (Eustath. ad Dionys. Perieg. 417-419; Steph. Byz. s. v. Μαίωται). Возможно, в связи с Кавказом упоминает о скифах Софокл (Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 284, Hecat. Fr. 187).

Не исключено, что итинерарий пути к «царским скифам» у Геродота датируется эпохой архаики и фиксирует пребывание скифов на Северном Кавказе⁸⁸. В целом европейские письменные источники связывали скифов с Западным Кавказом и юго-восточной частью Черного моря⁸⁹. Попытки отождествления гелонов с киммерийцами или скифами, первоначально размещавшимися на Кавказе,⁹⁰ признания киммерийского или савроматского происхождения кадусиев и гелов⁹¹ не имеют сколь-нибудь надежных оснований. Некоторые исследователи предлагали связать с историей пребывания скифов на Кавказе отдельные местные топонимы и гидронимы,⁹² что также не всегда представляется убедительным. Другие исследователи на основании ошибочного отождествления в античных источниках кимме-

рийцев с трерами и на толкованиях библейских Гога и Магога как скифов пытались связать данные исторические народы с закавказскими местностями под названием Гогарена и Триалети. Во втором случае следует также помнить, что образы библейских Гога и Магога относятся к образу Гига, царя Лидии⁹³.

Впервые в ассирийских источниках скифы упоминаются в 679/678 г. до н. э. Царство скифов («страна Ишкуза»), упомянутое около 672 г. до н. э., исследователи обычно локализуют к югу от Главного Кавказского хребта. Некоторые ученые предлагали помещать «царство Ишкуза» в степях Прикубанья и Северного Кавказа⁹⁴. Однако собственно ассирийский источник такой локализации не дает. Отмечают и хронологические несоответствия с приведенными северокавказскими скифскими материалами⁹⁵.

По Геродоту, скифы устремились через Кавказ, преследуя киммерийцев, и их поход представлен единовременным актом. Но другие авторы сообщают о нескольких походах скифов, которые периодически возвращались к себе на родину (Diod. Sic. II, 43-44б 46, Pomp. Trog. I, 1, 6, II, 4, 1-33, 5, 1-3, Oros. Adv. paganos. I, 14, 1-5, 15, 1-9, 21, 1). Подтверждением участия в походах северокавказских скифов, использовавших различные транскавказские проходы, археологи справедливо считают находки переднеазиатского импорта в скифских погребениях региона. На какое-то время скифам даже удалось установить свое господство над Азией (по разным источникам, на 8, 15, 20, 28 лет). Основываясь на одном из сообщений Геродота (Herod. I, 73-74, 103), исследователи относят окончание скифских походов к 585 г. до н. э. С участием скифов в рейдах через Кавказ связывают появление на территории Армении Сакасны, т. е. речь должна идти о приходе в указанный регион среднеазиатских саков. Древние источники фиксируют появление в Армении саков и сираков (Strabo. II, I, 14, XI. VII, 2, VIII, 4, XIV, 4, Ptol. III, 12, 9, Plin. NH. VI, 29, Arr. Anab. III, 8, 4).

Отдельные авторы пытаются связать со скифами некоторые сведения библейских пророчеств. Однако прямого упоминания в них скифов нет. Только в пророчестве Иеремии (Ермиягу) 594/593 г. до н. э. против Вавилона (Ll. 11, 27-28) призываются царства Мидии, Араратские, Минийские и Аскеназские. Само окружение царства скифов (Аскеназ) свидетельствует о его близости к указанным образованиям. Считается, что здесь представлено воспроизведение более древнего оракула. Не исключено, что упомянутое царство скифов находилось в подчинении Мидии, что соответствует истории отряда скифов на службе у мидийского царя Киаксара, переданной Геродотом⁹⁶. Но в самом библейском тексте все три царства, включая Аскеназское, упоминаются отдельно от Мидии. С учетом использования другого оракула, здесь может воспроизводиться более ранняя ситуация, но переносится она на последующие события.

К концу VII-началу VI вв. до н. э., или к первой половине VI в. до н. э. относится упоминание киммерийцев и скифов в библейской «Таблице народов» («Первая книга Моисеева. Бытие». X, 2-3; «Летописи/Первая книга Паралипоменон». I, 5-6). В ней киммерийцы фигурируют под именем Гомара (в Септуагинте Гамера), а среди потомков Гамера указаны Аскеназ (скифы), Рифат и Тогарма. Ученые сопоставляют Тогарма с ассирийскими названиями города Тильгаримму и хеттской областью Тегарма, Тагарама (древнееврейскому Тогарма в Септуагинте соответствует Тогарма, Тергама, Торгома). Таргум Псевдо-Иерушалми считает его просто Барбарией. По Мидрашу, он сопоставим с Германией, хотя здесь не исключено и чтение «Армения». Предполагалось усматривать в нем область Германикию в Сирии возле горы Амана или кельтских грокмов (грокменов), обитавших в Галатии и в Каппадокии. В целом Тогарма исследователями единодушно отождествляется с Западной Арменией.

Талмуд и Мидраш отождествляют Аскеназ с Азией, т. е. римской провинцией, включающей лидийскую, фригийскую и карийскую области. Таргум Иерушалми видит в Аскеназ Адиабену (область Ассирии), к которой Талмуд и Мидраш присоединяли и древний Рифат (в Септуагинте — Рифад, в «Летописях» ошибочно — Дифат, Рифэ, Херейфад). В Таргуме к приведенному отрывку из Иеремии отрывок об Арарате, Минни и Аскеназ перефразирован в Курдистан, Армению и Адиабену. Адиабена отождествляется и с Рифатом. Полагают, что под именем Рифат в Библии скрывается Кавказ, связанный с представлениями о Рипеях⁹⁷. Но в самой иудейской традиции Аскеназ не сопоставим с кавказским регионом. Намечающаяся некая связь с Кавказом не позволяет без дополнительных оснований помещать его к северу от Главного Кавказского хребта.

В латинских извлечениях Барбара, после Скалигера (P. 180 (cod. fol. 46)) сын Гамера Асханат объявляется родоначальником сарматов. Цензорин в «Книге происхождений» (Lib. Gen. 46, 19) производит сарматов от Асканаза, а савроматов — от Рифана. Иованнес Драсханакертци писал, что от братьев Асканаза произошли сарматы, от Рифата — савроматы, от Торгома — армяне. Но ранее страна армян называлась Асканазовой, поскольку он был старшим из сыновей, но потом Торгом соблаговолил назвать ее своим именем (Иованнес Драсханакертци «История Армении». I, II). Мовсес Каганкатваци также производит сармат от Асханаза, а армян — от Торгома, в то же время причисляя их к сынам Асханаза (Мовсес Каганкатваци. «История агван». II). Таким образом, в армянских источниках использованы как сведения самой Библии, так и «Книг происхождений», типа произведения Цензорина. Армяне были знакомы и с «Хроникой» Ипполита Антипапы III в. н. э., содержащей подобные сведения. Она была переведена на армянский язык в VII в. н. э. Причем к сарматам первоисточника были прибавлены и аланы.

В армянской традиции наряду с собственным названием Каппадокии используется название Гамирк, которое в первую очередь привлекается для толкования Библии, и осознается его связь с библейским Гамером. Мовсес Хоренаци называл первым армянским венценосцем сына Скайорди Паруйра (Мовсес Хоренаци. «История Армении». XXI). Мовсес Каганкатваци отмечал коронацию Скайорди (Мовсес Каганкатваци. «История агван». XV). Исследователи указывали, что его имя сходно с именем скифского предводителя Бартатуа ассирийских источников (Прототий, по Геродоту). Причем Скайорди рассматривается как пришелец в Армению, захвативший там власть.

Отмечалось, что скифы оставили особый след в топонимике, в антропонимике аристократических домов, в фольклоре Армении. Постулируется представление о смешении скифов с армянами. Поэтому и армянский писатель Корюн в «Житие Маштоца» называл армян «асканазским родом». Допускается при условии наличия эпико-исторической основы легенды о Паруйре, что тот мог быть армянским вождем скифского происхождения и, возможно, потомком Бартатуа. Для имени Скайорди исследователи полагают значение «сын сака» или «сын великана (исполина)», последнее из которых возводится к названию саков или к персидскому *kaī* — «великан (исполин)»⁹⁸. По Геродоту (Herod. I, 103-104), скифское пребывание в Передней Азии было связано с их единовременным вторжением под главенством Мадия, сына Прототия. О некоем Мадесе, предводителе мидян, который 2 года держал в подчинении Армению, «... протоптал наши границы конскими копытами», но затем был разбит и казнен армянами, писал Мовсес Хоренаци (Мовсес Хоренаци. «История Армении». I, 13).

Традиция определять корни происхождения современных автору народов от библейских прародителей нашла свое отражение и в рассказе, который приписывается Леонти Мровели, из «Жизни царей картвелов», включенном в свод хроник «Жизнь Картли» («Картлис Цховреба»). Автор этого средневекового произведения (XI в.) называет прародителем кавказских народов Таргамоса, правнука Ноя (известен и лакский вариант истории происхождения дагестанских народов от Нуха). Народы Кавказа определяются как потомки семи из наиболее славных сыновей Таргамоса. Земли Северного Кавказа, видимо, вплоть до Волги были в его времена безлюдны. Поэтому он отдал их двум из своих сыновей. Лекану достались земли от Каспийского моря до Терека, а Кавкаосу — от Терека до оконечности Северо-Западного Кавказа. Старшим над братьями оставался Гаос, прародитель армян.

Некоторые исследователи посчитали, что образ и имя прародителя кавказских народов Таргамоса перекликается с образом и именем скифского прародителя Таргитая Геродота. Полагают даже, что Леонти Мровели вольно или невольно связал историю своего народа с киммерийцами и скифами, а вместе с именем Таргитая в Переднюю Азию мог проникнуть и миф о проис-

хождении скифов, который контаминировался с библейскими мифами, а затем оформился в известных произведениях армян и грузин⁹⁹. Но такие предположения не имеют должного основания.

В «Жизни царей картвелов» приводятся некоторые сведения, которые многие ученые связывают с историей скифов на Северном Кавказе и с их закавказскими походами. В источнике повествуется о вторжении на Кавказ «хазаров». Объединившиеся кавказские народы перешли через Кавказ, покорили «Хазарети», воздвигнув на его подступах города, и удалились. Тогда «хазары» избрали себе царя, прошли через Дербентский проход и разгромили владения Армении и «Севера», но не смогли взять часть владений Картли. Освоив пути через Дербентский и Дарьяльский проходы, «хазары» часто нападали и сделали кавказцев своими данниками. Часть страны Кавкасоса и пленников из Армении и Картли «хазарский царь» отдал своему сыну Уобосу, потомками которого являются овсы, т. е. осетины. Бывшие же владения Лекана, от Каспийского моря до Терека, он передал своему двоюродному брату.

В армянском переводе «Картлис Цховреба» («История Врац») сохраняются приведенные сведения. Они использованы и в работе «Описание царства Грузинского» Вахушти Багратиони, внесшего некоторые коррективы. Сведения о нашествии «хазаров» сопоставляют с нахскими сказаниями о борьбе местных героев с нарт-орстхойцами, которые в абхазских сказаниях об Абрскиле заменяются голубоглазыми и светловолосыми людьми. Исследователи отмечают в армянской версии форму имени сына «царя хазар» Рубос (Робос), связывая ее непосредственно с проявлением аланского влияния¹⁰⁰. С походами ранних кочевников связывают сванское предание об опустошительном нападении неких пришельцев с Северного Кавказа на Западную Сванетию, Самегрело и Абхазети¹⁰¹.

Учитывая неоднозначность образа «хазаров» грузинского источника, многие современные исследователи считают его свидетельство отражением реальных закавказских походов скифов. Первоначальное столкновение «хазар» с племенами леков и кавкасиан указывает на ограничение экспансии пришельцев территорией Северного Кавказа и на участие в противостоянии с пришельцами различных местных народов. Сведения о войне кавказцев с «хазарами» и возведении ими городов на рубежах Хазарии сопоставимы с археологически фиксируемыми следами столкновений скифов с автохтонами и со стремлением последних укрепить свои поселения. Эпизод об избрании «хазарами» царя может быть связан с появлением титула царя по отношению к скифским вождям в Передней Азии. Неоднократно обращалось внимание на тот факт, что если первоначально скифы упоминаются там под руководством некоего Ишпакая, то спустя какое-то время они уже возглавляются царями Бартатуа и Мадием¹⁰².

Не исключено, что в ассирийских источниках зафиксировано появление двух разных волн скифов, что соотносится с двумя волнами «хазар» на Кавказе, когда именно со второй волной было связано появление института царя у вторгавшихся. Именно на втором этапе начинаются массированные вторжения уже в закавказский регион. С этим этапом связано и появление на Северном Кавказе овсов. Олицетворение овсов в лице сына «хазарского царя» может указывать на определенный хронологический разрыв между двумя волнами вторжений. Образование государства овсов на втором этапе может соотноситься с укреплением скифской доминанты на Северном Кавказе именно в период проведения ими закавказских вторжений. Пожалуй, нет оснований, как делают некоторые исследователи, строго отождествлять «хазаров» со скифами, а овсов — с сарматами.

Полагают, что эпизод о передаче «хазарским царем» бывших владений Лекана своему двоюродному брату объясняет обозначение гелов и леков скифскими народами (Strabo. XI, V, 1), или за ним стоит факт участия в скифских походах родственников им племен¹⁰³. Но не исключено, что мы имеем дело с отражением факта слияния местных этноплеменных групп с номадами. Тогда свидетельство грузинского источника могло бы указывать, по крайней мере, на два последствия появления на Северном Кавказе пришлых номадов. Первое заключалось в слиянии их части с аборигенами и в появлении новых этнообразований, рассматривавшихся родственными номадам, что выражалось в образе двоюродного брата «хазарского царя» (более дальнее родство), второе — в развитии истории собственно номадов, что отражалось в образе сына «хазарского царя» (более близкое родство и прямое наследование). Отметим, что некоторые исследователи полагают участие в переднеазиатских походах скифов и кобанцев, что не имеет должного обоснования.

Археологические исследования позволили наметить возможный путь появления в грузинском источнике эпизода о включении во владения Уобоса пленных из Армении и Картли. Его сопоставляют с материалами могильника Уллубаганалы 2. Наблюдения археологов и антропологов показали, что могильник оставлен синкретическим обществом, в котором скифы составляли воинскую группу, а женщины и мужчины-ремесленники принадлежали к представителям местного кобанского населения. Среди местного населения были представлены и закавказские ремесленники. Некоторые исследователи используют данные сведения как указание на значительную роль кавказского субстрата в этногенезе осетин, что неубедительно. Кроме того, ряд архитектурных приемов, сближающих храм скифского Краснознаменского кургана с храмовыми постройками на территории Мидии, предположительно связывается с приглашением или насильственным переселением скифами мидийских мастеров. Они же могли сделать и колесницу из южного погребения кургана № 1.

Обращали внимание на появление в памятниках ананьинской культуры Среднего Поволжья нового комплекса, сочетающего закавказские, кобанские и скифские элементы. Аналогичное сочетание, вызванное деятельностью скифов, представлено и в Центральном Закавказье, что позволило некоторым исследователям связать инновации в ананьинских памятниках с уходом на рубеже VII-VI вв. до н. э. из Передней Азии скифов, которые присоединили к себе своих соплеменников, обитавших в Центральном Закавказье. Наблюдения за технологией обработки железа в ареале ананьинской и кобанской культур позволили полагать, что скифы увели с собой и кобанских мастеров. Следует учитывать, что скифы относились к ремесленному делу как к занятию низшего рода¹⁰⁴.

Грузинский источник включает хазарский язык в число шести языков, распространившихся в Картли. Исследователи отождествляют его с неким северотюркским или североиранским, а также непосредственно со скифским языком. Кроме того, отмечаются и непосредственные следы языковых контактов скифов с древнегрузинским населением¹⁰⁵.

В грузинском источнике сообщается и о захвате Картли персами, во время которого были уничтожены находившиеся там «хазары». Персидский правитель поставил над Картли своего эристава. Но картвелы затем призвали на помощь овсов и вместе изгнали всех персов. Видимо, данное сообщение также как-то связано со скифской историей.

Внимание исследователей привлек еще один эпизод из грузинского источника, ориентировочно связываемый им с 586 г. до н. э. В нем рассказывается о том, как некие «турки» («бунтурки»), изгнанные персами, в количестве 28 домов (вариант — 28000) переправились через Каспийское море и вверх по Куре пришли в Мцхету. Они обратились к домовладыке Мцхеты за помощью против персов. Он оповестил об этом всех картлийцев. Последние изъявили желание подружиться с «турками», т. к. сами боялись персов. С целью взаимной помощи они объединились с «турками» и ввели их во все города. Но большинство «турков» облюбовали себе место, глубоко высеченное в скале, к западу от Мцхеты и выпросили его у мцхетского домовладыки. Они обустроили его, обвели мощной оградой, и стало это место называться Саркине. Эти «турки» жили в согласии с картлийцами, и в ожидании персов вместе укрепляли крепости и города. Но позднее они были изгнаны из своего города Александром Македонским и удалились на Кавказ.

Сведения о «бунтурках», обитавших в Саркине, Каспии, Урбниси и Одзрахе, содержатся и в более раннем грузинском источнике — «Мокцевай Картлисай». В этом произведении нет сведений о приходе «бунтурков» с просьбой о помощи и о расселении их по согласованию с местными правителями. Более того, владыка «бунтурков» сам разрешает неким хоннам поселиться в его владениях на условиях выплаты дани. За хоннами могут скрываться

исторические гунны, что является анахронизмом для описываемых событий. Таким образом, если за «бунтурками» действительно скрываются исторические скифы, то их приход в Закавказье и положение там свидетельствуют об их значительной силе и независимости.

В источнике уход «бунтурков» также объясняется ожесточенной войной с Александром Македонским, что, конечно, не имеет исторического основания. Однако время деятельности Александра в данном случае вполне соответствует времени ухода скифов с территории Кавказа. Интересно, что в «Мокцевай Картлисай» «бунтурки» названы потомками иевусеев, а хонны — халдейцами (в «Картлис Цховреба» вместо хоннов фигурируют просто халдейцы). Было подмечено, что в памятниках древнегрузинской литературы страной вавилонян и халдейцев часто назывался древний Иран, в состав которого вошли соответствующие владения. Поэтому отождествление «бунтурков» и хоннов с иевусеями и халдейцами может указывать на приход этих народов из Ирана, что соответствует уходу исторических скифов с территории Мидии.

Исследователи полагают, что под именами «турков» и «бунтурков» действительно скрываются скифы, а описываемые события относятся к возвращению скифов после их разгрома Мидией. Количество домов «турков» (28) сопоставляется с периодом владычества скифов в Азии. Место расселения «турков» вполне соответствует данным археологии о появлении на Куре скифов. Название же основного места их поселения Саркин («Место железа») наводит на мнение исследователей о наиболее массовом распространении железа на Северном Кавказе за счет влияния скифов. Связь данного сообщения со скифской историей подтверждается и самой хронологией приводимых в источнике сведений.

Кроме того, по мнению некоторых исследователей, если допустить, что скифская аристократия, сохранявшаяся на территории Иберии, утвердила в местной среде свои идеологические и социальные представления, то это бы могло объяснить описанное Страбоном членение иберийского общества на четыре рода (Strabo. XI, III, 6). Функции трех первых из них имеют несомненное сходство с индоиранскими кастами, в том числе и у скифов. При этом иберийские цари избирались из военной аристократии, что также соответствует традициям скифского общества. Показательно, что в «Жизни царей картвелов» сохранились сведения о том, что картлийская знать считала своими предками именно «бунтурков». Возможно, со скифским влиянием связано и развитие культа военного божества у горных грузинских племен¹⁰⁶.

Некоторые исследователи полагали, что между 520 и 514 гг. до н. э. каппадокийский сатрап Ариарамн совершил поход против скифов на Северный Кавказ. Но надежного археологического подтверждения данной гипотезе не представлено. Согласно письменным источникам, родственным скифам на-

родом были савроматы, которых скифы, якобы, привели из своих закавказских походов и поселили на землях к востоку от Дона. Если когда-то скифы Северного Причерноморья имели возможность переходить на восточный берег Дона, то впоследствии ситуация изменилась. Предполагается, что между 512 г. до н. э. и серединой V в. до н. э. произошло вытеснение скифов на запад от Дона савроматами, отраженное в рассказе Диодора Сицилийского (Diod. Sic. II, 47). Возможно, данные события в литературной обработке позднее описал Лукиан Самосатский (Luc. Tox. 38-41). В правление боспорских Археанактидов (480-438 гг. до н. э.) был построен вал на пути скифов к самым удобным переправам в районе Порфмия, что могло послужить еще одной причиной потери власти скифов над Предкавказьем. По крайней мере, скифам был перерезан традиционный путь зимних перекочевок из Северного Причерноморья и Крыма в Прикубанье. Теперь скифы уже не могли совершать походы на земли синдов (Herod. IV. 28) или, как полагают, собирать обычную дань с территорий, с которыми они были связаны давними традициями¹⁰⁷.

Примечания

1. Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995. С. 8.
2. Сосранов С. Р., Черджиев Э. Л. Раскопки курганов в Моздокском районе Северной Осетии // XVI Крупновские чтения. Ставрополь, 1990. С. 53; Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // МИАР. 1997. № 1. С. 14-17.
3. Скаков А. Ю. Некоторые проблемы и перспективы изучения колхидской культуры // XXIV Крупновские чтения. М., 2004. С. 180-181.
4. Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // МИАР. 1997. № 1. С. 154; Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV вв. до н. э. СПб., 2003. С. 136-144.
5. Ильинская В. А. Скифы и Кавказ (тезисы доклада) // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 55-56; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 24; Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I. С. 204, 207.
6. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 43-44.
7. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982. С. 42; Давудов О. М. Материальная культура Дагестана в албанское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). Махачкала, 1996. С. 308-309; Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Пушино, 2005. С. 52.
8. Котович В. Г. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 56-57.
9. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н. э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972. С. 75-78, 85-86.

10. Охонько Н.А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1988. Вып.15-16. С.252; Петренко В.А. Взаимоотношения горских и степных племен (по материалам скифской и кобанской культур) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984. С.164; Алексеева Е.П. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа // УЗЛГУ. 1949. № 85. Серия исторических наук. Вып. 13. С. 239; Гаглойти Р.Х. Памятники археологии Цхинвальского района Южной Осетии (к Археологической карте Осетии). Цхинвал, 2010. С.26.

11. Ловпаче Н.Г. Первый памятник прикубанской культуры // XX Крупновские чтения. ТД. Ставрополь, 1998. С.82-83; Каминская И.В., Цокур Д.В. Поселение Каменные Столбы эпохи поздней бронзы в бассейне реки Лабы на Северо-Западном Кавказе // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып.7. С.9; Максименко В.Е. Этническая история Подонья скифской эпохи // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С.54-55.

12. Ковалевская В.Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы 1 тыс. до н.э. М., 2005. С.58-59.

13. Ильинская В.А. Указ. соч. С.56; Петренко В.А. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С.172; Соломатина Н.В. Новые скифские изваяния из фондов Ставропольского музея // XVIII Крупновские чтения. Кисловодск, 1994. С.68; Она же. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // ИАА. 1995. Вып.1. С.102-109; Ольховский В.С. Скифы и Кавказ (по материалам монументальной скульптуры) // XXI Крупновские чтения. Ессентуки-Кисловодск, 2002. С.103; Бессонова С.С. К вопросу о скифских каменных изваяниях в Крыму // Материалы Международной конференции «Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища». СПб., 2002. Ч.2. С.99-100.

14. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С.17-18; Любин В.П. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // ТКЧНИИ. Ставрополь, 1964. Т. IV. Серия историческая. С.258; Алексеева Е.П. Памятники позднекобанского времени на территории Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (Материальная и духовная культуры). Черкесск, 1982. С.33, 36, 38.

15. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. С.18; Moškova M. G. On the Nature of the Similarity and Difference in the Nomadic Cultures of the Eurasian Steppes of the 1st Millennium BC // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994. P.237; Алексеев А. Ю. Хронология Европейской... С.279; Раев Б. А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 2008. С.124-130.

16. Савенко С.Н. Изучение археологических памятников Кавминвод в XX веке. Основные итоги и перспективы // XXI Крупновские чтения. Кисловодск, 2000. С.127; Атабиев Б.Х. Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // XXI Крупновские чтения. Кисловодск, 2000. С.9-10.

17. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996. С.106-107; Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С.69; Давудов О.М. Этнокультурные процессы в Дагестане эпохи раннего железа // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала, 1995. С.34-37; Давудов Ш.О. Северо-Восточный Кавказ на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа (Зандакская культура). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. С.112; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX-первая половина VII вв. до н. э.). Армавир, 1999. С.50-54.

18. Виноградов В.Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С.178-179; Он же. Центральный

и Северо-Восточный Кавказ... С.44-59; Березин Я.Б., Ростунов В.В. Сарматские погребения Кобийского могильника // XXI Крупновские чтения. ТД. Кисловодск, 2000. С.19; Бурков С.Б., Маслов В.Е. Новые комплексы скифской эпохи из Чечни // МИАР. 1997. № 1. С.114-123; Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. Владикавказ, 2002. С.82-83; Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С.109.

19. Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. Моздокский могильник. Л., 1940; Пиотровский Б.Б. Ст. Моздок, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. М.-Л., 1941. С.244-246.

20. Вольная Г.Н. Скифские культурные элементы в памятниках верхнего Притеречья // Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып.2.1. С.78-89; Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.Л. Поселение скифского времени и могильник XIV-XV вв. «Сухая Балка» // МИАСК. 2004. Вып.3. С.237.

21. Мошинский А.П., Переводчикова Е.П. Скифский «звериный» стиль в кобанских могильниках Дигории // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1998. С.109-110; Мошинский А.П. Контакты Северного Кавказа со степью и Закавказьем (по памятникам Дигории V-IV вв. до н. э.) // XVII Крупновские чтения. ТД. Майкоп, 1992. С.44; Он же. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // РА. 1997. № 3. С.33-43; Он же. Древности горной Дигории VII-IV вв. до н. э.: систематизация и хронология обряда: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; Он же. Древности горной Дигории VII-IV вв. до н. э. М., 2006. С.88-89; Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI-начале IV вв. до н. э. // Степи и Кавказ (культурные традиции). ТГИМ. М., 1997. Вып.97. С.62-63.

22. Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII-IV вв. до н. э.: систематизация и хронология. Москва, 2006. С.89.

23. Ковалевская В.Б. Кавказ — скифы... С.55-56.

24. Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч.2. С.8-9, 30, рис. 1.

25. Наглер А.О., Гриднев В.В. Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С.64-67; Сосранов С.Р., Черджиев Э.Л. Раскопки курганов в Моздокском районе Северной Осетии // XVI Крупновские чтения. Ставрополь, 1990. С.53-54; Черджиев Э.Л. Курганы эпохи средней бронзы у ст. Павлодольской Моздокского района Северной Осетии // Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып. 2,1. С.58-60; Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // МИАР. 2001. №3. С.118-124; Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период... С.9-10, 33, рис.4; Бурков С.Б., Маслов В.Е. Исследование могильника «Орджоникидзевский» в Чечне // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С.374.

26. Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. С.18-19; Очир-Горяева М.А. О северокавказских элементах в культуре нижневолжских кочевников скифского времени // XVII Крупновские чтения. ТД. Майкоп, 1992. С.53-54; Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре... С.62; Березин Я.Б., Гузолина В.В., Ростунов В.Л. Погребение раннего железного века из юго-восточной части Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Археология, краеведение. Ставрополь, 2009. С.276.

27. Бурков С.Б., Маслов В.Е. Новые комплексы скифской эпохи из Чечни // МИАР. 1997. №1. С.123.

28. Абрамова М.П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С.122; Маслов В.Е.,

Очир-Горяева М. А. Об общих элементах в культуре... С.68-70; Прокопенко Ю. А. Особенности звериного стиля Центрального Предкавказья V-III вв. до н. э. // Из истории народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2002. Вып.5. С.21-28.

29. Кудрявцев А. А., Охонько Н. А., Кудрявцев Е. А. К этнокультурной интерпретации Татарского городища в эпоху раннего железа // Материалы Международной научной конференции «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». Саратов, 1997. С.131-133; Кудрявцев А. А. Северокавказский город: проблемы возникновения и развития (по материалам Татарского городища) // XXI Крупновские чтения. Кисловодск, 2000. С.71-72; Он же. Курганные склепы Татарского городища — новый тип погребального сооружения Северного Кавказа (по материалам кургана № 2 второго могильника Татарского городища) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С.154-158; Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Этносоциальная интерпретация погребений Татарского городища V-III вв. до н. э. // Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы Конференции. Краснодар, 2009. С.189-191; Они же. Проблемы трансформации культурных традиций и обрядов кочевников Центрального Предкавказья в процессе их контактов и «оседания» в земледельческой среде (по материалам Татарского городища V-III вв. до н. э.) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. С.72-77; Белинский А. Б. К вопросу о культурной принадлежности склеповых сооружений раннего железного века на Ставропольской возвышенности // XVI Крупновские чтения. ТД. Ставрополь, 1990. С.31-32; Он же. Склеповые сооружения раннего железного века Ставропольской возвышенности и Кисловодской котловины и проблема их культурной принадлежности // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1995. С.50-52; Абрамова М. П. О некоторых античных традициях в культуре... С.127-129; Прокопенко Ю. А. К вопросу о связях населения Центрального Предкавказья в IV-III вв. до н. э. // ИАА. 1998. Вып.4. С.38-39, 41; Черкасов В. А. Место лошади в погребальной обрядности могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. С.151-152.

30. Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Известия АН Груз. ССР. 1985. № 3. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. С.49-50; Она же. Кавказ — скифы.. С.58; Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени // Степные народы Евразии. М., 2001. Т. II. С.56, 281; Алексеев А. Ю. Хронография Европейской... С.152.

31. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984. С.42-44; Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. С.26-27.

32. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С.230.

33. Хахутайшвили Д. А. Юго-Западная Грузия в VIII-VI вв. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1979. Тбилиси, 1981. С.330-332.

34. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники..., 1985; Дашевская О. Д., Лордкипандзе Г. А. Скифские изваяния из Восточной Грузии // ИАА. 1995. Вып.1. С.99-101; Ольховский В. С. Скифы и Кавказ (по материалам монументальной скульптуры) // XXI Крупновские чтения. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002. С.104.

35. Махортых С. В. Скифы на Кавказе в VII-V вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1987. С.4; Ростунов В. Л., Березин Я. Б. Скифо-сарматский период... С.6.

36. Погребова М. Н. Закавказье и его связи... С.199-200.

37. Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979. С.297-298.
38. Погребова М.Н. О характере скифских походов через Кавказ // Научная конференция «Вопросы иранистики и алановедения». ТД. Владикавказ, 1990. С.41.
39. Diakonoff I. M. The Cimmerians // Acta Iranica 21, Leiden, 1981. Deuxieme serie. Vol. VII. P.135; Дударев С.Л. О характере скифо-кавказского этнокультурного взаимодействия в VII-VI вв. до н. э. // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы-раннего железа. Армавир, 1997. С.26-29; Motzenbäcker I. Neue Funde reiternomadischer Provenienz in Iberien // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2000. Bd.32. S.207-223; Билл А. Сатрапы или евразийские кочевники? Богатые погребения в Грузии в V-III вв. до н. э. // XXIV Крупновские чтения. ТД. М., 2004. С.24-26.
40. Дударев С.Л. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.13-16; Он же. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991; Он же. Взаимоотношения племен Северного Кавказа...; Дударев С.Л., Пелих А.Л. О взаимоотношениях племен кобанской культуры с населением Закубанья в первой половине I тыс. до н. э. // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 1994. С.16-17; Березин Я.Б., Дударев С.Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» — памятник раннежелезного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1988. С.173-174.
41. Козенкова В.И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С.83-84.
42. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа... 1991; Он же. Взаимоотношения племен Северного Кавказа...; Погребова М.Н., Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX-первая половина VII вв. до н. э.) // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2000. № 3-4.
43. Вальчак С.В., Эрлих В.Р. Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994; Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О хронологии древностей черногорско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989; Махортых С.В. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII-VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // Материалы научно-практической конференции «Древности Кубани». Краснодар, 1991; Белинский А.В. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4 и др.
44. Клочко В.И., Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада (по материалам Северного Кавказа) // Всесоюзный семинар «Киммерийцы и скифы». Кировоград, 1987. Ч. I; Махортых С.В. Соціально-політичний аспект зв'язків з племенами Кавказького регіону // Археологія. 1989. № 1; Скорий С.А. До питання про «культурну належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 р. // Археологія. 1991. № 3; Вальчак С.В. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» (некоторые дополнения к проблеме) // МИАР. 1997. Вып. 1.
45. Полин С.В., Тупчиенко Н.П. Новые киммерийские комплексы из Кировоградской области // Международная конференция «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». ТД. Запорожье, 1994.
46. Махортых С.В. Кочевники и вопросы происхождения кладов...
47. Виноградов В.Б., Махортых С.В. К современному состоянию изучения киммерийской проблемы // Из практики кавказоведческих изысканий (1986-1996 гг.). Армавир-Грозный, 1996. С.24.
48. Белинский А.Б. Могильник Клинь-Яр III как источник по изучению культуры населения

Кавминвод в раннем железном веке. Автореф. дисс...канд. ист. наук. М., 2004. С.15; Белинский А.Б., Вальчак С.Б. Оригинальная группа предскифских уздечных комплектов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. С.160.

49. Дударев С.Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа.... С.171-176; Белинский А., Дударев С.Л., Хархе Х. Из опыта социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-Яр III (в контексте международных событий VII-VII вв. до н. э.) // Материалы X Международной научной конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». Ростов-на-Дону, 2002. С.15-16.

50. Чеченов И.М. Природно-географические условия Центрального Кавказа и некоторые особенности его исторического развития в эпоху бронзы // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984. С.32; Он же. Об этнокультурных связях племен Центрального Предкавказья с кочевниками в древности и в средние века // XIV Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1986. С.8.

51. Березин Я.Б. Погребения эпохи раннего железа с Владикавказской равнины // МИАСК. 2003. Вып.2. С.35.

52. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ.... С.80-81; Махортых С.В. Скифы на Северном.... С.84; Дударев С.Л. О характере скифо-кавказского... С.28.

53. Алексеева Е.П. Поздне-кобанская культура... С.239; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С.148, Он же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.388-389; Мунчаев Р.М. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С.205; Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С.107; Махортых С.В. Скифы на Северном... С.84-85.

54. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа.... С. 100-107.

55. Дударев С.Л. О характере скифо-кавказского... С.31-32.

56. Кереев Б.М. Новые погребальные комплексы скифского времени из Кабардино-Балкарии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С.43-44; Он же. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 99-100; Кереев Б.М., Бетров Р.Ж. Нартанский II курганный могильник скифского времени // XVI Крупновские чтения. ТД. Ставрополь, 1990. С. 61-62; Кереев Б.М., Кармов Т.М. Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик, 2009; Зуев В.Ю. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII-VI вв. до Р.Х. // ПАВ. 1993. №6. С.43; Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. №3. С.93-94.

57. Петренко В.Г. Центральное Предкавказье в VII-VI вв. до н. э. и его связи с Передним Востоком // Международное сотрудничество на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994. С.16; Она же. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе // Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, I. М., Берлин, Бордо, 2006. С.121.

58. Махортых С.В. Скифы на Кавказе... С.7; Он же. Скифы на Северном... С.107, 109.

59. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985. Т.2. С.44-54.

60. Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н. э. (Кобанская культура: модель тысячелетнего развития): Науч. доклад ... докт. ист. наук. М., 1989. С.47.

61. Абрамова М.П. О скифских традициях в культуре... С.45-46; Она же. Новые археологические материалы к вопросу этногенеза осетин // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». ТД. Владикавказ, 1991. С.5.

62. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа.... С.103; Он же. О характере ски-

фо-кавказского... С.23; Он же. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время. Армавир, 1997. С.38-41.

63. Ольховский В.С. Скифоидные изваяния Северо-Восточного Кавказа // ИСКНЦВШ. 1989. № 2 (66). С.82-83; Он же. Скифы и Кавказ (по материалам монументальной скульптуры) // XXI Крупновские чтения. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002. С.103-104; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М., 1994. С.15, 45-46; Багаев М.Х. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С.136.

64. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ... С.37-38, 277; Махортых С.В. Об ичкеринских скифоидных стелах // Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1981. С.30-31; он же. Скифы на Северном... С.105.

65. Крупнов Е.И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вулгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С.153, 158, 160-164; Он же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С.147-152; Он же. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.33, 39-41; Он же. Предисловие // МАДИСО. 1961. Т. I. С.9; Он же. Дискуссия // ТМКАЭН. Т. VII. М., 1970. Т. V. С.758-759.

66. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV... С.44-51.

67. Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С.188-189; Мошинский А.П. Древности горной Дигории... С.88-89.

68. Виноградов В.Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С.182; Он же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ... С.93, 234, 291, 294; Он же. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон и этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С.7; Он же. Проблема «Скифия и Кавказ» после А.И. Тереножкина // Всесоюзный семинар «Киммерийцы и скифы», посвященный памяти А.И. Тереножкина. ТД. Кировоград, 1987. Ч. I. С.35.

69. Наглер А.О., Гриднев В.В. Новые материалы эпохи раннего железа... С.67; Березин Я.Б. Погребения эпохи раннего железа... С.35.

70. Козенкова В.И. Рецензия: В.Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, 389 стр. // СА. 1974. №2. С.282; Она же. Большой Кавказ в XIV-IV... С.48; Она же. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В2-6. М., 1989. С.17, 137; Она же. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С.32-33, 99, 143; Она же. Об уточненных границах кобанской культуры // XXIV Крупновские чтения. ТД. М., 2004. С.99-100; Она же. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии. М., 2008. С.76-77; Козенкова В.И., Багаев М.Х. О некоторых чертах сакральной воинской атрибуции в поздекобанской культуре // СА. 1991. №4. С.32-33; Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. К вопросу о межлокальных контактах... С.17.

71. Ковалевская В.Б. Роль скифов в этногенезе... С.59; Она же. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказские племена и передвижения ираноязычных племен). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1988. С.5-6, 13-15, 32-33; Она же. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М., 1995. С.106-111; Она же. Кавказ — скифы... С.64-65; Козенкова В.И. О процессах пространственной подвижности... С.76-77.

72. Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С.186-188.

73. Махортых С.В. Скифы на Кавказе... С.14, 17; Он же. Скифы на Северном... С.83-85, 100-101, 110-111.

74. Дударев С.Л. К этнополитической истории Кавказа в эпоху киммерийско-скифских походов // Вторая региональная научно-практическая конференция «Археология и

краеведение — вузу и школе». Грозный, 1985. С.44; Он же. Из истории связей населения Кавказа.... С.100; Он же. Доклад. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура» // ВДИ. 1994. №1. С.72; Он же. О характере скифо-кавказского... С.27-28; Он же. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа.... С.59; Мурзин В.Ю. Происхождение скифов... С.70-78.

75. Абрамова М.П. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон Центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984. С. 8-29; Она же. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.23-32; Она же. О скифских традициях в культуре... С.118-119; Она же. Новые археологические материалы... С.4-6; Она же. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевниками // Всесоюзная научная конференция «Проблемы происхождения нахских народов». Шатой, 1991. С.12-13; Она же. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. №2. С.22-23; Она же. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.-IV в. н. э.). М., 1993. С.97-98; Она же. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М., 1997. С.137-138.

76. Габуев Т.А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н. э.-VII в. н. э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.154.

77. Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация... С.153-155; Он же. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С.178.

78. Петренко В.Г. Взаимоотношения горских и степных племен... С.107-108; Абрамова М.П., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ставрополя // Памятники Евразии скифо-сарматского времени. М., 1995. С.42.

79. Кереев Б.М. Памятники сарматского времени... С. 101-102; Батчаев В.М. Древности предскифского... С. 54.

80. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния... С. 45.

81. Kristensen A.K. Who were the Gimmerians and where did they come from? Sargon II, the Gimmerians and Rusa I. Copenhagen, 1988. P.42; Иванчик А.И. Киммерийцы. М., 1996. С.25-30, 141-146; Он же. Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II // ВДИ. 1990. №3. С.6-8; Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1994. №1. С.109; Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С.116-118; Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность // Малая серия. I. СПб., 1993. С.39-40.

82. Diakonoff I.M. The Cimmerians // Acta Iranica 21. Leiden, 1981. Deuxieme serie. Vol.VII. P.122; Иванчик А.И. Киммерийцы... С.154; Dandamayev M.A. Iranians in Achaemenid Babylonia. Costa Mesa, California and New York, 1992. P.159-162.

83. Махортых С.В. Проблемы киммерийской истории и Кавминводы // Археология и краеведение Кавминвод (материалы 1-й региональной конференции). Кисловодск, 1992. С.28-32; Он же. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. №2. С.96-97.

84. Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. №2. С.79; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа... С.90-91.

85. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С.125; Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. I. С.181; Она же. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. II. С.54; Сулейменов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Ч. I. С.25; Аутлев П.У. Из адыгской этнонимии // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С.249; Коков Дж.Н. Адыгские этнонимы. Учебное пособие. Нальчик, 1979. С.32; Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С.82-83; Лов-

паче Н.Г. Киммерийцы в Северо-Восточном Причерноморье // ИСКНЦВШ. 1987. №2. С.82; Кобычев В.П. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // КЭС. 1989. Т. IX. С.30.

86. Миллер В.Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП. 1882. Август. Ч. ССXXXII. С.191; Он же. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. С.129; Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1996. Т.1. С.530; Клейн Л.С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // ВДИ. 1975. №4. С.23; Стрижак О.С. Етнотимія Скифії. Київ, 1988. С. 21; Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа... С.38; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С.63; Алборов Б.А. «Гуымирта» осетинских нартских сказаний // НА СОИГСИ. Ф.19. Оп.1. Д.11; Он же. «Сакката» осетинских нартских сказаний // НА СОИГСИ. Ф.19. Оп.1. Д.128; Аутлев П.У. Об одном «новом направлении» в нартоведении // ИСОНИИ. 1966. Т. XXVI. С.215; Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. С.213-216.

87. Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С.363.

88. Щеглов Д.А. Три источника скифской географии Геродота // Материалы Международной научной конференции «Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища». СПб., 2002. Ч.2. С.264-265.

89. Погребова М.Н. Закавказье и его связи... С.19.

90. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С.78; Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С.160; Шелов-Коведяев Ф.В. Скилак Кариандский. «Перипл обитаемого моря». Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии // ВДИ. 1988. №2. С.266.

91. Ельницкий Л.А. Скифские легенды как культурно-исторический источник // СА. 1970. №2. С.71.

92. Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992. С.247-248; Он же. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003. С.201; Он же. Кавказская Скифия // ИЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII. С.190-222; Алборов Б.А. Почему осетины называют балкарцев «асы» // О происхождении балкарского и карачаевского народов. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С.111-112; Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С.260-261; Гутнов Ф.Х. Ранние скифы: проблемы социальной истории. Владикавказ, 2002. С.103; Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007. С.128-129, 143-146.

93. Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. №2. С.48; Yamauchi E. Foes from the Northean Frontier. Invading Hordes from the Russian Steppes. Michigan, 1982. P.28.

94. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов... С.47; Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. Рец. на кн.: Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984 // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1985. №3. С.229-230; Они же. О локализации «царства Ишкуза» // Областная конференция «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященная 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. ТД. Запорожье, 1989. С.95-97; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С.103.

95. Алексеев А.Ю. «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992; Он же. Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н. э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1996. С.23; Кореняко В.А. Курган раннескифского времени у села Новозаведенного в Ставропольском крае // МИАР. М., 2001. №3. С.63.

96. Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // ТЧНИИ. 1964. Т. IX. С.28.

97. Еврейская энциклопедия. СПб. Т. I. С.486; Т. III. С.574; Т. XIII. С.550; Т. XIV. С.894; Ельницкий Л. А. Знания древних... С.13, 60, 67; Dandamaev M. A. A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden-New York-Kobenhavn-Köln, 1989. P.61-62.

98. Капанцян Гр. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С.147-153; Есяян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники... С.9; Дьяконов И. М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.-Л., 1956. С.252, 313, 354; Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С.126; Szemerényi O. Iranica III // W. V. Henning Memorial Volume. London, 1970. P.426; Тер-Мартirosов Ф. И. Скифское царство в Передней Азии и «царь Армении Паруйр» // Кавказ и цивилизации Древнего Востока (материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С.34-36; Иванчик А. И. Киммерийцы. М., 1996. С.158.

99. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С.128, 177, сн. 40; Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тбилиси, 1966. С.140-141; Гаглойти Ю. С. Алано-Георгики... С.108; Гутнов Ф. Х. Ранние скифы: проблемы... С.35; Дзиццойты Ю. А. Таргитай на Кавказе // Материалы I Международной конференции «Осетиноведение: история и современность». Владикавказ, 1991. С.49-52; Он же. Нарты и их соседи... С.248-249; Он же. Нартовский эпос и Амираниани... С.187-188.

100. Цулая Г. В. Грузинское летописное предание о «Нашествии хазар» и его параллели в фольклоре народов Кавказа // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып.5. С.31; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979. С.25.

101. Скаков А. Ю. О формировании и исторических судьбах Бзыбской колхидской культуры // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». ТД. Тбилиси, 2010. С.264.

102. Ковалевская В. Б. Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Известия АН Груз. ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1975. №1. С.64-65; Она же. Кавказ и аланы. М., 1984. С.72; Она же. Кавказ — скифы... С. 52; Иванчик А. И. Современное состояние киммерийской... С.89.

103. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИННИИ. 1963. Т. VI. С.139; Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы... С.53; Давудов О. М. Племена Дагестана в VII-IV веках до н. э. // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т. I. С.124, сн. 21.

104. Тогошвили Г. Д. Леонтий Мровели и происхождение осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.247; Цулая Г. В. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С.55; Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе... С.51-55; Она же. Кавказ — скифы... С.59-60; Петренко В. Г. О юго-восточной границе распространения... С.43; Она же. Выступление. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура» // ВДИ. 1994. №1. С.16; Petrenko V. G. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994. P. 350-351; Погребова М. П., Раевский Д. С. О некоторых комплексах II четверти I тыс. до н. э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984. С.107-108; Они же. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22) // ВДИ. 1989. №1. С.40-63; Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. №4. С.153.

105. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С.38; Гутнов Ф. Х. Скифы Северного Кавказа // Вестник Института цивилизаций. Владикавказ, 1999. Вып.2. С.206; Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским... С.525; Он же. О значении данных картвельстики для иранского языкознания // Иранское языкознание. Ежегодник 1982. М.,

1987. С.19-27; Цулая Г.В. Из скифо-занских параллелей // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С.328.

106. Болтунова А.И. Об этническом составе населения эллинистической Иберии по данным литературной традиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV. С.20; Ковалевская В.Б. Скифы, Мидия... С.66-72; Она же. Кавказ — скифы... С.54; Гаглойти Ю.С. Алано-Георгики... С.29, 109-112, 135-136, 144-145; Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С.55-56; Она же. Закавказье и его связи... С.20-21; Ельницкий Л.А. Знания древних... С.150-152; Шарашидзе Ж. Индоевропейская память Кавказа. Владикавказ, 2004. С.50-52.

107. Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. Скифы // Античное наследие Кубани. М., 2010. С.252; Лукьяшко С.И., Максименко В.Е. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI-V вв. до н. э. // Дон и Северный Кавказ в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1990. С. 23; Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С.155-161; Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С.62; Новичихин А.Н. К вопросу о походах скифов в земли синдов // Третья кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар-Анапа, 2001. С.125-128; Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. М., 1999. С.179.

Сарматы по данным археологии. По мнению исследователей, центром формирования сарматской (прохоровской) культуры являлся Южный Урал. Сложение здесь культур ранних кочевников рассматривается как результат миграции с востока гетерогенных объединений номадов с территории современных Северо-Западного и Северного Китая и Монголии в результате климатических и экологических изменений, начавшихся на рубеже II-I тыс. до н. э. Миграции происходили в несколько этапов. Первая волна конца IX-начала VIII вв. до н. э. была главным образом направлена в горные районы Алтая. Эти события синхронизируются с концом государства Западное Чжоу в 770 г. до н. э. под давлением кочевников Центральной Азии. Продвижение второй волны датируется второй половиной VIII в. до н. э. или рубежом VIII-VII вв. до н. э. Одна группа номадов мигрировала в Приаралье, другая — в Центральный и Северный Казахстан и далее в степи Южного Зауралья. Отдельные небольшие группы кочевников пришли в горные районы Алтая.

Урало-казахстанские степи VII-VI вв. до н. э. включают в территорию распространения тасмолинской историко-этнографической общности. Одни кочевники, проводившие зимы на Устюрте, Мангышлаке и в низовьях Аму-Дарьи, летом уходили в районы Южного Приуралья и Приуральской Башкирии. Другие, зимовавшие в районах между Сыр-Дарьей и Балхашем, летом отправлялись в Южное Зауралье. Таким образом, уральские кочевники сохраняли тесные связи с кочевым и полукочевым населением Казахстана, Средней Азии и Алтая.

Для второй половины VI в. до н. э. отмечают перемещение и перегруппировку кочевого населения Средней Азии, часть которого покидает регион. Группы номадов из средне-

азиатского междуречья и равнин к востоку от Каспия мигрировали на север — в Южное Приуралье, лесостепь Зауралья, Западную Сибирь, и на запад — в Нижнее Поволжье, чему могло способствовать улучшение экологической ситуации в степи. Часть кочевников Присарыкамышья перенесла места зимников в более западные районы Узбоя и Мангышлака. Осваивалась территория Закаспия.

Полагают, что цепь передвижений заставила номадов, кочевавших между западными отрогами Южного Урала и Приаральем, передвинуть свои зимовочные кочевья на Устюрт и перенести центры племенных объединений и родовые могильники на север в степи Южного Приуралья. В результате перемещений на Южный Урал различных групп кочевников здесь практически одновременно фиксируется появление памятников их культур. Разнокомпонентность кочевого массива отражается в значительном разнообразии погребального обряда.

Начались сложные процессы смешения нескольких этнических компонентов, связанных своим происхождением с предшествующими памятниками Присарыкамышья, Приаралья (памятники типа Тагискен, Уйгарак), Средней Сыр-Дарьи, а также, видимо, Казахстана и Алтая. Отмечалось, что миграциями в Южное Приуралье и Зауралье были охвачены не кочевые общества в целом, а отдельные его части. Причиной указанных миграций считают завоевания территорий Средней Азии персидскими царями Киром II и Дарием I, в ходе которых происходили прямые столкновения персидской армии с кочевниками. Захват Персией среднеазиатских земледельческих областей, в том числе и Хорезма, поражение и подчинение ей некоторых сакских племен вели к перегруппировке и переселению среднеазиатских кочевников и полукочевников.

Вынужденные миграции кочевников, создание ряда укреплений против их угрозы, разрушение персами центров оседлой культуры, имевших большое значение для экономики общества номадов, могли привести к большей военизации уходивших кочевников. Подобные переселения, по мнению ученых, способствовали социальной дифференциации общества, выделению военной знати, когда деформировались основные структуры нормативного фактора, закрепляющие положение отдельных этносоциальных группировок. Такое развитие событий вполне объективно вело к заметной социальной стратификации общества ранних кочевников Южного Урала.

Отряды воинов из Южного Приуралья в V в. до н. э. осваивали территорию Самарского Заволжья. Погребальные памятники этих групп несут на себе печать еще среднеазиатских традиций. Не исключают, что и в Южном Зауралье номады осваивали новые для себя земли, в том числе и военным путем. Об этом свидетельствует появление пограничных «крепостей» лесостепного населения. Не исключают, что сама идея строительства бастион-

но-башенных систем могла быть занесена саками с военными и торговыми караванами из Восточного и Южного Приаралья. К усилению военизации общества могло подталкивать наличие различных группировок номадов, осваивавших собственные земли, маршруты кочевков, стремящихся поставить под свой контроль торговые пути и местные металлургические центры. Кочевники еще сохраняли прямые контакты с населением более южных регионов, в том числе за счет общих мест зимовок или пересечения маршрутов кочевков, взаимной инфильтрации и т. д.

Исследователи полагают, что в третьей четверти V в. до н. э. происходили миграции кочевников из Северного и Северо-Восточного Китая через Семиречье на Южный Урал, где они слились с местным населением. Аналогичные, но менее масштабные переселения происходили и позднее. Причинами этих миграций кочевников на запад могли служить изменения климатических условий и сложные политические события на границах «Сражающихся царств».

Экспансия с востока саргатских племен привела к разгрому гороховского населения, связанного многими взаимовыгодными отношениями с кочевниками. Вероятно, часть гороховцев перешла к кочевому скотоводству и включилась в состав номадов Южного Зауралья. Такое развитие событий вело к консолидации и большей военизации номадов, стремившихся сохранить выгодные для себя условия (например, контроль над населением металлургических центров). Наблюдалось широкое распространение оружия ближнего боя, выработка его новых форм, стандартизация бронзовых стрел. Не исключают, что в таких условиях усиливалось противоборство и между отдельными группировками кочевников за пастбища и выгодные экономические отношения с различными группами лесостепного населения.

В силу указанных обстоятельств, по мнению исследователей, происходило распространение значимых прежде для кочевой элиты черт погребального обряда на всех членов общества, изменение почти всей культуры. За данными процессами усматривают укрепление позиции воинских предводителей и их дружин, т. е. усиление военной агрессивности общества. Вероятно, данный процесс протекал и на фоне социальных подвижек в обществе (исчезновение погребений прежней знати), что дополнительно стимулировало активизацию и напряжение в охваченных изменениями коллективах.

Экспансия саргатцев привела к созданию военно-политического союза номадов и гороховцев. В результате номады сохранили контроль над племенами, производившими металл. Кочевники, как и в других регионах, могли использовать разделение труда и в форме даннической зависимости. Усилилось взаимодействие номадов с населением лесостепи на различных уровнях жизнедеятельности. Именно история взаимоотношений кочевников Южного Приуралья и Зауралья с лесостепным населением может дать ответ на выявленные взаимопроникновения изоглосс в осетинском и финно-угор-

ских языках, а также тех терминов в осетинском языке, которые указывают на связь с лесостепными областями северных широт.

К концу V-началу IV вв. до н. э. начинается ухудшение экологических условий, окончательно подталкивающее к миграции зауральских кочевников и вошедших в их состав зауральских лесостепных племен в Южное Приуралье. Здесь, по наблюдениям исследователей, к концу IV в. до н. э. произошло окончательное быстрое сложение прохоровской культуры. Некоторые ученые считают, что значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре у кочевников Южного Урала во второй половине IV в. до н. э. стали результатом нового движения на запад родственных племен из Северного и Северо-Западного Китая.

В Приуралье и Восточном Зауралье известны и собственно скифские памятники. Они представлены как древним периодом, так и временем возвращения скифов из переднеазиатских походов (с возвращением скифов из Передней Азии сопоставляют и появление нового военизированного этноса (пазырыкская культура) на Алтае) или их миграции с Северного Кавказа в середине VI в. до н. э. Скифский импульс прослеживают по наличию некоторых материальных образцов, а также, возможно, по некоторым чертам погребального обряда. Отмечают влияние на культуру местных кочевников «скифского торгового пути Геродота».

Археологически реконструируемая специалистами история сложения сарматского мира находит подтверждение и по данным антропологии. Население Южного Урала савроматского времени по комплексу признаков имеет морфологическое сходство с сакскими и «усуньскими» группами Казахстана и Приуралья VII-V вв. до н. э. В целом указывается на единую генетическую общность ранних кочевников Южного Урала и саков. Отмечается включение в состав кочевников Зауралья этнического компонента из лесостепного региона. Антропологические исследования определяют сложный и многокомпонентный характер сложения сарматской культуры, обусловленный активным участием в данном процессе как предшествующего по времени населения, так и кочевников Зауралья, Средней Азии и Казахстана.

Сарматы Северного Кавказа по данным археологии. Миграции кочевников из Южного Приуралья на запад, вплоть до Дона, отмечаются еще в VI-V вв. до н. э. В IV в. до н. э. распространяются на запад дромосные и раннедиагональные погребения. Связываемые с этой миграцией погребальные памятники оказываются близки и некоторым памятникам Прикубанья. Продвижение уральских кочевников к Дону, вероятно, первоначально носило мирный характер и производилось не столь многочисленными группами, что не привело к резкой смене этнической ситуации, но способствовало их смешению с местными савроматами. По мнению исследователей, нарастающая аридизация с резким усилением континентальности климата, давление за-

уральских кочевников и демографический взрыв привели к милитаризации и началу массовой миграции южноприуральских кочевников с середины IV или рубежа IV-III вв. до н. э. Некоторые исследователи относят начало миграции уже к первой половине IV в. до н. э.

Не исключается определенное воздействие на миграции уральских кочевников со стороны разразившихся в конце IV-III вв. до н. э. кризисов в греческих государствах Северного Причерноморья, что отрицательно сказалось на функционировании «скифского торгового пути Геродота». К концу IV в. до н. э. происходит и угасание некогда могущественной Скифии, игравшей важную роль на этом пути. Сказывался и разрыв традиционных связей номадов с земледельческими центрами Средней Азии в результате македонских завоеваний и последующих политических событий в регионе. Миграция носила агрессивный характер. Прежде всего она привела к захвату территорий Нижнего Поволжья. В создающемся здесь новом комплексе материальной культуры (локальный вариант прохоровской) ведущую роль играли традиции доминирующих пришельцев при сохранении некоторых культурных черт прежнего населения. Наступление сарматов в междуречье Волга-Дон шло из Заволжья.

Сарматы проникают в низовья Маныча и продвигаются к Кубани. В начале III в. до н. э. южноприуральские пришельцы докатываются до Аксая, где продолжает ощущаться сильное савроматское влияние. Об агрессивности пришельцев, по мнению исследователей, свидетельствует появление укрепления на Елизаветовском поселении во второй половине IV в. до н. э., увеличение количества меотских погребений с оружием и появление укрепленных городищ в Прикубанье. К данному периоду относят начало гибели культуры Лесостепной Скифии и распространение там инноваций кубано-придонского типа. Активизация военных столкновений с меотами привела к прекращению функционирования меотских грунтовых могильников, «царских» курганов, укреплений. С конца первой трети III в. до н. э. сарматы начинают производить дальние военные рейды в Северное Причерноморье. Видимо, из Прикубанья кочевники совершают военные походы в Закавказье.

Приход в конце IV-начале III вв. до н. э. номадов из Заволжья сказался на общей активизации действий на Северном Кавказе. Возле ст. Преградная обнаружены сарматские антропоморфные каменные изваяния второй половины IV в. до н. э. Они указывают на глубокое проникновение сарматов уже к концу IV в. до н. э. в верховья р. Уруп, т. е. горной зоны Северо-Западного Кавказа. Каменные изваяния были установлены в ряд, что несвойственно скифам, но присуще синхронным по времени раннесарматским материалам западного Устюрта и Мангышлака. Изваяния из комплексов Байты I-III фиксируются несколько ранее ставропольских, а их появление в Восточной Европе соотносится с продвижением сарматской волны.

С конца IV в. до н. э. полагают массовое расселение сарматов на Ставрополье. С их проникновением предположительно связывают зарытие Казинского (Ставропольского) и Старонижнестеблиевского кладов, гибель Грушевского городища. В то же время материалы Татарского городища говорят о сохранении традиций прежнего населения. Опустевает Кисловодская котловина, что может отражать частичное истребление и вытеснение местного населения сарматами. Прекращают функционировать основные и крупнейшие городища Северо-Восточного Кавказа. На Ханкальском 2 городище отмечаются следы пожаров, зарытие клада конского снаряжения. Появляются погребения на цитадели, которая со временем превращается в место захоронения местной верхушки, более всего подпавшей под влияние сарматов. Видимо, именно сарматская осада заставила его жителей хоронить соплеменников внутри городища. Установившееся господство сарматов привело к утрате местным населением своего военного потенциала, что подтверждается почти полным отсутствием оружия в захоронениях аборигенов.¹

Со второй половины IV в. до н. э. прохоровские элементы погребального обряда из Прикубанья распространяются в греческих городах Таманского полуострова. В конце IV в. до н. э. отмечается взаимовлияние номадов и меотов в искусстве и идеологии, появляются образцы греко-сарматского искусства. Сейчас достаточно надежно выделяется группа кочевнических погребений Прикубанья второй половины IV-III вв. до н. э., в которой одновременно проявляются савроматские и сарматские элементы. Хронологически и культурно близкая группа памятников открыта в Восточном Закубанье. Процесс становления кочевого родо-племенного объединения связывают с результатом миграции в Прикубанье номадов из Задонья (прежде всего из районов Калмыкии) и с Урала (прежде всего из районов рр. Илек и Орь). Смешение этих групп в IV в. до н. э. и положило начало новому объединению, пополнявшемуся затем новыми приходящими в основном с востока кочевыми группами. Восточное Приазовье стало контактной зоной савроматов и сарматов.²

Миграции южноприуральских сарматов на запад, видимо, продолжались в течение всего III в. до н. э. Однако в настоящее время в археологии достаточно остро стоит проблема выделения данного хронологического периода для сарматских памятников отдельных регионов. В то же время отсутствие на Нижнем Дону памятников этого периода позволило предполагать, что здесь не было стабильного и значительного кочевого населения.

За резким увеличением сарматских памятников во II в. до н. э. в Поволжье и в Северном Причерноморье усматривают новую миграцию восточных кочевников в конце III в. до н. э. или в первой половине II в. до н. э. Она выразилась в приходе сложного конгломерата племен, включавшего как родственные предыдущим приуральские компоненты, так и среднеазиатские и

более восточные. Переселившиеся приуральские сарматы вошли в состав могущественного объединения верхних аорсов. Выделение Бережновской группы в Нижнем Поволжье позволяет установить продвижение сюда из Южного Приуралья населения илекской группы. С верхними аорсами связывают ряд могильников к востоку от Волги, прилегающих ближе к Каспию, и по р. Илек в Приуралье, сарматские памятники северных районов междуречья Волга-Дон, ограничивая с запада рр. Иловля и Карамыш. Другая группировка аорсов располагается на Нижнем Дону, что надежно подтверждается археологическими данными.

Новый этап в истории сарматов начинается во II в. до н. э., когда степные просторы Евразии были охвачены массовыми перемещениями кочевников. Они были вызваны уходом со своей родины тохаров (юэчжи) после нанесенного им поражения от хуннов. Передвижение тохаров вызвало цепную реакцию миграций и других кочевников, привело к созданию многокомпонентных кочевнических группировок. Южное Зауралье, видимо, было превращено в места летних кочевков восточных пришельцев, что способствовало достаточно быстрой ассимиляции местных кочевников. Восточные мигранты расселяются на территории Средней Азии и Казахстана, Греко-Бактрии и Парфии. Часть их, возможно, проникает и в Южное Приуралье. Прослеживающиеся и ранее процессы депопуляции кочевого населения Южного Приуралья теперь практически привели к превращению «сарматской родины» в крайнюю периферию расселения сарматских племен.

Миграции кочевников из Южного Приуралья продолжались в течение всего II в. до н. э. Они проходили на фоне усиливавшейся аридизации южно-приуральских степей. Значительная масса сарматов вынуждена была уходить в степи Волго-Донского региона и в Нижнее Поволжье, превращающееся в центр концентрации сарматского населения. Следует учитывать, что территория Северного Прикаспия и ранее отличалась достаточно пестрым составом населявших ее кочевых группировок. Дальнейшее развитие прохоровской культуры в II-I вв. до н. э. проходило под заметным влиянием традиций центрально- и среднеазиатских кочевников, непосредственно участвовавших в переселениях. Исследователи не исключают, что именно с этими событиями связано появление на Северном Кавказе собственно аорсов и сираков.

К концу третьей четверти II в. до н. э. к западу от Дона расположились роксоланы. Их локализация соотносится с надежно датированным первым распространением там памятников раннесарматской культуры. Они имеют отличную от остальных сарматских памятников того времени ориентировку погребенных в северном полукруге. Аналогичные захоронения известны на Нижнем Дону, Иловле и в Поволжье. Материалы погребений свидетельствуют об их родстве с южноориентированными погребениями, которые в Северном Причерноморье связывают с языгами.

Некоторые ученые полагают, что часть нижнедонских памятников принадлежала не аорсам, а близкородственной им части роксолан, отошедшей на восток. Преобладание северной ориентировки погребенных сопоставляют с традициями юэчжей и хуннов. В то же время археологически прослеживают проникновение представителей сарматского объединения из Прикубанья в среду сарматов Нижнего Дона, справедливо полагая, что под известными названиями племен письменных источников скрывались родоплеменные объединения.³

В Прикубанье располагался родо-племенной союз сираков. Их культурное отличие от аорсов и верхних аорсов подтверждается археологически. В то же время представители многокомпонентного союза аорсов мирно проникали и в Прикубанье, что вело к усилению сиракского союза. Представители аорского объединения проникали и в другие области Северного Кавказа. Сарматские погребения и святилище последних веков до н. э. обнаружены на правом берегу р. Лаба. Здесь, как и в Прикубанье, наглядно проявляется тесное этнокультурное взаимодействие сарматов с меотами.

Инвентарь, погребальный обряд захоронений и южная ориентировка погребенных свидетельствуют о вхождении в сиракский союз носителей прохоровской культуры. Район дельты и низовий Маныча, где фиксируются яркие савроматские черты, исследователи отводят под места расселения язаматов. Раннесарматские памятники заключительного этапа распространяются в междуречье Сал-Маныч, указывая на сильные экономические связи с ремесленными центрами Прикубанья. Аналогичный процесс протекал на Кубани. Для материалов Подгорненского комплекса могильников междуречья Аксай-Сал отмечали связи с кочевым и оседлым населением Согда, бассейна Зеравшана.

В антропологическом плане ранние сарматы междуречья Сал-Маныч близки предшествующему населению Поволжья и Приуралья, поздним сарматам саратовской группы и Украины. Видимо, зона междуречья Сал-Маныч не входила во владения сираков, чьи памятники на Кубани отличны от представленных на этой территории. Район Маныча мог служить местом обитания и проникновения различных сарматских группировок. Исследователи отмечают, что кочевники Прикубанья II-I вв. до н. э. представляли сарматский мир и не имели непосредственного отношения к предшествовавшему кочевому населению. Поэтому эти номады, известные в письменных источниках под названием сираков, не могут отождествляться с савроматами.⁴

Полагают, что со II в. до н. э. сарматы, видимо, из районов Калмыкии спускаются в междуречье Терек-Сунжа. С этого времени большое число сарматских комплексов появляется на Северо-Восточном Кавказе. Границей их продвижения являлась р. Сулак, к югу от которой фиксируется заметное сарматское влияние. Происходило продвижение кочевников в Центральное

Предкавказье. Здесь отмечают интенсивные процессы этнокультурного взаимодействия кочевников, которых некоторые исследователи связывали с прикаспийскими аорсами или среднеазиатскими племенами, с автохтонами (могильники Нижний Джулат и Чегем II).

Сарматские памятники широко распространяются по территории Северного Кавказа. Некоторые авторы на основании отдельных изображений на сарматских предметах и погребальных комплексов с территории Северного Кавказа полагают наличие у сарматов культа, по типу культа Ареса у скифов.⁵ Сарматское подкурганное святилище, содержащее различные предметы и человеческие жертвоприношения, обнаружено у г. Курганинск Краснодарского края. Возможно, другое святилище зафиксировано в Чегемском кургане.

Непосредственно на территории современной *Северной Осетии* было открыто значительное количество сарматских памятников. Проникновение сарматов на данную территорию начинается примерно с конца IV — первой половины III вв. до н. э., но массовое заселение — со II в. до н. э. На территории Моздокского района республики было исследовано более сотни впускных в курганы сарматских погребений и несколько ритуальных комплексов у г. Моздок, ст. Терская, Киевская, Павлодольская, Черноярская, Троицкая, Веселая, с. Комарово, пос. Садовый. Кроме того, у ст. Терская и Киевская зафиксировано несколько десятков курганов, в которых полагают наличие сарматских погребений. Без сомнения, сарматы надежно освоили степные просторы среднего течения Терека, располагаясь по обеим сторонам реки.

Во II в. до н. э. — I в. н. э. функционировал крупный сарматский курганный могильник у с. Заманкул. В четырех курганах этого могильника исследовано около 200 сарматских погребений, а также несколько ритуальных комплексов, видимо, представлявших места погребальных тризн. Полагают, что сарматская группировка, которой принадлежал данный могильник, контролировала Владикавказскую равнину на подступах к транскавказским маршрутам. Сарматские погребения были исследованы в г. Владикавказ, у сс. Куртат, Дарг-Кох, Мичурино, Чикола, ст. Архонская, видимо, г. Алагир. Образцы сарматской керамики обнаружены на цитадели и «посаде» Брутского городища, на городище севернее с. Куртат. Зафиксировано несколько десятков курганов у сс. Красногор, Мичурино, Ногир, г. Ардон, в которых полагают наличие впускных сарматских погребений. Имеющиеся на сегодняшний день материалы показывают, что сарматы продвинулись вплоть до предгорий.⁶

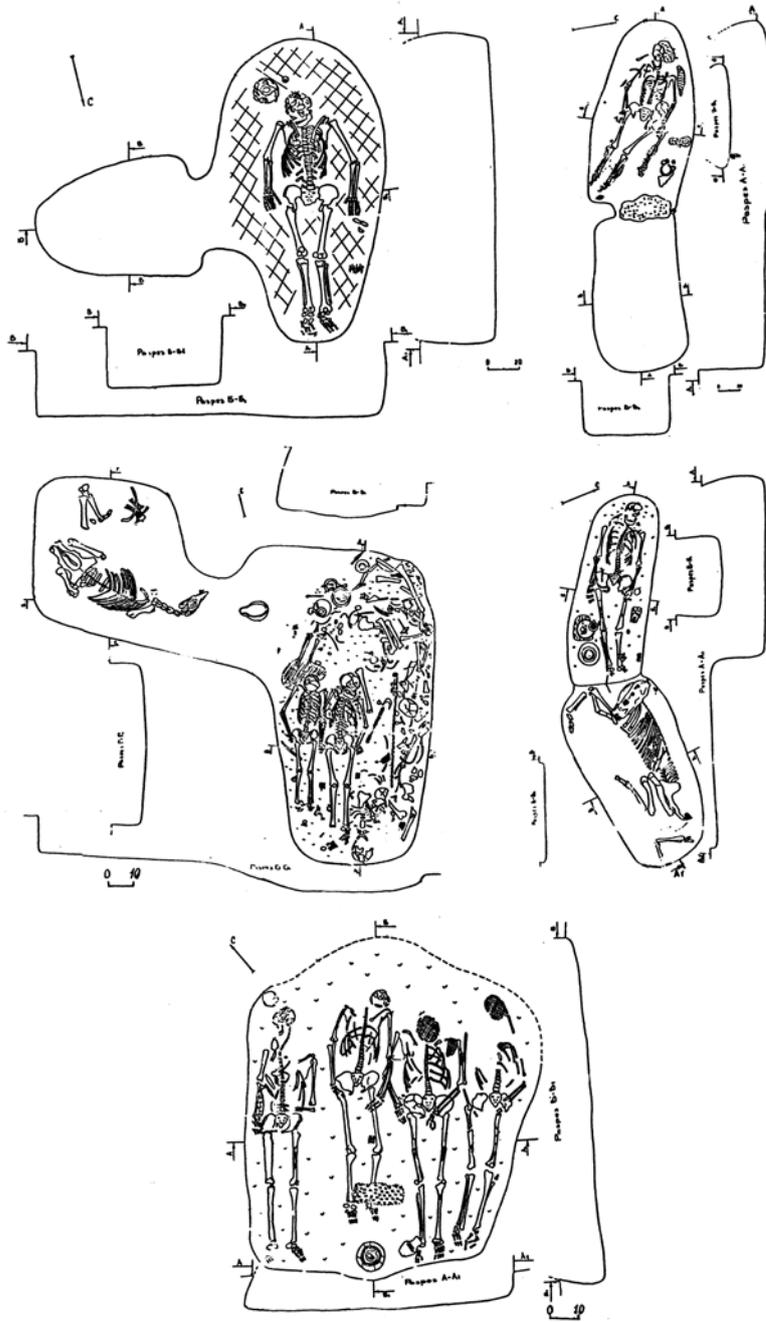
Что касается горных районов Северной Осетии, то в силе остается наблюдение об отсутствии бесспорных следов непосредственного проникновения сарматов в ранний период. Однако с I в. н. э. при сохранении безусловной преемственности с предшествующим периодом погребального обряда и помещаемого в погребения инвентаря начинают наблюдаться и изменения,

которые обычно связывают с влиянием или непосредственным проникновением сарматов. Видимо, большое значение для понимания протекавших тогда этнокультурных процессов будет иметь изучение материалов могильника у с. Гуысыра в Куртатинском ущелье, в котором исследовано несколько десятков погребений.

Для сарматских памятников на территории республики характерны впускные в курганы погребения, представляющие собой ямы овальной или подпрямоугольной формы с заovalенными углами, катакомбы II, III типов (по К. Ф. Смирнову). В рамках указанной классификации последние нередко имели достаточно своеобразные конфигурации. Редко встречаются ямы с заплечиками (Заманкул, возможно, Дарг-Кох). Гораздо меньше несколько более поздних хронологически катакомб I типа (Заманкул). Фиксируются полностью подготовленные входные ямы катакомб II, III типов, но при отсутствии погребальных камер и, соответственно, самих захоронений (Садовый, Черноярская).

Погребенные обычно укладывались вытянуто на спине, отмечается положение кистей рук на тазе и скрещение ног в голенях. Иногда ноги были согнуты в коленях вверх. В ранний период господствует ориентировка погребенных в западном секторе. Позднее появляется ориентировка в южном, восточном и реже в северном секторах. Представлена практика подзахоронения. Встречается обряд помещения покойников в деревянные гробовищах (Комарово, Заманкул). Подобный обряд отмечается на широкой территории от Средней Азии до Крыма, в том числе и у сарматов. Исследователи связывают его с представлениями о необходимости для души умершего преодоления некой преграды для достижения загробного мира. Под сарматским влиянием, как полагают, данный обряд появляется у оседлого населения Нижнего Дона.

В погребении № 22 кургана № 1 Заманкульского могильника покойница также находилась в деревянном гробовище. Судя по обряду погребения, она была представительницей кобанского мира. Возможно, мы имеем дело с погребением кобанской женщины, взятой в жены сарматом. Новое для нее общество похоронило ее на своем родовом кладбище в знак признания ее своим членом, но с соблюдением ее родных обычаев, подчеркивая уважение к ее происхождению. Положение умершей в гробовище могло диктоваться дополнительным усилием ее сарматских родственников, которые сами обычно не прибегали к такому обряду, отвести ее душу в тот загробный мир, в который суждено было отправиться и ее супругу-сармату. Еще одно кобанское по обряду погребение № 74 было зафиксировано в кургане № 2 того же могильника. Таким образом, мы впервые на материалах из Северной Осетии можем говорить о существовании межбрачных связей между сарматами и кобанцами, которые развивались на основе взаимного уважения и хороше-

Типы и материалы погребений Заманкульского могильника
(по В.Л.Ростунову, Я.Б.Березину)

го знания традиций друг друга. Возможно, как отмечалось, такое положение раскрывают материалы савроматского погребения у ст. Павлодольская.

Известны редкие примеры человеческих жертвоприношений и помещения в погребении человеческих голов. Примечателен случай погребения покойника без головы, вместо которой был поставлен керамический сосуд (Заманкул). Данные обряды напоминают о традиции отсечения голов и скальпирования у скифов и других номадов, об изготовлении скифами чаш из человеческих черепов. Фрагмент подобной чаши был найден при раскопках Крепостного городища в г. Азов, что свидетельствует о существовании подобной традиции у меото-сарматского населения Нижнего Дона.

Фиксируется помещение в ротовой полости покойного кусочка золотой фольги (Комарово), напоминающее об обряде под названием «обол Харона». В погребении № 13 кургана № 4 (Киевское), представлявшем собой катакомбу II типа, обнаружен деформированный череп. Обычно находки деформированных черепов на Северном Кавказе связываются с более поздней аланской волной. Однако редкие случаи фиксации такого обряда отмечены и в ранних сарматских погребениях вне нашего региона (могильник Петрунино II, курганный группа «Близнецы»). Наиболее ранняя находка подобного деформированного черепа на Северном Кавказе происходила из катакомбы № 24 Чегемского кургана-кладбища рубежа н. э.

Встречаются погребения коней во входных ямах катакомб, а также отдельные погребения коней в ямах (Заманкул). На камышовом перекрытии погребения № 23 кургана № 2 (Заманкул) обнаружены череп лошади без нижней челюсти и развал сосуда. Интересно, что в осетинском обряде посвящения коня покойному наблюдается важная связь между посвящаемой лошастью и сосудом, а на поминальном столе используется голова жертвенного животного без нижней челюсти. Погребение лошади с преднамеренно разбитым сосудом было обнаружено и в раннесредневековом аланском катакомбном могильнике у с. Даргавс. Такие сочетания представлены в катакомбах раннесредневекового аланского могильника Клинь-Яр III (Ставрополье).

В погребении № 56 кургана № 2 Заманкульского могильника зафиксирован железный стержень со следами дерева и с шаровидным навершием, покрытым золотой фольгой. Данная находка напоминает сведения Тацита (Тас. Ann. VI, 33) о возглавлявших сарматские воинские отряды скептухах («жезло-/скиптроносцы»). Сегодня достаточно хорошо становятся известны воинские погребения кочевников с различного рода жезлами. Находка в этом погребении шлема типа Монтефортино и стеклянного канфара (еще один стеклянный канфар определяется как найденный в курганном погребении возле г. Алагир) не исключает предположения, что погребенный был предводителем местных сарматских воинов, которые участвовали в малоазийских походах Митридата VI Евпатора, боровшегося с Римом.

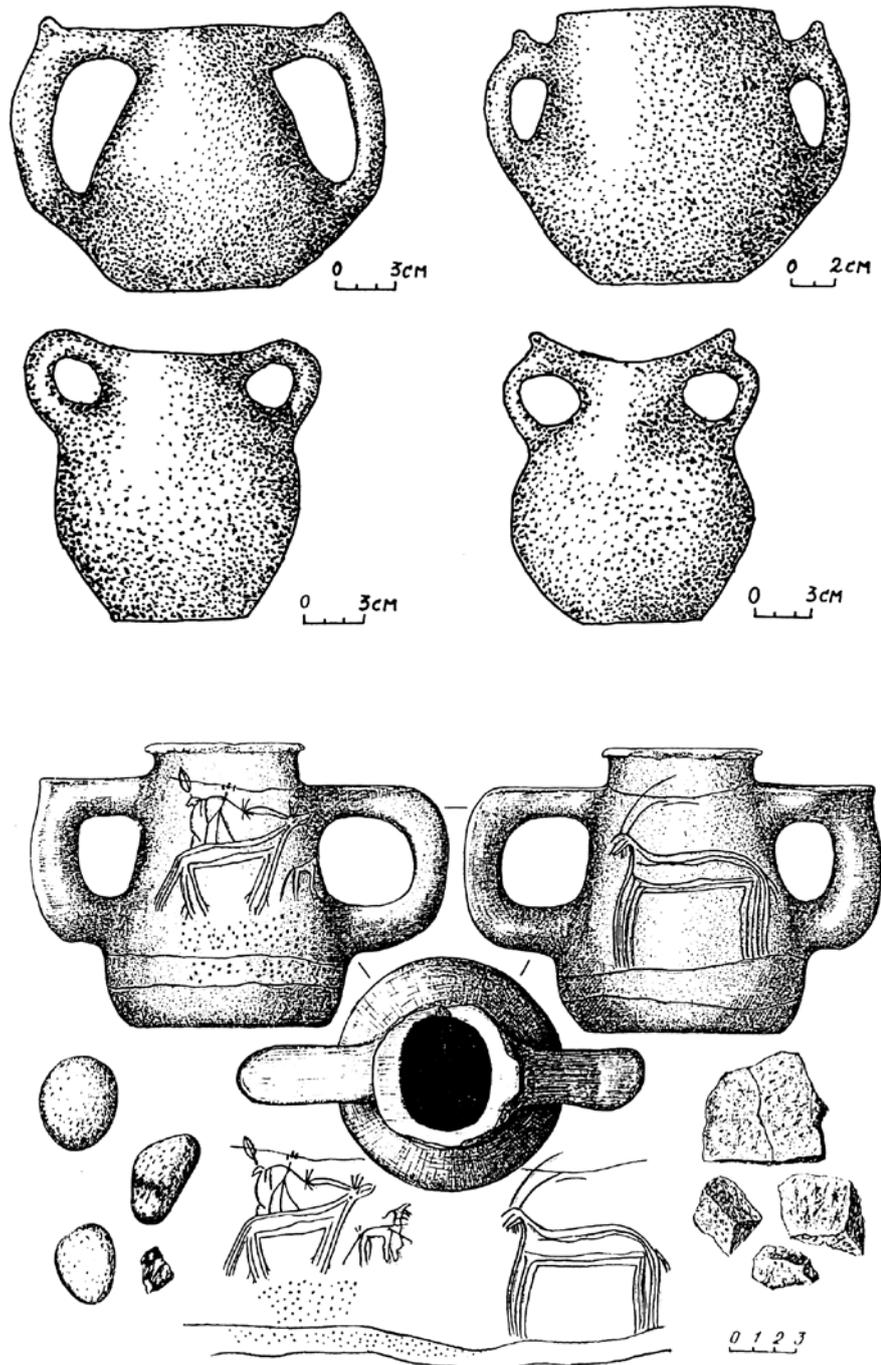
В погребениях отмечаются следы органических подстилок (дерево, береста, камыш, кожа, возможно, кора и войлок), меловая подсыпка, угольки. Фиксируются следы одежд и покровов. Представлена находка ритуальной песчаниковой плиты. Возле сарматских погребений обнаружены следы погребальных тризн (следы кострищ, ножи, фрагменты керамики, костей животных и т. д.). Интересна находка тризны при погребении № 48 кургана № 2 (Заманкул), в которой обнаружены ребра, лопатки и кости передних ног лошади. Замечателен комплекс № 8 того же кургана, располагавшийся над входной ямой катакомбы № 25. В нем были обнаружены следы от шкатулки, фрагменты утиного клюва, фрагмент костяного изделия, костяная втулка, стеклянная бусина, керамическое пряслице и сосуд.

В сарматских погребениях фиксируются примеры преднамеренной порчи сопровождающего инвентаря (оружие, зеркала), помещение рядом с покойником частей жертвенных животных с ножом, которые могли укладываться и в миски. К категории культовой керамики можно отнести курильницы различных форм, а также сосуды, в том числе канфаровидные, в которые помещались фрагменты железных цепей или гальки. Заметны примеры помещения друг в друга керамической посуды. Изредка на керамике отмечаются следы ремонта.

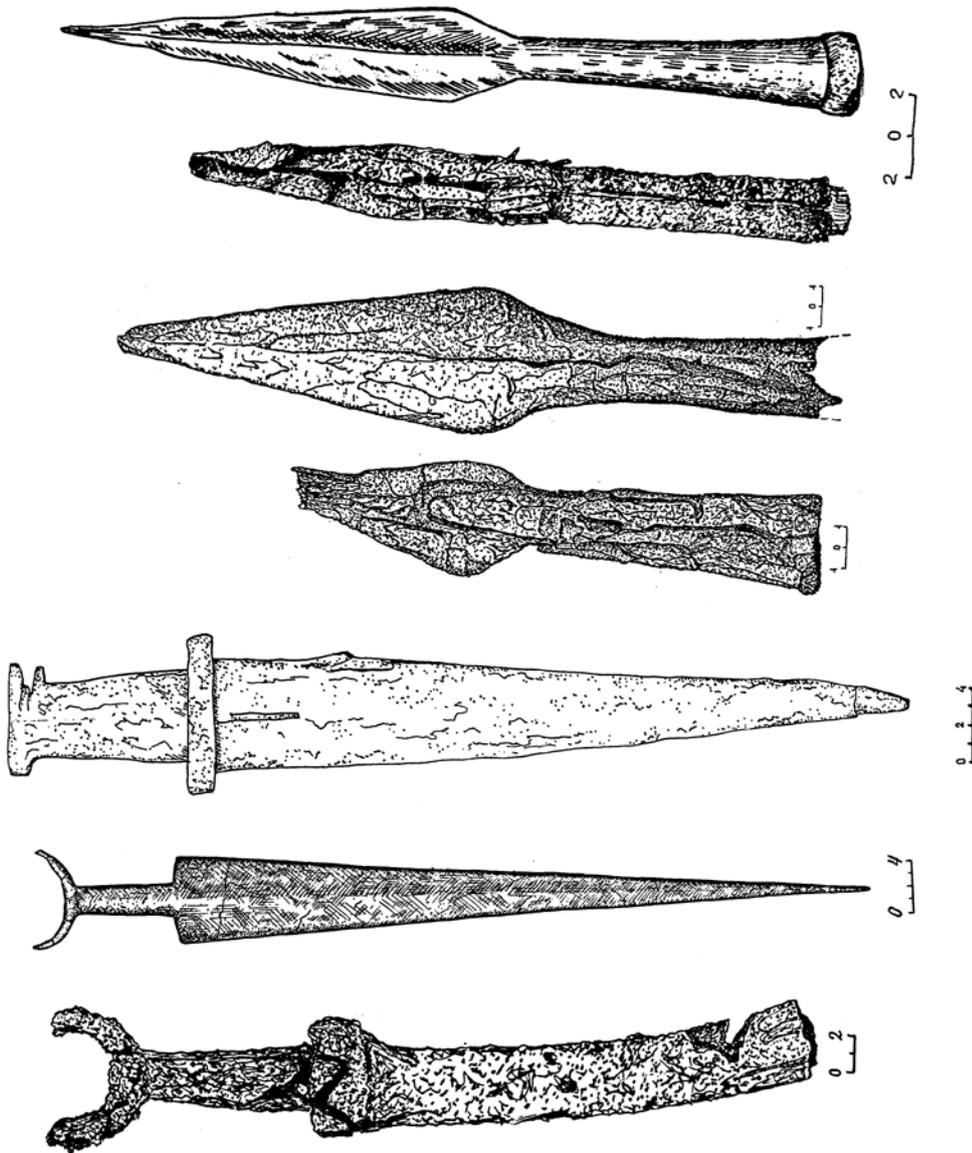
Вооружение представлено железными двулезвийными мечами (Павлодольская, Комарово, Чернаярская, Заманкул), клинком меча с несохранившейся рукоятью (Киевское), кинжалом (Заманкул) и однолезвийными мечами и кинжалом (Киевское, Заманкул), железными втульчатыми наконечниками копий различных типов, втоками (Заманкул, Комарово, Киевское, Терская). Мечи фиксируются слева от погребенных, кинжалы и клинок двулезвийного меча — справа. Закономерность расположения наконечников копий и втоков не прослеживается.

Особо отличается своей массивностью наконечник копья из погребения № 4 кургана № 3 у ст. Терская, общей длиной 52 см. Возле него было обнаружено два фрагмента деревянного древка общей длиной ~ 65 см. Если они представляют все древко, то общая длина копья тогда составляла ~ 117-119 см (окончание острия явно отсутствовало). При таких размерах копье вполне могло использоваться и как метательное, а также, исходя из размеров пера, применяться в ближнем бою для рубящих и колющих ударов.

В погребении № 7 кургана № 1 (Комарово) рядом с мечом был обнаружен железный штырь с закругленным концом длиной ~ 30 см. Возможно, мы имеем дело с каким-то типом пробивного оружия, который предполагался для близких стержней из погребения № 4 Чегемского кургана-кладбища и погребения № 6 кургана № 7 Мечетсайского могильника. Как исключение, в Заманкульском могильнике фиксируется находка железного навершия булавы. Защитное вооружение представлено находками двух шлемов (Заманкул).

Канфаровидные сосуды из погребений Заманкульского могильника

Мечи и наконечники копий из Заманкульского могильника

Возможно, к защитному вооружению относится и железная поясная бляха крупных размеров (Заманкул).

В погребениях нередко встречаются железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел различных типов. Гораздо реже обнаруживаются подобные черешковые, а также костяные наконечники. В погребении № 46 кургана № 2 Заманкульского могильника у костей левой руки погребенного обнаружены наконечники стрел и тлен от их древков. В результате мы получили возможность определить длину самих стрел — 48 см. Отмечаются находки железных и редко костяных колчанных крюков (Заманкул, Киевское, Комарово). Обнаружена и костяная накладка на лук (Киевское). Неоднократно фиксируются следы от колчанов, располагавшихся слева от погребенных и в некоторых случаях определяемых как берестяные. На колчане из погребения № 4 кургана № 3 у ст. Терская отмечены украшения в виде трех пар квадратных бронзовых пластин.

К достаточно редким находкам относятся предметы конского снаряжения. Они представлены костяным трубчатым псалием, железными псалиями с петлевидными замкнутыми концами, крестовидными псалиями, S-видным и псалием с выступом, кольчатыми, двузвенными и крестовидными удилами, крестовидными подвесками, костяными бляхами и крупными бусинами (Владикавказ, Заманкул).

В сарматских погребениях встречаются бронзовые, железные и золотые фибулы, фибулы-броши различных типов, бронзовые, железные и серебряные браслеты со сплошными, незамкнутыми, заходящими друг за друга или перевязанными окончаниями, бронзовые пряжки с неподвижным выступом, украшенные гвоздевидными и коническими выступами обычно на круглой рамке, редко костяные, железные круглорамчатые пряжки с подвижным язычком, бронзовые булавки и зеркала различных типов, бронзовые, серебряные и золотые височные подвески, золотые нашивки различных типов, бронзовые и фаянсовые пуговицы, пронизи, колокольчики, бронзовые и золотые перстни и кольца, бронзовые подвесные бляшки, костяные гребни, муфты и пиксиды, сдвоенные обоймы, бисер и бусы, которые могли служить и для обшивки одежды, в том числе импортного производства, из гагата, сердолика, горного хрусталя, стекла, янтаря, раковин-каури, керамической пасты, амулеты из костей птиц и животных, египетские амулеты из фаянса и т. д.

К бытовым предметам следует отнести однолезвийные ножи с горбатой спинкой, с прямыми и серповидными клинками, каменные оселки, каменные, меловые и керамические пряслица, костяные игольницы, бронзовые и железные иголки и «шила». Некоторые предметы, такие как железные «лопатки» крупного размера (Заманкул), имеют аналогии в сарматском погребении № 17 из кургана у г. Тимошевск Краснодарского края. Известна находка кожаного мешочка с красной краской (Терская).

Керамическую посуду, которая делалась от руки или с помощью гончарного круга, отличают заметные кавказские черты. Она представлена кувшинами, горшками, кружками и мисками различных форм и размеров. Нередко посуда украшалась характерными сгруппированными по несколько штук вертикальными линиями (так называемые «полотенца»). В то же время в сарматских погребениях обнаружены импортная керамическая и стеклянная посуда греческих, римских, меотских и закавказских образцов, местные керамические подражания импортным образцам, а также редкие для сарматских памятников деревянные кубки токарного производства. В сарматских погребениях присутствуют изделия, свидетельствующие и о далеких восточных связях, например, с Сибирью.

Необходимо отметить, что, если сиракский союз в Прикубанье рассматривается исследователями как меото-сиракское образование, то погребальные памятники из предгорной зоны Центрального Предкавказья свидетельствуют о сложении здесь иных объединений, что объективно позволяет противопоставлять их собственно сиракскому.

Появление на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье различных группировок восточных мигрантов совпало с бурным периодом митридатовых войн, что открыло перед воинственными пришельцами очередную страницу в их взаимоотношениях с новыми центрами цивилизации. Видимо, сам ход исторических событий способствовал закреплению кочевых группировок на Северном Кавказе. Они получили здесь благоприятные условия для ведения своего хозяйства, обширные возможности для установления выгодных связей с местным земледельческим населением и Боспорским государством, контроль над важными торгово-стратегическими путями, что способствовало их непосредственному включению в военно-политические события, в которых могла эффективно действовать их традиционная военная организация. Прилив значительных сил кочевников привел к их успешной экспансии в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ.

Что касается проблемы распространения в данный период сарматских памятников на Северном Кавказе, в том числе и катакомбных погребений (в последнее время подобные памятники открыты на Ставрополье, в Чечне, Дагестане), то есть все основания говорить о сплошной зоне их распространения, об отсутствии хронологического и территориального разрыва между памятниками Северного Кавказа и степными сарматскими, об использовании сарматами для захоронений в том числе естественных возвышенностей и грунтовых могильников.

Исследование сарматских памятников на территории Северной Осетии доказывает, что контактная зона между сарматами и автохтонами проходила не севернее Терека, в степях современного Ставрополя, как ранее

полагали некоторые исследователи, а гораздо южнее, непосредственно в предгорной части Северной Осетии. О таком положении свидетельствуют и сарматские памятники к востоку от нее. Эти же материалы усиливают позицию тех исследователей, которые отдавали приоритет в формировании катакомбного обряда погребения на территории Центрального Предкавказья сарматам и влиянию их традиций. Исследователи особо отмечали, что появление катакомб на Северном Кавказе хронологически и культурно соответствует их появлению в Средней Азии, в Крымской Скифии и на Боспоре. Высказывалось даже мнение о разгроме позднескифского населения на Нижнем Днестре носителями катакомбного обряда из Центрального Предкавказья.⁷

Взаимодействие сарматов с местным населением. Освоение сарматами Северного Кавказа имело много общих черт с аналогичным процессом периода появления в регионе скифов и савроматов. Видимо, мы имеем дело с закономерными явлениями, сопровождавшими сам ход обретения кочевниками новых земель для своего постоянного проживания. Если пустующие земли мирно включались в места кочевков, то проникновение в земледельческие области могло носить характер военного завоевания, имеющего целью распространение на захваченных территориях своего военно-политического господства.

В результате земледельческие центры могли подвергаться разорению. Часть местного населения уничтожалась или вынуждена была покинуть места своего прежнего проживания. Оставшиеся представители аборигенов попадали в данническую зависимость. Но следует учитывать, что выплачиваемая кочевникам дань носила достаточно ограниченный характер, определяясь «долей необходимого для удовлетворения ежедневных потребностей» (Strabo. VII, IV, б). Лишь в случае отказа от выплаты такой дани кочевники могли прибегать к насилию. Военный потенциал и агрессивность кочевников подпитывались постоянными миграциями с востока новых группировок. В результате сарматские набеги распространялись на Закавказье и в Северное Причерноморье.

Видимо, какие-то воспоминания об исторических сарматах сохранились у части кавказских народов. Некоторые исследователи полагают, что нахская лексема «цӀармат», обозначающая опасных чужеземцев, уродливых и страшных, связана своим происхождением с периодом вторжения сарматов на Северный Кавказ. Более благожелательное значение вкладывалось в слово «шармат» адыгскими народами, у которых существовали представления и о происхождении некоторых фамилий от сарматов, почему они и носили название «шармат». Отмечается и грузинская лексема «цармрти» — «язычник».⁸ Имя Сармат представлено в традиционной осетинской ономастике.

Закреплению сарматов на новых землях способствовали не только их значительный военный потенциал, но и долгое вхождение региона в области проживания скифов и савроматов, что вело здесь к известным этнокультурным изменениям. Несомненно, ход таких изменений был продолжен и углублен родственными в этнокультурном плане скифам и савроматам ираноязычными сарматами. Складывавшиеся на Северном Кавказе сарматские родо-племенные объединения могли принимать в свой состав прежде всего этнически родственные им местные группировки, включая оформившиеся к тому времени различные новые этнообразования, что должно было ускорить сближение с ними сарматов. Со временем эти объединения оказывались и наследниками истории предшествовавшего их появлению населения.

Полагают, что в регионе продолжали обитать и какие-то потомки собственно кочевников предшествующего периода. Некоторые исследователи считают, что в части меотского общества в связи с появлением сарматов произошло сложение нового общества на основе социальной дифференциации, когда кочевники заняли место военной знати. Впоследствии здесь наблюдаются процессы межэтнической интеграции. Материалы Ханкальского 2 городища демонстрируют принятие местной знатью сарматского погребального обряда, что противопоставляло их рядовому позднекобанскому населению. Исследования Моздокского и Таркинского могильников указывают на заметную сарматизацию местного населения.

Освоившиеся на новых землях сарматы постепенно переходили к полуседлому и оседлому образу жизни. Вместе с тем, следует учитывать, что, по мнению многих специалистов, сарматские группы еще в Южном Приуралье имели свои участки с достаточно ограниченным радиусом передвижения. Часть их могла вообще постоянно проживать на зимниках. Аналогичная ситуация могла складываться и на Северном Кавказе, что способствовало установлению достаточно тесных и постоянных связей между сарматами и автохтонами.

Полагают, что в процессе оседания представители сарматов проникали как на поселения аборигенов, так и основывали собственные поселения. Как прежде скифы и савроматы, сарматы были жизненно заинтересованы в получении продуктов местного земледелия и ремесла, в сохранении контроля над местным населением и важными военно-торговыми коммуникациями, что обеспечивало не только стабильность существования их общества, но и надежные позиции в периоды возможных политических или экономических дестабилизаций. Такие условия неминуемо вели к усилению межэтнических взаимовлияний, разнонаправленным процессам ассимиляции или межэтнической интеграции. Происходила акультуризация и постепенная интеграция пришельцев в северокавказское сообщество.

В условиях тесного взаимодействия или смешения с местным населением культуры различных сарматских родо-племенных объединений получили свои специфические черты и формы, обретая кавказский облик. Наблюдались, как и прежде, процессы складывания новых этнообразований. Реконструируемое на основании данных археологии активное проникновение кочевников в среду северокавказских автохтонов подтверждается и данными антропологии. По мнению специалистов, там, где наблюдается тенденция к расширению лица и общей матуризованности или тенденции к брахикрании, несомненно, присутствовали процессы проникновения в местную среду сначала скифских, а затем сарматских этнических элементов. Отмечалась близость сарматского антропологического типа к осетинскому, а также связь генофонда осетин с сармато-аланскими предками. Не исключалась и возможность проявления различий между западной и восточной частями осетинского генофонда различиями между скифами и сарматами.⁹

Однако следует учитывать, что данные положения не являются окончательно установленными и обоснованными. По существу, сарматы продолжили и усилили заложенный скифами и савроматами процесс проникновения и становления на Северном Кавказе соответствующих этнокультурных образований и традиций, которые получили свое развитие в последующий период, связанный с историей алан.

Сведения письменных источников о сарматах Северного Кавказа.

Прослеживаемые по данным археологии миграции кочевников на запад подтверждаются сведениями письменных источников. Самые ранние данные о сирматах, располагавшихся возле Танаиса, фиксируются в произведениях Псевдо-Скилака и Эвдокса Книдского (Ps.-Scyl. 68, Steph. Byz. s. v. Σαρμάται). Впоследствии сирматов здесь отмечает Элий Геродиан (Ael. Herod. 72, 12). Современные данные позволяют связывать появление сирматов с распространением с востока на запад дромосных погребений, рядом с которыми отмечаются погребения в подквадратных ямах с диагональным помещением умершего и подбойно-катакомбные захоронения. Именно в данных памятниках наблюдается сочетание савроматских и южноприуральских черт. Плиний (Plin. NH. VI, 48) включает их в перечисление племен, находившихся за Оксом (Аму-Дарья), что могло бы указывать на изначальную связь данного этнонима с сакской средой, представители которой приняли непосредственное участие в формировании раннесарматской культуры.¹⁰

В промежутке между 309 и 304 гг. до н. э., как полагает ряд ученых, опираясь на конъектуру «сираки» в произведении Диодора Сицилийского, впервые фиксируется выход на историческую арену сираков.¹¹ Они во главе с царем Арифарном включились в междинастическую борьбу за боспорский престол на стороне одного из претендентов. Выиграв боевые действия в Прикубанье, они способствовали воцарению нового боспорского правителя (Diod. Sic.

XX, 22). Однако, как отмечали исследователи, между памятниками кочевников того периода и памятниками кочевников региона II-I вв. до н. э., которые были бесспорными носителями названия «сираки», отсутствует генетическая связь. Вполне вероятно, что Диодор Сицилийский действительно считал участниками данных событий сираков. Но, будучи автором более позднего времени, он приписал данное название прежнему населению Кубани, исходя из позднейшей, более близкой его времени этнической ситуации в регионе.

Некоторые исследователи не исключали, что сайи царя Сайтафарна, собиравшие в III в. до н. э. дань с Ольвии в Северо-Западном Причерноморье (IOSPE. I², № 32), также были прикубанскими сираками или располагавшимися на Дону сарматами. Но, видимо, сайи представляли собой иную кочевническую группировку, располагавшуюся непосредственно в Северном Причерноморье.¹² Херсонесский декрет о «несении Диониса» (IOSPE. I², 343) может подтвердить напряженность ситуации возле Херсонеса и ставшие вскоре обычными рейды сарматов через Дон. Аполлоний Родосский, живший в середине-второй половине III в. до н. э., повествует (Apoll. Rhod. III, 351-353) о легендарном путешествии аргонавтов, используя современные ему географические и этнографические наблюдения. Он вкладывает в уста Язона обещание царю колхов Эту в обмен на золотое руно помочь в борьбе с враждебными савроматами. Источником сообщения мог быть Эфор, использовавший перипл IV в. до н. э. Полагали, что «савроматы» появляются в произведении вместо «сарматов» в результате соответствия первого этнонаименования гексаметру по законам античного стихотворчества. Возможно, за враждебными Колхиде «савроматами» скрывались кочевники Северо-Западного Кавказа. Их также считали сираками Кубани, т. к. именно отсюда имелась возможность прямого выхода на закавказское государство по долине р. Белая и Белореченскому перевалу, а также по долине р. Большая Лаба, Клухорскому перевалу.

Согласно «Картлис Цховреба», картлийский царь первой половины III в. до н. э. Фарнаваз привлек «овсов и леков» для своей борьбы за престол. Указывается на объединение Фарнаваза с овсами и леками во владениях Куджи Эгриси-Колхиде, подразумевающее связь «овсов» с Северо-Западным Кавказом, а точнее с Прикубаньем. Впоследствии Фарнаваз отдал свою сестру замуж за правителя овсов. Сын Фарнаваза Саурмаг обращался за военной помощью, в том числе и к своему двоюродному брату, правителю овсов. В общем русле исторического развития взаимоотношений кочевников Северо-Западного Кавказа с Колхидой отмечали и легенду о замужестве Кирки, дочери от брака колхидского царя Ээта и дочери Перса Гекаты, за сарматским царем (Diod. Sic. IV, 45).¹³ Обычно все перечисленные сообщения связывались исследователями с историей сираков. Однако, как уже отмечалось выше, такое решение не всегда выглядит убедительным.

Исследователи неоднократно высказывали мнение о близости сираков с сирматами. Некоторые из них полагали, что этноним «сираки» возник в дахо-массагетской среде Закаспия. Сираков рассматривали и как ветвь саков. На основании данных некоторых письменных источников предполагалось, что сираки, представители сармато-дахской конфедерации, продвинулись на Северный Кавказ из Средней Азии через Иран и Закавказье, выйдя через верховья р. Кубань. Археологические данные не позволяют проверить справедливость такого предположения. Но следует отметить фиксацию на территории древней Армении саков и сираков (Strabo. II, I, 14, XI, VII, 2, VIII, 4, XIV, 4, Ptol. III, 12, 9, Plin. NH. VI, 29). У последних правил род Каренианов (Камсаров). Он был связан этническим родством с саками и в то же время был родственным царскому роду Аршакидов (Мовсес Хоренаци. III, 34), происходившему из племени даев-парнов.

Одним из аргументов в пользу закаспийского происхождения сираков для ученых служит сообщение Полиэна о сакском герое Сираке, заманившем войска Дария (Polyaen. Strat. VII, 12). Топоним «сирак» отмечали на территориях Зеравшана, Самарканда, Ташкента и Ферганы. «Сирак» служит названием таджиков в устах тюркоязычных народов. Перечисление Плиния (Plin. NH. VI, 48) племен за Оксом ограничено сирматами и сарапарами, вторых из которых считают сираками. Другие исследователи полагают более реальным связь этнонима с топонимом их прародины Серики в Восточном Туркестане, возле тохаров Турфана и Ганьсу. Собственно фиксация этнонима «сираки» на Северо-Западном Кавказе, по данным письменных источников, не имеет сколь-нибудь надежных показаний о его появлении ранее II в. до н. э.¹⁴ Указанные восточные параллели, в таком случае, могут свидетельствовать о приходе непосредственных носителей данного этнонима на Кавказ именно в процессе охвативших тогда массовых миграций кочевников степного пояса Евразии.

Сираки, как и многие другие кочевники, будут причисляться греко-латинскими источниками к сарматам. Впервые данное название как определение некой территории и кочевников появляется в III в. до н. э. (Theoph. De Aquas. Fr. 172, Ant. CLII (167), Ps.-Scymn. 874-885). Город под названием Сарматина был известен к востоку от Каспийского моря (Strabo. XI, VII, 2; Ptol. VI, 17, 4; Amm. Marc. Res. Ges. XXIII, 6). В Средней Азии фиксируют и топонимы «сармат», «самат». Появление в западноевропейских источниках этнонима «сарматы» совпадает с приходом с востока носителей прохоровской культуры. Среди них могло быть, например, само племя сарматов.

Вскоре в античной и римской литературе складывается собственная традиция использования этнонима «сарматы», который прилагается к различным группировкам кочевников, часто превращается для них в собирательный, становится синонимичным этнониму «савроматы» и т. д. Но, как спра-

ведливо отмечают исследователи, в меньшей степени он воспринимался теми, на кого распространялся. Кроме того, данные археологии достаточно убедительно показывают, что под известными из нарративных источников племенами скрывались родо-племенные объединения.

Полиэн (Polyaen. Strat. VIII, 56) сохранил для нас легендарный рассказ о сарматской царице Амаге, которая по просьбе граждан Херсонеса лично возглавила небольшой военный отряд и расправилась со скифским правителем в Крыму. Единственным указанием на более точное время легендарных событий считают заключение международного договора 180-179 гг. до н. э., в котором участвовали Херсонес и царь европейских сарматов Гатал (Polyb. Hist. XXV, 2 (XXVI, 6), 126, IOSPE. I², № 402). Видимо, события с участием Гатала и Амаги хронологически близки друг другу, а сарматы Амаги размещались рядом с дислокацией основных сил Гатала на Северном Кавказе. Об активном участии в международных событиях северокавказских сарматов свидетельствуют и данные археологии. Находки большинства импортных изделий на территориях обитания сираков и аорсов позволили предполагать, что Гатал мог быть предводителем одного из этих объединений или возглавлял сводный отряд.¹⁵

Около середины II в. до н. э. сарматы начинают упоминаться в дельфийских манумиссиях. Впоследствии сарматы, в том числе сираки и аорсы, неоднократно будут принимать активное участие в союзах Митридата VI Евпатора и Фарнака II, боровшихся с Римом. Данные археологии вновь указывают на то, что среди них могли быть представители кочевников Северо-Западного и Центрального Предкавказья. В этот период могло происходить новое освоение сарматами Закубанья. Не исключено, что в 109 г. до н. э. сарматы Придонья и Прикубанья участвовали в попытке роксолан Тасия оказать помощь крымским скифам в борьбе с понтийским полководцем Диофантом (Strabo. VII, III, 17).¹⁶

В изучении истории сарматов одной из наиболее существенных проблем является отсутствие у античных авторов в промежутке начала III-третьей четверти II вв. до н. э. сколь-нибудь точных этногеографических данных, как о Северном Причерноморье, так и о Северном Кавказе. Первые подробные сведения о расселении сарматов на территории Северного Кавказа были зафиксированы Страбоном. До сих пор они служат предметом дискуссии среди ученых, использующих в своих построениях дополнительные данные других нарративных источников, археологии, топонимики, фольклора и лингвистики. Сведения Страбона могут отражать ситуацию, фиксировавшуюся его источниками с конца II в. до н. э. (Strabo. I, II, 1). Поскольку географ дополнял и корректировал свое произведение вплоть до самой смерти, то представленная в нем информация не выходит за пределы начала I в. н. э.

Северный Кавказ был включен географом в область «внутри» Тавра. На севере она распространялась до Океана, с запада ограничивалась р. Дон,

Азовским и Черным морями, с юга — Кавказскими горами, с востока — Океаном и Каспием. Страбон (Strabo. XI, II, 1) размещает сарматов (также скифов), аорсов и сираков между Нижним Доном, Азовским морем и северо-западной частью Каспийского моря. В другом отрывке в этом месте он располагает савроматов и скифов (Strabo. XI, V, 7). Следует полагать, что под этими названиями скрываются в том числе сираки и аорсы. Подтверждением такого положения являются и другие упоминания на данной территории скифов и сарматов (Strabo. XI, VI, 2; XI, VIII, 8). С другой стороны, наблюдается явное использование названий «сарматы» и «савроматы» как синонимов.

В другом месте Страбон упоминает меотийских савроматов и савроматов, живших между Каспийским и Черным морями вплоть до Кавказа и области иберийцев и албанцев (Strabo. II, V, 31). Таким образом, речь идет о двух областях расселения «савроматов». Первая область включает в себя меотийских савроматов, т. е. соответствует выделяемому участку между Нижним Доном, Азовским морем и Каспийским морем, где проживали сираки и аорсы. Вторая область помещается, несомненно, южнее, между Черным и Каспийским морями и Кавказскими горами.

Географ дает и более точную локализацию сираков на Кубани и возле Азовского моря, а аорсов — на Нижнем Дону. Равнины сираков распространялись вплоть до Кавказских гор. Верхние аорсы занимали более обширную область, владея большей частью западного побережья Каспия. Они вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен у армян и мидийцев (Strabo. XI, V, 6-8). Прилегающие к горам области Центрального и Северо-Восточного Предкавказья Страбон отводит под «сарматские равнины» (Strabo. XI, II, 15, V, 2), что свидетельствует о расселении здесь отличных от аорсов и сираков сарматских объединений. Непосредственно к северу от Дарьяла указываются кочевники, или скифы и сарматы (Strabo. XI, III, 3, 5). Они были в дружественных и родственных отношениях с горными иберами, как и кочевники Северо-Восточного Предкавказья — с албанами (Strabo. XI, IV, 5).

Судя по тому, что сираки и верхние аорсы имели возможность продвигаться вплоть до гор Кавказа, располагавшиеся между ними и этими горами сарматы либо входили в состав их родо-племенных объединений, будучи достаточно автономными, либо имели с ними какие-то дружеские или договорные отношения. По отношению к сиракам речь прежде всего может идти о панксанах и набианах. Страбон сохранил для нас и сведения о значительной военной помощи сираков, аорсов и верхних аорсов боспорскому правителю Фарнаку II в его войне с Римом (Strabo. XI, III, 3, 5).

Определенные сведения о расселении сарматских группировок на Северном Кавказе оставили для нас и некоторые следующие за Страбоном авторы. Перечень народов по побережью Азовского моря Помпония Мелы

(Mela. I, 114) также не препятствует локализации «сирахов» возле Кубани. Сведения, сообщаемые Плинием Старшим, в интересующем нас аспекте во многом повторяют данные Страбона. Из Иберии через Каспийские (Кавказские) ворота шел путь к сарматам (Plin. NH. VI, 40), что соответствует сведению о пути из Иберии к «сарматским равнинам» Страбона.

За ахейцами и керкетами, т. е. на территории расселения меотов, располагались серры и кефалотомы («головорезы»). Путем перекрестного анализа данных различных источников было установлено, что сираки сопоставимы с сарапарами («отрезающие головы»).¹⁷ Поэтому за кефалотомы должны скрываться сираки, вновь локализуемые в районе Кубани. В то же время собственно сираков Плиний помещает вдоль Тендринской Косы, на левобережье Днепра (Plin. NH. IV, 83). Не исключено, что на сведениях автора могла сказаться его путаница Кубани с Южным Бугом.

Но мы можем иметь дело и с фиксацией их переселения на запад, не исключено, через Крым между 49 и 77 г. н. э. Возможно, об этих сираках говорит надпись 193 г. н. э. о победе боспорского царя над скифами и «сираками» (КБН. № 1237). Полагают, что сама надпись отмечает события, произошедшие на полвека ранее. Имя сираков упоминается и в другом эпитафическом памятнике (КБН. № 142). Другая их часть, как полагают, могла мигрировать в Подонье и Поволжье. Следует отметить, что как для Плиния, так и для Страбона не существовало различия между сарматами и савроматами.¹⁸

За Пятиундом (совр. Пицунда) в Кавказских горах помещается сарматский народ эпагерриты, что могло бы отражать появление данных о продвижении сарматов в горные районы Северо-Западного Предкавказья. За ними следуют савроматы, граничащие с талами, чьи владения достигали «перешейка/пролива» Каспия (Plin. NH. IV, 16). Трудно определить точное расположение и этнический состав упомянутых савроматов. Их территории могли начинаться как в предгорной зоне, так и на «равнинах сираков» Страбона.

К западу от пролива Каспия располагались скифы, кочевники и савроматы со многими именами (Plin. NH. VI, 38). К востоку от низовий Дона отмечаются сарматы со многими именами. Первыми из них называются савроматы, ведущие свое легендарное происхождение от амазонок (Plin. NH. VI, 19). В другом фрагменте они называются амазонками-сарматидами (Plin. NH. VI, 39). Севернее албанов и удинов называются сарматы (Plin. NH. VI, 39). Учитывая помещение удинов у самого входа в Каспий, эти сарматы также должны быть включены в народы, обитавшие между низовьями Дона, Азовским морем и Северным Каспием.

Единожды о сираках и аорсах рассказывал Тацит (Tac. Ann. XII, 15-19) при описании войны за боспорский престол 49 г. н. э. Бежавший из Боспора Митридат VIII начал возмущать народы, захватил царство дандариев. Сираки (вар.: Seraci, Syracusii) возобновили вражду с Римом и Боспором.

Объединенные силы боспоран, римлян и аорсов, руководимых своим царем Эвноном, прошли владения дандариев, перешли р. Панда и захватили столицу сираков Успу, устроив в ней резню. Царь сираков Зорсин вынужден был сдаться, чтобы сохранить свои владения. Вскоре объединенное войско остановилось в 3 днях пути от Дона. Один день пути римского легиона составлял 28 римских миль (1 миля=1482 м), т. е. 3-дневный путь составлял около 124,5 км. Видимо, аорсы остановились где-то недалеко от Бейсугского лимана, т. е. примерно на полпути между Кубанью и Доном. Не исключено, что здесь заканчивались владения сираков, а далее на север лежали владения других кочевников. В целом, центр сиракского государства должен помещаться недалеко от Кубани. Показательно, что, по сообщению Тацита, несмотря на сокрушительное поражение владения сираков сохранились.

Что касается аорсов, то сам маршрут появления на Таманском полуострове объединенного войска свидетельствует о проживании этих аорсов к западу от Дона. Примечательно, что в некоторых рукописях труда Тацита этноним передан в форме Adorsi (Advorsi, Adossi) — «внешние (малые) аорсы», что препятствует их отождествлению с большими аорсами и аорсами Страбона. В данной связи следует отметить наблюдения о фиксации письменными источниками передвижения аорсов в Северное Причерноморье. В то же время, как справедливо было подмечено исследователями, название Adorsi Тацита оказывается в одном ряду с названиями аланорсов Птолемея (Ptol. VI, 14, 9) и утидорсов Плиния (Plin. NH. VI, 39).

Птолемей (Ptol. V, 8, 1-2, 7-32) располагал Азиатскую Сарматю к востоку от Дона и Азовского моря. На севере она достигала неизвестных земель, на юге — части Черного моря, Колхиды, Иберии и Албании, на востоке — Каспия и Волги. Ее южная граница проводится в источнике по южным склонам Кавказа, что повторяется и в «Ашхарацуйц».¹⁹ Возможно, здесь раскрывается отмеченное Страбоном противопоставление «кавказцев» колхам и иберам (Strabo. XI, II, 16, 19). С другой стороны, сравнение такого положения с указанием Страбона на близость обычаев, соседство и родство северокавказских сарматов и скифов с горными иберами и с албанами, которым в случае военной опасности они предоставляли военную помощь (Strabo. XI, III, 3; IV, 5), может указывать на установление тесных связей северных кочевников с горцами Кавказа.

Аорсов Птолемей локализует на Яксарте (Ptol. VI, 14, 10). Приводимые им координаты позволили идентифицировать устье Яксарта с р. Эмба. Поэтому, возможно, аорсы Птолемея соответствуют верхним аорсам Страбона. Возле устья Дона отмечаются яksamаты, ниже их — сиракены, псесии, темеоты. Эти народы локализируются между Меотидой и Гиппийскими горами (Ptol. V, 8, 14-25), которые в реальной географии могут соответствовать Ставропольской возвышенности и Ергениям. Таким образом, сираки (сиракены) должны

вновь локализоваться где-то в районе Кубани. На Вардане, одном из рукавов Кубани, Птолемей помещает и г. Серака (Ptol. V, 8, 28), что подтверждает кубанскую локализацию сираков.

Достаточно сложным в качестве этногеографического источника является карта Певтенгера, содержащая много противоречий и искажений. Хотя по своей форме и содержанию она восходит к первым вв. н. э., но была составлена в конце XII-начале XIII вв. На указанной карте (ТР. VIII, 2) сераки располагаются возле Меотиды. Видимо, аорсы скрываются на карте под названием арзоев (ТР. VIII, 5). Первый раз они локализируются рядом с амазонками между Океаном и какими-то горами, под которыми помещены «кавказцы». Вероятно, речь идет о верхних аорсах Страбона. Не исключено, что в искажении названия следует усматривать влияние сведений об абзоях, помещавшихся к востоку от устья Каспия (Plin. NH. VI, 38). Второй раз арзои помещены возле Понта, рядом с Гермонассой (совр. Тамань), Кепой (на азиатской части Керченского пролива), ахями и Синдикой. Таким образом, здесь представлена весьма искаженная картина размещения аорсов у Танаиса Страбоном.

Определенный интерес представляет труд Анания Ширакаци «Ашхарацуйц», составленный в VII в. Его автор для интересующего нас фрагмента использовал сведения, восходящие к данным Птолемея. В Азиатской Сарматии источником («Ашхарацуйц». II) у устья Танаиса помещаются нахчаматейаны и кларджии, т. е. псесии, затем вшееды, сираки и «область Митридатене». Их земли соответственно находились к западу от Керавнийских гор. Затем восточнее Керавнийских гор («Шантаин») помещаются амазонки вплоть до Волги.

Под нахчаматейанами у Дона подразумеваются яксаматы. Искажение же названия связывают с использованием по некоторому созвучию сведений о средневековых северокавказских нахах (нахчо). Таким образом, Ананий Ширакаци практически полностью повторяет сведения Птолемея при замене Гиппийских гор («Дзиакан») на Керавнийские. Поэтому следует полагать, что сираки здесь упомянуты в прежнем контексте. «Область Митридатене» соответствует «стране (земле) Митридата» Птолемея (Ptol. V, 8, 23-24). Сведения о ней могут восходить к эпизоду бегства Митридата VIII после подавления его восстания и поражения сираков от боспоро-римско-аорской коалиции. Плиний указывал на бегство Митридата VIII к неким савроматам (Plin. NH. VII, 16; Solin. XV, 18). Известно, что Плиний мог получить свою информацию непосредственно от Митридата VIII. Тогда показательно, что сам информатор не дал точного этнического определения принявшему его племени, тем более не назвал их сираками или аорсами. Не исключено, что Митридат VIII бежал во владения сарматов, не входивших ни в аорский, ни в сиракский союзы.

Некоторые исследователи полагали возможным появление на Северном Кавказе роксолан, с которыми связывали часть археологических памятни-

ков.²⁰ Однако ни письменные источники, ни собственно археологические данные не позволяют согласиться с таким положением. Уже не одно десятилетие учеными дискутируется проблема этнической принадлежности и локализации отмеченного китайскими источниками государства Яньцай, которое впоследствии было переименовано в Аланья. Исходя из гипотезы об отражении в названии Яньцай этнонима «аорсы» и о генетической связи аорсов с аланами, до сих пор предпринимаются попытки распространить владения Яньцай практически на всю территорию обитания «сармато-аланских» племен, в том числе и на северокавказский регион. Высказываются даже предположения о распространении на Северный Кавказ власти среднеазиатского государства Кангюй, за счет сведений китайских источников о подчинении им страны Яньцай. Но указанные положения не только не имеют достаточного научного обоснования, но и входят в прямое противоречие с данными нарративных и археологических источников.

Как уже отмечалось, одним из факторов активного передвижения сарматов на запад, в том числе и на Северный Кавказ, стала миграция из Центральной Азии тохаров. В ходе данной миграции в нее вовлекались и другие кочевнические группировки. В результате на Северном Кавказе наблюдался приход сложного конгломерата племен. Плиний (Plin. NH. IV, 82, 85, VI, 15, 22) отмечал переход через Дон многих племен, в том числе сатархеев, сатархеев-спалеев, тагоров, поселение в Крыму скифов-сатавков (сатарки) и г. Стактары. Исследователи полагают, что речь идет о появлении во второй половине II в. до н. э. различных группировок тохаров. Судя по информации письменных источников, часть новых мигрантов осваивала и территории Северного Кавказа.²¹

Страбон (Strabo. XI, II, 16, V, 7-8) помещал в горах Северо-Западного Кавказа недалеко от сираков троглодитов («пещерники»). С ними связывают горных сарматов-эпагерритов (Plin. NH. VI, 16) и агоритов (Ptol. III, 8, 17-25), располагая в верховьях Кубани. Помпоний Мела (Mela. II, 10, 11) считал крымских сатархов троглодитами. Было справедливо подмечено, что прилагаемая к крымским сатархам характеристика должна относиться к троглодитам, обитавшим в горах Северо-Западного Кавказа и, что немаловажно, недалеко от сираков. Признание сатархов «пещерниками» напоминает о сатархеях-спалеях («пещерники») Плиния (Plin. NH. VI, 22), некогда перешедших Дон. Юлий Солин (Solin. XIX, 3, XLIX, 5) отмечает и скифов-апалеев между Черным и Каспийским морями, а сатархов и апалеев — в Средней Азии. Они известны там и Плинию (Plin. NH. VI, 50). Спалеи Плиния размещены на Охариин (Plin. NH. VI, 22), т. е. на Кубани. В имени кантиокаптов предполагают слияние названий кантиков и сапеев, также помещаемых Плинием на Кубани (Plin. NH. VI, 22). Последних сопоставляют с сатархеями-спалеями.²²

Помпоний Мела отмечает рядом с сирахами фикуров (Mela. I, 114), видимо, соответствующих фиакам Овидия (Ovid. Epist. IV, 21), которые располага-

лись рядом с гениохами и ахейцами. Фикоры Помпония Мелы напоминают о названии фикаров, фагуров и аспакаров Птолемея (Ptol. VI, 16, 5) и Плиния (Plin. NH. XXXVII, 110) на востоке ойкумены, за которыми скрываются тохары. Валерий Флакк (Val. Flac. Argon. VI, 140-145) упоминал сатархов рядом с эксоматами и торинами, т. е. яksamатами Дона и торетами, обитавшими где-то в Прикубанье.

Появление в письменных источниках форм «сарты», «сартаги», «сарды», вместо формы «сатархи», считают результатом заимствования из греческого источника II-I вв. до н. э.²³ К востоку от Дона Птолемей локализует сварденов (Ptol. VI, 14, 10), известных затем на Боспоре как сардеты (TR. IX, 3). Плиний знает возле Меотиды и Кубани напеев, напров и авхетов (Plin. NH. IV, 88, VI, 20, 22). Их названия сопоставляют с именами легендарных предков скифов и древними скифскими авхатами. Сам Плиний дублирует историю народов событиями на землях к востоку от Сыр-Дарьи (Plin. NH. VI, 50). Показательно, что, если на западе уничтожение инапеев и танаитов приписывается авхетам, то на востоке напеев громят спалеи. Последние и оказываются известны на западе как сатархеи-спалеи. Они же сопоставимы со скифами-сатавками. По Страбону (Strabo. XI, V, 8), возле сираков располагались набиане и панксаны (пагианы). Набиане, возможно, сопоставимы с нерипами, перешедшими Дон вместе с тагорами.

К востоку от Меотиды Плиний размещает (Plin. NH. VI, 16) серров и кефалотомов («головорезы»). Поскольку соседние серрам кефалотомы отождествляются с сираками, локализуемыми в районе Кубани, то и сами серры должны были располагаться рядом. Серры под именем сернов (серны указаны в лучших рукописях, и лишь в одной фигурируют сербы) и серреев упоминаются и далее Плинием (Plin. NH. VI, 19). Их название сопоставляют с именем скифов-сардов. Название серов сопоставляют и со сведениями (Plin. NH. VI, 88) о серах, обладавших яркой европеоидной внешностью и поставлявших шелк в бассейн Тарима. Не исключено, что с этой группой кочевников связаны и сербы (сирбы) (Ptol. V, 8, 7-32), располагавшиеся к востоку от Ставропольской возвышенности.

Плиний, используя сведения Марка Теренция Варрона примерно середины I в. до н. э., помещает у северо-западного побережья Каспия племя утиев (Plin. NH. VI, 39). Его считают племенем юэчжей и ассоциируют с аорсами. Некоторые исследователи полагают, что и собственно аорсы, давшие свое название могущественному родо-племенному объединению, были выходцами из Центральной Азии и не имели отношения к формированию прохоровской культуры.

Факт закрепления тохаров на Северном Кавказе усматривают в сведениях «Ашхарацуйц» (Гл. II) о народе ас-дигор (аш-тигор). Неоднократно указывалось, что название ас-дигоров прямо сопоставимо со сведениями о «царях

тохаров асианах» (Pomp. Trog. Prol. 42) и об асиях и тахарах, участвовавших в захвате Греко-Бактрии в конце II в. до н. э. (Strabo. XI, VIII, 2). Следует отметить, что пары асиане-тохары, асии-тахары и ас-дигоры, видимо, сопоставимы с аспакарами на востоке ойкумены Птолемея (Ptol. VI, 16, 5). Особое выделение впоследствии Ибн-Руста аланского племени D.hsās находит свою параллель именно в сообщении «Ашхарацуйц», в которой единственным уточнением по составу алан является упоминание ас-дигоров.

Тесная связь между тохарами и асиями позволяет полагать и их совместное появление на Северном Кавказе. Видимо, следует обратить внимание на упоминание Плинием анасов и иссов, перешедших Дон вместе с тохарами (Plin. NH. IV, 82). Тот же Плиний к востоку от Танаиса называет мессениан (Plin. NH. VI, 19), которых сопоставляют с массеями в «Scythia intra Imaum Montem» и асеями (асаями) к востоку от Танаиса Птолемея (Ptol. VI, 14, 9, V, 9, 16). Далее на Северо-Западном Кавказе Плиний называет автаков и мазамаков (Plin. NH. VI, 21). Наиболее близким к имени автаков у самого Плиния считают имя астаков (астоков), помещаемых в Закаспии (Plin. NH. VI, 50). Возможно, под названиями асиотов и иастов они известны Птолемею на востоке (Ptol. VI, 14, 9-10). Название мазамаков фонетически сближают с названиями мессениан Плиния и массеев Птолемея.

Особый интерес вызвало сообщение Страбона о скифах Центрального Предкавказья (Strabo. XI, III, 3). Ни один из предшествовавших источников не упоминал о размещении здесь собственно скифов. Археологические данные свидетельствуют о том, что скифы давно покинули этот регион. Поэтому логично полагать, что под названием «скифы» скрывались какие-то другие группировки кочевников. Анализ характера использования данного термина Страбоном и его ближайшими последователями показывает, что «скифами» прежде всего стали называть кочевников, обитавших к востоку от Каспийского моря. Поэтому под «скифами» Северного Кавказа в данном случае, видимо, следует подразумевать мигрантов с востока. Было предложено и отождествление скифов Страбона с тохарами. В пользу такого решения приводили некоторые археологические данные, а также некоторые наблюдения за топонимикой Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, осетинской антропонимикой и фольклором.

Показательно, что Страбон, фиксируя расположение скифов между Азовским и Каспийским морями, затем более точно размещал их рядом с ахейцами, зигами и гениохами (Strabo. II, V, 7, 31), т. е. опять где-то на Кубани. О «скифах», обитавших рядом с гениохами, сообщал и Тацит (Tac. Ann. II, 68). Исследователи не исключают, что и располагавшиеся там аспургиане, игравшие заметную роль в истории Боспорского государства, также представляли собой часть тохаров.

Плиний размещал между северо-западными отрогами Кавказа и Ставропольской возвышенностью саканов, что может свидетельствовать о путанице в источнике, либо о появлении здесь среднеазиатских саков. К востоку от Дона Птолемей располагает закатов (Cannate карты Певтенгера?), которые известны ему и в Азии (Ptol. VI, 14, 10). Предполагают, что закаты также представляли собой саков.²⁴ Интересно, что позднее одним из союзников правителя даков Децебала называется царь саков Сардоний (Aur. Vict. De Caes. XIII, 3). Не исключают, что г. Сацидова (Суцидава), располагавшийся на р. Прут, в низовьях р. Алуца, служил племенным центром саков. Лукан сообщал о варварской Конне возле Дуная (Luc. Bell. Civ. III, 200), которая была и в отдаленных частях Европы у сарматов (Schol. III, 201), т. е. на Дону. Ее, конечно, нельзя прямо соотносить с Кангюем, но исследователи допускают появление в Восточной Европе сакских мигрантов с Сыр-Дарьи.

Обращалось внимание и на некоторые сведения Нартовского эпоса народов Северного Кавказа, в которых, по мнению ученых, сохранились воспоминания об исторических сарматах, в том числе сираках. Показательно, что эпические материалы в данном случае касаются именно земель возле р. Кубань. В пользу такого решения могли бы говорить и некоторые данные по гидронимике.²⁵ Однако относить все иранские топонимы и гидронимы Северо-Западного Кавказа²⁶ на счет их связи с историей сираков или специфики той кавказской среды, с которой смешались пришельцы-сарматы,²⁷ нет достаточных оснований. Так же и трактовка отдельных топонимов и ойконимов с территории Северной Осетии как отражение пребывания здесь сираков²⁸ не имеет надежной аргументации.

Сегодня у специалистов не вызывает сомнения генетическая преемственность осетинского языка с языками тех народов, которые известны нам по письменным источникам под названиями скифов, савроматов, сарматов, алан и т. д. В рамках указанной преемственности предпринимались, в том числе, попытки соотнесения осетинского языка в целом или его диалектов с сарматским или аланским языками, языками одного из сарматских или аланских родо-племенных объединений. Предпринимались и попытки связать некоторые диалекты осетинского языка со скифским языком. Следует учитывать, что только недавно наметилась сама возможность выделения специфических черт скифского и сарматского языков, т. е. возможность их разделения.²⁹ Поэтому попытки установления конкретных генетических связей диалектов осетинского языка пока не выходят за рамки предположений и гипотез.

Примечания

1. Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. Азов, 1997. Вып.5. С.10; Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып.5. С.50-64; Клепиков В. М. Сарматы IV-III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Волгоград, 1998. С.23; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». ТД. Азов, 1988. С.48; Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С.116-118; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сарматы // Античное наследие Кубани. М., 2010. С.264-266; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М., 1994. С.45; Zuyev V.Yu., Ismagilov R.B. Ritual complexes with statues of horsemen in the Northwestern Ustyurt // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994. P.54-57; Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С.87; Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.-IV в. н. э.). М., 1993. С.98; Она же. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С.128; Она же. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. № 2. С.53-54; Кудрявцев А.А., Охонько Н.А., Кудрявцев Е.А. К этнокультурной интерпретации Татарского городища в эпоху раннего железа // Материалы Международной научной конференции «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». Саратов, 1997. С.131-133; Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С.33; Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н. э.-IV в. н. э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С.44-45.

2. Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С.7, 14-15; Он же. К вопросу о локализации замка сиракского царя Арифарна//X Крупновские чтения. ТД. М., 1980. С.33-34; Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал, 1992. С.191-192; Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1981. С.69; Он же. Сираки... С.84-86, 95-100, 113-116; Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994. С.41, 42; Они же. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // ИАА. 1995. Вып. 1. С.130; Берлизов Н.Е., Лопатин А.П., Цокур А.В. Анализ погребальных памятников СЗ Кавказа сарматского времени // Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени-эпохи средневековья. Краснодар, 2003. Ч.1. С.22, 77; Берлизов Н.Е. К определению исходных районов миграции савроматов и сарматов в Прикубанье в IV и II вв. до н. э. // Древности Кубани. Краснодар, 2002. Вып. 18. С.22-27; Он же. Погребальные памятники сарматов Прикубанья как объект многомерного анализа // Четвертая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 2005. С.18.

3. Полин С.В., Симоненко А.С. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С.76-95; Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С.23, 108-112; Simonenko A. V. The problem of the sarmatians penetration in the North Pontic area according to archaeological data // II Mar Nero. AAS. Roma-Paris. 1994. Est.I. P.117-119; Глебов В.П. Раннесарматские захоронения с северной ориентацией погребенного на Нижнем Дону // II Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1993. С.22-24; Он же. Сарматы юга Ростовской области (о различных вариантах раннесарматской культуры) // V Минаевские чтения. ТД. Ставрополь, 2001. С.61-64; Сергацков И.В. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья//СА. 1992. №1. С.168,

рис.4; Сергацков И.В., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. 2003. Вып.6. С.165-178; Глебов В.П., Смоляк А.Р. Раннесарматское погребение с острова Поречный//Донская археология. 1998. №1. С.25-28; Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // ИАА. 2001. Вып.7. С.37; Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С.31.

4. Скрипкин А.С. Анализ сарматских погребальных памятников III-I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Раннесарматская культура. М., 1997. Вып.II. С.210-211; Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1990. С.42; Каменецкий И.С. Ахардей и сираки // Материалы, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. ТД. Баку, 1965. С.99; Игнатов В. Н. О взаимодействии кочевого населения Правобережного Прикубанья с сарматами Поволжско-Донских степей в III в. до н. э.-I в. н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С.62; Батиева Е.Ф. Черепа из курганов междуречья Маныча и Сала (сарматское время) // Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. Вып.I. С.262-264; Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Раскопки кургана-кладбища в городе Курганинске в Восточном Закубанье // Материалы семинара «Древности Кубани». Краснодар, 1987. С.47-48; Чернопицкий М.П. Курганные материалы железного века из работ Кубанской экспедиции ЛОИА 1978-1986 гг. // Материалы семинара «Древности Кубани». Краснодар, 1987. С.63-64; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып.6. С.177; Марченко И.И. Сираки... С.130; Он же. Сиракская проблема в школе В.Б. Виноградова (взгляд с западной границы сиракского союза) // Материалы Шестой Международной научно-практической конференции «Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе. Армавир, 1999. С.19; Берлизов Н.Е., Лопатин А.П., Цокур А.В. Анализ погребальных памятников... С.135, 137; Берлизов Н.Е. Погребальные памятники сарматов Прикубанья как объект многомерного анализа // Четвертая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 2005. С.19; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1991. С.82.

5. Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотое кладбище» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.40; Абрамова М. П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА. 1963. №3. С.127-129; Абакаров А. И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С.117-118, 148-149; Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Дагестан и сармато-аланский мир (к проблеме контактов и взаимовлияний) // XV Крупновские чтения. ТД. Махачкала, 1988. С.50; Гаджиев М.С. Между Европой и Азией. Махачкала, 1997. С.25, 75-79; Чеченов И.М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // VIII Крупновские чтения. ТД. Нальчик, 1978. С.7; Керэфов Б.М. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время // VIII Крупновские чтения. ТД. Нальчик, 1978. С.18; Он же. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С.130-131; Абрамова М.П. Центральное... С.15-106; Марченко И.И. Сираки... С.86-88; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИННИИ. 1963. Т.VI. С.41-67; Он же. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.-I в. н. э. // СА. 1968. №1. С.50; Ильюков Л. С. Кочевники междуречья Сала и Маныча II в. до н. э.-II в. н. э. (по материалам курганных могильников близ х. Нового): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998. С.20; Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал, 1992. С.78; Прохорова Т.А. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // Материалы 2-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1993.

Ч.И. С.49-50; Пикалов Д. В. Скифо-сарматская космогония. Ставрополь, 2003. С.80; Герасимова М.М. Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. М., 2004. Вып.11. С.85.

6. Пиотровский Б.Б., Иессен А.А. Моздокский могильник. Л., 1940. С.17-18, 24; Пиотровский Б.Б. Ст. Моздок, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941. С.244-246; Виноградов В. Б. Сарматы... С.45-49, 55, 77-78. 80; Кереев Б.М. Памятники племен Центрального Предкавказья III-I вв. до н. э. // УЗ КБНИИ. 1974. Т. XXVI; Абрамова М.П. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.30; Она же. Центральное... С.34, 203; Она же. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С.3-31; Она же. О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. М., 1999. С.103; Березин Я.Б., Ростунов В.Л. Сарматские подкурганые могильники у сел. Заманкул (Северная Осетия) // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. ТД. Кисловодск, 1994. С.47-50; Они же. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С.11-60; Туаллагов А.А. Две находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья // Материалы 8-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2002. С.100-104; Он же. Клинковое оружие из сарматских погребений на территории Северной Осетии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2007. Вып.8; Он же. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 2007; Он же. «Ложка» из сарматского погребения Заманкульского могильника (Северная Осетия) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. Ставрополь, 2011. Вып.3. С.25-29; Кантемиров Э. С. Погребение сарматского воина II-I вв. до н. э. у селения Куртат СОАССР // Античная цивилизация и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С.64-69; Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э.-IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С.49-52; Березин Я.Б. Новые погребения последних веков до н. э. в Среднем Притеречье // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С.97-101; Он же. Погребения эпохи раннего железа с Владикавказской равнины // МИАСК. 2003. Вып. 2. С.35-38; Он же. Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов) // Археологический журнал. 2010. № III-IV. С.32-41, 47; Гиджрати Н.И., Наглер А.О. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СОАССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С.130-137; Виноградов В.Б., Гуриев Т.А. Скифы и сарматы Северного Кавказа — ираноязычные предки осетин // История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. С.49; Марченко И.И. Сираки... С.11; Он же. Сиракская проблема в школе В.Б. Виноградова (взгляд с западной границы сиракского союза) // Материалы Шестой Международной научно-практической конференции «Историческое регионоведение Северного Кавказа — ВУЗу и школе. Армавир, 1999. С.19; Ждановский А. М. О центре аланского союза племен // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С.49, сн.1; Прокопенко Ю. А. Особенности погребального обряда кочевого населения Центрального Предкавказья во второй половине IV-III вв. до н. э. // VI Минаевские чтения. ТД. Ставрополь, 2003. С.49-51; Сосранов С.Р., Черджиев Э.Л. Раскопки курганов в Моздокском районе Северной Осетии // XVI Крупновские чтения. ТД. Ставрополь, 1990. С.53; Черджиев Э.Л. Курганы эпохи средней бронзы у ст. Павлодольской Моздокского района Северной Осетии // Ритмы истории. Владикавказ, 2004. Вып.2,1. С. 54-55, 60-62, 68, рис.4, 73, рис. 9, 74, рис.10, 76, рис.12; Nagler A. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. Espelkamp // Archäologie in Eurasien. 1996. Bd.3. S.31-40; Габуев Т.А. Две катакомбы сарматского времени у ст. Чернойарская в Северной Осетии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С.510-514;

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. С.134, 145, 160; Сосранов С. Р. Отчет о раскопках курганов в Моздокском районе СОАССР за 1988 г. // Архив Национального музея РСО-А. Ф.№1. Оп.№2. Д. №1244. Л.4-12, 35, 44-53; Сафронов В.А., Николаева Н.А. Отчет о раскопках курганов у с. Ногир Пригородного района, с. Чикола Ирафского района Северо-Осетинской АССР, проведенные археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6847. Л. 88; Кузнецов В.А. Новое в археологии Северной Осетии // НА СОИГСИ. Ф.6. Оп.1. Д.91. Л.159-162.

7. Чеченов И.М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии // VIII Крупновские чтения. ТД. Нальчик, 1978. С. 7; Керевов Б. М. К этнической истории... С.18; Он же. Памятники... С.115, 130-131; Скрипкин А.С., Керевов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 214 с., 26 рис. // СА. 1989. № 4. С.289-290; Он же. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С.213-214; Сергацков И.В. О некоторых обстоятельствах появления алан в Восточной Европе // НАВ. 1998. Вып.1. С.47; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. СПб., 1925. С. 570; Каминский В. Н. Сарматское погребение с малоазиатским и римским импорт из ст. Михайловской (Закубанье) // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000. С. 86-95; Зайцев Ю. П. Скиур... С.142; Берлизов Н. Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э.-III в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С.8; Мошкова М. Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград, 1999. С.182, 186.

8. Виноградов В.Б. Сарматы... С.151; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С.61; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Цхинвали, 1966. С.70.

9. Керевов Б.М. К этнической истории... С.18; Он же. К вопросу о сарматизации племен центральной части Северного Кавказа (I этап) // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып.1. С.66-67; Он же. Чегемский курган — кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985, Т.2. С.227; Он же. Памятники... С.101-102; Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э.-IV в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980. С.18-19; Габуев Т.А. История племен центральных районов Северного Кавказа в I-VII вв. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. С.22; Кореняко В.А., Найдено А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. №. С.247; Березин Я.Б. К вопросу о кочевничестве сарматских племен в Центральном Предкавказье (III в. до н. э. — IV в. н. э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С.46; Он же. Об этнических процессах на Северном Кавказе в сарматское время // Археология и краеведение — ВУЗу и школе. Грозный, 1985. С.7; Он же. Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья (40-80-е гг.) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С.3; Виноградов В.Б. К изучению взаимоотношений между аборигенами Центрального Кавказа и ираноязычными степняками в раннем железном веке // IV Крупновские чтения. ТД. Орджоникидзе, 1984. С.8; Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э. — IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С.54-55; Абрамова М.П. О выделении локальных вариантов в культурах скифо-сарматского времени центральных районов Северного Кавказа // XIII Крупновские чтения. ТД. Майкоп, 1984. С.58-59; Она же. Некоторые особенности погребений III-I вв. до н. э. предгорной зоны Центрального Предкавказья // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С.178, 181; Она же. Роль сарматов... С.29-30; Она же. Подкумский могильник. М., 1987. С.128-129, 177-178; Она же. Центральное... С.100-101, 106; Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // МИАД. 2000. Вып.1. С.34; Марченко И. И. Сираки... С.130-131; Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // МИАР. 1997. №1. С.155-158; Алексеев В.П. Антропологиче-

ские данные к происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.17; Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // ЭО. 1994. №3. С.55; Ковалевская В.Б. Кавказский субстрат и передвижения ираноязычных племен (на материалах Центрального Предкавказья I тыс. до н. э.-I тыс. н. э.) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С.79; Рычков Ю.Г., Балановская Е.В., Жукова О.В., Нурбаев С.Д., Шнейдер Ю.В. Генофонд, геногеография и заболеваемость населения (по данным о Северной Осетии) // Успехи современной генетики. 1996. Вып. 20. С.128, 129, 132, 141, 166, 170; Рычков С.Ю., Наумова О.Ю., Морозова И.Ю. Полиморфизм митохондриальной ДНК в населении Северного Кавказа в свете генетической связи с сарматским населением Предкавказских степей // Биологическое разнообразие Кавказа. Труды II региональной конференции (Сухум, 18-23 сентября 2001 г.). Сухум, 2002. С.338-344; Герасимова М.М., Суворова Н.А., Гольева А.А. Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии-Алании // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С.324-340.

10. Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С.85; Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С.103-106; Он же. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып.XLVI. С.6-13; Он же. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. №2. С.17-18; Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С.18, 27, 38-39, 46; Zgusta L. Die Personennamen griechische Städte der nordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S.26, 264-265; Либеров П.Д. Савроматы ли сирматы? // Население среднего Дона в скифское время. М., 1969. С.28; Гаглоев Ю.С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья // ИЮОНИИ. 1962. Вып.XI. С.128; Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по данным античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С.39-54; Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дисс. ... С.9-10; Мошкова М. Г. К вопросу о сирматах // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С.213; Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С.17-19, 127; Он же. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии//Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С.45-47; Он же. Сарматы на Дону... С.70-73, 79; Шелов-Коведяев Ф.В. Скилак Кариандский. «Перипл обитаемого моря». Перевод с древнегреч., вступит. статья и комментарии // ВДИ. 1988. №2. С.466; Gardiner-Garden J. Eudoxos, Skylax and Syrmatai // Eranos. 1988. Vol.86; Сергацков И.В. О времени заселения... С.162; Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж.Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4. С.196, 202-203; Исмагилов Р.Б. Сарматская проблема: взгляд со стороны // Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994. С.24; Скрипкин А.С. Сарматы // Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1995. С.83; Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы... С. 28-34; Клепиков В.М. К вопросу о «сирматской» миграции // Вопросы краеведения: Материалы V краеведческих чтений. Волгоград, 1994. Вып. 3; Он же. Сарматы IV-III вв. до... С.22-23.

11. Tomaschek W. Ariparnes // RE. 1895. Bd. II. Col. 845; Bonnell E. Beiträge zur Alterthumskunde Russland (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr) hauptsächlich aus Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller. St. Petersburg, 1897. S. 673; Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 388; Ростовцев М. И. Сарматы // ПАВ. 1993. Вып. 5. С. 97; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 73; Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45-47; Шелов-Коведяев Ф. В. О составе противоборствующих сторон в битве при Фате IV в. дохристианской веры // V международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». ТД. Старочеркасская, Ростов-на-Дону, 1990. С. 16, 17; Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 86; Vinogradov Ju. G. Two Waves of Sarmatians Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-

Roman Period // *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday.* Aarhus University Press, 2003. P. 219.

12. Смирнов К. Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // *Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.* С. 11; Марченко И. И. Сираки... С. 121-122; Vinogradov Ju. G. *Two Waves...* P. 218-219; Симоненко А. В. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // *Четвертые Кубанские археологические чтения.* ТД. Краснодар, 2005. С. 255-259.

13. Ростовцев М. И. Скифия... С. 26, 32; Граков Б. Н. Рец. на кн.: Виноградов В. Б. *Сарматы Северо-Восточного Кавказа.* ТЧИНИИ. Грозный. 1963. Т. VI // СА. 1964. № 4. С. 239-240; Виноградов В. Б. *Сарматы...* С. 139, 141; Он же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 113-114; Он же. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1-8) // ИСКНЦВШ. 1975. № 4. С. 42; Абрамова М. П. Центральное..., 1993. С. 103-105; Марченко И. И. Сираки... С. 125.

14. Мачинский Д. А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII-V вв. до н. э. // *Материалы 2-го археологического семинара «Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)».* Новочеркасск, 1989. С. 15-16, 20; Ельницкий Л. А. *Скифия евразийских степей.* Новосибирск, 1977. С. 118; Ростовцев М. И. *Сарматы...* С. 92; Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. ... С. 4, 8-11; Скрипкин А. С. *Этюды по истории и культуре сарматов.* Волгоград, 1997. С. 27; Абаев В. И. *Осетинский язык и фольклор.* М.-Л., 1949. Т. I. С. 182; Он же. *Историко-этимологический словарь осетинского языка.* М., 1996. Т. III. С. 113; Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6. С. 23; Herrmann A. *Seres* // RE. 1923. Bd. II-A. Col. 1678; Kretschmer K. *Σιρακες* // RE. 1929. Bd. III-A. Col. 283; Kothe H. *Der Skythenbegriff bei Herodot* // Klio. 1969. Bd. 51. S. 75-77; Куклина И. В. *Этногеография Скифии по античным источникам.* Л., 1985. С. 109-110; Круглов-Мавродин Е. А. *Саки-амиргии Геродота — «доноры» или «реципиенты»?* // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 51; Шрамм Г. *Реки Северного Причерноморья.* М., 1997. С. 136-137; Абрамова М. П. *Центральное...*, 1993. С. 104; Olbrycht M. J. *Die Aorsen, die Oberen Aorsen und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum im 2.-1. Jh. v. Chr.* // Klio. 2001. № 83. S. 446, 448.

15. Ждановский А. М., Марченко И. И. *Сарматы в Прикубанье...* С. 42-56; Лимберис М. Ю., Марченко И. И. *Сиракский союз племен и Боспор* // *Археологические материалы к конференции «Скифия и Боспор».* Новочеркасск, 1989. С. 123-125; Еременко В. Е., Берлизов Н. Е. *Латенские импорты в сарматских памятниках: проблемы интерпретации* // *Кубанская археологическая конференция.* ТД. Краснодар, 1989. С. 77-78; Полин С. В. *Гатал — царь сарматский* // *Областная конференция «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья.* ТД. Запорожье, 1989. С. 122-123; Пуздровский А. В. *Сарматы в Крыму...* С. 397-398; Он же. *Этническая...* С. 220, сн. 34.

16. Граков Б. Н. *Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии* // ВДИ. 1939. № 3. № 93-95, 97, 98; Полин С. В., Симоненко А. В. *Скифия и сарматы* // *Донские древности.* Азов, 1997. Вып. 5. С. 93-94; Марченко И. И. *Сираки...* С. 128-129; Раев Б. А., Яценко С. А. *О времени первого...* С. 117; Яценко С. А. *Основные волны...* С. 98; Шукин М. Б. *На рубеже...* С. 178; Берлизов Н. Е., Еременко В. Е. *Латенские импорты...* С. 26, 28; Берлизов Н. Е., Каминская И. В., Каминский В. Н. *Сарматские памятники...* 1995. С. 130.

17. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. ... С. 8; Абаев В. И. *Историко-этимологический...* Т. I. С. 169-170; Гаглойти Ю. С. *Аланы и вопросы...* С. 92; Виноградов В. Б. *Локализация Ахардея и сиракский союз племен (по письменным источникам)* // СА. 1966. № 4. С. 49.

18. Шукин М. Б. *Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в.н.э. в Центральной и Восточной Европе* // СА. 1989. № 1. С. 75; Шевченко Н. Ф. *Сарматы в Восточном Приазовье (I в. до н. э.-II в. н. э.)* // *Материалы II археологического семинара «Кочевники евра-*

зийских степей и античный мир. (Проблемы контактов)». Новочеркасск, 1989. С. 143; Граков Б. Н. Рец. на кн.: Виноградов... С. 240; Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 41.

19. Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции. Сухум, 2004. С. 154-167.

20. Altheim F. Supplementum Aramaicum. Baden-Baden, 1957. S. 87; Кузнецов В. А. Иранизация... С. 158-159; Гутнов Ф. Х. Впускные катакомбы Моздока // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». ТД. Ростов-на-Дону, 1998. С. 98; Он же. Ранние аланы Юго-Восточной Европы // ИВУЗСКР. 1999. Вып. 3. С. 83-84.

21. Maenchen-Helfen O. The Yueh-chih Problem Re-examined // JAOS. 1945. Vol. 65. № 2. P. 71-81; Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ. 1947. № 2. С. 136-137; Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. № VI-VII. С. 143; Ставиский В. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 108; Он же. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер // Материалы III-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 17; Мандельштам А. Н. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 140-141; Ростовцев М. И. Сарматы... С. 92; Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 4. С. 142; Он же. Процесс сарматизации Боспора. Дисс. ... С. 158.

22. Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.-IV в. н. э.). Черкесск, 1976. С. 132-133; Керемов Б. М. Памятники... С. 127; Десятчиков Ю. М. Сатархи... С. 137; Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 56-57.

23. Десятчиков Ю. М. Сатархи... С. 140.

24. Maenchen-Helfen O. The Yueh-chih...; Бернштам А. Н. Новые работы... С. 134-138; Он же. Очерки по истории гуннов. М.-Л., 1951. С. 148; Керемов Б. М. Памятники... С. 88-138; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 31-32; Козырева Т. З. Отражение этнических и племенных названий в осетинской антропонимии // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 252; Гаглойти Ю. С. К истории северокавказских... С. 175; Абаев В. И. Историко-этимологический... Т. III. С. 242; Десятчиков Ю. М. Сатархи... С. 138, 143; Он же. Процесс сарматизации Боспора: Дисс. ... С. 158; Пуздровский А. В. Этническая история... С. 220, сн. 39; Harmatta J. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950. P. 27; Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. № 2. С. 44; Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. 2005. Вып. 218. С. 76-77.

25. Виноградов В. Б. Локализация Ахардея... С. 44; Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977. С. 124, 137-138; Аутлев П. У. О сираках, роксаланах и аланах нартского эпоса // XVII Крупновские чтения. ТД. Майкоп, 1992. С. 55.

26. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л. 1949. Т. I. С. 285, 310-311.

27. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106. С. 69, 71.

28. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. II. С. 108.

29. Виноградов В. Б. Источники изучения взаимоотношений вайнахских племен с сармато-аланами (преимущественно в III в. до н. э.-V в. н. э.) // Материалы, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965. С.96; Он же. Сиракский союз... С.49; Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С.21; Он же. Осетино-вейнахские лексические параллели // ИЧИННИИ. 1959. Т. I. Вып.2; Абрамова М. П. Центральное... С.201; Ковалевская В. Б. Археологическая культура... С. 110; Она же. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.-I тыс. н. э. М., 2005. С. 65; Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996. С.54-55;

Дзиццойты Ю. А. Этногенез южных осетин по данным диалектологии // ИЮОНИИ. 1998. Вып. XXV. С. 181-195; Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 178; Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали, 1985. С. 27; Исаев М. И. Осетинский язык // Основы иранского языкознания. М., 1987. Ч. II. С. 541-542; Gershevitch I. Linguistic Geography and Historical Linguistics // La Posizione Attuale Della Linguistica Storica Nell'Ambito Delle Discipline Linguistiche. Roma, 1992. P. 165-173; Берлизов Н. Е. Аланы-скифы // ИАА. 1996. № 2. С. 115; Дзиццойты Ю. А. К этимологии топонима К'wydar «Южная Осетия» // NARTAMONGÆ. 2007. Vol. V. № 1, 2; Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996. С. 54-55; Прокопенко Ю. А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э.. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 2006. С. 37, 47; Албегова З.Х. Расселение алан на территории Северной Осетии в I-XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. М., 2007. Вып.4. CD-издание; Витчак К.Т. Скифский язык: опыт описания // ВЯ. 1992. № 5. С.58; Kullanda S. The Scythian Language Revisited // EURASIA SCYTHICA. 2006. Vol. I. № 1. P.74-78 и др.

Аланы по данным археологии. Изучение истории алан продолжается уже около 150 лет. За такой длительный срок было накоплено значительное количество различных по характеру материалов, сложилась огромная историографическая традиция, в которой особое место занимают вопросы изучения самого происхождения алан и условий их выхода на историческую арену. Известные к настоящему времени различные точки зрения о происхождении алан вряд ли могут быть сведены в строго пронумерованную таблицу. Дело в том, что мы имеем дело с идеями и гипотезами, которые высказывались в различное время и соответственно базировались на известных на тот момент представлениях и материалах. Кроме того, нередко используемые в построениях исследователей этнические наименования, извлеченные из письменных источников, наполнялись самими исследователями различным этническим восприятием. Наблюдается и совпадение отдельных положений научных гипотез, которые носят комплексный характер.

Еще на заре становления аланистики на основании некоторых свидетельств письменных источников была выдвинута и гипотеза о появлении алан в Восточной Европе в результате миграции кочевников из Центральной Азии. В наши дни данная гипотеза получила свое археологическое обоснование. Наиболее ранними памятниками пришельцев часть исследователей предлагает считать погребения «зубовско-воздвиженской группы», появляющиеся со второй половины I в. до н. э. В настоящее время памятники данной группы фиксируются от Новороссийска, Прикубанья, Восточного Закубанья и вплоть до территории Нижнего Терека,¹ а также единично в Подонье и на Нижней Волге. Подтверждением присутствия в последних вв. до н. э.-рубежа н. э. в

Предкавказье центральноазиатских этнических элементов считают богатейшее погребение № 24 кургана № 1 у с. Комарово Моздокского района Северной Осетии².

Памятники «зубовско-воздвиженской группы» представляли собой погребения в прямоугольных или подквадратных ямах, у части которых прослежены деревянные конструкции (столбы, перекрытия). Они являлись основными погребениями в курганах или единственными впускными в курганы более ранних эпох, для которых нередко применялась дополнительная досыпка насыпей. В насыпях курганов отмечается наличие ритуально-поминальных мест. В то же время объединяющееся с данной группой комаровское погребение представляло собой катакомбу, у которой входная яма и камера находились на одной оси (тип II, по К. Ф. Смирнову).

Погребения отличает заметное богатство сопровождающего их инвентаря, а мужские погребения — явная профессиональная воинская направленность. Именно в погребениях данной группы широко представлены инновации, которые в основном генетически связывают с культурой центральноазиатских кочевников³. Материалы погребений свидетельствуют об участии их хозяев в закавказской войне 65 г. до н. э. с Помпеем, который столкнулся с кочевниками. Некоторые источники их более определенно называют аланами (Luc. Bell. Civ. VIII, 215-255; Val. Flac. Argon. VI, 40-45; Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 5, 16). Данные сведения, как полагают, могут восходить к информации Посидония, который умер около 50 г. до н. э.

Многие исследователи считают, что первыми известными носителями названия «алан» были роксоланы («светлые (блестящие) аланы»). Не исключают, что они также могли представлять собой центральноазиатских пришельцев, появившихся в Европе к 125 г. до н. э. В свете такого раннего упоминания алан,⁴ видимо, следует обратить внимание и на сообщение Орозия о том, что об аланах писал автор I в. до н. э. Помпей Трог (Oros. Adv. romanos. VII, 34, 5). Отнесение не сохранившихся сведений об аланах Помпея Трога ко временам Александра Македонского, конечно, анахронизм. Но такое положение не снимает вопроса о самом знании об аланах Помпеем Трогом. Аналогичный анахронизм представлен у Псевдо-Каллисфена (Ps.-Call. Vita Alex. 39, 7, Jul. Val. Epit. 2).

Археологические памятники свидетельствуют об участии и других северокавказских группировок кочевников в противостоянии с Римом на стороне Боспорского царства. Возможно, среди них были и кочевавшие у устья Кубани аспургиане, игравшие заметную роль в Боспорском царстве и тесно связанные с позднебоспорской династией Аспурга. Некоторые исследователи их также считают центральноазиатскими пришельцами⁵. По сведениям Страбона, аспургиане расселились на земле синдов (Strabo. X, II, 11), что сравнивали со сведениями одного из литературных произведений Лукиана Само-

сатского о том, как аланы обязались перед Боспором подчинить синдианов (Luc. Tox. 51-55). Таким образом, на месте аспургиан оказываются аланы⁶. В Нартовском эпосе осетин чинты, за которыми скрываются воспоминания об исторических синдах, представлены как самый близкий нартам народ.

По сообщению Тацита, Аршакид Вонон в 16 г. н. э. пытался бежать к своему родственнику «скифскому царю» (Tac. Ann. II, 68) в район Северо-Западного Кавказа. Как отмечали исследователи, сведения о «скифском царе», находившемся возле гениохов, стоят в какой-то связи с известным пассажем из литературного произведения Валерия Флакка (Val. Flac. Argon. VI, 42) об аланах Анавсия⁷.

К сожалению, греческие и латинские копии произведения Иосифа Флавия, в которых кратко упоминается о военно-политических событиях в Закавказье 35 г. н. э., двояко идентифицируют принимавших в них участие кочевников — скифы или аланы (Jos. Ant. Jud. XVIII, 96-98). В то же время Тацит, сохранивший для нас значительно более подробный рассказ о тех событиях, называл их участников сарматами (Tac. Ann. VI, 33-35), а Дион Кассий — скифами (Dio Cass. LVIII, 26). Отражением именно сарматского вторжения считают и некоторые сведения, сохранившиеся в произведениях Сенеки и Валерия Флакка (Sen. Thyes. 374-375; Val. Flac. Argon. VI, 120-128, 232-238, 751). Как справедливо заметили исследователи, путем критики текстов копий произведения Иосифа Флавия проблему этнической идентификации упоминавшихся в них кочевников решить нельзя, т. к. трудно установить, какое слово стояло первоначально в тексте⁸.

Не исключено, что «Фиест» Сенеки, в котором упоминаются аланы (Sen. Thy. 629-630), мог быть написан во время ссылки автора на Корсику в 41-48 г. н. э.⁹ На основании сведений Плиния о царстве Ванния, которое разрушили в 50 г. н. э., предложено отнести появление алан (Plin. NH. IV, 80) к западу от Дона ко времени не позже 49 г. н. э.¹⁰ В то же время источником информации Плиния полагали тот же источник, что был использован и Валерием Флакком¹¹.

Наконец, сведения об аланах, располагавшихся на Нижнем Дону, надежно фиксируются в связи с их закавказским походом 72 г. н. э. (Jos. Bell. Jud. VII, 244-251; Cassiod. Jos. Bell. Jud. VII, 42; Heges. 50; Suet. Dom. 2, 2). Здесь была исследована группа «княжеских» курганов (Хохлач, Садовый, Высочино, Кобяково и др.). Их хозяева и были надежно идентифицированы с аланами. Впоследствии с данной группой связали и некоторые памятники Приднепровья, Нижнего Поволжья и Прикубанья.

Среди исследованных памятников выделяли и те, которые принадлежали представителям группы, занимавшим вторую после «княжеской» ступень в социальной иерархии. В настоящее время отмечают и значительное количество памятников рядового населения, для которых также характерно тяготение к предметам центральноазиатского и южносибирского происхожде-

ния. Такие вещи, по мнению ученых, носят в большей части этноопределяющий характер (вооружение, конская узда, поясные пряжки, изобразительные памятники и др.). В целом четкая фиксация письменными источниками алан с середины I в. н. э. совпадает с новым перемещением в Восточную Европу целого культурного пласта инноваций азиатского происхождения¹².

Судя по скоплению «княжеских» курганов, центр складывавшегося аланского объединения находился на Нижнем Дону. Погребения здесь были совершены в «широких» квадратных и прямоугольных ямах, со специально оформленными мощными, стратиграфически сложными выкидами вокруг могил. С ними, как правило, связаны самые богатые и престижные приношения. Фиксируется наличие ниш-тайников, также с богатыми материалами, как в самих могилах, так и за их пределами. Отмечается обряд положения покойников вдоль стенок. Таким образом, донские памятники демонстрируют иные конструкции погребальных сооружений и иную специфику погребальных обрядов, по сравнению с памятниками «зубовско-воздвиженской группы».

В то же время отмечаются и различия с синхронными им памятниками Прикубанья, где речь прежде всего идет о богатых курганах «Золотого кладбища» с погребениями в катакомбах I и II типов (по К. Ф. Смирнову), вторые из которых преобладают. Особую близость к ним проявляют основные подкурганые катакомбы возле сс. Учккен, Терезе и Усть-Джегута (Карачаево-Черкесия). С другой стороны, катакомбы «Золотого кладбища» сходны с катакомбами Дайламана (Иран) и с катакомбами II-I вв. до н. э. Центрального Предкавказья¹³. Отмечается и некоторая синхронизация и сближение конструктивных особенностей памятников типа «Золотого кладбища» и «зубовско-воздвиженской группы», наличие погребений, сочетающих в обряде и инвентаре комплекса их характерные черты¹⁴.

Таким образом, есть определенные основания предполагать, что появление алан могло быть обусловлено, как минимум, двумя выплесками на запад азиатских этнических элементов. Указывая в целом на их общий источник, следует, видимо, признать, что здесь не было его полного совпадения для разных волн. Как считают некоторые исследователи, с рубежа или с самого начала н. э. генератором экспансии кочевников на запад становится Средняя Азия, тогда как прежняя волна была связана с движениями на востоке Центральной Азии. Нижнедонскую группировку алан связывали и с мигрантами из Южного Казахстана. Другие исследователи отмечают, что под «аланами» письменных источников следует подразумевать различные группировки мигрантов из Туркестана¹⁵.

Действительно, наблюдения за конструкциями погребений, деталями погребального обряда и материалами тех памятников, которые связываются с данными выплесками, убеждают, что их хозяева имели собственную преды-

сторию на востоке. Различие наблюдается и для отдельных групп синхронных памятников. В последнее время высказаны и предположения, возрождающие некоторые давние высказывания исследователей, что первые волны алан в Восточной Европе появились в результате движения кочевников из закаспийских территорий по южному маршруту, через Закавказье. Однако обоснованность таких предположений вызывает сомнение.

История выхода алан на историческую арену в археологическом плане оказывается связана в Восточной Европе с последовательным распространением памятников раннесарматской (на ее заключительном этапе), среднесарматской и позднесарматской археологических культур. Само наименование данных археологических культур «сарматскими», видимо, несколько неудачно, т. к. использует определенное этническое обозначение как единое для всех означенных культур. Однако аланы, как по данным письменных источников, так и по данным археологии, представляются отличными от собственно сарматов. Данное отличие, в частности, прямо отражено в памятниках указанных археологических культур, и прежде всего теми яркими азиатскими инновациями, которые в них представлены и не имеют корней в памятниках раннесарматской археологической культуры.

Как было отмечено в предыдущей главе, данные изменения были связаны с бурными политическими событиями и охватившими степные просторы Евразии активными перемещениями кочевников во II-I вв. до н. э. Открывалась новая эпоха ухода со своей родины на востоке Центральной Азии тохаров (юэчжи) после нанесенного им поражения от хуннов. Передвижение на запад многокомпонентного родо-племенного союза тохаров вызвало цепную реакцию миграций и других кочевников. В их ходе создавались новые объединения, включавшие в свой состав этнически родственные группировки, что придавало им также многокомпонентный характер. Кроме подобных интеграционных процессов происходили и процессы дезинтеграции, когда отдельные группы, о конкретном составе которых нам сложно судить, откалывались от объединений и имели уже свою самостоятельную судьбу. Различные группировки кочевников активно действовали в Средней Азии, перемещаясь как на юг, так и на север, в Зауралье и в Южное Приуралье. Часть из них уходила и далее на запад в Восточную Европу.

Несомненно, проявление ярких восточных инноваций в памятниках Восточной Европы должно маркировать непосредственное появление здесь азиатских кочевников. Именно под заметным влиянием этих кочевников несарматского происхождения, принесших с собой новые традиции, происходило дальнейшее развитие раннесарматской культуры на ее заключительном этапе во II-I вв. до н. э. Но следует учитывать, что раннесарматская культура сохраняет ряд присущих ей характерных черт на всем протяжении своего существования. Закономерно поставлен и вопрос об определении выделя-

емых периодов как отдельных археологических культур, объединенных в единую сарматскую этноисторическую общность, представленную в рамках родства восточноиранских народов при различной этнической близости ее компонентов, и отмеченных включением новых этнических компонентов, несущих свою окраску археологического комплекса в материальной культуре и погребальном обряде¹⁶.

Следует принять и заключение, что последующее формирование среднесарматской культуры также было связано с событиями II в. до н. э. в Средней Азии¹⁷. В Южном Приуралье в складывающемся среднесарматском археологическом комплексе ощущается определенная преемственность с раннесарматскими традициями. Однако количество среднесарматских памятников в Южном Приуралье достаточно ограничено и значительно уступает их количеству на более западных территориях. Южное Приуралье продолжает оставаться периферией сарматского мира в силу уже отмечавшихся миграционных процессов и неблагоприятной климатической обстановки. Именно на рубеж н. э. приходится пик аридизации в регионе. Поэтому данный регион не может рассматриваться как центр формирования среднесарматской культуры.

Время появления памятников среднесарматской культуры ученые по-разному определяют для отдельных регионов. Нижняя хронологическая граница распространения памятников среднесарматской культуры сегодня опускается до первой половины I в. н. э. или до начала, рубежа н. э. Некоторые материалы позволяют отнести ее и к последней трети I в. до н. э. Было предложено и выделение в рамках I в. до н. э. особого переходного этапа от раннесарматской к среднесарматской культуре. Хронологические расхождения фиксации памятников среднесарматской культуры на различных территориях вполне объективны. Но именно ко второй половине I в. н. э. происходит нивелировка среднесарматской культуры на всей обширной территории ее распространения. К этому периоду признаки раннесарматской культуры явно угасают, хотя отдельные материалы свидетельствуют о продолжении существования ее носителей на некоторых территориях и во второй половине I в. н. э. Именно с данным процессом совпадает появление сведений об аланах в письменных источниках. Вероятно, именно политико-культурное господство алан привело к широкому распространению среднесарматской культуры, в которой отмечаются существенные отличия в погребальном обряде по сравнению с раннесарматской.

Процесс формирования среднесарматской культуры не был одноактным, но в конечном итоге привел к формированию достаточно стабильного археологического комплекса. В процессе продвижения его носителей на запад не только явно ощущается вытеснение прежнего раннесарматского населения, но и сохранение его групп на прежних местах проживания.

В результате на отдельных территориях наблюдается как сосуществование, так и взаимодействие носителей ранне- и среднесарматской культур. Известна серия захоронений, сочетающих признаки обеих культур. Отмечаются примеры сближения элит носителей ранне- и среднесарматской культур.

Такое положение указывает на определенную преемственность между указанными культурами, которая подтверждается и данными антропологии. Интересно, что на последней стадии развития раннесарматской культуры вместо семейно-родовых курганов-кладбищ появляются парные синхронные погребения под общей курганной насыпью или со вторым впускным несколько позже погребением. Аналогичные захоронения известны и в среднесарматской культуре. Видимо, освоение носителями среднесарматской культуры территорий Южного Приуралья и Заволжья происходило достаточно мирно, тогда как к западу от Волги известны и боевые столкновения.

Миграции отдельных групп средне- и центральноазиатских кочевников на запад, вплоть до Дона, вполне уловимы, по данным археологии и антропологии, в течение II-I вв. до н. э. Но, видимо, к рубежу н. э. на данном направлении их отдельные, спорадические миграции перерастают в более масштабные и целенаправленные, что и ведет к появлению памятников среднесарматской культуры к западу от Волги. Показательно, что именно здесь концентрируются материалы, связанные своим происхождением с азиатскими культурными традициями, и одновременно отсутствующие в Приуралье.

Вполне обоснованно связываемые с аланами памятники I в. н. э. на Нижнем Дону и в Прикубанье отличает, как отмечалось, проявление центральноазиатских традиций, которые, соответственно, не имеют корней в памятниках раннесарматской культуры. К их числу относятся и женские погребения, свидетельствующие о весьма высоком положении части представительниц женского пола в среднесарматском обществе, что почти не наблюдается у ранних сарматов, но находит параллели в традициях кочевников «савроматского» периода и опять-таки в центральноазиатском регионе. В археологическом комплексе среднесарматской культуры возрождаются и другие архаические черты, которые были известны у ранних кочевников, но не были представлены уже в раннесарматском комплексе (небольшие котлы со сливом и зооморфными ручками, наборы из большого и малого котлов, короткие мечи с волютообразным навершием, лепные сосуды, особая зооморфная стилистика, положение даров у края могилы, сооружение дромосов).

В создававшиеся аланские родо-племенные объединения включались не только остатки местного раннесарматского населения, но и мигрировавшие на запад носители обряда диагональных погребений. В Южном Приуралье диагональные погребения существовали с конца VI в. до н. э. и вплоть до I-II вв. н. э. Отдельные диагональные погребения раннего периода известны на Алтае, на Верхней Оби и в междуречье Обь-Иртыш, свидетельствуя об

ограниченном проникновении на данные территории приуральских кочевников.

В первые века н. э. происходили миграции носителей диагонального обряда погребения, прежде всего в Заволжье, где фиксируется их наибольшая концентрация. Второй подобный район находился на севере, в бассейне р. Иловля. Диагональные погребения, не исключено, начинают появляться к западу от Волги еще в I в. до н. э. Они распространяются в Северном Причерноморье. Фиксируется обход их носителями с севера раннесарматского населения и достижение ими позднее Дуная.

На Северном Кавказе диагональные погребения появляются в Калмыкии, на Ставрополье, в Восточном Приазовье, в районе рр. Сал и Маныч, в низовьях р. Кирпили, на Дону, на подходах к Санчарскому перевалу. Полагалось, что в районе Маныча лежала южная граница распространения подобных погребений, а далее располагалась своеобразная нейтральная зона до территорий, где преобладали катакомбы. Однако открытие диагональных погребений в Чечне и Дагестане свидетельствует о продвижении носителей диагональных погребений гораздо южнее.

Следует полагать, что различные аланские объединения, сформировавшиеся в Восточной Европе, в том числе и на Северном Кавказе, представляли собой многокомпонентные родо-племенные объединения, в которые под властью и эгидой алан включались и представители прежних сарматских объединений. Данные процессы, как и близкие им процессы, происходившие на Северном Кавказе в период распространения там скифских, савроматских и сарматских объединений, могут объяснить неоднократно отмечавшиеся исследователями параллели между материалами осетинского фольклора и этнографии и данными по истории и культуре древних ираноязычных кочевников. Неоднократные активные участия азиатских кочевников в миграциях в Восточную Европу делают вполне объяснимыми и наблюдения лингвистов о проявлении в осетинском языке следов контактов с сакским, хорезмийским, согдийским и афганским языками. В азиатский регион ведут фольклорные связи осетинского эпоса и алано-асская топонимика.

Примерно с середины II в. н. э. фиксируется новая волна восточных мигрантов, носителей позднесарматской археологической культуры, которая также отождествляется с аланами. Их отдельные группировки будут вновь локализоваться на различных территориях (на Дунае, на Нижнем Дону, в Центральном Предкавказье и, возможно, на Северо-Восточном Кавказе и на Нижней Волге). В сложении позднесарматской археологической культуры также явственно ощутим среднеазиатский импульс¹⁸. Позднесарматский археологический комплекс окончательно складывается, видимо, к третьей четверти II в. н. э. и существует вплоть до конца IV в. н. э. В Южном Приуралье, где в этот период только начинается улучшение природно-климатических усло-

вий, кочевое население остается достаточно немногочисленным. Поэтому смена среднесарматского археологического комплекса позднесарматским происходит практически одновременно. На западном направлении вновь отмечается не столь резкая смена археологических культур, видимо, обусловленная заметно более многочисленным кочевым населением к западу от Волги.

В позднесарматской культуре, как и в среднесарматской, господствуют индивидуальные центральные погребения под курганными насыпями, но отмечается заметное изменение в соотношении типов погребальных сооружений. Исчезают квадратные ямы и резко сокращается количество широких и среднешироких. Заметно возрастает количество подбойных погребений, которых почти не было в среднесарматской культуре. Практически исчезает традиция использования гробовищ и колод. Происходит резкая смена господствующей ориентировки погребенных из южного сектора на северный, что отмечалось для памятников Нижнего Заволжья, Иловли и Северного Причерноморья на заключительном этапе раннесарматской культуры под воздействием проникновения азиатских номадов. Распространяется обряд искусственной деформации черепа, связываемый с центральноазиатским импульсом.

С тем же источником связывают, например, распространение длинных мечей без металлического навершия и перекрестия, которые фиксировались и в памятниках среднесарматской культуры, с длинным штырем для деревянной рукояти нередко с халцедоновым навершием, с перекрестиями и скобами из нефрита, сложных луков «гуннского типа» с костяными накладками. Отмечается традиция сооружения специальных жертвенных ям возле погребений, которые окружались валами, хотя другие исследователи не исключают их сооружения как средства отвлечения грабителей.

Появляются железные пружинные ножницы (известны и в памятниках среднесарматской культуры), лепные кубические курильницы, зеркала-подвески с боковым ушком и орнаментированной обратной стороной, некоторые новые типы керамики (ощущается тяготение к северокавказским производственным центрам), оригинальные уздечные наборы с секировидными, пропеллеровидными и ромбовидными бляшками, пряжки с обоймами, 14-гранные стеклянные и сердоликовые бусы, ножи со сплошными округлыми костяными ручками, сильно профилированные и одночленные лучковые фибулы и т. д. Напутственная пища, ранее представленная передней ногой барана с лопаткой, теперь обычно заменяется на заднюю ногу с тазом. Интерес представляет изучение костюма позднесарматского населения, своеобразия комплекса которого, как и комплекса костюма среднесарматского населения, по мнению некоторых ученых, определялось результатами миграций номадов с востока.

На западном направлении складывание позднесарматского археологического комплекса происходит, в первую очередь, в Заволжье, откуда впоследствии и будет вестись экспансия его носителей. Здесь в первой половине II в. н. э. увеличивается количество подбойных погребений, в массовом порядке распространяется северная ориентировка погребенных и обряд искусственной деформации черепа. Но в регионе сохраняются и традиции остающегося на своих местах прежнего кочевого населения. В междуречье Волга-Дон тогда лишь эпизодически фиксируются северная ориентировка погребенных и обряд искусственной деформации черепа.

Около середины II в. н. э. позднесарматская культура распространяется по всему Нижнему Поволжью, но отмечается продолжение сосуществования средне- и позднесарматского населения. Некоторые погребальные традиции, например, такие как укладка перевернутого котла в специальную ямку, отмечаемые в раннесарматское (поздний этап) и среднесарматское время, продолжают существовать и в позднесарматский период. Ощущается и складывание синкретических по своей культуре групп. В диагональных погребениях квадратные ямы сменяются на широкие прямоугольные, диагональное положение — на положение по длинной оси ямы, появляются деформированные черепа и северная ориентировка. Отмечается погребение-кенотаф, в котором инвентарь был выставлен по диагонали ямы. Однако в конечном итоге диагональные погребения полностью исчезают, увеличивается количество подбоев и узких ям.

Тогда же происходит распространение позднесарматской культуры в междуречье Дон-Волга. Эта мощная волна носителей позднесарматской культуры докатилась до Нижнего Дона, чем определяется разрушение Танаиса и его оборонительной системы, появление в городе нового ономастикона. Но следует учитывать, что первые иранские имена появляются в Танаисе не в 155 г. н. э., а в 104 г. н. э. (КБН. № 1259). Судьба Танаиса была, видимо, определена результатом конфликта с новыми хозяевами степей. Именно эта волна и стала определяющим фактором в окончательном формировании позднесарматской культуры. На Нижнем Дону исчезают среднесарматские «княжеские» погребения, однако некоторое время сохраняются, например, подквадратные ямы с диагональным расположением погребенных, но уже иногда с деформированными черепами и новым инвентарем.

Несомненное отличие алан последней волны от предшествующей подтверждается и другими наблюдениями. Исследователи отмечали, что сложные обряды погребений, богатые одежды, аксессуары и другой социально престижный и драгоценный инвентарь, в том числе выполненный в полихромном зверином стиле, «княжеских» нижнедонских курганов маркируют постоянную и строгую социально-культурную и религиозно-идеологическую, сакральную дифференциацию военной и жреческой элиты от всего

остального общества. Новая знать не практикует такой ярко выраженной обособленности. В погребальной практике ее социальная специфика находит выражение в высокой степени унификации военной экипировки, что предполагает развитую форму военной иерархии, видимо, по дружинному принципу. По данным антропологии, эти аланы диагностируются как чрезвычайно агрессивная группа, профессиональная направленность которой определяется как воинская. Преобладающими характеристиками для них являлись антропологическая однородность, обычай искусственной деформации черепа, несущий сословно-знаковую функцию. Резкое преобладание мужского населения свидетельствует о подвижном, неоседлом образе жизни. Новое общество было устроено по типу мужских военных союзов¹⁹.

Аланы Северного Кавказа по данным археологии. Археологические материалы свидетельствуют о том, что носители среднесарматской археологической культуры проникают вплоть до предгорий, включая западную часть Восточного Предкавказья²⁰. Но особый интерес сегодня привлекает следующий этап в истории региона. Здесь располагается центральнопредкавказская группа алан, с которой связаны многочисленные подкурганые центральные и грунтовые погребения в Т-образных катакомбах и целая сеть городищ со сложной фортификацией и развитой хозяйственной структурой. Причем данная группа заметно отличается от иных синхронных ей групп²¹. Попытки объявить алан нахоязычными или тюркоязычными народами не встретили поддержки в среде исследователей²². К сожалению, нет письменной информации о формировании и развитии общества местных алан. Поэтому основным источником для нас служат археологические материалы.

В этот период на равнинных и предгорных территориях Центрального Предкавказья зафиксировано значительное количество так называемых «земляных городищ». Близкие по своей конструкции городища открыты в долинах рр. Терек, Сунжа, Кума. Они были заложены и функционировали практически одновременно во II-IV вв. Некоторые из них, возможно, продолжали существовать и позднее. Непосредственно на территории современной **Северной Осетии** такие городища открыты у сс. Брут, Киевское, Братское, Заманкул, Змейская, Раздог, Эльхотово. На сопредельных территориях к ним относятся городища Кызбурун, Алхан-Кала, Терекское, Хамидиевское, Нижний Джулат, Урван, Аргудан, Старо-Лескен, Экажево, Насир-Корт и др. В последнее время появляется информация о наличии аланских городищ, могильников в районе гг. Новопавловск, Железноводск и Георгиевск (Ставрополье).

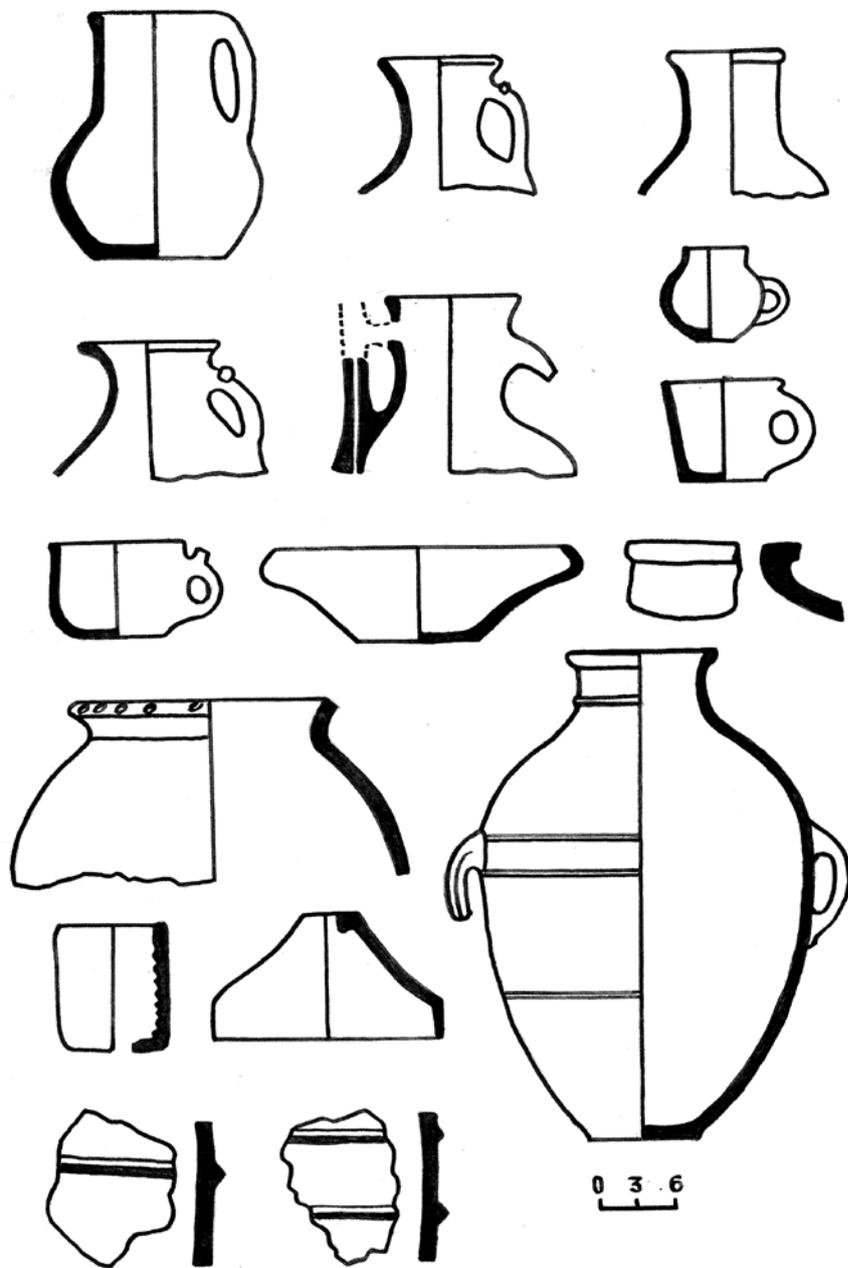
На территории Северной Осетии особенно выделяются как сложностью планировки, так и обширностью сопутствующих подкурганых катакомбных могильников расположенные недалеко друг от друга Зилгинское и Брутское

городища, которые, очевидно, являлись центральными в системе аланских поселений региона. Есть сведения о наличии курганных некрополей и возле других городищ. Более точно о жизни этих городищ мы можем судить по материалам Зилгинского городища,²³ т. к. это единственное городище, которое было подвергнуто масштабным раскопкам. Зилгинское городище занимает площадь в 1,5 км². В древности оно располагалось на естественном мысе, образованном на слиянии рек (современные рр. Терек и Камбилеевка). С севера городище непосредственно омывалось рекой, которая служила и его естественной защитой на этом направлении. Само городище, как и подобные ему, было построено на семи холмах, разделенных рвами. Изначально непосредственно на глинисто-земляной возвышенности речного мыса была возведена искусственная цитадель будущего городища, занимающая площадь 80×80 м. Ее основанием служила платформа из плотных глинобитных блоков размерами 100×100×200 см, уложенных непосредственно на землю. Платформа возводилась за счет сооружения деревянных опалубков, внутрь которых и забивалась глина. Затем платформа была покрыта новой из глины желтого цвета, высотой 100-140 см. Ее следы отмечены по всей изученной территории городища.

Вокруг в материковой глине был вырыт ров глубиной до 6 м и шириной 15 м. Одновременно с его рытьем производилось эскарпирование и укрепление стенок рва. Выбираемый при этом грунт шел на возведение цитадели, возможно, бастионов и на подсыпку холмов. С внешней стороны устраивались открытые площадки — контрэскарпы. Жилые холмы представляли собой самостоятельные укрепления, связанные в единую оборонительную систему. Возвышающаяся цитадель была окружена тремя глубокими рвами и разделенными ими тремя полукруглыми в плане холмами, где располагались жители городища. Населенные холмы, не исключено, также искусственного происхождения, по внешнему периметру были окружены валом. Отдельно они могли быть обнесены стенами, примерно в человеческий рост, с бойницами.

Отделявший цитадель от жилых холмов ров со стороны реки дополнительно защищался двумя фланкирующими низкими земляными укреплениями. Бастион при входе в ров городища достигал в длину 70 м. На подступах ко рву со стороны реки, ведущему к расположенным к западу от цитадели холмам, обнаружена полого поднимающаяся площадка-гласис. Земляные укрепления (бастионы), как отмечали исследователи, ничем не отличаются от превратных башен средневековых каменных крепостей (например, в Дербенте), что свидетельствует о глубоком понимании принципов фортификации и отработанности инженерно-строительных приемов.

По внешнему периметру цитадели дополнительно была возведена стена из глинобитных блоков, размером 50×100 см, со слоями речного булыжника, которая с обеих сторон была укреплена панцирем из того же речного

*Керамика Зилгинского городища
(по И. А. Аржанцевой, Д. В. Деопик, В. А. Кузнецову)*

булыжника. Возможно, и оборонительный вал вокруг жилых холмов имел ту же конструкцию. Исследователи отмечают, что некоторые приемы строительной техники, примененной при возведении цитадели, имеют среднеазиатское происхождение. С южного склона цитадели, со стороны жилого комплекса, располагался вход, через который на юго-запад вела дорога непосредственно к Бесланскому могильнику. Территория входа, прилегающая и противоположная ей части внутри цитадели были покрыты глиной. На этой глинистой платформе располагалось несколько слоев мостовой из речного камня. Жилая часть городища постепенно увеличивалась, причем и за счет использования прилегающих курганных могильников.

На один из холмов вело несколько проходов, два из которых были фланкированы земляным укреплением с каменным панцирем. На холме, культурный слой которого составлял около 3 м, зафиксированы остатки жилых строений, мастерских, очаги, печи, а также захоронения в кувшинах. Жилые постройки возводились из сырцово-глины с добавлением золы, мелкого угля и турлучной крошки. Возможно, возводились и турлучные жилища, сооруженные из плетеного деревянного каркаса, обмазанного глиной и оштукатуренного. Полы помещений обмазывались глиной. Отмечены многочисленные хозяйственные и мусорные ямы различных размеров, устья которых иногда обкладывались сырцовыми блоками. Стенки хозяйственных ям обмазывались желтой глиной.

На городище открыты ремесленные мастерские. Особенно развитым было гончарное производство, чья керамическая продукция отличалась типологическим и функциональным многообразием при технологическом и морфологическом единстве всего комплекса. Заметное место занимало кузнечное ремесло, обеспечивавшее изготовление железных и бронзовых изделий (фибулы, пряжки, булавки с грибообразной головкой, косметические щипчики, антропоморфный амулет, черешковые ножи, наконечники стрел, копий, панцирные пластины, пряжки, серпы, бляшки, железные крицы, заготовки и т. д.). Его продукция представлена как на самом городище, так и, вероятно, в погребениях Бесланского могильника. Материалы последнего, возможно, указывают и на наличие ювелирных мастерских. На развитие прядения и ткачества могут указывать находки пряслиц и заготовок для них. Косторезное ремесло представлено иглами, проколками, ложилами, альчиками, «подпятниками» и т. п. Часто использовался рог оленя. Из различных пород камня изготавливались жернова, зернотерки, ступы, песты, оселки.

Находки орудий труда, остатков проса, соломы указывают на ведение местным населением земледельческого хозяйства. Osteологические останки свидетельствуют о разведении лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз и в наибольшем количестве свиней. Отмечены останки собаки и верблюда. Местные жители охотились на благородного оленя, косулю, кабана, мед-

ведя, волка, лисицу, зайца, фазана, серого журавля, большого подорлика, орла-могильника. Находки глиняных грузил, останков осетровых рыб и лосося указывают на ведение рыболовного промысла.

Другие находки свидетельствуют о достаточно интенсивной торговле, которая велась, в том числе и с достаточно отдаленными территориями. Предметы его керамического производства найдены на обширных территориях расселения носителей позднесарматской археологической культуры. Керамика «зилгинского типа» обнаружена от Нижнего Дона и вплоть до Ара-ла. На самом городище присутствует керамика и стеклянные сосуды из Ибе-рии и Албании, с Нижнего Дона, из Северного Причерноморья, «жаровни» среднеазиатских форм.

На городище обнаружены младенческие погребения в кувшинах. Фиксировались и отдельные кости младенцев. Они могли сопровождаться керамическими пряслицами и погремушками. Данные находки могут быть сопоставлены с обычаем кавказских народов, в том числе и осетин, запрещавшим хоронить детей до 3-летнего возраста на кладбище.

Исследователи аргументированно полагают, что Зилгинское городище представляло собой экономически высокоразвитый урбанистический центр, расположенный на стыке равнин и предгорий, непосредственно на подходе к главной транскавказской магистрали. Его многочисленное население было задействовано в ремесленном и сельскохозяйственном производстве, торговле. Сложная структура городища с мощной фортификацией, требовавшая для своего создания и поддержания высокой организации, доминирование в ней цитадели, указывает на явную социальную стратификацию местного общества с выстроенной вертикалью власти. Находка в одной из хозяйственных ям останков брошенного в него трупа, без сопровождающего инвентаря и признаков погребального ритуала, свидетельствует о присутствии на городище и категории бесправного населения.

Непосредственно в зоне функционирования городищ располагались многочисленные курганные могильники с центральными погребениями в Т-образных катакомбах (тип I, по К. Ф. Смирнову). Часть из них, безусловно, была непосредственно связана с этими городищами. Здесь же представлены аналогичные катакомбные захоронения, но без возведенных над ними курганов. В настоящее время дискутируются две гипотезы об истоках их формирования. Одни исследователи связывают их с продолжением традиций прежних грунтовых катакомбных погребений ираноязычного населения и приходом среднеазиатских (центральноазиатских) кочевников. Другие считают их результатом взаимодействия прежнего ираноязычного местного населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, и кочевников среднесарматского времени, которые до-

полнили его возведением курганных насыпей и околочурганских ровиков. Полагается впоследствии и некоторое включение позднесарматского компонента²⁴.

Подобные могильники непосредственно представлены как в предгорной (у г. Беслан, с. Брут), так и в степной (у ст. Виноградная, хут. Октябрьский Моздокского района) зонах Северной Осетии²⁵. Камеры катакомб (овальной или прямоугольной формы, своды высокие, стрельчатые, купольные или узкие горизонтальные с наклонными стенками, понижающиеся или повышающиеся от входа в камеру к противоположной стенке) располагались перпендикулярно по отношению ко входной яме (прямоугольной, овальной или трапециевидной формы) и примыкали к одной из ее торцевых сторон. Из входной ямы в камеру мог вести небольшой лаз (дромос), а дно камеры катакомбы находилось заметно ниже уровня дна входной ямы (ступенька). Для спуска во входную яму вдоль одной из продольных стен вырезались ступени (ст. Виноградная, хут. Октябрьский, с. Брут). Они могли вырезаться и вдоль противоположной ко входу в камеру торцевой стенки во всю ее ширину (г. Беслан, с. Брут), в углу, где сходились торцевая и продольная стенки, несколько беспорядочно или в форме «винтовой лестницы» (г. Беслан). Предполагают, что наиболее ранними были угловые ступени. Во всех зафиксированных случаях погребенный лежал вдоль длинной оси камеры, т. е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Часто использовалась угольная посыпка дна камеры.

Под курганной насыпью, на уровне древней дневной поверхности, отмечаются следы поминальных тризн и горения, что известно по памятникам позднесарматской культуры. Сопровождающий покойников инвентарь мог помещаться не только в камере, непосредственно рядом с покойником, но и во входной яме. В камерах и во входных ямах встречаются специальные ниши, в которых также располагался сопровождающий материал. Катакомбы вырывались в слое материковой глины, а после завершения погребения над ними возводились курганные насыпи. Катакомбы являлись единственными и центральными в курганах, т. е. служили для индивидуальных и, вероятно, одновременных парных захоронений. Интересно, что аланские катакомбы сопоставляют с осетинскими погребениями «кæнгæ ингæн» («сделанная могила») ²⁶.

Всего возле ст. Виноградная было изучено 5 подкурганских катакомб. Примерно в 30 км к востоку от них у хут. Октябрьский располагается курганная группа, состоящая из 48 курганов. Из них было исследовано 6 курганов. 4 из примерно 50 курганов было раскопано у с. Братское (Чечня). Между этими курганными могильниками располагается еще несколько практически смыкающихся между собой курганных групп. Конструктивные

особенности погребений и погребальный инвентарь позволили исследователям объединить данные курганы в единую группу памятников, оставленную обитавшим здесь кочевым населением.

Далее к востоку от с. Братское у с. Гвардейское также фиксируется несколько курганных групп, тянущихся в восточном направлении. Интересующие нас погребения отмечают в могильнике № 3 у с. Пседах и Экажево I (Ингушетия). Несколько курганов было исследовано к югу от г. Грозный, у с. Алды (Чечня). Еще в конце XIX в. было отмечено, что дорога от Владикавказа к Грозному (располагалась по левому берегу р. Сунжа) проходила сквозь сплошное поле курганов. Всего насчитывалось около 5000 курганов, большая часть которых отмечалась у с. Алхан-Юрт (Чечня). Напротив с. Алхан-Юрт, у с. Алхан-Кала, найден еще один обширный курганный могильник. Обычно могильники у этих поселений рассматриваются как единая группа памятников. На данной территории, в том числе непосредственно рядом с курганными могильниками, известны и грунтовые катакомбные погребения того же периода.

II-III вв. датируются катакомбы могильника Зарагиз II, располагающегося в лесистых предгорьях на р. Черек (Кабардино-Балкария). Многочисленные курганы II-IV вв. могильников Львовский Первый-2 и Львовский Первый-4 исследованы на Нижнем Сулаке (Дагестан). Их отличает большее разнообразие могильных конструкций (подбои, катакомбы, грунтовые ямы). Закладка данных некрополей связывается с переселением кочевников из степей современной Калмыкии. В то же время наличие Т-образных катакомб в Львовских могильниках и в могильнике Паласа-сырта (Дагестан) рассматривается как возможное проявление центральнопредкавказских традиций.

Моздокские погребения имели однотипное устройство, отличаясь тщательностью отделки. Входные ямы, вырытые в плотной материковой глине, были прямоугольной или трапециевидной формы, расширялись к западной торцевой части, к которой примыкала камера. Ямы были или длинные и узкие (длина — 500 см, ширина — 100-140 см), или короткие и широкие (длина — 350 см, ширина — 200 см). Вдоль продольной или торцевой, противоположной ко входу в камеру, стенок вырезались ступени. Дромосы невысокие (40-65 см), но достаточно длинные (60-70 см). Уровень дна камеры на 35-50 см ниже уровня дна входной ямы. Своды камер стрельчатые, или камеры имели наклонные стены с узким горизонтальным потолком. Высота камер достигала 200 см.

В своде камеры кургана № 1 могильника у хут. Октябрьский, на гребне и на стенах, были вбиты параллельными рядами железные костыли. Их отогнутые плоские концы плотно прилегли к стенам. Видимо, изначально камера была обшита каким-то материалом. Во входной яме обнаружены разрозненные кости человеческого скелета, а также кости коня. В погребении обнару-

жены 9 глиняных сосудов, фрагменты стеклянного сосуда, мелкие золотые бляшки, одна из них с напаянным гнездом со вставкой из алмандина и ободком из черни, ремни конской сбруи с прямоугольными бронзовыми бляшками со следами золотой обкладки, фрагменты обтянутых золотой фольгой круглых фаларов. Бляхи имели рельефный орнамент.

В кургане № 6 были обнаружены останки взрослого мужчины и молодой женщины или подростка. Рядом с ними располагались 4 глиняных сосуда, бронзовая пряжка, фрагменты кожи и дерева с бронзовыми обкладками, крупная янтарная бусина. В углу камеры зафиксированы железная пряжка с подвижным язычком, свернутый нагрудный ремень сбруи с бронзовыми бляшками, обтянутыми золотой фольгой (14 прямоугольных и 4 круглых, располагавшихся попарно). Все покрыты рельефным узором. На прямоугольных бляхах отмечается стилизованное изображение льва с большой головой в форме полукруга, на круглых бляхах — свернувшаяся в кольцо змея или дракон с разинутой пастью и стилизованное изображение птицы. Во входной яме помещено еще 2 сосуда. Кроме того, в погребениях данного могильника обнаружены железные и костяные наконечники стрел, костяные обкладки луков и т. д.

В камерах катакомб у ст. Виноградная отмечено покрытие дна слоем золы и углей толщиной 2-20 см, а также тлен от камышовой подстилки. Поскольку погребения этого могильника, как и могильника у хут. Октябрьский, были ограблены, достаточно сложно было установить положение и ориентировку погребенных. Только по кургану № 3 определяется южная ориентировка. Из сохранившегося после ограбления инвентаря представлены кувшины, миски, фрагмент горшка, овально-рамчатые пряжки с подвижным язычком, круглая бляшка в бронзовой оправе с 18-гранной плоской вставкой из красноватого стекла, бронзовые обоймицы, железные наконечники стрел, фрагменты железных предметов. Отмечается закладка входа в камеру обломком жернова, что имеет позднее параллели в катакомбах Змейского могильника и в погребении у с. Шалажи. Объяснение этого элемента погребального обряда в Змейском могильнике усматривают в осетинском обряде положения жернова на могилу в случае смерти последнего мужчины в семье или роду.

Не позднее второй половины II в. начинают функционировать могильники у с. Брут (этим же веком определяется закладка курганного могильника у с. Алхан-Кала и Зарагидж II), который может рассматриваться как могильник располагающегося рядом Брутского городища. Здесь исследовано несколько десятков как подкурганных (катакомбы), так и грунтовых (катакомбы, ямы) погребений (в 1995 г. зафиксировано около 1200 аланских курганов, а также грунтовые погребения). Они охватывают значительный хронологический период — вторая половина II-начало VII вв. Входные ямы катакомб ориентиро-

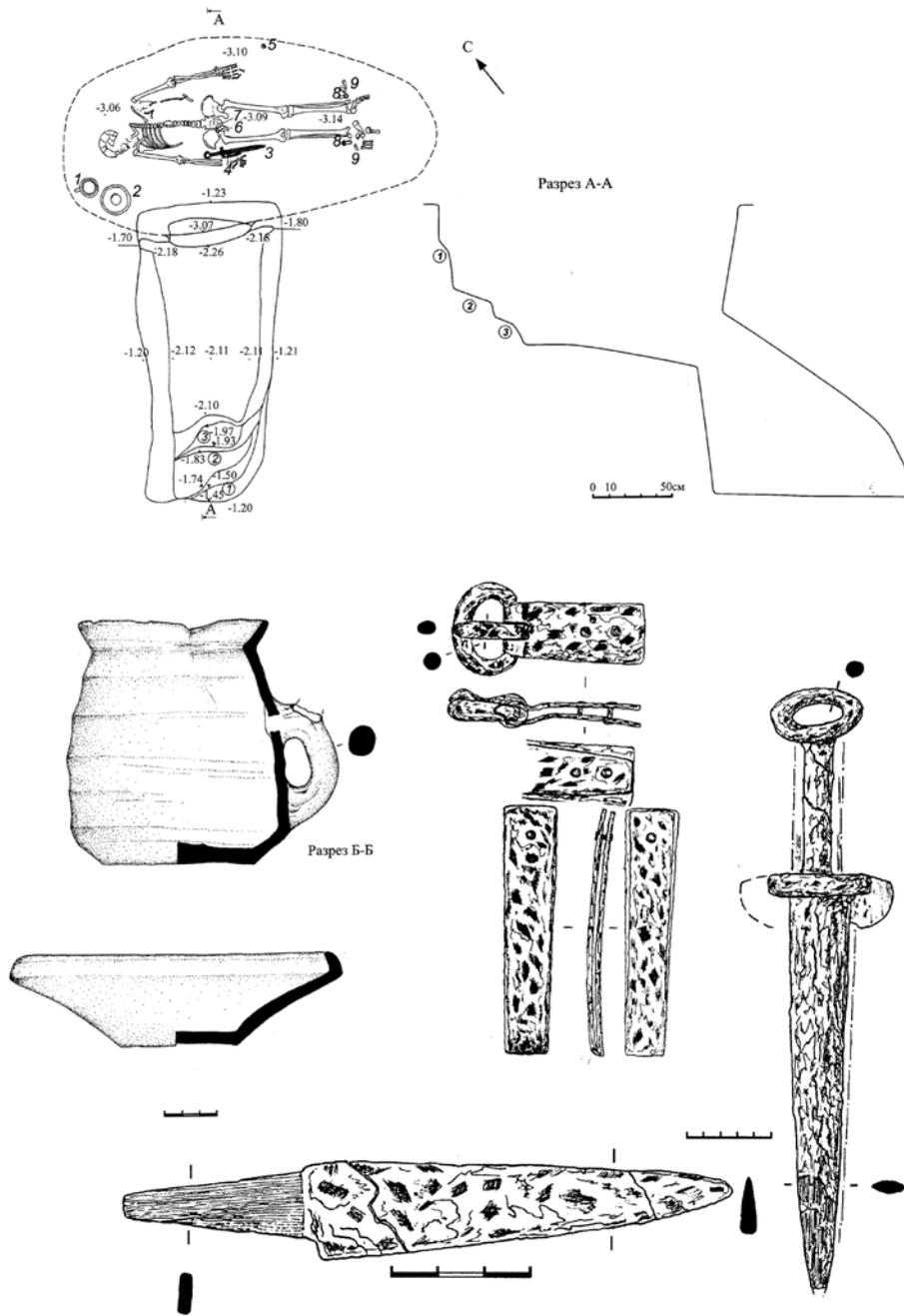
Материалы погребений у хут. Октябрьский
(по М.Б. Абрамовой)

ваны меридионально и имели ступени в торцевых, противоположных от входа в камеру, и продольных стенках. Камеры соединены дромосом с северной стенкой входной ямы, имели овальную или прямоугольную формы. Часть катакомб дромоса не имела. Высоко вынесенные вверх своды камер в большинстве случаев понижались от входа к противоположной стенке. За редким исключением, уровень дна камеры находился ниже уровня дна входной ямы. Вокруг курганных насыпей фиксируются ровики как кольцевой, так и прямоугольной формы с двумя перемычками в северном и южном секторах.

К сегодняшнему дню исследовано несколько сотен погребений Бесланского могильника, связанного с Зилгинским городищем. К сожалению, материалы раскопок не опубликованы. В научной литературе лишь частично использованы отдельные материалы по содержащемуся в погребениях инвентарю и по конструкциям самих погребений, позволившие, в том числе, полагать, что данный могильник, как и могильник у с. Брут, функционировал и после IV в. Исключение составляет публикация материалов кургана № 1 из раскопок 1990 г.²⁷ В ходе раскопок был реконструирован процесс возведения курганной насыпи в следующем порядке. После совершения захоронения была возведена гумусная насыпь. Ее нижняя часть сооружалась из нарезанных дерновых «кирпичей». Верхняя часть досыпалась грунтом, взятым, вероятно, во время рытья рва вокруг кургана. В западной части кургана для насыпи также использовался материковый глинистый слой. Затем над гумусной насыпью была сооружена глинистая насыпь из материкового грунта. В восточной части глинистая насыпь укреплялась тремя слоями дерновых «кирпичей», возможно, в целях более четкой профилировки самой насыпи.

Вокруг курганной насыпи был вырыт ров. Подобные окологурганские и подкурганские рвы различной конфигурации фиксируются и у других курганов Бесланского могильника, а также могильников у сс. Брут, Алхан-Кала, на Нижнем Сулаке, в Калмыкии и др. На Северном Кавказе такие рвы фиксируются в погребальных комплексах среднесарматской культуры. Их сооружение отмечается у сарматских грунтовых и курганных погребений и других регионов вплоть до территории современной Венгрии, а также у скифов и ранних кочевников Центральной Азии, Южного Приуралья. Окологурганские ровики отмечают и в Восточном Приаралье.

Нередко подобные рвы разрывались перемычками. Исследователи полагают, что в рамках самого кургана воспроизводилась мифологическая модель мира, а окологурганские рвы маркировали космическую периферию. Перемычка символизировала проход в потусторонний мир, сопоставимый с образом иранского моста Чинвант. Образ такого моста фиксируется в осетинской этнографии. Возможно, материалы аланских подкурганских погребений впервые и являют нам этот важный элемент в осетинских представлениях о достижении мира мертвых.

Материалы могильника Брут 2
(по Т.А.Габуеву, В.Ю.Малашеву)

Входная яма бесланского погребения прямоугольная, ориентирована меридионально. Стенки входной ямы практически отвесные, четко профилированные, с острыми углами. Длина ямы — 343 см, максимальная ширина — 358 см. Дно ровное, с уклоном с юга на север в 15°. В южной торцевой стенке, противоположной от входа в камеру, была сооружена лестница. Она круто спускалась от юго-западного края стенки к юго-восточной части дна ямы. Верхние 8 ступеней пересекали стенку по диагонали. Последние 4 ступени спускались вертикально вниз, непосредственно примыкая к восточной стенке входной ямы. На уровне между двумя последними ступенями, к западу от них, была вырезана дополнительная ступень. Подобная «винтовая лестница» зафиксирована в катакомбе могильника Экажево I.

Вход в камеру закрывался известняковой плитой. Камера соединялась с северной торцевой стенкой входной ямы полукруглым в сечении дромосом, строго ориентированным по оси Ю-С. Длина дромоса — 135 см. Камера катакомбы неправильной овальной формы располагалась строго перпендикулярно дромосу. Дно камеры на 65 см ниже дна дромоса. Размеры камеры: длина по оси З-В — 274 см, ширина по оси Ю-С — 195 см. Дно камеры горизонтальное, неровное. Свод камеры подпрямоугольной формы, приближающийся к купольному. Высота свода в центральной части достигала 140 см. У стенок камеры по периметру зафиксирован слой угля и золы. Входная яма после совершения захоронения была полностью забутована булыжником.

Наивысшая точка дна входной ямы фиксируется на глубине 1049 см от древней дневной поверхности. В Центральном Предкавказье до сих пор подобные параметры не были известны, хотя отмечаются и достаточно глубокие катакомбы. Упоминается о наличии катакомб глубиной 3-8 м, видимо, также располагавшихся возле г. Беслан. Глубины входных ям катакомб из курганов №№ 3, 4 могильника Экажево I достигали около 660-680 см. Дается глубина и в 722 см. Погребение было ограблено. В заполнении грабительской ямы и на дне входной ямы, возле входа в камеру, обнаружены в большом количестве изготовленные методом штамповки золотые нашивки (подквадратной формы с вогнутыми внутрь двумя противоположными сторонами, круглые с выпуклостью в центре, в виде лежащих кабанов), фрагмент аппликации из золотой фольги неправильной формы с елочным орнаментом, фрагмент бронзовой пластины с золотой аппликацией с елочным орнаментом, фрагмент железного предмета с серебряной аппликацией по периметру, серебряные круглорамчатые пряжки с округлым подвижным фасетированным щитком и подвижным прогнутым язычком, подобная бронзовая пряжка и бронзовая бесщитковая, янтарное полупрозрачное пряслице темно-коричневого цвета и др.

Погребение впервые было ограблено, видимо, вскоре после совершения захоронения. Значительное количество исследованных в Центральном

Предкавказье подкурганых катакомб того времени также было ограблено. Полагают, что их массовое ограбление было налажено в период монгольского завоевания, что подтверждают и следы повторного ограбления бесланского погребения.

При господстве в Центральном Предкавказье катакомбных погребений в других частях северокавказского региона у алан отмечаются, например, погребения в ямах или в подбоях. Причем часть из них связывается исследователями с экспансией алан из Центрального Предкавказья. Непосредственно на территории Северной Осетии подбойное погребение фиксировано в том же курганном могильнике у с. Брут. У ст. Моздок в курганах №№ 4, 8, 9 (1936 г.) были исследованы основные погребения, которые также могли представлять собой подбои. Здесь были обнаружены и признаки подкурганых захоронений, в которых у погребенных отмечены следы искусственной деформации черепа. Интересно, что подбойные погребения («байбын») долгое время использовались не только в Северной Осетии, но и в Южной Осетии, где их предварительно белили²⁸.

Могильники у г. Беслан, с. Брут, Экажево I, по мнению исследователей, могут быть объединены в одну группу на основании наличия общих черт конструктивных особенностей погребальных сооружений и погребального обряда. Данную группу по своим характеристикам сближают со степной, северной группой могильников у сс. Виноградное, Братское, хут. Октябрьский, хотя та имеет и некоторые собственные отличия. К ней тяготеет и группа могильников у сс. Алды, Алхан-Кала. Близки им и отдельные погребения могильника Андрей-аул 2 на севере Дагестана.

Учитывая данные по Бесланскому и Брутскому могильникам, а также могильника Зарагидж II, сегодня уже нельзя согласиться с выводом о том, что распространение подкурганых центральных катакомб алан в степных районах Центрального Предкавказья происходило заметно ранее, чем в предгорной полосе. Появляется основание говорить об одновременном распространении таких погребений в обеих зонах не позднее середины II в., что указывает на стремление новых хозяев предгорий контролировать важные военно-торговые пути в Закавказье. Таким образом, перед нами вновь вырисовывается та же картина, что характеризовала здесь кочевое население в предшествовавшие периоды.

По мнению исследователей, отмеченные материалы позволяют полагать, что во второй половине II-IV вв. аланы создали в Центральном Предкавказье мощное, возможно, протогосударственное объединение с развитой культурой. Для этого единого в культурном и этническом отношении общества были характерны высокая общественная организация и мощный экономический потенциал, позволившие возводить сложные курганные погребения и поселения, требовавшие огромных трудовых и организационных

затрат. В это время на данной территории наблюдались исключительная концентрация населения и значительное количество поселений с урбанистическим типом экономики. Центральнопредкавказская Алания поддерживала различной интенсивности экономические связи с Закавказьем, Боспором, с территориями Дона, Урала и Приаралья.

Исследователи полагают, что, видимо, во второй половине IV в. отсюда наблюдался приток населения на территорию Кисловодской котловины, что привело к трансформации местной культуры и сложению культуры ранне-средневековых алан западных районов Центрального Предкавказья. В конце IV в. могла происходить и миграция части центральнопредкавказских алан на территорию современного Дагестана²⁹. Для освещаемого периода мы не обладаем надежно установленными данными о расселении алан в горных районах Северной Осетии. Но некоторые материалы позволяют предполагать подобное положение³⁰. О том же, что аланы располагались вплотную к горам, свидетельствует фиксация разрушенных грунтовых катакомб с керамикой III-IV вв. в г. Владикавказ³¹.

Сведения письменных источников об аланах Северного Кавказа.

Отдельные данные по истории северокавказских алан сохранили для нас различные письменные источники. Некоторые более ранние из них уже упоминались. Но, бесспорно, наиболее достоверные сведения об аланах в письменных источниках появляются только с середины I в. Однако и они не всегда позволяют точно определиться с некоторыми фактами аланской истории.

Так, в западноевропейских источниках (Suet. Nero. 19, 2, Tac. Hist. I, 6, Dio Cass. LXVIII, 8, 1, Plin. NH. VI, 30, 40) упоминается о подготовке императором Нероном несостоявшегося похода к Каспийским воротам против албанов. Плиний уточнял, что угроза Нерона относилась к Каспийским воротам, ведущим из Иберии в земли сарматов, т. е. к Дарьялу. Данные сведения послужили поводом для некоторых исследователей выдвинуть гипотезу о предполагавшемся походе против алан, что автоматически ставило вопрос о появлении к тому времени алан в Центральном Предкавказье. Решить проблему на данном основании сложно, тем более, что Плиний, видимо, исходил в своей трактовке из убеждения в отсутствии прохода возле Дербента. Поэтому более вероятна подготовка похода именно против албанов в район Дербентского прохода, где впоследствии при Домициане появится римская крепость. Но не исключают, что Нерон планировал свое выступление вообще не на кавказском направлении.

Более полные сведения сохранились об аланах, чей центр располагался на Нижнем Дону. Им, как полагают, могли принадлежать городища на Нижнем Дону, в Приазовье и на Кубани (Ptol. V, 8, 16, VIII, 10, 3). Не исключают, что на Дон происходило и насильственное переселение аланами с Кубани

меотов, попавших в данническую зависимость. К тому времени относят переселение далеко на восток носителей зарубинецкой культуры (бастарны), в разгром которых внесли свой вклад и аланы. Переселение меотов с Кубани могло происходить и ранее, совпадая с появлением хозяев памятников «зубовско-воздвиженского типа». Несколько неожиданным пока представляется наблюдение об участии в сложении позднесарматской культуры Южного Приуралья выходцев из автохтонов Армянского нагорья³². Если данные наблюдения верны, то их интересно сравнить с материалами по последующей истории алан Центрального Предкавказья, а также по предшествующей истории скифов.

Согласно элогию Плавтия Сильвана Элиана, в 62 г. римляне столкнулись на Дунае, в том числе, с «ранее неизвестными... царями». Как полагают некоторые исследователи, «ранее неизвестные цари» были аланами. О набегах алан за Дунай на римские провинции в 62-64 гг. писали Сенека и Лукан (Sen. Thy. 629-630; Luc. Bell. Civ. II, 45-55). Лукан называл их массагетами, что, по мнению ученых, является общим указанием на азиатское происхождение алан. Находки трофейных щитов, захваченных на Дунае, обнаружены в памятниках Нижнего Дона рубежа I-II вв., что трактуют как свидетельство о набегах за Дунай именно нижнедонских алан. Видимо, эти аланы играли важную роль и в отношениях с соседним Боспорским государством. Согласно надписи из Керчи, в связи с походом боспорской армии против тавров и скифов (по мнению исследователей, этнической и политической элитой у поздних скифов в это время были сарматы) отмечается отправка варварскими правителями посольства к царям алан для заключения союза. Надпись датируют концом I-началом II вв., вероятнее, концом правления императора Домициана (81-96 гг.).

В 72 г. аланы, обитавшие возле Дона и Азовского моря, совершили грандиозный поход, обойдя с востока Каспийское море. Пройдя через горный перевал у г. Раги в Эльбурсских горах, находившийся под контролем Гиркании, они вторглись в Мидию Антропатену, а затем в Армению. Выиграв боевые столкновения, они захватили огромную добычу и возвратились домой (Ios. Bell. Jud. 7, 244-251; Cassiod. Ios. Bell. Jud. 7, 42; Heges. 5, 50). Подтверждением данного похода считают находки соответствующих импортных изделий в кочевнических погребениях Дона и Кубани. Вместе с тем, наблюдается различная трактовка конкретных деталей похода. Возможно, с данными событиями как-то связаны и свидетельства о принуждении парфянского царя Вологеза к миру войной (Aur. Vict. De Caesar. 10, Epit. IX, 12, 17). С последствиями аланского вторжения связывают обращение в 75 г. парфянского царя за помощью в Рим, на которое хотел откликнуться сын римского императора Домициан (Suet. Dom. 2, 2).

До недавнего времени полагалось, что эти же события нашли отражение в сообщении Мовсеса Хоренаци, на основании которого (Мовсес Хоренаци.

«История Армении». II, 50, 58; Мовсес Каганкатвази. «История агван». VIII) соответствующий эпизод появляется в «Картлис Цховреба». Как в целом, так и в своих деталях указанные сообщения не только расходятся с сообщениями западноевропейских источников, но и прямо им противоречат.

В этих рассказах ощущается не только влияние фольклорных традиций, но и явная тенденция переработки сведений о прошлом в собственную пользу. Неоднократно отмечалось, что закавказские источники, особенно повествующие о далеких от времени их составления событиях, оказываются зачастую ненадежными, противоречивыми, контаминирующими различные события. По армянским источникам, после успешного грабежа аланы, выступившие в союзе со всеми горцами и половиной Иверии, были разбиты армянским войском. Они заключили союз с победителями, выдав за армянского царевича свою царевну Сатиник. Родственники аланской царевны Аравелиане (Аруехеаны), прибывшие с ней, были возведены в род и нахарарство Армении. Аравелиане будут долго фигурировать в списках нахарарских родов, а в «Зоранамаке» отмечается их войско из 500 всадников.

По «Картлис Цховреба», два картлийских царя привлекли для похода в Армению аланских царей, братьев Базука («Плечо») и Амбазука («Равноплечий» или «Имеющий мощные руки»), и царя леков, которые привели с собой другие северокавказские народы. После успешного грабежа объединенное войско потерпело поражение от армян. Цари алан погибли в единоборствах. Наибольший урон понесли аланы и леки, тогда как картлийцев спаслось больше.

По Мовсесу Хоренаци, армяне впоследствии решили поддержать брата своей невестки, когда после смерти их отца кто-то другой силой захватил власть в Алании. Армяне вторглись в Аланию, разорили владения узурпатора в Артазе, а все его население вывели в Армению (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 53). Владения Артаз сопоставляют с аланской областью Ардоз, которая упоминается в «Ашхарацуйц» Анания Ширакаци. Ее отождествляют с Владикавказской равниной или со всей низменностью, орошаемой р. Терек до поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжа.

Представленная в источнике версия событий вызывает большие сомнения. Но интересно, что с периодом смены власти в Алании армянские источники связывают и другие события. Они описаны в «Мученичестве Сукиасянов» и «Мученичестве Воскянов», повествующих о крещении представителей аланской знати. Был сделан и грузинский перевод «Мученичество св. Сукавейцев», видимо, сохранивший утраченную часть оригинала. Позднее в своих «Историях Армении» Лазарь Парпеци, Иованнес Драсханакерци и епископ Уахтанес повторяют приведенные сведения.

В указанных источниках рассказывается о прибытии в Армению вместе с Сатиник 17 или 18 знатных алан, представителей высшей военной аристокра-

тии, царских придворных. Во главе их стоял человек по имени Баракадра (Бахадрас), бывший вторым в своем государстве сановником. Они восприняли новое учение и крестились у учеников апостола Фаддея (Иуда) Воскянов. Поскольку христианская проповедь вызвала при дворе армянского царя резко негативную реакцию, Баракадра, получивший имя Исихий (Сукиас), и его сподвижники ушли на гору, получившую название по имени руководителя. Здесь они проводили время в молитвах, ведя суровую аскетическую жизнь.

Через 44 г. умер отец Сатиник (по другому варианту, через 43 г. после смерти апостола Фаддея), и на престоле воцарился некто Дирианос (Гигианос). Некто Скуер сообщил ему о Сукиасянцах, принявших другую веру. Царь алан послал отряд воинов во главе с Барлаком (Барсахлай) с приказом (грамотой) образумить отступников от веры предков, обещая им большое вознаграждение и возвращение прежнего положения в аланском обществе, или убить. Стойкость в христианской вере Сукиасянцев стала причиной их мучительной гибели. Лишь двое самых молодых отшельников бежали. На месте их погребения затем был построен г. Вагаршакерт.

На месте же гибели Сукиасянцев креститель Армении Св. Григорий Просветитель (Лусаворич) (252-325 гг.), узнав о столь славном подвиге за веру, воздвиг часовню. Интересно, что в армянском эпосе «Давид Сасунский» появляется сообщение о «кресте Патраза», которое связывают с этой историей алан. По грузинским источникам, в начале IV в. роскошную церковь здесь построил император Византии Константин. Для грузинских источников отмечали и эпизод о крещении Багдраса Аланели и принятии им имени Сукияса. В 1107 г. грузинская церковь объявила Багдраса-Сукияса святым и его днем установила 15 апреля.

Исследователи по-разному датировали время деятельности Сукиасянцев. Наиболее вероятным хронологическим ориентиром для ее начала признавали аланский поход 72 г., а для ее окончания — новый закавказский поход алан. Согласно сводному тексту Диона Кассия (Dio Cass. LXIX, 15, 1), в 135 г. аланы, подстрекаемые иберийским царем Фарасманом II Квеле, опустошили Мидию Антропатену и Албанию. Армения и Каппадокия была только затронута их набегом, т. к. они получили дары от парфянского царя Вологеса II, а также были «устрашены» военными приготовлениями архонта Каппадокии Флавия Арриана. Подтверждением факта аланского вторжения считают и некоторые другие сообщения (Them. XXXIV, VIII, 33; Lyd. De mag. III, 53; Phot. Bibl. Cod. 58, p. 17a, 27-28; Arr. Ect).

С событиями аланского похода связывают и сообщение несторианской «Хроники Арбелы» Мшихазка (Мшихазека, Мшиха-Зеха). В ней сообщается о том, что при епископе Арбелы мар Исхаке (135-148 гг.) на горную область Карду (Курдистан) напали некие варвары. Стоявшего во главе Адиабены Ракбата, вассала царя Валгаша, вызвали в Ктесифон. Он должен был во главе

войска прийти на помощь парфянскому верховному главнокомандующему Аршаку. До этого парфяне поначалу одержали победу. Но Аршак был три дня заперт в теснине предводителем «мятежного народа» по имени Кизо. Парфянское войско, продолжавшее сражаться, сильно ослабло от голода. В результате атаки Ракбата, в которой он погиб, войско вырвалось из окружения. Враги разорили города этой области. Но к ним самим пришло известие, что на их родину напали соседние, сильные варвары, прибывшие морем и желавшие разграбить и уничтожить их города. Враги срочно вернулись на родину, где в тяжелых боях, длившихся два месяца, разгромили напавших.

По мнению исследователей, свидетельствами данного похода являются археологические находки с Нижнего Дона и Кубани, что указывает на места обитания вторгавшихся алан. В то же время находки в могильниках у сс. Братское и Алхан-Кала, тесно связанных с памятниками степной зоны Северной Осетии, золотых полихромных украшений, близких закавказским (гробницы питахшей Иберии), также рассматриваются как указание на участие их хозяев в походе 135 г. Полагают, что и могильник в Клдеети (у г. Зестафони) II в. может поставить вопрос о присутствии здесь алан. Исследователи также отмечают находку в грунтовом погребении № 18 (конец II-первая половина III вв.) Жинвальского могильника надписи ВАКОУР АЛАНА, нанесенной на сердоликовую гемму, вставленную в железный перстень. На сегодняшний день данная надпись определяется как древнейший образец письменности на языке алан.

С последствиями аланского похода некоторые исследователи связывают появление иранских имен у представителей иберийской знати, зафиксированных Армазской билинговой, как показателя усиления влияния алан в государстве. Другие ученые трактуют упоминание в надписи великого подвига и многих побед двороуправителя Иодмангана как указание на сражения против алан. Упоминание питахша Публия Агриппы трактуется как утверждение Флавием Аррианом при иберийском дворе римского офицера из-за ответственности Фарасмана II за вторжение алан.

Вскоре военные действия алан отмечаются и в Европе. Как сообщают источники (Сарит. Ant. Pius V, 5), римский император Антоний Пий (138-161 гг.) «приходивших в движение алан не раз сдерживал». При Марке Аврелии (161-180 гг.) аланы упоминаются среди народов (Сарит. Marc. XXII, 1-2), принявших участие в I Маркоманнской войне (167-175 гг.). С этими событиями исследователи связывают появление «алано-маскутских» погребений в Приорелье. В «терско-дагестанском» по обряду погребении № 8 кургана № 6 в Ростове-на-Дону обнаружен набор италийских бронз конца II в., что позволило предполагать участие погребенного в этой войне. В Центральном Предкавказье фиксируют кельто-германский обычай класть в погребения ножницы. Таким образом, появляются основания полагать участие северокавказ-

ских алан в войнах в далекой от них Западной Европе. В середине II в. некие «тавроскифы», за которыми могли скрываться носители позднесарматской культуры, воюют с Ольвией в Северо-Западном Причерноморье. В результате гибнет ольвийская система обороны.

По сообщению Мовсеса Хоренаци, основанному на труде сирийца Бардацана (155-222 гг.), в Армению происходит очередное вторжение северных народов (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65; Степанос Таронеци (Асогик). «Всеобщая история». I. V). Вторгавшиеся «хазары» и «басилы» под водительством царя Внасепа Сурхапа (перс. *Wināsp* и перс. «красная вода», «рубин») прошли через Дербентский проход и столкнулись с армией армянского царя Вагарша II. Они были разбиты, но в схватке с ними погиб сам царь. По хронологии Мовсеса Хоренаци, вторжение произошло в 200 или 215 гг. Если ориентироваться на время жизни Вагарша II, то события произошли в 198 г.

Полагают, что под «хазарами» и «басилами» скрываются маскуты и аланская группировка, располагавшаяся в Нижнем Поволжье, в Калмыцких степях (аланы карты Равеннского анонима и Михаила Сирийца). Следует обратить внимание и на свидетельство Вахушти об области Басиан, принадлежавшей овским царям, и о знатной овской фамилии Басиани, фигурирующей в преданиях осетин-дигорцев и балкарцев. В Нартовском эпосе кабардинцев упоминаются степи на Средней Кубани под названием «Барсово поле». После гибели армянского царя его сын-наследник Хосров II совершает ответный поход в 216 г. Он разоряет земли убийц отца и берет у них заложников (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65).

В течение 225-235/236 гг. центральнопредкавказские аланы могли участвовать в войнах армянского царя против Сасанидского правителя Арташира I Пабагана (Агатангехос. «История Армении». 18-21, 23; Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65; Уахтанес. «История Армении». 50; «Картлис Цховреба»). Видимо, в 260-х гг. картлийский царь Аспагур пытался найти помощь в борьбе с Персией у алан, для чего сам прибыл в их страну, где и скончался («Картлис Цховреба»). Тогда же персам стало известно о соседстве картлийцев с овсами. В армянской версии «Картлис Цховреба» («История Врац») одновременно в данном случае называются осетины и аланы. Таким образом, армянская версия подтверждает тот факт, что грузинские и армянские источники один и тот же народ называли овсами и аланами, следуя собственным традициям. При сопоставлении данных эти традиции могли не приводить к идентификации народа. Получение сведений о месте обитания алан в ходе закавказских войн того периода подтверждаются надписью Шапура I в Кааба-и Зардушт примерно 262 г. и надписью верховного жреца Картира (между 276 и 282 гг.), упоминающих Аланские ворота.

Вскоре аланы выступают против картлийцев. Они идут по Двалетской дороге на Мцхета и останавливаются на р. Лиавхи. Поход закончился неудачно. Амазасп лично убил в поединках многих овсов, в том числе и некоего Хуанхуа («Горец»). Затем он разгромил все войско овсов, а на следующий год совершил успешный поход в саму Овсети. Впоследствии овсы были привлечены на свою сторону восставшими картлийскими эриставами и совместно с ними разгромили Амазаспа («Картлис Цховреба»). О вторжении алан в Картли рассказывается и в «Истории Врац», в которой уточняется, что у алан было 16000 всадников и 20000 пеших воинов.

Долгое время после I Маркоманнской войны нет сведений о действиях алан в Западной Европе. Только для времени правления римского императора Аврелиана (270-275 гг.) узнаем, что аланы участвовали там в «скифских войнах» (Vop. Aurel. XXXIII, 4). С данными событиями связывают появление под г. Кисловодск лунниц киевского типа и сходство сосудов с крышками из катакомб в Алхасте и на территории Северной Осетии с погребальными урнами провинциально-римских культур, а также находки здесь украшений в стиле «Кишпек-Закшув», двухчленных лучковых и двупластинчатых фибул, черняховских гребней и кубков.

Важное значение имели отношения с аланами для Боспора, о чем свидетельствует, например, надпись из Гермонассы 208 г. (КБН. № 1053), указывающая на наличие целой коллегии аланских переводчиков во главе с Хераком. Полагают, что наместниками Европейского и Азиатского Боспора были аланы Ульпий Парфенокл и Ульпий Антимах, сыновья Маста. Видимо, представители алан играли заметную роль в данном государстве, о чем свидетельствуют различные археологические материалы. Общий фон таких отношений позволил Лукиану Самосатскому составить одну из своих новелл, в которой женой боспорского царя выступает аланка Мастира, а аланы из своей страны активно выступают на стороне боспорцев (Luc. Tox. 51-55). В 234/235-239/240 гг. на боспорском престоле появляется второй соправитель по имени Ининфимей, которого считают представителем иной ветви династии или узурпатором из среды алан, открывшим череду новых правителей. В первой четверти III в. аланы сокрушили Малую Скифию в Крыму, которая вошла в состав Боспорского государства.

В 260 г. Шапур I из рода Сасанидов, свергнувших династию Аршакидов, после победы над римским императором Валерианом обратился с письмом к известным ему правителям. Но иберы, албаны, бактрийцы и некие «тавроскифы» (Capit. Duo Valer. 7), за которыми могли скрываться боспорские династы (вспомним и о «тавроскифах», за век до этого разгромивших Ольвию), отказались его принять и обратились к Риму с предложением о создании союза в борьбе с Сасанидами. Армянский царь вынужден был, опасаясь угрозы со стороны персов, принять письмо и ответить на него, но с явным неодобрением.

нием действий Шапура I. По грузинским и армянским источникам, представители Аршакидов правили в Парфии, Кушании, Армении, Иберии, Албании и у маскутов. Поэтому негативная реакция на письмо Шапура I могла бы отражать нежелание правителей смириться с отстранением от власти их сородичей. Возможно, поэтому северокавказские аланы и участвовали вместе с армянами в упомянутых войнах с персами 225-235/236 гг., а в 260-х гг. картлийский царь Аспагур искал именно у них помощи против персов.

К этому времени фиксируется не только заметное влияние центрально-предкавказских центров керамического производства на северные от них территории, но и мощная военная экспансия центральнопредкавказских алан. Она, в частности, выразилась в появлении их памятников на территориях современных Дагестана, Ставрополя, Нижнего Дона, Калмыкии, а также вплоть до левобережья р. Днепр. Некоторые исследователи полагают проникновение представителей центральнопредкавказских алан и в Крым. С их действиями связывают и некоторые другие события. В 235 г. нападению подвергается Фанагория. С 236 г. начинают восстанавливаться укрепления Танаиса. Видимо, аланы тогда прорываются и в Западную Европу, убив в битве на Филлиповых полях римского императора Гордиана III (Capit. Gord. XXXIV, 3, 4). В 239 г. разгрому подвергаются Горгиппия и Раевское городище. В этот период зарываются клады монет на территории Боспора и на Средней Кубани. В середине III в. аланы из Центрального Предкавказья громят Танаис, сжигаются укрепленные поселения меотов на Кубани. Окрестности Горгиппии и Танаиса выходят из-под контроля Боспора.

На Нижнем Дону аланы из Центрального Предкавказья достаточно активно смешиваются с местным населением, что определяет непрерывную генетическую линию развития здесь сарматского археологического комплекса. Здесь представлены как погребения, непосредственно сравнимые с центральнопредкавказскими, так и сочетающие центральнопредкавказские и местные признаки. Подобное положение отмечается и для памятников междуречья Волга-Дон, Ставрополя и Калмыкии. Видимо, нижнедонские аланы сохраняют свою достаточно широкую автономию, поддерживая тесные связи с центральнопредкавказской метрополией. Родственная им группировка располагается возле Дуная.

В этот период устанавливаются связи не только с Боспором, но и с носителями черняховской культуры, в сложении которой также участвовали этнические элементы «сармато-аланского круга». В Нижнем Поволжье отмечают приход носителей позднесарматской археологической культуры из Восточного Предкавказья. В Заволжье концентрируются остатки отступивших на восток сарматских племен. Отмечаются признаки переселения с Кавказа и из Северного Причерноморья в Южное Приуралье. Видимо, новые хозяева нижнедонского региона отрезали восточные районы Сарматии от контактов

с боспорскими и центральноевропейскими центрами. С таким положением, возможно, связано исчезновение сарматских и сарматоидных погребений после середины III в. в лесостепном Подонье.

Мощное становление центральнопредкавказской Алании делает допустимым предположение исследователей о том, что появление с начала III в. от Центрального Предкавказья до Танаиса «варварских подражаний» денариям Марка Аврелия было организовано аланами. Практически мы имеем первый прецедент создания аланами объединения, охватившего значительную часть Северного Кавказа и просуществовавшего вплоть до гуннского вторжения.

Сопоставление сведений Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm. imp. LIII, 244-251) и сасанидской надписи из Пайкули позволило установить, что в 291 г. боспорский царь Фофорс, которого считают представителем аланской знати, вторгся в Лазику и Малую Азию. Одновременно его сын Вахнам совместно с маскутами вторгся в Армению. За данными событиями может стоять укрепление связей северокавказских алан с Боспорским государством. Не исключено, что морские походы варваров при посредничестве боспорских правителей в 254, 258 и 275 гг. (Zos. I, 31-33, *Corp. Tac.* XIII) стояли в этом же ряду.

Воцарившийся на троне Картли сын персидского царя Мирван III (284-361 гг.) стремился жестко противодействовать натиску северокавказских племен, ведя войны с «хазарами». В 293 г., когда Мирван III находился в Персии, происходит новое, успешное нападение овсов на Картли во главе с их царями Перошем и Кавтия. Однако Мирван III обогнул Овсети, вторгся и опустошил ее, достигнул «Хазарети» и Двалетским путем вернулся. Спустя несколько лет «хазары», как обычно, вторглись в Дарубанди («Картлис Цховреба»). Свидетельства «Картлис Цховреба» указывают на постоянные военные рейды ираноязычных кочевников в Закавказье в конце III-начале IV вв.

Показательно, что Мирван III, как до него Амазасп, не использует для своего вторжения Дарьяльский проход, а идет на Северный Кавказа по более западным горным переходам. Видимо, насколько персы с юга контролировали Дарьяльский проход, настолько его контролировали с севера аланы. Направление похода Мирвана III в сторону «Хазарети», т. е. к северо-западной части каспийского побережья, должно было более затрагивать северо-западную часть Предкавказья. Исследователи обратили внимание на то, что, если имя одного из овских царей Перош объяснимо из иранского языка («Победоносный»), то имя второго Кавтия сопоставимо с названием племени кавтадов, обитавших в районе Кубани (Plin. NH. VI, 21). Поэтому можно полагать, что в действиях на закавказском направлении принимали участие и аланы Северо-Западного Предкавказья.

Большие споры среди исследователей вызывает история христианской проповеди у алан в начале IV в. Согласно сведениям Агатангехоса, Григорий Просветитель проповедовал, в том числе у пределов маскутов и до Аланских ворот (Агатангехос. «История армян». 842). Мовсес Хоренаци отмечал проповедь св. Нины вдоль Аланских и Каспийских ворот, вплоть до пределов маскутов (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 86). Указание на попытку проповеди у Аланских ворот могло бы рассматриваться как знакомство алан Центрального Предкавказья с новой религией. Но нет особых оснований признавать какие-либо успехи такой проповеди. В более пространной и современной Мовсесу Хоренаци истории распространения христианства в Грузии «Мокцевай Картлисай» вообще нет никаких сведений о проповеди хотя бы вблизи овсов.

Особые проблемы возникают с данными арабской версии «Истории армян» Агатангехоса. В ней речь, несомненно, идет об аланах. Армянский царь Трдат III призывает в письмах кавказских правителей принять христианство. На его зов приходят цари абхазов, грузин и алан. Впоследствии к аланам отправляются священники и епископы. Однако исследователи указывают, что арабский перевод был сделан в VIII-IX вв. с греческого «Жития Григория», и упоминаемые в нем аланы соответствуют жителям Албании. Отмечается, что на Евфрате крестились цари Армении, Иверии, Лазики и Албании, а епископ Фома был послан именно в Албанию, а не в Аланию.

Действительно, арабская версия вызывает некоторые вопросы. Но они не могут просто сниматься ссылками на греческий текст. Следует отметить, что крещение произошло в 301 г., а проповедь в Албании епископ Фома начал в 315 г. В перечислении народов и правителей, находившихся под опекой св. Григория, аланы объединяются с грузинами, лазами и абхазами. Епископы посылались кроме Армении и Грузии к аланам и в страну Д-р-з-к-й-т (дурдзук-ки Центрального Кавказа), т. е. этническое окружение более свидетельствует в пользу алан.

В 316 г. по подстрекательству персидского царя Шапура II Долголетнего происходит новое вторжение в Армению 58000 армии базилов во главе с их царем Гедреоном, называемым «царем севера», и представителями высшей аристократии (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 84-85; Мовсес Каганкатваци. «История агван». XII; Иоанн Мамиконеан. «История Тарона»). Гедреон требовал выплатить ему дань за 15 лет. Но армянский царь Трдат III Великий громит врага, лично убивает их царя и, преследуя до страны гуннов, берет заложников. Затем, уже присоединив к себе северные народы, он сам вторгается в Персию.

Среди привлеченных армянским царем для войны с Персией северян могли быть и аланы. В данном случае показательно упоминание Мовсесом

Хоренаци о браке, заключенном в том же 316 г. между Трдатом III и Ашхен, дочерью Ашхадара (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 83), которого некоторые исследователи считают аланским правителем. В 330-х гг. аланы Аравелиане породнились «с неким храбрым воителем, пришедшим из (страны) басилов» (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 58).

В 335-336 гг. епископ Албании и Иверии Григорий, внук св. Григория Просветителя, пытался обратить в христианство маскутов. Их ставка находилась в Муганской степи, южнее современного г. Дербент. Но он был казнен ими (Фавстос Бузанд. «История Армении». III; Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 3, «Житие и мученичество сыновей и внуков св. Григория, блаженных патриархов Аристакеса, Вртанеса, Иусика, Григориса», Товма Арпруни. «История дома Арцруни». III, Иованнес Драсханакертци. «История Армении». X, Киракос Гандзакети. «История Армении». I, Мовсес Каганкатваци. «История агван». XIII).

В 336-337 гг. правитель маскутов Санесан с 20000 воинов из подчиненных ему народов совершил вторжение в Армению (Фавстос Бузанд. «История Армении». III, 7; Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 3, 9; Мовсес Каганкатваци. «История агван». XII-XIII). Перечень данных народов подразумевает, что под властью маскутов тогда находились горные племена Центрального и Восточного Предкавказья, а также Закавказья. Южная граница владений маскутов выходила к низовьям Куры, т. е. царство маскутов расширилось за счет захвата части территории Албании.

Санесан устраивал смотр своим войскам, а также велел каждому воину принести по камню и бросить его в общую кучу, чтобы посчитать количество войска. Такой метод подсчета, как отмечалось, более всего напоминает позднейший монгольский «обо». Среди непосредственного окружения Санесана, кроме маскутов, указываются аланы. Это может свидетельствовать не только о привлечении центральнопредкавказских алан как союзников, но и о том, что именно аланы и маскуты являлись боевым ядром армии Санесана, в чем не последнюю роль могло играть их родство. Как обычно, армянские источники повествуют о сокрушительном поражении северян, хотя отмечают нерешительность своего правителя Хосрова II Котака (330-338 гг.), сына Трдата III и Ашхен. Но они же свидетельствуют о том, что еще 4 года (338-341 гг.) после ухода из Армении враги продолжали с территории Албании теснить армян при их новом царе Тиране (338-350 гг.).

При преемнике Тирана Аршаке II (350-368 гг.), видимо, велась продолжительная армяно-персидская война. В нее были втянуты и северокавказские народы. При вторжении в Мидию Антропатену армянский полководец Васак Мамиконян призвал в свои войска и центральнопредкавказских алан (Фавстос Бузанд. «История Армении». IX, 25; Лазарь Парпеци. «История Армении». II, 45). В 368 г. армяне проиграли войну персам, и Шапур II завоевал

Армению. В 371 г. аланы и маскуты участвуют во вторжении албанского правителя Урнайра, подстрекаемого Шапуром II, в Армению, в которой правил Пап (368-374 гг.), преемник Аршака II. Вторжение окончилось сокрушительным поражением в Дзиравской битве («История армянского патриарха святого Нерсеса Партева»; Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 37, Фавстос Бузанд. «История Армении». V, 4, Мовсес Каганкатваци. «История агван». I, VIII, XIII).

К тому времени на самом Северном Кавказе могла складываться новая политическая ситуация. Исследователи обратили внимание на следующие сообщения западноевропейских источников. В 362 г. к римскому императору Юлиану прибыли послы с Боспора и от его юго-восточных соседей с просьбой о срочной военной помощи на условии выплаты ежегодной дани (Amm. Marc. Res Ges. XXII, 7, 10). В следующем 363 г., по сообщению Иовина, кавказским перевалам угрожали неизвестные ни римлянам, ни персам варвары. Возможно, указанные события были связаны с появлением гуннов.

В армянских источниках гунны (хоны) неоднократно упоминаются в происходивших с III в. событиях. Обычно их упоминание считается анахронизмом и объясняется использованием данного названия для обозначения кочевников в целом. Предлагалось видеть в них и неких горцев-автохтонов. Однако, например, надпись из Пайкули 293 г. упоминает какого-то тюркского хакана на Кавказе. Исследователи не исключают, что речь могла идти о хионитах, или о «белых гуннах», тем более, что в сирийском «Житии Петра Ивера» упоминались соседние иберам «белые гунны». Этническая принадлежность хионитов, или белых гуннов, точно не определена. Но обычно в них видят представителей азиатских ираноязычных народов, которые постепенно тюркизировались.

Впервые в Европе некие хунны упоминаются Птолемеем среди северопричерноморских народов, между бастарнами и роксоланами (Ptol. III, 5-11). Их упоминает и Маркиан Гераклеяский (Marcian. II, 39). Некоторые исследователи давно ставили под сомнение сообщение Птолемея, считая его ошибкой автора или переписчиков³³. Уннов на севере Прикаспия упоминал и Дионисий Периегет (Dion. Perieg. 718-732; Eustath. ad Dionys. Perieg. 730). Именно они, как предполагали некоторые исследователи, могли затем помогать остготам против алан (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 3, 3), заключивших союз с победителями гуннами³⁴. Но другие современные исследователи ставят под сомнение достоверность сведений Птолемея и Дионисия Периегета и связь упоминавшихся в них хуннов с гуннами³⁵. К востоку от Дона, в Азиатской Сарматии, Птолемей упоминал и хенидов, в названии которых также усматривали искаженное название хуннов³⁶.

Некоторые исследователи полагали, что в 371-372 гг. пришедшие на Северный Кавказ гунны разгромили маскутов, а затем обрушились на алан-

танаитов Нижнего Дона. Другие исследователи посчитали, что гунны были изнурены боями с аланами Северного Кавказа и пошли на союз с аланами-танаитами и Боспором³⁷. Однако у нас нет ни одного исторического факта, который бы мог подтвердить подобное развитие событий. Письменные источники рассказывают нам только о продолжительном противостоянии гуннов с аланами-танаитами, которое закончилось около 375 г. жестоким поражением последних (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 3, 1-3, Jord. Get. 126). Между победителями и побежденными был заключен союз, и началось уже совместное наступление далее на запад против остготов. Показательно, что только аланы упоминаются в противостоянии с остготским правителем Витимиром, что может отражать обычное положение народа, который подчинился кочевническому объединению, использующему его в качестве военного авангарда.

Гунны, открывшие эпоху «Великого Переселения народов», положили конец истории аланского объединения Нижнего Дона. Не исключено, что и часть северокавказских алан вместе с гуннами воевала в Западной Европе (Pacat. 32, 3-4, Sidon. Carm. II, 351, V, 470-479, Epis. IV, 1, 4). Гунны становятся новыми хозяевами северокавказских степей, окончательно открыв Северный Кавказ для тюркоязычных народов. Но приход гуннов не имел таких катастрофических последствий для маскутов и алан Центрального Предкавказья, как для их сородичей на Нижнем Дону. Аланы и маскуты и впредь фиксируются источниками в местах их обычного проживания и в последующих военно-политических событиях на Кавказе. Об этом же свидетельствуют и археологические памятники. На территории Северной Осетии данное положение подтверждают материалы тех же Брутского и Бесланского могильников, Зильгинского городища. Близкая ситуация просматривается и по памятникам к востоку и к северу от них. Возможно, дальнейшие исследования археологических материалов последующего периода позволят более полно судить о новой для алан Центрального Кавказа ситуации и об их взаимоотношениях с гуннами.

Определенному умиротворению гуннов в северокавказском регионе к концу IV в., как полагают ученые, могли послужить известные события в Закавказье. В 369 г. Картли была разделена между Римом и Ираном. В 377 г. был достигнут договор о подобном разделении Армении. Но вскоре персы направили свои войска для наложения дани на армян и грузин. Армяне пытались заключить союз с картлийским правителем Вараз-Бакуром II, предлагая вызвать через Дарьял овсов и леков. Но союз не состоялся. Персы опустошили Армению и вступили в Картли. Наконец, в 385 или 387 г. Рим и Иран разделили Армению. В результате происходит объединение римлян и персов, что позволило персам успешно отбить в 397 г. нападение гуннов, или «белых гуннов», которое было спровоцировано иберийским правителем Фарасманом IV. В 398 г. был заключен мир. Гунны отошли на Кавказ и некоторое время не проявляли в этом направлении своей военной активности.

Вместе с тем, исследователи отмечали заметное последующее сокращение аланских памятников, их тяготение к горным территориям, перемещение непосредственно в горы, что сказалось на запустении равнин современной Северной Осетии на несколько столетий. За данными процессами изначально, видимо, стояло не столько давление со стороны гуннов, сколько иные факторы, в том числе скорое наступление засушливого климата³⁸. Но важно отметить, что сегодня уже не существует прежних хронологических и территориальных лакун, которые отделяли бы аланские подкурганые и грунтовые катакомбы равнин и предгорий от грунтовых катакомб в горах. Тем самым, по мнению исследователей, подтверждается прямое генетическое родство между раннесредневековыми аланами Центрального Предкавказья и аланами степей и предгорий данного региона в предшествующий период.

Примечания

1. Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э.-II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989; Малышев А. А., Трейстер М. Ю. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. М., 1994. №5. С.59-72; Берлизов Н. Е. «Зубовско-воздвиженская» группа и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени // Древности Кубани. Краснодар, 1999. Вып.15. С.16; Раев Б. А. Северокавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тезисы конференции 30-31 мая 2000 года). Пятигорск, 2000. С.198-199; Беглова Е. А. Погребения зубовско-воздвиженской группы из ст. Воздвиженской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С.376-393.

2. Гиджрати Н. И., Наглер А. О. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С.130-137; Керевов Б. М. К проблеме среднеазиатско-северокавказских этнических связей в сарматское время // XIV Крупновские чтения. ТД. Орджоникидзе, 1986; Абрамова М. П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-II вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С.126; Королькова Е. Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // Археологический сборник. СПб., 2001. Вып.35. С.80; Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С.330.

3. Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. №4. С.78; Каминский В. Н. Аланы на Северо-Западном Кавказе // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989. С.96; Щукин М. Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Материалы III археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I; Раев Б. А., Яценко С. А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993; Сергацков И. В. Проблема становления среднесарматской культуры и памятники зубовско-воздвиженской группы Прикубанья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древ-

них племен южнорусских степей. Материалы Международной научной конференции. Энгельс, 1997. Ч.2. С.88 и др.

4. Щеглов Д. А. Датировка появления алан в Северном Причерноморье // Материалы III Международной конференции «Древнейшие общины земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. - V век н. э.)». Тирасполь, 2002. С.350-352; Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892. Bd.III. S.81; Ростовцев М. И. Сарматы // ПАВ. 1993. № 5. С.92; Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. - I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып.16. С.126; Щукин М. Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С.144-147; Harmatta J. Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950. P.25.

5. Десятчиков Ю. М. Сатархи.... С.142; Он же. Процесс сарматизации Боспора: Дисс.... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974. С.158; Пуздровский А. В. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. — III в. н. э.) // Херсонесский сборник. Симферополь, 1999. Вып. X. С.220; Vinogradov Ju. G. Two Waves of Sarmatians Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus University Press, 2003. P.222-223.

6. Смирнов А. А. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // УЗ КБНИИ. 1948. Вып. IV. С.206.

7. Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973. P.124.

8. Харматта Я. Из истории алано-парфянских отношений // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1965. T. XIII. Fasc. 1-2. С.145.

9. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С.54.

10. Teggart F. J. Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley, 1939. P.174.

11. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. СПб., 1925. С.60.

12. Раев В. А. Металлические сосуды кургана «Хохлач» // Проблемы археологии. М., 1978. Вып.2. С.92-93; Он же. Новое погребение с импортом в Нижнем Дону // СА. 1979. №4. С.210; Он же. Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984; Он же. «Княжеские» погребения сарматского времени в г. Новочеркасск // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С.130-131; Он же. Аланы в Евразийских степях: восток-запад // Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С.116; Raev V. A. Roman Imports in the Lower Don Basin // British Archaeological Reports. International Series. Oxford, 1986. №278. P.58-63; Ждановский А. М. К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье-Поволжье-Средняя Азия) // Семинар «Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье». ТД. Новочеркасск, 1987. С.36-37; Ждановский А. М., Яценко С. А. «Островок Центральной Азии» в Закубанье (I-II вв. н. э.) // Материалы научно-практической конференции «Древности Кубани». Краснодар, 1991. С.44-45; Simonenko A. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 2001. Vol.7. P.53-72 и др.

13. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С.213-214; Сергацков И. В. О некоторых обстоятельствах появления алан в Восточной Европе // НАВ. 1998. Вып.1. С.47; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С.51.

14. Гущина И. И., Засецкая И. П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н. И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С.49, 51; Каминский В. Н. Сарматское погребение с малоазиатским и римским импортом из ст. Михайловская (Закубанье) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара). Краснодар, 2000. С.86-95.

15. Скрипкин А. С. Сарматский феномен // Материалы научной конференции «Проблемы всеобщей истории». Волгоград, 1994. С.15-17; Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг. н. э. // ПАВ. 1997. №9. С.160.

16. Мошкова М.Г. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С.19; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия... С.187.

17. Яблонский Л.Т. Этногенез ранних кочевников Южного Приуралья // Материалы II региональной научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале». Челябинск, 2004. С.146.

18. Габуев Т.А. История племен центральных районов Северного Кавказа в I-VII вв. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. С.20; Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Научный доклад... докт. ист. наук. М., 1989. С.45; Она же. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II-IV вв. н. э. // Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994. С.22-23; Она же. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Доклады к 5 Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С.32-34; Она же. Глава 3. Анализ сарматских погребальных памятников II-IV вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М., 2009. С.94; Горбунова Н.Г. Сарматы и скотоводы Средней Азии (состояние проблемы соотношения культур) // Научная конференция «Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции». ТД. СПб., 1991. С.21; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия (Некоторые проблемы исследований) // СА. 1980. № 1. С.51, 52; Он же. Сарматский феномен... С.17-18; Он же. Сарматы // Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1995. С.90-91; Сергацков И.В. Динамика взаимоотношений сарматов Волго-Донских степей с античным миром во II в. до н. э.-III в. н. э. // VIII Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря». ТД. Ростов-на-Дону, 1996. С.114; Он же. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С.224-225; Гугуев Ю.К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // МИАД. 2000. Вып. I. С.150-151; Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // МИАД. 2000. Вып. I. С.169-182; Он же. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в Нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М., 2008. С.286; Медведев А.П. К интерпретации орнаментальных сюжетов на сармато-аланских бронзовых зеркалах // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000. С.100-104; Шаров О.В. Культурные комплексы на г. Таракташ в Восточном Крыму // XXV Крупновские чтения. ТД. Владикавказ, 2008. С.381-382 и др.

19. Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов, 1997. Вып.14. С.137-138; Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников... С.97; Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксяя // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2002. Вып.1-2. С.141-149; Балабанова М.А. Социальная реконструкция поздних сарматов на основе анализа патологии, демографии и краниологии // Третья Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар-Анапа, 2001. С.3-7; Она же. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. 2003. Вып.6. С.75.

20. Крупнов Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. №2. С.170; Березин Я.Б., Ростунов Е.В. Сарматские погребения Кобийского могильника // XXI Крупновские чтения. ТД. Кисловодск, 2000. С.19-20.

21. Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения могильника «Три брата» // Проблемы современной археологии. М., 2008. С.243-264.

22. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание. Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ, 2000. С.34-45; Гутнов Ф.Х. Тяжело

быть аланом? // КС. Т.4 (36). М., 2007. С.367-377, 389; Туаллагов А. А. Нахоязычные скифы и аланы — реальность или миф? Владикавказ, 2008.

23. Кузнецов В. А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1986; Аржанцева А. И. Работы на Зилгинском городище // Археологические открытия 1985 года. М., 1987; Ковалевская В. Б., Аржанцева А. И. Работы Северо-Осетинской экспедиции // Археологические открытия 1986 года. М., 1988; Деопик Д. В. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. II; Аржанцева А. И., Деопик Д. В. Зилги — городище начала I тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. (Археологические памятники). М., 1989; Аржанцева А. И., Деопик Д. В. Зилгинское городище первой пол. I тыс. н. э. и проблема выделения протогорода // Региональная конференция «Зоны и этапы урбанизации». ТД. Ташкент, 1989; Аржанцева А. И., Малашев В. Ю. Зилгинское городище и проблема аланского протогорода на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. В. М. Ломоносова. М., 1999; Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country//Les Sites archeologiques en Cremee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica. Vol.5). Leiden-Boston-Köln, 2004; Аржанцева А. И. Каменные крепости алан // РА. 2007. С.75; Туаллагов А. А. Раннеаланский период на территории современной Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. С.83-87; Малашев В. Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику — друзья и ученики. М., 2007. С.488-489; Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV-XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч.2; Албегова З. Х. Разведки в Северной Осетии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С.262, рис.33; Она же. Расселение алан на территории Северной Осетии в I-XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. М., 2007. Вып.4. CD-издание; Воронин К. В., Малашев В. Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. М., 2006. Т.6. С.56-59; Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С.144-150, 305, рис.140.

24. Габуев Т. А. История племен центральных районов... С.20; Он же. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. №3. С.78, 79; Он же. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С.61-66; Simonenko A.V. Catacomb Graves of the Sarmatians of the North Pontik Region // Mora Ferenc Muzeum Evronyve — StudArch I. Szeged, 1995. P.353; Ковалевская В. Б., Кузнецов В. А. Памятники эпохи раннего средневековья... С.118, 119; Берлизов Н. Е. Ранние сарматы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э.-III в. н. э.). Автореф. дисс....канд. ист. наук. Л., 1990. С.5; Он же. Походы алан в Закавказье в I-II вв. н. э. (письменные и археологические свидетельства) // Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991. С.25; Он же. Погребальные памятники сарматов Прикубанья как объект многомерного анализа // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С.20; Берлизов Н. Е., Лопатин А. П., Цокур И. В. Анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени-эпохи средневековья. Краснодар. 2003. Ч. I. С.167; Абрамова М. П. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С.31-32; Она же. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993. С.186-187; Она же. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М., 1997. С.8; Она же. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков

нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С.52-76; Мошкова М.Г. Глава3. Анализ сарматских погребальных памятников.; Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград, 1999. С.189-192; Малашев В.Ю. Культурная ситуация... С.487-498; Arzhantseva I., Deorik D., Malashev V. Zilgi... P.246; Ковалевская В.Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.-I тыс. н. э. Пушино, 2005. С.77-85; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан... С.106-114, 144-162.

25. Абрамова М.М. Катакомбные погребения IV-V вв. н. э. из Северной Осетии // СА. 1975. №1; Она же. Катакомбные могильники III-V вв. н. э. центральных районов Северного Кавказа //Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С.73-76; Она же. Ранние аланы...; Куссаева С.С. Археологические находки последних лет в Северной Осетии // ИСОНИИ. 1957. Вып.XIX; Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1986. С.77, 79, 97-98; Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии // СА. 1985. №2; Он же. Аланские курганы у с. Брут в Северной Осетии // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». ТД. Владикавказ, 1991; Он же. Погребение аланского воина // Эхо Кавказа. 1994. №2 (5); Он же. Исследования аланских «княжеских» курганов у села Брут в Северной Осетии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005; Аланский всадник. Сокровища князей I-XII веков: Каталог выставки. М., 2005; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Погребальные памятники ранних алан в Северной Осетии // XXIV Крупновские чтения. ТД. М., 2004; Они же. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007; Они же. Памятники ранних алан...; Туаллагов А.А. Курганный аланский погребение у сел. Брут (Северная Осетия) // Археологический журнал. Армавир, 2008. №2. С.26-53; Габуев Т.А., Гольева А.А., Малашев В.Ю., Хохлова О.С. Комплексные естественнонаучные исследования аланских памятников могильников Брутского городища в Республике Северная Осетия-Алания // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005; Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб., 2003. С.36-37, 60, 68-75, 123-124; Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология...; Малашев В.Ю. Культурная ситуация...; Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники...

26. Кузнецов В.А. Аланы и ассы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С.173.

27. Туаллагов А.А. Аланское подкурганное погребение у г. Беслан (Северная Осетия) // Liber Archaeologicae. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006. С.153-160.

28. Габуев Т.А. Исследование аланских «княжеских»... С.270-271; Пиотровский Б.Б. Ст. Моздок, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941. С.246, 247, рис.65, 4; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИНИИ. 1963. Т. IV. С.79-80; Кокоева А.Б. Смерть и похороны у осетин // ИЮОНИИ. 1998. Вып. XXXV. С.146.

29. Малашев В.Ю. Культурная ситуация.... С.498; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан... С.147, 159-160.

30. Абрамова М. Ранние аланы... С.102, 115.

31. Кузнецов В.А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980. Т. XXXVI. Вып. 1. С.64-66; Абрамова М.П. Ранние аланы... С.22.

32. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008. С.77.

33. Maenchen-Helfen O. The Legend of the Origins of Huns // Byzantion. International journal of byzantine studies (American Series III). Boston, 1944-1945. Vol.XVII. P.244-252.

34. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С.263, сн.1.
35. Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Болелов С. Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н. э. — IV в. н. э. // РА. 2007. №3. С.128.
36. Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. №2. С.44, 46; Зураев А. П. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа. Нью-Йорк, 1966. Т. I. С.120.
37. Яценко С. А. «Бывшие массагеты» на новой родине — в Западном Прикаспии (II-IV вв. н. э.) // ИАА. 1998. Вып.4. С.90; Десятчиков Ю. А. Гунны и аланы-танаиты // Семинар «Античная цивилизация и варварский в Подонье-Приазовье». ТД. Новочеркасск, 1987. С.58.
38. Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан...; Албегова З. Х. Расселение алан на территории Северной Осетии...; Габуев Т. А. Аланы и гунны на Северном Кавказе // НАВ. 2009. Вып.10. С.272-278.

Раздел второй

**Алания-Осетия
в эпоху
средневековья
(V-XVII века)**

ГЛАВА 1. ПЛЕМЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ АЛАН

Социальная структура аланских социумов достаточно полно представлена в работах армянских историков V в. Крупнейший из них — Мовсес Хоренаци — в описании правления Хосрова поместил рассказ о набеге «жителей северной части Кавказа». В нем говорится, что нападавших было всего «около двух тысяч», тем не менее они прошли половину страны, «нанесли поражение нашим (армянским. — Ред.) полкам, обратили их в бегство, в результате чего они очутились под стенами Валаршапата». Очевидно, отряд нападавших состоял из боеспособных катафрактариев. Это тем более вероятно, что Мовсес назвал их «копейщиками», во главе которых «выступил какой-то чудовищный исполин, во всеоружии..., он совершал чудеса храбрости посреди войска. Храбрейшие из армян... напали на него, но не могли причинить ему вреда; от ударов копий только вращалась его войлочная (броня)»¹.

Сюжет о «чудовищном исполине», предводителя «копейщиков», повторил Степанос Таронский (XI в.), вероятно, позаимствовав его у Мовсеса. Первый переводчик обоих текстов на русский язык Н. Эмин отметил, что в подлиннике вместо «чудовищный исполин» стоит *анариска*. К. Патканов перевел это слово как собственное имя Анариска². Ю. С. Гаглойти не без основания сопоставил имя Анариска с осетин. *анарисга* — «не чувствующий боли»³.

Еще один сюжет о «мощных копьеносцах» (аланах) Мовсес привел в рассказе о правлении Валарша II (117–140 гг.)⁴. Агафангел сообщает о «многочисленных и храбрых, хорошо вооруженных всадниках» алан⁵.

В армянских памятниках агиографической литературы упоминаются некие аланы — «приближенные великой царицы» Сатиник, «прославленные и могучие мужи», принад-

лежавшие «к высшему сословию и первые в войне/бою/», «мужи смелые и добродетельные», «военачальник по имени Барлах», «второй сановник государства» алан⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о существовании у ранних алан военной аристократии.

Нашествие гуннов сказалось на общественном устройстве аланских социумов Северного Кавказа. Характерно, что археологических памятников алан V в. — времени, когда в регионе происходили крупные политические и этнические сдвиги — насчитываются единицы. Таковы, например, катакомбные и грунтовые могильники у городища Алхан-Кала в Чечне, у с. Брут, хут. Октябрьский и у ст. Виноградной Моздокского района Северной Осетии, датированные концом IV — началом V вв.⁷ Это памятники аланского населения, жившего здесь оседло еще в догуннское время (на это указывает их связь с городищами) и, судя по погребальному обряду, уже находившегося на стадии активной социальной дифференциации. Рядовое население хоронили в грунтовых ямах, тогда как местную знать погребали в глубоких, тщательно высеченных в глине катакомбах. Принадлежность катакомб социальным верхам подтверждается и наличием в них золотых вещей (Брут). Вероятно, названные могильники принадлежали той части алан, которая не была затронута гуннским нашествием и продолжала жить в своих укрепленных затеречных городищах до V-VI вв.

Предметы из богатых захоронений катакомбного могильника в с. Брут. V в. н.э.

Аланские катакомбы у селений Брут и Октябрьское имели большие входные ямы с земляными ступеньками, входные отверстия закрывались досками, погребальные камеры были сводчатыми и подражали форме кочевнической кибитки. Значительная часть катакомб оказалась ограбленной, но кое-что из вещей сохранилось. Среди них железные и костяные наконечники стрел, накладки на лук, железные пряжки, бусы, мелкие золотые или обтянутые золотой фольгой бляшки, обломки железных мечей и кинжалов, керамика.

Сложение аланского племенного объединения. Оседание на землю, рост населения. Как уже говорилось, в гуннское движение на запад были вовлечены и аланы. Под давлением гуннов, потеряв пастбища, значительная масса алан из междуречья Волги и Дона и степей Предкавказья передвинулась к кавказским предгорьям⁸, где уже в последние века до н.э. и в начале н.э. проживало родственное им ираноязычное население и автохтонные кавказские племена⁹, которые они инкорпорировали в собственную среду.

В VI в. на территории Центрального Предкавказья, по высоким берегам Терека, Сунжи, Малки, Баксана, Кумы и других рек, на возвышенностях и близ источников воды возникает густая сеть городищ, с наиболее уязвимых сторон укрепленных либо каменными стенами, либо широкими и глубокими рвами. Как правило, эти городища сопровождаются грунтовыми и катакомбными могильниками, которые можно обоснованно считать аланскими. В качестве примера отметим такие крупные городища с могильниками, как Алхан-Калинское на Сунже (оно было крупным аланским центром еще до гуннского нашествия), Гвардейское, Октябрьское, Киевское, Хамидия, Нижний Джулат — на правом берегу Терека; Зилгинское и Брутское — на р. Камбилеевке; Старо-Лескенское, Аргуданское, Баксанское городища, а также группа городищ в районе Кавказских Минеральных Вод, составляющие целые комплексы. Городища имеют расчлененную планировку с выделенной цитаделью — убежищем местной социальной верхушки; в культурном слое, иногда достигающем 4-5 м глубины, обнаружены масса костей крупного и мелкого рогатого скота (крупный рогатый скот преобладает), обломки преимущественно черно-серой керамики — лепной и гончарной.

Зачастую городища располагались на расстоянии 3-5 км друг от друга в пределах зрительной связи, что предполагает их взаимодействие в случае военной опасности и принадлежность к единой, судя по этим признакам, этнокультурной и военно-политической организации. Аланские городища Центрального Кавказа еще слабо изучены, но известно, что в районе Верхней Кубани преобладало каменное домостроительство, в более восточных районах — турлучное, где небольшие и тесные жилища типа полуземлянок окружались хозяйственными постройками, зерновыми и мусорными ямами. Экономической основой жизни населения городищ было развивающееся пахотное экстенсивное земледелие, сочетавшееся с отгонным скотоводством.

С VI в. уже можно говорить о быстром развитии местного ремесленного производства, в первую очередь гончарного (появляются гончарные клейма на днищах сосудов) и кузнечного. Почти на всех городищах встречаются железные шлаки, свидетельствующие о местной выплавке железа. В целом же исследование аланских городищ второй половины I тыс. н.э., безусловно, свидетельствует об оседлом быте их населения.

Возникновение и развитие аланских городищ в период после гуннского нашествия, быстрый количественный рост населения и резкое повышение его плотности — своего рода «демографический взрыв» — следует объяснять относительной политической стабилизацией, установлением этнических границ, оттоком степного аланского населения на юг и его оседанием на землю, неизбежно связанным с переходом к новой хозяйственной структуре при ведущей роли земледелия. Адаптация кочевников-скотоводов к новым экономическим условиям была облегчена тесными контактами, которые сложились между пришельцами аланами и местным населением с первых веков н.э. Новейшие археологические исследования указывают на существование этих контактов и влияний еще в догуннский период; они продолжались и в последующем, приобретая характер глубокой этнической и культурной интеграции. Можно полагать, что взаимодействие этнического кавказоязычного субстрата и аланского суперстрата в послегуннский период вступило в качественно новый этап, сыгравший огромную роль в формировании осетинской народности и осетинского языка.

Аланы и савиры. Результатом активных контактов гуннов с населением Северного Кавказа стала активизация социальных и этнических процессов. Вероятно, под давлением гуннов маскуты Северо-Восточного Кавказа после 458 г. передвинулись в междуречье Самура и Бельбека, между восточной оконечностью горных хребтов и морем. В арабских источниках периода арабо-хазарских войн эта территория именуется Маскат (Маскут). Согласно В. Ф. Минорскому, эта форма названия местности — народная этимология («Маскат» — место, где что-то произошло), тогда как изначально топоним должен был звучать как «Маскут/Машкут» — «от имени древних массагетов». Со ссылкой на Аммиана, ученый считал алан «древними массагетами». Следовательно, аланы являлись «древними поселенцами Маската». В. Ф. Минорский обратил внимание и на аланские топонимы в данной местности: река к югу от Дербента «называлась *Рубас*, по-осетински «лиса» (ср. с названием текущей далее к югу реки Самур — «куница»)). До 833 г. маскуты имели самостоятельных правителей¹⁰.

Передвижение в Южный Дагестан в IV в. населения с характерными признаками культуры алан надежно засвидетельствовано археологическими материалами. Огромный курган на плато Паласа-Сырт (на вышеназванной р.Рубас) дал целый ряд подкурганых катакомб, не отмеченных здесь в бо-

лее раннее время. Разнообразие конструкций катакомб свидетельствует скорее о «существовании к югу от Дербента этнического конгломерата, чем о наличии здесь однородной этнической группы». Археологи (В.Г. Котович, В.А. Кузнецов, А.В. Гадло и др.) полагают, что «все связи компонентов этого конгломерата» уводят в более северные районы Кавказа, где в IV в. преобладало аланское население¹¹.

В III-IV вв. на территории современного Азербайджана в зоне Мингечаура появляется «чисто катакомбный обряд захоронения» (здесь и далее в этом абзаце курсив авт.). И.Г. Алиев и Г.М. Асланов убеждены, что катакомбы, как и появившиеся ранее срубы, зафиксированный в них погребальный обряд, деформированные черепа части погребенных, некоторые элементы сопровождающего инвентаря — «все это является новым для зоны Мингечаура, появляется здесь внезапно и не только не имеет местной традиции, но и не находит по существу никаких аналогий в местной среде». Их поиск привел азербайджанских археологов к сарматам и аланам: «многое из названного выше без сомнения может быть определено как идущее именно от сармато-алан»¹².

Пребывание алан на западном берегу Каспия нашло отражение в письменных памятниках той поры, называвших ираноязычных пришельцев маскутами/массагетами. Об этом же свидетельствует топонимическая номенклатура приморского Азербайджана: «Мушкур» (от маскут), «Маштага» — название села на Апшеронском полуострове (от «маштата»), откуда, вероятно, и «массагеты»¹³.

Маскуты/массагеты, согласно анализу письменных источников А.П. Новосельцева, жили в прибрежной полосе современного Дагестана. В V-VII вв. их потеснили гунны, хотя маскуты как самостоятельный этнос известны к югу от Дербента и позже¹⁴. Кочевники гуннского объединения в первую очередь стремились взять под контроль земли, удобные для скотоводства. В Восточном Предкавказье были как раз такие удобные для скотоводства угодья. «Однако своих предшественников — алан, роксалан и т.д. — они не могли, да и не хотели полностью согнать с их земель и какое-то время кочевали вместе с ними... кочевники гуннского объединения устремились уже сразу после разгрома своих главных врагов — алан». Аланы, хотя и понесли заметные потери, тем не менее, сохранились в центральной зоне Северного Кавказа, а их ближайшие родственники маскуты/массагеты — в приморской полосе современного Дагестана и соседних районах Азербайджана. Здесь, очевидно, происходил интенсивный синтез местных иранцев (возможно и кавказцев) «с пришельцами, которые в этом районе довольно долго именовались гуннами, возможно и потому, что среди них гуннский элемент был очень влиятелен»¹⁵. Следствием этого стал культурно-религиозный синтез, о чем свидетельствовал Мовсес Каганкатваци: гунны почитали старых иран-

фольклорных материалов. Так, судя по этим данным, западная граница Алании проходила по р. Большая Лаба; на востоке аланские городища и катакомбные могильники достигали Восточной Чечни. Равнинная часть, а также некоторые предгорные районы современных Чечни и Ингушетии были заняты аланским этническим массивом.

Южной границей алан традиционно считается Большой Кавказский хребет, хотя археологические материалы (деформированные черепа, типичные для алан украшения, зеркала, поясные пряжки и т.д.) из сс.Стырфаз, Монастер, Аркнет, Сохта, Едыс, Ачабет, Велурта и ряда других мест свидетельствуют о присутствии групп аланского населения в Закавказье уже в VI-VIII вв.

Северная граница аланской территории должна была проходить по равнине и, вероятнее всего, вблизи крупного водного рубежа. Таким рубежом был широкий и глубокий Терек, нижнее и среднее течение которого уже в первых веках н.э. именовалось «Алонта» (по Птолемию)¹⁸. Это название, производное от этнонима «аланы», указывает на обитание здесь аланского населения, что подтверждается наличием системы хорошо укрепленных аланских городищ по высокому правому берегу. С другой стороны, в гидрониме «Алонта» мы имеем единственный в письменных источниках пример транскрипции аланского этнонима, который в качестве реликта уцелел до нашего времени в осетинском фольклоре в форме «аллон».

Аланские городища на правобережье Терека и по р. Куме, очевидно, были пограничьем, где жизнь была тревожной и опасной: к северу лежала степь, наводненная тюркоязычными воинственными кочевниками. В VI в. доминирующую роль среди них играли савиры (сувар, сибир).

В целом на Северном Кавказе наиболее значительными и могущественными в VI в. были племенные объединения алан и савиров. Прокопий Кесарийский, описывая связанные с данным регионом события, называет только их. Савиры неоднократно предпринимали грабительские походы в Закавказье, бывшее сферой влияния двух могущественных и соперничающих держав — Византии и Ирана. Опасность этих вторжений побудила Иран построить в V в. крепость Юройпаах («Иберийское укрепление»), охранявшую выход из «Аланских ворот» — Дарьяльского прохода, а в VI в. — мощные Дербентские укрепления. Иранское правительство потребовало от Византии денежной дотации на содержание гарнизона в крепости Юройпаах, византийцы в дотации отказали, и это послужило поводом для начала серии ирано-византийских войн, длившихся с начала VI в. до 629 г.

Аланы в ирано-византийских войнах. В ходе этих ожесточенных войн и персы, и греки постоянно искали себе союзников на севере Кавказа, среди алан и гуннов-савиров. И те, и другие принимали активное участие в ирано-византийских войнах, помогая поочередно персам и византийцам. Согласно Прокопию Кесарийскому, племя алан «по большей части (но не всегда) было

союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов»¹⁹. Однако в другом своем сочинении Прокопий именует алан «друзьями христиан и ромеев» (византийцев), что свидетельствует о политической ориентации разных групп алан. Вероятно, восточная группа аланских племен ориентировалась преимущественно на Иран, тогда как западная — на Византию.

Аланы выступают на стороне персов в 541 и 550 гг. В частности, в 550 г. во время вторжения иранской армии во главе с Хорианом в Лазику (Западную Грузию) с персами в качестве союзников пришли аланы. Персы и аланы были разбиты, остатки их, согласно Прокопию, «бежали в отечественные пределы»²⁰.

Почти одновременно — в 549 г. — аланы обязались перед византийцами за 30 фунтов золота изгнать персов из Лазики. Совершенно очевидно, что во всех этих событиях участвовали разные группы алан, действовавших как наемники. В такой же роли платных наемников, судя по письменным источникам, выступали и савиры, причем их политическая ориентация была также неустойчивой и колебалась между Ираном и Византией.

Однако с течением времени западные аланы все определеннее начали выступать как союзники Византии. Провизантийская ориентация Западной Алании особенно четко проявилась при «царе» (вожде западного объединения алан) Саросии; византийскими историками VI в. Феофаном и Менандром он неизменно упоминается как сторонник Византии.

В 558 г. Саросий представил византийскому наместнику в Лазике Юстину посольство авар — новых азиатских кочевников, появившихся в степях Северного Кавказа. Авары стали союзниками Византии и «сокрушили силы савиров», устранив их как активную политическую силу, мешавшую Византии. В этих событиях аланский царь Саросий сыграл активную роль, а недолгие контакты алан с аварами нашли отзвук в осетинском эпосе — очевидно, эти контакты были социально значимы.

В 568 г. Саросий дружелюбно принял византийское посольство во главе с комитом Земархом, следовавшее в Византию из Тюркского каганата, и предупредил его о засаде персов на территории Суании (Свании). Благодаря этому, византийцы благополучно добрались до места²¹.

Союзнические отношения западных алан, территория которых с севера прилегала к Абхазии, подкреплялись Византией раздачей регулярных денежных субсидий. Как свидетельствует византийский писатель Агафий, «эта раздача производилась ежегодно с древних времен». Следовательно, традиция денежного подкупа западных алан в практике византийской дипломатии была давней, что отразилось на удачных попытках использования военной силы алан в той политической игре, которую вела на Кавказе Византийская империя.

Царь Саросий принимает иностранных послов. Худ. А.В. Джанаев

Если западные аланы обнаруживали все большее тяготение к Византии, то восточные аланы, территория которых соприкасалась с владениями персов в Закавказье, оказывались все более связанными с Ираном. В грузинской хронике обращения Грузии в христианство говорится о том, что персы «проникли к кавказцам, и соорудили они себе врата Овсети, одни большие врата — в собственно Овсети и четверо врат — в Двалети, и одни — в Парчуане Дурзукетском; а тех горцев поставили гомардами» (охраной)²². В этом источнике говорится об укреплении персами Дарьяльского прохода («большие врата — в собственно Овсети») и прилегающих с запада и востока перевалов. Видимо, после строительства этих укреплений и Дербентских стен влияние Ирана на северо-восточном Кавказе на какое-то время расширилось и упрочилось, и часть восточных алан стала ему подвластной. Прямые указания на этот счет содержатся у арабского автора IX в. Ибн-Хордадбеха и в персидском источнике «Письмо Тансара», в котором говорится об иранских марзбанах — правителях окраинных областей Ирана, часто назначавшихся из представителей шахской династии. Среди них и правитель алан. Однако остается неясным, был ли он персом, или титул марзбана был присвоен представителю аланской родоплеменной аристократии.

Связи с Ираном подтверждаются и археологическим материалом: в первую очередь это иранские и другие восточные монеты, использовавшиеся

как украшения, персидские ткани, а также сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья Северной Осетии²³.

*Серебряный сасанидский кубок. Случайная находка из Урсдонского ущелья.
Иран. VI-VIII вв.*

В 629 г. ирано-византийские войны завершились. В конечном итоге они, не принеся успеха ни одной из воюющих сторон, привели к ослаблению и Византии, и Ирана. Ирано-византийские войны не прошли бесследно и для алан. Хорошо оплачиваемое военное союзничество обусловило приток материальных ценностей из Ирана и Византии в Аланию. Не случайно во многих северокавказских могильниках VI-VII вв. (Камунта, Рутха, Кумбулта и т.д.) выявлено много привозных предметов, в том числе и ювелирных украшений. Обогащение военно-дружинной прослойки, накопление материальных ценностей в ее руках способствовало ускорению социальной дифференциации и процессу классовообразования.

Перемещение «Великого шелкового пути» на Северный Кавказ. Аланская культура VI-VII вв. С началом ирано-византийских войн связано и перемещение так называемого «Великого шелкового пути» (далее: ВШП) на территорию Алании. Благодаря этому пути, начинавшемуся в глубинах Китая и заканчивавшемуся в Константинополе, Западная Европа и Византия снабжались прекрасным, но очень дорогим китайским, а затем и среднеазиатским (согдийским) шелком. ВШП, таким образом, имел международное значение.

До ирано-византийских войн этот путь пролегал через Иран. Война заставила изменить трассу пути и направить его в обход Ирана — из Средней Азии он шел теперь в Северный Прикаспий, откуда через степи Предкавказья и перевалы Западной Алании выходил к портам Черноморского побережья (Сухум, Потиунт). Перемещение этого пути на территорию Алании сыграло большую роль в ее социально-экономическом развитии.

Аланская культура VI-VII вв. представлена целым рядом катакомбных могильников, таких, как Камунта в Дигории, Чми на трассе Военно-Грузинской дороги, «Мокрая балка» в районе Кисловодска. По некоторым признакам материальная культура, представленная предметами из названных могильников, находилась на высоком уровне и отражала последние технические достижения того времени. Об этом свидетельствуют, в частности, образцы вооружения алан — например, кольчуги и кольчужные насердечники в Чми, палаши как переходная форма от меча к сабле в «Мокрой балке», деревянные седла с передней и задней луками в Чми и т.д.

В ряде катакомбных могильников рассматриваемого времени (напр., Байтал-Чапкан, Чми) обнаружены и захоронения верховых лошадей, что не без основания может быть сопоставлено с языческим обрядом посвящения коня покойнику, известному у осетин до XX в.

Материалы, обнаруженные в катакомбах Камунта, также свидетельствуют о широких связях алан с Закавказьем, Ближним Востоком и Византией через перевальные пути Кавказского хребта, в частности, через Крестовый и Мамисонский перевалы. Занимая стратегически выгодное положение, аланы контролировали эти пути.

Рассмотренный период (конец IV — первая половина VII в.) в развитии алан ознаменовался весьма важными событиями, имеющими принципиальное значение для всей их дальнейшей истории. В результате гуннского нашествия значительная масса алан была втянута в водоворот «великого переселения народов» и приняла активное участие в политической жизни Западной Европы V в. Тем самым история алан оказалась связанной с европейской и мировой историей²⁴.

Другим важным последствием нашествия гуннов и разгрома ими алан был массовый отлив последних из волго-донских и северокавказских степей в предгорья центральной части Кавказа и качественное изменение демографической ситуации в регионе. Аланские племена сарматского происхождения отныне и надолго стали доминирующим слоем населения Центрального Кавказа и прилегающих к нему районов. В ходе разнообразных и сложных этнических, культурных, экономических и политических контактов алан и аборигенных племен, не аланских по происхождению и языку, идет постепенное их сближение.

Археологические памятники свидетельствуют о том, что с V в. аланы постепенно осваивают равнинные, предгорные и отчасти горные районы Центрального Кавказа. Картографирование катакомбных могильников рисует картину постепенного продвижения алан на юг (Балта, Чми, Садон и др.). Усилившиеся ассимиляционные процессы привели к формированию иранской этнической основы осетинского народа, что дает основание считать алан прямыми потомками осетин.

Однако иранизация населения Центрального Кавказа не привела к коренным изменениям культуры, которая в своей основе осталась кавказской. Не изменился и кавказский антропологический тип населения. Это позволило Е.И. Крупнову и другим исследователям считать осетин коренным кавказским народом²⁵.

Находки из могильника Камунта (по П.С. Уваровой)

При этом следует отметить, что язык осетин испытал сильнейшее влияние автохтонных языков. По словам В.И. Абаева, «кавказский язык вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа... Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику»²⁶. В то же время этнографические, фольклорные и иные материалы указывают на достаточно глубокое иранское влияние на все сферы культурной жизни осетин.

В этой связи среди исследователей можно выделить две группы. Одни считают осетин типичными кавказцами, отличающимися от соседей только по языку, другие — придерживаются прямо противоположной точки зрения.

По мнению В. И. Абаева, Б. А. Калоева и др., в формировании осетинского народа в равной мере принимали участие как местные, так и пришлые элементы. В любой области материальной и духовной культуры осетин встречаются и кавказские, и иранские черты, причем в одних случаях кавказские преобладают над иранскими, в других наоборот. Глубокое сочетание кавказских и иранских элементов буквально пронизывает всю осетинскую культуру. И по справедливому замечанию В. И. Абаева, нет таких весов, при помощи которых можно было бы определить долю каждого из них²⁷.

В рассматриваемый период начинается процесс оформления крупного племенного объединения во главе с аланами. Вполне вероятно, что в результате начавшейся этнополитической консолидации уже с VI в. складываются два племенных союза: западный и восточный. Формирование этих союзов аланских племен было большим шагом вперед на пути к созданию аланского государственного образования и формированию алано-осской раннесредневековой народности.

За сравнительно короткий срок аланы из народа кочевого стали народом оседлым, сочетавшим пахотное земледелие с отгонным скотоводством. В совокупности с политической стабилизацией, этнокультурной консолидацией и выделением социальной верхушки это создало благоприятные предпосылки для классовобразования.

Нашествие гуннов ознаменовало конец господства ираноязычных сармато-алан в степях Восточной Европы и Кавказа. Отодвинутые к Кавказским горам, аланы с V в. находились в постоянных контактах как с тюркоязычными племенами, так и с местным кавказским населением.

Примечания

1. Армянские источники об аланах/Сост., комм. Р.А. Габриелян. Ереван, 1985. Вып. I. С. 37-38.
2. Моисей Каганкатвацци. История агван/Пер. К. Патканова. СПб., 1861. С. 22.
3. Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах/Сост. и комм. Ю.С. Гаглойти. // Дарьял. 2000. № 2. С. 251, примеч. 27.
4. Там же. С. 34.
5. Там же. С. 17-18.
6. Там же. С. 43-46.
7. См.: Габуев Т. А. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. 1985. № 2.
8. Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона. М., 1997. С. 162.
9. История народов Северного Кавказа. Т.1. М., 1988. С.95.
10. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М., 1963. С. 110-112.

11. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979. С. 35-36.
12. Алиев И. Г., Асланов Г. М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. Т. III. С. 72-73.
13. Там же. С. 75.
14. По арабским источникам, владение Маскат/Маскут сохраняло суверенитет еще в начале IX в. «Маскат (Маскут) — страна, состоящая из ряда укрепленных пунктов, поселений и полей»; ее границы проходили по р. Самур, побережью моря, владениям Лакз и Шабаран. «В прежнее время она имела независимого правителя (hukkam), чья власть прервалась в 833 г., когда эмир Баб ал-Абаб оккупировал страну» (Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge, 1958. P. 41).
15. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 80-81.
16. Там же. С. 81.
17. Гадло А. В. Указ. соч. С. 50-51, 67-68.
18. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948. № 2. С. 246.
19. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами/Перев. С. Дестуниса. СПб., 1880. С. 221.
20. Прокопий из Кесарии. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 399.
21. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 252.
22. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов. Л., 1930. Вып. V. С. 712.
23. См.: Тревер К. В. Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии // ТОВГЭ. Л., 1947. Т. IV.
24. См.: Бахрах Б. Аланы на Западе. М., 1993.
25. См.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 5. М., 1970. С. 759.
26. См.: Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 316.
27. См.: Там же. С. 38, 318.

ГЛАВА 2. АЛАНЫ И ХАЗАРЫ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В начале второй половины VI в. авары сокрушили сильное племенное объединение гуннов-савиров, занимавших Северо-Восточный Кавказ и степи Центрального Предкавказья. Война между аварами и савирами не коснулась алан, содействовавших аварам; аланское племенное объединение сохранило суверенитет. Авары после разгрома савиров ушли на запад, и на некоторое время аланы стали хозяевами положения на Центральном Кавказе. Но к середине VII в. на руинах савирского объединения возникает новое, еще более сильное объединение — Хазарский каганат. С самого начала история хазар оказывается тесно связанной с историей алан.

Алано-хазарские отношения. Наиболее ранние и достоверные сведения о хазарах относятся к VI в., что, по-видимому, позволяет говорить об этнической преемственности хазар и савиров. Эти тюркоязычные народы имели одинаковую хозяйственную систему и сходный общественный строй. Вероятно, разгром савиров аварами не повлек за собой разрушения производительных сил и уничтожения основной массы савирского населения — оно сохранилось, составив этническую основу Хазарии. Не случайно арабский автор X в. Масуди называет хазар тюркскими савирами.

Эта савиро-болгарская полукочевая среда, включавшая и другие более мелкие тюркские этнографические группы, после падения объединения савиров и Западно-Тюркского каганата стала известна соседним народам под общим наименованием «хазары». Этот этноним сначала обозначал какую-то группу тюрков, а позднее и полукочевое население,

и раннюю государственность, возникшую на равнинах Северо-Восточного Кавказа.

Хазарский каганат особенно усилился во второй половине VII в., после того, как он подчинил себе прикубанских болгар и охватил, таким образом, своей властью равнины Предкавказья от Каспийского моря до Черного. Тогда же вассалом Хазарии стало «царство гуннов» Дагестана.

Как сообщает сирийский автор VI в. Иоанн Эфесский, болгары заселили страну алан Барсалию (Барсилию). Вероятно, она занимала район, прилегающий к «Каспийским воротам» с севера, т.е. равнинно-предгорную часть Северного Дагестана (здесь имеются археологические памятники, в частности, катакомбные погребения, где прослеживаются погребальный обряд и материальная культура аланского типа) и далее на север, включая «черные земли», до устьев Кумы и Маныча. Некоторые историки считают барсилы частью ираноязычной аланской общности.

Не касаясь различных исторических интерпретаций рассматриваемого вопроса, отметим засвидетельствованный в источнике главный факт — захват тюркоязычными хазарами части прикаспийских степей, где до этого господствовали аланы. Продвижение тюрков в Северный Дагестан и оседание их здесь означают тесные этнокультурные связи хазар и алан, живших на севере Дагестана, в Чечне и, возможно, в других районах.

Таким образом, хазары уже на раннем этапе своей истории включили в состав своего объединения часть восточных алан, которые стали подданными каганата. Владения хазар на юго-востоке, по-видимому, простирались до бассейна рек Аксай и Акташ.

С подчинением кубанских болгар границы хазарского государства приблизились к Алании и с северо-запада. Северным рубежом между хазарами и аланами, вероятно, была р. Кума в ее среднем течении. Ставропольская возвышенность находилась в руках хазар.

К концу I-го тысячелетия н.э. дальнейшее развитие получила социальная система хазар; ее эволюция в сторону раннеклассового общества требовала реорганизации структуры управления, а также идеологического обоснования перемен. В начале IX в. глава хазар Обадий провел с этой целью ряд реформ. В памятниках еврейско-хазарской переписки он изображается как «человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (священного писания)...»¹.

В этой характеристике Обадий предстает реформатором. По предположению М.И. Артамонова, Обадий был тем беком, который стал первым хазарским царем и низвел роль кагана до положения сакрального владыки.

Перемены в структуре управления подкреплялись идеологическими методами — путем утверждения высокого статуса новой религии. С этого времени иудейство из вероисповедания одного из знатных хазарских родов превратилось в религию аристократической элиты — царей, каганов и их окружения. Утверждение власти царя протекало в ожесточенной борьбе, принявшей характер «гражданской войны». Она шла из-за власти: «первая власть одержала верх» (Константин Багрянородный), следовательно, борьба шла между сторонниками Обадия и его противниками из числа знати, недовольных сужением, а то и ликвидацией их прерогатив. Опираясь на иудаизм, сторонники царя преследовали аристократов, исповедовавших другую религию. Во время войны была ликвидирована церковная организация хазарских христиан. В 834 г., несмотря на возобновление дружественных связей с Византией, Петроне не позволили соорудить в Саркеле христианский храм, хотя он рассчитывал на это и даже привез мраморные архитектурные детали. Религиозные преследования коснулись и мусульман. В 854/5 г. в Закавказье были переселены 300 семей хазарских мусульман. Кабары-язычники бежали к мадьярам².

У хазар имелся отборный отряд всадников. Масуди, сообщая о том, что «царь хазарский может иметь на жаловании войска», выделяет «конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами; среди них есть вооруженные копьями, а также снабженные оружием наподобие мусульманского вооружения»³. По сведениям Ибн-Даста, царь хазар «в походы свои ходит с своими войсками. Воины его красивы собою. Когда войска эти выступают куда бы то ни было, то выступают в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони. Конное царское войско состоит из 10000 всадников, как обязанных постоянною службою, находящихся на жаловании царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности»⁴.

Правящие круги Хазарии в X в. прибегали к разного рода уловкам для подтверждения законности власти царя, превратившего прежде полномочного хакана в сакрализованного полубога, лишённого реального управления. Ибн-Рустэ, «весьма эрудированный в восточноевропейских делах автор», говоря о двоевластии у хазар, отметил, что верховный правитель (хакан) обладает лишь титулом, а реальная власть сосредоточена в руках «иша», который командует войсками. По одной из рукописей Гардизи, хакан хазар имеет лишь титул, а власть находится в руках царя, чей хазарский титул восстанавливается как «шад». По реконструкции А. П. Новосельцева, хакан еще в середине IX в. был реальным правителем; «шад» впервые упоминается в 20-х гг. VII в. В то время так обозначались представитель знатного рода, родственник царя, командовавший войсками, что уже в ту пору давало ему немалую власть. Существенные изменения в структуре верховной власти Хазарии начались после похода Мервана 737 г. Он разгромил хазар, взял их

столицу, отбросил остатки хазарских войск далеко на север. Поражение хазар было настолько серьезным, что хакан даже согласился принять ислам, но все-таки не сделал этого. Верховная власть оказалась скомпрометированной неудачной внешней политикой; в итоге на рубеже VIII-IX вв. именно шад, как полагал А. П. Новосельцев, выдвинулся на первый план и именно он оказался инициатором принятия иудаизма в качестве государственной религии. По-видимому, в это же время он принял новый титул «бек», впервые фиксируемый источниками в связи с событиями 30-х гг. IX в. Анализ политических событий рубежа VIII-IX вв. привел А. П. Новосельцева к выводу о победе «иудаизма среди части хазарской знати, во главе которой стоял шад-бек». Иными словами, период двоевластия у хазар в основном приходится на IX в., «когда шад (бек) постепенно оттеснил хакана на второй план». Ибн-Фадлан, побывавший в этих местах в 921/2 гг., писал, что у хазар есть малик, называемый хаканом; он показывается (народу, знати?) раз в 4 месяца. У него есть «халифа» («заменяющий в делах»), именуемый хакан-бек. Последний командует войском, управляет, руководит делами государства, и «ему подчиняются цари, находящиеся с ним по соседству». Как видно, по сути никакого двоевластия уже нет. Показателен и титул «хакан-бек». Его можно перевести как «хакан-государь», т.е. реальный хакан. Примерно так же чуть позже описывают Хазарию Истахри и Ибн-Хаукаль. Таким образом, в X в. двоевластие сменилось властью бека, «лишившего хакана реальной власти и влияния»⁵.

Истахри и Ибн-Хаукаль приводят интересные данные о внутренней жизни хазар. «Источник доходов царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях. На обитателях городских кварталов и окрестностей лежит повинность доставлять им всякого рода необходимый провиант, напитки и прочее». «Зажиточных и богатых» царь обязал «поставлять всадников, сколько они могут по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих» (Ибн-Даста). Войско («конная гвардия») царя по одним данным состояло из 7, по другим — из 10, по третьим — из 12 тысяч воинов. Согласно Ал-Истахри, за исключением военной добычи, «у них нет определенного постоянного жалованья», в то время как Ибн-Хаукаль говорит о том, что войску выдаются небольшие суммы. Господствующий слой составляли военно-чиновничья аристократия, дружинники, «старейшины» родов и «лица одного класса с царем»⁶.

По данным Масуди, «мусульмане преобладают в этом городе (или стране?), так как они составляют царское войско. В этом городе они известны как ал-Ларисийа (Арсийа, Арисиа и т.д.) и являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю. Они доблестные и храбрые люди, и служат главной опорой (*mu'awwa*) царя в его войнах»⁷. Службу царю прибывшие воины оговорили некоторыми

условиями, одним из которых являлось сохранение за ними права открыто исповедовать свою религию, иметь мечети и призыв к молитве. Должность «царского визиря» закреплялась за ними. В случае войны с мусульманами они не будут сражаться, но вместе с царем выступят против любого врага из неверных. «В настоящее время около 7000 из них вместе с царем выступают на конях, вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги». Масуди отметил еще одно важное обстоятельство: «Среди восточных царей этого региона только царь Хазарии имеет войско, получающее жалованье (*murtaziga*)»⁸. Информацию о хакане и царе хазар создатель «Худуд ал-алам» черпал из версии Ибн-Рустэ.

Уже на раннем этапе своего развития Хазарский каганат был остро заинтересован в связях с аланами; они занимали исключительно выгодное стратегическое положение на основных путях, связывавших степи Предкавказья, Подонья, Поволжья с богатыми цивилизациями Закавказья и Ближнего Востока. Кроме того, хазар, безусловно, привлекали и возможности алан как военных союзников, способных выставить крупные силы, а также их экономические ресурсы, в частности, земледельческий район плодородных предгорий, входивший в число земледельческих «климатов», откуда шли «все средства к жизни и все довольствие Хазарии»⁹.

Из-за ограниченности источников полностью восстановить историю алано-хазарских отношений невозможно. Некоторые авторы считают, что к VIII в. аланы подпали под власть хазар. В письме хазарского царя Иосифа испанскому сановнику Хасдаю Ибн-Шафруту говорится, что «Все аланы до границ Афкана (Абхазии. — Ред.)... платят мне дань»¹⁰. Письмо Иосифа было написано около середины X в., но оно отражает ситуацию, сложившуюся значительно раньше. Засвидетельствованные в нем даннические отношения говорят о подчиненном положении Алании. Кроме этого аланы должны были участвовать в военных операциях хазар и пропускать хазарские войска через свою территорию. На это указывают события арабо-хазарских войн.

Согласно некоторым восточным источникам (Ибн-Русте, Гардизи), Хазария «одной стороной» прилегает к высоким горам, простирающимся до Тифлиса. Ясно, что «высокие горы» — это Кавказский хребет, и, следовательно, Алания оказывается поглощенной Хазарией. Эти сведения сомнительны и явно преувеличивают не только территориальные размеры Хазарии, но и вообще зависимость алан от хазар. По мнению А. П. Новосельцева, аланы выступали всегда как самостоятельный субъект политики¹¹. И нередко в союзе с хазарами. Это подтверждает Кембриджский документ о союзе Хазарии с царем алан, «так как царство алан (было) сильнее и крепче всех народов, которые (жили) вокруг нас»¹².

«Именно союз с аланами, писал А. П. Новосельцев, помог хазарам сокрушить булгар, изгнать часть их на запад и подчинить остальных»¹³.

С середины VIII в. в районе к востоку от верхнего течения Кубани до с.Хасаут, включая Кисловодскую котловину, появляется группа поселений с керамикой салтово-маяцкого типа VIII-IX вв., отличной от аланской керамики.

В частности, здесь обнаружены подвесные глиняные котлы с внутренними ушками, для алан не характерные, но широко распространенные вплоть до XII в. у кочевников Юго-Восточной Европы, в том числе у болгар. Керамика салтово-маяцкого типа, следы кочевнических юрт на городище «Указатель» под Кисловодском, открытые В.Б. Ковалевской, некоторые другие археологические детали говорят о расселении в очерченном районе кочевого или полукочевого степного населения, скорее всего, болгар. Эта версия находит подтверждение в рунических тюркских надписях, открытых в 1960 г. на Хумаринском городище на правом берегу Кубани близ г. Карачаевска. Хумаринские руны входят в ареал восточноевропейской рунической письменности, оставленной, скорее всего, болгарами.

Причины расселения здесь довольно значительной массы болгар неизвестны. Можно предполагать, что они были переселены сюда Хазарским каганатом для защиты от арабов одного из ключевых перевальных путей через Клухор. С этой же целью хазары сооружают над долиной Кубани могучую крепость с толстыми стенами и башнями — Хумаринское городище. Крепость, вероятно, была оплотом хазарской власти в верховьях Кубани и резиденцией хазарского наместника — тудуна. Все это означает, что в середине-второй половине VIII в. хазары могли установить свой политический контроль и над Западной Аланией.

Аланы в арабо-хазарских войнах. Арабский халифат, возникший на Аравийском полуострове и ставший родиной мусульманской религии, в VII-VIII вв. приступил к осуществлению широкой военной экспансии в странах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Западной Европы и Северной Африки. В 640 г. арабы вторглись в Армению, в 654 г. они подошли к Тбилиси. Началось завоевание Закавказья, завершившееся к началу VIII в. Арабы вошли в Дарьяльское ущелье, их отряды появились в Южном Дагестане. Столкновение арабов с хазарами стало неизбежным. Неминуемым было и участие в этом конфликте алан как военно-политических союзников Хазарии и Византии, выступивших единым фронтом против экспансии Арабского халифата.

В 662 г., по сообщению Ибн ал-Асира, «мусульмане совершили поход как против алан, так и против румов (византийцев), обратили их в страшное бегство и убили несколько их батриков (патрициев)».

В 713-714 гг. хазары отразили арабское нашествие во главе с Масламой, который сумел взять Дербент, а затем арабы вторглись в Северный Азербайджан. В 721-722 гг., по свидетельству Ибн ал-Асира, «тюрки (хазары) напали на аланов». Причины этого столкновения неизвестны.

В 723 г. арабское войско во главе с Сабитом ан-Нахарани «вступило в страну хазар со стороны Армении», т.е. через Дарьял и Аланию. В местности «Луг камней» хазары разбили арабов¹⁴. Однако вскоре арабский наместник Армении Джаррах вторгся во владения хазар через Дербент и взял штурмом хазарский город Беленджер. Хазары бежали на север.

В 724 г. Джаррах повторил свой поход на север Кавказа. На этот раз он был направлен против алан. «Совершил ал-Джаррах ал-Хаками поход в страну аланов и прошел до некоторых городов и замков за Баланджаром», захватив большие трофеи. Об этом сообщает Ибн ал-Асир¹⁵. Судя по всему, Джаррах в ходе своего первого похода нанес удар по хазарским городам и крепостям в Дагестане, а затем обрушился на алан — союзников хазар. Арабы вернулись в Закавказье через Дербент. Следовательно, от арабов пострадала восточная часть Алании.

На следующий год Джаррах вновь появился в Алании. Аланы были обложены подушной податью, подробностей о которой источники не сообщают.

Походы арабов в Аланию были не случайны. Они объяснимы не только отношениями вассалитета алан и хазар, но, главным образом, их сотрудничеством в рамках военно-политического союза, направленного против арабской агрессии на север Кавказа. Стратегической целью арабских вторжений было сокрушение как Хазарии, так и ее союзника — Алании. Об этом свидетельствует дальнейший ход борьбы.

В 728-729 гг. арабы во главе с Масламой вторгаются через Дарьяльский проход и захватывают «ворота Алан»¹⁶ — сильную крепость в глубине Дарьяльского ущелья (при впадении р. Кистинки в Терек). В крепости арабы оставили свой гарнизон, который снабжался из Тбилиси. Однако халиф Хишам, недовольный действиями Масламы, сместил его и вновь направил на Кавказ Джарраха. Под началом Джарраха арабы прошли из Тбилиси через Дарьяльский проход в Аланию и вторглись в Хазарию, достигли низовьев Волги и благополучно вернулись обратно. Восточная часть Алании вновь подверглась опустошению.

В 730 г. хазарское войско во главе с сыном кагана Барджилом вторглось в Азербайджан. Арабы потерпели крупное поражение, Джаррах погиб в бою. Важно отметить, что, как сообщают источники, хазары в этот поход выступили из страны алан¹⁷. Следовательно, территория Восточной Алании опять стала плацдармом для наступления хазар, которое шло одновременно по двум главным стратегическим направлениям: через Дербент и через Дарьял.

Арабо-хазарские войны достигли кульминации, когда наместником Закавказья стал брат халифа Хишама Мерван. В 735 г., согласно Ибн ал-Асиру и Табари, Мерван совершил успешный поход в Аланию, «(ал-Лан), где захватил три крепости»¹⁸. Вероятно, эти крепости находились в районе выхода из Дарьяльского ущелья на равнину. Арабы старались постоянно контролировать

Дарьяльский проход, так как они готовились к новому военному предприятию.

В 737 г. началось одно из крупнейших вторжений арабов на Северный Кавказ. Накануне Мерван, чтобы ввести хазар в заблуждение, направил к ним посла, который заверил кагана, что военные приготовления арабов ведутся против алан, а не против хазар. Поэтому огромная армия арабов численностью 150 тыс. человек вторглась в Предкавказье через Дербент и Дарьял совершенно неожиданно для хазар. Главные силы с Мерваном во главе шли через Дарьяльский проход, в Восточную Аланию и Хазарию, направляясь к Семендеру, где войска арабов соединились и, разбив войско хазар, прошли всю Хазарию до «реки славян», в которой одни исследователи усматривают Дон, другие — Волгу. Каган бежал и запросил мира.

В 763 г. хазары, оправившись от поражения, овладели областями Хамзин и Лакз в Дагестане и вновь «областью Алан».

Вскоре арабо-хазарские войны, существенно истощившие силы обеих сторон, прекратились. IX в. — время усиливавшегося упадка Хазарии, хотя ее политическое значение в известной степени сохранялось до середины X в.

Оценивая роль борьбы хазар и их союзников против арабской экспансии VIII в., крупнейший советский хазаровед М. И. Артамонов писал: «Не будь этого, история Восточной Европы сложилась бы совсем иначе, чем мы ее знаем»¹⁹.

Для алан последствия арабо-хазарских войн были тяжелыми. Отметим свидетельства Халифы о походах арабов на алан. Со ссылкой на Ибн ал-Калби сообщается о походе Джарраха в 105/723-4 г. В 106/724-5 г. Джаррах «прошел в глубь земли хазар. С ним заключили мир аланы, отдав ему джизью и харадж. Он был первым, кто запер ворота ал-Лана». В перечне важных событий 110/728-9 г. помещено сообщение, источником которого являлся все тот же ал-Калби: «Поистине, Маслама запер ворота ал-Лан. Хазары встретили его, вступили в схватку с ним и (сражались), пока ночь не стала преградой между ними. Маслама сохранил (ворота) в неприкосновенности». Под 117/735 г. приведено свидетельство Абу Халида «со слов Абу Бара'а»: один из арабских отрядов, посланных Мерваном на Северный Кавказ, «завоевал три крепости алан». В 119/737 г. Мерван «проник в ворота алан (*Баб ал-Лан*), прошел землю ал-Лан»²⁰. Судя по этим свидетельствам, арабы лишь короткий период контролировали Дарьяльский проход, коль скоро Мервану пришлось «проникать» к воротам алан.

Неоднократные вторжения арабов в Аланию несомненно сопровождались ее опустошением, уничтожением или пленением части населения, дестабилизацией экономики и внешних связей, миграциями населения в более безопасные места. Наиболее крупной миграцией VIII в., вероятно, свя-

занной с арабо-хазарскими войнами, была миграция к верховьям рек Дона и Донца.

Салтово-маяцкая культура VIII-IX вв. Археологические памятники этой культуры стали широко известны в 1900 г., когда недалеко от Харькова, у с. Верхнее Салтово, начались раскопки обширного и богатого катакомбного могильника. Здесь же было открыто селище того же периода с белокаменной крепостью. Найденные в погребениях монеты позволили уверенно датировать Салтовский могильник VIII-IX вв., но определение его этнической принадлежности вызвало споры. Некоторые исследователи считали, что столь высокая культура могла принадлежать только хазарам. С этими выводами не согласились А. А. Спицын и Ю. В. Готье: погребальный обряд и материальная культура салтовских катакомб оказались очень сходными с культурой аланских катакомбных могильников VIII-IX вв. на Северном Кавказе. Поэтому они определили Верхне-Салтовский могильник как аланский.

В современной науке утвердилась эта атрибуция Верхне-Салтовского могильника и всей салтово-маяцкой культуры (получила свое название по Салтовскому могильнику и Маяцкому городищу у Воронежа). Сейчас салтово-маяцкая культура представлена более чем 200 археологическими памятниками: могильниками, селищами, городищами, остатками кочевий, крепостями. Отечественные исследователи выделяют два варианта этой культуры: лесостепной аланский (к нему, в частности, относятся Салтовский могильник и Маяцкое городище) и степной болгарский.

Кратко коснемся аланского варианта. Он достаточно хорошо изучен. Можно уверенно утверждать, что характерная для него материальная культура действительно связана с аланской культурой Северного Кавказа: очень велико сходство многих типов керамики, металлических украшений и амулетов, оружия, конского снаряжения и т.д.; аналогичны погребальные обряды, которые совпадают иногда даже в деталях (например, скелеты мужчин находятся в вытянутом положении на спине, женские — в скорченном, на боку); в могильниках встречаются вещи кавказского происхождения. Антропологические материалы могильников салтово-маяцкой культуры не противоречат их генетической связи с аланским населением Кавказа.

Все это приводит исследователей к выводу о переселении алан — носителей салтово-маяцкой культуры — с Северного Кавказа. Неясно лишь, из какого конкретного района «салтовцы» переселялись в верховья Дона. Возможно, что это район верхней Кубани — Кисловодска, откуда аланы могли быть вытеснены при расселении здесь в VIII в. группы болгар-хазар. Точно неизвестны и причины аланской миграции на север, но время переселения — середина VIII в. — указывает на вероятную связь с арабо-хазарскими войнами. Не исключено, что перемещение довольно значительной массы алан в

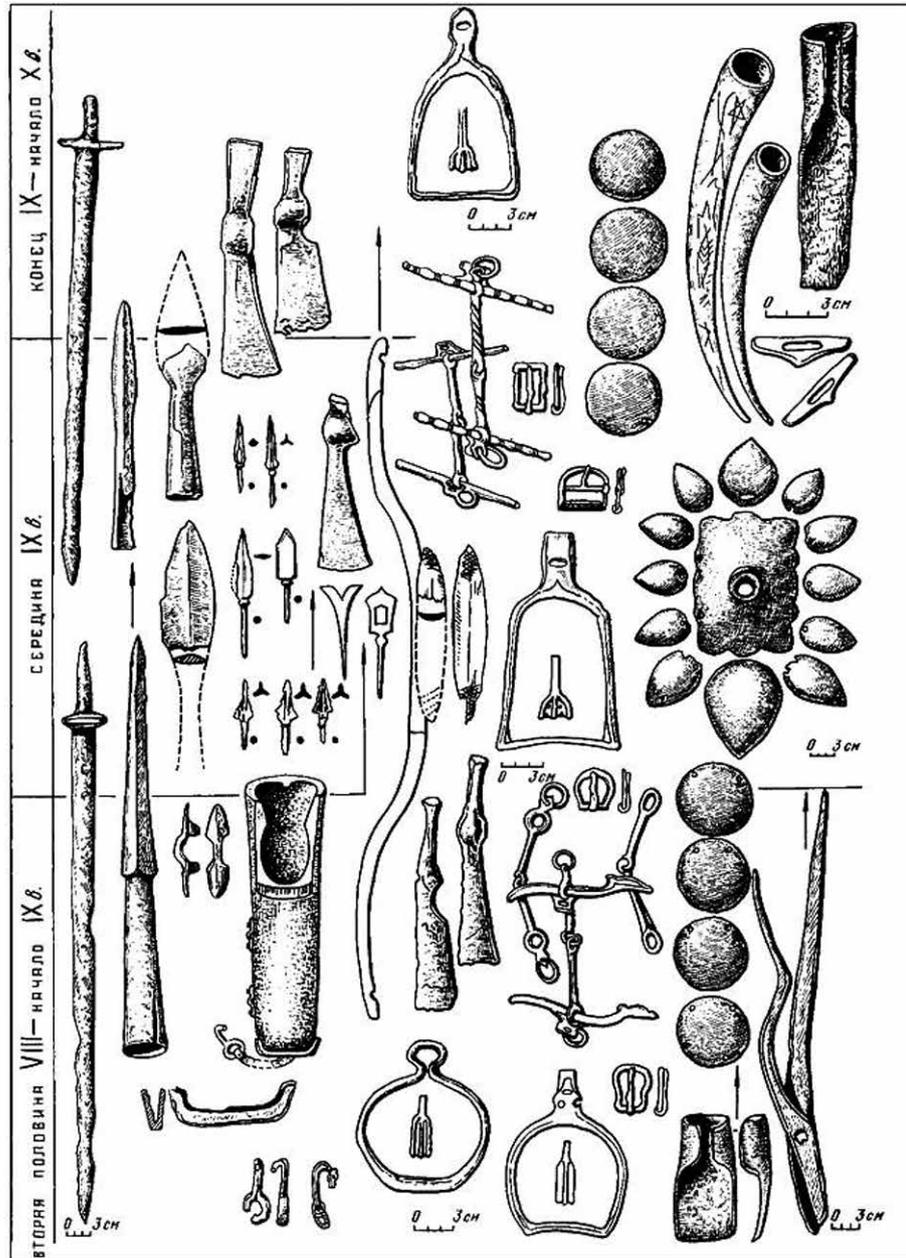

Рис. 7. Древности салтово-маяцкой культуры

верховья Дона и Донца, на северо-западную окраину Хазарского каганата, было специальной акцией²¹.

Расселившись на территории современных Харьковской, Воронежской и Белгородской областей, аланы-«салтовцы» оказались в зоне стыка Хазарии с восточнославянскими племенами, прежде всего с носителями так называемой роменско-боршевской археологической культуры. Салтовские аланы вступили с ними в культурные и, возможно, этнические контакты: в Дмитровском катакомбном могильнике VIII-IX вв. обнаружены трупосожжения, необычные для алан и характерные для пеньковской археологической культуры славян.

Нет сомнения в том, что «салтовцы» составляли крупное формирование хазарских войск. Археологическими раскопками открыто много погребений отлично вооруженных всадников, видимо, составлявших конную дружину.

Салтово-маяцкая культура прекратила свое существование в конце IX в. В начале X в. фактически прекратилась хазарская власть над Аланией; Алания стала суверенной. Освобождение от экономической и политической зависимости, насаждаемой хазарами, стимулировало ускоренное внутреннее социально-экономическое развитие аланского общества по пути феодализации.

«Великий шелковый путь» в VII-IX вв. Трасса «Великого шелкового пути» (ВШП) пролегла по долинам рек Большая Лаба и, возможно, Большой Зеленчук к легко доступным перевалам Санчаро и Цагеркер к урочищу Псху в Абхазии. Именно в этом районе и несколько восточнее него найдено много остатков шелковых тканей, в основном среднеазиатского (согдийского) производства. Аланы, контролировавшие трассу ВШП, могли получать эти красочные, богато орнаментированные ткани в качестве пошлины за проезд через их территорию.

Наиболее представительную коллекцию привозных шелков VII-IX вв. удалось выявить при раскопках могильника «Мощевая балка» около пос. Курджиново (ущелье Б. Лабы). Эти археологические материалы позволяют судить об участии различных стран в торговле шелком: около 25% приходится на византийское и около 18-20% — на китайское производство. Есть основания считать, что примерно так же были представлены и купцы, доставлявшие свои товары по этому пути. В частности, в «Мощевой балке» найдено захоронение китайского купца VIII в., при этом на шелке обнаружены остатки картины эпохи Тан и обрывки приходо-расходных записей²².

Материалы «Мощевой балки» дают довольно полное представление о типах и покрое аланской одежды, и в этом отношении они уникальны. Верхняя одежда отражает социальную дифференциацию общества: одежда знати богато украшена нашивками из привозных шелков (обшивались ворот, борта, отвороты и т.д.) или целиком сшита из шелка. Обнаружен хорошо со-

хранившийся мужской шелковый кафтан с изображениями фантастических чудовищ — сенмурвов. Мужские головные уборы имеют шлемовидную форму и бывают увенчаны шишаком. Одежда представителей социальных низов изготавливалась из домотканых некрашенных холстов. А. А. Иерусалимская, сопоставив образцы одежды из этого могильника с одеждой осетин и адыгов более позднего времени, пришла к выводу о смешанном характере населения, оставившего «Мощевую балку». Сказанное подтверждается и местом расположения могильника — он находится в зоне контактов адыгов и алан.

*Аланский мужской костюм VII-IX вв.
(Реконструкция З.В. Доде по материалам «Мощевой балки»)*

ВШП, функционировавший длительное время, содействовал накоплению материальных ценностей в руках социальных верхов, их обогащению и усилению классовых позиций. Тем самым он объективно стимулировал процессы классовобразования и политогенеза у алан.

Формирование сословных групп и государства у алан. Социально-экономическое развитие Алании. Во второй половине VIII-X вв. на предгорных равнинах Центрального Кавказа складывается система аланских городищ, сопровождаемых грунтовыми и катакомбными могильниками, которую в начале X в. Масуди охарактеризовал как сплошной ряд поселений²³. Об их аланском происхождении свидетельствуют многочисленные находки характерной для алан черно-сероглиняной керамики, как изготовленной на гончарном круге, так и лепной. Создание этой системы городищ было неизбежно связано с ростом населения. Эти процессы еще недостаточно исследованы, но можно предполагать, что в рассматриваемый период происходит прилив населения извне и оседание его на плодородных равнинах Предкавказья. С переходом от скотоводческой системы хозяйства к оседлому земледелию предгорные равнины Алании, обладавшие тучными черноземами, становятся экономической базой формирования феодализма у алан.

Археологические материалы дают ряд косвенных подтверждений этому. Так, найденные в разных местах Алании земледельческие орудия свидетельствуют о применении их в пахотном земледелии, а зерна — о преимущественном возделывании зерновых культур. Огромное количество открытых на поселениях зерновых ям позволяет судить о количестве получаемой продукции, часть которой могла выполнять функции прибавочного продукта.

Наряду с крестьянами значительную часть населения представляли ремесленники. В рассматриваемый период ремесленное производство сделало большие успехи, о чем говорят массовые археологические находки различных местных изделий. Ремесленники Алании изготавливали высококачественную керамику, наступательное и оборонительное вооружение, все необходимые орудия труда, предметы быта и конского снаряжения (включая седла), всевозможные ювелирные украшения, в том числе и предназначенные для массового потребления. Есть основания считать, что в VIII-IX вв. происходит процесс дифференциации ремесел и специализации ремесленников (мастеров по камню, дереву, коже), который завершается в последующий период. Осваивается ряд новых технологий, например, амальгамного золочения, литья с применением имитационных форм.

Развивается и мелкое крестьянское хозяйство, и независимое ремесленное производство, образующие базис феодального способа производства. В рассматриваемый период на фоне определенного оживления и подъема экономики, связей с внешним миром, в первую очередь с Хазарией и

Византией, Средней Азией, в Алании происходит активный процесс классового образования.

Ф. Х. Гутнов эволюцию общественного строя алан реконструирует следующим образом. Алания X в. предстает перед нами сильным государством с единоличной властью, именуемой источниками «царской». Как отмечалось выше, Хазария признавала, что царство алан было «крепче и сильнее, чем все (другие) народы, которые окружают нас». В тот момент, когда «возмутились все народы против» хазар, «только царь алан поддержал» хакана; многие «цари, (кто) воевали против Казар/ии/; но царь алан пошел на их землю и раз/громил/ее так, что нельзя восстановить»²⁴.

Мощь Алании отметил и Масуди: «Царь алан имеет 30000 всадников. Он могуществен, очень силен и влиятелен среди (других?) царей. Его царство состоит из непрерывной серии поселений...»²⁵.

В начале XI в. союзнические отношения связывают Аланию с Киевской Русью²⁶.

Важную роль Алании в международных делах отметил Константин Багрянородный. «/Знай/, что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам,.../Знай/, что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты»²⁷.

По А. П. Новосельцеву, некогда прочный алано-хазарский союз дал трещину еще в 20-х гг. VIII в. Принятие же хазарской знатью иудаизма на рубеже VIII-IX вв. усилило стремление Алании к самостоятельной внешней политике.

С VIII в. начинается завершающий этап политогенеза у алан, приведший к образованию в начале X в. раннеклассового общества. Верховная власть в нем сосредоточилась в руках высшего слоя военной аристократии — багатаров. Согласно Ибн-Рустэ, «Царь алан называется Б.гайр, каковое (имя) прилагается к каждому из их царей». Данный титул изначально применялся по отношению к полководцам, но с течением времени он получил новый оттенок и некоторое время применялся также в отношении царей Алании. Таким способом, как представляется, они указывали на свою связь с определенным типом знати — военной аристократией.

Данный термин в значении «храбрый», «богатырь» В. И. Абаев выводил из тюрко-монгольского *bagatur, bagadur*. Причем осетинская форма «идет, во всяком случае, не из персидского, а из монголо-турецкого... на монголо-турецкой почве широко распространена стяженная форма *baatur, batur, batyr*, которая также известна осетинам; она отложилась в имени эпического героя

Batraz»²⁸. Г. Бейли титул *pakat'ar* Зеленчукской надписи сопоставил с титулом алан *ba'yr* из *bayatar*, приведенным ал-Масуди и отмеченным в грузинской хронике аланским именем *Os-bagata'ar*. По мнению английского ученого, корень термина может быть интерпретирован как *baka* «верный»²⁹.

Специальную статью аланскому титулу «багатар» посвятил А. Алемань. Он собрал практически все источники, содержащие хоть какую-то информацию о данном термине: древнегрузинские, арабские, китайские и венгерские письменные памятники, а также Зеленчукскую эпиграфическую надпись. Цитируя Ибн-Рустэ, А. Алемань пишет: «царь алан именуется *B.gay.r* — имя, которым обозначается каждый из их царей». В этом сюжете, продолжает испанский исследователь, «*Bagatar* более точная форма (cf. Oss. D. *bayatar*), чем ошибочное чтение *B.gay.r*»³⁰. А. Алемань оспорил версию перевода части (6-10 строки) Зеленчукской надписи, предложенную Л. Згустой. Центральная часть данного эпиграфического памятника в версии перевода венгерского ученого изложена так: «6) Сахири фурт Ховс, 7) Истури фурт Багатар, 8) Багатаруи фурт Амбалан, 9) Амбалани фурт Лаг, 10) ани цирта»³¹.

Одновременно царь алан носил заимствованный у хазар титул *кэркундедж*³². Иными словами, он являлся носителем и военной, и гражданской власти. Масуди, характеризуя общественное устройство алан, отметил, что «*K.rk.ndaj/?/* — обычное имя всех их царей». В.Ф. Минорский в комментарии этого сюжета допускал связь между титулом аланского царя «кэркундедж» и тюркским почетным титулом *kar-kundag*. Элемент *kar* встречается в различных тюркских именах и прозвищах. Вторая часть похожа на мадьярский социальный термин *k.nda*, как и родовое имя эмира северокавказского происхождения Исхака б. Кундаджа (или Кундаджика)³³.

Следующая прослойка военной аристократии алан обозначалась одним из ранних аланских полувоенных, полусловных терминов — *алдар*. Напомним, что он восходит к периоду военной иерархии и первоначально обозначал не более как «военный предводитель». Причем имелся в виду военный предводитель средней руки. Не случайно в венгерском, заимствованном у алан, означает «начальник охраны», «начальник сотни». А у монголов, также воспринявших его у алан, получил значение «(военная) слава»³⁴.

Ф. Корнилат (*Cornillat Fr.*) полагает, что появление термина, «по-видимому, уходит в более отдаленные времена». В Нартовском эпосе *алдар* используется либо в отношении к божественным или сверхъестественным силам, либо в отношении людей. «Первым среди божественных носителей титула следует упомянуть *Afsati*, название которого происходит от древнеиранского термина *Wispati* 'Господь'». Вторым божественным носителем рассматриваемого титула является отец Сослана — *Sosag aldar* «вождь Сосаг»³⁵.

Другой персонаж эпоса — покровитель злаковых культур и фруктов — назван *Хоралдар*. Вторую часть антропонима Г. Бейли перевел как «*lord*,

owner»³⁶. Английский ученый выделил также имя верховного покровителя нартов (Narta lord) — *xusauti xusau* «глава всех глав». Он являлся «главой голубого неба»³⁷.

Интересен еще один социальный термин — *афсин*. Напомним, что в эпосе осетин так обозначен статус Шатаны, жены Урызмага — главы и вождя нартов. Сам антропоним Г. Бейли выводил из *ava-razmaka* «господин», что соответствует положению Урызмага в обществе нартов. Имя жены Урызмага — *Satana* — восходит к древнему *satar-*, «правитель»³⁸. Правда, армянские исследователи дают иную этимологию. Так, Гр. Ачарян связал Сатеник с арм. *sam* «янтарь». Эту версию поддержал Т. Далялан, обратив внимание на отсутствие ясной этимологии «на основе кавказских и осетинского языков». Образ Сатеник-Сатана «представляется как языческая богиня любви и плодородия»³⁹.

Напомним позицию В. И. Абаева, который обратил внимание на зафиксированный у арабских авторов VIII-IX вв. среднеазиатский титул *afsin*. «Афсинами» назывались правители Усрушана. Последний из них, Хайдар, в арабских источниках назывался *al-Afshin*. Он получил известность как полководец халифов Мамуны и Мутасима, умер в 841 г. Якуби повествует об отправке Матусимом *афшина* Хайдара на борьбу с Бабеком, назначив его «правителем всех областей, через которые он проедет». Афшин Хайдар «повез с собой большие средства и громадное количество оружия»⁴⁰. Правитель Согда Гурек в договоре с арабским военачальником Кутейбой ибн Муслимом назвал себя «ихшид Согда, афшин Самарканда». Здесь явно выступает нарицательное значение термина *afsin* «правитель». Считая данное слово скифским по происхождению, В. И. Абаев допускал возможность его связи с массагетским матриархатом; термин первоначально служил наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис. Затем из массагетского «заимствован в соседние области Средней Азии уже применительно к правителям мужчинам»⁴¹.

Рассматриваемый термин стал предметом анализа Р. Бильмайера в его статье о т.н. «аланских фразах Цеца». Вкратце остановившись на истории изучения вопроса, немецкий ученый детально рассмотрел сам текст. Дважды он обращался к этимологии титула *афсин*, разделяя точку зрения В. И. Абаева. Р. Бильмайер в числе примеров привел венгерское слово *achcin*⁴².

По историографической традиции, аланское общество X в. считается раннефеодальным, хотя еще не доказано существование именно феодальных методов эксплуатации в то время. Источники начала X в. разделяют алан на «людей знатных и властных» и «простых людей». Но таких свидетельств мало для утверждения о феодальном характере отношений между «знатными» и «простыми». Эксплуатация населения на рубеже IX-X вв. вряд ли осуществлялась рентным способом (во всяком случае, источники не

говорят об этом), использовались другие методы изъятия прибавочного продукта.

Как представляется, не все виды изъятия у населения прибавочного продукта в предклассовом и раннеклассовом обществах можно рассматривать как эксплуатацию. В частности, т.н. «добровольные дары», на наш взгляд, являлись ранней формой налога, а не эксплуатацией. Если отбросить некоторые расхождения в деталях, то в современной отечественной историографии преобладают две трактовки понятия «эксплуатация»: 1) как любое безвозмездное изъятие продукта одними людьми у других⁴³, и с этой точки зрения налог рассматривается как эксплуатация; 2) присвоение чужого труда собственником средств производства; при таком подходе налог не всегда является эксплуатацией⁴⁴. Вторая точка зрения представляется более логичной. Любой вид налога направлен на поддержание управленческих структур и отнюдь не являлся «безвозмездным изъятием продукта», а расходовался элитой, прежде всего на производство необходимых обществу услуг и информации [управление, обеспечение безопасности и т.д.]⁴⁵.

Своеобразной компенсацией неразвитости государственного аппарата в Алании X в. являлось полюдьё. Специалисты установили практически всемирное распространение этого феномена и некоторые его разновидности⁴⁶. Внешне полюдьё представляло собой обход носителя государственной власти по традиционному маршруту подвластных ему поселений и пограничных районов, где он осуществлял свои привилегии и выполнял главные функции. В связи с этой проблемой привлекает внимание фрагмент из работы Масуди: кроме аланской столицы «в этой стране находятся еще крепости и уголья, располагавшиеся вне этого города, куда царь время от времени переезжает»⁴⁷. Отголоски полюдьё на Кавказе сохранились вплоть до XIX в.⁴⁸

Образование на рубеже IX-X вв. аланского раннеклассового общества — факт примечательный. Но степень развития государственного аппарата и единоличной власти не следует преувеличивать. Хорошо осведомленный о социальной структуре Алании начала X в. Константин Багрянородный особо говорит об «эксусиократоре» Алании и «архонте Асси»⁴⁹, контролировавшем Дарьяльский проход.

Первый социальный термин М. В. Бибиков выводит из древнегреческого *эксусия* «власть» + *кратер* «владеть», «иметь». Это один из византийских титулов, применявшихся к правителям «иноземного народа». Сходный термин *эксусиаст* «употреблялся применительно как к могущественным Фатимидам, так и к аланам и авасгам — вассалам Византии»⁵⁰. Х. Лиддел и Р. Скотт в своем словаре *эксусия* переводят как *power, authority* «власть», «авторитет»⁵¹. А. Алемань отмечает, что «титул *эксусиократора*, специально для правителя Алании, должен был существовать, по крайней мере, между X-XII вв., поскольку в 1107/8 г. его все еще носил алан Росмик». Эксусиократор Алании являлся

«единственным правителем на Кавказе, который не получает от императора повелений; к нему обращаются как к независимому государю»⁵².

Имена первых аланских «царей», стоящих во главе таких объединений, сообщают византийские писатели Менаандр и Феофан. Это — Саросий (VI в.) и Итаз, или Итаксис (VIII в.). Их социальный статус не совсем ясен. Но оба они были крупными властителями Западной Алании, обладавшими верховной властью и возглавлявшими племенное объединение (союз племен) верхнекубанских алан.

Социальной базой формирования господствующего класса в Алании была старая родоплеменная знать, особенно усилившаяся в период ирано-византийских, а затем и арабо-хазарских войн. В ее руках оседали значительные материальные ценности, что вело к глубоким общественным последствиям. Этот процесс, вероятно, в значительной степени стимулировался доходами от «Великого шелкового пути» на западе края и от других очень важных путей — через Дарьяльский проход и Мамисонский перевал — на востоке. Арабские нашествия нанесли огромный урон Восточной Алании, затормозив ее экономическое и социальное развитие. Западная Алания от этих вторжений не пострадала. Поддерживая традиционные связи с Византией, она периодически получала оттуда щедрые денежные субсидии. Агафий свидетельствует, что раздача денег северокавказским «варварам» производилась ежегодно «с древних времен»⁵³. Львиная их доля доставалась аланам.

Все это обусловило неравномерное общественно-экономическое развитие разных районов Алании. При этом нужно учесть отставание социальных процессов в горных районах страны от равнинных, что объясняется природными особенностями края и определенной изоляцией населения высокогорья. Застойный характер хозяйства горных областей определял устойчивое сохранение традиционных, становившихся архаическими общественных отношений, связанных с родовым строем. Данная закономерность общественного развития прослеживается у горских народов Северного Кавказа вплоть до XIX в.

Культура и быт. Проникновение христианства. Материальная культура алан второй половины I тыс. характеризуется признаками, типичными для любой оседло-земледельческой культуры юго-востока Европы. Свидетельств письменных источников о культуре алан этого периода нет; пожалуй, единственное исключение — краткий рассказ анонимного армянского автора IX в. о стране алан: «Эта страна, полная всяческих благ, есть в ней много золота и великолепных одежд, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и благородных камней»⁵⁴. Данное известие явно характеризует культуру аристократической верхушки и военно-дружинной прослойки. Относительно богатые погребения, принадлежавшие конным воинам-дружинникам VIII-IX вв., открыты в районе бывшей ста-

ницы Фельдмаршальской (Ингушетия), с. Мартанчу (Чечня), в селениях Чми, Балта, Кобан, Даргавс, Тарское (Северная Осетия), Песчанка (Кабардино-Балкария), «Мокрая балка» и Эшкакон у г. Кисловодска (Ставропольский край). Большинство воинов захоронено с однолезвийными палашами или саблями, поясными наборами, стрелами, нередко характерными для аланской культуры бронзовыми конскими бляхами и начельниками. Интересно, что рукояти некоторых сабель обтягивались кожей ската, обитающего в морях Индийского океана.

Судя по предметам вооружения и конского снаряжения, аланская конница была хорошо экипирована и отвечала последним требованиям своего времени. Общение и сотрудничество с хазарами, напряженная борьба с арабами способствовали подъему военного дела и быстрому распространению у алан новейших образцов вооружения, таких, как изогнутая стальная сабля, седло жесткой конструкции с луками и ленчиками, стремяна.

Материальная культура народных масс, прежде всего крестьян-общинников, представлена «рядовыми» погребениями аланских катакомбных могильников, не содержащими оружия (за исключением ножей и легких секир на деревянных ручках). Подобная «социальная» неоднородность в инвентаре археологических памятников прослеживается весьма отчетливо. В могилах простых воинов не обнаружено и захоронений коней.

Повседневный быт и характер жилища знати нам почти не известны: выявить такие жилища археологам пока не удалось. Аланское жилище крестьянина-общинника известно достаточно хорошо. Судя по раскопкам городищ Гиляч и Адиух в верховьях Кубани, многослойного городища Цми в Алагирском ущелье, эти жилища сооружались из тесаного камня без применения раствора; из такого же камня возводились оборонительные стены. Очаги из каменных плит находились в центре помещения или у стен, нередко устраивались каменные лежанки. Предметы мебели не сохранились, но можно предполагать, что она была деревянной. В катакомбах у с. Архон (Алагирское ущелье) и с. Даргавс (Тагаурия) сохранились остатки трех-

Конское седло VIII-IX вв. из Даргавского катакомбного могильника

ногих деревянных столиков, очень напоминающих современные осетинские «фынги».

На предгорной равнине преобладали жилища типа полуземлянок, с турлучными стенами и глинобитными полами. Крыши, очевидно, были также глинобитными и плоскими. Жилища окружались хозяйственными постройками и зерновыми ямами. В рассматриваемое время начинает практиковаться сооружение глинобитных стен (Змейское селище). Никаких признаков благоустройства дворов и улиц не выявлено, однако надо заметить, что аланские городища и поселения изучены еще слабо.

Жизнь и быт населения аланских городищ были трудными и суровыми. Частые болезни и эпидемии, засухи и неурожаи, войны и межродовые столкновения, вероятно, существовавшая кровная месть — все это пагубно отражалось на продолжительности жизни, не превышавшей, по данным антропологии, в среднем 40 лет. Особенно высока была детская смертность.

Немаловажное значение для оценки культурного уровня имеет вопрос о письменности. В сирийских источниках есть сведения о том, что аланы были письменным народом, наряду с греками, римлянами, арабами, армянами, грузинами.

Во второй половине I тыс. н.э. аланы сохраняли собственную традиционную религиозную систему. Дохристианская религия алан представляла своеобразный синтез двух основных элементов: иранского и субстратного кавказского, «который стал проникать в религию алан с момента их появления на Кавказе»⁵⁵. Однако по мере вызревания классовых феодальных отношений традиционные представления все более приходили в противоречие с интересами господствующих слоев населения. С возникновением феодальных отношений появляется необходимость создания единой идеологии, оправдывавшей и освящавшей отношения господства и подчинения. Вторая половина I тыс. стала временем первого знакомства алан с основами христианской религии: на западе страны — из Византии, на востоке — из Грузии. Уже в IV в. правители Грузии предприняли попытку насадить христианство среди кавказских горцев при помощи оружия: «Эристав пустил немного в ход оружие, и они со страху выдали на сокрушение своих идолов»⁵⁶. Но эта попытка успеха не имела, и борьба продолжалась при сыне царя Грузии Мариама Бакаре, который «обратил в христианство большинство кавказианов»⁵⁷. Однако нет уверенности в том, что аланы в данный период уже входили в число «кавказианов» — жителей горных ущелий Кавказа.

Более удачными в этом направлении были шаги, предпринятые Византией. Насаждение христианства в глазах византийской дипломатии было средством мощного идеологического воздействия на «варваров», способного прочно держать союзные племена в орбите своих политических интересов. Поэтому усилия византийцев были особенно активны. Византийские

источники, повествующие о ссылке одного из столпов православия Максима Исповедника в 662 г. в Лазику (Западную Грузию), упоминают некоего «истинно христоролюбивого патриция и правителя... области Алании» Григория. Поскольку Лазика граничила с Западной Аланией, можно считать, что в середине VII в. в этой части Алании уже существовало христианство (по-видимому, речь идет только о слабой христианизации социальных верхов алан).

Приведенные сведения подтверждаются перепиской Анастасия апокрисиария с пресвитером Феодосием Гангрским. В этой переписке содержатся ценные сведения о том, что 20 августа 668 г. Феодосий Гангрский получил оставшиеся реликвии и письмо умершего Анастасия от Григория, настоятеля монастыря Иоанна Крестителя в Алании⁵⁸.

Ориентация на Византию выразилась в принятии аланским царем христианства, скорее всего «во второй половине VIII в. или даже в IX в.»⁵⁹. Д. Оболенский осторожнее говорил о распространении христианства у алан. «Наиболее раннее свидетельство появления христианства в Алании датируется рубежом VIII-IX вв., когда монах Евфимий с горы Олимп в Вифинии положил начало христианизации страны алан». Данный процесс оказался длительным и нелегким; «важным этапом на этом пути стало крещение правителя алан, имевшее место в начале X в. Обращение правителя явилось результатом совместных усилий патриарха Николая Мистика и назначенного им первого архиепископа Алании Петра». Деятельность последнего осложнялась его удаленностью от вверенного ему диоцеза, разногласиями с Евфимием и приверженностью его паствы языческим обрядам. Николай Мистик слал Петру ободряющие письма, заверяя нетерпеливого подчиненного, что о нем помнят в Константинополе, призывал его сохранять мирные отношения с коллегами-миссионерами, а в отношении к знати алан советовал проявлять тактичность. «Строгость, — писал Николай, — хороша применительно к простым людям его диоцеза, но необходимо проявлять сугубую осторожность, понуждая правителя и придворных соблюдать правила христианского брака»⁶⁰. С этого времени (VII в.) христианство в Алании пускает корни. По мнению В. А. Кузнецова, верховья Кубани становятся тем местным центром, откуда христианство распространялось на восток и на запад.⁶¹

Нет сомнения в том, что в рассматриваемое время христианство не затронуло широкие народные массы Алании и не пустило здесь глубокие корни. Социальная опора классовой христианской религии была еще недостаточно прочна. Кроме того, возникновение мощного Хазарского каганата, активно влиявшего на Аланию, было сильным сдерживающим фактором как для экономического и социального прогресса, так и для укрепления здесь христианства.

Примечания

1. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С.80, 97.
2. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С.279-280, 324-330.
3. Использование арабской терминологии в отношении дружинников социумов Юго-Восточной Европы и Кавказа, напомним, во многом условно. Русская калька с некоторых арабских слов, употреблявшихся для градации дружинников, не всегда адекватно передает их специфику. В таких случаях, вероятно, целесообразнее оставлять термин без перевода. Так, перевод А. П. Ковалевского термина гулям русским «отрок» оспорен О. Б. Большаковым. У славян отроки как члены дружины были свободными, тогда как гулямы — рабами или вольноотпущенниками. Отроки относились к младшим дружинникам, а гулямы нередко становились даже полководцами (Большаков О. Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // ДГВЕ. 1998. М., 2000. С.54; Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМПОМПК. 1908. Вып. XXXVIII. С.45).
4. Ибн-Даста. Известия о хазарах, бургасах, мадырах, славянах и русах/Пер. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869. С.18.
5. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.134, 137-142.
6. Ибн-Даста. Указ. соч. С.16-19; Караулов Н. А. Указ. соч. С.44-45.
7. Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10-11th centuries. Cambridge. 1958. P.146-147.
8. Minorsky. Op. cit. P.148.
9. Константин Багрянородный. Об управлении империей/Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.
10. Коковцов П. К. Указ. соч. С.101-102.
11. Новосельцев А. П. Указ. соч. С.91-110.
12. Там же. С.91.
13. Там же. С.91-110.
14. Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль/Пер. П. Жузе. Баку, 1940. С.22-23.
15. Там же. С.25.
16. Якуби. История / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С.6.
17. Ибн ал-Асир. Указ. соч. С.26.
18. Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С.47.
19. Артамонов М. И. Указ. соч. С.224.
20. Бейлис В. М. Сообщение Халифы ибн Хайята ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. // ДГВЕ. 1998. М., 2000. С.38-40, 42-43.
21. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993. С.151.
22. Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1982. С.5.
23. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 205.
24. Глоб Н., Прицак О. Хазарско-еврейская переписка X века. М. — Иерусалим, 1997. С.140-141.
25. Minorsky. Op. cit. P.157.
26. Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. С.68.
27. Константин Багрянородный. Указ. соч. С.53.
28. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958. С.245-246; см. также: Sikojew A. Die Narten. Sohne der Sonne. Koln, 1985. S.147-222.
29. Bailey H. W. 1) Ossetic (Narta) // The modern Humanities Research Association. London, 1980. P. 238; 2). Ossetic (Narta) // Nartamonga. 2003. Vol. II. № 1-2. P.9.

30. Alemany A. The «Alanic» Title Bayatar // Nartamonga. 2002. Vol. I. №1. P.78.
31. Zgusta L. The Old Ossetic inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987. P.59-60.
32. Караулов Н. А. Указ. соч. С.53; Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах/Сост. и комм. Ю. С. Гаглойти // Дарьял. 2000. № 3. С.215.
33. Minorsky V. Opt. cit. P.156.
34. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. С.127-128.
35. Cornillat Fr. 2003. Du titre ossete aldar aux sources de L'Iran // Nartamonga. 2003. Vol. II. №1-2. P.84.
36. Bailey. Ossetic (Narta). 2003. P.11, 12.
37. Bailey. Ossetic (Narta). 2003. P.27.
38. Bailey. Ossetic (Narta). 1980. P.239; 2003. P. 10.
39. Далалаян Т. К вопросу о генеалогии образа армянской эпической царевны Сатеник // Историко-филологический журнал. 2002. №2. С.212.
40. Якуби. История/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С.17.
41. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. С. 110-111.
42. Bielmeier R. Das alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Leuven. 1993. S. 7-8, 13-14.
43. Илющечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С.24-30, 95, 303, 306, 331; Семенов Ю. И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. 1993. № 1. С.55.
44. Ильин Г. Ф. О так называемой налоговой эксплуатации//Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1985. С.69-72; Коротаяев А. В. Рец.: Илющечкин В. П. Эксплуатация и собственность... // Восток. № 2. 1992. С.189-198.
45. Коротаяев А. В. Рец.: Илющечкин В. П. Эксплуатация и собственность... С.193, 198. примеч. 24.
46. Кобищанов Ю. М. Полюдые и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С.135-158.
47. Караулов Н. А. Указ. соч. С.53.
48. Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 428-429, 499; Кобищанов Ю. М. Полюдые: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С.193-227.
49. Константин Багрянородный. Указ. соч. С.51-53.
50. Там же. С.332, прим. 2.
51. Liddell H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P.599.
52. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С.242-243.
53. Избранные отрывки из «Истории» Агафия Миринейского/Пер. М. В. Левченко // ВВ. 1950. Т. III. С.321.
54. История анонимного повествователя/Пер. М. О. Дарбинян (Меликян). Ереван, 1971. С.76.
55. Абаев В. И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С.17.
56. Обращение Грузии (в христианство)/Пер. Е. С. Такайшвили // СМОМПК. Тифлис, 1900. Вып. XXVIII. С.23.
57. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С.29-32.
58. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С.29-32.
59. Новосельцев. Указ. соч. С.106.
60. Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С.190.
61. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. С.30-32.

ГЛАВА 3. АЛАНИЯ В X–XII вв. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Длительные и напряженные арабо-хазарские войны подорвали могущество обоих враждующих государств, в результате чего резко упало их влияние на Кавказе. В конце VIII — начале IX вв. хазары приняли иудейскую религию, что сделало их идеологическими противниками Византии и усилило изоляцию Хазарии на международной арене. Вместе с тем, в этот период наблюдается рост политического авторитета Руси, а также ряда других восточно-европейских стран (в том числе Алании), ранее зависимых от каганата. Так, вероятно, уже к концу IX в. аланы восстановили свой суверенитет и стали на путь самостоятельного развития. Положительную роль при этом сыграло сближение их с Русью, наметившееся к концу IX в.

Аланы и Киевская Русь. Походы русов и алан на Каспий. Крепнущая Киевская Русь в IX в. стала значительной политической силой в Восточной Европе. В 860 г. русские дружины совершили успешный поход на столицу Византийской империи Константинополь, в результате чего между обеими державами был заключен договор «мира и любви».

Одновременно Русь стремилась получить выход к Волге и Каспийскому морю, овладеть водными путями на Восток, имевшими большое торгово-экономическое значение. Так, согласно Масуди, в столице Хазарии — городе Итиле (на Нижней Волге) — существовала славяно-русская купеческая колония с судьей, судившим «по велениям разума»¹. А в 909 г. Русь предприняла поход на Каспий. Это было весьма крупное военное предприятие: русы спустились на Каспий

на 500 судах, причем на каждом было до 100 человек. Сведения об этом походе есть у Масуди и у табаристанского историка XIII в. Ибн-Исфендияра². Нападению русов подверглись южное побережье Каспия и Апшеронский полуостров с городом Баку. На обратном пути по Волге русы попали в засаду, устроенную хазарами, и были почти полностью перебиты. Враждебная акция хазар стала одной из причин последующего похода Святослава.

В 944–945 гг. состоялся новый поход русов на Каспий. Как свидетельствует сирийский автор Бар-Геблей, «в тот год... вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердау и, убив в нем 20000 человек, ушли назад»³. Очевидно, русы предварительно установили сношения с северокавказскими владельцами. Участие алан в этом походе, последующие их совместные действия в Прикаспии XI в., описанные местными историками Дербента и Ширвана, свидетельствуют об их активности в делах не только Северного Кавказа, но и Закавказья.

В 965 г. вспыхнула давно назревавшая война Руси с Хазарией, мешавшей славянам получить выход к Каспию, Кавказу и восточным рынкам. Борьбу с хазарами возглавил князь Святослав Игоревич.

Князь Святослав (945–972 гг.) был талантливым и энергичным полководцем, почти всю жизнь проведенным в походах. На первом этапе его деятельности главное место во внешней политике Руси занимал т.н. «хазарский» вопрос. В 964 г. Святослав начал свой знаменитый «восточный поход». В результате двух походов, освободив от хазарской власти славянское племя вятичей, он обрушился на хазар. Каганат был разбит, и войска Святослава овладели г. Белая Вежа (Саркел) на Дону⁴. Далее, по свидетельству «Повести временных лет», Святослав вступил в войну с ясами и касогами (в данном случае, по всей видимости, говорится о подонских ясах). У арабского географа X в. Ибн Хаукаля есть сведения о том, что в 968/969 гг. русы завершили разгром Хазарии, захватив и разрушив города Итиль, Семендер и др.⁵ Речь, таким образом, идет о втором походе русов, в котором сам Святослав непосредственно не участвовал. В результате этих успешных предприятий русских дружин перед аланами, как и перед другими народами, освободившимися от хазарской зависимости, открылись благоприятные перспективы внутреннего социально-экономического развития.

Другим важным последствием «восточного похода» Святослава явилось укрепление русов на территории Северного Кавказа в районе Матархи (Тамань). К концу X в. на Таманском полуострове сложилось русское Тмутараканское княжество.

В русских летописях Тмутаракань впервые упоминается в 988 г., когда Владимир (980–1015 гг.) посадил там своего сына Мстислава. После смерти отца Мстислав стал править самостоятельно, а затем утвердился в Чернигове и других левобережных землях Руси.

С самого начала своего существования русское Тмутараканское княжество находилось в определенных взаимоотношениях с местным населением, преимущественно адыгским. Однако в близком соседстве с ним, на территории Нижнего Прикубанья, жили и аланы-ясы, появившиеся на Азиатском Боспоре еще в начале нашей эры.

Это подтверждается археологическими данными, а также сообщениями письменных источников. Благодаря широко развернувшимся археологическим исследованиям в Среднем и Нижнем Прикубанье, накопились интересные материалы, характеризующие культуру алан как позднеантичного времени («Золотое кладбище» у ст. Тифлисской, II–III вв.), так и раннего средневековья (катакомбные погребения VIII–IX вв. у ст. Корсунской). Сведения о проживании алан в этом районе есть у Масуди. Так, он утверждает, что «аланы более мощны, чем кашаки, которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье». Из контекста рассказа Масуди следует, что нападавшие на кашаков (адыгов) аланы жили поблизости от них, т. е., вероятно, в пределах Среднего и Нижнего Прикубанья. Несколько позже византийский автор X в. Константин Багрянородный писал, что адыгскому племени зихов, жившему на Черноморском побережье, приходилось при набегах алан спасаться на прибрежных островах. На основании свидетельств этих источников в современной научной литературе был поставлен вопрос о возможном расширении территории алан после падения Хазарского каганата за счет присоединения западных земель и о попытке аланского объединения выйти к Черному морю⁶, т.е. аланы в конце X–XI вв. вполне могли вступать в контакты с русской Тмутараканью. Обитали аланы-ясы и в Подонье, через которое Тмутаракань поддерживала связи с Русью, а также в Крыму.

Тмутаракань была крупным торговым центром. «Город этот густо населен и весьма цветущ, — писал арабский историк XII в. Идриси, — в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев»⁷. Это подтверждается и многочисленными находками изделий из днепровского янтаря (особенно бус) и стеклянных браслетов XI в. — предметов русского производства, распространявшихся из Тмутаракани по всему Северо-Западному Кавказу, в том числе и в Алании. Походы Святослава, повлекшие крушение Хазарии, создали благоприятные условия для продвижения русских к Предкавказью. Русское население появилось в бывшей хазарской крепости Саркел на Дону (около г. Цимлянска); по мнению В.Ф. Минорского, отдельные группы русов проникли в Северо-Западный Прикаспий, возможно, к устью Терека. В конце X в. русы состояли на службе в Дербенте. Но падение Хазарского каганата открыло дорогу в степи Северного Причерноморья и Предкавказья и тюркоязычным ко-

чевникам. Печенег и половцы постепенно вытеснили русское население из этого региона. В начале XII в. Русь потеряла и Тмутаракань.

Участие алан в походах русов на Каспий, их контакты с Тмутараканским княжеством положили начало истории русско-осетинских отношений.

Территория Алании. Археологические памятники. В рассматриваемое время окончательно сложилась историческая территория Алании. Разумеется, территория расселения алан не совпадала с границами Алании как государственного образования, включавшего не только алан, но и некоторые другие племена и народы Северного Кавказа. Относительно стабильная территория Алании X–XIII вв. (до монголо-татарского нашествия) нам в общих чертах известна. Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский свидетельствовал: «Всю страну, которая простирается от Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы»⁸. Под «Каспийскими воротами» следует понимать Дарьяльский проход, но неясно — что подразумевал Прокопий под «Кавказом». Видимо, речь идет о центральной части Северного Кавказа. Другие высказывания Прокопия позволяют уточнить территорию алан: «За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов».

Итак, по соседству с аланами жили зихи, а за ними — гунны-савиры. Зихи занимали земли по Черноморскому побережью и в Нижнем Прикубанье, гунны-савиры обитали в степях Центрального и Северо-Восточного Предкавказья. О территории расселения племени брухов можно судить по древнему названию р. Мзымты-Брухонта. Аланы в VI в., согласно сведениям Прокопия, граничили с зихами в Нижнем Прикубанье, с брухами — в верховьях рек Малой и Большой Лабы, а на востоке их владения простирались до Дарьяльского ущелья, где они соседствовали с сатирами. Однако другой автор VI в. — сириец Захария Ритор — проводил восточную границу алан к северу от Дербента, помещая их рядом с болгарями⁹.

Византийские авторы VI в. Агафий, Менандр и Феофан (VIII в.) считали территорией размещения алан район Северного Кавказа, прилегающий с севера к Абхазии и Сванетии, т.е. располагали их в междуречье Верхней Кубани и Баксана. Там же локализует племя аштигор (ас-дигор) новый список «Армянской географии» VII в.: «За дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут аланы, откуда течет река Армна»¹⁰, отождествляемая с Терекком. Согласно этому ценному источнику, на территории Алании находятся два алано-осетинских племени: ас-дигоры — на западе и собственно аланы — на востоке. Область Ардоз, занятая аланами — Предкавказская равнина. Здесь же новый список «Армянской географии» размещает другие племена, не относящиеся к аланам: аргвелов, такуйров, хебуров, кутетов. Вероятно, это местные кавказские племена или более мелкие социально-территориальные образования, особенно горные¹¹.

Согласно Масуди, аланы жили между Сариром — Дагестаном на востоке и кашаками-адыгами на западе, т.е. в пределах центральной части Северного Кавказа. Южную границу Алании, принимая во внимание природные условия, можно провести по Главному Кавказскому хребту, что подтверждает местонахождение «Ворот алан» — широко известной в раннесредневековых источниках мощной крепости в теснине Дарьяльского ущелья. Северная граница алан была, очевидно, наименее устойчивой, что зависело от отношений со степными кочевниками. Судя по археологическим памятникам аланской культуры, она проходила в долине р. Кумы, несколько севернее среднего течения Терека.

На этой обширной территории в эпоху раннего средневековья обитали не только ираноязычные аланы, но и другие племена, преимущественно кавказских аборигенов. Эти племена были неоднородны, что подтверждается археологически. Неоднородны по материальной культуре и некоторым этнографическим чертам были и сами аланы. Эта мозаичная этническая картина осложнилась включением в бассейн Верхней Кубани группы тюрок, различными культурными импульсами и влияниями извне. Поэтому историко-археологическое изучение Алании, раскрытие ее этнической истории сопряжены с большими трудностями.

В этой связи понятен и пестрый состав археологических памятников Алании как для X–XII вв., так и для предшествующего периода — VII–IX вв. Не вдаваясь в детали, назовем основные группы этих памятников.

Местные племена кавказского происхождения, проживавшие в горах между Эльбрусом и Казбеком, представлены тремя локальными вариантами материальной культуры, истоки которой уходят в глубокую древность. Археологические памятники этой культуры — подземные и полуподземные склепы, а также множество каменных ящиков-гробов, составленных из нескольких плит, для алан первоначально не были характерны¹².

Выше говорилось о системе аланских городищ, сложившейся в послегуннский период в равнинной части Предкавказья. Большая часть их продолжала функционировать и в X–XII вв. Многие городища имеют сложную структуру, свидетельствующую о социальной неоднородности их населения. Так, например, цитадели были местом проживания местной феодальной прослойки, тогда как в неукрепленных посадах концентрировалось трудовое население. На территории Западной Алании в X–XII вв. внутри цитаделей многих городищ, обнесенных каменными стенами, находилась одна или несколько небольших приходских церквей (Ильичевское, Гиляч, Адиюх и т.д.). В восточных же районах преобладали городища с мощными земляными рвами, церкви на них пока не выявлены. Нередко городища образуют компактные группы, так называемые «гнезда», которые отражают особенности общественного строя алан. Типичным примером «гнездового» расположения яв-

ляется группа городищ к югу от города Баксан, на обеих сторонах верхней надпойменной террасы р. Баксан.

На территории Северной Осетии подобных аланских городищ немало, но они еще слабо изучены. Это городища на правом берегу Терека в районе г. Моздока, несколько городищ на берегах р. Дур-Дур, «Каууат» близ с. Брут, у с. Заманкул, на южной окраине г. Владикавказ; у с. Зильги и т.д. Особо следует отметить крупное аланское городище X-XII вв. Верхний Джулат в Эльхотовских воротах — на трассе большого пути из Закавказья через Дарьяльский проход на север, к низовьям Волги и Дона. Оно частично исследовано. Наряду с обычными для алан этой зоны турлучными полуземлянками на городище сохранились следы каменных строений; обнаружена гончарная двухъярусная печь с топочной и обжигательной камерами.

Конский начальник X-XII вв. из Змейского катакомбного могильника

Вблизи городищ обычно находятся катакомбные и грунтовые могильники. В катакомбах — подземных сводчатых усыпальницах — с преимущественно коллективными (семейными) захоронениями, как правило, содержится разнообразный погребальный инвентарь: глиняная и стеклянная посуда, женские украшения, орудия труда, оружие, конский убор. Наиболее

известный катакомбный могильник XI–XII вв. Северной Осетии — Змейский (около одноименной станицы). При его раскопках получен богатый археологический материал, характеризующий многие стороны жизни, хозяйства, быта, культуры, внешних связей алан XI–XII вв. Некоторые находки являются уникальными, например, в одной из катакомб обнаружены остатки великолепных одежд из ткани некогда красного цвета, покрытой золочеными аппликациями из кожи, множество украшавших одежду и обувь золоченых бубенчиков, богатая сбруя и резное седло с остатками сафьяновой попоны, вышитой серебряной крученой нитью, сабля с золочеными орнаментированными обкладками ножен и рукоятью с рубиновой вставкой — вещи, сопровождавшие усопшего князя, очевидно, занимавшего высокую ступень в феодальной иерархии. Слева от него была захоронена его жена в платье, расшитом бронзовым бисером. На груди женщины лежал туалетный набор из золоченой бронзы, состоявший из нескольких предметов. В ногах князя захоронен взрослый мужчина, а также всадник-воин с оружием. В этом погребении был найден золоченый начельник боевого коня, сделанный в виде женской фигурки с чашей в протянутых руках¹³.

Описанные выше городища и могильники составляют тот археологический комплекс, который должен быть отнесен к памятникам материальной культуры аланского населения Центрального Кавказа.

По мере продвижения алан в горные ущелья в них появляются аланские катакомбные могильники VII–IX вв. — Тарское, Чми, Балта, Верхний Ларс, Даргавс, Кобан, Архон, Садон, Алагир, Камунта. Они позволяют исследователям восстановить картину постепенного освоения гор аланским населением, что имело большое значение для дальнейшего процесса формирования осетинского народа и его основной этнической территории.

Земледелие, скотоводство, рост ремесленного производства. Торговые связи. Как отмечено выше, аланы — вчерашние кочевники и скотоводы — после нашествия гуннов стали переходить к оседлому земледелию. Близкие контакты с аборигенами во многом способствовали приобщению алан к местным традициям земледелия и усвоению ими необходимых производственных знаний и навыков. Местные кавказские племена с глубокой древности занимались земледелием и накопили богатые традиции земледельческой культуры. Аланские городища предкавказской равнины свидетельствуют о том, что уже в VI–IX вв. их население было оседлым и земледельческим.

Письменные источники содержат весьма скудные сведения о земледелии у алан. Одно из немногочисленных свидетельств принадлежит доминиканскому монаху (венгру по национальности) Юлиану, побывавшему в Алании в 1235 г. «Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут в поле, вместе также и жнут»,¹⁴ — сообщает он. Столкнувшись с необ-

ходимостью добывать себе пропитание, Юлиан и его спутники вынуждены были делать ложки и обменивать их на пшено. Согласно Юлиану, у алан практиковалось распахивание почвы (а значит, имелись и необходимые орудия); кроме пахоты осуществлялись такие производственные процессы, как жатва и молотьба.

Это полностью подтверждают и археологические находки, правда, немногочисленные, пахотных орудий, среди которых особо выделяется так называемый «Кызбурунский клад железа» (Кабардино-Балкария). В его состав входил большой лемех плуга длиной 60 см и весом 8,615 кг. Было высказано справедливое мнение, что «подобный тип орудия абсолютно непригоден для горного земледелия. Он скорее всего применялся в равнинных местностях при пахоте на волах или на буйволах»¹⁵. Подобные тяжелые лемехи могли принадлежать колесному плугу, приводимому в движение несколькими парами волов. Поставленный под углом нож-чересло отделял полосу земли, а лемех подрезал ее и переворачивал. Как считают специалисты, такое орудие обеспечивало по сравнению с сохой очень высокую производительность труда. Кызбурунский лемех может быть ориентировочно датирован XI – XII вв.

Наличие высокопроизводительных пахотных орудий в Алании позволяло распахиывать большие пространства плодородных земель Предкавказья и получать не только необходимый, но и прибавочный продукт. Последнее обстоятельство имело глубокие общественные последствия — накопление прибавочного продукта в руках феодализирующейся родоплеменной знати стимулировало дальнейший процесс классовобразования.

Наряду с тяжелым передковым плугом в Алании использовались и более примитивные пахотные орудия типа сохи, о чем свидетельствуют находки нескольких типичных железных сошников (Нижний Архыз, гора Бештау, Кора-Урсдон), которые и позволяют представить внешний вид этих орудий (сами орудия изготовлялись из дерева и поэтому в раскопках не сохранились). Они были малопродуктивными, приводились в движение одной-двумя парами волов и могли применяться (в отличие от плуга) не только на равнине, но и в горах.

На территории Алании найдены и другие виды земледельческих орудий: серпы, коса (Касарское ущелье), представленные сотнями экземпляров каменные мельничные жернова, каменные ступки для измельчения зерна и каменные песты к ним, плоские зернотерки весьма архаичных форм.

После уборки урожая зерно хранилось в специальных зерновых ямах, обнаруживаемых на аланских поселениях в массовом количестве. Изнутри ямы обмазывались глиной или обкладывались камнем, устье плотно закрывалось круглой каменной крышкой. Таким образом достигалось сохранение постоянной температуры, что позволяло хранить зерно в земле длительное время. Наряду с ямами в ходу были и надземные зернохранилища. На горо-

дище Адиюх, например, было обнаружено помещение мельницы, а в нем — остатки сгоревшей корзины с зерном, на городище Верхний Джулат — остатки кленовой кадушки, заполненной зерном.

Наиболее распространенными у алан были зерновые культуры — просо и пшеница. Зерна этих культур найдены при раскопках целого ряда археологических памятников. Так, просо удалось обнаружить на городищах VII–XII вв. Адиюх (Карачаево-Черкесия); Киевское, Верхний Джулат, Октябрьское (Северная Осетия); Нижний Джулат и Хамидия (Кабардино-Балкария). По некоторым лингвистическим данным, просо было главной зерновой культурой алан¹⁶. Кроме проса и пшеницы аланы возделывали ячмень и овес.

Можно полагать, что в равнинно-предгорной зоне Алании практиковалась переложная система земледелия; в предгорной и горной зонах, покрытых лесом, могла применяться подсечная система, основанная на вырубке и выжигании леса; в высокогорье, лишенном лесного покрова, — террасное земледелие с применением удобрений. Террасное земледелие в горах Осетии сохранилось до XIX в.

Из прочих земледельческих культур следует отметить виноград. Проезжавший в XIII в. через Северный Кавказ Гильом де Рубрук по пути к «Железным воротам» — Дербенту — побывал в «замке» алан, где видел виноградные лозы и пил вино¹⁷. Несомненно, у алан существовало и пчеловодство, что зафиксировано в фольклорных, лингвистических и этнографических материалах (например, медовый напиток нартов «ронг», культ дигорского покровителя пчеловодства Анигол и т.д.).

Наряду с земледелием важнейшее место в хозяйстве Алании принадлежало скотоводству. Оно было традиционным занятием сарматов и алан с глубокой древности, особенно разведение лошадей. Знали скотоводство и древние кавказские племена, у которых в условиях горного Кавказа сложилась отгонная система (летом скот содержится в горах, зимой — на равнине). Судя по всему, в процессе адаптации к условиям горного и предгорного Кавказа аланы переняли от аборигенов отгонную систему скотоводства и широко ее использовали. По-прежнему наиболее популярным домашним животным у них была лошадь. О том же говорят и комментарии Евстафия к землеописанию Дионисия Периегета (XII в.), в которых аланы названы сильными и многоконными¹⁸, а также многочисленные изображения лошадей на аланских амулетах VII–IX вв.

По находкам костей домашних животных при археологических раскопках можно судить о составе стада в разных районах Алании. Так, в равнинной части преобладал крупный рогатый скот, в горах — овцы, козы. Найдены также кости свиньи, собаки, кошки, осла. Занимались аланы и птицеводством, обнаружены кости домашней курицы и куриные яйца (в катакомбах Змейского могильника XI–XII вв.).

Занятия алан охотой и рыболовством засвидетельствованы находками костей диких животных (кабана, медведя, оленя, косули, сайгака, зайца, лисы) и рыб (осетра, лосося, севрюги, сома, сазана, усача). Найдены при раскопках и орудия рыболовства: грузила от сетей, крюк от багра (в аланских городищах притеречных районов).

Развивалось в Алании и ремесленное производство. Известны добыча железа и его обработка. Metallургическое производство опиралось на местную рудную базу — территория Алании находилась в районе залегания сферосидеритовых руд, магнетитов, красных и бурых железняков. Выработка железной руды того времени пока не обнаружено, но на многих аланских городищах и поселениях найдены многочисленные следы ее выплавки в виде железных шлаков. Это говорит о том, что при плавке практиковался сыродутный способ, при котором большие отходы железа уходили в шлак. Единственная пока железоплавильная печь зафиксирована при раскопках Нижне-Архызского городища X–XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук. Печь была трехкамерной¹⁹.

Аланские металлурги умели делать и стальные изделия. В эпоху раннего средневековья производство стали широко распространилось у народов Восточной Европы, была разработана технология изготовления как стальных, так и комбинированных изделий из стали и железа. Аланские кузнецы владели обеими технологиями. Металлографические анализы некоторых аланских сабель и ножей подтверждают это: так, например, сабля XI–XII вв. из Нижнего Архыза изготовлена из высокотвердой стали, по своей структуре сходной с мартенситной.

Ассортимент продукции кузнечного ремесла алан был весьма широким. Это — самые разнообразные орудия труда и инструменты, оружие и доспехи, предметы конского снаряжения, хозяйственная утварь, предметы церковного инвентаря и т.д. — до 40 названий, что говорит о высокоразвитом кузнечном ремесле и о существовании (по крайней мере в X–XII вв.) специализации аланских кузнецов (например, оружейники). Вполне возможно, что существовала и простейшая кооперация труда аланских кузнецов и других ремесленников.

Важную роль продолжала играть обработка цветных металлов, тесно связанная с традициями археологических культур эпохи бронзы. Рудная база была местной, разрабатывались месторождения меди и серебра. В рассматриваемый период бесспорно уже эксплуатировалось Садонское месторождение полиметаллов. В качестве приплава к меди использовались цинк и свинец. В археологических памятниках обнаружено несколько орудий литейного производства: глиняные тигли и льячки, каменные литейные формы. Применение жестких литейных форм позволяло производить серийно недорогие вещи, прежде всего украшения и мелкие предметы, шедшие на рынок.

Существовали и другие формы литья — по восковой модели и в пластических глиняных формах. Аланские мастера знали также ковку и чеканку по металлу. Из получаемых путемковки медных листов производилось много предметов, в том числе клепаные котлы с ручками. При изготовлении украшений широко применялось золочение бронзовых украшений при помощи специальной амальгамы. Третий вид аланского ремесленного производства — гончарное. Оно стало выделяться в самостоятельную отрасль ремесла в V–VI вв. (именно в это время на днищах сосудов появляются гончарные клейма). Основными средствами производства гончаров были гончарный круг и гончарная печь для обжига посуды. Наличие ручного круга подтверждается гончарными клеймами и технологическими особенностями керамики. Печи были одноярусные и двухъярусные, с топочной и обжигательной камерами. Археологами открыто три такие печи: на Аргуданском городище в Кабардино-Балкарии, Верхне-Джудатском в Северной Осетии и Дубаюрт в Чечне.

Аланская керамика представлена многими сотнями предметов, хранящимися в различных музеях Северного Кавказа, Москвы, Санкт-Петербурга. Полностью уцелевшие керамические изделия археологи обычно обнаруживают в могильниках. Вся масса керамики может быть разделена по технологии изготовления на гончарную (круговую) и лепную, по функциям — на столовую, кухонную и тарную, по типам — на кувшины, горшки, миски, пифосы, гидрии и т.д. Встречаются привозные причерноморские амфоры и керамика абхазского происхождения (главным образом в Западной Алании). В керамике Восточной Алании хорошо прослеживаются черты сарматской и древней местной посуды, позволяющие судить о происходивших здесь этнокультурных и этногенетических процессах.

Из других отраслей ремесленного производства нужно назвать традиционную, уходящую корнями в местную культуру, обработку камня (в первую очередь каменное строительство без применения вяжущих веществ), обработку дерева с применением простейшего токарного станка ротационного вращения и обработку кожи. Некоторые кожаные предметы сделаны с удивительным мастерством и профессионализмом.

Специализация ремесленного производства в Алании достигла столь высокой ступени, что применительно к IX–X вв. мы можем с полным основанием говорить о втором крупном разделении общественного труда — отделении ремесла от земледелия и его ориентации на рынок. Эти выводы приводят к другой важной проблеме, характеризующей внутреннее развитие Алании, — проблеме торгового обмена.

Алания не имела своей монетной системы. Но активный торговый обмен несомненно существовал и развивался на базе как внутреннего рынка и местных экономических связей, так и торгового обмена с соседними и отдаленными странами. О наличии активных внешнеторговых связей свидетель-

ствуют многие археологические находки, прежде всего привозные предметы (порой из отдаленных стран, например, шелковый текстиль VII–IX вв. из Китая и Средней Азии, поступавший по «великому шелковому пути»). В персидском анонимном сочинении начала XIII в. среди городов Кавказа упоминается город Аланийэ (Алания), о котором сказано: «Это город между Абхазом и Кыпчаком (степь Предкавказья. — Авт.); в нем много мусульман. Его товары: рабы, девушки-рабыни и мерлушка»²⁰. Следовательно, Алания поставляла на восточные рынки рабов и ценные шкурки. Естественно предположить, что с возникновением рынков в Алании должно быть связано появление городов.

Социальный и политический строй. Возникновение раннефеодальной государственности. Основным содержанием социального развития алан в рассматриваемый период было разложение родового строя и становление классового феодального общества. Социальную историю аланского общества в целом можно разделить на три периода, отражающих поступательное развитие и смену общественно-экономических формаций. Первый и наиболее длительный период, выделенный Л. Морганом и Ф. Энгельсом, — эпоха военной демократии. У некоторых обществ Северного Кавказа военная демократия установилась еще в первой половине I тыс. до н.э.²¹ Одним из внешних проявлений военной демократии было создание сильных военных организаций во главе с военными вождями и грабительские набеги на соседей. История алан до гуннского нашествия пестрит подобными походами и набегами (например, походы алан в Закавказье и страны Передней Азии в I–II вв. и т.д.). Набеги — «балцы» воспеты в осетинском Нартовском эпосе, формирование которого ученые в основном относят именно к эпохе военной демократии. Характеристика отдельных черт, присущих этой эпохе, есть в описании алан Аммианом Марцеллином (IV в.). В частности, он сообщает, что аланы с целью грабежа или охоты «доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора (Азовское море), даже до Армении и Мидии... они не имеют никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами»²². Период господства военной демократии у алан, вероятно, завершился одновременно с гуннским нашествием IV в.

После гуннского нашествия и бурных потрясений «великого переселения народов», видимо со второй половины V в., начинается второй период, завершившийся в IX в. Это период классового образования. В социально-экономической сфере он связан с переходом к оседлости и к новым формам хозяйствования, с развитием ремесла и торгового обмена, установлением определенных экономических и культурных связей между отдельными районами Алании, дальнейшей дифференциацией общества — не только имуществен-

ной, но и социальной. В сфере политических отношений он характеризуется участием алан сначала в ирано-византийских, затем арабо-хазарских войнах и усилением их связей с такими сильными государствами, как Византия и Хазария. Данный период является переходным от родоплеменного строя к феодальному, когда возникает своеобразное и сложное переплетение структурных элементов предшествующей и последующей социально-экономических формаций. Такое переплетение элементов родового строя с пробивающимися ростками новой феодальной формации наблюдается в указанное время в Алании. Процесс усиления и концентрации политической власти в руках отдельных владетелей, недавних племенных вождей, не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и то, что власть этих владетелей еще была ограничена территориально и не охватывала всю страну. Существенно и то, что попытки внедрить здесь христианство в VII в. не дали результатов — в это время классовая база христианства в Алании еще недостаточно сформировалась. Вместе с тем, как показывают археологические материалы, в VIII–IX вв. уже появились богато вооруженные воины-всадники, что свидетельствует о возникновении социальной опоры утверждающегося господства феодалов — военных дружин.

Сведения имеющихся источников настолько скупы, что воссоздать детальную картину общественных отношений невозможно, речь может вестись лишь об общих процессах и тенденциях развития. В период распада родового строя и «военной демократии» и зарождения феодальных элементов образуются аланские племенные союзы второй половины I тыс. н.э., исторически закономерные на этой стадии классового образования. Они содержали в себе организационные предпосылки будущей государственности и стали ее основой.

Третий период социальной истории алан с некоторой степенью условности датируется второй половиной IX — серединой XIII вв. В этот период возникает раннефеодальное государство. Складывающийся класс феодалов нуждался в новых организационных формах управления, и уже в первой половине X в. мы видим внешние признаки их появления. Письменные источники этого времени говорят не о военных вождях или владетелях, а о влиятельных царях Алании, с которыми вынуждены считаться даже сильные соседние государства. В наставлениях сыну византийский император Константин Багрянородный упоминает «властителя Алании, нападения которого боятся хазары»²³, а в «Церемониях византийского двора» он сообщает, что аланскому царю посылались грамоты с золотой печатью достоинством в два солида, и ему была оказана высокая честь называться «духовным сыном» императора. В византийском списке государств Алания занимает одно из первых мест вслед за Арменией и Иверией (Грузия). Сведения Константина Багрянородного подтверждают хазарские источники: «заклучил царь

(хазар) союз с нашим соседом, царем алан, так как царство алан сильнее и крепче всех народов, которые вокруг нас...»²⁴ — как видно, хазары действительно опасались царя алан и искали дружбы с ним. О том же свидетельствует Масуди: в Алании «царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари». Согласно Масуди, аланский царь носит титул «к. кр. ндадж» (вероятно, заимствованный от хазар), имеет свою столицу — город Магас и, кроме того, владеет замками (крепостями) и «местами отдохновения», т.е. какими-то загородными резиденциями, куда он время от времени «переезжает на жительство» (что напоминает обычай хазарских каганов летом покидать Итиль). Существенным представляется замечание Масуди о том, что абхазы имеют своего царя, но «царь алан главенствует над ними». Сколько времени продолжалось это главенство и в чем оно выразилось, неизвестно.

Аланского царя упоминает и другой арабский автор X в. — Ибн Руста, знающий иное его звание — «бгаир». Некоторые историки справедливо видят в нем иранский по происхождению титул «багатар». В грузинских средневековых хрониках неоднократно упоминаются «ос-багатаров»²⁵ и их боевых подвигов. Возможно, что титул «багатар» носили высшие представители аланской дружинной знати, вассалы царя. Данные Ибн Руста относятся к IX в. и отражают ситуацию, когда единого царства еще не было. Наконец, необходимо отметить, что в византийских источниках упоминается Ирина Аланская, названная василиссой: византийскому василевсу соответствует аланская василисса, что «свидетельствует о наличии «царской» (по византийским понятиям) власти в аланском государственном образовании»²⁶.

Письменные источники донесли до нас имя аланского царя, жившего в середине — второй половине XI в. Это Дургулель Великий грузинской хроники. Источник не случайно именует его «Великим»: судя даже по дошедшим до нас немногочисленным сведениям, Дургулель был выдающимся деятелем Алании, имевшим прямые династические связи с дворами Византии и Грузии. Сестра Дургулеля Борена была замужем за грузинским царем Баграта IV, ведшим борьбу с эмиром Ганджи Фадлоном. Согласно «Летописи Картли», Дургулель с «сорока тысячами овсов» помог Баграту победить Фадлона и взять Ганджу.

После этого в местности Казун был двенадцатидневный пир, на который Дургулель прибыл «со всеми своими овскими главарями». Баграт IV «одарил царя овсов и всех его вельмож дарами»²⁷. Обращает на себя внимание упоминание о большом войске, которое Дургулель привел в Грузию. Это лишний раз подчеркивает военно-политические возможности аланских царей, в это время уже распространивших свою власть на всю страну. С другой стороны, связи с феодальной Грузией стимулировали оформление феодальных институтов в Алании.

*Дургулель Великий и его свита на пиру в честь победы над эмиром Ганджи Фадлоном.
Худ. А.В. Джанаев*

Таким образом, в X–XI вв. во главе Алании стояли цари, осуществлявшие высшие политические и военные функции и, следует полагать, в начале X в. — после свержения хазарской политической гегемонии — объединившие Аланию. На этом этапе феодализации тенденция централизации и консолидации была ведущей. Фиксируя факт оформления в Алании сильной царской власти, мы вместе с тем фиксируем и факт выделения публичной власти, не совпадающей с совокупностью вооруженного народа. Вторым признаком — разделение людей не по родственным связям, а по территориальному признаку. Уже сам факт имущественной и социальной дифференциации и классовообразования, возникновение эксплуататоров и эксплуатируемых взрывает старые родовые связи: «Родство не является уже связующей силой там, где сталкиваются богатые и бедные. В результате родовая община распадается»²⁸. Сказанное полностью приложимо к Алании, где наличие территориальных социальных связей подтверждается и анализом археологических материалов²⁹.

Как видим, основные социально-экономические предпосылки и признаки образования раннефеодальной государственности у алан налицо. Эти выводы подкрепляются данными источников об аланской феодальной структуре.

Из «Летописи Картли» можно почерпнуть косвенные сведения о различных прослойках класса феодалов. Кто такие прибывшие с Дургулелем «овские главари»? Они также названы «вельможами», следовательно, это лица, находившиеся на верхних ступенях аланской феодальной иерархии и составлявшие окружение царя. В источниках упоминается «мтавар овсов Бакартар». Мтавары — высшие представители грузинской феодальной знати, князья. Вероятно, грузинская историография переносила феодальные нормы Грузии на представителей аланской феодальной верхушки. В таком случае в «вельможах», сопровождавших Дургулеля в Грузию, следует видеть свиту из аланских князей.

Сказанное подтверждается рассказом «Картлис Цховреба» о том, что во время переговоров царя Грузии Давида IV Строителя (1089–1123 гг.) с аланскими овсами все цари и все мтавары предстали перед ним³⁰. И здесь, в «мтаварах», мы вправе видеть крупных феодалов, князей, владевших различными областями Алании и подчиненных верховному сюзерену — царю. Видимо, это — феодализовавшаяся старая родовая аристократия.

Другим источником формирования класса феодалов Алании были профессиональные конные дружины, ставшие постоянной социальной опорой власти царя и князей.

Археологические памятники дают дополнительные сведения о социальной дифференциации у алан. Выше уже говорилось о богатейшем погребении мужчины в одной из катакомб Змейского могильника. Это погребение князя и членов его семьи. В других катакомбах, выделяющихся среди дружинных погребений богатством оружия и одежды, можно усматривать могилы аланских «азнауоров». Высокопоставленная представительница социальной знати была захоронена во второй половине X в. под полом северного Зеленчукского храма; это поистине царская могила, давшая массу золотых вещей и царский перстень-печать. Можно привести и другие археологические факты, подтверждающие существование класса феодалов у алан.

Показателем существования раннефеодальной государственности у алан могут быть также династические браки, заключавшиеся в XI–XII вв. между царскими домами Алании, Византии и Грузии. Выше говорилось о династических связях аланского царя Дургулеля. Известно, что династические связи с Грузией поддерживались и в XII в.: аланский царь Худдан выдал свою дочь Бурдухан за царя Грузии Георгия III (1156–1184 гг.). От этого брака родилась будущая знаменитая царица Грузии Тамара. При дворе Тамары жила ее тетка Русудан — «вдова овского князя», усыновившая и воспитавшая сына «царя овсов» Давида Сослана, который в 1189 г. стал мужем и соправителем царицы Тамары.

В рассматриваемое время династические браки тщательно планировались, ибо должны были соответствовать феодальному рангу обеих вступаю-

щих в связь сторон. Будучи одной из форм межгосударственных отношений, они отражали политическое признание своего равенства с партнерами. Судя по вышеуказанным бракам, в феодальной Грузии Алания пользовалась таким признанием, а представители аланской феодальной аристократии внесли свою лепту в возвышение грузинского государства. В этой связи особо следует отметить деятельность Давида Сослана, одержавшего ряд блестящих побед как над сепаратистски настроенными грузинскими феодалами, так и над внешними врагами Грузии. В результате были широко раздвинуты границы государства, а Грузия достигла зенита своего военно-политического могущества.

Усиление тенденции политической децентрализации Алании, которое глухо ощущается в некоторых источниках XII в., явилось следствием дальнейшего углубления процесса феодализации. В первой половине XIII в., по яркой характеристике венгра Юлиана и аланского епископа Феодора, Алания была уже раздробленной на ряд враждующих между собой владений³¹. Источники периода монголо-татарского нашествия подтверждают сказанное.

Принятие христианства. Как было сказано выше, в VII в. началось проникновение идей христианской религии в западную часть Алании. Но тогда еще не созрели условия для принятия Аланией христианства. Точная дата принятия христианства неизвестна. Наиболее реальной представляется широкая датировка принятия аланами христианства — IX в. А позже, примерно в первом десятилетии X в. была утверждена Аланская архиепископская кафедра, подчиненная Константинопольской патриархии.

Инициатором христианизации алан выступил константинопольский патриарх Николай Мистик. Первые миссионеры в Аланию были направлены уже в самом начале его патриаршества (901–907 гг.). О создании Архиепископской кафедры упоминается в «Уставе» Льва Философа, умершего в 911 г. Создание Аланской кафедры было не только свидетельством определенных успехов христианизации алан, но и признанием их политического веса.

Есть данные, указывающие на определенную роль царя Абхазии Георгия II (920–955 гг.) в обращении западных алан в христианство. В одном из писем к нему Николай Мистик просит содействовать «пастырю соседнего народа», а затем хвалит его за «ревность» в просвещении князя Алании и благодарит за помощь³². Судя по письму Николая Мистика, правитель Алании был крещен. По-видимому, вместе с ним христианство приняла и часть феодалов, в первую очередь непосредственное окружение царя. Распространение христианства вызвало крупное церковное строительство в верховьях Кубани: в ущельях Большого Зеленчука, Теберды и Кубани сооружаются монументальные купольные храмы, генетически связанные с восточно-византийской архитектурой и имеющие черты сходства с храмами Абхазии X–XI вв.³³ На гордищах и поселениях Западной Алании повсеместно начинают появляться

(особенно с XI в.) небольшие одноапсидные церкви — местные приходские церкви, но есть и довольно значительные по размерам площади (например, базилика на Ильичевском городище, по правому берегу р.Уруп). Они, как и христианские кладбища, окружающие их, свидетельствуют о распространении христианства в Алании.

Однако нельзя полагать, что новая религия не встречала сопротивления со стороны народных масс, продолжавших придерживаться традиционного вероисповедания. Не случайно Ибн Руста сообщает: «Аланский царь — христианин в сердце, но весь народ его царства — язычники, поклоняющиеся идолам». Это подтверждает и персидский аноним X в. «Худуд ал-Алам»³⁴. Письменные источники и археологические материалы показывают, что аланская религия так и не была полностью вытеснена христианством вплоть до гибели Алании в результате монголо-татарского нашествия. Более того, элементы языческого мировоззрения сохранялись у осетин в течение многих последующих столетий.

Тем не менее, христианская религия, активно поддерживаемая господствующим классом, постепенно укрепляла свои позиции. Упрочение церковной организации Алании приходится на XI–XII вв. — время политической стабилизации и централизации страны. Об этом говорят многочисленные памятники материальной культуры, а также такие факты, как усиление значения Алании в нотициях, подчинение кафедры Сотириуполя аланским митрополитам. Последние входят в число высших иерархов византийско-православной церкви, часто совершают путешествия в Константинополь, участвуют в работе многих Вселенских церковных соборов и оставляют свои подписи на актах. Поскольку аланская церковь находилась в зависимости от Византии, составляя часть Константинопольской патриархии, то аланские митрополиты были по происхождению византийскими греками.

Несомненный интерес представляет уникальная строительная надпись, недавно обнаруженная на стене Сентинского храма. В тексте надписи говорится об освящении и обновлении храма в царствование императора Никифора II Фоки и «Давида, эксусиократора Алании, и Марии, эксусиократориссы... рукою Феодора, митрополита освященного Алании» в 965 г. Это самое раннее упоминание об Аланской митрополии, а также единственное пока сообщение о правителях Алании Давиде и Марии.

Почти одновременно с христианизацией Западной Алании миссионерскую деятельность в восточной части страны развернула соседняя Грузия. В XI в. в горах Восточной Алании появляются небольшие, типично грузинские по композиции церкви, так называемого зального типа, с апсидой, спрятанной в толще восточной стены (Зругский и Тлийский храмы, церковь в Регахе), и, возможно, храм в Дзивгисе. Интерьер некоторых храмов украшается фресковыми росписями грузинской работы. Но, судя по архитектурным па-

мятникам, зона активного влияния грузинской церкви в Алании была невелика и ограничивалась областью Двалетии (Туалгом) в верховьях р. Ардон. К концу XII в. на фоне начавшейся феодальной раздробленности намечается процесс ослабления и упадка аланской церковной организации. Прибывший в Аланию в первой половине XIII в. из Константинополя новый епископ Феодор в своем «Послании» патриарху Герману II ярко описывает «бедствия, одолевшие аланский народ», — феодальные междоусобицы, кровную месть и «прочие виды смертей», оживление язычества и его наступление на остатки христианства³⁵. «Аланы христиане только по имени», — жалуется Феодор. Опасаясь за судьбу своих кавказских епархий, Константинополь провел их реорганизацию — сначала в конце XIII в., затем в 1347 г., в результате чего были слиты митрополия Вичины (Бичвинта, или Пицунда в Абхазии) с Аланией. Но эти административные реформы уже не могли спасти положения: Аланская епархия, пережившая на сто с лишним лет саму Аланию, последний раз упоминается в актах Константинопольской патриархии в 1366 г., после чего в письменных источниках о ней никаких сведений нет.

Принятие христианства Аланией сыграло прогрессивную для того времени роль. Оно боролось с архаическими верованиями и содействовало упрочению новых социальных отношений и раннефеодальной государственности. Однако эти задачи до конца выполнены не были, что свидетельствует как об известной слабости самой аланской церковной организации, так и о слабости и неразвитости государственной системы Алании, оказавшейся не в состоянии эффективно содействовать церкви.

Нижне-Архызское городище X–XII вв. — центр Аланской епархии.

В ущелье р. Большой Зеленчук находится одно из крупнейших и интереснейших городищ Западной Алании — Нижне-Архызское, которое с полным основанием можно считать одним из аланских городов. Жизнь этого города была тесно связана с аланской христианской церковью.

Городище отличается довольно сложной топографией и состоит из нескольких частей. Территория собственно города представляла собой зону сплошной и весьма плотной застройки каменными (жилыми и хозяйственными) зданиями. Комплекс таких строений окружался высокой каменной оградой и составлял усадьбу, принадлежавшую большой неразделенной семье. Из усадеб складывались городские кварталы, разделенные между собой тремя узкими и кривыми, типично средневековыми улицами, переулками, маленькими площадями. Некоторые жилые дома были полуторазэтажными.

В ходе археологических раскопок были открыты железоплавильная мастерская с производственными отходами, жилое помещение со следами цветной побелки стен и потолка и железной надочажной цепью. В одной из усадеб в 1962 г. обнаружены руины небольшой полуторазэтажной домово́й церкви.

Северо-восточнее территории собственно города расположен отдельный комплекс построек, центром которого был северный Зеленчукский храм (длина одной из построек превышает 100 м). Это поселок Аланской епархии. С городом его связывала дорога, следы которой видны и сейчас.

В состав Нижне-Архызского городища входят и два обширных сельскохозяйственных участка (видимо, распахивавшихся), могильники и христианские кладбища, а также система троп и дорог, соединявших городище с перевалом в Абхазию, соседними городищами и ведущих на горные сельскохозяйственные угодья и к выработкам железной руды на хребте Ужум.

Судя по некоторым археологическим наблюдениям, городище возникло в конце IX в., но быстрое его развитие связано с христианизацией Алании и последовавшим за этим церковным строительством. Удобно расположенное Нижне-Архызское городище в начале X в. стало резиденцией только что организованной Аланской кафедры и митрополита Алании³⁶. Вскоре в Нижнем Архызе началось строительство кафедрала Аланской епархии — крупнейшего на средневековом Северном Кавказе северного Зеленчукского храма. Почти одновременно с ним сооружается средний Зеленчукский храм, предназначенный для обслуживания христианского населения города. Строительство велось византийскими зодчими. Под их руководством изготовлялись до тех пор незнакомые аланам плоский нестандартный кирпич — плинфа, шедший на выкладку арок и парусов, плоская и полукруглая черепица для крыши; видимо, на месте делалось оконное стекло, в специальных ямах гасилась известь для раствора. Аланы верховьев Кубани хорошо обрабатывали камни, что в сочетании с византийскими строительными приемами обеспечило необыкновенную прочность храмов, сохранившихся до наших дней.

Концентрация крупных купольных храмов, одноапсидных церквей и часовен, христианских кладбищ, эпиграфических памятников греко-византийского происхождения в Нижнем Архызе позволяет считать, что именно здесь до второй половины XIV в. находился центр Аланской епархии и резиденция аланских митрополитов. Следовательно, этот город в X–XII вв. был и административно-политическим центром Алании, а также ее важным культурным центром.

Негативное влияние на христианизацию населения Алании оказали деурбанизация и номадизация хозяйства алан, бедствия феодальной раздробленности и переселение в предгорья тюркоязычных кочевников-половцев. Регресс христианизации был связан и с взятием крестоносцами Константинополя в 1204 г. и общим ослаблением Византийской империи и ее связей с северными областями, монголо-татарским нашествием кон. 30-х — нач. 40-х гг. XIII в.

Тем не менее, Аланская епархия продолжала существовать до XIV в. Конец ей положило нашествие Тимура 1395 г. И хотя христианство в ослаблен-

ном виде существовало и после гибели Золотой Орды, но никакой церковной организации после XIV в. уже не было. В целом процесс социально-экономического развития местного населения не достиг того уровня, при котором христианство могло найти на Центральном Кавказе прочную социальную базу.

Северный Зеленчукский храм. X в.

В целом в период средневековья решающую роль в распространении христианства у алан играли Византия и Грузия. Самым мощным, по мнению В. А. Кузнецова, было византийское влияние — по времени и пространству³⁷.

Грузинская церковь, не обладая возможностями Византии, направляла свои усилия на христианизацию соседних северокавказских племен, контролировавших важные горные проходы и пути через Кавказский хребет. Политическая цель — обезопасить Грузию с севера, найти здесь союзников. Однако в послемонгольский период, и особенно после нашествия Тимура грузинская государственность утратила силы и возможности для дальнейшей христианизации горцев.

Христианизация в массах не была связана с коренным духовным переворотом и имела характер народной веры с сохранением множества дохристианских культов и традиций. Возможно, что только местные феодализирующиеся верхи восприняли христианство в богословско-догматической или близкой к ней форме. Об этом свидетельствуют находки псалтирей, захоронений под стенами храмов, нательные кресты, купели и др. Возможно, что

и часть родовых общинников оказалась вовлечена в этот процесс. Именно через христианский и христианизированный слои населения происходило складывание христианского самосознания местного населения, внедрение в общинную и семейную обрядность отдельных элементов новой религии. Христианизация вылилась в длительный процесс, так и не получивший своего завершения.

Христианизация поддерживалась и направлялась более всего внешним давлением сопредельных государств (военные походы, миссионерство и др.). Результаты этих акций были более всего заметны в X–XI вв. Отсюда становится понятно, почему судьба христианского вероучения оказалась предрешена в период нашествий монголо-татар и Тимура, нанесших сильные удары по феодальной Грузии и разгромивших Аланское государственное образование. Падение еще одного христианского государства — Византии — завершило этот процесс. Общая архаизация социально-экономической жизни отразилась и на религиозных верованиях: происходит активизация языческих представлений и культов. О том, что последние не были ликвидированы, свидетельствуют письменные источники и позднесредневековые верования, в которых языческий пласт был представлен достаточно полно.

Длительное отсутствие связей, в том числе и конфессиональных, с крупными христианскими центрами на Кавказе, по-видимому, привело к утрате канонического направления христианства и окончательному торжеству новой синкретической религиозной системы, в которой своеобразно переплелись и видоизменились черты христианства и древней аланской веры.

Включение Северного Кавказа в сферу христианской цивилизации сыграло положительную роль в культурном развитии региона. Оно дало толчок развитию местной архитектуры, способствовало распространению греческой и грузинской письменности, других культурных достижений средневековья³⁸.

Памятники культуры. Средневековое мировоззрение по своей сущности было религиозным, и поэтому закономерно, что феодальная культура носила церковный характер. Сказанное полностью относится к культуре Алании X–XII вв.

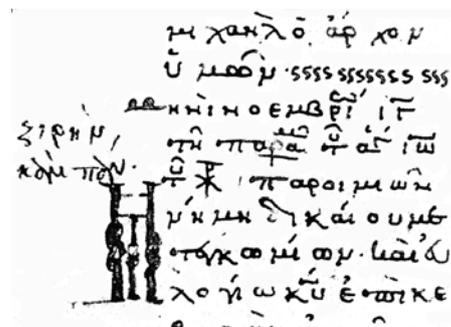
Христианская культура Алании наиболее ярко представлена в ее архитектурных памятниках, синтезировавших в себе лучшие достижения зодчества, фресковой живописи, прикладного искусства. О верхнекубанской группе купольных храмов Алании и о зальных храмах области Туалгом в верховьях р. Ардон уже говорилось. Строительство этих храмов, осуществлявшееся под началом византийских и грузинских архитекторов руками местных мастеров, безусловно, отражало культурные и политические потребности местных социальных верхов. Архитектурные памятники, в том числе храмы, были своего рода символами государственности. В верхнекубанских

храмах фрески покрывают все пространство стен, сво- ды, пилоны, даже откосы окон. Цветовая гамма скупа (в основном серо-черные, коричнево-красные, зеле- но-желтые тона), рисунок наносился на штукатурку коричнево-красноватой краской. Живопись свиде- тельствует о профессионализме художников. Сюже- ты живописи исключительно церковно-библейские, с включением разнообразных орнаментов.

Интересно, что в Сентинском храме на Теберде вы- явлено два слоя фресок. Видимо, фрески полностью или частично переписывались. Своего рода сенсацией стало открытие в 1999 г. на скалах левого берега реки и против среднего храма наскального (в этом отноше- нии единственного в России) лика Христа Спасителя, написанного профессионально суриком и белилами в X в.

Есть некоторые основания предполагать, что вскоре после строительства верхнекубанских храмов в Алании появляются собственные зодчие, возможно, прошедшие первоначальную выучку у византийцев. На это, в частности, указывает южный Зеленчукский храм в Нижнем Архызе — скромный по замыслу и со- державший в своей архитектуре ряд ошибок и просче- тов, вероятно объясняемых неопытностью его строи- теля.

Храмы Туалгома — Зругский, Тлийский — в XII в. были расписаны фресками грузинского происхожде- ния и украшены резьбой по камню. Образцы резьбы по камню обнаружены и в святилище у с. Нар, где, возможно, находился еще один христианский храм.

Византийский манускрипт XIII в. с аланскими пометками

Зеленчукская аланская надпись X в. (по архивному рисунку Д. М. Струкова)

Церковная утварь аланских хра- мов не дошла до нас, сохранился лишь бронзовый выносной крест с греческой надписью 1067 г. и име- нем пресвитера Фомы. Известны также несколько костяных резных иконок и другие атрибуты христи- анского культа, являющиеся в то же время произведениями прикладного

искусства. К числу лучших можно отнести резную алтарную преграду из раскопок церкви на Ильичевском городище XI–XII вв. Ажурный орнамент-плетенка на ней мастерски вписан в четырехугольную раму.

Вершиной развития средневековой культуры было возникновение письменности. В X–XII вв. на территории Западной Алании и, соответственно, Аланской епархии появляется множество плит и каменных крестов (часть их представляет собой надгробия) с грекоязычными византийскими надписями. Греко-византийская письменность широко распространяется по Алании. Не исключено, что часть местного аланского населения была знакома с греческой письменностью. Это подтверждается аланской надписью 941 г., начертанной на большой плите, которая была найдена в ущелье Большого Зеленчука, в 30 км выше Нижнего Архыза. Она содержит ряд личных имен (среди них Сахир, Бакатар, Анбалан) и четырежды употребленное аланское слово *фырт* — «сын». Надпись выполнена на аланском языке греческими буквами. На этом основании можно заключить, что автор надписи происходил из алан и хорошо знал греческую письменность.

Еще один памятник аланского языка, выраженного греческими буквами, был обнаружен в 1992 г. в библиотеке РАН в Санкт-Петербурге. Это византийский профитологий (выборка цитат из Ветхого Завета для литургических чтений) 1275 г., на полях которого имеются пометки (маргиналии), представляющие собой перевод отдельных заголовков и названий праздников на аланский язык. В них легко узнаются и современные осетинские слова: «*avdesir stur* — диг. *авдисæр стур* — «великий понедельник»; *astemak ran* — диг. *æстæймаг бон* — «восьмой день» и др. Аланские маргиналии датируются XIV или даже XV вв.

Формирование раннесредневековой алано-осской народности. Этническое развитие связано с изменениями социально-экономической структуры общества. В истории Алании послегуннской эпохи можно выделить два больших периода: переходный период классообразования и период раннефеодальных отношений (см. выше). Коснемся их в связи с этнической историей осетинского народа. Период классообразования (V–IX вв.) — это время вероятного существования в Алании двух крупных племенных объединений или союзов — западного и восточного, нередко проводивших самостоятельную политику (что можно видеть на примере ирано-византийских войн VI в.). Этнической основой обоих объединений были аланы, относившиеся к разным группам древних иранцев: в западных аланах, именуемых в новом списке «Армянской географии» *аш-тигор*, следует видеть предков современной дигорской группы осетин; в восточных аланах, в таком случае, — предков современной иронской группы. Сказанное подтверждается как лингвистическим анализом аланской топонимики (Западная Алания дает топонимику, близкую к дигорскому диалекту)³⁹, так и современным расселением дигор-

цев и иронцев — дигорцы по-прежнему занимают западную часть Северной Осетии. Можно допустить, что в рассматриваемое время на территории Алании существовали два аланских племени и два диалекта аланского языка.

Современное самоназвание восточных осетин «ирон» восходит, по мнению большинства исследователей, к древнеиранскому *aryana* (ср.: авест. *aryana* — «арийский, иранец»). Древнее *aryana* закономерно развилось в другой диалектной среде в алан (аллон), под которым предки осетин были известны уже с первых веков нашей эры в Европе, Армении, некоторых странах Востока. Этноним «аллон» («биллон») часто встречается в фольклоре для обозначения осетинских героев в устах иноязычных персонажей.

Мы располагаем сведениями о том, что общим самоназванием средневековых алан было «ас». Путешественник XIII в. Плано Карпини, который проезжал через районы с аланоязычным населением и встречался с аланами неоднократно, называет их «аланы или ассы»⁴⁰.

Несколько позже с аланами встречался Гильом де Рубрук; он также пишет об аланах, «которые именуются там Аас». Отождествляет алан и асов и венецианский купец XV в. Иосафат Барбаро, проживший 16 лет с аланцами в районе Дона: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас»⁴¹. Существенно, что в русских летописях алан называют ас или яс, в венгерских — яс и т.д. От самоназвания «ас» происходит грузинское *ос-овс*, давшее название стране — Овсети/Осети — «страна осов//овсов». Русское «осетин» связано с грузинским «Овсети» и означает «житель страны осов, Осетии».

Сейчас осетины говорят на двух диалектах: иронском — восточном и дигорском — западном. Говоры Южной Осетии являются вариантами иронского диалекта. Дигорский диалект сохранил некоторые черты, сближающие его со скифо-сарматскими наречиями, а его формы (фонетические и грамматические) можно рассматривать как промежуточные между скифо-сарматскими и современными иронскими. Поэтому дигорский диалект является неоценимой сокровищницей для изучения истории осетинского языка.

Сохранившиеся скифо-сарматские и аланские языковые данные позволяют воссоздать более или менее полно историю осетинского языка. Аланский язык — предшественник осетинского — хорошо сохранил основной лексический фонд древнеиранского языка. Например, все основные числительные, местоимения, термины родства и т.п. (ср.: *мад* «мать», *фыд//фидæ* «отец», *’рвад* «брат», «член рода», *хо//хуæрæ* «сестра», *тиу* «деверь», *хур* «солнце», *мæй* «месяц», *магъз* «мозг», *зæрдæ* «сердце», *сырх* «красный», *æз* «я», *ды* «ты», *мах* «мы», *бæттын* «вязать», *тайын* «таять»). Эти и многие другие слова лексического фонда осетинского языка представляют древнейшее наследие. Историческим языкознанием установлено, что «ярким и наглядным примером развития иранского языка на неиранском субстрате может

служить осетинский, унаследовавший весьма важные черты своей звуковой системы и грамматического строя от языков Кавказа»⁴².

Важным документом аланского языка, наряду с уже упомянутой надписью на плите из ущелья Большого Зеленчука и аланскими маргиналиями к византийскому манускрипту, является свидетельство византийского филолога и поэта XII в. Иоанна Цеца, который в своей «Теогонии» приводит одни и те же предложения на латинском, русском, еврейском, арабском, турецком и аланском языках. Аланский текст гласит: «Да бон хуарз, ме 'фсинæ-'хсинæ, ку 'рдигæй цæуис... киндзæ — ме 'хсинæ». — «Добрый день, моя госпожа, повелительница, откуда ты идешь... невестка — моя госпожа...»⁴³. Данный текст, несмотря на его краткость, позволяет выявить некоторые черты аланского языка XII в.

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что на территории обоих племенных объединений алан продолжали жить и не аланские, аборигенные кавказские племена. Некоторые из них упомянуты в новом списке «Армянской географии» VII в. Эти племена, отличавшиеся от алан не только по языку, но и по антропологическому типу и характеру материальной культуры, в современной науке принято считать этническим субстратом, т.е. той средой, которая в ходе длительных и активных связей и взаимодействий с аланами вошла в состав формирующегося осетинского народа в качестве важного компонента его этногенеза. Роль кавказского этнического слоя в оформлении осетин как этноса велика, наиболее ярко она отразилась в антропологическом типе современных осетин.

Торговые пути. Возникновение городов. Проблема возникновения городов в Алании поставлена в исследовательской литературе недавно, а археологическое изучение самих городов только началось. Тем не менее, уже есть определенные положительные результаты.

В письменных источниках достаточно достоверными можно считать упоминания аланских городов Фуст, Магас и Демяков⁴⁴. Однако выдвинутые учеными в разное время предположения об их местонахождении, а также отождествление их с тем или иным городищем, до сих пор представляются спорными. Более или менее обоснованным можно считать отождествление Демякова с городищем Верхний Джулат, недалеко от с. Эльхотово. Город Фуст мог находиться в верховьях р. Подкумок, один из западных притоков которой носит название Фисты. Скорее всего, он располагался на месте городища Рим-Гора, что открыто в 17 км от Кисловодска.

Археологически сейчас фиксируется существование пяти городов Алании: Нижний Архыз, Рим-Гора, Верхний Джулат, Нижний Джулат, Алхан-Кала. В разные годы на их территории велись раскопки, что позволило составить некоторое представление об облике аланских городов, их топографии, фортификации, социальной структуре, домостроительстве, материальной куль-

туре и т.д. Обращает на себя внимание значительная площадь городов: так, площадь Нижне-Архызского составляла до 65 га; 115 – 116 га занимал город Рим-Гора, а 16 га — его цитадель. Наиболее сложна историческая топография Нижне-Архызского города. Здесь найдены эпитафические памятники XI – XII вв. на греческом и арабском языках⁴⁵. Город защищала система каменных стен толщиной до 2 м.

Город Верхний Джулат на берегах Терека начал формироваться, по-видимому, в X в., но наибольшего подъема достиг в XIV в. Он занимал всю долину вдоль подошвы Кабардинского хребта на протяжении 2 км с северо-запада на юго-восток, с юга был укреплен валом. Важно, что и Нижний Архыз, и Рим-Гора, и оба Джулата были расположены на крупном торговом пути или даже на пересечении нескольких путей (Нижний Джулат). В этом прослеживается одна из закономерностей формирования средневековых городов — общая для Европы и Азии.

Еще одна закономерность возникновения городов Алании — их расположение в зоне предгорий, на стыке равнины и гор. Видимо, это объясняется тем, что города играли роль местных экономических центров, связывавших население гор и равнин и тем самым способствовавших экономической и политической стабилизации Алании. В этом заключается прогрессивное значение складывающихся городских центров. Следует отметить, что процесс формирования раннефеодальных городов Алании по времени совпал с активизацией городской жизни в Европе, Закавказье и Византии, что свидетельствует о довольно высоком уровне социально-экономической жизни в Алании.

Важные перемены произошли в Алании X–XII вв. Рост производства, расширение экономических связей, появление городов, функционирование сети путей сообщения, политическая стабилизация и централизация, наличие единой государственной идеологии — христианства, экзогамные браки и т.п. — все это стимулировало этническую интеграцию и ассимиляцию внутри Алании и создавало благоприятные условия для формирования алано-осской раннесредневековой народности.

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что Алания во второй половине I — начале II тыс. достигла достаточно высокого уровня социально-экономического развития. На смену первобытнообщинному строю пришел феодализм, была создана военно-политическая организация с царской властью во главе. В первой половине XIII в. источниками фиксируется уже состояние феодальной раздробленности и междоусобиц. В X–XII вв. складывается раннесредневековая алано-осская народность, ставшая базой дальнейшего этнического развития осетинского народа и его культуры в последующий период.

Археологические находки с различных территорий Северного Кавказа свидетельствуют о значительной роли региона в торговле Востока и Запада.

Северный Кавказ, являясь своего рода мостом между Европой и Азией, играл ключевую роль в системе связей различных «миров-экономик»⁴⁶. Особое значение для развития торговли имели трансконтинентальные магистрали, проходившие через т.н. «Каспийские ворота», Клухорский перевал, Дарьяльское и Алагирское ущелья — современные Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги. Значение издавна функционировавших торговых магистралей, на протяжении столетий являвшихся связующим звеном в обмене племен и народов Юго-Восточной Европы, Закавказья, Азии и Дальнего Востока, возросло в первые века н.э. и еще более увеличилось в эпоху средневековья⁴⁷.

Анализ импортных изделий и монетных находок из аланских погребений Кисловодской котловины позволил «наметить три основных торгово-экономических направления, неразрывно связанных с функционированием здесь в раннем средневековье Даринской дороги как северокавказского участка Великого шелкового пути (ВШП): среднеазиатско-китайское, закавказско-иранское и византийско-причерноморское»⁴⁸.

Помимо ВШП Кавказ находился в зоне функционирования и другой известной торговой магистрали — «пути из варяг в греки». Специалисты высоко оценивают «роль этой водной магистрали в процессе образования Древнерусского государства, сложения его территории, оформления главных направлений его внешней политики в IX в.»: все это — «не подлежит сомнению»⁴⁹.

Столь же высоко историки оценивают роль Великого Волжского пути, послужившего «стимулом невиданного до тех пор (раннего средневековья. — Ред.) прогресса евразийского общества», повлиявшего «на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов», способствовавшего «созданию единого многонационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии»⁵⁰.

Еще один торговый путь указан Ибн Хордадбехом — дорога «позади Армении». Если исходить из чтения Оксфордской рукописи, отмечает Т.М. Калинина, то для конца VIII — начала IX вв. вырисовывается следующий маршрут: через Партав и Дербентский проход в Хазарию. Среди других кавказских дорог Хордадбех указывает еще одну — от города Варсан через Берда'а до Дербента, за которым находился Семендер. Хотя «нестабильность политического положения на Кавказе могла и помешать регулярной торговле»⁵¹.

Хазары и аланы стремились создать для иноземных купцов все необходимые (возможные в то беспокойное время) условия. Например, в Итиле для мусульманских купцов и ремесленников, чувствовавших себя в безопасности, выстроили не только мечети, но и медресе, где дети могли изучать Коран. Каждая из проживавших здесь общин — иудейская, христианская, мусульманская и языческая — имела собственных судей. Эта сложная этническая структура была свойственна для многих городов того времени (в том числе

для Киева, вспомним хотя бы летописное сообщение о том, что Святослав «приведе к Киеву ясы и касоги»); из торговых центров Северного Кавказа отметим Семендер (от которого шел прямой путь на Итиль), аланские города (Магас, Нижний Архыз и др.), подконтрольные хазарам и аланам причерноморские центры (Таматарха, Фанагория, Керчь и др.).

Торговые пошлины (десятина) были важнейшей статьёй доходов северокавказских «царей» и вождей. Следить за громадными территориями, иногда с полиэтничным населением, даже при эффективной налоговой службе проще, контролируя транзитные пути международной торговли. Этот «секрет» знали и ахемениды, и сасаниды, и Александр Македонский, и славяне, и аланы, и хазары. Коммуникации алан и хазар, как неоднократно отмечалось в литературе, являлись важными звеньями ВШП. Заметную роль в торговле на этом пути играл начальник каравана; он не только субсидировал купцов, но и сам шел с ними, возглавляя охрану. Поэтому главы фактически всех территорий, через которые проходили важные торговые магистрали, были заинтересованы в безопасной проводке караванов по контролируемой ими земле. В свою очередь, купцы всячески задабривали местных владык, помимо уплаты пошлин, вероятно, преподносили им «сувениры». Интересно в этой связи отметить, что в памятнике юридической мысли Ирана «Сборнике Ишобохта» (VIII в.) среди основных опасностей, подстерегавших караваны, названы *море, огонь, враги и власть*.

Пошлины с купцов, очевидно, были очень значительными и составляли существенную статью доходов кагана. Хазария являла собой пример «паразитарного государства», ведшего транзитную торговлю и вошедшего в историю только благодаря исполнению функции своего рода таможенной заставы на важнейших торговых путях между Хорезмом и Западной Европой, Персией и Русью, Византией и Волжской Булгарией.

Аналогичная картина, судя по археологическим находкам, наблюдалась и в раннесредневековой Алании. Например, в Мощевой Балке на р. Большая Лаба в захоронении купца найдены обрывки китайской картины на шелке, образцы великолепных шелковых тканей из Китая, Согда, Ирана и Византии, переплет рукописи; в Алагирском ущелье (Северной Осетии) — серебряный сасанидский кубок; в сел. Лезгор (Северной Осетии) — прибалтийская бронзовая пластина с выемчатой эмалью, бусы из янтаря; в Джераховском ущелье (Ингушетии) — отлитый в VIII в. в Басре бронзовый орел. Найденные на Центральном Кавказе византийские монеты и ювелирные изделия, шелковые ткани и посуда говорят о прочных связях с Константинополем.

Аланские и хазарские купцы, вполне возможно, являлись не только посредниками в транзитной торговле; не случайно вплоть до IX в. арабские источники именуют их *рахдонитами*, т.е. знатоками путей⁵².

В VI в. в долинах рек и по линии лесистых предгорий Северного Кавказа

возникает сеть аланских городищ с мощным культурным слоем и оборонительными сооружениями. Крупные городища — Нижний Джулат, Рим-Гора, Нижний Архыз и др., занимая выгодное положение на пересечении транзитных и местных путей, становятся рынками сбыта и обмена товаров. В. Б. Ковалевская развила идею А. А. Иессена о связи появления у западных алан цепи поселений со строго продуманной системой организации обороны по горным долинам, уходящим к перевальным путям, с деятельностью владельца Саросия. Не случайно в это время сюда перемещается трасса Великого шелкового пути⁵³.

Западные аланы контролировали перевальные торговые пути на протяжении всего средневековья. В середине VI в. аланы объяснили посланцу византийского императора: «поскольку мы соседи им (абазгам. — Ред.), отправятся к ним и купцы». Спустя почти семь столетий в «Аланском послании» епископа Феодора упоминается «видный и многим известный человек, купец из страны лазов», развивший в Алании бурную деятельность⁵⁴.

Резюмируя изложенное, отметим, что важной фигурой в средневековой торговле являлся воин-купец. Источники разных периодов и народов свидетельствуют не только о контроле (сбор пошлин, плата за безопасное прохождение через контролируемую территорию и т.д.), но и об активном участии военной аристократии в транзитной торговле. Это в полной мере относится и к этносам Кавказа, включая алан. Весьма интересное свидетельство на эту тему оставил грузинский «Хронограф» XIV века. В сюжете о событиях в Закавказье конца XIII века анонимный автор «Хронографа» привел описание торгового люда алан: «И вот отправились овсы в город торговать, а возвращаясь, повстречался им нищий. И подали ему милостыню овсы, из коих первого звали Сатхис, а второго Узурабег, и сказали: 'Бедняга, моли бога, чтобы сегодня сошлись наши мечи с мечами сына Бега Сурамели'»⁵⁵. Как видно, хронист приводит интересное сведение о типе торгового сословия алан, представители которого одновременно являлись купцами и воинами. По справедливому замечанию Г. В. Цулая, это вполне соответствует характеру эпохи, в которой «осуществление торговых операций зачастую было сопряжено с вооруженными стычками»⁵⁶.

Таким образом, высшие сословия социумов Северного Кавказа занимались военным делом и торговлей либо опосредованно, либо напрямую. Административные центры постепенно становились не только местом пребывания первых «царей» и их дружин, но и пунктами обмена и торговли. Некоторые из таких административных центров, расположенных на особенно важных торговых магистралях, быстро выросли в раннесредневековые города.

Проблемы не только кавказского, но и средневекового города вообще, помимо историков, привлекают пристальное внимание искусствоведов, социологов, географов и специалистов многих других профессий. Но, если на

материале Запада и Востока эта проблема решается (и успешно) уже много лет, то город на Кавказе, его генезис и роль в историческом процессе местных социумов изучены пока явно недостаточно (исключение составляет лишь Дербент — благодаря четвертьвековым изысканиям А. А. Кудрявцева). До сих пор во многом не ясны пути сложения городов у горцев, основные причины расхождения или схождения их развития с развитием европейского и восточного города. Проблемы возникновения, этапов развития, внутренней структуры и топографии, экономического становления и культурной жизни кавказских городов остаются одними из наиболее неизученных областей кавказоведения⁵⁷.

В 1993 г. вышло сразу две работы, в которых поднимались отдельные аспекты обозначенной проблемы: Г. Е. Афанасьева «Донские аланы» и В. А. Кузнецова «Нижний Архыз в X–XII веках». В первой анализируются типология и истоки архитектурных традиций городищ салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв., возникших под несомненным влиянием (и, возможно, при непосредственном участии) Византии. Основной причиной их строительства была военная угроза. Социальная интерпретация материалов городищ привела Г. Е. Афанасьева к выводу о двух их типах: сторожевые крепости и замки феодального типа⁵⁸.

Вторая работа посвящена изучению административного и культурно-идеологического центра Алании — Нижнему Архызу. Это не самый крупный город алан (численность населения приблизительно оценивается в 2–5 тысяч человек, площадь — в 25 га). Особый статус Нижнего Архыза определялся его функцией одного из главных идеологических центров государства алан. На территории Нижнего Архыза находились три крупнейших на Северном Кавказе трехапсидных купольных храма X в. с явными следами влияния византийской архитектуры. Всего же здесь выявлено 14 храмов; бытует гипотеза о существовании в Нижнем Архызе византийского монастыря. Такой концентрации христианских древностей, включая христианское кладбище и эпитафические памятники, на Северном Кавказе больше нет. Кроме того, город был средоточием целой системы древних дорог. Основная, шириной до 3-х метров, через городские ворота близ северного храма вела на равнину. Иными словами, Нижний Архыз являлся не только центром Аланской епархии с резиденцией аланских митрополитов, но и богатым торговым городом. Существует даже смелое сравнение этого аланского центра с китайским городом Янчжоу, разбогатевшим в VIII в. благодаря распределению по стране соли, чая, тканей и других товаров⁵⁹.

Первое сообщение об аланских городах принадлежит Захарии Ритору⁶⁰, в VI в. отметившему у алан пять городов. Но речь скорее должна идти о крупных сельских поселениях, нежели о городах⁶¹.

Из всех аланских памятников зодчества в письменных источниках

чаще всего упоминается знаменитая крепость в Дарьяльском ущелье. Древнеармянским историкам V в. ущелье известно под названием *аланоз дур/н* «аланские ворота» (Агафангел, Мовсес Хоренаци и др.)⁶². Даже древнегрузинские летописи, не знакомые с этнонимом *аланы*, упоминают *аланскую* крепость (цихе) и *аланские* ворота (кари). Отметив это, А. П. Новосельцев вместе с тем подчеркнул, что данная крепость, «строго говоря, городом не являлась». К категории городов ученый отнес столицу Алании — Магас. В качестве возможной основы названия столицы алан ученый рассматривал либо венгерское *магаш* «высокий», либо скифо-аланское *маз (а)* «большой», «высокий»⁶³. «Худуд ал-Алам» указывает на «1000 больших деревень» у алан. Из крупных поселений отмечен «Хайлан, город, где расквартирована армия царя»⁶⁴.

Интересный материал по рассматриваемой теме представлен в географическом труде ал-Идриси (1100–1164 гг.) «Развлечение страстно желающего странствовать по землям». В описании Юго-Восточной Европы он поместил рассказ о причерноморской части «страны ал-Лан... и ее городов и рек». Согласно сведениям Идриси, «вытекающая с высот гор ал-Кабк... (Кавказа. — Авт.) большая река» Кубань «пересекает землю ал-Ланиййа. На ней нет известных городов, но по обоим ее берегам — населенные деревни и обильные посева... От устья этой реки 150 миль до города Ашкасиййа. Это красивый город из числа городов ал-Ланиййа и одна из их пограничных областей. От города Ашкасиййа до города Ашкала аланской земли 20 миль. Между Ашкалой и морем около 6 миль, она невелика по размерам, но это — оживленный (город), его округа имеет (всего) вдоволь для пропитания его жителей. От него 20 миль по берегу моря до города Астабриййа, который стоит у моря. Это — населенный город с оживленными рынками, обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей — купцы и их имущество изобильно. От города Астабриййа до города ал-Ланиййа 24 мили. По этому городу его народ (умма) назван аланами (ал-ланиййун)»⁶⁵. В названии аланских прибрежных городов обращает на себя внимание первый слог *ас/аш*, восходящий к обозначению алан во многих источниках той поры. Данные Идриси позволяют предположить активное участие западных алан в черноморской торговле.

Одним из источников Идриси являлось самое раннее из сохранившихся арабских сочинений — «Книга картины земли» (создавалась между 836 и 847 гг.) Хваризми. В книге упоминается «страна Сарматийа, а она — земля ал-лан»; указаны географические координаты «ее центра». При описании гор шестого климата встречаются «Ворота хазар и алан» — Дарьяльское ущелье⁶⁶.

Уточнить расположение причерноморских городов, названных ал-Идриси, и время их перехода под контроль алан пока не удастся. В первой половине X в. западный Кавказ, по Масуди⁶⁷, — страна касогов (адыгов);

аланы еще только пытались взять под контроль побережье современного Краснодарского края: «Аланы более мощны (*мустазхира ала*), чем кашаки, которые не могли бы справляться (*ла тантасиф мин*) с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье». Ему вторит Абу эль-Кассим (X в.): «Аланы имеют своими соседями на западе кашаков, большой народ... Кашаки имеют на берегу Понтийского моря крепости, где они укрываются во время нападений алан»⁶⁸. Но уже в «Худуд ал-Алам» «Касак — область (в других переводах — город. — Авт.) Алании на побережье моря Гурз. Это приятное место и там у них имеются торговцы»⁶⁹.

Ашкасиййа (или Аскаса), писал А.П. Новосельцев, можно было бы отождествить с упомянутым в «Худуд ал-Алам» аланским городом Касак, если бы не подозрение, что здесь спутано взятое у Масуди название народа *касак/кашак*, т.е. адыгов, с названием города на побережье. Впрочем, ученый допускал, что автор «Худуд ал-Алам» пользовался неизвестным нам источником, и во второй половине X в. на черноморском побережье существовал город, носивший название основного местного населения, но зависимый от алан. Наконец, аланский город Ашкала (искаженное Ас-кала) — обозначение «крепости асов», т.е. «ничто иное, как та же Дарьяльская крепость или какая-то крепость на Западном Кавказе»⁷⁰.

Абульфеда (1273 – 1331 гг.) в своей «Географии» на берегу Черного моря отметил аланский город: «К востоку от абхазцев, на берегу моря находится город алан (Мединет-Аланийе). Этот город называется так потому, что его населяет народ аланской расы»⁷¹.

Опыт реконструкции древних и средневековых городов показал, что их серьезное изучение без материалов археологии невозможно. А.П. Новосельцев, восстанавливая этапы генезиса феодализма в Закавказье, писал по этому поводу: «Такой важный для истории Закавказья вопрос, как история города, затрагивается лишь попутно, ибо его без данных археологии изучить нельзя»⁷². Правда, некоторые из аланских поселений, сопоставимых с городами как таковыми, исследованы достаточно хорошо.

На южной окраине г. Владикавказа исследовано крупное городище, располагавшееся на правом берегу Терека в районе современных школы № 13, студии телевидения и завода Бином на Осетинской слободке. Судя по находкам керамики, обжитая территория тянулась по правому высокому и обрывистому берегу Терека на расстояние около 800 м при ширине 250–300 м. Это было довольно значительное для своего времени поселение. Городище и сопровождающий его могильник стали известны еще до первой мировой войны. Согласно сведениям Л.П. Семенова⁷³, из этого городища или могильника происходят случайные находки бронзовых, золотых и стеклянных изделий, разбитые глиняные сосуды черного, серого и красного цвета, орнаментированные мелкие железные изделия и т.д. Некоторые предметы, например,

стеклянный кубок хорошей сохранности, поступили в краеведческий музей.

По мнению Е. И. Крупнова, данный памятник назван «городищем» по недоразумению, ибо это — «огромное поселение с мощным культурным слоем». По аналогии с археологическим материалом из катакомб сел. Чми и Балта, поселение, «давшее лощеную керамику, жернова и другие предметы», может быть отнесено к VI–X вв. Ту же дату дали Л. П. Семенов и В. А. Кузнецов. По убеждению последнего, «наличие хорошо прослеживаемой и в настоящее время мысовой цитадели, укрепленной рвом», позволяет считать данный памятник «большим укрепленным городищем»⁷⁴.

В 1959 г. Т. Б. Тургиев и В. А. Кузнецов в ходе предварительной археологической разведки выявили 10 памятников — поселений и городищ аланского и золотоордынского времени. Памятники расположены на склонах Терско-Сунженского хребта по обоим берегам Терека. Лишь одно поселение открыто на левом берегу р. Дур-Дур, рядом со станцией Николаевской. Центральным городищем данной системы являлся Верхний Джулат.

Годом раньше в ходе раскопок в 250 м к югу от Татартупского минарета найдены предметы аланского периода. В этом слое выявлены «большие прослойки угля», свидетельствующие о пожаре. Многочисленные железные шлаки указывают на металлургическое производство. В большом количестве обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, кости лошадей и свиней, обломки керамики салтово-маяцкого типа. Все это уже тогда позволило археологам предположить, что «тут был крупный аланский центр»⁷⁵.

Еще одним интересным археологическим памятником является городище Рим-Гора, занимавшее возвышенное, естественно укрепленное плато при слиянии Подкумка и Эшкакона, недалеко от Кисловодска. Из долины Подкумка на плато вела древняя дорога шириной около 3 м, укрепленная подпорными стенами; здесь же 4 вырубленные в скале лестницы и караульные помещения в виде сводчатых камер. На стенах зафиксированы типичные византийские кресты и греческая надпись, а на самом плато — греческий крест с надписью VII–VIII вв. Византийское присутствие и влияние подтверждается также находками в районе Рим-Горы импортных предметов: мраморной овальной вазы с двумя ручками, металлическими крестами, стеклянной посудой, византийскими, иранскими и хорезмийскими монетами, а также индикациями византийских монет и т.д. На городище выявлены следы ворот; высеченные по краям плато зерновые ямы и цистерны для воды; следы многочисленных каменных зданий и т.д. На плато располагался укрепленный детинец, а рядом — одновременное с ним обширное поселение.

Масштабы памятника грандиозны: площадь детинца — около 16 га, поселения — 115–116 га. Специалисты не сомневаются, что археологический комплекс Рим-Горы представляет собой остатки древнего города, состояв-

шого из неукрепленного посада и цитадели, где жили представители социальной верхушки и куда в случае опасности укрывалось население посада (поселения).

Необходимо подчеркнуть, что Рим-Гора находится на перекрестке нескольких важных магистралей. Одна из самых значимых ведет в Сванетию, другая — в Абхазию. Третьим путем можно считать фактически продолжение второго маршрута — от Рим-Горы на северо-восток по Подкумку, по Куме до Маджар, откуда дороги еще с хазарских времен шли к Волге и далее в Среднюю Азию. По одной из версий, именно этот путь от Севастополиса (Сухума) через Рим-Гору и низовья Волги в города Средней Азии и есть знаменитый «Даринский» путь византийского историка VI в. Менандра. В любом случае совершенно очевидно, что выгодное положение на перекрестке важных торговых дорог способствовало быстрому росту и превращению Рим-Горы в средневековый город. Время его существования, по уточненным данным В. А. Кузнецова⁷⁶, — VII–XII вв.

Данный историко-архитектурный памятник привлек внимание специалистов не только своими внушительными размерами, но и огромным катакомбным могильником X–XII вв.

К еще одному городищу относится находящийся вблизи Лабинского перевала на западе Карачаево-Черкесии знаменитый скальный могильник VII–IX вв. «Мощевая балка», благодаря сухому климату сохранивший массу уникальных шелковых тканей китайского, согдийского, византийского и сирийского производства. Особенно уникальны исследованные А. А. Иерусалимской шелковый кафтан с изображениями Сенмурвов в круглых медальонах и т.н. «комплекс китайского купца». Археологи обратили внимание на массовый характер использования шелков местным аланским населением⁷⁷.

Наиболее обстоятельно данный могильник исследован Е. И. Савченко; лишь 37 из 569 зафиксированных им погребений оказались не ограбленными. Анализ собранного материала привел автора раскопок к выводу об активной роли западных алан в торговле на ВШП. Е. И. Савченко верхней датой существования могильника считает X в.

Некоторое представление о времени, условиях и механизме формирования северокавказских городов дает материал аланских поселений салтово-маяцкой культуры VIII — начала X вв. К настоящему времени границы лесостепного варианта данной общности определены с достаточной точностью. Она занимала площадь около 100000 кв. км. На всех трех пересекающих эту территорию реках (Дон, Северский Донец, Оскол) и их притоках постоянно встречаются остатки укрепленных и неукрепленных поселений. Только в лесостепной зоне бассейна Дона, согласно наиболее полной сводке Г. Е. Афанасьева, насчитывалось 277 городищ, селищ и могильников салтовцев. Особый интерес вызывают развалины белокаменных замков.

Из 10 городищ, известных к началу 90-х гг. XX в., 7 сосредоточено в верховьях Северского Донца. Стоявшие на высоких мысах белостенные крепости служили очень удобными пунктами контроля над водными трассами за проходившими вдоль берегов караванов купцов. Вокруг крепостей возникали селища; некоторые из них тянулись на 3–5 км. Основным этническим компонентом лесостепного населения Подонья являлись аланы. В середине VIII в. они переселились сюда с предгорий Северного Кавказа. Помимо алано-буртасских этнических подразделений здесь, на северных окраинах Хазарского каганата, проживали славянские племена, группы оногуров, болгар и хазар⁷⁸.

В обществе салтовцев отмечена ремесленная специализация и развитие торговли, в том числе транзитной. Сопровождающий инвентарь аланских катакомбных могильников свидетельствует о широкой внешней торговле со славянами, Крымом, Византией, Поволжьем, Средней Азией, Закавказьем, Ираном и Месопотамией. Поселения типа Ютановки 1 (с большой площадью поселения, большим количеством жителей, полифункциональным характером населенного пункта и т.д.) фактически превратились в раннегородские центры⁷⁹.

Дмитриевский археологический комплекс, основным населением которого являлись аланы, стал объектом специального исследования С. А. Плетневой. Согласно ее реконструкции, в Подонье на Корочу во главе с вождем пришли дружинники со своими семьями. Каждая семья получила на поселении небольшой участок и возможность пользоваться пастбищем. Изначально каждый двор состоял, видимо, из одного дома; со временем к нему пристраивались новые. Хозяйка двора, возможно, выполняла функции домашней жрицы⁸⁰.

При основании селища на вершине горы произведено ритуальное жертвоприношение — заколоты и погребены в узких ямах «золотые кони». Скорее всего, здесь располагалось святилище для всех прибывших на Корочу алан. Позднее здесь соорудили ямы для хранения зерна.

Одновременно с основанием поселения был укреплен мыс, на котором, очевидно, обосновался глава пришельцев, военный аристократ (С. А. Плетнева называет его «феодалом») со своими домочадцами. В первой половине IX в. аланская знать салтовцев усилила свои позиции настолько, что попыталась дистанцироваться от центральной власти. Одним из признаков этого можно считать постройку белокаменных крепостей, как бы противопоставляемых кирпичным крепостям каганата. Один из белых замков (Правобережный Цымлянский) был возведен даже рядом с границей домена кагана — напротив Саркела. С. А. Плетнева полагает, что примерно в 30–40-х гг. IX в., т.е. почти синхронно со строительством Саркела, на старых полудеревянных

невысоких стенах дмитриевского мыса местный аристократ возвел новые — белокаменные⁸¹.

Обобщая приведенный материал о раннесредневековых аланских, как и северокавказских в целом, городах, отметим, что их формирование связано не столько с генезисом феодализма, сколько с развитием поселений в административные, социально-экономические и идеологические центры. Если исходить не из этимологического значения слова *город* («огороженное место»), то отнюдь не всякое даже крупное раннесредневековое поселение можно считать таковым. Городами были резиденции правителей и их дружин, просто купеческие фактории на больших торговых путях⁸².

Примечания

1. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.
2. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
3. Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан // Записки Императорской Академии наук. Т. XXVI. СПб., 1875.
4. Повесть временных лет. М., 1950. Т. I.
5. Калинина Т. М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
6. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
7. Труды IV Археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 1891.
8. Прокопий из Кесарии. Война с готами/Перевод С. П. Кондратьева. М., 1950.
9. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.
10. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому/Перевод К. Патканова // ЖМНП. СПб., 1883. Март.
11. Тихонов А. Г. Средневековое население Северной Осетии (по материалам могильника Верхняя Кобань) // ЭО. 1994. №3.
12. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа//Материалы и исследования по археологии СССР. №106. М., 1962.
13. Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.)//Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
14. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе//Исторический архив. Т. III. М.-Л., 1940.
15. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.-Л., 1941.
16. Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан/Перевод и прим. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
17. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
18. Ванеев З. Исторические известия об аланах-осах. Сталинир, 1941.
19. Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XII веках. Феодальный город Алании. Ставрополь, 1993.
20. Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М., 1954.
21. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
22. Марцеллин Аммиан. История // ВДИ. 1949. №3.

23. Багрянородный Константин. Об управлении государством // СГАИМК. Вып.91. М.-Л., 1934.
24. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
25. Картлис Цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955.
26. Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII – XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.
27. Летопись Картли/Перевод Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982.
28. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.
29. Кузнецов В. А. Алания в X – XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
30. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. Тифлис, 1897.
31. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
32. Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский Временник. СПб., 1898. Т. V.
33. Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
34. Hudud al-Alam. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937.
35. Епископа Феодора «Аланское писание»/Перевод Ю. Кулаковского // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXI. Одесса, 1898.
36. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С.60.
37. Там же. С.155.
38. См.: Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. С.247 – 248.
39. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч.3. М., 1887.
40. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
41. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в./Перевод Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.
42. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
43. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Ч. I. М.-Л., 1949.
44. Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXI. Одесса, 1898; Картлис Цховреба. Т. I. Тбилиси, 1955.
45. Кучкин В. А. Где искать ясский город Тютяков? // ИСОНИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.
46. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1992. Т. III. С.3.
47. Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. — XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С.3.
48. Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001. С.21.
49. Назаренко А. В. Русь и Германия в IX – X вв. // ДГВЕ. 1991. М., 1994. С.7.
50. Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С.7.
51. Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX – X вв. // ДГВЕ. 1998. М., 2000. С.112.
52. Семенов О. А., Сергеев В. И. История началась в Причерноморье. Ростов н/Д, 1998. С.198 – 200.
53. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С.102 – 103; Ковалевская В. Б. Аланы и Кавказ. М., 1984. С.133 – 135.
54. Догузов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992. С.20 – 21.
55. Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. Т. VII. М., 1980. С.202.
56. Там же. С.208.

57. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980. С.3 – 4; Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана. Махачкала, 1994. С.4.
58. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993. С.94 – 122.
59. Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X – XV вв. Владикавказ, 2003. С.61 – 66, 68.
60. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. С.165.
61. Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С.149.
62. См.: Армянские источники об аланах/Сост. и комм. Р. А. Габриелян. Вып. I. Ереван, 1985.
63. Новосельцев А. П. К истории аланских городов // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969. С.133 – 134.
64. Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах/Сост. и комм. Ю. С. Гаглойти // Дарьял. 2000. № 3. С.216.
65. Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГТ СССР. 1982. М., 1984. С.209 – 210.
66. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988. С.48, 72.
67. Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge, 1958. P.157 – 158.
68. Аланика...// Дарьял. 2000. № 3. С.214.
69. Там же. С.216.
70. Новосельцев А. П. К истории аланских городов. С.135.
71. Аланика ... С.220.
72. Новосельцев А. П. К истории аланских городов. С.4.
73. Семенов Л. П. Археологические разыскания в Северной Осетии // ИСОНИИ. Т. XII. 1948. С.116.
74. Кузнецов В. А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе, 1980. С.50 – 68.
75. Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X – XV в. С.18 – 20.
76. Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв., С.151 – 152; Он же. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. С. 27 – 29.
77. Кузнецов В. А. Алано-осетинские этюды. С.50 – 51.
78. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С.7, 10, 268 – 271; Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII – X вв. М., 1987. С.5 – 6; Он же. Донские аланы. С.151.
79. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. С.124, 140 – 141, 147 – 149, 152 – 153.
80. См.: Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. С. 280.
81. Там же. С.272 – 272.
82. Новосельцев А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. №2 – 3. С.11.

ГЛАВА 4. АЛАНИЯ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ. МОНГОЛО- ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

В начале XIII в. Алания переживала период феодальной раздробленности. Бесконечные феодальные междоусобицы, межплеменные и межродовые распри привели к политическому распаду непрочной раннефеодальной государственной системы и усилению процессов децентрализации.

Аланы-асы, проживавшие в других районах (в Крыму, Северном Причерноморье, Подонье), утратили связь с аланами Северного Кавказа, смешались с другими народами. Дольше свою этническую самобытность сохраняли аланы-асы, обитавшие на территории нынешней Молдавии и Румынии с крупным торговым центром в Яссах («Яский торг» русских летописей). В XIII–XIV вв. они еще жили отдельным массивом и представляли серьезную силу; к ним не раз обращались правители соседних государств, стремясь привлечь их на свою сторону.

К моменту монгольского вторжения Кавказская Алания была раздираема междоусобицами. Из рассказа римско-католического миссионера доминиканца Юлиана, жившего среди алан в течение некоторого времени, видно, что в стране не было крепкой государственной власти. «Пришли в страну, которая называлась Алания, где жители представляют смесь христиан и язычников, — писал он. — Сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянные войны: князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров или какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные, а в

малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек за чем бы то ни было»¹.

Таковым было в общих чертах положение алан в первой четверти XIII в., когда началась длительная эпоха монголо-татарских нашествий, имевшая для многих народов Евразии тягчайшие последствия.

Монгольское вторжение 1222 – 1223 гг. В 1206 г. разрозненные монгольские племена объединились под владычеством хана Темучина, которого отныне стали называть Чингисханом. Создание монгольского государства означало консолидацию кочевых монгольских и родственных им племен. С момента своего образования новое государство стало орудием организации грабительских походов для удовлетворения интересов монгольской степной аристократии. Последняя увидела в Чингисхане человека, способного обеспечить ей право эксплуатировать свой народ, грабить соседние племена, а потому всячески старалась укрепить его власть. Этим задачам отвечало, в частности, создание огромной армии, которую готовили к захватам чужих территорий.

В 1212 г. полчища Чингисхана стали систематически совершать набеги на соседние территории. Первыми пострадали от их вторжений районы Северного Китая.

В 1218–1219 гг. направление монгольской экспансии изменилось. После тщательной подготовки армия Чингисхана была брошена на покорение западных стран. Под ударами монголо-татар пали некогда могучая держава Хорезм, другие государства Средней Азии, были завоеваны значительные области Передней Азии и Закавказья, народы которых оказали захватчикам упорное сопротивление.

Планируя новые завоевательные акции, Чингисхан решил провести разведку в районах будущих военных действий. Для этой цели он снарядил особый корпус из двух усиленных туменов (численностью 20–25 тыс. воинов) под командованием опытных полководцев Субудая и Джебе, прославившихся своими жестокостями в Северном Иране и Закавказье.

В 1222 г. монгольские войска приступили к выполнению задания Чингисхана. Чтобы беспрепятственно пройти через Дербентский проход, монгольские военачальники предложили Ширван-шаху заключить с ними договор. В ответ на это к монголам было направлено представительное посольство из 10 знатных лиц. Однако монголы не думали о заключении договора. Предательски убив нескольких послов Ширван-шаха, они силой заставили других указать им безопасный путь на север.

Аланы внимательно следили за движением монгольского войска. Ко времени выхода монголов на Северный Кавказ они заключили союз с кипчаками о совместной борьбе с завоевателями. Но, хотя в этом союзе были кровно

заинтересованы обе стороны, он оказался непрочным. Средневековый ученый Рашид-ад-Дин (1247 – 1318 гг.) пишет о первой встрече алано-кипчакских войск с завоевателями: «Когда они (монголы) пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы) сообща с кипчаками сразились с войсками монголов; никто не остался победителем».

Тогда монголы дали знать кипчакам: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько душа ваша пожелает, (только) предоставьте их (алан) нам». Они послали много добра; кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийств и грабежей»². В русской Суздальской летописи под 1223 годом об этих событиях записано: «Слышахом бо яко многы страны поплениша Ясы, Обезы, Касогы»³.

Из приведенного рассказа следует, что монгольские тумены оказались в тяжелом положении. Аланы и кипчаки, занимая несомненно выгодные позиции, сковывали действия монголов, к тому же последним неоткуда было ждать помощи, в то время как алано-кипчакские войска могли получить подкрепление. Ситуация складывалась в пользу союзников — они могли рассчитывать на полную победу над врагом. Однако монголы воспользовались передышкой и при помощи открытого подкупа кипчакских ханов разрушили союз алан и кипчаков. Предательство кипчаков было, очевидно, полной неожиданностью для алан; этим и объясняется постигшая их катастрофа.

Разгромив аланское войско, монголы огнем и мечом прошли по восточной части страны, а затем стали безжалостно истреблять кипчаков. Они двинулись на северо-запад, в Крым, где разорили богатые приморские города. 31 мая 1223 г. они нанесли поражение русским и кипчакам на реке Калке. После короткого отдыха часть монгольских войск двинулась на волжских булгар, но, потерпев в столкновении с ними неудачу, монголы вынуждены были вернуться. Поход Субудая и Джебе 1222 – 1223 гг. в Восточную Европу был глубокой разведкой в ходе подготовки кампании по покорению западных стран. Уже в то время существовал план создания мировой империи Чингисхана, куда должны были войти и все европейские страны, вплоть «до последнего моря». Предводителем общемонгольского похода в Восточную и Центральную Европу стал внук Чингисхана Бату (Батый).

Вторжение монголо-татар на Северный Кавказ в 1238 – 1239 гг. На курултае 1235 г. чингизиды решили начать поход на Запад и «обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу сопротивления на черту сопротивления»⁴, — писал персидский историк Вассаф. Другой известный историк Джувейни (1226 – 1283 гг.) также выделяет цели новой военной кампании монголов. «Состоялось решение, — пишет

Джувейни, — завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью»⁵.

Как видно из источников, курултай чингизидов основными силами на пути монгольской экспансии считал болгар, алан-асов и русских. Именно эти народы Восточной Европы оказали войскам Субудая и Джебе наиболее сильное сопротивление в начале 20-х гг. XIII в.

Первыми жертвами новой монгольской экспансии, начавшейся в 1236 г., стали аланы-асы и кипчаки, проживавшие в низовьях Волги и прикаспийских степях; на их покорение были брошены большие силы под командованием Мункэ. Аланы и кипчаки были разгромлены, их предводители убиты. После этого монголы приступили к выполнению главной задачи кампании — покорению собственно Алании, державшей в своих руках важнейшие ключевые позиции — перевальные пути в Закавказье (современные Военно-Осетинскую, Военно-Сухумскую и Военно-Грузинскую дороги). Монголы спешили расправиться с аланами как можно скорее, так как затяжная война на Северном Кавказе могла сорвать их планы завоевания Западной Европы.

Бату придавал особое значение походу против алан-асов. Об этом можно судить и по тому, что его войсками командовали Мункэ (будущий великий хан), Гуюк (сын и преемник великого хана Угедая), Кадан, Бури и другие видные военачальники. Целью похода был захват степной и предгорной зон Алании и ее столицы М.к.с, или Магас (точное название этого города-крепости и место его расположения остаются спорными). Все источники свидетельствуют о том, что аланы оказали захватчикам ожесточенное сопротивление, и часть алан так и осталась непокоренной. Рашид ад-дин писал, что «в кака-иле, то есть в год свиньи, соответствующий 636 г. (14. VIII, 1238 — VIII.1239) Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся 1 месяц и 15 дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши (637 г. хиджры — 3. VIII.1239 — 22. VII.1240 гг.)»⁶. В китайской «Юань-ши» («История монголов») говорится, что хан Мункэ подступил к асскому (аланскому) городу Майкосе зимой в 11-м месяце 1239 г. и после трех месяцев осады овладел асской столицей⁷. Чтобы овладеть городом, монголы прибегли к хитрости. «Предводитель с 11 готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам, — говорит китайская хроника, — впереди же были 11 пленников. Они громко кричали: «Город пал». За ними полезли... все остальные и город взяли»⁸. А монголы сожгли город М.к.с., и осталось «только имя его». Такую длительную осаду мог выдержать только сильно укрепленный город и гарнизон, готовый сражаться до последней капли крови. По свидетельству Шараф ад-дина Йезди, «к городу М.к.с, куда вследствие множества леса (даже) ветру трудно было

пробраться... проложили дорогу такой ширины, что на ней могли двигаться 4 встречные телеги. Они осадили город и после взятия (его) отдали приказание об общем избиении и сказали, чтобы у убитых отрезали правое ухо и представляли его. Было насчитано 270000 (ушей). Когда наступила весна и они управились с делами улуса кипчаков и аланов, то они с огромным войском двинулись на покорение (земли) келаров и башгирдов», — так писал хорошо осведомленный Шараф ад дин Йезди⁹.

В. Минорский численность защитников аланской столицы дает, опираясь на фрагмент из работы Джувейни: «и насчитано было две тысячи семьсот ушей»¹⁰. Данная цифра, несомненно, представляется более вероятной, чем приводимая в издании В.Г. Тизенгаузена. Судя по длительности осады — по арабским источникам полтора месяца, а по китайским даже три — с применением стенобитных машин, Магас являлся крупным городом. Интересно, что из всех покоренных татаро-монголами укреплений Восточной Европы в монгольской и китайской хрониках упомянуты лишь Киев и Магас¹¹.

Летом 1240 г. чингизиды в основном закончили покорение Северного Кавказа. Феодальная раздробленность не позволила ни одному этносу выставить объединенное войско. Монголы умело воспользовались трениями среди горской знати, послав, например, воинов аланского князя Матарша на Магас, а аварские отряды — на Кумух. Причем Матарша был начальником авангарда у Мункэ, штурмовавшего Магас. В Матаршу «попало две стрелы, но, вооружившись храбростью, он овладел городом»¹². За службу захватчикам феодалы получали подтверждение своих владетельских прав, награды и должности, дорогие подарки и уделы. Так, когда тумены Субудая, вступив в страну асов и пределы Булгара, дошли до Булгара Великого, «тамошние вожди Боян и Джикю изъявили царевичам покорность, были (щедро) одарены и вернулись обратно»¹³. Крупные феодалы Алании, не желая терять свои привилегии, нередко без боя сдавали целые области. Китайская хроника «Юань-ши» прямо указывает на это: «асский правитель Хан-Ху-сы со своим народом подчинился Угэдэю», как только монголы достигли границ его владений. За это феодала возвели в звание «бадура», пожаловали золотую пайцзу и «оставили властвовать... над землей и народом». Вскоре по указу завоевателей он набрал «войско асов в тысячу человек», а его сын Атачи находился «в свите и сопровождал государя в походе». Сын Атачи Бодар наследовал должность тысячника и носил золотую пайцзу. В 1283 г. Бодару пожаловали тигровую пайцзу, назначили командиром гвардии и главнокомандующим «отдаленных сторон». На сторону врага перешли Арслан, Илья-багадур, Юй-ва-ши, Негулай, Коу-эр-цзы, Фу-дэ-лай-сы, Бадур, Матарша, У-цзор-бу-хань и еще 20 знатных асов. Они также сохранили свои сословные привилегии, а богатства приумножили. Например, Менгу

«выдал Арслану грамоту на управление народом асу». Упомянутому выше Атачи хан Хубилай «пожаловал 500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1620 дворов из числа усмиранных жителей»¹⁴. В монгольско-китайской империи аланы составили отборную пекинскую гвардию численностью, по преувеличенным, очевидно, данным И. Мариньоли, более 30 тысяч воинов.

По сообщению византийского историка второй половины XIII в. Георгия Пахимера, социальные верхи алан, зихов, готов, русов и других, изучив язык, переняв обычаи и нравы татаро-монголов, стали их союзниками¹⁵. Вассалы Золотой Орды нередко собирали дань со своих соплеменников. Например, Менгу назначил некоего Аргуна главным сборщиком налогов в «западных странах», а в 1255 г. отправил вместе с другими чиновниками произвести перепись «покоренных народов», в том числе население Северного Кавказа. На службе у ханов находилось и духовенство захваченных районов¹⁶.

Татаро-монгольская агрессия и сословная политика ханов нашли отражение и в устной традиции. В частности, в Нартовском эпосе в сказании о войне между Ахсартаггата и Бората фигурирует Сайнаг-алдар. Это имя представляет собой передачу монгольского почетного имени Батыя — Саин-хан «славный хан». Образ Сайнаг-алдара и его действия служат иллюстрацией политики ханов Золотой Орды: образование и стравливание группировок в стане своих противников. Сайнаг-алдар помогает одному объединению нартов в борьбе с другим, во главе с Хамыцем, которого он и убивает¹⁷.

Часть населения Северного Кавказа продолжала оказывать захватчикам сопротивление, которое проявлялось в самых различных формах и охватывало все слои населения, в том числе и господствующие. Одна из форм — уход с захваченных территорий. «Картлис цховреба» сообщает, что «между 1257 и 1264 гг. пришли Осетины (в Грузию. — Ред.), преследуемые Берка-ханом». Среди них находилась «удивительная женщина по имени Лимичав и она привела с собой малолетних детей родом ахсарфкянов: первенца Пареджана и младшего Багатара и много князей». Значительные контингенты алан во второй половине XIII — первой половине XIV вв. появились в Молдавии, на Балканском полуострове и в Венгрии¹⁸. В Венгрию аланы совместно с половцами прибыли в конце 30-х гг. XIII в. и поселились в центре страны на плодородных землях, которые указом короля закрепились за ними¹⁹. Часть алан нашла убежище в Византии, с которой на протяжении многих веков Алания поддерживала дружеские отношения. По сообщению Никифора Григоры, аланы тайно послали посольство в Константинополь с предложением перейти на службу. «Император благосклонно принял их и более 10 тысяч алан прибыло в Византию с женами и детьми»²⁰.

Аланы, осевшие в горных ущельях, вместе с другими народами Кавказа продолжали вооруженную борьбу с завоевателями. Степанос Орбелян в «Истории Сюника» повествует о выступлении против татар объединенного войска, во главе которого стоял «молодой грузинский царь Давид, сын Деметра». Он «завладел Аланскими вратами, которые в древности назывались Дариал, ... откуда он изгнал татарскую стражу»²¹. Чингизиды так и не смогли подчинить горную зону своему влиянию. Плано Карпини в «Путешествии к татарам» (1246 г.) воспроизвел один из фрагментов борьбы алан: «в нынешнее время осаждали они (монголы. — Ред.) кажется, двенадцать лет в Аланской земле гору, которая, одна же, сопротивлялась храбро и многие татары и вельможи их под нею погибли»²². В упомянутой горе подразумевается крепость на возвышении. Скорее всего речь идет об известной аланской крепости Дар-и-Алан в глубине Дарьяльского ущелья. Данные Плано Карпини о длительности осады — 12 лет — требуют корректировки. Поскольку он побывал на Северном Кавказе в 1246 г., то получается, что монголы приступили к осаде в 1234 г., когда их здесь еще не было. Следует отнести начало осады аланской крепости в горах к 1238–1239 гг., т.е. ко времени монгольского похода на Кавказ; следовательно, она велась не 12, а восемь лет²³.

Результаты монгольских походов. Поход 1277–1278 гг. против Дедякова. Поход монгольских полчищ в Аланию привел к разорению и покорению равнинных районов страны. Жители же ее горных районов продолжали сопротивление. Миссионер Плано Карпини после своей поездки в ставку великого монгольского хана в 1246 г. писал, что «имена земель, оказавших им (монголам) мужественное сопротивление и доселе не подчиненных им, суть следующие: великая Индия, Мангия, *некая часть аланов*, некая часть китайцев»²⁴. Гильом де Рубрук, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие в столицу Монгольской империи Каракорум и неоднократно встречавшийся с аланами в Предкавказье, сообщал, что аланы «все еще борются против татар». В течение многих лет монголы были вынуждены держать «на земле асов» свои гарнизоны. «Аланы на этих горах все еще не покорены, — писал Рубрук. — Так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине»²⁵.

Монгольские ханы требовали от правителей подвластных земель безоговорочного подчинения и постоянных поставок людской силы для монгольской армии. По свидетельству Плано Карпини, их замысел заключался в том, чтобы установить свое господство над землями, поэтому пользовались любыми предложениями для расправы со знатными лицами: «требуют их сыновей и братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, *неким вождем аланов* и весьма многими другими»²⁶.

Хан Бату создал государство — Золотую Орду — с центром Сарай-Бату на Нижней Волге (у с.Селитренное Астраханской области). В состав Золотой

Орды была включена и Алания. С самого начала своего правления Бату по отношению к вассальным странам взял курс, главной целью которого было «получение максимальных доходов путем жесточайших форм феодальной эксплуатации»²⁷. Карательные экспедиции монголо-татар против мирных жителей, тотальные мобилизации боеспособного мужского населения для участия в многочисленных междоусобных и завоевательных акциях и т.п. обескровили Аланию и обусловили ее упадок. Строжайший контроль монгольских войск над выходами из горных ущелий разрушил связи между аланами, проживавшими в горных и предгорных районах. В результате монголо-татарского нашествия Алания как политическая единица перестала существовать. Часть населения была уничтожена, другая вовлечена в завоевательные походы, третья отошла в горы²⁸.

Монголы установили на покоренных землях режим систематического ограбления. После избрания Мункэ великим ханом в 1251 г. было решено упорядочить систему взимания дани в империи, и с этой целью были разосланы переписчики, взявшие на учет все население, земли, скот и т.п. В армянской летописи под 1254 г. говорится, что Мункэ «приказал в покоренных им странах провести перепись», приводится даже имя одного из переписчиков — Аргун²⁹. Перепись всего движимого и недвижимого имущества означала усиление грабительской политики. Так, если в 1246 г. Плано Карпини отмечал, что монголы требовали «десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества»³⁰, то после переписи завоеватели стали брать одного человека от девяти.

Население подвластных стран с ненавистью встречало переписчиков. Например, согласно Новгородской летописи, «чернь не хотела дати числа»³¹, а грузинские хроники пишут, что после переписи «впало в большое горе все население»³². Дело осложнялось тем, что местные правители бесконтрольно эксплуатировали население, изнуряя его бесконечными поборами, жестоко расправляясь с непокорными. Такими методами навязывалось и поддерживалось монголо-татарское иго.

Было несколько видов дани и принудительных работ, названия которых сохранил осетинский язык: хъалон — «налог, дань» и его разновидности — *тугхъалон* «дань кровью», т.е. людьми, *чызгхъалон* «дань девушками», *бегара* «вид отработочной ренты» (ср. также *тыхбегара* «принудительная бегара») и др.

После смерти хана Бату (1255 г.) и его сына Сартака правителем Золотой Орды стал Берке. В период его правления (1255–1266 гг.) началась острая борьба между Золотой Ордой и хулагуидским Ираном за обладание Кавказом и Закавказьем. Эта борьба искусно подогревалась египетским султаном Бей-барсом, заинтересованным в ослаблении державы Хулагу, угрожавшей Египту. В 1263–1264 гг. между войсками Берке и Хулагу происходили столкновения, закончившиеся поражением последнего.

Преемник Берке хан Менгу-Тимур (1266 – 1280 гг.) решил покончить с сопротивлением алан, которые все еще сохраняли свою независимость. Менгу-Тимур собрал войска со всех концов Золотой Орды и в 1277 г. направил их в Аланию. «Славный ясский» город Дедяков был взят штурмом и сожжен 8 февраля 1278 г.³³

После событий 1277 – 1278 гг. источники уже не содержат сведений о каких-либо крупных антимонгольских выступлениях алан, хотя, по всей видимости, высокогорные районы так и не были покорены.

Трагически сложилась и судьба алан, обитавших в других районах. Например, аланы Северного Причерноморья были втянуты в длительную борьбу темника Ногая и его сына Джеки с правителями Золотой Орды. Ногай фактически пытался создать собственное самостоятельное государство, но потерпел поражение в войне с сыном Менгу-Тимура Тохтой и был убит в 1300 г. Поддержка аланами Ногая в ожесточенной борьбе с Золотой Ордой обернулась для них неисчислимыми бедствиями. Их территория стала ареной кровопролитных войн. Но и после гибели Ногая аланы продолжали борьбу с Золотой Ордой, сохранив верность его сыну. Джека нашел прибежище у алан-асов, располагавших 10 тыс. воинов. Однако под напором монголо-татар часть алан вынуждена была уйти на запад. Их предводитель через вичинского епископа просил византийского императора Андроника о разрешении поступить к нему на службу. Такое разрешение было дано, и часть алан с левого берега Дуная ушла в Византию.

Это не единственная миграция алан в результате монгольского нашествия. Источники донесли до нас сведения и о других переселениях алан. Так, войска некоторых аланских феодалов, переметнувшихся в стан завоевателей, вошли в состав монгольской армии и были направлены в собственно Монголию, Китай и другие регионы империи чингизидов. Они участвовали в золотоордынских и имперских завоевательных кампаниях, несли охранную службу в различных районах, в том числе при дворе великого хана и т.п. Чтобы удержать воинов вдали от родины, на Восток были переселены и их семьи.

Массовое переселение алан (монголы называли их «асут», «асы») в восточные районы империи началось еще при жизни Бату; особенно интенсивно оно проходило во время правления великого хана Мунке (1251 – 1259 гг.), возглавлявшего монгольские войска во время покорения Алании.

В китайском сочинении «Юань-ши» приводятся сведения об отдельных аланских правителях-алдарах, перешедших на сторону монголов в период покорения Алании войсками Мунке, а также их потомков, служивших новым хозяевам верой и правдой. Согласно китайским источникам юаньского периода, народ осы стал «наиболее привилегированной этнической группой после завоевателей», т.е. монголов³⁴.

Омонголившись потомки алан под своим самоназванием до сих пор живут в восточных аймаках Монголии, недалеко от города Сайн-Шанда, сохранив некоторые древние традиции и обычаи. «Среди монгольских племен мы находим несколько таких, — писал акад. Б.Я. Владимирцов, — какие носят имена, под которыми известны были чуждые монголам народы, или даже вероисповедания», и первым среди этих народов называется *asud*, т.е. асы, или аланы, «принадлежащие к правому крылу монгольского народа»³⁵.

Вместе с тем, в ходе монголо-татарского нашествия значительная группа алан и половецкая орда хана Котьяна (алан и половцев связывали давние союзнические отношения в борьбе против общего врага) оказались отброшенными далеко на запад и осели на территории современной Венгрии. Аланы (венг. ясы) и половцы (венг. куны) поселились рядом, образовав этнические и административные районы Ясшаг и Куншаг. Центром района Ясшаг впоследствии стал город Ясберень на р. Задьва³⁶. Ясам и кунам были предоставлены привилегии, которыми они пользовались до 1848 г., а автономные права области Ясшаг были отменены лишь в 1876 г.

Венгерские аланы-ясы долго сохраняли свою этническую самостоятельность и язык. Найденный в 1957 г. яссско-латинский (и венгерский) разговорник, составленный в 1422 г. неизвестным чиновником для практических нужд, свидетельствует о том, что язык ясов тогда еще не испытал сколько-нибудь заметного влияния со стороны других языков и не отличался от аланского. Все слова, приведенные в разговорнике, сохранились и в современном осетинском языке; фонетически они также примыкают к соответствующим осетинским (особенно дигорским) формам (ср., например: *яс./осет. фус (фыс)* «овца», *яс. vas* — осет. *уас* «теленоч», *яс. gal* — осет. *гал* «бык» и др. На венгерский язык ясы перешли в XVII в.

Одновременно с упомянутыми выше переселениями аланского населения началась и его миграция на юг. Под напором монголо-татар большие массы алан были вынуждены уйти в высокогорные районы Центрального Кавказа, откуда, прежде всего в силу экономических причин, аланы-асы двинулись на плодородные, малонаселенные южные склоны Главного Кавказского хребта и в прилегающие долины Грузии. В бассейне р. Большая Лиахва сложилась новая этническая общность, составившая население Южной Осетии.

Миграция алан в Закавказье получила отражение в грузинских источниках. Так, в «Картлис Цховреба» содержатся сведения о бегстве из Осетии в Грузию группы алан (среди них «множество князей»), которые были приняты царем Давидом, поселившим их в Тифлисе, Дманиси и Жинвали. В анонимном грузинском источнике «Жамтаагмцерели» указана дата появления этой группы аланских мигрантов (алан-овсов) в Грузии — середина 60-х гг. XIII в. В Грузию бежали и сторонники Хулагу, среди которых находились будущие осетинские военные предводители Пареджан и Бакатар.

С переселением в южные районы складывается новый говор аланского языка, возникают тесные экономические, политические и культурные связи с населением Грузии.

Итак, в результате монголо-татарского нашествия Алания как политическое образование прекратила свое существование, ее население в основном мигрировало. На плодородной предкавказской равнине, издавна бывшей аланской территорией, осталась лишь незначительная часть алан, подчинившихся монголо-татарам и вошедших в состав Золотой Орды. Часть представителей аланской средневековой народности переселилась в неприступные горные ущелья. Завоевание Алании монголо-татарами в XIII в. глубоко отразилось на последующем экономическом, социальном и культурном развитии осетин, отныне на несколько веков запертых в высокогорье.

Установив свою власть в Центральном Предкавказье, монголо-татары приступили к строительству здесь опорных пунктов-городов, имевших не только экономическое, но и военно-стратегическое значение. На указанной территории возникают три золотоордынских города: Маджары на р. Куме (г. Буденновск Ставропольского края), Нижний Джулат — на р. Терек (близ г. Майский КБР) и Верхний Джулат — также на Тереке (близ с. Эльхотово РСО-Алания). Наиболее значительным из них был город Маджары. Все золотоордынские города Северного Кавказа располагались близ трассы крупного торгового пути, шедшего из Грузии через Крестовый перевал и Дарьяльское ущелье в Эльхотовские ворота и далее на север, к Нижней Волге, золотоордынским центрам Поволжья и Сараю — столице татарских ханов. Другой, не менее значительный путь шел из района Азова через Маджары к Дербенту, с выходом в Азербайджан и на Каспий. С началом борьбы между Золотой Ордой и хулагуидским Ираном оба пути, как это было и во время арабо-хазарских войн, оказались направлениями важнейших операций воюющих сторон. Города Предкавказья стали для Золотой Орды стратегическим плацдармом и базой снабжения войск. Поэтому Орда была заинтересована в росте и укреплении своих опорных пунктов в Предкавказье.

Городище Верхний Джулат, судя по данным археологических раскопок, возникло в X-XII вв. Можно предполагать, что в этот период площадь городища была сравнительно небольшой. Активное строительство здесь началось в золотоордынское время (XIII – XIV вв.)³⁷, когда на левом берегу Терека в удобной горной долине вырастает целый город протяженностью до 2 км.

Археологами найдены и исследованы остатки двух его мусульманских мечетей и четырех христианских церквей, сложенных из квадратного кирпича стандартных размеров на прочном известковом растворе. Одна из мечетей была квартальной. Вторая мечеть открыта у основания известного Татартупского минарета — единственного историко-архитектурного памятника XIV века — эпохи Золотой Орды на Северном Кавказе.

Верхнеджулатские мечети и минарет указывают на распространение в этом районе мусульманской религии, которая была официальной религией Золотой Орды. На территорию Северной Осетии мусульманство проникает в XIV в., особенно активно оно насаждалось в период правления Узбек-хана (1312–1342 гг.), когда и сооружались мечети Верхнего Джулата³⁸.

Наряду с мусульманами в городе жили и христиане. При раскопках выявлены четыре небольшие одноапсидные церкви, сложенные из квадратного кирпича. Церкви размещены на окраинах города, тогда как мусульманские памятники тяготеют к центральной городской площади, вымощенной булыжником (она была открыта археологами в 1962 г.). Эта топография свидетельствует о том, что центр города был заселен господствующей мусульманской прослойкой золотоордынцев, тогда как остальное население составляли христиане, очевидно, как местного аланского происхождения, так и пригнанные завоевателями извне и поселенные на Верхнем Джулате. Ими могли быть, например, мастера-ремесленники, строившие и обслуживавшие город. Подобная политика переселений проводилась монголо-татарами на всех завоеванных ими территориях.

Несомненно, в XIV в. Верхний Джулат стал крупным экономическим центром Северного Кавказа, средоточием ремесла и торговли. Об этом свидетельствуют археологические материалы. Одновременно город являлся опорным пунктом монголо-татарского гарнизона, охранявшего выход на равнину из Дарьяльского ущелья, а также Эльхотовские ворота. С началом войн между Золотой Ордой и Ираном стратегическое значение этих проходов усилилось, и в страну асов, видимо, в конце XIII в. был введен десяти тысячный корпус татар³⁹. Весьма вероятны и иные цели формирования этого корпуса — борьба против местного населения, которое укрылось в горных ущельях и оттуда вело борьбу с завоевателями, нанося им ощутимые удары⁴⁰.

Татарсунский минарет XIV в.

Фундамент и крипта церкви 2. Верхний Джулат. XVI в.

В историко-археологической литературе высказано мнение об отождествлении Верхнего Джулата со «славным» яским (аланским) городом Дедяковым, упоминаемым в русских летописях в связи с походом монголо-татар и русских князей в 1278 г., когда Дедяков был взят штурмом и сожжен. Это предположение небезосновательно, хотя не все историки с ним согласны, а слой пожарищ 1278 г. пока не обнаружен. Сильный удар по Верхнему Джулату в 1395 г. нанес среднеазиатский эмир Тамерлан, вторгшийся на Северный Кавказ в «области Джулат», представивший здесь для своей армии короткий отдых перед решающим сражением с золотоордынским ханом Тохтамышем. Но, судя по археологическим исследованиям, Верхний Джулат не был заброшен, и в XV в. жизнь в нем продолжалась.

Аланы Южной Осетии в золотоордынский период. Во второй половине XIII в. в нагорной полосе Шида-Картли существовало компактное поселение овсов, в среду которых просачивались с севера все новые и новые группы мигрантов. Эти процессы вызвали продвижение овсов в различные районы Картли⁴¹. Как указывалось выше, «между 1257–1264 гг. пришли осетины, преследуемые Берка-ханом. Среди них была удивительная женщина по имени Лимичав (вариант — «две женщины Лим и Ачав») и она с собой

привела малолетних детей родом ахсарфкянов: Пареджана (вариант: «сын овского царя») и Багатара и много князей»⁴². Аноним сер. XIV в. Жамтаагмцереги уточняет дату появления внушительного числа овсов в «Шида-Картли» — 1263 г. По мнению В. Н. Гамрекели, они эмигрировали по политическим мотивам⁴³. Более убедительной представляется точка зрения Г. Д. Тогошвили, связывающего появление алан в Грузии в 1263 г. с поражением войск Хулагу в битве с золотоордынцами. Овская аристократия, играя на внутримонгольских противоречиях, пыталась воспользоваться вторжением войск Хулагу на Северный Кавказ и покончить с господством Золотой Орды. Союзу аланской аристократии с ильханами способствовало и то обстоятельство, что Хулагу поддерживал христиан всех исповеданий. Первоначально успех сопутствовал Хулагу. В 1262 г. его воины одержали ряд крупных побед. Хулагу, согласно Рашид ад-дину, приказал отправиться за врагом и забрать «жилища воинов Беркея. В силу (этого) указа они переправились через реку Терек. Жилища всех эмиров, вельмож и воинов Беркея сияли в той степи. Кипчакская степь была сплошь в кибитках и больших шатрах, а земля та полна лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец, а работных людей их ни одного не было в жилищах. Все бежали, бросив жен и детей». Три дня пировали нойоны Хулагу.

Несколько иначе описывает данный этап противоборства монгольских ханов армянский историк XIII в. Киракос Гандзакеци. По его данным, Хулагу разбил свои войска на 3 отряда. Одну «(рать) поручил своему сыну Абагахану, к нему же отправил и правителя Аргуна... другую рать он собрал у Аланских ворот и, взяв с собой остальное войско, двинулся и вступил (на территорию) далеко за Дербентскими воротами, ибо туда есть лишь два пути: через аланов и через Дербент. И, разорив части улуса Джучи, дошел до великой и бездонной реки Терки Этиль»⁴⁴.

Берке собрал огромное войско. Арабские авторы единодушно указывают на это. Джучиды «собрали превеликое, словно муравьи и саранча, полчище», — свидетельствует Рашид ад-дин. Ему вторит Ибн-Василь: Берке «сделал воззвание к войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно ни начала, ни конца»⁴⁵. 13 января 1263 г. хулагуиды были разбиты на берегу Терека⁴⁶. В Тереке утонуло немало воинов. По свидетельству испанского географа XIII в. Ибн Са'ида, после сражения в реке еще долго «находили панцири и кольчуги»⁴⁷. Аланским сторонникам ильханов, «преследуемым Беркаханом», пришлось бежать в Грузию. Овских князей с их дружинами царь благоразумно разместил в различных районах страны — Тбилиси, Дманиси и Жинвали. В 1268–69 гг. аланский отряд был переведен в Гори для отражения возможных нападений из Западной Грузии, но вскоре выведен из него. В 1292 г. аланы-овсы вновь занимают Гори, на сей раз при поддержке монголов.

В конце XIII в. в Грузии разгорелась острая борьба за престол между Давидом VI и Вахтангом IV. Грузинский «Хронограф» XIV в. в связи с этим «царевича овского» Пареджана причисляет к активным сторонникам Давида. Во многом благодаря его поддержке — по хронике: «Пареджан также весьма содействовал Давиду» — последний утвердился на престоле. После смерти Пареджана его преемник Багатар стал поддерживать Вахтанга. Причины переориентации овсов попытался выяснить А. Головин. По его сведениям, монголы вынудили Давида VI пойти с ними в поход на город Тонгузала. После месячной осады город был взят, т.к. в нем находился Пареджан, «сын царя осетинского», то «осетины ожесточились, начали грабить Карталинию и убивать жителей, взяли город Гори и укрепились в нем»⁴⁸. Багатар «разорил Картли, Триалети, сгонял с вотчин азнауров и были беды великие среди жителей Картлийских». Он же захватил крепость Дзами в ущелье внутренней Грузии. В начале XIV в. овсы, по словам летописца, стали наиболее активной силой, выступающей против Давида. В целом, отмечает В. Г. Цулая, источники свидетельствуют «о больших возможностях овско-аланского элемента в Грузии как в политической, так и в экономической сфере»⁴⁹.

Вахтанг щедро награждал Багатара и его князей за помощь. Один из аланских князей «из рода Сидамонта» стал ксанским эриставом. В начале XIV в. царь Вахтанг пожаловал эриставу Шалве «Трусу, Гуда (владение) Гагас-дзе, Дзагнакорцу, Дигвами, Гавази, Аперис-хеви, Бехуще и (среди) дидебулов (вельмож. — Ред.) своих лучшим считал»⁵⁰. Причиной столь щедрого пожалования явилась активная поддержка эриставом Вахтанга в его борьбе за трон. «Шалва привел в жены дочь царя овсов по имени Ширд». Брак эристава с дочерью «царя овсов» закономерен, ибо овсы со своим правителем Багатаром, как уже указывалось, были наиболее активной силой, выступавшей против Давида.

Вполне вероятно, что Вахтанг и Багатар скрепили союз клятвой; может быть, Багатар взял второй женой какую-нибудь грузинскую княжну, возможно, даже сестру Вахтанга. Так как последний очень нуждался в военной поддержке алан, он мог согласиться на такой брак. Но вскоре союз Багатара и Вахтанга распался.

С ослаблением позиций монголов в Грузии, усилением царской власти, непокорность и своеволие овсов в Картли (по летописи: «весьма возвеличился мтавар Багатар овский») превратились в серьезную преграду для экономического развития и стабилизации политической обстановки. Феодальная знать Грузии стремилась положить конец своеволию аланской аристократии. Тавады осадили крепость Дзами в Шида-Картли. «И как ожесточилась (осада), просили овсы милостью божьей пощады и обещали не вредить; с тем и явился Багатар пред Бека и затем помер»⁵¹. В на-

чале XIV в. Георгий V Блистательный (1314 – 1346 гг.), возглавив феодалов, обложил Гори и после трехмесячной осады взял город. Против сторонников Багатара выступил сын его зятя — ксанский эристав Вишел, родом из алан. Вот как описывает это событие грузинская хроника: «Тогда окружил (Георгий) осов, находившихся в Гори, и воевал (с ними) три года. Вишел же и войско его воевали лучше всех (других) войск, и хвалили их хвалой великой»⁵².

Разрыв Багатара и Вахтанга, вооруженная борьба — наверное, это и есть нарушение прежней клятвы, о которой говорится в Нузальской надписи. Следовательно, речь в ней идет об отношениях Багатара и царя Грузии Вахтанга, живших в конце XIII — начале XIV вв., но не о Багатаре (полководце) и Вахтанге Горгасале сер. V в. Это мнение имеет еще ряд косвенных подтверждений. Если бы в Нузальской эпитафии речь шла о событиях V в., то как мог Багатар взять в жены Мирандухту — трехлетнюю девочку. К тому же отношения между ним и Вахтангом Горгасалом с самого начала были враждебными, и говорить о «нарушении клятвы» Горгасалом не приходится, ибо он, очевидно, не давал клятву верности врагу. Багатар в V в. был лишь полководцем, но не царем. Перед поединком Горгасал обратился к противнику, стоявшему на противоположном берегу: «Не перейду я через реку, ибо я — царь, а ты — рядовой смертный». Багатар же XIII – XIV вв. по всем источникам являлся «царем овсов», происходил из рода Царазонта, с которым связаны многие места в Уалладжире. Деятельность Багатара, во всяком случае в последние годы его жизни, была направлена на защиту Туалгома и Уалладжира. Главным звеном в системе оборонительных сооружений в Касарском ущелье являлась мощная наскальная крепость «Нузалы фидар». По оценке военных специалистов XIX в., «у Нузала крепкая позиция для обороны входа в Касарское ущелье»⁵³. Вполне закономерно, что именно этот населенный пункт стал «гнездом» аланской аристократии, эмигрировавшей в горы в бурные годы татаро-монгольской экспансии.

Согласно устной традиции, жители «ущелий, рек Арагви и Ксани» ежегодно справляли праздник св. Георгия у церкви, расположенной на одной из высот горного хребта, разделявшего эти два ущелья. Каждый раз спор за лучшее место перерастал в «ужасные кровопролития». Но в один из праздников «из числа посторонних богомольцев явились два брата осетинских князей Дударуковых» и прекратили ссоры двух обществ. «Эти князья: Сидамон и Ростом, в знак признательности, были приглашены — первый арагвским, а второй ксанским обществами в старшины своих ущелий, а царь грузинский, приняв во внимание и другие заслуги и происхождение их, возвел их в звание эриставов. Так начинается связь этих двух княжеских родов с Грузией»⁵⁴.

Эту точку зрения подкорректировал М. Джанашвили. Согласно его анализу, эриставы происходили от знатного осетинского рода Сидамонта, три представителя которого — Ростом, Бибила и Цитлосан с 70 слугами — переселились в Грузию еще в царствование Фарасмана VI (542–557 гг.)⁵⁵.

В другой работе М. Джанашвили уточнил, что ветвь ксанских эриставов, которая пресеклась в конце X в., происходила из «самых знатных аваров»⁵⁶. М. Джанашвили одним из первых ввел в научный оборот «Хронику ксанских эриставов»; причем ему стала известна неполная версия данного памятника XV в. — «начало сего (памятника. — Ред.) утеряно давностью»⁵⁷.

В «письмах из Осетии» анонимного офицера, опубликованных в «Тифлиских ведомостях» за 1830 г., приведены данные «о происхождении древней фамилии князей Эристовых-Ксанских, из осетинской фамилии Бибиля или Бубиляур»⁵⁸.

Еще одна версия принадлежит В. Б. Пфафу: «Три царевича из Сидамоновой фамилии: Ростом, Бибила и Цитлосан, с сыновьями и свитой из 70-ти человек, принуждены были сыновьями старшего брата удалиться из Кабарды в северную Грузию...» Начало возвышению будущих эриставов положил Ростом, «за военные заслуги» получивший имение. Как альтернативное мнение, В. Б. Пфаф привел предание, использованное князем Баратовым, по которому эриставы связаны с «осетинскими алдарами Дударовыми»⁵⁹.

М. М. Ковалевский назначение эристами членов «одних и тех же семей и родов» рассматривал как фактор, в такой же мере содействовавший «переходу их из назначаемых правительством чиновников в феодальных сеньоров, в какой наследственное исправление графской должности в пределах Карловингской империи содействовало обращению ее носителей в ленных владельцев». Арагвские эриставы происходили из осетинского рода Сидамонта⁶⁰.

Происхождение арагвских эриставов от осетинского (аланского) рода Сидамонта подтверждается фамильной родословной. Например, надворный советник Бежан Эристов ссылался на то, что дед Нугзара Эристова, Сидамон, переселившийся с Северного Кавказа, получил от царя Симеона Ванатскую крепость. Нугзар, в свою очередь, «завладел с помощью Давида Эристова Ксанского деревнею Базалетиею», затем — «Мтиулетом и всеми арагвскими деревнями». Точно так же протоиерей Захарий Сидамонов просил «причислить его к потомству Сидамонова», поскольку князья Эристовы «суть и Сидамоновы»⁶¹.

Согласно преданию об Ос-Багатаре, «колени Сидамонта», продвигаясь по Архонскому ущелью и создавая здесь поселения, «все время находило в этих местах уже жившее здесь население». Вскоре трое представителей рода Сидамонта — Ростом, Бибила и Цитлосан — покинули Уаллагир и перебрались в Южную Осетию, «где добившись сперва эриставства, сделали затем родо-

начальниками грузинской княжеской фамилии Сидамоновых Эристовых»⁶².

Сведения фольклора созвучны с данными письменных источников, в частности, со сведениями хроники «Памятник эриставов» (ПЭ), созданной между 1405/6 – 1410 гг. в Ларгвисском монастыре Григолом Бандасдзе⁶³.

В первой части ПЭ повествуется о появлении наследников Сидамона в верховьях р. Ксани. Согласно хронике, из-за междоусобиц «в стране Осетской» трое царевичей, потомков Сидамона, Ростом, Бибила и Цитлосан с 70 «добрыми рабами» через Заки пришли «в страну Двалетскую». Затем они со свитой перебрались в Цхразмийское ущелье. «В то время цхразмисхевцы сражались с крепостью Груиси пять месяцев». Ростом и его дружина включилась в сражение, проявив себя отважными воинами, способными организовать успешную борьбу с неприятелем. Это определило дальнейшую судьбу Ростом — по желанию местных жителей он стал эриставом⁶⁴.

Интересно указание хроники на причины возвышения Бибилури — осуществление ими военного руководства: «если куда предпринимались походы, (они) становились предводителями сражавшихся и не находилось никого, кто (мог бы сразиться) в единоборстве с Ростомом. И возлюбил его весь народ цхразмисхевский»⁶⁵.

Итак, согласно ПЭ, истоки возвышения Бибилури следует искать в исполнении ими важной общественной функции — военного руководства (они — «предводители бойцов»). Оказавшись во главе военной организации Цхразмийского *хеви* (букв. «ущелье»; но этим термином в средневековой Грузии обозначали также территориальную единицу), Бибилури затем завладевают «селами и областями». С усилившейся фамилией вынуждена считаться и центральная власть, что в конце концов выразилось в назначении Ростом из аланского клана Сидамонта цхразмийским эриставом. При этом главная функция — командование военным ополчением, естественно, осталась в силе, на что указывает пожалование царем Ростому, среди других символов эриставской власти, оружия, боевого коня, одетого в броню, знамени и копья. На наш взгляд, это можно рассматривать и как показатель изменения социального статуса Ростом — своего рода обряд посвящения в рыцари. Косвенно об этом свидетельствует то обстоятельство, что некоторые представители рода эриставов входили в вооруженную свиту царя и постоянно находились при дворе. Так, ПЭ сообщает, что младший брат эристава Иоанн «находился всегда при царе, ибо был отважным витязем, непобедимым в бою».

При Ларгвели, наследнике Ростом, увеличилась дружина эристава. Как повествует ПЭ, *азнауры*, «сидевшие» между реками Арагви и Лиахви, находились в подчинении Ларгвели и выступали в походы под его знаменами. Таким образом, первоначальный состав *эри* («народа-войска») распался, и военная служба становится привилегией определенных родов. В бою рядом с эриста-

вом мы видим его «свиту» (*моахлени*), «родичей-копьеносцев», азнауров и рабов (*монани*)⁶⁶.

Судя по фольклорным памятникам и хронике ксанских эриставов, в Туалгоме в XIII в. феодальные отношения еще не утвердились. Попытка Бибилури добиться господствующего положения не увенчалась успехом, и они были изгнаны из Двалетии. Но в XIV в. источники отмечают здесь владельцев Сунгу и Амсаджана. Так, ПЭ описывает поход Виршела III в аул Мна Трусовского ущелья: «И была битва жестокая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатырями, и полностью в доспехах. И было (пущено) множество стрел, подобно дождю частому, и (брошено) множество камней, подобно граду, и скатываемых (камней) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри страны их: Сунгу, Пареджан, Амсаджан, Багатар и многие другие»⁶⁷.

Приведенное сообщение ПЭ относит к концу XIV в. Однако «овский царевич» Пареджан умер в конце XIII в., а его брат Багатар — в 1304 (6) г. Возможно, создатель хроники объединил несколько разновременных событий. Григол Бандасдзе, пишет С. С. Какабадзе, допустил ряд ошибок при определении хронологии событий⁶⁸. Интересно отметить, что ПЭ жестко связывает Пареджана и Багатара с территорией Туалгома. Интересно и другое сообщение — «о храбрых воинах», одетых «полностью в доспехи». Речь идет, по всей вероятности, о княжеской дружине — военной аристократии. О Сунгу и Амсаджане ничего не известно. Правда, можно отметить, что с именем Сунгу созвучно название реки и ущелья в Дигории — Сонгу (ти), возводимое А. Дз. Цагаевой к монг. сонг — «дикий лук»⁶⁹. Антропоним Амсаджан состоит из двух элементов. Длительный период составные имена выражали привилегированность социальной верхушки⁷⁰. В этом смысле, очевидно, за именами Амсаджан и Сунгу скрываются какие-то двальские владельцы, тем более, что хроника ставит их в один ряд с «овскими царевичами» Пареджаном и Багатаром. Сунгу и Амсаджан, вероятно, генетически связаны с аристократией равнинных алан, оттесненных в горы татаро-монголами⁷¹.

Примечания

1. Аннинский С. А. Известие венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. III. С.78–79.
2. Рашид ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С.220.
3. ПСРЛ. Л., 1928. Т. I. Вып.3. С.504.
4. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. II. С.85.
5. Там же. С.22.
6. Там же. С.37.

7. Bretschneider E. *Noties of Medieval Geography and History of Central and Western Asia*. London, 1876. P.83.
8. Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // *Христианский Восток*. СПб., 1914. Т. II. Вып.3. С.283.
9. Тизенгаузен. Указ. соч. С.145.
10. НА СОИГСИ. Ф. I. Д. 138. С.3.
11. Хизриев Х. А. Из истории освободительной борьбы народов Северного Кавказа против татаро-монгольских завоевателей // *Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период*. Грозный, 1979. С.32.
12. Иванов А. И. Указ. соч. С.299.
13. Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С.35.
14. Иванов А. И. Указ. соч. С.281-300.
15. Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. *Орджоникидзе*, 1971. С.43.
16. Хизриев. Указ. соч. С.4 – 35.
17. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982. С.82 – 83; Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // *Сказания о нартах. Осетинский эпос*. М., 1978. С.21-22.
18. Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. С.43 – 44.
19. Кузнецов В. А. Ясы в Венгрии // *ИСКНЦВШ*. 1985. № 3. С.40 – 45.
20. Там же. С.44.
21. Армянские источники об аланах/Сост., комм. Р. А. Габриелян. Ереван, 1985. Вып. III. С.26.
22. Скитский Б. В. *Хрестоматия по истории Осетии*. Дзауджикау, 1949. Ч.1. С.34.
23. Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. С.39.
24. *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. М., 1957. С.57.
25. Там же. С.186.
26. Там же. С.55 – 56.
27. Греков Б. А., Якубовский А. Ю. *Золотая Орда и ее падение*. М., 1950. С.71.
28. *История народов Северного Кавказа*. М., 1988. Т.1. С.197.
29. Армянские источники о монголах. М., 1967. С.26.
30. *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. С.155.
31. *Новгородская летопись*. СПб., 1888. С.278.
32. *История Осетии в документах и материалах*. Цхинвали, 1962. С.59.
33. Кучкин В. А. Где искать ясский город Тютяков? // *ИСОНИИ*. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV. С.170.
34. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С.518.
35. Владимирцов Б. Я. *Общественный строй монголов*. Л., 1934. С.130.
36. Кузнецов В. А. Аланы-ясы в Венгрии. Владикавказ, 1993. С.83 – 152; Калоев Б. А. Венгерские аланы (ясы). М., 1996.
37. Зивилинская Э. Д. археологические исследования памятников Золотой Орды на северном Кавказе // *РА*. 2003. №2. С.61.
38. Нарожный Е. И. Вновь о мечетях Верхнего Джулата (Северная Осетия) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Армавир, 2003. Вып. 1. С.151 – 172.
39. Тизенгаузен. Указ. соч. С.116.
40. Кузнецов В. А. *Эльхотовские ворота в X – XV веках*. Владикавказ, 2003.
41. Тогошвили Г. Д. К вопросу о времени и условиях переселения осетин на территорию Грузии // *ИЮОНИИ*. 1984. Вып. XXVIII. С.195 – 214.
42. Джанашвили М. *Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России*//СМОМПК. 1897. Вып. XXII. С.45.
43. Гамрекели В. Н. К истории Грузии рубежа XIII – XIV вв. // *Мравалтави*. Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1975. Т.V. С.196 – 197.

44. Киракос Гандзакечи. История Армении/Пер., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М., 1976. С.237.
45. Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пгр., 1918. С.4.
46. Тизенгаузен. Указ.соч. С.74 – 75.
47. Бартольд В. Соч. Т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973. С.109.
48. Головин А. Историческое обозрение Грузии. СПб., 1864. С.90.
49. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. М., 1980. Т. VII. С.202 – 203, 208, примеч. 58.
50. Памятник эриставов/Пер., исслед. и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979. С.25.
51. Цулая Г.В. Указ. соч. С.203.
52. Памятник эриставов. С.27.
53. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч.2. С.224 – 225.
54. Баратов С. История Грузии. СПб., 1871. Тетрадь II. С.47 – 48.
55. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков... С.193.
56. Джанашвили М. История Осетии // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.71. С.50.
57. Там же. С.100, сл.
58. Письма из Осетии // Тифлисские ведомости. 1830. №72.
59. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории осетин // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. С.9.
60. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. М., 1886. Т. I. С.22 – 24.
61. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах/Перев. и комм. Ю. С. Гаглойти // Дарьял. 1995. №2. С.167 – 168.
62. Пчелина Е. Г. Местность Уаллагир и шесть колен рода Ос-Багатара // НА СОИГСИ. Ф.6. Оп.1. Д.21. С.67, 79 – 80.
63. Какабадзе С. С. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970. С.106; Памятник эриставов. С.11 – 13.
64. Памятник эриставов. С.21 – 24.
65. Памятник эриставов. С.23.
66. Анчабадзе Г. Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. Тбилиси, 1990. С.167 – 169.
67. Памятник эриставов. С.27, 34.
68. Какабадзе С. С. Указ. соч. С.109.
69. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. II. С.295.
70. Никонов В. А. Личные имена у кумыков и ногайцев сегодня // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С.207 – 208.
71. Тогошвили Г. Д. Указ. соч. С.207.

ГЛАВА 5. АЛАНИЯ-ОСЕТΙΑ В XIII–XV ВВ.

Рассматриваемый период в истории Осетии является одним из наиболее сложных. Изолированные в горных ущельях остатки алан-осов в условиях острого безземелья были вынуждены перестраивать свою хозяйственную систему, приспособивая ее к новой обстановке. Резкое сужение экономической базы вследствие утраты основных районов земледелия на предгорной равнине привело к отрицательным демографическим явлениям: само существование формировавшейся осетинской народности находилось под угрозой.

Письменных источников по истории Алании-Осетии XIII–XV вв. очень мало. Это один из наиболее «темных» ее этапов. Большую помощь в его реконструкции оказывают археологические материалы и произведения устного народного творчества.

Монголо-татарское иго на Северном Кавказе. В XIII–XV вв. Северный Кавказ входил в состав Золотой Орды, которая достигла высшей точки могущества при Узбек-хане (1312–1342 гг.), пришедшем к власти после упорной борьбы. В Золотой Орде в то время ослабли усабицы, оформилась сословная собственность на землю, большую роль играли города и торговля. С этими явлениями связано некоторое оживление в экономической и культурной жизни и на территории бывшей Алании. Оправляются от разгрома и отстраиваются города с алано-монголо-татарским населением, в том числе и Верхний Джулат. Золотоордынские правители учитывали стратегическое значение северокавказского региона. Здесь, в районе Пятигорья, располагалась ставка Узбек-хана, а также владения крупнейших монгольских феодалов. Тюрко-монгольские захоронения появляются на территории Осетии, в частности, в местности «Сухая

балка» у г. Владикавказ¹. Монетные и иные находки рассматриваемого периода происходят из святилища Реком².

Уцелевшее аланское население возрождает свои традиционные виды хозяйства — земледелие и скотоводство; культивируются просо, пшеница, овес, рожь, ячмень, разводятся крупный и мелкий рогатый скот, лошади, птица. Об этом имеются упоминания в средневековых арабских источниках. Так, по свидетельству ал-Омари, «у султана этого государства (Золотой Орды. — Ред.) рати черкесов, русских и аланов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т.е. водится скот. — Ред.), текут реки и добываются плоды»³. В непосредственной связи с развитием земледелия и скотоводства находились и ремесленные производства, хотя отдельные промыслы утратили былое значение. Совершенствуют свое мастерство гончары, кузнецы, оружейники, ювелиры, рудознаты и литейщики, каменщики, ткачи и др. Часть их уводилась завоевателями в города Золотой Орды, где сложились целые кварталы ремесленников и торговцев — выходцев с Северного Кавказа и из других завоеванных монголо-татарами стран, и где, по свидетельству арабского путешественника Ибн Баттуты (1304–1377 гг.), «каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их»⁴.

Торговля играла исключительно важную роль в экономике Золотой Орды. Высокая пошлина на торговлю давала немалый доход золотоордынской казне; появились специальные торговые агенты ханов и торговые объединения, купцы-пайщики; развивалась караванная торговля. Согласно арабскому историку XV в. Ибн Араб-шаху, караваны из Хорезма проходили совершенно спокойно, «без страха и опаски», до самого Крыма в течение трех месяцев. Не было надобности возить с собой ни фураж для лошадей, ни продовольствие для сопровождающих караван людей, более того, караваны не брали с собой проводников. Караванные пути пролегали по густонаселенным районам, в которых все необходимое можно было получить за плату⁵. Пользовались известностью торгово-ремесленные центры Северного Кавказа — Дербент, Аркас, Тарки, Десяков (Верхний Джулат), Нижний Джулат, Маджары и др. Адыги, аланы и дагестанцы вели меновую торговлю с генуэзскими колониями Причерноморья, городами Закавказья и Ирана. Одной из основных статей вывоза являлись рыба, икра, хлеб, меха, вино, воск, шерсть, шкуры, фрукты, а также рабы. В обмен на эти товары ввозились хлопчатобумажные, шелковые и бархатные ткани, ковры, соль и т.п.

Как видно, несмотря на огромный урон, нанесенный народам Северного Кавказа нашествием орд Бату-хана, в условиях последовавшей затем в регионе политической стабилизации их хозяйство постепенно восстанавливалось. Вместе с тем, население покоренных земель вынуждено было платить завоевателям дань, сбор которой зачастую сопровождался грабительскими

набегами. Тяжесть обложения усиливалась в связи с распространением в Золотой Орде откупной системы сбора налогов, приводившей к массовым злоупотреблениям.

С начала XIV в. на Северный Кавказ проникает мусульманство. Особенно ревностно и решительно распространял его Узбек-хан: при нем ислам стал официальной религией Золотой Орды. В письме египетскому султану он с гордостью заявлял, что в его государстве осталось очень мало «неверных». При Узбек-хане в Золотой Орде широко развернулось культовое строительство. В различных уголках Северного Кавказа в тот период также появляются многочисленные мечети, минареты, мавзолеи. Известны они и в возрожденных городах бывшей Алании — Верхнем и Нижнем Джулатах.

Есть основания полагать, что в странах, покоренных Золотой Ордой, кроме непосредственных монгольских властей существовало промежуточное управленческое звено — местная феодальная аристократия, князья. Так было во многих земледельческих районах, в управление хозяйственной жизнью которых монголы почти не вмешивались. Города, сельскохозяйственные районы «попадали под двойной гнет местной и монгольской кочевой знати. Но непосредственным эксплуататором оседлых народов остались местные феодалы. Монголы-кочевники были далеки от оседлого феодального земледельческого и городского укладов и видели в населении деревень и городов лишь объект грабежа и плательщиков дани»⁶.

Ослабление Золотой Орды. Куликовская битва и ее значение для народов Северного Кавказа.

Вторая половина XIV в. в политической жизни Золотой Орды ознаменовалась обострением междоусобной борьбы. Политические смуты, начавшиеся в конце правления Узбек-хана, потрясли устои государства при его преемнике Джанибеке. В 60-х гг. XIV в. в результате серии «дворцовых переворотов», сопровождаемых убийствами ханов и претендентов на престол, возвысился темник Мамай. Закрепив за собой районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, причерноморские степи и Крым, Мамай в 70-х гг. XIV в. смог на время покончить с сепаратизмом крупных феодалов и объединить под своей властью территорию Золотой Орды западнее Волги, вплоть до Днепра. Однако установить контроль над восточными улусами Золотой Орды и подчинить их себе ему так и не удалось.

В ходе ожесточенной борьбы за великоханский престол внешнеполитические интересы Золотой Орды практически отошли на второй план. В этих условиях усиливается борьба покоренных народов за свою независимость. Наиболее значительных успехов в ней достигла Русь, которая «нашла в себе все необходимое, чтобы грабительской политике Золотой Орды противопоставить процесс объединения русских княжеств в единое централизованное государство и тем нанести сильный удар еще мощной золотоордынской

власти»⁷. 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле (между Доном и Непрядвой) произошла решающая битва объединенных под началом московского князя Дмитрия Донского отрядов русских княжеств с полчищами Мамаю. Последний сумел собрать армию в 50–60 тыс. человек. Летописи перечисляют в ее рядах всех ордынских князей (сторонников Мамаю), а также насильственно призванные рати: «Бессермены и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Боуртасы»⁸.

В результате кровопролитной Куликовской битвы армия Мамаю потерпела сокрушительное поражение, сам он бежал и вскоре был убит приспешниками своего политического противника хана Тохтамыш. Золотой Орде был нанесен сильнейший удар, от которого она уже не смогла оправиться, несмотря на периоды относительной политической стабилизации при Тохтамыше и Едигее (конец XIV — начало XV вв.). Победа в Куликовской битве активизировала борьбу за освобождение от иноземного ига не только русского, но и других народов, в том числе и кавказских. Именно она предопределила дальнейшую судьбу горцев Северного Кавказа, ускорила процессы социальной стратификации горских обществ, их этнической консолидации.

Нашествие Тимура на Северный Кавказ и его последствия. В середине XIV в. на политической арене появляется среднеазиатский эмир Тимур, мечтавший о возрождении Монгольской империи в границах завоеваний Чингисхана и его преемников.

К 1388 г. войска Тимура захватили всю Среднюю Азию, откуда они через Персию вторглись в Закавказье, опустошив Азербайджан, Армению и Грузию.

Непосредственно с Тимуром связано возвышение и падение Тохтамыш — прямого потомка Чингисхана. Ведя борьбу за власть, Тимур стремился посадить на окраинах своего государства послушных себе ханов, способных провести в жизнь его политические замыслы. В Золотой Орде таким претендентом на престол стал молодой хан Тохтамыш. При поддержке Тимура он смог в 1381 г. объединить Золотую Орду. Но стремление Тохтамыш восстановить ее прежнее могущество не могло не привести его к конфликту со своим покровителем. Решающее столкновение двух противников произошло в апреле 1395 г. в районе р. Терек. Победу в нем одержал Тимур. Разгромив затем западные улусы Золотой Орды в районе р. Узи, он повернул к Тану (Дону) и вторгся в русские земли, захватил город Елец и вновь ушел на юг.

Двигаясь через низовья Дона, осенью 1395 г. полчища Тимура захватили Азак (Азов). За восемь дней, как пишет персидский историк Низам ад-Дин Шами, они «дошли до Кубани (области Черкесов) и несколько дней простояли там»⁹. Вполне вероятно, что в схватках с Тимуром кроме соб-

ственно адыгов участвовали и горские племена, жившие на Северо-Западном Кавказе.

В верховьях Кубани Тимуром были разгромлены владения асских правителей Буриберди, Буракана, Кулу и Тауса, локализуемые в современных Карачае и Балкарии. Правда, Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский считали, что Кулу и Таус обитали в Дагестане, но источники относят их к «племени иркувун» (аркауна), в котором отдельные исследователи видят христиан асов-осетин или смешанное алано-тюркское население, сыгравшее важную роль в этногенезе балкарцев и карачаевцев. Не исключено, что после похода Тимура в Прикубанье прекращает свое существование поселок Аланской христианской епархии на Нижне-Архызском городище, которое может быть сопоставлено с Магасом (Маасом) — столицей Алании; погибают многие крепости и городища.

Из районов Западного Приэльбрусья Тимур направился в сторону современной Балкарии. Здесь или, как полагают некоторые исследователи, в окрестностях Верхнего Джулата находилась крепость Пулада (возможно, он был наместником Тохтамыша в этой части Северного Кавказа), который бросил вызов Тимуру, приютив и отказавшись выдать Утурку — одного «из старших эмиров Джучиева улуса»¹⁰, т.е. претендента на золотоордынский трон. Несмотря на ожесточенное сопротивление, Пулад был разбит, Утурку бежал в Приэльбрусье, где попал в плен. Вслед за тем Тимур покорил область Симсим, расположенную, по-видимому, на территории современной Чечни или Ингушетии. Есть основания полагать, что одновременно подверглись разгрому до той поры не тронутые Тимуром горные районы Осетии (Дигория и, возможно, часть Алагирского ущелья). В боях против горцев Северного Кавказа Тимур использовал особые подвижные отряды из покоренных им ранее мекритов, ловких и искусных в ходьбе по горам.

Боевые действия на Северном Кавказе продолжались и весной 1396 г., но они уже не затрагивали Осетию. Однако в 1400 г., после неудачной попытки захватить Дарьяльский проход, среднеазиатский эмир вновь посылает сюда свои войска. Согласно грузинским хроникам, вынужденный отступить, Тимур возобновил свои попытки покорения Осетии (Алании), т.к. считал, что Грузия оказывает помощь войскам овсов (алан-осетин). На этот раз войска Тимура через Дербент прошли землю леков (лезгин) и вступили в Осетию, опустошили всю страну, полонили население и вернулись обратно к повелителю своему¹¹.

Экспансия Тимура нанесла огромный ущерб экономике и культуре всех стран, ставших жертвами агрессии, в том числе народов Северного Кавказа. Трагическими оказались ее последствия и для алан-осетин. Источники середины XV — начала XVI в. рисуют страшную картину разгрома: в Алании

«нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, а там погибли или были истреблены. Поля Алании лежат широким простором. Это пустыня, в которой нет владельцев – ни аланов, ни пришлых»¹². Незначительная часть уцелевшего от нашествия населения оседает в горах Центрального Кавказа. Этническая консолидация алан-осетин, таким образом, вновь была нарушена.

Осетино-кабардинские отношения в XIV–XV вв. После вторжения Тимура и опустошения Центрального Предкавказья начинается процесс постепенного перемещения части адыгских племен из мест их обитания (Северо-Западный Кавказ) в юго-восточные районы. О времени расселения кабардинцев в Центральном Предкавказье можно судить по археологическим материалам, в частности, по инвентарю кабардинских курганов, наиболее ранние комплексы которых относятся к XV в., а поздние — к XVI–XVIII вв. Картографирование этих курганов наглядно показывает, что самые ранние из них «располагаются на широкой территории предгорной и степной частей Центрального Предкавказья. На западе граница их распространения доходит до реки Большого Зеленчука (притока Кубани), на севере — до городов Минеральные Воды, Прохладный, на юге — до лесистых предгорий, на востоке — до рек Сунжи и Фортанги (притоки Терека). Поздние курганы охватывают значительно меньший ареал. Распространены они в основном на современной территории Кабарды и в районе Пятигорья. Вывод из этого факта представляется очевидным: максимальное расселение кабардинцев приходится на XV — начало XVI вв.»¹³.

Остатки алан-асов, изолированные тогда же в горных ущельях Центрального Кавказа, были вынуждены приспособиваться к новым условиям. Необходимость пользоваться зимними пастбищами на равнине обусловила их зависимость от кабардинских феодалов, особенно в Дигории, находившейся в непосредственном соседстве с Кабардой, которая в XVI в. разделилась на Большую и Малую Кабарду. В состав платы за пользование равнинными пастбищами входил в основном скот — овцы, коровы, быки, лошади. Плата взималась главным образом с крестьян. Представители социальных верхов Осетии, вступавшие в родственные связи с кабардинскими феодалами, подражали обычаям кабардинских князей, перенимали у них отдельные элементы этикета («адыге хабзе»).

Формирование осетинских обществ. В домонгольский (поздне-аланский) период X–XII вв. формирование алано-осской народности протекало преимущественно на равнине междуречья Кубани и Терека. Этот процесс был прерван монголо-татарским нашествием и связанными с ним истреблением части населения и его массовыми миграциями. Грузинский историк XVIII в. Вахушти об этом писал: «Во время же походов Чингисовых ханов... разори-

лись и опустошились города и строения их, и царство овсов превратилось в мтаварство-княжество, и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть страны их превратилась в пустыню, какова и ныне Черкесия»¹⁴.

Нет сомнения, что и после включения центральной части Северного Кавказа в состав Золотой Орды во второй половине XIII–XIV в. на предкавказской равнине остались какие-то группы алан-осов, подчинившиеся завоевателям (в частности, можно полагать, что основную массу жителей Верхне-Джунатского города и в XIII–XIV вв. составляли аланы). Но решающее значение для дальнейшего этнического развития осетинского народа имела миграция алан с равнины в горы в конце 30-х — начале 40-х годов XIII в., когда масса аланского населения хлынула в спасительные горные ущелья на севере и юге Главного Кавказского хребта, недоступные для монгольской конницы — главной ударной силы завоевателей. Труднодоступность горных проходов позволила аланам организовать успешную их защиту даже относительно небольшими силами. С середины XIII в. эти горные ущелья стали основной территорией осетинского народа.

Источники, освещающие этот этап формирования осетинского народа, очень скупы и немногочисленны. Поэтому некоторые аспекты этногенеза осетин остаются неясными и спорными, требующими дополнительных материалов и исследований. Но главную тенденцию данного процесса в XIV–XV вв. мы можем определить как окончательное оформление этнического типа и основных черт культуры и быта осетин. С XIV в. мы уже вправе говорить не об аланах-осах (овсах), а об осетинах как сложившейся устойчивой этнической общности со своей четко очерченной территорией, языком, экономикой и культурой.

В 1982 г. археологической экспедицией Северо-Осетинского НИИ исследован склеп, устроенный в скальном навесе над с. Дзивгис в Куртатинском ущелье. В нем было обнаружено 235 погребений. Огромную научную ценность представляет инвентарь склепа, дающий материал для исследования наиболее неясного периода истории Северной Осетии — XIV–XV вв. Принадлежность данного захоронения осетинам сомнений не вызывает. Но вместе с тем в нем содержится много вещей, характерных для аланской культуры предмонгольского времени: резные деревянные сосуды с зооморфными стилизованными ручками, деревянные шкатулки типа пеналов (хорошо известные по могильникам Западной Алании), бронзовые треугольные подвески и т.д. Эти находки свидетельствуют не только о преемственности аланской и осетинской культур, но и о переселении алан с равнин в горы, причем по некоторым керамическим сосудам (например, лепные кружки) можно даже судить о направлениях миграционного потока. Население Дзивгиса в XIV–XV вв. формировалось за счет жителей равнинных аланских городищ,

в частности, расположенных на левом берегу Терека в районе современных с. Эльхотово и ст. Змейской. Возможно, в Дзивгис переселилась и часть жителей из других районов.

Говоря об этом этапе этногенеза осетинского народа, необходимо подчеркнуть два существенных момента. Прежде всего это переселение аланов на юг Кавказского хребта, на территорию нынешней Южной Осетии, что привело к известному обособлению югоосетинской группы. Второй момент — расселение оставшегося на севере населения по ущельям, орошаемым горными реками Геналдон, Гизельдон, Фиагдон, Ардон и Урух с их притоками. Наиболее благоприятными для проживания были высокогорные, меридионально расположенные ксерофитные долины ледникового происхождения — такие, как Даргавсская, Фиагдонская, Наро-Мамисонская. В этих долинах, пригодных для земледелия и скотоводства, концентрировалась основная масса жителей.

Ущелья между собой соединялись системой перевальных троп и дорог, но они были трудны и опасны (особенно в зимнее время), поэтому, хотя связи между жителями этих ущелий и существовали, но они не были устойчивыми. Препятствовала этому и общинная рознь. В данных условиях начинается процесс формирования осетинских обществ: Тагаурского (ущелья рек Терек, Геналдон и Гизельдон), Куртатинского (ущелье р. Фиагдон), Алагирского (ущелье р. Ардон), Туальского (Наро-Мамисонская котловина и ущелья рек Мамисондон, Нардон, Зругдон, Закадон) и Дигорского (ущелье р. Урух). Следует отметить, что это выделение осетинских обществ в значительной степени условно, некоторые исследователи район Туалгом не выделяют и насчитывают четыре осетинских общества. В целом же вопрос о сложении обществ изучен еще очень слабо и нуждается в дальнейшей разработке. Поэтому пока формирование осетинских обществ можно обрисовать лишь в самых общих чертах, преимущественно по археологическим данным.

Судя по известным сейчас аланским катакомбным могильникам VII – IX вв., довольно рано сложилось общество в Дигорском ущелье, где катакомбные могильники известны в Камунте и Кумбулте. В XIV – XV вв. оно пополнилось аланскими переселенцами с территорий соседней Балкарии, оттесненными группой кипчаков-половцев, которые вынуждены были мигрировать вследствие нашествий монголо-татар и войск Тимура.

Примерно к тому же периоду относится и заселение аланами-осами Алагирского и Куртатинского ущелий. В Алагирском ущелье и его ответвлениях аланские катакомбные могильники VII – IX вв. обнаружены в самом начале ущелья близ г. Алагир, в Архоне, Садоне и Баде. Алагирское общество сложилось к началу XIV в., на что с документальной достоверностью указывают фрески церкви конца XIII в. в с. Нузал. На них, наряду с этнографически

точными изображениями осетин в национальной одежде, сохранились написанные по-грузински осетинские имена Сослан и Фидарос¹⁵.

Менее ясным остается историко-этнографический процесс на территории Туалгома. Выявленные здесь аланские археологические памятники либо еще не исследованы, либо исследованы лишь фрагментарно (Цмийское городище), не исключено, что местная этническая группа дольше сохраняла свою самостоятельность, будучи изолированной в высокогорье. Она могла подвергнуться ассимиляции со стороны алан несколько позже, в XIV–XV веках.

Довольно рано аланы-осы проникают и в Куртатинское ущелье. Пока единственным археологическим памятником их пребывания здесь в VII–IX вв. является катакомбный могильник на южной окраине с.Лац. Следующим этапом заселения аланами Куртатинского ущелья была мощная миграция середины XIII в., о которой свидетельствует упоминавшийся выше Дзивгисский склеп XIV–XV вв. Возможно, что именно тогда и складывается окончательно Куртатинское общество.

Много неясного в вопросе о формировании Тагаурского общества. Известные осетинские предания о первопредках Курта и Тага еще не подвергались анализу как исторический источник. Основным материалом для суждения дают археологические памятники, рисующие довольно определенную картину освоения аланами-осами ущелья р.Терек, вплоть до Верхнего Ларса (катакомбные могильники преимущественно VIII–IX вв. на южной окраине г.Орджоникидзе, в селениях Тарском, Балте, Чми, Верхнем Ларсе, Гоуст в боковом Джейрахском ущелье). Богатый катакомбный могильник VIII–IX вв. и поселение с типичной аланской черно-серой керамикой известны в с.Кобан (близ башни Кануковых). Вероятно, и Кобанская котловина была освоена аланами-осами в VIII–IX вв. Раскопками Р.Г. Дзаттиаты в последние годы в с.Даргавс близ «Города мертвых» открыт большой катакомбный могильник алан, но этот материал еще не опубликован.

Эволюция феодализма в горной Осетии. Последствия нашествий XIII–XIV вв. оказались очень тяжелыми для алан, потерявших равнинные земли — мощную производственную базу. Дальнейшая жизнь алан-осетин связана с горными районами, где в соответствии с новыми условиями изменились характер и темпы становления классового общества. Если на равнине в структуре хозяйства ведущей отраслью являлось земледелие, а одним из важнейших этапов генезиса феодализма стало формирование крупной собственности на пахотные земли, то в экономике горцев преобладающее значение имело скотоводство, соответственно утверждение новых социальных отношений было связано с концентрацией в руках знати пастбищ и сенокосов. Важным источником ее обогащения была эксплуатация руд-

ников; немалый доход приносил и контроль над перевальными дорогами в Закавказье. Тем не менее, в предмонгольский период процесс феодализации в горах не зашел так далеко, как на равнине. Классообразование протекало в замедленном темпе, сдерживаясь несколькими факторами. Главная причина асинхронности развития социальных отношений в горной и равнинной зонах — различия производительных сил: природного плодородия почвы, орудий труда, видов энергии и т.д.

Миграция равнинных алан в ущелья Центрального Кавказа, чрезмерная концентрация населения на сравнительно небольшой территории вызвали социальные конфликты. Утратив свои равнинные владения, аланские феодалы на новом месте добивались привилегий в яростной борьбе как между собой, так и с горскими старшинами. Судя по историческим преданиям, это противоборство нередко завершалось полным истреблением одних феодальных кланов, лишением привилегий других, изгнанием из общества третьих. Согласно хронике эриставов, из-за междоусобиц «в стране Осетской» трое царевичей: Ростом, Бибила и Цитлосан с 70 «добрыми рабами» через Заки пришли «в страну Двалетскую», а оттуда — в Ксани, где стали эристами. Эриставы из «Сидамоновой фамилии», используя помощь грузинских азнауров, в течение всего XIV в. вели борьбу со своими соплеменниками. Так, эристав Виршел под знаменами царя Георгия V выступил в поход против алан. Причем, по свидетельству летописца, «Виршел и войско его воевали лучше всех (других) войск, и хвалили их хвалой великой»¹⁶.

Вынужденное переселение равнинных алан в горы сыграло существенную роль в развитии феодализма в ущельях Осетии. Аланская феодальная верхушка стала тем социальным слоем, который ускорил политические преобразования в горах. Некоторые сведения об этом процессе содержатся в фольклоре и письменных источниках, в частности, в хронике «Памятник эриставов», созданной в начале XV в. Судя по названным памятникам, в Туалгоме в XIII в. классовые отношения еще не утвердились. Попытка аланских феодалов закрепиться здесь оказалась неудачной, и они были изгнаны в соседние районы. Но в XIV в. источники отмечают в Двалетии владельцев Сунгу и Амсаджана. Очевидно, за именами Амсаджан и Сунгу скрываются осевшие в Туалгоме феодалы, тем более, что «Памятник эриставов» ставит их в один ряд с «овскими царевичами» Пареджаном и Багатаром. Сунгу и Амсаджан, как уже отмечалось, были связаны с аристократией равнинных алан.

Социальные верхи мигрировавших в горы равнинных алан повлияли на темпы феодализации и других осетинских обществ. Результаты обследования храма, кладбища, культовых памятников и мощной на скальной крепости в Дзивгисе (Куртатинское ущелье) указывают на обитание в ауле алан, укрывшихся здесь в середине XIII в. от монголо-татарских завоевателей. Ар-

хеологические и историко-архитектурные памятники Дзивгиса склоняют к мысли о том, что аул этот представлял собой центр феодального владения.

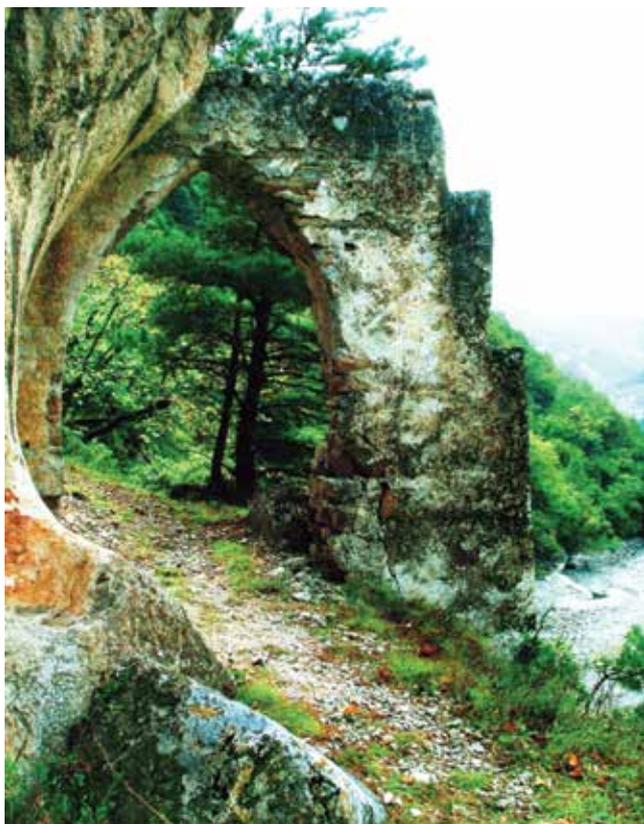
В Дигории появление эмигрантов привело к столкновению двух группировок социальных верхов: местной знати и пришлых феодалов. Это событие нашло отражение в «Песне об Айдаруке», возникшей на рубеже XV–XVI вв. Основная сюжетная линия фольклорного памятника — узурпация власти пришельцем Баделом, оттеснившим на второй план Айдарука Кабанова. Подчеркивая автохтонное происхождение Айдарука, многие версии предания о баделятах именуют его Дигор-Кабан, а от Дигора, по тем же редакциям, произошло все коренное население.

Средневековая наскальная крепость. с. Дзивгис

Возвышение привилегированных слоев устная традиция осетин обуславливала исполнением важных общественных функций, в первую очередь функций военного лидерства и управления обществом, т.е. отношениями власти и властвования. Узурпация важных общественных должностей способствовала имущественному благосостоянию и служила его самой прочной гарантией. Усложнение производственных процессов и социаль-

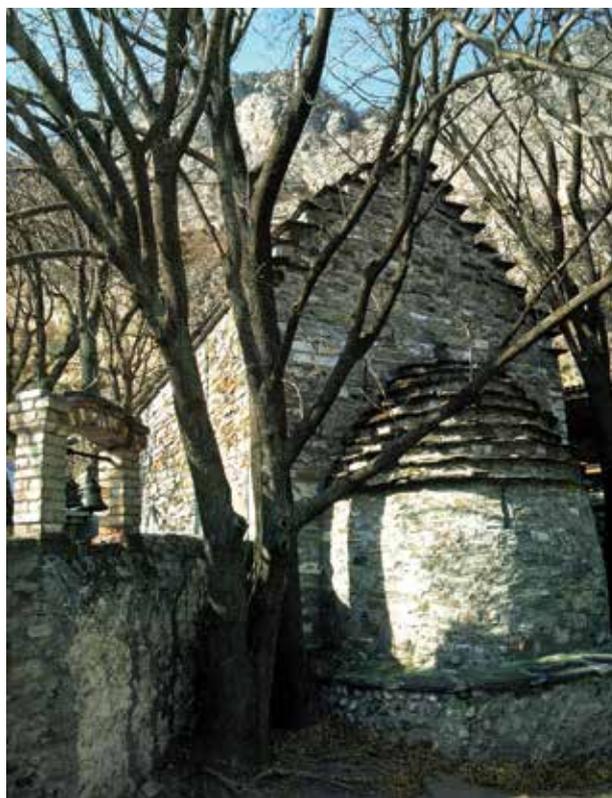
ных структур приводило к обособлению организационно-управленческой деятельности от производственной. Расходы, которые несла община на содержание лиц, занятых организационно-управленческими функциями, постепенно становились формой эксплуатации. Со временем лидеры стали осуществлять контроль над ресурсами; регулируя использование общего достояния, они все более распространяли свое «право» на охраняемые угодья, в первую очередь пастбища. Устная традиция осетин сохранила фольклорное отражение (правда, упрощенное) этого процесса: на царгасат «были наложены обязанности защиты от набегов балкарцев и сартцев, а также присмотр за пастухами, определение мест пастбищ. Это дало основание потомкам распространить свою власть на пастбище Харес и считать его своей собственностью; за пользование им взysкивать с населения дань натурой»¹⁷.

Таможенная застава Чырамад в Алагирском ущелье

Таким образом, монополизация важных общественных должностей служила механизмом формирования господствующего класса.

Архитектурные памятники. Материальная культура. Архитектурных памятников XIV–XV вв. в горах Осетии сохранилось относительно мало. Вероятно, именно в это время воздвигается целая сеть пещерных крепостей и укреплений (Нузал, Дзивгис, Урсдон, Кадат, Гули, Задалеск и др.), а также используются мощные заградительные стены (Хилак, Галфандаг, Кахтисар) и таможенные заставы (Зылын дуар, Чырамад), строятся каменные в один-два и более этажей жилые дома и башни.

Дзивгиская церковь

В связи с возросшим влиянием Грузии появляются культовые сооружения типа Нузальской церкви, галиатского и лезгорского святилищ (часовен), Фараскатской и Дзивгисской церквей, ориентировочно датируемые XIII–XV вв. Воздействие традиций грузинской архитектуры хорошо прослеживается на примере Дзивгисской церкви: базиликальная композиция здания с входом в южной стене осложнена пристроенной к восточной стене полуциркулярной апсидой, конха (раковина) которой расчленена семью гуртами — сплошными полочками из плит. Считается, что «эта особенность объединяет Дзивгис-

скую церковь с чисто местным зодчеством, где ряды подобных полочек чрезвычайно характерны для башен и склепов. Второй чисто местный элемент — фаллическое каменное навершие, венчающее апсиду. Оно возвращает нас к склеповой архитектуре — многие наземные склепы увенчаны подобными навершиями». Иными словами, Дзивгисская церковь, трансформировавшаяся со временем в языческое святилище, «являет нам еще один живой пример того, как традиционное для осетин, истоками своими уходящее в толщу веков и очень живучее язычество — не только успешно противостоит, но и перекрывает христианство»¹⁸.

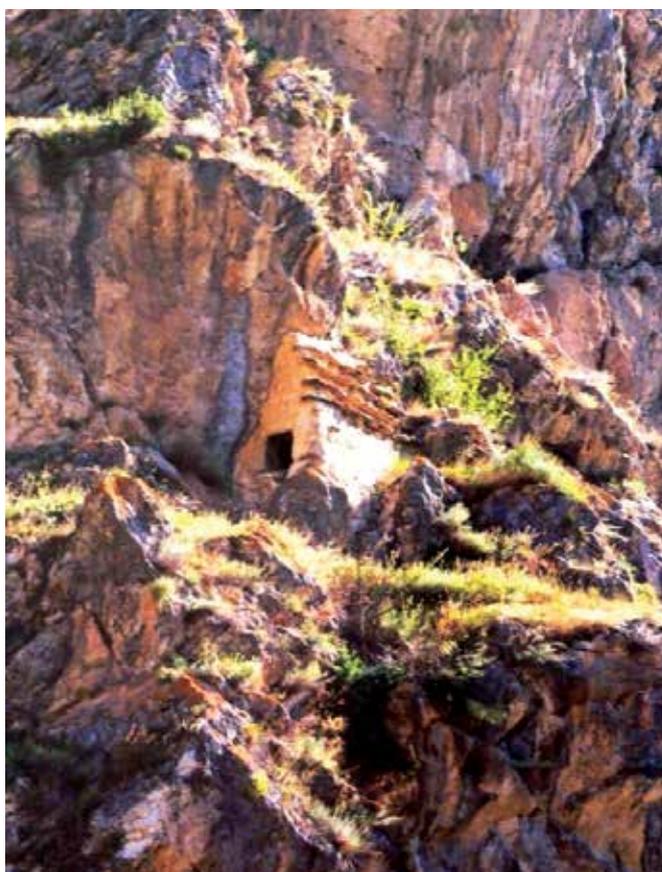

Нузальская церковь. Фото 1886 г.

Одним из наиболее известных в Северной Осетии памятников христианского зодчества конца XIII — начала XIV вв. является Нузальская церковь, внешне очень похожая на обычный двухскатный склеп. Стены ее в интерьере расписаны фресками, изображающими украшенный растительным орнаментом крест с тремя поперечными перекладинами, сцену конной охоты на оленя, фигуры Христа, Св.Мариин, Св.Георгия, поражающего копьем змея, архангела Михаила, ктиторов (строителей и покровителей церкви). Рядом с

фигурами сохранились грузинские надписи, содержащие имена изображенных на фресках лиц — Давид, Атон, Сослан, Фидарос, Со (кур), Романоз, святой Иоанн, Габриел (св. Гавриил), Басили (Василий) и др. Отдельные надписи выполнены греческими буквами. Для фресок Нузала характерно наличие и переплетение различных художественных традиций и приемов. В них преобладает грузинская иконографическая система, но с некоторыми местными особенностями, а конховая полуфигура Христа является западновизантийской. Церковь, несомненно, была возведена в честь погребенного здесь какого-то влиятельного лица (правителя, полководца), занимавшего привилегированное положение в алано-осском обществе¹⁹.

По мнению ряда исследователей, в указанный период в Осетии (за исключением Туалгома, население которого было подвержено более сильному воздействию христианской Грузии) возводятся многочисленные полуподземные и наземные склепы, коллективные усыпальницы.

Скальный склеп у с. Дзивгис

В архитектурном отношении они многими деталями и строительными приемами связаны с оборонительными, бытовыми и культовыми памятниками и свидетельствуют об уровне развития каменного зодчества в рассматриваемое время. В горах Осетии (в Куртатинском ущелье) известны пещерные скальные склепы. Расположены они обычно в труднодоступных местах и представляют собой небольшие естественные пещеры, устья которых закрыты каменными стенами. Эти памятники слабо изучены, хотя содержащийся в них материал может осветить многие малоизвестные страницы истории осетин. Подтверждением тому служат результаты раскопок пещерных склепов в районе с. Дзивгис, о которых уже говорилось выше. Материалы этих раскопок позволяют восстановить некоторые черты погребального обряда, например, посвящение косы вдовы умершему мужу (обычай, известный среди осетин). В захоронениях сохранились остатки одежды (штаны, рубахи, платья и т.д.) из ткани и кожи, обуви (чуваки, сапоги), головных уборов; в ряде случаев покойных заворачивали в древесную кору, войлок, ковровую ткань и посыпали древесными угольками, золой, лесными орешками. В погребениях найдены оружие, бытовые предметы, украшения. Обращает на себя внимание керамическая, стеклянная и особенно деревянная посуда. Обнаружено множество образцов тканей местного производства и привозных, богато декорированных; несколько медных грузинских монет XIII – XIV вв.

Материалы дзивгисских склепов свидетельствуют о широких осетино-грузинских связях, а также о языческом мировоззрении их создателей. Однако представляется несомненной и частичная христианизация древних обитателей Дзивгиса: в склепах найден бронзовый нательный крест, а в самом селении в то время функционировала и христианская церковь, о которой упоминалось выше.

Фольклор осетин в XIV – XV вв. Падение Алании в результате монголо-татарского нашествия губительно сказалось на судьбах осетинской культуры, особенно фольклора. В ее развитии наметилось два этнически родственных очага — североосетинский и югоосетинский. Произошла и идейно-эстетическая перестройка культуры, в которой воспоминания об исторической трагедии народа переплетаются с верой в его возрождение. Хотя в фольклоре и создаются новые произведения, отражающие современные им события, но главным было сохранение лучшего из богатого устного наследия алан-осетин, созданного в домонгольский период, и прежде всего основных циклов Нартовского эпоса.

События XII – XV вв. по-разному отразились в Нартовском эпосе. Бытующий в настоящее время у осетин героический Нартовский эпос является шедевром устного творчества. В течение веков осетины выражали в нем

свои думы и чаяния. Поэтому эпос можно назвать «энциклопедией» народной жизни.

Осетинские сказания о нартах образуют несколько эпических кругов или циклов, посвященных, главным образом, излюбленным героям. Время создания Нартовского эпоса поддается только относительной хронологии. Наличие скифских мотивов, с одной стороны, и монгольских, — с другой, позволяет сделать вывод о том, что эпос жил, формировался, обогащался в течение большого периода, от VII–VI вв. до н.э. до XIII–XIV вв. н.э. Несмотря на то, что сказания насыщены мифологическими, сказочными элементами, они передают исторические события и бытовые особенности эпохи с глубокой реалистической выразительностью.

В древнейших текстах эпоса отразились, несомненно, черты родового строя. Деление нартов на три рода (Бората, Ахсартагката и Алагата) красной нитью проходит через весь эпос. В архаических сюжетах воспеваются отдельные институты и порядки родового строя — коллективизм, общественные работы, кровная месть, клятва кровью и др. В отдельных случаях выступают пережитки матриархальных порядков и институтов. В этом плане показательна характеристика Сатаны. Она предстает как мать и хозяйка не только узкого круга семьи, но и всего племени. Когда нартов постигает голод, Сатана гостеприимно открывает двери своего дома и кормит всех, от мала до велика, в течение недели. Хозяйственная роль женщины как хранительницы и распределительницы запасов племени интересна и важна для воссоздания примитивного хозяйства в матриархальном обществе. В отдельных сказаниях находим пережитки группового брака, тотемизма и других институтов. Наиболее полно характеризуется родоплеменная организация нартов, и в особенности — строй военной демократии.

Основные занятия нартов — скотоводство и охота. Лишь в некоторых сказаниях («Дары богов Сослану») мы находим упоминание о зачатках земледелия, появление которого рассматривается как небесный дар²⁰. Из ремесел у нартов процветало кузнечное дело. Бог-кузнец Курдалагон выступает популярнейшим персонажем эпоса. Все общественные дела нартов решались на народном собрании — «ныхасе». На сходах право голоса имели все члены боевой дружины, вплоть до самых младших, если только они успели зарекомендовать себя хорошими воинами. Во время походов власть принадлежала военачальнику.

Любовь к музыке, песням, пляскам и играм сочеталась у нартов с суровой воинственностью. Наиболее ценными качествами мужчины-воина считались отвага в бою, воздержание в пище и уважение к женщине.

Ареной нартских походов и подвигов почти всегда является степь, очень часто упоминается море, что наилучшим образом согласуется с историческими сведениями о древнем расселении предков осетин (скифов, сарматов и алан) в южнорусских и северокавказских степях.

Сравнительный анализ, проведенный В. Миллером и Ж. Дюмезилем²¹, вскрыл яркие параллели между сюжетами нартских сказаний и реальными фактами из жизни скифов, сарматов и алан. Скифо-сарматский и аланский мир, уйдя в прошлое, продолжал жить в художественно преображенном виде в сказаниях о нартах.

Но это древнее ядро, восходящее ко времени, о котором повествует Геродот, никогда не было замкнутым миром, непроницаемым для внешних импульсов и влияний. Напротив, оно было широко открыто для взаимодействия с мифологией и эпосом народов, с которыми скифы, сарматы, аланы имели контакты на протяжении своей долгой истории. Восстановить полностью эти связи вряд ли когда-нибудь удастся. Слишком обширна была территория расселения и передвижений североиранских племен, слишком многочисленны и разнообразны были народы, с которыми соприкасались или могли соприкоснуться далекие предки осетин. И слишком мало мы знаем о фольклоре и мифологии многих из этих народов. Но все же контакты с некоторыми европейскими, тюрко-монгольскими и кавказскими народами оставили в осетинском эпосе достаточно явные следы.

Особого рода межэтническую ареальную общность образовал Нартовский эпос на Кавказе у населяющих его народов: осетин, адыгов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев, абадзехов и др.), абхазов, абазинцев, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей. Здесь речь идет уже не о сходстве отдельных мотивов или сюжетов, а об общей основе эпического инвентаря, о тождестве главных героев, об общем наименовании героев «нарт».

Народы черпают свои песни и легенды не извне, а из сокровищниц своей души, своего исторического опыта, своего жизненного уклада. Легко убедиться, что у каждого из народов Кавказа нартские сказания по содержанию, бытовым реалиям, форме, поэтике, манере исполнения несут черты национальной фольклорной традиции, национального колорита.

Материальным ядром эпоса послужил древний аланский цикл, восходящий некоторыми элементами еще к скифской эпохе и непрерывно обогащавшийся за счет контактов с другими народами, в том числе и народами Кавказа.

Обзор исторических судеб, сравнительное изучение и внимательный анализ героических нартских сказаний позволяют распознать в них наряду с мифологическим вымыслом отражение конкретной исторической действительности²².

Сочетание мифологического и исторического в эпосе — это не нечто случайное. Оно закономерно и неизбежно. Оно является следствием того факта, что создатели эпоса — народные певцы и сказители — располагают, с одной стороны, известным инвентарем традиционных мифологических, фольклорных, сюжетных схем, мотивов; с другой стороны, они — дети своего века и своей этнической и социальной среды с ее конкретным историческим опытом, с ее конкретными событиями, конфликтами, бытовыми и психологическими реалиями. Эта действительность вторгается и в мифы, и именно поэтому любой народный эпос — это не только собрание мифов и сказок, но и ценный исторический источник.

По духу и содержанию осетинский эпос — эпос дохристианский, языческий. Хотя в нем фигурируют Уастырджи (св. Георгий), Уацилла (св. Илья) и другие христианские персонажи, но христианского в них только имена, образы их идут из языческого мира. Вместе с тем в эпосе получила отражение борьба христианства с язычеством. Сослан, Батрадз — это герои языческого мира, погибающие в борьбе с новым богом и его слугами. Капитуляция Батрадза перед св. Софией (Софияйы зæппадз) — это капитуляция языческой Алании перед византийским христианством. Исторически эта капитуляция происходила, как известно, в X в., когда христианство, во всяком случае, номинально, восторжествовало в Алании, и была создана Аланская епархия. В эпизодах смерти Батрадза и Сослана Нартовский эпос выступает как эпос «уходящего язычества».

В прозаических и поэтических произведениях содержится попытка осмыслить перенесенные поражения, признается, что и нарты подвергались насилию («тых нартыл дæр чындæуыд»), но в конечном итоге насильники терпят крах. Тогда же, вероятно, зародилось поклонение осетин, особенно Алагирского ущелья, новому святилищу Татартупу. Это вызвало к жизни цикл песен и легенд (например, легенда «Татартуппы дзуар» — «Святилище Татартуп»²³).

К XV в. относится и создание нескольких устных произведений о нашествии кровавого завоевателя Тимура. Как и у других народов Северного Кавказа, в осетинских преданиях упоминается о глубоком рве, который прокладывали его войска (а именно, пленники и рабы).

О вторжении Тимура в Дигорию была создана и одна из проникновеннейших песен-плачей «Задалесская нана», поведавшая о героизме и почти полной гибели жителей Дигории. В ней поется:

*Над дигорской степью льет кровавый дождь,
Дождь кровавый льет над Дигорией...
Почернела зелень дигорских полей
От Тимура-Аксака железномордых волков.
Дигорскую плоскость окружили они
Крепче, тверже, плотней, чем железным плетнем²⁴.*

Однако в дигорских преданиях выражена уверенность, что Дигория возродится, соберется с силами, «у Дигории ее счастье еще не пропало, и она одолеет войско Ахсак-Тимура»²⁵.

Из поколения в поколение передавалось сказание о сражении осетин с войсками Тимура. В этом сражении обе стороны потеряли столько бойцов, что вода в горной реке стала красной, и река получила название «Кизыл» («красная»). Слово Кизыл в осетинском произношении превратилось в «Гизал», «Джызæл». В районе Даргавса одна из гор получила название «Девичья гора». По преданию, на ней от тимуровских воинов спасались девушки Алании.

До сих пор народная память хранит многие предания о борьбе алан с чужеземными поработителями, конкретно привязывая отдельные события прошлого к той или иной местности. В четырех километрах к западу от с.Дур-Дур высится большой курган под названием Хасху-Майхи-Туппур. По преданию, на этом месте защитники родины — воины-осетины разгромили один из отрядов Тимура. Все еще живы легенды о местах под названиями «Æхсины бадæн», «Æфсин» (например, у с.Даргавс)²⁶, где Тимур и его наместники собирали дань с населения.

В XIV–XV вв. рождались новые пословицы и поговорки, связанные с событиями XIV в. Известно, что Мамай провел тотальную мобилизацию взрослых мужчин по всему Северному Кавказу, собирая силы перед Куликовской битвой. Это отражено в поговорках. О Тимуре у дигорцев сохранилась поговорка: «Он объел нас, как Аксак-Тимур».

В осетинских сказках постоянно упоминается «аллонский» (аланский) дух, или «дух аллона-биллона» (аналогично «русскому духу» в русских сказках). Этноним «аланы» не исчез из осетинского языка. Прекратив свое существование как государственное образование, Алания навсегда осталась в памяти осетин и в их фольклоре.

Примечания

1. Вольная Г.Н., Нарожный Е.И., Ростунов В.Л. Поселения скифского времени и могильник XIV–XV в. «Сухая балка» // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Армавир, 2004. Вып.3. С.229–241; Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. С.15–16, 21–46.
2. Нарожный Е.И. О шлемах из сел. Ярыш-Марды и святилища Реком (Чечня и Северная Осетия) // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып.2. Армавир, 2003. С.112–125; Нарожная Ф.Б. О монетных находках из осетинского святилища Реком // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Армавир, 2003. Вып.2. С.202–203.
3. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С.231.
4. Там же. С.306.
5. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С.262; Тизенгаузен В.Г. Указ.соч. Т.1. С.460.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.26–28.
7. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С.281.
8. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой//*Куликовская битва*. М., 1980. С.211–212.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941. С.121–122.
10. Там же. С.122,182.
11. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России//*СМОМПК*. Вып. XXII. Отд.1. Тифлис, 1897. С.53–54.
12. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С.72; см. также: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С.137.
13. Ногаев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981. С.43–44.
14. Вахушти. География Грузии / Пер. М. Г. Джанашвили // *ЗКОИРГО*. Кн. XXIV. Вып.5. Тифлис, 1904. С.153.
15. Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.
16. Памятник эриставов. Тбилиси, 1979. С.21–24, 27,34.
17. НА СОИГСИ. Ф.19. Оп.1. Д.171. Л.7.
18. Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С.120–121, 125–146.
19. Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. С.16.
20. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С.80.
21. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Владикавказ, 2001. С.161–169.
22. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
23. Ирон æмбисæндтæ / Сост. К. Ц. Гутиев. Орджоникидзе, 1976. С.251; НА СОИГСИ. Ф.123. П.92. Л.19 (записи В. К. Тотрова).
24. Памятники народного творчества осетин. Вып.2. Владикавказ, 1927. С.74.
25. Туганов М.С. К истории осетинского народа // М.С. Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977. С.122.
26. Там же. С.124.

ГЛАВА 6. ОСЕТИЯ В XVI – XVII вв.

В XVI – XVII вв. произошли заметные сдвиги в социально-политической и экономической жизни горских народов, изменилась и общеполитическая ситуация в регионе. Народы Кавказа совместными усилиями отстаивали свою независимость в борьбе с экспансией Ирана, Турции и Крыма. С середины XVI в. усиливается процесс укрепления и развития разносторонних связей с Россией.

Русско-северокавказские отношения в XVI – XVII вв.

Русско-северокавказские отношения, прерванные татаро-монгольским нашествием, активизировались в середине XVI в. Участвовавшие в этом процессе стороны находились в разных условиях, как разными были причины, толкавшие их к поиску союзников.

Московские князья к этому времени завершили «собрание земель русских». Более того, они расширили границы своего государства; на Волге после присоединения Казани и Астрахани они подошли к границам Кавказа.

Социумы Центрального Кавказа в тот же период находились на разных ступенях общественного развития.

В материалах русских посольств и терских воевод упоминаются «горские люди» и «горские земли». В частности, называются «Суншина городища» (близ впадения р. Сунжи в Терек), «горские земли» — «Ококи, Кумуки, Минкизы, Шибуты, Мерезинская, Дидовская» и др. В свое время Е. Н. Кушева к чеченским «родоплеменным образованиям» отнесла Мичикич, Шибут, Мереджой, Мулкой и Шато. Другую группу — Калки, Ероханские люди, Ококи, Кисти — исследовательница отождествила с названиями обществ горной Ингушетии: Галга, Джейрах, Кисти¹.

Московские послы, князь Семен Звенигородский и дьяк Тарх Антонов, возвращаясь из Кахетии у выхода из

Дарьяльского ущелья встретили горцев: «приходили на них горные люди Колканцы и стрельца было Найденка взяли и лошадь под ним убили; и послы князь Семен и дьяк Тарх, поворотясь, тех Калканцев побили и стрельца у них отняли»².

В 1604 г. на первом стане от Ларса «в ночи» на послов Михаила Татищева и Андрея Иванова приходили «горские люди с вогненным боем». У членов посольства «для береженья была застава и сторожа крепкая. И на стороже, государь, их подстерегли и с ними бились, ис пищалей стреляли и от станов наших отбили и многих у них переранили». Приехавшие «для оберегания» люди Арагвского эристава «сказывали, что те же люди приходили из гор Калканцы»³.

На основании этих и некоторых других сюжетов из статейных списков, упоминавших калканцев, Е. Н. Кушева предположила, что термин *калканцы* и его варианты «покрывает... родоплеменные группы горной Ингушетии»⁴.

Самое восточное из ингушских обществ — Аккинское — разделялось на две части: горную и равнинную. Глава Окоцкой слободы проводил активную пророссийскую политику. В конце XVI в. около Терского городка возникло небольшое поселение «служилых окочан». Из-за притеснений кумыкского владельца Ахматхана и «многих горских князей и мурз» 160 окочан «душою и телом» бежали вместе с женами и детьми в Терский городок⁵.

В 1552 и 1557 гг. в Москве побывали посольства адыгских народов. В результате переговоров часть адыгов вошла в состав Российского государства. Некоторые кабардинские князья (например, родственники инициатора посольств Темрюка Идарова) остались на жительство в Москве, «крестились в русскую веру» и стали боярами⁶. В середине XVI в. Ногайская орда объявила себя в «протекции Российской». В 1555 г. шамхал Тарковский от имени дагестанцев заявил Ивану Грозному о желании вступить под его покровительство, обещая «на службы на государевы ходити... с государевыми воеводами вместе». В 1557 г. в Москву с аналогичной просьбой прибыли представители шамхала Тарковского и тюменского князя. В следующем году русское подданство принял Ших-мурза Окуцкий⁷. В 1589 г. на верность московскому царю присягнул владелец Ларса Султан-мурза, контролировавший Дарьяльский проход. В составе грузинского посольства 1588–1589 гг. во главе с князем Капланом, старцем Кириллом и Хуршитом в столицу России прибыли посланцы некоторых владельцев Северного Кавказа. «И черкасы Шихов племянник и Алкасов посол говорили, что они холопи государские старинные и ныне государю служат, и прислали их ко государю Алкас княз и Ших-мурза бити челом, чтоб государь пожаловал, велел их от недругов беречи терским воеводам; а недруг им Асланбек княз Кабардинской»⁸. В ходе названных и иных посольств горцами давались присяги, которые правомерно рассматривать как начальные вехи обращения в российское подданство⁹.

Во второй половине XVI в. Россия через своего надежного союзника Темрюка Идарова (одного из могущественных кабардинских князей) осуществляла связи с другими социумами региона. Российская дипломатия, желая укрепить свои позиции на Кавказе, стремилась всячески поддержать своих союзников, примирить их с наиболее значимыми политическими противниками. Так, в 1587 г. Родион Биркин получил информацию о продолжении конфронтации между сторонниками Темрюка и его противниками, включая дигорских, куртатинских, тагаурских феодалов и ксанского эристава, происходившего по прямой линии от аланских князей из клана Сидамонта. Кабардинский князь Алкас заявил Биркину, что не может проводить его посольство до Грузии: «пошлю... вас проводить до Сонские земли; а дале Сонские земли мне вас проводить нельзя, потому что ныне Иристов Сонский со мною не в миру». О самостоятельности ксанского эристава и его автономии по отношению к царю Грузии свидетельствует вопрос, заданный им Биркину: «Идете вы от государя своего к Олександрю князю Грузинскому через мою землю (курсив ред.). Грамота с вами от государя ко мне и жалованье есть ли?». Отдохнув в Ксани неделю и закупив лошадей, ибо «ехати было не на чем», послы выехали «от Еристова князя августа в 13 ден; и Иристов княз Родивона да Петра до Грузинсково рубежа ездил провожати сам. И шли его землею четыре дни»¹⁰.

«Никоновская» летопись приводит интересное свидетельство о состоянии Центрального Кавказа в середине XVI в. Данная информация содержится в рассказе об отправке в Кабарду отряда (500 стрельцов и 500 казаков) Григория Плещеева. Как выше уже отмечалось, в сентябре 1562 г. эти «государевы люди» по приказу Ивана Грозного отправились в Кабарду на помощь Темрюку Идарову, принявшему в 1557 г. подданство России. Отряду вменялось в обязанность способствовать укреплению его власти в борьбе с противниками, наиболее могущественным из которых был Пшеапшоку Кайтукин — Шепшук «Никоновской» летописи. С помощью русских войск Темрюк «воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков и взяли три городка: Мохань, город Енгир, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили... И воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака и Дудыля»¹¹.

Усилиями отечественных специалистов (Е.Н. Кушевой, Л.И. Лаврова, В.Б. Виноградова, Т.С. Магомадовой и др.) установлено соответствие топографических названий первой части сообщения летописи Дигорскому и Куртатинскому обществам Северной Осетии. Под «сонскими землями» следует понимать Ксанское эриставство. Интересны антропонимы (хотя они и искажены) Никоновской летописи. В именнике осетинских феодалов встре-

чается имя Бурнац; Дудыль — возможно, искаженное Дудар; в Ездноур без труда узнается Азнаур — употреблявшийся и как социальный термин, и как антропоним¹².

Во второй половине XVI в. через Осетию пролегали маршруты русских посольств в Закавказье. Осетины оказывали послам России всемерную помощь¹³. Например, владелец Ларса Салтан оказал большую помощь посольствам Родиона Биркина (1587 г.) и Семена Звенигородского (1589 г.). В статейном списке Звенигородского сохранились интересные сведения о Салтане. 25 сентября 1589 г. российское посольство прибыло в Ларс. «Салтан-мирза вышел к послам ко князю Семену да к диаку Торху пеш, а с ним его человек з 10. А говорил: преж сего государевы посланники Родивон Биркин да Петр Пивов шли в Грузинские земли шли на мой же кабак, и яз государю служил, посланников его Родивона да Петра через свою землю провожал и дорогу им куда легче идти указывал и людей своих до Грузинские земли провожати их посылал; а которые были у государевых посланников люди и лошади больны, и тех людей и лошадей Родивон да Петр оставляли, в Грузию, идучи, у меня и яз тех людей и лошадей у себя кормил и лечил и за Родивоном и за Петром отпустил их здоровых. И Родивон и Петр, назад идучи из Грузии, реклис службу мою государю извести». Послы отвечали: «государь тебя пожалует под свою царскую руку и в оборону от всех твоих недругов примет и грамоту свою жалованную со своей печатью, как тебе под его царскою рукою вперед быти, и свое государево жалованье тебе пришлет». Салтан дал слово: «яз ныне хочу государю же служить по свою смерть... и на непослушников государевых воеводами и с кабардинскими князи ходити готов и на том государю правду даю, шерту, и вас провожаю до грузинские земли»¹⁴.

В августе 1604 г. Дарьяльским путем в Грузию воспользовалось посольство М.И. Татищева. Осетинский «старшина» высокогорного аула Джимара Берозов обеспечил членам посольства безопасный проезд, кров и пищу¹⁵.

В начале XVII в. отношения между царем Грузии Александром и эриставом обострились. Это встревожило московское правительство, искавшее пути для активизации связей с Закавказьем. В грамоте «князю Сонскому» (май 1604 г.) российский царь высказал свою озабоченность: «Из давних лет Сонская земля подо властью Иверских царей одна земля и люди были одной веры христианские; а не в давном времени ты, Аристов княз, от Александра царя хотел отстат, и за то меж вас недружба и вражда вечалас была». В той же грамоте царь России высказал свою просьбу: «И ныне наше царское величество хотим того, чтоб вы, Аристов княз, с Олександром царем были в миру и в дружбе по прежнему и на всех своих недругов стояли заодин»¹⁶.

Как выяснили члены посольства М.И. Татищева (1604–1605 гг.), эристав ксанский «ныне подо властью Юрья Симонова сына; и сын Аристовов меньшей живет в закладе у Юрья Симонова сына», а за старшего сына эристава

вышла замуж дочь Юрия. «А с Олександром, государь, царем Аристов княз в миру ж и сын Аристовов тово для веры у Александра царя» живет¹⁷. Как видно, несмотря на династический брак, отношения между Александром и эриставом не были столь радужным, если один из наследников эристава находился у царя по сути на положении заложника.

Судя по статейному списку посольства М.И. Татищева, в состав Ксанского эриставства входили верховья Терека (ущелья Тырсыгом, населенного исключительно осетинами). Послы упоминают «Аристова князя приказщика Берозова», Берозов кабак (скорее всего — аул Джимара у истоков Терека, в котором по сей день живут Берозовы), где послов встретили «ото Аристовой матери дворецкой Аристовов Шанг да с ним 2 азнаура»¹⁸.

Послы стали свидетелями междоусобиц между горскими феодалами: «Да сего ден, государь, лета приходили в Сонскую землю войною Солохов брат Ивак мурза с черкесы и повоевали село в украинном месте и в полон людей черных поймали». Покинув Ларс 3 августа 1604 г., члены посольства уже в первый же свой ночлег столкнулись с опасностью: «приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненным боем», т.е. с ружьями. Очевидно, имелся в виду какой-то отряд феодалов, ибо трудно себе представить, чтобы в то время у крестьян было огнестрельное оружие. Свидетельством слабости центральной власти в Грузии в указанное время является то обстоятельство, что царь не мог справиться с относительно небольшим отрядом своих противников. «И архиепископ и царевы ближние люди говорили..., что меж Черкасские и Юрьевы царевы земли есть горские люди, словут Осинцы, всего их человек з 200; и те люди Карталинским людем чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят»¹⁹.

Как представляется, русско-северокавказские отношения во второй половине XVI–XVII вв. развивались как по инициативе высших слоев горских обществ, искавших мощных и надежных союзников для борьбы со своими внутренними и внешними противниками, так и горских «низов».

В заключение приведем документ, позволяющий судить о характере отношений между горцами Кавказа на рубеже XVI–XVII в. В документе говорится о ежегодных собраниях представителей различных областей Кавказа в долине Алазани. Туда, к Алавердинскому храму, в осенний праздник приезжали из Шаки, Кизика, Малой Кабарды, Черкесии, Осетии, Дагестана и других мест. «Для дружбы и мира встречались здесь племена Кавказа, и епископы Алавердинский и Черкесский благословляли их праздничную трапезу и призывали к единению, к миру и сплочению»²⁰.

Русско-кавказские торговые связи. Установление политических контактов между Кавказом и Россией благотворно сказалось на развитии экономических связей. Все чаще горцы совершали торговые операции в российских городах — Москве, Ярославле, Костроме, Казани, Астрахани и др.

О масштабах экономических связей между Россией и Северным Кавказом говорит тот факт, что «горские купеческие люди» выучились русскому языку. По свидетельству турецкого географа XVII в. Эвлия Челеби, Малой Кабарды «торговцы и райяты знают язык московитов»²¹.

Отдельные торговые сделки совершались горцами и в городах центральной России. Например, в 1631 г. мурзы Нартчао Елбуздуков и Муцал Сунчалеев просили разрешения приобрести «в рядах» в Москве панцыри и оружие²². В 1638 г. мурзы Кельмамат и Ильдар Куденетовы просили освободить от таможенных пошлин своих торговых людей, направлявшихся с товарами в Ярославль и Кострому. В том же году они написали челобитную с просьбой об освобождении от таможенных пошлин своих людей, ездивших по торговым делам в Астрахань и Терский городок. Судя по челобитной узденей мурзы Татархана Арасланова, они с товарами в 1648 г. побывали в Казани. Уздени М. Сунчалеева торговали в Москве²³.

Со второй половины XVII в. возрастает торговый оборот северокавказских ярмарок и базаров. И это — несмотря на многие опасности, подстерегавшие купцов в дороге. Олеарий, например, в описании Северо-Восточного Кавказа поместил сюжет о трудностях, поджидавших торговцев в данном регионе. Информации Олеария можно доверять, ибо он, будучи секретарем голштинского посольства Крузе и Бругельмана, в 1636 г. отправился из Москвы в Персию; целью немецкой миссии было заключение договора о торговле с Россией и Ираном.

«С проезжающих купцов, — писал Олеарий, — они берут большую дань, а если те недостаточно сильны, то их и грабят. Поэтому караваны идут либо большими отрядами, либо следуют водою. Ни персы, ни русские, между владениями которых они расположены, не могут укротить их военной силой, так как (в случае опасности) они сейчас же убегают в непроходимые горы и прячутся в высокие безопасные пещеры»²⁴.

В другом сюжете тот же автор рассказал о том, что «князь лезгин» с подвластными «разбойничают на дороге, грабят и захватывают купцов и продают их в рабство, а если и не грабят, то взимают дань с купцов, по три куска ткани с вьюка. Эти места проходят с провожатыми. Грабежом занимаются усминский и кайдатский князья со своими людьми»²⁵.

Водные пути передвижения караванов также были отнюдь не безопасными. Тот же Олеарий отметил по этому поводу: в 15 верстах от моря «Волга, в защиту от нападений гуляющих по морю казаков, заграждена частоколом и охраняется ста стрельцами»²⁶.

В это время на экономическое развитие Северного Кавказа усиливает влияние Астрахань²⁷. Описание этого торгового города оставил купец Федот Котов. «Город Астрахань стоит на Волге, на луговой стороне. Это большой каменный город. Соборная церковь и Троицкий монастырь также

каменные, городские башни украшены глазурью. К Астрахани пристроен другой город. Длинная каменная передняя стена с башнями и воротами... вместе с двумя другими стенами образуют крепость. В каменном кремле находятся приказ и запасные амбары... У ворот архиепископского двора возведен деревянный большой и высокий крепостной вал со стенами в несколько рядов. В кремле много стрелецких дворов, а таможня, базары, кабаки и дворы жителей — стрельцов и купцов русских, бухарских и персидских — расположены в другом городе, где много храмов... В городе торгуют после обеда, а до обеда торгуют за городом, около городских укреплений с татарами и ногаями»²⁸.

По свидетельству Я.Я. Стрейса, в сентябре 1669 г. в низовьях Волги собрали небывалый урожай. «Поэтому в Астрахани все весьма дешево. Я покупал за один стейвер 10–12 арбузов, а другие фрукты — смотря по их качеству. Рыба и мясо продаются за ничтожную цену. Крупный осетр или карп в 30 фунтов весом, или 25 сельдей, таких жирных, каких я никогда не видел в Голландии, также стоят один стейвер. Кроме того здесь множество окуней, линей, щук и судаков, по своему вкусу и виду напоминающих слоистую треску. Прекрасная и жирная говядина и баранина — фунт за один ордь. Всевозможную дичь можно приобрести почти даром»²⁹.

К сожалению, подробных данных о составе торговцев и ассортименте товаров нет. Е.Н. Кушева и Р.К. Киласов установили, что архивные фонды Астраханской таможни и Терского городка не сохранились. Но и фрагментарные сведения говорят о регулярном посещении Астрахани торговыми людьми из кавказских народов. В 1672 г. окочанин Янтуничку Кумыков купил в Астрахани 15 мешков ржаной муки, 5 котлов, «да коробку порожую». С ним находились трое «работных людей». А у работных людей «будет двадцать котлов медных, четыре аршина сукна настрафильного, да две коробки с мелочью». В 1676 г. Янбулат Эльмурзин вывез из Астрахани «семь юфтей красного товару, шесть (?) муки ржаной и пшеничной, 15 коробок красных, 10 ларчиков окованных, 30 мерлушек, 10 зеркал, 2000 игл, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пудов смолы, шестьдесят ножниц, тридцать решет, десять сит, два пуда зеленой котловой меди, да лохань большая зеленой меди, да пять мехов заячьих, бельчих, да бархат изобрат, работных людей десять человек». В 1681 г. тот же Эльмурзин вновь вывез большую партию товаров³⁰.

Количество приобретенных вещей наводит на мысль, что по меньшей мере часть из них предназначалась для перепродажи в горах. Видимо и таким путем «заморские товары» попадали к рядовым чеченцам, ингушам, осетинам и простому люду других народов Кавказа. В склеповых сооружениях Осетии, Чечни и Ингушетии нередко встречаются изделия XVI–XVIII вв. неместного производства³¹. Большое количество находок свидетельствует о

приобретении их местным населением у перекупщиков. Иностранцы купцы предпочитали реализовывать свой товар в крупных центрах.

В XVII в. дальнейшее развитие получила меновая торговля между горцами. В Центральном и Восточном Кавказе основными центрами, где осуществлялся обмен, являлись Эндери, Тарки, Татартуп, Терский городок. Последний до основания Кизляра являлся опорным пунктом кавказской политики России³². Базары в селении Эндери проходили каждую пятницу; на них съезжались горцы почти всего Северного Кавказа. Ежегодно в начале весны собирались базары возле Татартупа. Несколько дней горцы обменивались здесь продуктами и изделиями ремесла. В Терском городке базары бывали два раза в неделю. Здесь менялись, иногда продавались, просо, скот, свинец, ковры, марена, овчина, шубы, попоны, лошади³³. Кстати, следует упомянуть о значительном импорте кавказских лошадей в некоторые страны, в частности в Польшу. Туда же во второй половине XVII в. завезли с Кавказа примерно 10 тысяч буйволов³⁴.

В рассматриваемое время роль крупных торговых центров продолжали играть города Грузии. Товарами внутренней торговли служили пшеница, рожь, ячмень. Пуд пшеницы стоил 10 алтын (1 алтын = 3 коп.), пуд ржи — «полполтины», ячменя — 5 алтын. В Имеретии продавали осетров, шип, северю и «иную белую рыбу». В Кутаиси торговали бархатом, атласом, крашеной и белой парчой, шелком-сырцом, медом, воском, полотном. В Грузию поступали товары из Константинополя, Греции, Польши. По свидетельству российского посла в Имеретии А. Иевлева (1650 – 1652 гг.), сюда приезжали «торговые люди из турок, кызылбаш, из Азова» и «со всякими товарами разные люди». Они привозили разнообразные товары, «только в цене русского не дешевле»³⁵.

В статейных списках русских посольств приведены цены на товары, существовавшие в Грузии в первой половине XVII в. Пуд шелка-сырца стоил 16–17 золотых (1 золотой = 40 алтын), за 1 абас (1 абас = 20 копеек) покупали 8 батманов пшеницы. В Грузии этого периода получили распространение персидские деньги: абасы, полуабасы и другие; в обращении находились и монеты местной чеканки: золотые и ефимки (1 ефимок = 20 алтын)³⁶. В первой половине XVIII в. горцы Северного Кавказа ездили в Грузию за солью³⁷. На базаре в местечке Они торговали железными товарами, бумажными тканями, солью и просом. Помимо Они ближайшими к зоне Большого Кавказа районными рынками являлись: Цхинвал, Ахалгори, Душети, Шилда, Кварели, Гавази, Сигнахи в районе близ Дагестана; Ананури и Телави на территории, примыкающей к Чечне и Ингушетии. Глубже, в Восточной Грузии находился главный рынок — Тбилиси. На районных рынках, видимо, происходили отдельные торговые контакты. Поездки в Тбилиси были сопряжены с более значительными торговыми операциями. Анализ массовых источников при-

вел В. Н. Гамрекели к выводу о «прочной традиции приездов горцев Большого Кавказа в Грузию для торговли, для купли и продажи»³⁸.

Появление гребенского казачества. В XVI в. завершается формирование основного ядра гребенского казачества³⁹. В составе кабардинского посольства в Москву в 1555 г. приняли участие представители гребенцов. Иван Грозный «милостиво» принял их депутацию, пожаловал казаков «рекою вольною Тереком» и велел «беречи *новую свою* кабардинскую *вотчину*» (курсив авт.)⁴⁰. Первыми поселениями являлись станицы Щадринская, Гладковская и Курдюковская. Их основание относится к XVIII в.

В рассматриваемый т.н. «вольный период» гребенские (горские) казаки, согласно преданиям и письменным источникам, вели достаточно подвижный образ жизни, «кочевали» от Эндери до Татартупа и ориентировались на присваивающие отрасли хозяйства (охоту, рыболовство, собирательство) и военное дело⁴¹. С XVII в. гребенцами основываются постоянные городки на левобережье Терека. Длительное соседство и общение с народами Северного Кавказа предопределило многочисленные «кавказские» черты в культуре гребенского казачества. В условиях иноэтничного окружения им удалось сохранить язык и христианскую веру. Гребенские казаки, отмечал И. Попко, «скоро вошли в дружественные и даже родственные связи с горцами»; со временем между ними наладились прочные экономические связи. Таким образом, с появлением гребенских казаков на Кавказе можно говорить о новой ступени развития русско-северокавказских отношений.

Борьба народов Северного Кавказа с крымско-турецкой и иранской агрессией.

С XVI в. на Северном Кавказе усиливается влияние Турции и Крымского ханства. Во время ирано-турецкой войны 1548–1555 гг. и позже транспортные артерии Северного Кавказа имели для султана важное стратегическое значение. Их использование планировалось для решения двух задач: 1) для мобильной переброски турецких и крымских войск в Закавказье с целью завоевания Азербайджана, и особенно центра производства шелка — Шемахи; 2) установления через Астрахань постоянных связей с узбекскими владельцами и координации совместных акций против Ирана. Однако активная позиция Ивана Грозного, сумевшего добиться от шамхала Тарковского — союзника султана — разрешения на постройку крепости на р. Койсу (Сулаке), помешала реализации этого плана. В 1567 г. по просьбе князей Кабарды на месте переправы через р. Сунжу — главном северокавказском пути на Дербент — была заложена крепость. Путь через Северный Кавказ для Турции и Крыма был закрыт⁴².

В XVI–XVII вв. Закавказье превращается в арену яростного противостояния Турции и Ирана. Войска иранских шахов и турецких султанов неоднократно вторгались в Грузию, Армению, Азербайджан и Дагестан, опустошая

целые районы. «Никогда Иверия не бедствовала ужаснее нынешнего, — говорил в 1604 г. грузинский царевич Георгий послу России, — стоим под ножами Султана и Шаха; оба хотят нашей крови и всего, что имеем»⁴³. Западный и Северо-Западный Кавказ более всего страдали от гнета султанской Турции и Крыма. Все это обусловило ориентацию горцев на Россию. Многие народы Кавказа в XVI–XVII вв. видели в России естественную союзницу и покровительницу и готовы были присягнуть на верность русскому царю⁴⁴.

В 1604 г. наследник престола Иверии Георгий взывал о помощи к царю России: «Турки, персияне... силою к нам врываются; а вас зовем добровольно: придите и спасите!»⁴⁵. Аналогичные просьбы содержались в наказах последующих грузинских посольств.

Следует отметить, что на рубеже XVI–XVII вв. Россия еще не могла в полном объеме оказать помощь своим союзникам на Кавказе. В этой связи интересен сюжет из «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева о посольстве 1586 г. кахетинского царя Александра. Последний, «угрожаемый с одной стороны турками, с другой, — персами, бил челом со всем народом, чтобы единственный православный государь принял их в свое подданство, спас их жизнь и душу. Царь принял Александра в подданство: отправлены были в Кахетию учительные люди, монахи, священники, иконописцы, чтоб восстановить чистоту христианского учения и богослужения среди народа, окруженного иноверцами; дана была и помощь материальная: отправлен снаряд огнестрельный». В Терскую крепость прибыли стрельцы. Москва потребовала от Александра доставить в эту крепость «запасов на 2500 человек». Однако царь Грузии не смог выполнить это требование: «Для дальней дороги, для гор высоких, да и запасу собрать столько нельзя».⁴⁶

Если Россия могла решить другую проблему Александра — повлиять на шамхала Тарковского, систематически совершавшего набеги на Грузию, то «решиться за Кахетию вступить в явную борьбу со страшными турками» ей еще не было по силам. Сознывая это, царь Кахетии вновь «бил челом, чтоб государь опять послал на Шевкала большую рать, взял Тарки и посадил тут из своих рук свата Александрова, Крым-Шевкала». Москва пообещала отправить в Дагестан отряд, но с условием, чтобы и Александр «послал туда же свою рать с сыном и сватом». Московский воевода, князь Хворостин, «вошел в землю Шевкалову и взял Тарки, но понапрасну дожидался полков кахетинских; вместо них явились неприятели, разные горские народцы». Хворостин, потеряв 3000 человек, вынужден был вернуться «на Терек с немногими людьми». Стало ясно, что «Московское государство в конце XVI века еще не могло поддержать таких отдаленных владений»⁴⁷.

В 1587 г., как указывалось выше, через Тагаурское общество в Грузию проследовало посольство Родиона Биркина; в сентябре 1589 г. по этому же пути прошло посольство Семена Звенигородского, а в августе 1604 г. — по-

сольство М. Татищева. Последнее воспользовалось услугами осетин, живших в Тырсыгоме — ущелье в верховьях Терека, заселенного исключительно осетинами. Послы упоминают «Аристова князя приказщика Берозова», Берозов кабак (аул Джимара у истоков Терека в Трусовском ущелье; аул с аналогичным названием существует и в Северной Осетии — выше Даргавса. Причем и здесь одной из коренных фамилий считаются Берозовы), где послов встретили «от Аристовой матери дворецкий Аристовов Шанг да с ним два азнаура». Дарьяльский проход, таким образом, превращался в важнейшую магистраль связи между Россией и Закавказьем. Это обстоятельство само по себе недвусмысленно свидетельствует о характере отношений осетин к северному соседу и его политике на Кавказе. Показательно, что в середине XVII в. осетины выразили желание принять российское подданство. 5 мая 1651 г. «в Анзорову Кабарду к Зазаруке в кабаки», где остановились направлявшиеся в Грузию посланцы царя России, пришли «два человека дигорцев смотреть государевых послов... Да они же, дигорцы, говорили: только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроит, и они де дигорцы и все горские люди будут ево государевы холопи»⁴⁸.

На Кавказе Россия стремилась усилить свой блок, пытаясь примирить своих союзников, нередко нападавших друг на друга. В мае 1597 г. грузинский царь Александр «известил послов русских Кузьму Савина и Андрея Полуханова, что Солох, государь кабардинский, и Айтек-мурза вторглись в его земли, в страну сонскую и что кабардинские черкесы побили в оной много людей и весьма многих полонили, и что один государь, также кабардинский, по имени Алкас предупредил государя Александра о неприятельских действиях государя Солоха и даже освободил множество пленных, государем Солохом захваченных, и что сей, для отмщения себя, возбудил против первого воевод царских, бывших в Терки, убеждая их присоединиться к нему, чтобы вместе воевать с государем Алкасом». Царь Грузии отправил воеводам письмо с просьбой не выступать против Алкаса, добавив, если Алкас в чем-то «провинился перед царем», то Александр за него ручается: Алкас «скоро исправит свою ошибку, совершенно покорится царю и пребудет вечно ему верным»⁴⁹.

В середине XVII в., согласно списку посольства Толочанова, ксанский эристав находился в оппозиции к царю Грузии. По словам Толочанова, недалеко от «Мулдаровой Кабарды... живет ему... неприятель Аристоп». В другом месте посол повторил: «Да тут же близко Мулдаровой Кабарды ведомый им неприятель Аристоп сонский владелец... в сборе и с кумыцкими со многими людьми... Аристоп Теймуразу царю недруг и дожидается на дороге»⁵⁰.

XVI–XVII вв. отмечены совместным участием в боевых действиях воинов России и Кавказа. В 1569 г. во время неудачного похода паши Касима на Астрахань, начатого по приказу султана Турции Селима II, «черкесы» помогли

русским воинам князя Петра Серебряного довершить разгром противника⁵¹. В Ливонской войне горцы Северного Кавказа в составе русских войск отличились при взятии Мильтена и осаде Дерпта в 1588 г.⁵²

В начале XVII в. во внешней политике России, Ирана и Османской империи Северный Кавказ занимал приоритетное место из-за своего выгодного положения⁵³. Регион интересовал великие державы как важный стратегический плацдарм для ведения военных действий, как неиссякаемый источник материальных и людских ресурсов. С другой стороны, феодальные круги Кавказа, демонстрируя свою политическую независимость, вмешивались в отношения крупных восточных империй и России, вносили порой существенные коррективы в их политику на Кавказе.

Политическая обстановка собственно на Северном Кавказе в начале XVII в. характеризовалась большой сложностью. Турецкий гарнизон в Дербенте серьезно препятствовал не только развитию ирано-европейской торговли, но и планам России на Кавказе⁵⁴.

В зоне Центрального Кавказа начала XVII в. наиболее активной силой являлись кабардинские князья. С помощью своих сторонников они стремились взять под контроль стратегически важный проход в Грузию. К 1604 г. влияние кабардинских князей простиралось практически до входа в Дарьяльское ущелье. Князь Айтек овладел «дорогой в горах к Сонской земле». Кабардинские феодалы осуществляли набеги на территорию Грузии, «воевали» земли Ксанского эристава («Сонские земли»), уводили в плен людей⁵⁵.

В ирано-турецких войнах 1602–1612 гг. восточногрузинские царства участвовали на стороне сефевидов. Однако, использовав помощь грузинских войск, Аббас I после заключения мира с Турцией стал открыто действовать против бывших союзников. Согласно Парсадану Горгиджанидзе, автору «Истории Грузии» (завершенной в 1694 г.), Теймураз, стремясь предотвратить поход шаха, отправил «ему навстречу свою мать, царицу Кетеван, и сестру свою Елену с двумя своими сыновьями — Леваном и Александром, со многими дарами и с просительными письмами». Шах чуть было не повернул обратно, но под влиянием бывших при нем картлийских и кахетинских вельмож, в 1614 г. продолжил поход и разорил Картли. Царицу Елену отправили в Шираз и впоследствии за отказ принять новую веру «предали мучениям, а сыновей Теймураза оскостили». Шах с войсками «прибыл в Никози и оттуда послал отряды разорять Осетию»⁵⁶.

Активизация политики Аббаса I на Кавказе связана с ростом тяги горцев к северному соседу. Укрепление и развитие русско-кавказских отношений тревожили турецкую и иранскую дипломатию, заинтересованных в собственном контроле над Кавказом. С XVII в. особую активность в данном регионе проявляли иранские шахи, неоднократно пытавшиеся закрепиться на Север-

ном Кавказе. Шах Аббас I понимал, что укрепление связей России с Кавказом в конечном счете приведет к освобождению Грузии и Армении от иранской зависимости, поэтому всячески противодействовал проникновению России в Закавказье и Дагестан. Общая ситуация на Кавказе усугубилась страшной засухой 1602 г.: «жар был столь несносен, что жители сей страны убежали в горы и что померло много людей»⁵⁷.

В самом начале XVII в. русские послы «тайно разведали», что Аббас I поручил грузинскому царевичу Константину дабы тот, «хитростью захватя князя Георгия (своего брата, ориентировавшегося на Россию. — Ред.), отправил бы его в Персию или даже умертвил». 12 марта 1605 г. в Загеме царевич Константин «с ханами и султанами персидскими и с множеством персиян внезапно явился к отцу своему» Александру, убил его и царевича Георгия⁵⁸. Это чудовищное преступление «очень оскорбило и разгневало кахетинцев, и они напали на дом Константина, чтобы убить его»⁵⁹.

Грузинские патриоты через Осетию тайно отправили в Россию царевича Баграта. Он едва не погиб в Астрахани от рук убийцы, подосланного опознавшими его шахскими послами. Аббас I усилил исламизацию Грузии. Однако мероприятия персидского двора натолкнулись на яростное сопротивление горцев. Уже 18 октября после битвы на р. Мазу грузины убили посаженного на трон Кахетии Константина. Аббас I вынужден был возвести на престол шестнадцатилетнего внука Александра II христианина Теймураза.

17 августа 1613 г. беглые люди «ис Кабарды из Айтековых кабаков» рассказали гребенскому атаману Я. И. Гусевскому: «слух де начал быти в Кабарде у всех Кабардинских князей и у мурз, что из Грузинские де земли Кизылбашской Абас шах идет войною на них на Кабардинских черкас великою ратью..., а с ними де с шахом Басом идет народ большой, пушки шурупные и мастера пушечные, где придет под город и тут пушки делают». Кабардинский князь Айтек-мурза выслал «в поезд узденей своих». Вернувшись из разведки, те поведали о «великой рати» шаха. «И Кабардинские де Айтек-мурза и Шолох князь, услыша шах Басовых ратных людей приход, покиня кабаки свои, побежали к Казыю князю в Крепи. А Мундар де мурза Алкасов з братьею с кабаки своими от них от Кабардинских князей и мурз отложился к шах Басу»⁶⁰.

В 1614 г. шах отправил часть своих войск в Грузию, чтобы через Дарьяльское ущелье проникнуть на Центральный Кавказ. Одновременно сефевиды активизировали свои действия в Дагестане. Общий стратегический план Аббаса I заключался в подчинении всего Северного Кавказа. Для его осуществления шах планировал послать войска в двух направлениях. Один отряд через Грузию, Дарьяльский проход в Осетию и Кабарду, а оттуда — в Дагестан. Терский воевода П. Головин в донесении царю отмечал: «И ныне де шах Бас от Чернова моря хочет итти на Черкасскую землю войною, а из Черкас итти де ему потом мимо Кумыцкую землю»⁶¹. Второй отряд шах намеревался на-

править из Дербента на приморскую часть Дагестана. Однако вскоре Аббас вынужден был вернуться «в свою землю».

Совместная борьба горцев не позволила шаху реализовать свой замысел. Из-за сопротивления осетин и кабардинцев его войска не прошли в Дарьяльское ущелье и повернули обратно. Шах не смог двинуться на север и из Дербента, т. к. ширванцы подняли восстание. Последние установили связи с кахетинскими повстанцами. Примерно в то же время произошло антисефевидское восстание в Карабахе. Таким образом, в одном историческом эпизоде связаны судьбы многих народов Кавказа, которые объединенными усилиями пресекли попытки сефевидов установить безраздельное господство над всем регионом.

Уже в следующем (1615) году Теймураз с 6-тысячным войском в сражении на Арагви разбил 15-тысячную армию кызылбашей. П. Горгиджанидзе повествует об очередном походе персов и гибели войска Карчиха-хана в Марткопской долине 25 марта 1625 г. Сам полководец погиб от руки «Великого моурава» Георгия Саакадзе. По мнению У.Д. Аллена, во время одной из кампаний персы «достигли Арши, крепости, возвышавшейся над Тереком со стороны южного подступа к Дарьяльскому ущелью, после чего они повернули обратно, в долину Ксани, где им устроили засаду воины Великого моурава. Эти события послужили поводом для рождения легенд о походах шаха Аббаса на Центральный Кавказ»⁶².

В 40-х гг. XVII в. началась новая волна крымско-турецких набегов на южные границы Российского государства. Это вызвало ответную реакцию — активизацию военных действий русских против хана. В 1646 г. начался поход на Крым под командованием С.Р. Пожарского. В кампании принял участие и отряд северокавказцев в 1200 воинов под командованием князя М. Черкасского. Объединенные силы разбили неприятеля у реки Еи, взяв в плен 700 человек. Народы Северного Кавказа сражались на стороне России и в русско-турецкой войне 70–80-х г. XVII в. Особенно существенной помощью горцев русским воинам была в битве за Чигирин — важный стратегический пункт, оборонявший от крымско-турецких армий переправу на левый берег Днепра⁶³.

Военные отряды этносов Центрального Кавказа участвовали в операциях не только России. Горцы, в том числе осетины, в трудную минуту не раз приходили на помощь южному соседу. Например, в конце XVII в. в горных районах Алагирского общества скрывался от преследований шаха царь Грузии Арчил. Отсюда он устанавливал связи с Россией и добивался возвращения утраченного имеретинского престола. Арчил находился «в Осетии с царицей, тремя детьми и почти 150-тью человеками, составлявшими свиту царскую». В феврале 1682 г. из Москвы вернулось посольство во главе с архимандритом Гавриилом и князем Дмитрием Квариани, через которых Ар-

чил «умолял (российского) государя прислать войско, дабы выручить его из Осетии, лежащей на границах Малой Кабарды». Дело в том, что шамхал Тарковский с большим войском (по одному свидетельству — в 30000 человек) перерезал дорогу на Москву, став с войском у границ Малой Кабарды, «но опасаясь подойти к Осетии, по причине крепкого положения сей страны, и тесного пути, ведущего в оную». В 1690 г. приехавший в Москву от Арчила имеретинец Макар «сказывал, что по прибытии царя в Осетию, сей последний, оставив там двоих сыновей своих, продолжал путь свой далее, до имеретинского края Рача». Детей же он оставил «в деревне Зрамаге»⁶⁴.

Основание крепости Терки. Важным шагом в укреплении русско-кавказских связей стало основание Терского городка. В 1567 г. из Астрахани на Кавказ были отправлены воеводы А. Бабичев и П. Протасцев «с огненным боем и многими людьми». Они заложили «крепкий город на левом берегу Терека, против впадения в него горной реки Сунжи». Городок возвели по просьбе некоторых кабардинских князей «поставить в их земле крепость и держать в ней свою рать с казаками». Во время Ливонской войны Россия, желая сохранить спокойную обстановку на южных границах, вывела из крепости «своих людей». В 1584 г. та же участь постигла восстановленную в 1578 г. крепость Терки. Наконец, в 1588 г. в устье Терека построили новый городок, ставший символом укрепления позиций России на Северном Кавказе⁶⁵.

Терский городок с его внушительными по тем временам фортификационными сооружениями, постоянным гарнизоном, артиллерией (38 пушек) служил не только военным пунктом, но и центром политических и торгово-экономических связей горских народов с русскими поселенцами. По сообщениям очевидцев, Терки трижды увеличивался и расширялся «вглубь страны». «Первый раз это сделали» сами русские, второй — инженер Корнелис Клаас, в 1636 г. укрепивший ее валами и башнями по новейшему образцу строительного искусства». В 1670 г. английский полковник Томас Белли вновь «продвинул город далеко вглубь и обнес прекрасными валами, башнями и рвами». В то время в Терках стояло две тысячи стрельцов⁶⁶. В городке имелось три гостиных двора, торговые ряды, лавки; дважды в неделю собирались базары⁶⁷. Сюда в XVII в. приезжало много торговых людей со всего региона. Их привлекали изделия тульских мастеров, ярославские висючие замки, предметы из дерева, разных сортов сукна, в том числе холмогорские льняные ткани; поступали сюда и меха. В 1631 г. терские воеводы жаловались Царю Михаилу, что в Терский город приезжают «черкесы, кумычтения и мичкизения» с торговыми людьми, «а товаров своих не являют и государевых пошлин не платят»⁶⁸.

Московский купец Федот Котов в 1623 г. «с восемью своими товарищами» по царскому указу ездил в Персию «в купчинах с государевою казною и со-

ставил торговый дорожник». По дороге Федот останавливался в Терском городке. «А Терек — город деревянный, небольшой, но хороший, стоит на реке Тюменке, на низком месте. Базары, храмы и дома находятся в крепости, а за ней — один монастырь. За рекою, напротив крепости, раскинулись большие слободы — Черкесская слобода, Окоцкая и слобода новокрещенных черкесов. Через реку Тюменку построен деревянный высокий мост на козлах, под ними можно проезжать на лодках»⁶⁹.

Сооружение русской крепости на Тереке сыграло положительную роль в истории народов Северного Кавказа, став для них заслоном от турецко-татарских набегов.

Осетино-грузинские отношения в XVI–XVII вв. В XVI в. ослабленная центральная власть Грузии без поддержки новых союзников не смогла организовать отпор агрессии извне. К 1540 г. в южной Картли в результате опустошительных походов турков и персов осталась лишь треть прежнего населения. Масштабы сокращения населения У. Д. Аллен сравнивает с массовой депортацией тысяч крестьян Кахетии в Иран при Аббасе I. Широкое распространение получила работорговля. Несмотря на протесты царя и церкви, знать не прекратила занятия этим видом весьма прибыльной торговли. По свидетельству венецианского посла к Узун Хасану, Тифлис — историческая столица и важный торговый центр Грузии, постепенно превратился в жалкий маленький городок, хотя его купцы и продолжали участвовать в торговле. К бедам центральной власти добавилась измена многих *тавадов*, перешедших на сторону сефевидов. Иран нередко вмешивался в процесс управления грузинскими царствами, назначая своих ставленников. Согласно анализу У. Д. Аллена, Грузия в XV в. распалась на ряд царств и крупных автономных социумов, включая эриставства. И, если в Кахетии в течение XVI в. центральная власть при царях Георгии, Леване и Александре пресекла тенденцию к децентрализации, то в Картли эриставы Ксани и Арагви стали более или менее автономными по отношению к царю в Тифлисе⁷⁰.

Позже члены римско-католической миссии в Грузии собрали сведения о причинах распада этого прежде единого государства. Интересные сведения по данному вопросу привел Пьетро делла Валле, в 1627 г. составивший для Урбана VIII «Информацию о Грузии».

К территории Грузии паломник относил обширные области Закавказья. «Земля, которая ныне называется Грузией (Giorgia), включает в себя все, что древние называли *Колхо* (Colcho) и *Иберия* (Iberia), а также часть Армении и, может быть, Албании»; к Грузии делла Валле относил и ряд других земель Кавказа. «Весь этот край говорит на одном и том же языке, народ его по нашему называется *грузинским* (Georginiana), а по ихнему — *кардвели фриджа*»⁷¹. Последний этноним переводится как «фригийские картвелы», «фригийские грузины». На чем базируется делла Валле, используя данный этноним, — сказать трудно.

«Как рассказывают, — продолжал паломник, — правил там один единственный царь до тех пор, пока один из них не поделил государство между своими четырьмя сыновьями, коих он имел, сделав их в равной степени самодержавными государями, оставив однако первородному сыну своему столицу, большую часть земель и превосходство над другими (государями). Вот почему поныне тот государь почитается всеми другими (государями) как старший и величается титулом *мепетмепе*, что на их языке означает: *царь царей*; сами же эти остальные довольствуются тем, что являются просто грузинскими государями (*i Principi della Georgia*); их шестеро, ибо, кроме уже упомянутых четверых, кои царской крови, двое остальных были прежде министрами *мепетмепе* и правителями двух больших частей его государства... каждый из них захватил земли, кои отданы были ему в управление, и, восстав, сделались еще и самодержавными государями (*Principi assoluti*). Со временем по авторитету и репутации они не только уравнились со всеми остальными (государями), но и породнились с ними, вот почему они теперь все считаются равными и довольно часто рождаются между собой»⁷².

Делла Валле, очевидно, вел речь о 4-х грузинских царствах и двух эриставствах. Мепетмепе правил в «наиболее сильной» части страны, именуемой Имерети — «несомненно, это и есть Иберия. Государь, который ныне правит там, зовется Георги... он имеет титул более короткий, нежели *Мепетмепе*, который употребляется лишь в письменных актах, а именуют его обычно при устном (обращении): *Георги-мепе*»⁷³.

К востоку от Имеретии располагалась «другая провинция, называемая Кахети (*Kacheti*) ... была она государством потомка младшего брата из тех четверых, что царской крови; резиденция его находилась в городе, называемом Загам (*Zagam*)». Царь и дворяне этой страны «занимаются лишь войной». Землей «владеют почти все — либо малой, либо большей долей... в той стране мало городов и они малозначительны; зато села весьма густо населены». Царь Кахетии Таймураз «еще жив, но лишен государства»⁷⁴.

По информации Пьетро делла Валле, поданной Урбану VIII в 1627 г., «царь..., а также дворяне (*nobili*), коих именуют азнаурами, предпочитают жить, скорее, на селе и в деревенских домах, нежели (проживать) в городах, в коих, (по их мнению), подобает жить более простолюдинам и ремесленникам (*a plebei et a Mechanici*), дабы находиться там на рынках и вести торговлю. И такого мнения придерживаются поголовно все грузины, даже и те, кои не являются ни азнаурами, ни знатными»⁷⁵. Тот же автор сообщал, что «по причине разорений (и грабежей) в церквах не осталось ничего», а в Грузии в целом «не осталось ни одного хорошего врача»⁷⁶.

В реляции итальянского миссионера монаха-театинца Пьетро Авитабиле от 28 марта 1629 г. сообщается о бедственном положении грузин: «все

(их) царство разрушено персиянами, они пребывают в такой нужде, что... проживает (сам их) царь в шалаше (in una sarappa), остальные же наги и в величайшей бедности». Уточняя степень разгрома, учиненного Аббасом в Грузии, Пьетро Авитабиле писал: шах «разорил царство сие так, что, говоря по правде, без преувеличения, в (здешних) землях — как в великих, так и в малых — не осталось камня на камне; и угнал большую часть народа порабощенного в Персию, и лишь немногие спаслись бегством, рассеявшись по соседним царствам. И сам государь вынужден был бежать на долгое время»⁷⁷.

Другой миссионер Джусто Прато 16 октября 1633 г. из Гори отправил письмо генералу Театинского ордена Стефано Медичи, в котором, в частности, сообщал: «20 лет тому назад приходил шах Аббас ради опустошения Грузии, увел отсюда самое меньшее шестьдесят тысяч семей, из коих здесь каждая насчитывает до 20 (душ), дабы поубавить (численность) этого народа и обогатить Персию»⁷⁸.

Два других царства — Картли со столицей в Тифлисе и Менгрелия. К этому добавим Ксанское и Арагвское эриставства.

Ослабленная внутренними раздорами, Грузия не могла дать достойный отпор ни шаху, ни султану. В борьбе с захватчиками грузинские цари опирались на помощь северных соседей, осетин, через них же стремились установить тесные связи с Россией. По свидетельству капуцинского монаха Диониджо Карло, прибывшего в Тифлис в 1681 г., Георгий XI «своего единственного сына женил на дочери осетинского мтавара. Осетины гордый народ, живут обособленно... Благодаря этой женитьбе Георгий в нужное время найдет там убежище и окажет сопротивление персам»⁷⁹.

Примечания

1. См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С.59–64; Магомадова Т.С. Чечня в политике России на Северном Кавказе в XVI–XVII вв. // Чеченцы в сообществе народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни. Т.2. Назрань, 2008. С.114–131.

2. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I (1578–1613 гг.). С.222.

3. Там же. С.456, 474.

4. Кушева Е. Н. Указ. соч. С.66.

5. Там же. С.70.

6. Попко И. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1883. С. 41; Кокиев Г. А. Сношения России с народами Северного Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С.119.

7. Гаджиев В. Г. Вековая дружба братских народов // Из истории взаимоотношений... С.18–19.
8. Белокуров С. А. Указ. соч. С. 59. Политические аспекты истории Северного Кавказа XVI–XVII вв. стали объектом специального исследования Я. З. Ахмадова — Очерки политической истории Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.
9. Трепавлов В. В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. №11. С.159.
10. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. В 2-х т. М., 1957. Т. I. С.10–11.
11. Там же. С.34–35.
12. Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С.113–115, 140.
13. См., например: Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. С.29.
14. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С.150–154.
15. Там же. С.454, 457.
16. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. С.425, 443.
17. Там же. С.457.
18. Там же.
19. Там же. С.454, 456, 508.
20. Цит. по: Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. С.130.
21. Там же.
22. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С.88.
23. Сокуров В. Н. Кабардинские грамоты XVI–XVIII вв. Нальчик, 1981. С.181.
24. Там же. С.183–184.
25. Хождение купца Федота Котова в Персию // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С.65.
26. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 77.
27. Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979.
28. Хождение купца Федота Котова в Персию. С.62.
29. Стрейс Я. Я. Три путешествия (1647–1673 гг.)/Перев. Э. Бородиной. М., 1935. С.194.
30. Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI–XIX вв. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979. С.53–54.
31. Тменов В. Х. Указ. соч. С.132–133.
32. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С.42.
33. Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 107–108.
34. Барановский С. Б. Кавказ и Польша в XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С.254.
35. Сванидзе М. Х. Грузия, страны Причерноморья и Восточная Европа в первой половине XVII в. // Россия, Польша и Причерноморья в XV–XVIII вв. М., 1979. С.241–242.
36. Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI–XVII вв. как этнографический источник // КЭС. М., 1976. Т. VI. С.272–273.
37. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Сборник документов. Т. I. / Сост. Г. А. Кокиев // ИСОНИИ. Т. 6. Орджоникидзе, 1933. С.31–34.

38. Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С.27, 29.
39. Заседателева Л. Б. Терские казаки. М., 1974. С.187.
40. Попко И. Терские казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Вып. I. С.25.
41. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С.40 – 42.
42. Народы Северного Кавказа и восточная политика Ивана Грозного // НА КБИГИ. Ф.1. Оп. V. Д.32. Л.3.
43. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. С.112.
44. Клычников Ю. Ю. Из истории формирования Российского Северного Кавказа во второй половине XVI – XVIII веках. Пятигорск, 2008. С.24 – 25.
45. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. С.112 – 114.
46. Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. М., 1988-1995. Кн. 4. 1989. История России с древнейших времен. Т. VII. С.268 – 269.
47. Там же. С.269.
48. Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650 – 1652. Тифлис, 1926. С.120.
49. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1613 г. по 1770 г./Перев. М. Броссе. СПб., 1861. С. VIII.
50. Полиевктов М. А. Посольство... 1650 – 1652. С.34 – 35, 57.
51. Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // ССКГ. 1876. Вып. IX. С.116.
52. Потто В. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т.1. С.8.
53. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С.38.
54. См.: Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII – XV веках // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
55. Белокуров А. Указ. соч. С.453 – 454, 456, 476.
56. Горгиджанидзе П. История Грузии/Перев. Р. К. Кикнадзе и В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1990. С.71 – 72.
57. Переписка ... С. IX.
58. Там же. С. XVI – XVII.
59. Горгиджанидзе П. Указ. соч. С.68.
60. Там же. С.541.
61. Белокуров А. Указ. соч. С.540.
62. Allen W. E. D. A history of Georgian people. London, 1932. P.314.
63. См.: История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1987. Т.1. С.153 – 154. Горцы Центрального Кавказа нередко сообща выступали против врагов. «При внуке Инала (родоначальнике кабардинских князей. — Ред.) Идаре, осетины помогли кабардинцам в Касбрунской битве: они послали им 3000 воинов. В Кабардинском сказании об этой битве упоминается алдар Дудариков»/Дударов?/(Джанашвили М. История Осетии // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.71. С.93)..
64. Переписка... С. LXVIII – LXXIII.
65. История Северо-Осетинской АССР. Т. I. С.156.
66. Стрейс Я. Описание города Терки // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост. и ком. В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С.100.
67. Куприанова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1981. С.23.
68. Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI – XIX вв. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979. С.47, 50 – 51.

-
69. Хождение купца Федота Котова в Персию. С.61, 64.
 70. Allen W. E. D. Op. Cit. P.53, 56–58, 309–312.
 71. Жордания Г., Гамердазанашвили З. Римско-католическая миссия и Грузия. Тбилиси, 1994. С.347.
 72. Там же. С.348.
 73. Там же. С.349.
 74. Там же. С.350–351.
 75. Там же. С.349–350.
 76. Там же. С.443.
 77. Там же. С.476.
 - 78 Там же. С.525.
 79. История Северо-Осетинской АССР. Т. I. С.159.

Раздел третий

**Осетия
в XVIII –
первой половине
XIX в.**

ГЛАВА 1. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Территория и население. Границы, занимаемые осетинами к северу и югу от Главного Кавказского хребта, в рассматриваемый период были в некоторой степени условны. Впрочем, это относится и к территории других народов региона. Справедливо, на наш взгляд, замечание А. А. Цуциева: «Ни одна из земель, населенных горцами, еще (в XVIII в. — Ред.) не является частью Российской империи. Это именно территории «внешней» русской границы, характер контроля над которыми различен... Никакая карта, вероятно, не способна отразить в полной мере все сложности этнотерриториальной мозаики Кавказа на любом этапе его истории»¹. В рассматриваемый период этнические границы существенно изменились².

В самых общих чертах территория проживания осетин на Центральном Кавказе ограничивалась в пределах Дарьяльского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского ущелий. Границы Южной Осетии, сформировавшиеся в Золотоордынский период, в дальнейшем оставались относительно стабильными³. Речь идет об ущельях рек Джоджора, Квирила, Паца, Леуахи, Чысан (р. Ксани), Белой Арагви, Трусовском ущелье (в верховьях Терека) и др. Территория южан с позднего средневековья фиксируется по непосредственным наблюдениям путешественников, затем участников экспедиций Академии наук России. Да и грузинские авторы XVIII в. также оставили вполне адекватные данные по рассматриваемому вопросу⁴.

Одна из первых «кавказских» экспедиций Академии наук России во главе с И. А. Гюльденштедтом в 70-е гг. XVIII в. изучала области Центрального Кавказа. В изложении И. А. Гюль-

денштедта географическое положение Осетии выглядело так: «Страна или провинция Осетия занимает часть высоких Кавказских гор у истоков северных притоков Терека до селения Лескен и южных притоков Куры, Арагви, Ксани, Патара и Диди Лиахви и до Джеджо, притока Риона»⁵.

С И. Гюльденштедтом солидарен еще один член Российской академии наук — П. С. Паллас, возглавивший экспедицию на южные границы империи. На Северном Кавказе экспедиция провела два года (1793/4). В отчете в разделе об осетинах написано: «Осетины совершенно особенный народ, который... называет себя *ир*, или *ироны*, а свою страну — Иронистан. Граница идет по северной стороне Кавказа; на западе ее составляет Уруп, а на востоке — Терек; в южной части — на западе Рион или Фазис древних (авторов. — Ред.), а на востоке — Арагва. Она делится на 'ком' (округа) и 'кау' (селения)»⁶.

Приведем мнение «выдающегося, — по определению Ю. С. Гаглойти, — педагога и общественного деятеля Якова Гогебашвили». Его школьный учебник «Врата природы» вышел в 1868 г. и к моменту установления советской власти в Грузии выдержал свыше 20-ти изданий. В разделе «Соседние страны» Яков писал: «Осетины являются горским народом. Они занимают среднюю часть Кавказского хребта, начиная от Хевсуретии и до Сванетии. Одни из них живут *по ту сторону* хребта, на северных склонах, другие — *на этой стороне, на южных склонах* (курсив ред.). По этой причине Осетия разделяется на две части: Северную Осетию и Южную Осетию»⁷.

Работа одного «из важнейших представителей грузинской исторической науки XVIII в.», Папуны Орбелиани, по праву считается «достоверным источником для изучения политической жизни Картли и Кахетии в 30–50-х гг. XVIII в.». Рассказывая о походе войска Картли и Кахетии в 1750 г. против кзылбашей, Папуна отметил: кахетинский царь «пожаловал... много добра... *осетинскому потустороннему войску*». В следующем году Таймураз отправил «своего сына, царя Ираклия» с войском, к которому присоединилось и «*войско из потусторонних осетин* (курсив ред.)». Царь «определил содержание и в сопровождении проводников направил к своему сыну». В 1752 г. для отражения набега Ширванского хана цари Картли и Кахетии «собрали войска... *потусторонней и посюсторонней Осетии*» (курсив ред.)⁸.

Дореволюционные российские авторы также отмечали южную границу Осетии. В частности, В. Чудинов писал по этому поводу: «предельные осетинские поселения от г. Душета по подошве хребта и потом через реку Б. Лиахву немного выше с. Цхинвала, далее по правым притокам этой реки к с. Часовали и, наконец, к верховьям Риона до г. Пасисмта»⁹.

Во второй половине XVIII в. северные осетины стали осваивать и равнинные территории. В частности, речь идет о Моздокских степях.

Что касается населения, то демографический фактор не только у осетин, но и горцев мира в целом, определялся географическими и экономическими

особенностями. Исходя из абсолютных цифр, большинство горных районов принято считать местностью с малой или очень малой плотностью населения. Однако, как справедливо подчеркивают Э. Гротцбах и К. Штадель, «более целесообразно рассматривать 'физиологическую плотность', т.е. число жителей на единицу площади сельскохозяйственных земель. Тогда можно понять величину нагрузки населения на землю, по крайней мере, для тех горных районов, которые в основном зависят от сельского хозяйства»¹⁰. С этой точки зрения многие горные районы являлись чрезвычайно перенаселенными, учитывая их ограниченные сельскохозяйственные ресурсы. Перенаселение проявлялось в дефиците продовольствия, необходимости поддержать семейный бюджет за счет мелкого кустарного промысла, сезонной работы вне горных территорий, военной службе или набегах на соседей и, наконец, эмиграции.

К сожалению, у нас нет точных данных о динамике плотности населения в горных районах мира. В горных и неблагоприятных для хозяйственной деятельности районах прирост населения, обгоняя рост сельскохозяйственного производства, осложнял экономическое развитие и вызывал миграции; избыток населения использовался в основном в войнах.¹¹

Хозяйство. Географическая среда и связанные с ней специфические черты экономики народов Кавказа во все времена поражали исследователей разнообразием форм. Последнее считается следствием расчлененной и фрагментарной структуры гор, где каждая долина или бассейн реки формировали свой собственный особый мир. Более того, разнообразие социального строя, форм быта и культуры кавказских народов частично связаны с особенностями природных условий, служивших «материальной базой, на которой слагались хозяйство и быт местных народов»¹².

Отечественные и зарубежные исследователи не раз обращали внимание на необходимость определения роли экономики в процессе формирования ранних государств¹³. Один из примеров — статья Ч. Спенсера, посвященная «формированию моделей древних ранних государств, специфических черт политико-экономического аспекта этого процесса»¹⁴.

Традиционная система хозяйства практически у всех горцев мира была нацелена на использование естественных пастбищ в различных высотных поясах: сезонным выпасом отар овец вне зон поселения людей. Земледелие в структуре хозяйства горных территорий занимало второе после скотоводства место. Однако система высокогорного сельского хозяйства никогда не могла дать требуемых излишков на черный день. Поэтому годы неурожая (независимо от причин) весьма существенно затрудняли и без того сложную жизнь горцев и ставили их буквально на грань жизни и смерти. В «старые времена» грабеж торговых караванов, военная служба и набеги на равнинных соседей служили своеобразной компенсацией локального дефицита

продовольствия. Такой подход к увеличению объема необходимых продуктов за счет внешних источников практиковался во многих удаленных районах. Устное народное творчество дает немало примеров на эту тему¹⁵.

Штедер во время своей поездки по Осетии в 1781 г. отметил локальные особенности природных условий в различных ущельях. Кобанцы, по его свидетельству, жили в местности, где заканчиваются лесистые предгорья, «долины узки, но плодородны, сильно заселены». Куртатинцы по Фиагдону

*Косовица в горах.
Худ. В. Лермонтов*

составляли «округ один из наиболее обширных, многолюдных и плодородных... земледелие вполне обеспечивает жителей. Долина тянется к юго-западу на протяжении 8 верст». У истоков р. Урсдон в западной Осетии Штедер отметил «два наиболее значительных селения Кубати». Местное население разводило «бобы, турецкий маис, редьку, огурцы и большое количество обыкновенного зеленого табака; всем этим они торгуют с Моздоком. Они хорошо обрабатывают поля... У них имеются большие стада, в сравнении с другими горцами они зажиточны, в чем им помогли плодородная почва и хорошее местоположение»¹⁶.

Конечно, не во всей Осетии природные условия были столь благоприятными. По мнению наблюдателей первой трети XIX в., в осетинских обществах обработка земли «очень незначительна; поскольку она имеет место лишь в небольшом числе мест, где среди скал есть немного пригодной для земледелия... земли... Поля почти всегда расположены на очень отвесных склонах, что делает пахоту очень трудной»¹⁷.

В XVIII в. с не меньшими проблемами сталкивались и южные осетины. Обработка незначительных земельных участков (нередко искусственно созданных) была сопряжена с большими трудностями. К тому же, такие участки нередко сносились снежными лавинами, камнепадами, смывались проливными дождями и т.д. Собственной продукции земледелия горцам не хватало. Поэтому недостающую часть рациона питания они получали в

обмен на плоды своей хозяйственной деятельности. Вместе с тем, торговля для многих домов не решала всех проблем, т.к. многие хозяева не имели достаточного количества торгового эквивалента — овец и коз. Согласно Вахушти, «на каждый осетинский двор приходилось от 20 до 100 овец и коз и от 10 до 40 голов крупного рогатого скота и лошадей»¹⁸.

В различных природных зонах в земледелии использовались разные орудия труда. Еще до татаро-монгольского нашествия в степном Предкавказье использовались тяжелые плуги. Существовали и более примитивные виды пахотных орудий. Например, деревянное рало — орудие очень легкое, рассчитанное на одну-две пары волов. Рало, как правило, применялось в горных долинах, реже — на террасных участках. Его производительность была сравнительно невысокой: в горных условиях вспахивали не более полдесятины за день. Следует отметить, что развитие террасной системы земледелия явилось крупным агротехническим достижением горцев. На горных террасах, каменистых и подсечных участках обычно применялась мотыга¹⁹.

На примере пахотных орудий видна существенная разница между равниной и горами в наборе орудий и технологии. Тяжелые плуги обеспечивали несравненно более высокую производительность труда, нежели легкие, малопродуктивные рала, которые к тому же использовались преимущественно в полосе «Белых» гор; в «Черных» горах главным орудием долгое время оставалась мотыга.

На протяжении всего средневековья горцы прилагали немалые усилия для удовлетворения своих потребностей в пище. В отдельных местах сеяли пшеницу, «а главным образом ячмень, да и тот... не всегда вызревает, погибая от ранних морозов. Скотоводство заключается в разведении овец и крупного рогатого скота и сравнительно с земледелием значительно прибыльнее». Хотя и эта отрасль хозяйства испытывала затруднения. Поэтому в горах «сыр и ячменный хлеб составляют постоянную и однообразную пищу жителей»²⁰.

В этнографическом очерке «Особа» К. Хетагуров подчеркнул: «рост хлебов редко достигает 3 четвертей, а урожай его, если он успевает созреть, если его не прихватило морозом, не выжгло солнцем, не смыло дождем или шальным разбушевавшимся потоком, если его не уничтожило, наконец, градом — редко превышает сам-четыре»²¹. В случае каких-либо природных аномалий или стихийных бедствий положение становилось критическим. М. Чулков отмечал в конце XVIII в.: «В Осетии временно родится малое число хлебов, а других никаких припасов не имеется и во всем состоит дороговизна и недостаточность»²².

Большим подспорьем в хозяйстве осетин была охота. В горах водились разнообразные дикие животные: медведи, туры, кабаны, серны, лисицы и т. д.

Охотились главным образом на туров и серн, реже — на медведей, лисиц и птицу. Охотились преимущественно в одиночку или небольшими группами.

В Осетии бытовали различные виды ремесел: от производства земледельческих орудий до изготовления пороха и выделки из кожи обуви и ремней. По данным Вахушти, осетины знали «искусство выделывания кожи... приготовление хороших бурок. Знают... слесарное мастерство, [умеют] выделывать деревянные вещи, строят дома»²³.

Производительные силы равнины и гор на Северном Кавказе различались и по видам энергии. На равнине важный источник энергии — животные, водяные колеса, мельницы; в горах — человек двигатель, его мускульная энергия. В горах водяные мельницы были редкостью, да и принадлежали они преимущественно феодалам. На это обратили внимание еще авторы XVIII в. «Порох, — писал И. Г. Георги, — делают они на ручных мельницах. У них вообще механических заведений мало; однако некоторые князьки построили у себя Русскими людьми мушны мельницы»²⁴. Постройка и оборудование мельницы являлись дорогим приобретением. Наличие у какой-либо родственной группы мельницы указывало на большой достаток. Когда у осетин возникала потребность в постройке сложного сооружения, например, башни, мастера в первую очередь спрашивали у заказчика: «А есть ли у вас мельница?». Основным механизмом помола оставалась ручная мельница. Ее продуктивность составляла в среднем 2 кг в час. В то время как небольшая водяная мельница мощностью в 3 л.с. производила в сутки 3,5 т муки. При загрузке такой мельницы только на 25–30% полной годовой мощности она заменяла 90–100 работников на зернотерках или 25 работавших на ручных мельницах.

По мере развития русско-кавказских отношений усиливалась «потребность в организации торговли и промышленности для обеспечения населения и армии». Устанавливавшиеся на Кавказе торговые связи первоначально «носили меновой характер, став впоследствии основой российской внешней торговли на юге»²⁵.

Развитию торговли в Северной Осетии способствовало и то обстоятельство, что через ее территорию пролегли важнейшие пути, связывавшие Северный Кавказ с Закавказьем. Особенно следует выделить два из них: будущие «Военно-Грузинскую» и «Военно-Осетинскую» дороги. Первая из них особенно активно стала эксплуатироваться со второй половины XVIII в. «Перед сим, — отмечал грузинский царь Теймураз II, — ни в какое время не бывало, чтоб через Осетию не шла караванная дорога, и по этой горной дороге не приходили бы торговцы и купцы»²⁶.

Осетины, в особенности южные, принимали активное участие в торговле в Закавказье. Из ближайших центров отметим Цхинвали, Ахалгори, Они, Душети, Тбилиси. Осетины привозили сюда шерстяные ткани, сукно, войлок, бурки, черкески, предметы кузнечного ремесла и женского рукоделия, из-

деля из дерева, продукцию животноводства и т.д. Важным обстоятельством, способствовавшим развитию обмена товарами между соседними народами, являлся беспошлинный режим торговли, которым в Грузии пользовались как северные, так и южные осетины²⁷.

В рассматриваемое время стали расширяться непосредственные торговые сношения Осетии с Россией. В 1785 г. Екатерина II предписала кавказской администрации, «чтобы в торге, промыслах и прочих позволенных упражнениях имели свободу и чтобы военные и гражданские начальники не стесняли их в том ни под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли»²⁸.

Основными пунктами торговли с русскими купцами были Кизляр и Моздок. Только за сентябрь 1774 г. на этих рынках побывало 36 торговцев-осетин.

Общественный строй. Выяснение характера общественного строя Северной Осетии началось с момента ее включения в сферу внешней политики России, т.е. с 40-х гг. XVIII в., когда «зело потребно стало достаточно ведать о народах, находящихся около границ российских»²⁹, в том числе и об осетинах. Сведения о них собирались посредством опросов кабардинских и кумыкских владельцев, «Записок» членов Осетинской духовной комиссии. Уже в то время выявили разницу в социальном устройстве осетинских обществ, за одними из которых закреплялось наименование *аристократические*, за другими — *демократические* или *республиканские*. В одном из документов той поры значится: «У некоторых из них (осетин. — Ред.) свои малые владельцы, а у иных старшины для управления их имеются»³⁰. В другом источнике последней трети XVIII в. отмечено: у осетин «имеется слабое дворянство», а крестьянство стоит «под главенством князей или избранных старейшин»³¹.

К «аристократическим» обществам относились Дигория и Тагаурия; характер их социального строя не вызывал принципиальных споров у большинства дореволюционных и советских историков — практически все сходились во мнении, что данные общества по своей природе являлись феодальными. Что касается «демократических» обществ — Алагирского и Куртатинского — то здесь в литературе до сих пор нет единства взглядов. Наиболее распространенными точками зрения на социальный строй «демократических» обществ являются три — считалось, что они находились:

- на стадии патриархально-родового строя;
- на этапе развития феодальных отношений;
- прошли стадию становления феодализма.

Одной из характерных черт социумов Северного Кавказа, особенно т.н. «вольных» обществ, в XVIII в. стало оживление позднепотестарных традиций, «превращение некоторых черт военной организации в принципы общественной жизни»³². В частности, речь идет о возрождении (или, в других случаях, развитии) мужских союзов, с характерными для них ритуалами и осо-

быми нормами поведения. Примечательно в этом плане наблюдение монаха Доминиканского ордена Д. де Люкка, побывавшего в 1625 г. у черкесов: «Кроме войны, всецело их занимающей, они не знают другого занятия... На пирах не предлагают молодым людям пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства»³³.

Конечно, культ воинского мастерства у народов Кавказа predetermined прерогативу дворянства. Стиль жизни знати характеризовался понятием «джигитство». Данным термином обозначалось, с одной стороны, право на участие в походах и набегах, а с другой, — личное бескорыстие и красноречие. С малых лет в детских играх мальчик накапливал опыт военных акций, сначала под опекой старших, позднее — вместе с друзьями-сверстниками. Вступив в мир «взрослых», он мог уже на равных участвовать в операциях джигитов с целью завоевания высокого имени и славы³⁴.

Условия жизни средневековых осетин, военизированный быт способствовали сохранению в их среде (конечно, в измененном виде) тех же установок, что способствовали в древности возникновению особых отрядов молодых воинов. Среди основных занятий осетинских мужчин Штедер в 1781 г. выделил охоту и войну. «Юноша доказывает свои способности воровскими набегами; даже грабеж на большой дороге укрепляет его славу, а смерть придает ему вид героя». Нередко юноши объединялись в отряды; один из таких отрядов в 30 человек Штедер не только встретил, но и провел среди них несколько дней³⁵.

Социальный «портрет» горских обществ XVIII в. определял феодальный уклад. В «аристократических обществах» он являлся системообразующим, чего нельзя сказать в отношении большинства «вольных» социумов.

В советской историографии преобладало мнение о «раннефеодальном» характере *всех горских обществ*. Правда, отдельные исследователи социальное устройство т.н. «вольных обществ» оценивали прибегая к терминам «дофеодальный», «протофеодальный»³⁶. В.Б. Виноградов генезис «горского феодализма» представлял «как чрезвычайно длительный процесс, так и не получивший завершения»³⁷. Гранью между генезисом феодализма и периодом развитого феодализма считали победу господской вотчины. Причем в этот период еще сохранялись большие массивы т.н. «черных» (т.е. крестьянских) земель³⁸.

Зависимость большинства непосредственных производителей в «аристократических» обществах Северного Кавказа не достигла стадии крепостничества, если под ним понимать сочетание двух форм прикрепления крестьян — к земле и к личности феодала³⁹. Но в местных условиях и без юридического прикрепления общинников феодальное хозяйство вполне обеспечивалось рабочими руками. Здесь же отметим, что в «аристократических» обществах феодальная собственность преобладала над крестьянской.

Осетин и осетинка XVIII в. Худ. К.И. Безгров

Иным предстает социальный строй «демократических племен», хотя и здесь заметны некоторые изменения. В частности, в позднем средневековье определенные перемены претерпели аграрные порядки. В некоторых районах «демократических» обществ Осетии к XVIII в. «сильные» фамилии сосредоточили в своих руках существенную часть общественных богатств. Им принадлежали лучшие нивы, луга, пастбища. Земельная собственность крестьян по количеству и качеству уступала владениям «сильных»⁴⁰. В «демократических племенах» удельный вес домениального хозяйства (там, где оно прослеживается) было значительно ниже удельного веса мелкокрестьянского. При отсутствии массовых статистических данных по этому вопросу, достаточно надежным материалом служит топонимическая номенклатура. На примере Осетии она дает такую картину соотношения феодальной и непривилегированной собственности. *

Общество	луга	пашни	пастбища
Алагирское («демократическое»)	1:19	1:29	1:22
Дигорское («аристократическое»)	1:7	7:10	1:6

Приведенное соотношение можно рассматривать как случайную выборку, ибо сохранность топонимов, дошедших до нас, носит непредна-

* Подсчет произведен по: Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. II.

меренный и незакономерный характер. Следует также учитывать незначительный размер крестьянских участков, явно уступавших владениям феодалов. В целом по Осетии в крестьянских дворах в середине XIX в. (с учетом равнинных сел) на душу мужского пола приходилось от 1/4 до 1/2 десятины⁴¹. Примерно такая же картина наблюдалась и у других народов. «Округляя» тенденции развития аграрных отношений в двух группах горских обществ, можно сделать следующий вывод: в одних районах вотчина практически совпадала с общиной, в других сельский мир довольно успешно противостоял натиску владельцев, и большинство дворов находилось вне домениального хозяйства.

Различное соотношение феодальной и крестьянской собственности в «аристократических» и «демократических» районах служило основой неодинаковых параметров свободы населения.

В некоторых местах Северного Кавказа зависимость непосредственных производителей приняла ярко выраженные формы, в других она едва-едва прослеживалась, в третьих отсутствовала вовсе.

Таким образом, в «аристократических» обществах вотчина поглотила почти всю общину, и практически все крестьяне находились в той или иной степени зависимости от феодала. Поэтому генезис феодализма в «аристократических» обществах можно, видимо, считать завершенным, в то время как в части «демократических племен» он продолжался. Некоторые «вольные» общества находились на стадии раннеклассовых или позднепотестарных обществ.

Таковы некоторые общие особенности и различия в «аристократических» и «демократических» обществах Осетии. Более детальную картину устройства и структуры отдельных социумов осетин можно реконструировать, рассматривая каждый из них в отдельности.

Тагаурское общество. Феодалов Восточной Осетии в литературе и документах первой половины XIX в. часто называли *тагаутами* или *тагаурцами* — производное от имени их предка — *Тага (Тагаура)*, героя родословных. А. Гакстгаузен, например, писал: «В Северной Осетии существует особенное дворянство, состоящее из 12 родов, названных тагаурцами. Они будто бы происходят от армянского князя Тагаора (Венценосец). Все они в северных странах занимают наследственную должность сельских старшин (эльдер)»⁴². В 1847 г. уазданлаги получили официальное наименование *алдар* [термин «алдар» («эльдар», «эльдер»), встречается в работах путешественников конца XVIII — начала XIX вв.]. В 1859 г. тагаурских алдаров было 115 семей⁴³. В 1864 г. в 115 алдарских дворах проживало 551 человек обоего пола. В то же время все население Тагаурского общества исчислялось примерно в 2000 дворов и до 10000 душ обоего пола. Иными словами, алдарское сословие составляло 5,5% всего населения⁴⁴.

Высшие сословия образовывали касту в своеобразном кавказском варианте. По адату, титул *узданлага* (букв. «благородный человек») «не приобретает ни покупками, ни заслугами, ни личными качествами, старшинство их зависит от древности рода». Нормы обычного права фиксируют передачу «княжеского и старшинского достоинства» только законным детям от равных браков. Жена не могла «сообщить этого достоинства ни мужу, ни детям»⁴⁵.

«Замкнутость сословия алдаров, — отмечал В. Линден, — права которого приобретались только рождением», определяла соблюдение членами сословия «чистоты крови». В «законные» брачные союзы феодалы, «подобно представителям и представительницам дигорских привилегированных классов, вступали или между собой, или же с членами высших сословий соседних народностей, причем у кабардинцев только с членами сословий тлекотлеш и деженуго»⁴⁶. Об этом же сообщает А. Гакстгаузен: «Осетинское дворянство строго соблюдает чистоту крови. Если бы кто из них женился на девушке второго сословия, вольных людей, дети его попали бы в третье сословие, т.е. сделались бы рабами. Фамилия Тагаорцев Северной Осетии все магометане и заключают браки с черкесскими дворянскими фамилиями (ус-день)»⁴⁷.

Личность феодала была практически неприкосновенной, т.к. за его убийство с крестьян требовали «все то, что может покрыть кровомщение, или же убивали не только убийцу, но еще и родственника его»⁴⁸.

Привилегированные сословия «владели на правах помещиков другими группами, носившими разные местные названия»⁴⁹. Только узданлаги могли владеть кавдасардами, распоряжаться ими по своему усмотрению и подвергать наказанию без всякого суда⁵⁰. По нормам обычного права, высшие сословия «над крестьянами или крепостными людьми и их имуществом имеют неограниченное право»⁵¹. Кавдасарды выполняли самую тяжелую работу в доме и хозяйстве алдаров и баделяттов.

Кроме них феодалы эксплуатировали и часть основной массы крестьян — фарсаглагов, не имевших собственных наделов и сидевших на земле знати. Алдары могли взять на время у фарсаглага любую вещь, будь то ружье, лошадь и пр. Нередко это право переходило в право сильного. Протопоп Болгарский в донесении епископу астраханскому и ставропольскому Антонию в 1780 г. сообщал, что осетинские феодалы «у бессильных нагло отнимают пашенные и сенокосные земли, скот, все имение и самую ево жизнь»⁵². В случае прекращения мужского рода все материальные и людские ресурсы поступали в пользу феодала. Жена и дочери становились служанками; феодал получал калым, если выдавал их замуж⁵³.

Крестьяне, пользовавшиеся угодьями феодалов, несли отработочную и продуктовую ренты. Так, во время сева и покоса кормов для скота по одному

фарсаглагу с каждого двора «на хозяйском корму» отрабатывали на земле алдара по одному дню; во время праздника доставляли съестного и бузу. В течение года фарсаглаг платил феодалу: весной ягненка, осенью барана, овечий сыр, 10 фунтов масла или четверть пшеницы, мешок хлеба, в случае убоя скота — часть туши. Некоторые алдарские фамилии за позволение селиться в своем ауле брали по корове со двора⁵⁴.

Единицей обложения был двор. Количество рабочих рук в крестьянских дворах не учитывалось, как не учитывалась обеспеченность инвентарем и скотом. Равномерное распределение ренты между дворами позволяет предположить, что земельные наделы крестьян внутри вотчины были примерно одинаковыми.

Распределение ренты между феодалами в различных владениях осуществлялось по-разному. Если землевладелец был один, то все повинности крестьяне несли ему. Если их было два и более, то предварительно земля делилась между ними, а затем каждый получал повинности с тех жителей, которые пользовались его участком. Если вотчина находилась во владении неразделенных родственников, то рентой пользовались сообща. Например, крестьяне Балты платили подати «Девлет-Мирзе Дударову, а после его смерти двум его сыновьям Джена и Казбеку, которые земли не делили». Тулатовы земли аула Нижний Кобан поделили на три части. Угодья аула Верхний Кобан были также поделены между тремя братьями Кануковыми, а земли селения Нижний Карца — между братьями Есеновыми, и т.д. Соответственно крестьяне несли повинности каждый своему феодалу⁵⁵.

Наличие у осетин, как и у других горцев Северного Кавказа, в XVIII — начале XIX вв. «отработочной и продуктовой рент является самым очевидным доказательством существования у них в это время феодальных форм эксплуатации и феодальной собственности на землю, составляющих основу феодального способа производства»⁵⁶.

Кроме ренты крестьяне несли многие непоместные повинности в пользу хозяев аулов. Если кому-нибудь из феодалов приходилось платить за кровь, то крестьяне должны были вносить в уплату «кто вола, кто корову, кто медный котел и т.п.». В стычках между привилегированными фамилиями подвластные выступали на стороне своих алдаров⁵⁷.

Существовали нормы, «нравственно выражавшие превосходство благородного происхождения» феодалов «над черным народом». Эти нормы заключались в «оказании почета» феодалу при встрече, сопровождении его в поездке и т.д.⁵⁸

Важной прерогативой феодалов был сбор пошлин с проезжающих через их владения. По свидетельству путешественников, «каждый отдельный вождь взимал большую сумму за право перехода по своей территории. Платили и другие сборы в виде одежды, материи, кожи и пр.»⁵⁹.

Ряд договоров осетинских феодалов с царскими властями на Кавказе регламентировал размер сбора пошлин. В марте 1802 г. по распоряжению Кнорринга с алдарами заключили контракт «касательно дороги». Десять фамилий феодалов обязывались содержать «в совершенной исправности и прочности» 13 мостов и дорогу от Балты до Дарьяла. Алдары обязывались также держать на дороге караул для охраны «проезжающих от нападений хищников. За все это условлено было платить тагаурцам 525 р. в год монетою золотою или серебряною». Кроме того, «содержатели дороги» с провозимых товаров могли брать пошлыны⁶⁰, которые в начале XIX в. резко возросли. Князь Цицианов в письме императору от 22 марта 1803 г. жаловался, что пошлыны с купцов и военных транспортов алдарами взимаются «по их произволу, которые иногда восходят до семидесяти рублей с человека», тогда как при графе Потемкине с пешего брали 30 коп., а с конного — 70⁶¹. В приказе от 26 октября 1804 г. Цицианов сообщал тагаурским старшинам, чтобы они от Ларса до Казбека, «доколе дорога новая еще не сделана», за вьючную лошадь и вьюк от 9 до 11 пудов брали по 2 рубля серебром, с человека без поклажи по 1 руб. «От Ларса до Владикавказа ту же цену полагаю»⁶². Но для феодалов размеры пошлин показались слишком малыми. На дороге начались грабежи и беспорядки. Местная администрация вынуждена была пересмотреть вопрос о пошлинах.

По предписанию графа Гудовича от 11 марта 1809 г. каждый купец с товаром или без него платил 10 руб. серебром, «с простолудинов» брали 35 коп. серебром, с пеших — 20 коп. В случае надобности транспортировки товаров от Владикавказа до Ларса феодалы обязаны были «высылать хотя бы до 100 лошадей с заплатою за каждый вьюк от 9 до 11 пудов до 2 руб. серебром, а за арбу по 4 руб». Для сбора пошлин доверенные от всех алдаров должны были находиться «в Казбеке и Владикавказе по крайней мере по три человека»⁶³.

Размер пошлин за перевозку товаров в первой трети XIX в. не отличался стабильностью. Уже в конце второго десятилетия пошлина подскочила до 25 руб.⁶⁴ В 1825 г., по свидетельству очевидцев, «во Владикавказе с каждой телеги, нагруженной товарами, и с каждого человека, занимавшегося торговлей, взимали от 10 до 35 руб.»⁶⁵.

Весьма прибыльной для феодалов была постройка и охрана мостов; за каждый построенный мост они брали значительные суммы. В августе 1769 г. «платежом холста и денег построены были осетинцами через реку Терек, по добровольному их воизволению и увещеванию графа Тотлебена, шесть мостов»⁶⁶. Как только отряд Тотлебена ушел в глубь гор, мосты были сломаны. Князь Моураов в рапорте от 12 декабря 1769 г. сообщал графу Панину, что мостов от «Чми до Анаури (70 верст)» нет⁶⁷.

При подходе следующей воинской команды мосты вновь строились, разумеется, за деньги, а затем опять разбирались. Астраханский губернатор Н. Бекетов в конце 1769 г. доносил в коллегия иностранных дел, что несмотря

на обещание тагаурцев Тотлебену «те мосты содержать в целости и случае проезжим и для проходимого войска, причем всякое вспоможение чинить... мосты сломаны, и следующий де с эскадроном поручик Соловьев принужден был за те мосты вторительную плату производить, а как скоро переправился, то мосты те осетинцами разломаны»⁶⁸.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Алдары, нередко одни и те же, обеспечивавшие беспрепятственный проход по дороге, время от времени участвовали в грабительских нападениях, чаще всего — на купеческие караваны. В марте 1784 г. тифлисский житель Бежан Петров и его товарищи жаловались П. С. Потемкину на Ахмета Дударова, который ограбил их у аула Чми, «отняв ружья, сабли и что было... деньги и платье без остатку»⁶⁹. В этом же году П. С. Потемкин в письме С. Д. Бурнашеву от 31 октября отмечал, что «некоторые осетинцы на дороге шалят, посылать войско их наказывать — по чрезмерно дурному времени не можно, так до времени потерплю»⁷⁰. Но власти вынуждены были держать во Владикавказе «многочисленный гарнизон для конвоя едущим из России в Грузию и обратно».

В начале XIX в. грабежами «занимались не только прямо враждебные русским осетины..., но и те, которые имели русские чины и на шее медали. Особенно выделялся этим тагаурский старшина Дударуко Ахметов»⁷¹. На рубеже XVIII – XIX вв. своими набегами «прославился» Девлет-Мирза Дударов. Он имел обыкновение награбленное делить с комендантом Владикавказского графом Ивеличем, за что последний оставлял без наказания все его «шалости»⁷². Вероятно, о Девлет-Мирзе сообщает и Гамба: «Селение Балта принадлежит одному из князей дома Дондаровых. Их отец был знаменит среди горцев своими разбойничьими набегами и жестокостью»⁷³. В 1806 г. Ивелич в рапорте вышестоящим инстанциям писал, что Мирзабек Есенов «делал и делает воровством своим и с подданными своими часто на дороге нарушения»⁷⁴. Последнее утверждение интересно тем, что среди «грабителей» указаны зависимые от алдаров (М. Есенов «с подданными своими»). Как видно, подвластные обязаны были «по первому зову своих феодалов немедленно стать под ружье и подчиниться их военному начальству»⁷⁵.

Работа на дороге в Грузию в конце XVIII — начале XIX вв. стала основной формой отработочной ренты зависимого населения Тагаурии (скорее всего — кавдасардов). Эксплуатация дороги приносила алдарам большие доходы: в среднем — 15 тысяч рублей серебром в год⁷⁶.

М. Энгельгардт и Ф. Паррот так объясняли источник богатства одного из горских владельцев: «Зажиточность Казбека не может быть... отнесена за счет земледелия, так же как и за счет доходов, приносимых ему многочисленными отарами овец, которые отлично процветают на альпийских лугах... Казбек должен иметь другие ресурсы»; он получал за перевоз от Дарьяла до

границ Высоких гор больших транспортов хлеба и амуниции, за содержание рабочего скота и т.д.»⁷⁷

Такое же значение имела дорога для многих тагаурских феодалов. «Фамилия Дударук (переселившаяся из Южной Осетии), — указывается в сборнике адатов осетин, — стала наравне с прочими охранять и исправлять горную дорогу, пролегающую в их ущелье, и получать 10-ю часть сбора, взимаемого с купцов и товаров, следовавших этою дорогою». Только алдары Дзантиевы, «переселившиеся к тагаурцам в недавнее время», не принимали участия в эксплуатации Военно-Грузинской дороги и были лишены права участия «в дележе пошлин»⁷⁸.

Существенной статьей доходов феодалов был сбор различного рода штрафов за оскорбление личности феодала, нарушение его постановлений, неподчинение приказам и т.д. Даже «за обиду дворовых людей» феодала крестьяне платили штраф — быка⁷⁹. Быка получал феодал и в случае раздела имущества крестьянина, и в случае выдачи дочери замуж и т.д.⁸⁰

Информативными источниками о Тагаурии XVIII в. являются материалы путешественников и членов экспедиций АН России. Особенно интересные сведения сообщают Л. Штедер и Ю. Клапрот. Штедер описывает Тагаурию как область по рекам Кизил (Гизель) и Генал. В 16 верстах от истоков Генала расположился аул Кобань, где путешественника хорошо принял «и проводил далеко с проводниками и охраной» старшина аула Суров-Илик. На правом берегу реки находился аул *Дергунш* (Даргавс) — «местечко большое и имеет по большей части каменные жилища, между которыми на северо-восточной стороне поднимается укрепленный замок старшины Каншава»⁸¹.

Ю. Клапрот, в 1807 – 1808 гг. возглавлявший кавказскую экспедицию Академии наук России, уточнил владения тагаурских феодалов. На правом берегу р. Генал, у ее истоков, лежали аулы Нижний Саниба, принадлежавший фамилии Кундуховых, и аул Есеновых — Верхний Саниба. На левом берегу рядом располагались три аула: «Рибанкак-Туманекау, или Верхнее селение фамилии Туманате; Индаг-Туманекау, или Нижнее селение фамилии Туманате»; Кани — владение Шанаевых. По берегам р. Кизил находились аулы феодалов Кануковых — «Цизил Кобан, или Маленький Кобан», Мамсуровых совместно с Кануковыми — Даргавс, защищенный башнями. В горах, в пяти верстах от слияния Кизила и Генала «расположены селения Истир Кобан или Большой Кобан, принадлежащие» Аликовым, Бета и Мирзабеку Тулатовым. На левом берегу разбросаны аулы Дударовых — Балта, Чми, Ларс⁸².

Как правило, одна фамилия феодалов владела одним аулом, реже — двумя. Фамилии, имевшие три селения и больше, были редким исключением. С другой стороны, община и вотчина феодала не всегда совпадали. Как отмечено выше, нередко в пределах вотчины находилась лишь часть территории общины. Соответственно, реализация феодальных прав осуществлялась на

ограниченной территории. Это отметил Ю. Клапрот: «Все осетинские старейшины имеют собственных крестьян, пленных или купленных рабов, прислуживающих им в доме, а также свободных подданных», с которых взимали «весьма умеренный налог». «Свободные подданные» могли «переменить хозяина или место обитания»⁸³. В этом случае крестьянин выходил из сферы эксплуатации одного феодала и попадал в зависимость к другому.

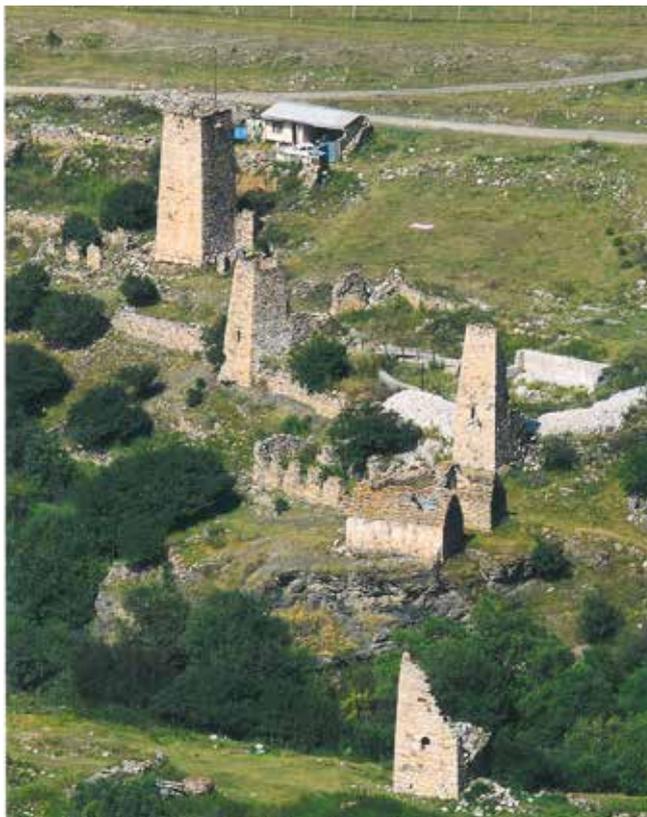
Если в нагорной полосе крестьяне нередко имели собственную пашню, то в предгорных районах положение обстояло иначе. «Терекские старшины» Дударовы являлись собственниками почти всей земли под пашней⁸⁴. «При том ни одна из других фамилий не пользовались такими правами в отношении поземельной собственности, как фамилия Дударовых, — отмечали чиновники комитета по разбору личных и поземельных прав жителей Владикавказского округа, — потому что люди, подвластные тем фамилиям, сами имели землю, тогда как подвластные Дударовых не могли иметь никакой собственности»⁸⁵. Разумеется, во владениях других феодалов были безземельные крестьяне, но часть крестьян владела, пусть незначительными, пашенными участками.

Право собственности господствующих сословий распространялось не столько на пахотные участки, сколько на пастбища и сенокосы. Аналогичная картина наблюдалась в раннее средневековье и в странах Западной Европы. Согласно анализу С. Д. Сказкина, в состав вотчины входили главным образом не пахотные земли, а леса, пустоши, болота и т.д. В прежние времена они составляли общинную собственность, а неопределенность прав на них со стороны крестьян позволяла феодалам раньше всего захватить именно эти угодья, пользование которыми обусловило дополнительные повинности в их пользу⁸⁶.

Особую значимость характеру собственности на пастбища и сенокосы придавала структура хозяйства горцев, в котором скотоводство преобладало над земледелием. В собственности феодалов находились и плодородные долины горной зоны. В частности, в распоряжении тагаурских алдаров Дударовых находились долины «Балта», «Редант»; Кануковым и Тулатовым принадлежала долина «Кобан», дигорским баделятам Кубатиевым — «Саир» и «Фадау» на р. Урсдон, Тугановым — «Сурх» на р. Урух и т.д.⁸⁷.

Специфической чертой феодального землевладения средневековой Осетии являлась принадлежность земли, как правило, всему феодальному клану. Примером, иллюстрирующим это правило, могут служить владения Тулатовых — Нижний Кобан, Есеновых — Верхняя Саниба, Тугановых — Тменикау, Жантиевых — Какадур и др.

Сохраняет актуальность вопрос о значении отдельных феодалов в жизни общества. Формально, по нормам обычного права, все алдары и баделята были равны между собой, т.к. происходили от одного предка⁸⁸. Однако они различались по размерам владений и числу подданных. Попытка отдельных

Боевые башни. Селение Даллагкау

Боевая башня Мамсуровых. Селение Даргавс

феодалов выделиться из общей массы привилегированного сословия нашла отражение в родословных. Как известно, тагаурские алдары, за исключением Дударовых, выводили свой род от мифического армянского царевича Тага. Но что интересно: три фамилии — Тулатовы, Алдатовы и Шанаевы — вели свой род с третьего колена потомков Тага. Еще три фамилии — Тулатовы, Мамсуровы и Есеновы — с четвертого, тем самым должны были считаться «младшими» по отношению к первым трем фамилиям. Кануковы своим пра-родителем считали Канбия, который по родословным других феодалов был сыном Тага, но имя Тага не фигурирует в родословных Кануковых. Подчеркивая древность рода, Тхостовы выводили его со второго колена потомков Тага. На самом же деле они были едва ли не беднейшей фамилией среди алдаров. В 40-е гг. XIX в. некоторые члены этой фамилии, «претерпевая совсем крайность», неоднократно обращались к местной администрации с просьбами о выделении земли для жительства⁸⁹.

Разумеется, родословные не могут служить критерием для определения различий в положении феодалов. Таким критерием является размер хозяйства и число зависимых крестьян. Если судить по этим признакам, то самой крупной фамилией среди тагаурских феодалов следует признать Дударовых. Им принадлежало все пространство от Балты до Чми. Этими землями они владели «в то время, когда Грузия еще не была присоединена под скипетр России»⁹⁰. Владения Дударовых еще более возросли в первой трети XIX в. — 11 аулов составляли их собственность. Несколько сот зависимых крестьян проживало на их земле. Только в деревне Иналово, принадлежавшей наследникам Инала Дударова, в середине XIX в. проживало 67 дворов фарсаглагов⁹¹. Для сравнения приведем статистические сведения, почерпнутые из рапорта Ивелича графу Гудовичу от 28 ноября 1806 г. о количестве зависимых крестьян у других алдаров. У всей фамилии Шанаевых подданных насчитывалось 140 дворов, у Кануковых — 90 дворов, у Тугановых — 80 дворов, у Кундуховых — 60 дворов⁹².

Фамилия Дударовых пользовалась большим влиянием за пределами общества. В 1771 г. один из Дударовых «князь Ахмет доставил грузинскому царю Ираклию несколько сот взятых на службу осетин»⁹³. В начале XIX в. Д. Буцковский писал, что «состояние терских (Дударовых. — Ред.) гораздо превосходнее кобанцев, поелико имеет случай продавать за весьма высокие цены всякие съестные избытки, подряжаясь также к перевозке через занимаемый ими участок... транспортов»⁹⁴. По свидетельству очевидцев, Дударовы во второй половине XVIII в. с проезжающих в Грузию и из Грузии торговцев получали пошлину большую, чем другие алдары: сначала купцы платили всем уазданлагам, принимающим участие в эксплуатации Военно-грузинской дороги, а затем отдельно — Дударовым⁹⁵. А. Андреев считал Дударовых «полными господами движения, шедшего вдоль Терека... В силу

этого никто не мог пройти без их ведома, и каждый платил за право прохода все, что они требовали»⁹⁶. Ежегодно доход пошлин, по заявлению Дударовых, «простирается до 30 т. руб. сер.»⁹⁷.

В начале XIX в. по договору с царскими властями на Кавказе доходы от эксплуатации Военно-Грузинской дороги между алдарами делились поровну. Дударовы не мирились с таким положением и предпринимали попытки захватить сбор пошлин в свои руки. Так, в начале 1809 г. на дороге начались беспорядки. Причиной выступления феодалов был захват Дударовыми сбора пошлин с купцов. Алдары в жалобе графу Ивеличу требовали восстановить их права на эксплуатацию кратчайшего пути из России в Закавказье. В случае удовлетворения требования они обещали прекратить беспорядки. Власти поспешили вмешаться в дело, и конфликт был исчерпан⁹⁸.

Куртатинское общество. В дореволюционной литературе внутри Куртатии выделяли «Цимитинское» общество, «цимитинских» старшин. В этой связи, возможно, станут понятными противоположные друг другу суждения буржуазных историков, как и противоречивые данные русских офицеров о социально-политическом строе Куртатинского общества. Когда Д. Буцковский в 1812 г. доносил, что куртатинцы «старшинами же управляются, коих власть однако же весьма ограничена»⁹⁹, то он, вероятно, описывал поселения «Белых» гор. И. Бларамберг в докладе генеральному штабу в 1826 г. характеризовал, на наш взгляд, часть Куртатии, расположенную в менее благоприятных географических условиях: «по не состоянию у них старшин управление народное, основанное на совершенном равенстве»¹⁰⁰. Последняя оценка ошибочна. Современные историки-кавказеды общественное развитие куртатинцев определяют как феодальное. Но развитие феодальных отношений в различных районах «вольных» обществ было неодинаковым.

Старшины аулов, расположенных в полосе «Белых» гор, являлись собственниками относительно больших участков пашни, пастбищных и сенокосных земель. В прошении Есиевых и Тезиевых в комитет Кундухова говорится, что эти две фамилии «вместе с другими фамилиями куртатинскими владели землями» в горах и отдельно в долине Карца, где каждая из двух фамилий имела по аулу. Крестьяне называли их «своими алдарами, платили... подать со всего, что имели». Если кому-нибудь из феодалов приходилось платить за кровь, то крестьяне вносили в уплату «кто вола, кто корову, кто ружье, кто медный котел и т.п.». В стычках с феодалами из соседних аулов подвластные Есиевых и Тезиевых выступали на стороне своих узданлагов. Справедливость сообщения Есиевых и Тезиевых подтвердили жители Карца и кабардинские князья¹⁰¹.

Л. Штедер и Ю. Клапрот сообщают нам о земельной собственности высших сословий Куртатинского общества. Аул Кора принадлежал Тамаевым, Барсикау — Гуриевым, владения Цаликовых находились на р. Халгон, а Есиевых — на р. Фиар¹⁰².

Интересен вопрос о связях собственности фарсаглагов (частной и общинной) с их отношениями с феодалами. Здесь уместно вспомнить слова А. И. Неусыхина: «Собственность и свобода неразрывно связаны друг с другом»¹⁰³. В части Куртатинского общества «удельный вес» домениального хозяйства был меньше «удельного веса» мелкокрестьянского хозяйства. Но, на наш взгляд, следует говорить не столько о неразвитости здесь феодальных отношений, сколько об их особой форме. Использование труда кавдасардов в хозяйстве уазданлагов уже свидетельствует о его феодальном характере¹⁰⁴. Да и рядовых общинников, не входивших в состав вотчины, нельзя назвать свободными в полном смысле слова. Понятие свобода трактуется по-разному в каждую историческую эпоху. Сведение терминов прошлого к современным будет ошибкой, приведет к их искажению¹⁰⁵. Средним векам не присуще определенное понятие свободы: нет ни полной свободы, ни полной несвободы. Параметры свободы зависели от того, какими правами обладали ее носители.

Фарсаглаги «демократических» районов эксплуатировались уазданлагами при помощи институтов зиу и австау — специфических форм отработочной ренты. Кавказоведы, трактующие «вольные общества» как дофеодальные структуры, главный аргумент видят в наличии относительно свободного крестьянства. В частности, В. П. Невская считала, что процесс феодализации у народов Северного Кавказа к XIX в. еще не завершился. «Свободный общинник оставался основной фигурой горского общества»¹⁰⁶. Однако, прибегая к синхростадиальному сравнению, заметим, что в Европе к концу периода раннего средневековья почти повсеместно сохранились остатки слоя свободных мелких собственников, или даже значительного их слоя. Не исчезла повсеместно и свободная община. В этой связи заслуживает внимания идея А. Я. Гуревича: «Многоукладность — не второстепенная черта феодального мира, а характерный признак всякого докапиталистического классового общества»¹⁰⁷.

На протяжении веков борьба за землю в Осетии шла не только между крестьянами и феодалами, но и внутри общины. К XVIII — началу XIX вв. оформилась многочисленная группа зажиточных крестьян, обладавших довольно значительной земельной собственностью, большими стадами. Обеспеченность землей фарсаглагов Кусовых, Козровых, Дзгоевых, Бугуловых не уступала владениям иных алдаров. Бугуловы, например, имели пахотные, сенокосные и пастбищные земли в Хилаке, Верхнем и Нижнем Кора, «а также усадьбы в весьма хорошем качестве»¹⁰⁸. Фидаровы и Кусовы жили в горном ауле Саниба, пользовались землями наравне с алдарами Есеновыми и Алдатовыми; «никто из этих фамилий один к другому не имеют никаких преимуществ»¹⁰⁹.

Фарсаглаги Тархановы обитали в ауле Кадат, где имели жилые дома, хозяйственные постройки, пахотные, сенокосные и пастбищные земли¹¹⁰. Такие

же угодья имели Бзаровы в ауле Генал. Томаевы жили в с. Какадур, имели «4 жилых дома с дворами, 4 мест молотных, 4 мест для хранения навоза, 2 мельницы, 32 загона пахотной земли и 4 мест сенокошения»¹¹¹.

Нормы обычного права в определенной мере проливают свет на формирование крупной крестьянской собственности. По 25 статье адатов в записи Норденстренга, «фарсаглаги имеют право владеть землю, приобретенную покупкою или полученною по наследству». В рассматриваемый период хозяйство зажиточного крестьянина могло приносить излишки, которые привели бы к накоплению суммы, достаточной для покупки земли у фарсаглагов.

С вопросом о крестьянском землевладении связан вопрос о землепользовании общинников. Земельные наделы абсолютного большинства фарсаглагов не могли обеспечить семью хлебом на весь год; часть их вовсе не имела пашни. И те, и другие вынуждены были обращаться к феодалам. После переселения на равнину получила распространение аренда земли. Переселившиеся на равнину в начале XIX в. Бзаровы свою землю в ауле Генал сдали «в аренду на половинной части засева оставшимся там» жителям¹¹². Албеговы и Хосоновы потомственные земли в Алагирском ущелье «отдали в аренду своим родственникам на половинной части засева»¹¹³. Барукаевы отдали свои участки в Даргавсе «поселившимся там покорным горцам с половинной части засева хлеба или денег»¹¹⁴.

Сдавать участки в аренду могли все землевладельцы — как крестьяне, так и феодалы. Условия аренды были очень тяжелыми. За землю с каждого бонконда (мера зерна, собранного за день; приблизительно равна 20 кг), равного двум копнам или 120 снопам, арендатор уплачивал три меры зерна. Но т.к. «бонконд» только «в очень урожайные годы» давал шесть мер зерна, то плата за аренду составляла «в громадном большинстве случаев больше половины урожая». К тому же расходы по обработке почвы, посеву и т.д. падали на арендатора. С вычетом всех расходов он, как отмечал Е. Максимов, получал очень мало, или еще чаще — «одни убытки»¹¹⁵. Можно согласиться с Е. Максимовым, что это тяжелые условия аренды, но в горах в условиях острейшего «земельного голода» и не могло быть иначе.

Аренда земли в первой половине XIX в. получила такое распространение, что выработались специальные нормы адата. При изучении общественного строя осетин недостаточное внимание уделялось исследованию земельных отношений по обычному праву. В этом смысле работа А. Есиева «Обычное земельное право и право землевладения у горных осетин Терской области» и статья С. Туккаева «В горах Дигории» восполняют этот пробел. К тому же они являются едва ли не единственными источниками по вопросу аренды земли по обычному праву — «хаццон хай».

На этих условиях, как сообщает А. Есиев, пашня отдавалась в аренду сроком на 4 года. Постройками арендатор пользовался даром, а за пахотные

земли ежегодно отдавал не менее половины урожая. С согласия землевладельца арендатор мог обмолотить его долю, за что получал всю солому. Сенокосы на условиях «хаццон-хай» выделялись на один год; 1/3 скошенного сена отдавалась владельцу земли¹¹⁶.

Материалы, приводимые С. Туккаевым, дополняют сведения А. Есиева. Первый уточняет размеры урожая, получаемого хозяином земли с арендатора, детализирует условия, на которых арендовался участок пашни или луга. Автор отметил, что с участков, расположенных вблизи селения, арендатора можно удалить только после снятия третьего урожая; с участков, расположенных вблизи селения, — «после снятия одного урожая»¹¹⁷. Эти сведения относятся к горным районам. На равнине пашня отдавалась в аренду только на один год и за меньшую плату — 1 десятину за два или три рубля¹¹⁸.

А. Есиев сообщает также о двоякого рода залоге земли: один срочный — «тынды», другой бессрочный — «бафстау». В первом случае оценивался участок земли и затем назначался срок его выкупа. Если землевладелец не мог выкупить его сам, то право выкупа предоставлялось ближайшим родственникам-однофамильцам. Во втором случае участок земли мог оставаться в залоге очень долгое время. При выкупе заложенного пахотного участка необходимо было вносить выкупную плату накануне перепашки под пустошь¹¹⁹. Залог земли являлся одним из каналов формирования крупной земельной собственности.

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Обращает на себя внимание сосуществование в горах Осетии феодальной и крестьянской (частной и общинной) собственности. Иными словами, в горах вотчина не совпадала с общиной. Между вотчиной и общиной шла упорная борьба за землю, людей и права — по определению Ю. Г. Алексева — основное содержание аграрной и социальной истории и главное направление классовой борьбы в раннефеодальный период¹²⁰.

Когда говорят о борьбе за землю как факторе феодализации, это не следует понимать прямолинейно. Предпосылкой феодального подчинения мелких свободных землевладельцев была не экспроприация их как собственников, хотя этот процесс имел место, а апроприация — подчинение общинников вместе с наделами власти крупных землевладельцев.

Следует отметить отсутствие монопольной земельной собственности в Северной Осетии. Как известно, расчлененной форме собственности соответствует расчлененная (раздробленная) структура власти¹²¹. Не стала исключением и Северная Осетия, где, как во всяком феодальном обществе, политические функции государства взяла на себя вотчина. В соединении земельной собственности и политической власти многие юристы видят характерную черту феодализма. Это соединение в руках феодалов являлось политической основой децентрализации¹²².

Феодальная знать Осетии подразделялась на несколько сословий. В Куртатинском и Алагирском ущельях высшее сословие носило название уазданлаг «благородный человек» или тыхджын мыггаг «сильная фамилия».

Сведения о численности привилегированных фамилий неопределенны. Из куртатинских феодалов по документам середины XVIII в. нам известно имя только одного старшины — «Патермирза Давидов сын прозванием Кутат»¹²³, после крещения в Петербурге — Егор Куртаулов. Но таких фамилий в то время в Осетии не было. К сожалению, источники не сообщают о нем ничего существенного. В настоящее время трудно установить фамилию Патера (Батыра) Куртаулова. Известно лишь, что он жил в с. Дзивгис.

В Дзивгисе до сих пор рассказывают предание, в котором говорится, что Патермирза Кутатский — это старшина аула Батыр Абадиев (Абациса). Он «был известен не только в Куртатинском ущелье, но и во всей Осетии», три года провел в Петербурге, где выучился русскому языку и грамоте, приобрел много друзей и знакомых. Позднее послал в Петербург сыновей, там «они учились и стали офицерами и генералами». Как повествует предание, во время отправки осетинского посольства в Россию Батыр Абадиев не мог назвать своего имени и фамилии из-за того, что его родственник убил кабардинского князя, и Батыр опасался кровной мести¹²⁴. В предании много неясного. Например, не понятно, почему в нем Абадиев назван старшиной аула Дзивгис? По архивным документам XVIII в. и литературным свидетельствам XIX в. в Дзивгисе старшинами были Фарниевы¹²⁵.

Архимандрит Пахомий летом 1750 г. сообщил в Сенат, что «между Кутатинских народов» кроме Патермирзы еще имеются старшины «человек до седми, кои де тем народом правят все общим согласием»¹²⁶. Архимандрит не назвал имен и фамилий этих уазданлагов. В «Именном списке осетинских старшин», составленном А. Батыревым в 1774 г., значатся Гуци Гуриев, Жангирей Соков, Солта Фарниев, Бата Томаев, Нафи Сузаков, Гоги и Федор Цопановы, Бахтигирей Есиев, Фома Быдаев¹²⁷.

Мощным импульсом для развития феодальных отношений стало переселение на плодородную равнину в начале XIX в. Например, в 20-е гг. XIX в. Цаликовы переселились в Кадгарон, Есиевы, Тезиевы и Борсиевы — в Суадаг. На новом месте феодалы значительно увеличили эксплуатацию крестьян¹²⁸.

Развитию феодальных отношений в «демократических» обществах способствовала практика раздачи царизмом общинных угодий горцам, продвигавшимся на гражданской или военной службе. Такие случаи, хотя и редкие, имели место. Так, юнкер Мамсыр Хуцистов получил свидетельство на большой участок в Дзивгисе — «Хиллаг-фаз», принадлежавший всем жителям аула. Крестьяне в жалобе в Терско-Кубанскую сословную комиссию отметили, что Хуцистов в горах не имел ничего «кроме одного клочка земли, которую он продал давно тому назад». Они просили разобрать их «правое дело и

возвратить» им землю. Ответа не последовало. Тогда фарсаглаги во главе со старшиной Шота Фарниевым, который не без основания видел в Хуцистове конкурента в эксплуатации крестьян, силой захватил «Хиллаг-фаз». В результате разбирательства, проведенного майором Дударовым (в интересах Хуцистова), земля была закреплена за юнкером и его потомками; «на владение оным прочие жители Куртатинского общества никакого права не имеют», — заявил Дударов¹²⁹. Закрепление за Хуцистовым большого участка, принадлежавшего ранее общине, внесло существенные коррективы в организацию его хозяйства — Хуцистов стал получателем феодальной ренты. Интересно, что появление новой прослойки феодалов из бывших крестьян отмечается только в «демократических» районах Осетии. Это объясняется тем, что здесь имелось немало общинных угодий, находившихся вне контроля местных феодалов. Эти-то общинные угодья и передавались в собственность отдельных лиц, что меняло характер их отношений с крестьянами.

По показаниям депутатов от Дигорского и Тагаурского обществ, куртатинские уазданлаги брали жен из домов тагаурских алдаров, дигорских баделятов и кабардинских узденей¹³⁰.

За покушение на феодала отвечал весь аул, в котором жил покушавшийся. Например, за кровь убитого куртатинского уазданлага помимо кровной платы все односельчане кровника феодала давали одного быка пострадавшему привилегированному роду. Этим приношением селение «как бы винулось перед сильным родом, желая избежать его открытого нападения и мести». Подобный случай имел место в начале 40-х гг. XIX в. в ауле Дзивгис «по убийству Гутиевым Фарниева»¹³¹.

Основную массу крестьян Восточной Осетии составляли фарсаглаги — некогда свободные общинники, они в XVIII в. не были социально однородной категорией и разделялись на несколько групп. Данное обстоятельство не нашло должного отражения в историографии.

Малочисленную группу фарсаглагов составляли зажиточные крестьяне, обладавшие довольно значительной земельной собственностью, большими стадами. Земельная собственность фарсаглагов Кусовых, Козровых, Дзгоевых и Бугуловых не уступала по своим размерам владениям иных алдаров. Бугуловы, например, имели пахотные, сенокосные и пастбищные земли в Хилаке, Верхнем и Нижнем Кора, «а также усадьбы в весьма хорошем качестве»¹³². Фидаровы и Кусовы жили в горном ауле Саниба, пользовались землями наравне с алдарами Есеновыми и Алдатовыми, «никто из этих фамилий один к другому не имеет никаких преимуществ». Фарсаглаги Тархановы жили в ауле Кадат, где имели жилые дома, хозяйственные постройки, пахотные, сенокосные и пастбищные земли. Такие же угодья имели Бзаровы в ауле Генал¹³³. Томаевы жили в Какадуре, имели «4 жилых дома с дворами, 4 мест молотных, 4

места для хранения навоза, 2 мельницы, 32 загона пахотной земли и 4 места сенокосства»¹³⁴.

Трудно установить точные размеры хозяйства зажиточных фарсаглагов, т.к. источники по этому вопросу указывают только на наличие земельной собственности, но не указывают ее размеров. Статистический материал встречается в более поздних документах. Так, в январе 1860 г. житель с. Даллагкау Н. Хаматов в прошении в сословный комитет сообщал, что по наследству от предков к нему перешел пашенный участок в 500 дес., с которых он снимал ежегодно 200 четвертей зерна. Кроме того, ему принадлежал «лесной и сенокосный» хутор Хамыцкула. Хаматов предоставил свидетельство, выданное ему в 1857 г. 15 «лучшими куртатинцами», подтверждавшее, что он владеет 500 дес. земли, в урожайные годы собирает до 200, а в неурожайные — 120 четвертей хлеба¹³⁵. Можно признать достоверным, что перечисленные в прошении угодья принадлежали предкам Хаматова. Сомнение вызывают размеры пашни и собираемого урожая. 500 дес. для крестьянина-горца (даже учитывая, что это зажиточный фарсаглаг) — цифра, поверить которой весьма трудно. Да и размеры собираемого урожая выглядят неправдоподобными: в зависимости от погодных условий Хаматов должен был собирать от 15,36 до 25,6 тонн зерна. Возможно, писарь перепутал русскую полевую меру с осетинской; в этом случае 500 *бонкондов* равны примерно 167 дес., а в урожайные годы Хаматов собирал с 1 дес. около 183 кг зерна, что ближе к истине.

В хозяйстве богатых фарсаглагов использовался труд кавдасардов и рабов. По адату только привилегированные сословия могли владеть кавдасардами. Но жизнь ломала вековые традиции и вносила коррективы в нормы обычного права, нарушать которые зажиточных крестьян заставляла острая нужда в рабочих руках. В рассматриваемый период зажиточные фарсаглаги имели кавдасардов. У А. Церикова, например, было два семейства кавдасардов; имели кавдасардов предки Н. Хаматова, сам он получил «по наследству несколько женщин», составивших его домашнюю прислугу; у Томаевых было 36 кавдасардов мужского пола¹³⁶. Некоторые крестьяне нанимали работников. Известно, что в 1775 г. казак С. Киреев отдал младшего брата куртатинцу К. Кабулову «в работники для пасьбы баранов, с тем уговором, чтоб каждый год с зарплатою по пяти баранов»¹³⁷. В середине XIX в. Б. Боцоев «по собственному бедному состоянию... поступил в работники к тагаурскому жителю деревни Кобань Саг Накусову», у которого «по найме» отработал 2 года. Затем «по найме» же пошел в работники к З. Дидарову из Ардона¹³⁸.

Таким образом, рассматриваемая группа крестьян вела довольно обширное хозяйство, используя труд не только кавдасардов и рабов, но и фарсаглагов. Определение социального облика зажиточных крестьян зависит от того, чьими силами велось их хозяйство. Советские медиевисты различали вотчину крестьянского типа, предполагавшую личный труд собственника на-

ряду с трудом зависимых и несвободных, и собственно феодальную вотчину, основанную исключительно на взимании ренты¹³⁹. К сожалению, мы не можем со всей определенностью ответить на вопрос: участвовали члены семьи владельца (без учета труда кавдасардов) в ведении хозяйства, или нет. Однако достоверно известно, что на Кавказе высшие сословия образовывали замкнутые сословные группы. После присоединения к России крестьянская верхушка длительное время пыталась выделиться из общей массы общинников и юридически закрепить имущественное неравенство в сословных различиях.

В восстании против персов в войске эристава Шанше насчитывалось значительное число осетин. В грамоте 1746 г. эристава Шанше, данной Дочико Томаеву, написано: «во время войн, (нам), арагвским эристам много и честно служили... много сделали, чем только сможем, всегда будем к вам милостивы и желать всего доброго»¹⁴⁰. В феврале 1750 г. Таймураз и Ираклий с 12-тысячным отрядом, в состав которого входили грузины, осетины, ингуши и кабардинцы, выступили к владельцам Еревана и Ганджи для защиты от набега врагов. Победу праздновали в Тбилиси. Как пишет Папуна Орбелиани, «отпустил государь черкесского князя, одарив щедро его и войско, войско потусторонних осетин, наполнил их всех дарами и отправил в свои страны». В 1753 г. для сражения с Аджи-Челебом Ираклий воспользовался формированиями черкесов, осетин и других горцев¹⁴¹. В 1754 году во время нашествия Нурсал-бека на Грузию царь Таймураз обратился за помощью к народам Северного Кавказа. В Анаури «приехали воины черкесов, калмыков, джиков, киштов, глигвов, ногайцев и осетин со своими предводителями»¹⁴².

Совместные выступления против захватчиков были весьма частым явлением. По свидетельству С.Д. Бурнашева, находившегося в Грузии с 1783 по 1787 гг., «Кабардинцы и Осетинцы служат на войне царя за жалованье, также некоторые роды Лезгинские... Осетинцы и Кабардинцы всегда дружны с Грузией»¹⁴³.

Крестьяне в течение длительного времени мечтали о переселении на равнину и даже предпринимали попытки основать там свои аулы. Но под давлением осетинских и соседних владельцев вынуждены были возвращаться в горы. Так, в 1784 г. жители аула Карца «пожелали» переселиться в местечко «Хетаг». Когда они начали «пахать землю к посеянию хлеба», то партия горцев, возможно, спровоцированная куртатинскими феодалами, собравшись «великою толпою, — жаловались крестьяне П.С. Потемкину, — рабочий наш скот 25 быков и 14 лошадей угнали, и 6 ружьев, плуги, топоры и всю одежду увезли, а из нас одного изрубили на части, а двоих смертельно ранили»¹⁴⁴. Сам же Б.П. Берозов приводит другой пример. 16 дворов жителей горного аула Нижний Карца в 1810 г. переселились в местечко «Суадаг». Их жизнь часто нарушали набегами кабардинские, осетинские и ингушские владельцы. Крестьяне вынуждены были вернуться в горы, а вскоре их поселение было сожжено¹⁴⁵.

Таким образом, цимитинские старшины — это феодалы, владевшие относительно большими угодьями. Эксплуатация крестьян здесь мало чем отличалась от эксплуатации фарсаглагов «аристократических» обществ. Узданлаги «вольных» аулов — это тоже феодалы. Но главными формами эксплуатации общинников в «демократических» районах Северной Осетии были отношения «зиу» и «австау»; значительная часть крестьянства сохраняла относительную свободу. Для характеристики «вольных» обществ Северной Осетии приемлемо использование известного высказывания К. Маркса: «Если рабочая сила незначительна и естественные условия труда скудны, то и прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны, с одной стороны, потребности производителей, с другой стороны, относительно невелико число эксплуататоров»¹⁴⁶.

Алагирское общество. В Алагирском обществе «удельный вес» домениального хозяйства был меньше «удельного веса» мелкокрестьянского. Но, на наш взгляд, следует говорить не столько о неразвитости здесь феодальных отношений, сколько об их особой форме.

На рубеже XVIII–XIX вв. влиятельной фамилией в Наро-Мамисонской котловине являлись Елихановы. В последней трети XVII в. они поддерживали дружеские отношения с карталинским царем Георгием XI и его братом Арчилем. В 1719 г. часть «осетинских дворян» Елихановых переселилась в Грузию. В течение XVIII в. туда же прибыли «осетинские дворяне Годобрелидзе... Шалмеликисшвили, осетинские дворяне из Двалети»¹⁴⁷.

Один из Елихановых — Зураб — воспитывался при грузинском царском доме. Являясь видным политическим деятелем, он играл при Вахтанге VI большую роль. Архимандрит Пахомий в донесении Синоду от 12 апреля 1745 г. сообщал о З. Елиханове: в Касарском ущелье «между ими знатной фамилии есть один... и оному главному имя Зураб Елиханов. У грузинского царя в доме воспитан и диалект грузинский хорошо знает, тако же и божественное писание знает же и как в сих местах, так и во всей Осетии он знатный человек и знают его от самых горских черкасов по тракту до внутри Осетии. Главные люди все ему родственники и свойственники и сей Елиханов и в России бывал...»¹⁴⁸.

По свидетельству иеромонаха Ефрема, З. Елиханов при Вахтанге был казначеем; вместе с ним отправился в Россию, жил в Москве и Санкт-Петербурге, в Осетию выехал в 1734 г.¹⁴⁹ По данным синодальной канцелярии, З. Елиханов «послушных имеет около 3-х тысяч человек»¹⁵⁰.

Алагирское общество находилось в полосе «Черных» гор. Становление феодальных отношений протекало здесь очень медленно. В процессе исторического развития из общей среды выделились «сильные» фамилии, накопившие в своих руках существенную часть общественных богатств¹⁵¹. Им

принадлежали лучшие нивы, луга, пастбища; земля простых крестьян как по качеству, так и по количеству уступала владениям новоявленных феодалов¹⁵². Предпочтение сильного и богатого слабому и бедному создало здесь ту рознь¹⁵³, те отношения господства и подчинения, которые характерны для периода феодализма. Крестьяне оказывали уазданлагам услуги «во время их работ»¹⁵⁴. Уазданлаги эксплуатировали фарсаглагов, используя институты взаимопомощи, которые, как уже отмечалось, с течением времени трансформировались и в рассматриваемый период представляли собой завуалированную форму эксплуатации. Уазданлаги Алагирского ущелья эксплуатировали особую группу крестьян — агузов. Так именовались пришельцы из других обществ; «они считались ниже природных алагирцев». Еще большей эксплуатации подвергались кавдасарды. Их положение «было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе»¹⁵⁵. В хозяйстве уазданлагов использовался труд немногочисленной категории рабов. Раб, которого можно было продать, убить, помиловать, «делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев»¹⁵⁶.

Селение Вельта по дороге на Мамисонский перевал

Сословные различия утвердились и в быту. Например, *ирад* (калым за невесту) «являлся мерилем достоинства крови». Так, у уазданлагов Нарской котловины размер ирада составлял 100 коров, причем непременно скотом отдавалась 1/5 часть калыма, а остальная — пашнями, оружием, медными предметами и т.д. Ирад у крестьян был не ниже 25 и не выше 30 коров. Кровь уазданлага также ценилась гораздо выше, чем кровь крестьянина. Феодалы выполняли административно-полицейские функции, «их приглашали судить и примирять враждующих». Источником экономической мощи уазданлагов

были также набеги. «В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они, а при дележе добычи львиная доля доставалась им»¹⁵⁷.

Дигорское общество. В западных районах Северной Осетии высшие сословия носили названия *баделята*, *царгасата*, *гагуата*. По данным «Очерка сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей», составленного чиновниками Терско-Кубанской сословной комиссии, баделята в Дигории пользовались большим влиянием и властью над народом, чем алдары в Тагаурии. Баделята «могут быть сравнимы только с первостепенными ворками Кабарды. Нет ни одного сословия в Дигории, которое не находилось бы в зависимости от них»¹⁵⁸. Как писали путешественники, дигорские крестьяне «зависят от Бадиллов или Бадиллатов, рыцарского сословия, живущего в горах»¹⁵⁹. В 1845 г. баделятов было 45 семейств — 169 д.об.п.¹⁶⁰ Кроме баделятов в Дигории к высшему сословию относились гагуата в Дони-фарсе и царгасата в Стыр-Дигории. В 1864 г. в горах и на равнине проживало 32 двора царгасатов (118 д.об.п.) и 13 дворов гагуатов (147 д.об.п.). Из всего населения Дигории (1350 дворов) сословия царгасатов, гагуатов и баделятов составляли соответственно 2,3%, 0,9%, 3,39%¹⁶¹.

Принято считать, что в средние века преобладание сельского хозяйства над ремеслом предопределило важную роль собственности на землю — главное средство производства.

У баделятов, как и у алдаров, феодальная собственность на землю выражалась во владении именем-аулом, который в большинстве случаев принадлежал членам какой-то одной фамилии. Так, баделятам Кубатиевым принадлежали два поселения в верховьях р. Урсдон. Недалеко от них находился аул Дур-Дур, «считавшийся за баделятской семьей Таговер» (Тугановы), которая в бытность Штедера в Дигории состояла из семи братьев¹⁶². По данным Ю. Клапрота, Тугановы жили в Хинашкау, Гуларкау (70 дворов) и нескольких аулах на реке Дигор и Черекдон. Во всех селениях Тугановых было 400 дворов крестьян. На р. Урух располагался аул Караджау (или Маскуава) Каражаевых; Кобановым принадлежало селение на р. Лескен¹⁶³.

Установление союза с кабардинскими князьями позволило осетинским феодалам основать в предгорье аулы. В XVIII в. известно несколько равнинных поселений баделятов. Так, на карте Кабарды 1744 г., составленной геодезистом С. Чичаговым, отмечено село Караджау, «а живут в нем караджаевцы христианского закону»¹⁶⁴. В 1753 г. опять упоминается с. Караджау на р. Урух «в протекции у Койтукина рода»¹⁶⁵. По сведениям ротмистра А. Шелкова, в 1768 г. в Караджау насчитывалось 100 дворов¹⁶⁶. П.Г. Бутков писал, что в 1786 г. 380 «осетинцев-караджаевцев» выразили желание принять христианство, а более 100 уже приняли¹⁶⁷.

Л. Штедер в 1781 г. наряду с Каражаево отметил предгорные владения Тугановых (Дур-Дур) и Кубатиевых (Кора-Урсдон). На берегу р. Белой Кубати-

евы со своими крепостными поселились, «пользуясь покровительством кабардинских князей»¹⁶⁸. Время строительства башни Кубатиевых в этом ауле В.Х. Тменов определяет XVII–XVIII вв.¹⁶⁹. Образование Дур-Дура Д.А. Дзагуров относил к концу XVIII — началу XIX вв., а М.В. Рклицкий — к XVIII столетию¹⁷⁰. В середине XVII в., как считает Б.П. Берозов, на равнине появилось несколько селений дигорских феодалов: Каражаево, Кубатиево, Вассилово и Тума. К такому выводу исследователь пришел в результате анализа «отдельных сведений, разбросанных по разным документам, а также полевого материала»¹⁷¹. По данным Б.П. Берозова, аул Дур-Дур основан в XVII в. и в 1771 г. состоял из 204 дворов. Дата образования названных аулов, за исключением Каражаево, вызывает сомнение. Н.Г. Волкова обратила внимание на то, что из перечисленных Штедером дигорских равнинных поселений на карте Кабарды 1744 г. известно лишь Каражаево. Остальные, резонно замечает автор, возникли в промежутке между 40-ми гг. XVIII в., когда в этих местах побывал Штедер¹⁷². Об этом же свидетельствовал Ю. Клапрот в начале XIX в.: поселения Кубатиевых на Урсдоне, Каражаевых на Урухе и Кобановых на Лескене «были построены около 60 лет тому назад на отроге гор, когда фамилия Тау-Султанов покинула земли, занимаемые ею раньше, и переселилась дальше к северу в Малую Кабарду»¹⁷³.

Л. Штедер в 1781 г. писал, что баделята «вступают в брак между собой или с самыми знатными кабардинскими семьями».

Кровь феодала у осетин ценилась баснословно высокой суммой: 3240 коров, медный чан, топор, веревка, черный баран, черное руно с одного барана. Сверх этого убийца отдавал одному из родственников убитого свою дочь замуж, не получая за нее калым; он же готовил угощение, для которого резал 12 баранов; в добавление ко всему в качестве морального наказания виновный должен был при народе упасть на колени перед тем, «кто ищет кровь... и просить прощения». Кровь же рядового общинника ценилась в 60 коров¹⁷⁴.

В Дигорском обществе за убийство феодала платили 15 предметов, из которых 5 людьми, 5 землями, 5 железными вещами и лошадьми. В переводе на деньги полная кровная плата составляла 3900 рублей. Кроме того, виновный должен был угощать 100 родственников убитого¹⁷⁵. В случае бегства убийцы все его имущество и семейство, включая жену, поступало в распоряжение родственников убитого. За «поранение» феодала платили штраф — мальчика или девочку¹⁷⁶. За нанесение удара узданлагу крестьянин платил штраф — быка¹⁷⁷. Принцип возмездия у народов Северного Кавказа в средние века В.К. Гарданов образно сформулировал следующим образом: «За око — два ока, за зуб — всю челюсть»¹⁷⁸.

Иначе решались дела между феодалами. По свидетельству вдовы одного узданлага (в документе ее имя не указано), если у узденя уздень же

«убьет или украдет сына и запродаст и не может возвратить, то во удовольствие обиженному должен учинить 1-е — отдать от себя ежели имеет сына или 2-е — за кровь заплатить 100 скотин и еще подростка холопа и хорошую лошадь со всем конским прибором»¹⁷⁹.

Под охраной норм обычного права находилось имущество привилегированных родов Северной Осетии. За воровство «из базу старшины» платили мальчика или девочку и варили пиво. За воровство «лошадей, скота или баранов» платили «за каждую голову по десяти». «Кто уворует с мельницы старшины муку, штрафуетя быком». В то же время за воровство скота у фарсаглагов взыскивалось только «по три штуки за каждую... украденную»¹⁸⁰.

Таким образом, адаты закрепляли преимущества высших сословий в таких важных вопросах, как безопасность личности и охрана частной собственности.

Феодалы выполняли в своих владениях и судебные функции, за что также получали «вознаграждение». Как отмечал Г. Лиахвели, медиаторами в Осетии «избирались определенные авторитетные лица *непрерывно из алдарского сословия*»¹⁸¹. Источниками поступления доходов феодалов, а в еще большей степени развлечением, были набеги («балцы»). Высшие сословия, «обладая множеством крестьян, возлагали на последних все работы, а само разъезжало на балц»; алдары и баделята не тратили время на «черную работу», считая ее для себя позорной. Часто набеги совершались господствующими сословиями Северного Кавказа сообща¹⁸². Так, дигорские и кабардинские феодалы неоднократно вторгались во владение гагуатов. Один из таких набегов отражен в песне о Есе Канукове. Она же иногда называется «сари Асланбек», «песня кабардинского алдара»; существует и одноименное предание¹⁸³.

События, излагаемые в песне, Б.В. Скитский относил к началу XIX в. (до 1811 г.), т.к. в Сари Асланбеке он видел князя А. Биасланова¹⁸⁴. Но нет ни одной редакции, в которой указывалась бы фамилия Биасланова; зато назван Арсланбек Кайтукин, кабардинский князь, глава кашкатауской партии (нач. XVIII в.). Другими основными героями песни во всех вариантах (всего записано, как выяснила Т.А. Хамицаева, более тридцати) являются Сафарали Каражаев и Муртазали Биев. Авторы хрестоматии по осетинскому народному творчеству, ошибочно определяя время жизни С. Каражаева, сюжет предания связывали с событиями XVI в., К. Казбеков — XVII в., А.Д. Мамсуров — первой половины XVIII в. Т.А. Хамицаева, проанализировав некоторые данные, пришла к выводу, что сюжет песни отражает реальную действительность первой четверти XVIII в.¹⁸⁵. К ее аргументации можно добавить факт, установленный Л.И. Лавровым: в 1715 г. С. Каражаев и А. Кайтукин были свидетелями при определении границ владений узденя И. Урусбиева¹⁸⁶. Это еще одно доказательство тесных связей феодалов Тапан-Дигории и Кабарды.

По мнению дореволюционных исследователей Л. Петрова и А. Лилова, именно из Кабарды в XVI–XVII вв. мусульманство стало распространяться в Осетии и, следовательно, содействовать укреплению уз между привилегированными сословиями обоих народов. Г.Д. Чиковани распространение ислама в Осетии относит к XII–XIII вв.¹⁸⁷, А.Х. Магомедов — к XIII–XIV вв.¹⁸⁸. Но утверждение мусульманства у осетин приходится на время после XVI в. Л.И. Лавров утверждение ислама в Осетии относил к середине XVIII в.¹⁸⁹ В любом случае ислам освящал и укреплял классовый союз осетинских и кабардинских феодалов. Заслуживает внимания сообщение Вахушти: «Некоторые главари (Осетии. — Ред.)..., сносящиеся с Черкесией, владеют черкесским и татарским — джагатайским»¹⁹⁰. Все изложенное служит показателем тесного союза баделят с кабардинскими феодалами, в предании о Е. Канукове представленного тандемом С. Каражаева и А. Кайтукина. Кстати, по отдельным редакциям предания А. Кайтукин был зятем Каражаевых¹⁹¹.

Сюжет песни — отпор донифарсцев во главе с Е. Кануковым совместного набега дигорских и кабардинских феодалов. Последние часто вторгались в Донифарс через перевал «Бафоны сартыл».

Предание рисует Есе «любящим бедный народ»; он, якобы, управлял ими, но не допускал к ним алдаров. С оценкой устной традиции согласна Т.А. Хамицаева, по мнению которой в Донифарсе социальные отношения не доросли до уровня феодальных, поэтому Есе — старейшина¹⁹², но не феодал. Мы не согласны с таким утверждением. В песне указывается на замок Кануковых с железными воротами. Галуан Кануковых — жилой, хозяйственный и оборонительный комплекс — один из лучших архитектурных памятников средневековой Осетии. Владельцем такого замка мог быть только феодал¹⁹³. А.Д. Мамсуров, изучивший 23 варианта песни и предания, писал: «Есе Кануков... все же знатного происхождения»¹⁹⁴.

Определяя место Есе в жизни Донифарса, исследователь может оказаться под впечатлением предания, представлявшем основного героя главой общества, чувствующего ответственность за его судьбу. Однако к данному источнику, как и любому другому, мы должны подходить как к общественному явлению. Только тогда его можно верно понять и истолковать. Рассматриваемая песня по преданиям составлена вслед за событием самим Есе Кануковым. Вспомним также, что баделята свое господство представляли как бескорыстное служение народу. В одном из показаний дигорских феодалов сословной комиссии в 1849 г. говорилось: в прежние времена баделята защищали крестьян, «как собственных, выкупая, возвращали оных родным и защищая, умирали за свой народ»¹⁹⁵. И свидетельство предания, и сообщение баделят — тактический ход, попытка обосновать господство в обществе заботой о народе.

Совместные походы господствующих слоев Северного Кавказа не были редкостью. И. Кануков вспоминал, как его отец возвращался с балца «в сопровождении целой кавалькады: тут были и кабардинские и кумыкские князья, и все они гостили более или менее продолжительное время»¹⁹⁶. Набеги составляли характерную черту жизни горской знати. А страдало от них все трудовое население, независимо от этнической принадлежности; «плоды дружбы горских феодалов, — писал по этому поводу В. К. Гарданов, — были весьма горьки для их подчиненных»¹⁹⁷.

Иногда несколько группировок объединялись в один феодальный блок. Так, в декабре 1766 г. майор Татаров доносил полковнику Копыловскому «о собрании как Большой Кабарды, так и Малой владельцами и узденями и прочими горскими народами, яко то Карачай, Чегем, Балкар, Дугор, Каражау, Кубатием, находится на общем собрании и согласии»¹⁹⁸. Состав феодальных блоков не отличался постоянством. Даже при жизни одного поколения он мог радикально меняться, так же как внешнеполитическая ориентация. Например, по свидетельству М. Татищева (1604 г.), тагаурцы «бывали за Айтекмурзою Черкесским, да от него отложились»¹⁹⁹.

В Дигории по своему значению и влиянию выделялись баделята Тугановы и Кубатиевы, которым впоследствии «в вознаграждение за потерю их сословных прав на холопов были дарованы значительные земельные богатства»²⁰⁰. Архимандрит Пахомий в донесении святейшему Синоду (1745 г.) среди «главных людей» Дигории назвал «Кубатовых детей, коих ныне девять братьев, имею под владением деревни... все тамошние народы за главного ныне имеют того Кубатова детей дядю, и ему послушны. И никакой противности оному Кубатову... ежели кто-либо из тамошнего народа учинит какую продерзость, то оный Кубатовых дом за то... берет некоторую подать скотом, а телесного наказания по обычаю учинить не может»²⁰¹. В начале XIX в. Тугановы получили на равнине участок в 20000 дес. Позднее часть его выкупила казна. В 1837 г. «по особой монаршей милости» за генерал-майором Тугановым закрепилось 12954 дес. 149 сажен²⁰². В середине XIX в. у Тугановых только в равнинных аулах проживало 149 зависимых крестьян, у Кубатиевых — 205, Абисаловых — 158, Каражаевых — 47, Чегемовых — 7, Кабановых — 26, Бутаевых — 43²⁰³.

Таким образом, значение каждого феодала определялось размерами его хозяйства и числом подданных. Чем больше у феодала было подданных, чем обширнее владения, тем больше было его влияние и выше авторитет среди соседних владельцев.

То, что адаты первой половины XIX в. фиксируют барщину, говорит о ее существовании по меньшей мере и в XVIII столетии. Крестьяне Дигорского общества, кроме отработочной и продуктовой ренты в пользу феодалов, несли десятину и мусульманскому духовенству²⁰⁴.

В XVI–XVIII вв. одним из характерных явлений стал уход — передвижение населения в поисках лучшей доли. Мы имеем в виду не переход крестьянина от одного владельца к другому, т.е. не просто смену хозяина, а уход как полный разрыв с феодалом и поиск земли и воли на стороне. К этой самостоятельной форме борьбы прибегали прежде всего малоимущие слои населения. Существует мнение, что другие формы антифеодальной борьбы не всегда столь прямо связаны с имущественным состоянием, поэтому уход или побег являлся в этом отношении некоторым исключением²⁰⁵.

В Осетии уход крестьян от эксплуататоров имел свою специфику: к этой форме социального протеста прибегали главным образом безземельные фарсаглаги. Кавдасарды были связаны с феодалами кровнородственными узами и, что более важно, нередко имели свои наделы. Фарсаглаги же часто предпочитали пожертвовать призрачной свободой и покинуть родные края.

Бежавшие крестьяне находили приют у социальных низов соседних обществ, осетины, в частности, — в Кабарде и Балкарии²⁰⁶, Чечне и Ингушетии, и др. Однако там они не могли получить землю и, как правило, попадали в зависимость от местных феодалов. То же самое можно сказать и о бежавших в Грузию²⁰⁷. Все переселенцы становились здесь удельными крестьянами. На рубеже XVIII–XIX вв. миграция в Грузию приняла массовый характер. Это видно из письма Георгия XII алдарам в 1800 г. Одна из причин ухода крестьян — желание улучшить свое положение, о чем свидетельствует содержание царского послания. Успокаивая алдаров, Георгий XII обещал им, что покинувшие родные очаги осетины не посмеют обидеть алдаров. Если фарсаглагам удалось перебраться в Грузию, то часть кабардинских крестьян, несмотря на двукратные попытки правящих кругов Грузии (в последней четверти XVIII в.), не смогла перейти туда на постоянное место жительства из-за отрицательного отношения к этому царских властей²⁰⁸.

В XVIII в. основным направлением миграции горской бедноты являлись Моздокские степи. В начале столетия крестьяне уходили в Кизляр и Гребенские (казачьи) городки. Среди осетин, живших в то время в районе Кизляра, проповедовал бывший грузинский (манглисский) архиепископ Иоанн²⁰⁹.

Горские феодалы неоднократно обращались к представителям российской администрации с просьбами о возврате беглых крестьян. По установившейся при Петре I традиции, беглецов не христианской веры возвращали владельцам. Однако к середине столетия политика царизма в этом вопросе изменилась. В 1750 г. адыгские князья отмечали в письме: правилом стало «бегающих из нашей Кабарды ясырей нам не отдают, ответственуют, что они там крестились и тако самих их и денег не получаем». Также поступали крестьяне и в других местах. Например, по одному документу, в

марте 1807 г. «переселившиеся из Тагаурских ущельев некоторые осетины со своими семействами по бедности подле Владикавказа ныне согласились (поселиться и) принять христианский закон»²¹⁰.

Одной из ярких страниц в истории социальной борьбы осетинского народа является выступление дигорских крестьян в 1781 г. Иногда анализ причин восстания подменялся характеристикой феодального гнета. Оставалось непонятным, почему восстание вспыхнуло в Дигории, почему застрельщиками движения были крестьяне предгорных аулов. Недостаточно четко изображалась роль Штедера в этом выступлении.

Причины восстания следует искать в увеличении повинностей в равнинных аулах. Дигорские поселения на равнине возникли во второй половине XVIII в. Особенностью данного переселения являлось то, что оно носило «верхушечный» характер. В этот период возникли поселения баделят Каражаявых, Тугановых, Кубатиевых, которые переселялись с зависимыми крестьянами. В условиях равнинной Осетии в хозяйстве адамихатов преобладающее значение стало играть земледелие, возросли урожаи хлебов. Развитие земледелия дало толчок к развитию скотоводства. Вместе с тем усилилась эксплуатация зависимых сословий, увеличились размеры их повинностей. Главные повинности крестьянского двора в горах и на равнине состояли из:

	В горах	На равнине
1.	Одного барана или 1 руб. сер.	то же самое
2.	На поминки — барана	то же самое
3.	При выдаче крестьянской дочери за муж — быка	то же самое
4.	При разделе имущества крестьян — быка	то же самое
5.	Тушу убитого зверя ²¹¹	то же самое
6.	Безземельные крестьяне 3 дня в год работали на баделята	отбывали все крестьяне
7.	Торбу проса для лошадей	
8.		5 мер пшеницы
9.		одну меру кукурузы
10.		одну меру гороха
11.		летом во время работ — тушу барана и напитки
12.		подводу дров
13.		копну сена; и т.д. ²¹²

Новые повинности поставили в тяжелое положение переселившихся крестьян. Восстание явилось логическим завершением «непрерывных волнений», длившихся 10 лет²¹³. Еще в 1771 г. народ, по свидетельству Штедера, жаловался на баделятов полковнику Фрумгольту и просил помощи для борьбы с ними.

Особенностью выступления 1781 г. было то, что антифеодальная борьба крестьян переплеталась с борьбой за присоединение к России. С присоединением к России социальные низы связывали переселение на предгорные равнины и, следовательно, освобождение от гнета феодалов. Из своих сословных интересов баделята не признавали включения Дигории в состав Российского государства. Но народные массы, недовольные произволом феодалов, выступили за присоединение к России. Не случайно восстание вспыхнуло в тот момент, когда в Дигории появился представитель русской военной администрации, хотя до этого волнения продолжались несколько лет. «При моем приезде, — писал Штедер, — все были в большом смятении и волнении. Старшины (адамихаты. — Ред.) сопротивлялись в течение многих лет все усиливавшемуся притеснению баделятов, которые хотели обращаться с ними по примеру кабардинских князей, как со своими подданными»²¹⁴. Из-за «общей ненависти к баделятам» и их союзникам кабардинским князьям крестьяне отказывались от мусульманства и массами переходили в христианство. Штедер подчеркивал, что крещение «чисто политическое, чтобы путем вписывания своих имен обеспечить себе ближайшую помощь России»²¹⁵.

На собрании противоборствующих сторон в с. Каражаево Штедер попытался «кончить по хорошему их ссоры», но баделята «сделали воинственные приготовления и принудили многих присоединиться к их партии...». Народ принял решение «по первому требованию России принять присягу верности и насильно задержать баделятов; не допускать никакого насилия баделятов над отдельными людьми»²¹⁶. Феодалы вроде бы согласились на переговоры и даже отправили послов к генералу Фабрициану для обсуждения условий присоединения к России. Однако через несколько дней выяснилось, что баделята только выигрывают время, чтобы накопить силы и разгромить движение. Они вошли в соглашение с кабардинскими феодалами и «ждали от них помощи»²¹⁷. На своем собрании баделята решили «никогда не сдаваться России». «Партия» баделятов состояла из 600 хорошо вооруженных людей. Они захватили все пути сообщения с равниной²¹⁸.

Крестьяне же медлили. По мнению Штедера, «месть народа задерживалась только из-за отсутствия вождя». Другой слабостью была разобщенность и малочисленность движения. Штедер, чтобы привлечь крестьян на свою сторону, объявил штраф — быка со всякого, кто не встанет на его сторону. Но только после того, как Штедер пригрозил более суровым наказанием — штрафом в 2-х быков, — к нему «побежали со всех сторон и через» некото-

рое время собралось несколько сот хорошо вооруженных людей. Вскоре из Дур-Дура и Каражаево пришли отряды в 400 человек, а из Кабана (Кабантикау) — 300 человек. Всего собралось 900 вооруженных крестьян²¹⁹. Размах восстания встревожил Штедера. «Через тайных приверженцев баделятов» он начал успокаивать народ, требовавший «уничтожения баделятов». Штедеру, по его словам, было трудно удержать «необузданный народ от нападения на замки баделятов, оказалось гораздо труднее их укротить, нежели собрать. Их превосходство делало их буйными и ничто не могло их удержать — ни приказания, ни просьбы, ни угрозы». Народ требовал «полного уничтожения баделятов», т.к. считал, что «без умерщвления их нельзя было надеяться на спокойствие»²²⁰.

Восстание 1871 г. в Дигории. Худ. А.В. Джанаев

Штедеру все-таки удалось склонить противоборствующие стороны к переговорам. Баделята и крестьяне расположились на поляне двумя кругами в 200 шагах друг от друга. Переговоры велись через двух вестников «с палочками в руках». Каждая сторона имела еще и ораторов, которые собирали мнение круга, давали «заключение и совет». «Заседание», не приходя к заключению, продолжалось пять суток. Споры вызвал вопрос о повинностях. Народ был готов платить их по примеру своих дедов, когда подать была незначительной. Баделята требовали их выплаты по обычаю их собственных отцов, т.е. «по примеру тех времен, когда начались эти притеснения»²²¹. Жители равнинных аулов Каражаево, Дур-Дур (Тугановых), Кубатиевых и Каба-

новых (Кабантикау) были застрельщиками движения и составили его костяк. Для них вопрос о повинностях был очень важным. Но старшины «охотнее бы погибли, нежели согласились на предложение народа»²²². Штедеру удалось «перетянуть» на сторону восставших 200 кавдасардов, бывших сначала на стороне феодалов; на сторону крестьян встал и отряд абрека Бекби²²³.

Феодалы затягивали переговоры, не соглашались на требования народа. Тогда крестьяне начали готовиться к решающей схватке. Штедер советовал баделятам пойти на уступки по столь важному вопросу, как присоединение к России. Он «представил им неминуемую гибель и страшное положение, в которое они поставили себя своим упорством». Баделята понимали остроту создавшейся ситуации. «Положение было настолько серьезным, что они отдали себя и все свое благосостояние на безграничную милость России»²²⁴. В результате переговоров был заключен договор. Главные его статьи сводились к следующему:

«Должна быть принесена общая клятва на верность России».

Все рабы из местного населения отпускались на волю, все незаконно захваченные земли, скот, оружие возвращались прежним владельцам.

Повинности баделятам должны были уплачиваться по старым обычаям и точно устанавливались.

Кавдасарды должны были освободиться от подчинения баделятам и влиться в сословие адамихатов.

Старые преимущества баделятов восстанавливались после выполнения всех пунктов договора.

По одному баделяту и двое адамихатов с каждого аула отправлялись к русскому военному начальству, чтобы подтвердить соглашение.

Договор подписан обеими сторонами²²⁵.

В результате движения крестьян Дигорское общество вошло в состав Российского государства. В социальном плане восстание окончилось поражением крестьян. Их первоначальной целью было восстановление старых повинностей, менее обременительных, чем новые. В ходе восстания выдвигались требования полного уничтожения привилегированного сословия. Ни одна, ни другая цель не были достигнуты, хотя на отдельные уступки баделята были вынуждены пойти. Восстание не привело к успеху из-за слабой организации, отсутствия действительно крестьянского лидера, способного повести за собой массы, нерешительности восставших. Даже самые угнетаемые адамихаты, жители равнинных аулов, включились в борьбу только после угроз Штедера. Среди крестьян находились «тайные приверженцы баделятов», вносящие разлад в движение. Штедер, ставший во главе адамихатов, угрозами и давлением сумел вовлечь их в борьбу против баделятов. Однако он преследовал только одну цель — присоединение Дигорского общества к России, социальные мотивы крестьянского движения были ему чужды. По-

этому, когда восстание достигло своего апогея, Штедер все свои усилия направил на нейтрализацию инициативы масс. Все вместе взятое предопределило неудачу движения. Уже через год жители с. Масыгкау в письме П. С. Потемкину жаловались, что баделята «делают немалые обиды, да и прежде в четвертом колене положенные от прадедов наших обычаи помянутая Бадилатова фамилия ныне переменяя оную сами насильством своим установили себе якобы за порядок, да и перебранное ими насильно скота и протчего и поныне не отдают»²²⁶.

В XVIII в. осетинское крестьянство делилось на несколько категорий, различавшихся по имущественному и правовому положению, степени эксплуатации господствующими сословиями: в Западной Осетии — адамихаты и кумаяги. Здесь отмечена также категория хехезов, но в рассматриваемый период они по своему положению слились с безземельными *адамихатами* (общинниками). Поэтому мы не выделяем их в особую категорию. Правда, необходимо иметь в виду одну особенность в их положении: оторванные от родных мест, изолированные и полностью зависимые от хозяев аула, хехезы были более удобным объектом эксплуатации, чем адамихаты.

Крестьяне, имевшие свои участки, несли повинности, в адатах и документах первой половины XIX в. получившие название личных и случайных. Они состояли из приношений во время праздников, например, на уразу — тушу барана, штоф браги, несколько чурек, тарелку фасоли. На Новый год — бараний бок, кувшин пива в 18 бутылок, три пирога с сыром. В случае выдачи дочери замуж и при разделе хозяйства крестьянин давал феодалу быка. Личные и случайные повинности варьировались в различных областях Осетии, но эти различия не носили принципиального характера.

Другая группа крестьян «аристократических» обществ находилась в поземельной зависимости от феодалов, подвергалась большей эксплуатации и несла тяжелые, учитывая малопродуктивный характер горского хозяйства, повинности за пользование землей. Эта группа общинников несла также личные и случайные повинности.

Фарсаглаги Восточной Осетии и адамихаты, основная масса крестьянства Дигории, юридически не прикреплялись к земле и личности феодала. М. М. Ковалевский, обративший на это внимание, писал: «Подобно нашим крестьянам в эпоху, предшествовавшую отмене знаменитого Юрьева дня, фарсаглаги пользовались правом перехода от одного узденя к другому. Существенным ограничением этой свободы переселения является то обстоятельство, что при оставлении прежнего места жительства недвижимая собственность фарсаглага оставалась хозяину аула»²²⁷. По мнению Б. В. Скитского, адамихаты в случае ухода от баделята продолжали отбывать личные и случайные повинности прежнему хозяину.

В рассматриваемый период, особенно после основания в XVIII — начале XIX вв. предгорных и равнинных поселений, несколько изменилось положение кумаяги (кавдасардов). Феодалы чаще стали практиковать наделение крестьян землей, получая с них оброк. Таким путем алдары и баделята избавлялись от многих производственных забот, зато кавдасарды получали известную самостоятельность. В отдельных случаях феодалы шли на образование поселений, населенных исключительно кумаягами. По свидетельству Штедера, побывавшего в Осетии в 1781 г., дигорские аулы Ватшило, Вассилово и Тума принадлежали побочным детям баделятов²²⁸. Характер этих поселений раскрыл сам же Штедер. Баделята «смотрели на них (кумаягов. — Ред.) и их имущество как на свою собственность, вследствие чего они требовали с них произвольные выплаты»²²⁹.

К началу XIX в. аулы Ватшило и Вассилово, вероятно, слились. Ю. Клапрот в 1808 г. отмечал только «два селения Вачило Василий и Тума, принадлежавшие незаконнорожденным детям баделятов»²³⁰.

В 40-х — начале 50-х гг. XIX в. по инициативе местной администрации был создан ряд т.н. «вольных» поселений, служивших барьером между Западным и Восточным театрами военных действий на Кавказе. С разрешения владельцев в новые аулы переселялись и кавдасарды (кумаяги). В 1853 г. феодалы Дигорского общества в прошении на имя командующего отдельным Кавказским корпусом поставили вопрос о возврате кумаягов. Пристав Дигорского общества, проведя разбирательство по предписанию начальника центра Кавказской линии генерал-майора Грамотина, «объяснил, что просьбу просителей удовлетворить не может, собственно потому, что она занесена без всякого основания и побудительных на то причин, ибо кумияк их никто силой не забирал и они не переселялись в особые аулы без согласия своих владельцев, — причем присовокупил, что из числа подписавшихся на вышеозначенной просьбе есть лица такие, которые не имеют ни одной души Кумияков, а хотя и имели, то освободили их за полученные за то деньги»²³¹.

«Так как дети, прижитые кумаяками (как в равных браках, так и в браках с рабынями) включаемы были в одну категорию с отцами, — писал В. Линден, — то неудивительно, если из кумаяков с течением времени выработалось целое сословие»²³².

Об истинной численности сословия кавдасардов (кумаягов) можно судить по материалам первой половины XIX в. У Галата Кабанова из Донифарса имелись следующие семейства кумаягов: Тубе Ангудаева, Бага Гатагаева, Дзодзи Дзодзаева, Темрука Кумаякова, Кодоша Голоева, Хамча Донбегова, Абрека Коджева, Ноока Когконова, Кизина Хоева, Кабула Сахнаева, Геги Герхиева, Майралкаевых (Фацбая, Азамата, Казгеря, Гоги, Тоторука), Гула Цомаева, Цопа Айзаугова, Булоевых (Алакаца, Цабозгиря, Холима), Ромораевых (Рашида, Гиоли)²³³.

Южная Осетия. Как сообщают грузинские исторические памятники, из среды осетинской знати выдвинулись и составили солидный слой феодалов Грузии ксанские и арагвские эриставы, князя Херхеулидзе и некоторые дворянские кланы. По данным 1770 г., в эриставстве Ксани насчитывалось 2000 дворов осетин, а в Арагви — 1200. В рассматриваемое время часть осетинского населения проживала в ряде районов Грузии. В Картли-Кахетинском царстве 1400 дворов осетин относились к т.н. государственным крестьянам. В Цхинвали по переписи 1804 г. в 16 «дымах» проживало 44 осетина. Среди крестьянских категорий источники называют «мквидри» (коренные), «небиери» (добровольные), «мсахури» (служилые) и др.²³⁴

Из событий политической истории выделим карательный поход Исакаши в 1731 г., периода турецкого господства в Грузии, против жителей Ксанского, Арагвского и Лиахвского ущелий. В 1735 г., когда турецкое господство в Картли сменилось иранским, Надир-шах опустошил равнинные районы. Его попытки проникнуть в горные районы провалились. В 1737 г. против персов восстал ксанский эристав Шанше. По свидетельству историка той эпохи С. Чхеидзе, объединились осетины и грузины Ксанского ущелья, «взяли крепости Анаури, Ахалгори, Монастери...»²³⁵.

Развалины феодального замка в Южной Осетии

В 1770 и 1771 гг. в битве против турок под Аспиндза и Хертвеси рядом с воинами Ираклия II сражался крупный отряд осетин. Они же приняли активное участие в Крцанисской битве против персов. Ираклий II и его сыновья в знак признательности за участие в борьбе против захватчиков «даровали поместья и земельные угодья в Цхинвали и других местах Картли наиболее отличившимся в битвах осетинам»²³⁶. Напомним, что в 80–90-е гг. XVIII в. в горных районах Туалгома нашли приют и защиту царь Картли Георгий XI и его брат — царь Имеретии Арчил²³⁷.

Основание Цхинвала. Грузинская летопись основание Цхинвала приписывает Асфагуру, царю грузинской ветви Аршакидской династии в середине III в. н.э. Царь лично побывал в этих местах, где набрал добровольцев для похода против персов. Вахушти в «Географии Грузии» 1745 г. писал об этом поселении: «На берегу Большой Лиахвы находится маленький городок Цхинвал, с хорошим климатом... Его окрестности покрыты садами и виноградниками, обильны жизненными запасами».

Дореволюционный исследователь И. Иоселиани отметил, что Цхинвал имел важное значение и как военное укрепление. «Происхождение грузинских городов, — отметил ученый, — первоначально было чисто военное, вызванное необходимостью самообороны. Цхинвал также имел свою крепость в виде каменной ограды».

Постройку цхинвальского укрепления относят к XVII в. В тот период походы турецких султанов и иранских шахов в Грузию стали особенно частыми. О степени надежности цхинвальской крепости можно судить хотя бы по тому факту, что здесь нередко укрывались грузинские цари, спасавшиеся от вражеских набегов. В обороне данной крепости значительную помощь грузинским монархам оказывало осетинское население. Из этих мест Ираклий II вербовал осетинских воинов для отражения нападений многочисленных врагов.

В древности и средние века Цхинвал являлся местом пересечения важных торговых магистралей. Не случайно его осетинское название — Чреба — в буквальном переводе означает «собрание», «место сбора», т.е. торговый пункт. После присоединения к России Цхинвал оставался центром местной торговли. Только в мае месяце проводилось три ярмарки, на которых торговали мелким и крупным рогатым скотом, лошадьми и различными предметами ремесленного и кустарного производства. О масштабах торговли красноречиво свидетельствует размер годового оборота, доходивший до 1 млн. руб.

1. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С.12.
2. Кипкеева З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). М., 2006.
3. История южных осетин. Цхинвали, 1990. С.65–66.
4. Клычникова М. В., Клычников Ю. Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. С.20–54.
5. ОГРИП. С.87.
6. Там же. С.89.
7. См.: Гаглойти Ю. С. Южная Осетия. Цхинвал, 1993. С.5.
8. Там же. С.22.
9. Чудинов В. Окончательное покорение осетин // КС. Т. XIII. 1889. С.3–7.
10. Горы мира: глобальный приоритет. М., 1999. С.15.
11. История крестьянства в Европе. Т. I. М., 1985. С.27–32.
12. Чурсин Г. Ф. Этнография Кавказа // Новый Восток. Кн. XV. М., 1926. С.202.
13. Claessen H. J. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000. P.2–3.
14. Spencer Ch. S. The Political Economy of Pristine State Formation // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000. P.154.
15. Горы мира:... С.20.
16. Steder. Tagebuch einer Reise, die im Jahre 1781 von der Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig, 1797. S.79–80, 85, 93–94.
17. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С.155–156.
18. История южных осетин. С.71. Традиционные институты, имевшие место в средневековых осетинских обществах, нередко использовались для эксплуатации рядовых общинников. В частности, в сфере скотоводства внимание исследователей привлекла передача скота на выпас неимущим крестьянам.
Недостаток (а то и полное отсутствие) рабочего скота у горской бедноты стал причиной еще одного способа эксплуатации. На равнине в земледелии использовались тяжелые орудия — плуги. При работе они требовали от пары до восьми волов. В горной полосе применялось, в лучшем случае, более легкое орудие — деревянное рало. Но даже им из-за отсутствия тягловой силы могли воспользоваться не все крестьяне. Поэтому неимущие объединялись с зажиточными соседями. У осетин такое объединение называлось цадис (союз, объединение) или галамбал (товарищ по объединению скота). Вступившие в цадис получали количество рабочих дней пропорционально участию в нем рабочей силой, скотом, инвентарем. Появившись в свое время как разновидность взаимопомощи, этот институт превратился в дальнейшем в одну из форм эксплуатации бедноты зажиточными слоями. Т.к. последние предоставляли большее количество скота и инвентаря, то им выделялось и большее количество рабочих дней на обработку их участков (Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Т. I. Тбилиси, 1974. С.112–114).
19. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С.3–12.
20. НА СОИГСИ. Ф.1. Д.218. Л.16–17.
21. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ, 1999–2000. Т. IV. С.333. Термином «сам» обозначался размер урожая по сравнению с количеством затраченного на посев зерна. В нашем случае получается, что зерно собирали в 3–4 раза больше, чем сеяли.
22. Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т.2. Кн.2. СПб., 1785. С.327.
23. Вахушти. География Грузии/Введ., пер. и примеч. М. Г. Джанашвили // ЗКОИРГО. Т. XXIV. 1904. С.142.

24. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.2. СПб., 1776. С.57.
25. Ряснянская Н. А. Городское самоуправление Предкавказья в конце XVIII — начале XIX вв. // Сборник Русского исторического общества. Т.7. М., 2003. С.275.
26. АКАК. Т. I–XII. Тифлис, 1868–1904 гг. Т. II. 1868. С.1133.
27. История южных осетин. С.72.
28. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. СПб., 1886. С.224.
29. НА СОИГСИ. Ф.20. Оп.1. Д.1. Л.7.
30. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов: в 2-х томах. / Сост. М. М. Блиев. Орджоникидзе, 1976–1984. Т. I. С.43.
31. Rommel C. Volker des Kaukasus nach Berichten der Reisebesreiber. Weimar, 1808. S.54.
32. Магомедов Р. М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала, 1988. С.42.
33. АБКИЕА. С.72.
34. См.: Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. СПб., 1996.
35. Steder. Op. Cit. S.64, 68, 117.
36. Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских классовых обществ // История СССР. 1975. №6. С.52.
37. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Вопросы истории. 1981. №1. С.36–37.
38. См.: Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М.-Л., 1966. С.3–4, сл.; Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // История СССР. 1981. №2. С.60–77.
39. См.: Маньков А. Г. Уложение 1649 года — памятник феодального права России. Л., 1980. С.98–100.
40. Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. Т. IV. С.321.
41. См.: Размеры владений у осетин // ТВ. 1881. №19; Максимов Е. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Владикавказ, 1892. С.3; Городецкий Б. М. Осетины нагорной полосы Терской области. Екатеринодар, 1908. С.9.
42. Гакстгаузен А. Закавказский край. Ч.1. СПб., 1857. С.105. Автор ошибочно говорит о 12 фамилиях тагиатов. Между тем, их было 11; причем от «царевича Тага» вели свое происхождение 9 фамилий. Дзантиевы и Дударовы, хотя и относились к высшим сословиям Восточной Осетии, свои родословные не связывали с Тага.
43. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.4. Л.68–74.
44. Там же. Л.105.
45. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Одесса, 1883. С.15, 239.
46. Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и земельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С.265.
47. Гакстгаузен А. Указ. соч. С.105.
48. Ардасенов А., Есиев А. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М., 1892. С.13.
49. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. III. 1883. С.298.
50. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С.16; Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12. С.145.
51. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.2. Л.72–72 об.; Д.10. Л.4.
52. ЦГАДА. Ф. Госархив. Д.11. Л.2.

53. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.17. Л.2.
54. Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.13, 16.
55. Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения у горных осетин Терской области. Владикавказ, 1901. С.9.
56. Гарданов В.К. Исторический очерк // Народы Кавказа. Т.1. М., 1960. С.90.
57. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.34. Л.14–14 об.
58. Там же. Ф.254. Д.29. Л.46–47.
59. ОГРИП. С.199.
60. Дзаттиаты Р.Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // СА. 1985. №2.
61. ЦГВИА. Ф. 1268. Д.241. Л.9.
62. АКАК. Т. II. С.555.
63. Там же. С.222.
64. ОГРИП. С.200.
65. Там же. С.213.
66. Цагарели А.А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т.1. (1766–1774 гг). СПб., 1891. С.60–61.
67. Там же. С.75.
68. Бирзе А.М. Попытки освоения природных богатств Осетии в XVIII столетии // Красный архив. 1937. №4. С.216.
69. ЦГАДА. Д.13. Ч.6. Л.224.
70. Новые материалы для жизнеописания С.Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г./Под ред. А.А. Цагарели. СПб., 1901. С.25.
71. Лавров Д. Указ. соч. С.246–247.
72. Klaprot J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jaren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1812. Bd.I. S.668.
73. ОГРИП. С. 207.
74. АКАК. Т. III. 1869. С. 213.
75. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. II. М., 1886. С. 45–46.
76. Блиев М.М. Осетия и Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999. С. 45–46.
77. Engelhardt M. und Parrot F. Reise in die Krym und den Kaukasus. Th.I. Berlin, 1815. S.169–170.
78. Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.11.
79. Там же. С.37.
80. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.2. Л.60 об.
81. ОГРИП. С.43–44; Steder. Op. cit. S. 80–81.
82. Klaprot J. Op. Cit. Bd.II. 1814. S.344–348.
83. Klaprot J. Op. Cit. S.615.
84. ЦГВИА. Ф.414. Д.300. Л.70.
85. ЦГА РСО-А. Ф.233. Д.1. Д.34 об.
86. Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С.70.
87. Есиев А. Указ. соч. С.78.
88. Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.9, 15.
89. ЦГА РСО-А. Ф.233. Д.1. Л.5–6.
90. Там же. Л.118–118 об.
91. Там же. Д.5. Л.18 об.
92. АКАК. Т. III. С.213.
93. ОГРИП. С.73.

94. ЦГВИА. Ф.414. Д.300. Л.70 об.
95. Там же.
96. Андреев А. От Владикавказа до Тифлиса. СПб., 1891. С.24.
97. ЦГА РСО-А. Ф.233. Д.1. Л.121 об.
98. АКАК. Т. III. С.221 – 222.
99. ЦГВИА. Ф.414. Д.300. Л.71 об.
100. Там же. Д.302. Л.82.
101. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.34. Л.14 – 14 об.
102. Klaprot. Op. cit. Bd. II. S.344 – 345; ОГРИП. С.46.
103. Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С.600.
104. Гутнов Ф.Х. К вопросу об общественном строе Алагирского общества (XIV – XVIII вв.) // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С.119 – 129.
105. Блок М. Апология истории или ремесло историка. 2-е изд. М., 1986. С.93 – 94.
106. Невская В.П. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности феодализма на Северном Кавказе. Махачкала, 1980. С.10.
107. Гуревич А.Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С.13 – 14, 18.
108. ЦГА РСО-А. Ф.262. Д.2. Л.166 – 166 об.
109. Там же. Ф.233 Д.3. Л.116 об.
110. Там же. Д.10. Л.13.
111. Там же. Ф.291. Д.2. Л.51.
112. ЦГА РСО-А. Ф.233. Д.10. Л.15.
113. Там же. Л.17 об., 19.
114. Там же. Л.23 об.
115. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII – XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С. 38 – 39.
116. Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения у горных осетин Терской области. Владикавказ, 1901. С.3.
117. Туккаев С. В горах Дигории // ТВ. 1892. № 90, 91, 93, 101.
118. Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. II. 1872. С.294.
119. Есиев А. Указ. соч. С.4.
120. Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С.3.
121. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 194; Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С.78; Сахаров А.М. Об эволюции феодальной собственности на землю в Российском государстве XVI века // История СССР. 1978. № 4. С.19.
122. История государства и права зарубежных стран. (Рабовладельческое и феодальное государство и право)/Под ред. П.Н. Галанзы и Б.С. Громакова. М., 1980. С.216 – 217.
123. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т.I. С.258.
124. НА СОИГСИ. Ф.21. Д.454. Л.59 – 63.
125. АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп.128/II. Д.1. Л.829; Ардасенов А., Есиев А. Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М., 1892. С.11.
126. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т.I. С.258.
127. АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп.128/II. Д.1. Л.829.
128. ЦГА РСО-А. Ф.233. Д.3. Л.128 – 128 об.

129. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.34. Л.1 – 3.
130. Ардасенов А., Есиев А. Указ. соч. С.14.
131. Там же. С.11.
132. ЦГА РСО-А. Ф.262. Д.2. Л.166 – 166 об.
133. Там же. Ф.233. Д.3. Л.116 об.; Д.10. Л.1, 13, 15.
134. Там же. Ф.291. Д.2. Л.51.
135. ЦГА-РСО-Алания. Ф.291. Д.2. Л.112 – 113.
136. Там же. Л. 103 об. – 104, 112, 120 – 121.
137. ЦГАДА. Ф. Госархив. Д.13. Ч.6. Л.11.
138. ЦГА РСО-А. Ф.290. Д.114. Л.165 – 165 об.
139. Неусыхин А.И. Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII – XII вв. М., 1964. С. 33 – 34; Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV – XV вв. Л., 1980. С.131.
140. Тогошвили Г.Д., Цховребов И.Н. История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до XVIII в.). Цхинвали, 1962. Т. I. С.116.
141. Санакоев М.П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали, 1979. С.72.
142. Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981. С.40.
143. Бурнашев С.Д. Картина Грузии и описание политического состояния царства Карталинского и Кахетинского. Тифлис, 1896. С.6, 9.
144. ЦГАДА. Ф. Госархив. Ф.13. Ч.6. Л.296.
145. Берозов Б.П. Земельный вопрос и аграрное движение на Северном Кавказе в дореформенный период. Орджоникидзе, 1978. С.5.
146. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.1-50. М., 1955-1981. Т.25. Ч. II. С.355.
147. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. 1897. С.63 – 64.
148. ЦГИА. Ф.796. Оп.26. Д.373. Л.222 – 222 об.
149. Там же. Л.278.
150. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I. С.320.
151. Тменов В.Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979. С.142.
152. Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч. Т. IV. С.321.
153. Там же. С.317.
154. Там же. С.321.
155. Там же. С.322.
156. Там же. С.323.
157. Там же. С.321.
158. ЦГА РСО-А. Ф.262. Д.1. Л.108 – 110.
159. Rommel C. Volker des Kaukasus nach Berichten der Reisebesreiber. Weimar, 1808. S.56.
160. ЦГА РСО-А. Ф.262. Д.1. Л.108 – 110.
161. Там же. Л.110 – 112.
162. ОГРИП. С.50 – 51.
163. Klaprot J. Op. cit. Bd.II. S.392 – 395.
164. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т.2. М., 1957. С.114.
165. Там же. С.195.
166. Там же. С.281.
167. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С.281.

168. Кокиев Г.А. Малокабардинские поселения в XVI–XVIII вв. на Северном Кавказе // УЗКНИИ. Т. II. 1947. С.37.
169. Тменов В.Х. Археологические и историко-архитектурные памятники селения Кора-Урсдон // XII Крупновские чтения. М., 1982. С.90.
170. Рклицкий М.В. Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // ИОНИИК. Вып. 2. Владикавказ, 1926. С.176.
171. Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе, 1980. С.36–40.
172. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974. С.114.
173. ОГРИП. С.154.
174. Леонтович Ф.И. Указ. соч. С.28.
175. Там же. С.37, 38, 63.
176. Там же. С.38.
177. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.17. Л.3.
178. Гарданов В.К. Исторический очерк // Народы Кавказа. Т.1. М., 1960. С.93.
179. ЦГАДА. Ф. Госархив. Д. 9. Ч. 14. Л. 31.
180. Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 37–38.
181. Лиахвели Г. Древний осетинский суд//Юридическое обозрение. 1886. № 292. С.22.
182. Кануков И. Горцы-переселенцы // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1976. С.105–106.
183. Осетинское народное творчество/Под ред. З.М. Салагаевой. Орджоникидзе, 1961. Т.1. С.482–494, 583–586.
184. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // ИСОНИИ. 1947. Т. XI. С.88.
185. Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973. С.96–98.
186. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1968. Ч.2. С.50.
187. Чиковани Г.Д. Осетинский нихас // КЭС. Т.V. Вып. 2. Тбилиси, 1979. С.36.
188. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С.469.
189. Лавров Л.И. Хазнидонские надписи // ИСОНИИ. Т. XIII. Вып. 1. 1962. С.112.
190. Вахушти. География Грузии/Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили // ЗКОИРГО. Т. XXIV. Вып.5. С.141.
191. НА СОИГСИ. Ф. фольклор. П. 90. Д. 114. Л. 91.
192. Хамицаева Т.А. Указ. соч. С. 104–107.
193. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // ИЮОНИИК. Вып.II. 1935. С.229.
194. Мамсуров А.Д. Осетинская историческая «песня про Есе Канукова из Донифарса» // ИСОНИИ. Т. XXV. 1966. С.145.
195. НА СОИГСИ. Ф.16. Д.26. Л.16 об.
196. Кануков И. Указ. соч. С.105–106.
197. Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. №1. 1964. С.54.
198. ЦГА РД. Ф. 379. Кизлярский комендант. Д.638. Л.70.
199. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. М., 1889. С.508.
200. Максимов Е. Осетины // ТС. Кн.2. Владикавказ, 1892. С.11.
201. ЦГИА. Ф.796. Оп.26. Д.373. Л.219.
202. ЦГИА. Ф.1268. Оп.12. Д.105. Л.60 об.
203. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.10. Л.7.

204. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С.32.
205. Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Новосибирск, 1978. С.193, 195.
206. Крикунова Е. О. Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959. С.20, 23, 25, 54.
207. Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. Указ. соч. С.20, 192.
208. Тогошвили Г. Д. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // ИСОННИ. Т. XXXI. Орджоникидзе, 1976. С.148– 149.
209. Там же. С.138– 139.
210. Волкова Н. Г. Указ. соч. С.138.
211. ЦГА РД. Ф.379. Кизлярский комендант. Д.10. Л.4– 5.
212. Там же. Д.17. Л.2– 4.
213. ОГРИП. С.66.
214. Там же. С.50.
215. Там же. С.54.
216. Там же. С.56.
217. Но от кабардинских князей баделята помощи не дождалась. С начала 1780 г. волнения охватили всю Кабарду. Антифеодальное выступление все набирало силу и своего пика достигло летом 1782 г. (Беров Х.Ж. Домалево восстание по устным и историческим источникам // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С.72– 78).
218. ОГРИП. С.58– 59.
219. ЦГАДА. Ф. Госархив. Кор.9. Ч.14. Л.243.
220. ОГРИП. С.60, 62.
221. Там же. С.62– 63.
222. Там же. С.65.
223. ЦГАДА. Ф. Госархив. Кор.9. Ч.14. Л.244.
224. ОГРИП. С.65.
225. Там же. С.66.
226. ЦГАДА. Ф. Госархив. Кор.9. Ч.1. Л.16.
227. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. I. М., 1886. С.39– 40.
228. ОГРИП. С.52.
229. Там же. С.63– 64.
230. Klaprot. Op. cit. Bd. II. S.395.
231. ЦГА РСО-А. Ф.254. Д.3. Л.14– 14 об.
232. Линден В. Указ. соч. С.265.
233. ЦГА РСО-А. Ф.291. Д.2. Л.129.
234. История южных осетин. С.67, 72– 73.
235. Там же. С.73– 74.
236. Там же. С.74.
237. Там же. С.69.

ГЛАВА 2. ТРАДИЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Осетинское традиционное общество отличала высокая степень консервации патриархальных форм социальной организации, которая объяснялась как хозяйственно-экономической целесообразностью, так и устойчивостью внутренних связей и отношений на межличностном и межгрупповом уровнях. Основными факторами социального действия выступали родственные и территориально-родственные союзы, составлявшие сложную многоуровневую систему, в которой линии родственных и соседских связей развивались относительно самостоятельно, хотя и в тесном взаимопроникновении. Ярким выражением территориально-родственного принципа в организации хозяйственно-экономического и общественного быта у осетин являлась сельская (территориально-соседская) община (*хъæубæстæ*)¹.

Сельская община. Каждая сельская община существовала достаточно автономно, занимая вполне определенную территорию, очерченную естественным рельефом местности. Осетинская сельская община была достаточно сложным социальным организмом, который составляли кровно-родственные и территориально-соседские союзы (от отдельных малых семей до фамильно-патронимических союзов), различавшиеся как по количеству членов, так и по отношению к собственности. Исследователь различных сторон быта, специфики хозяйствования и сословного строя кавказских народов М. М. Ковалевский в свое время пришел к заключению об одновременном существовании в территориальном устройстве у осетин трех типов поселений: «... 1) общества или аулы, населенные семьями, родственными друг другу; семьи эти обозначаются все одинаково наименованием общего им родоначальника, владеют землей совместно и

ведут нередко общее хозяйство; 2) аулы, в которых земля разделена подворно между родственными друг другу семьями, причем каждая семья состоит из десятка членов, которые живут под одной кровлей и владеют сообща имуществом, и 3) аулы, в состав которых входит несколько родов; члены каждого живут частью совместно, частью отдельными дворами, владея землей подворно... название аула патронимическое; он обозначается именем своего основателя, родоначальника той фамилии, члены которой одни поселены в нем или же являются его древнейшими обитателями»².

Осетинская сельская община являлась также и самостоятельным юридическим лицом, «члены которого сообща владеют или всей недвижимой собственностью, переделываемой между дворами в определенные сроки, или же только той частью ее, которая служит пастбищем для скота»³.

Будучи самостоятельным хозяйственно-политическим объединением, сельская община являлась традиционным институтом землепользования, основанным на коллективном праве собственности, которое выступало в качестве критерия общности отдельных групп и индивидов на основе единого типа отношений к объекту собственности⁴. При этом принцип коллективного землепользования, по которому община выступала верховным собственником пастбищных земель как основы жизнеобеспечения всего коллектива, существенно ограничивал в правах собственности различные единицы, составлявшие общину.

Важнейшая сторона функционирования соседской общины заключалась в регламентации сельскохозяйственных работ на обрабатываемых землях⁵. Подобный порядок объяснялся прежде всего скотоводческим характером хозяйства горских обществ, при котором единовременный выход на полевые работы и одновременная уборка урожая освобождали сельские земли для пастьбы скота, спускавшегося к осени с горных пастбищ.

Говоря о правах собственности у осетин, необходимо иметь в виду, что в исследуемый период в осетинской сельской общине органично сочетались две формы собственности: частной и коллективной, что определяло дуалистичную природу земельных отношений внутри общины. В Осетии право собственности вообще и право собственности на основные средства производства тесно переплетались, образуя сложную многоступенчатую иерархическую систему, каждый уровень которой вступал во взаимодействие с другими в конкретных случаях реализации прав собственности⁶.

Частную собственность общинника составляли пахотные участки, передаваемые по наследству; общественная собственность распространялась не только на выгоны и летние пастбища, которые использовались сообща пропорционально поголовью скота, но и на леса и значительные участки покосной земли⁷. Общественные сенокосы делились между общинниками по жребью. Дифференциация земельных ресурсов по отношению к праву

собственности отмечалась М. М. Ковалевским, по наблюдениям которого «в Осетии одна близлежащая к усадьбам земля способна служить пашней или сенокосом, составлять объект дворовой или частной собственности. Леса и степь, доставляющие материал для топлива и служащие для выгона скота, остаются в нераздельном владении чаще всего нескольких соседних селений, в былое время занятых родственными семьями. С заменой однообразного состава их населения смешанным, благодаря позднему поселению бок о бок с родственниками и чужеродцев, не прекратилось совместное пользование дворами окружающей селения нераздельной маркой»⁸. По его мнению, совместная собственность всех дворов на «никем не утилизированную землю» остается даже господствующим видом общинного владения, сколько бы селений не занимали общины, ограничиваясь лишь физическими препятствиями, создаваемыми горами и ущельями. Это правило действовало в горах, на равнине же владение угодьями ограничивалось территориальными пределами самой общины.⁹

Двойственная природа собственности вела со временем к усилению тенденции превращения коллективных владений соседской общины в частные, что подрывало ее экономические основы. При этом община не переставала существовать как хозяйственно-территориальная социальная единица.

Во многом сохранению целостности общины способствовали идеологические представления, выраженные в общесельских культурах (*Хъæуы зæд*, *Хъæуы дзуар*); возникает традиция коллективного отправления известных общенародных праздников (*Атынæг*, *Бæлдæрæн*, *Хор-Хор* и др.). Многие черты архаического быта воспроизводились во внутриобщинных отношениях в виде трудовой взаимопомощи (*зуу*) и коллективной солидарности, проявляемой при несчастье, случившемся в одной семье¹⁰.

Сложный комплекс социально-экономических и природно-географических факторов объяснял жизнестойкость общинной организации, сохранившейся и после учреждения в Осетии российской администрации. Традиции общинного землепользования, соседской взаимопомощи и солидарности долгое время помогали крестьянам вести хозяйство и сохранять привычный жизненный уклад.

Общинная организация осетинского общества определила характер и формы общественной саморегуляции, реализуемой разветвленной сетью патриархальных властно-управленческих институтов, наличие которых делало осетинскую сельскую общину самоуправляющейся хозяйственно-политической системой. Объективно заданное функциональное содержание общественной власти заключалось в необходимости поддержания устоявшихся хозяйственных практик и сохранения баланса в гражданско-правовых статусах всех полноправных членов общины.

Общинный сход. Фундаментом политического устройства общины было народное собрание — «ныхас», структура и деятельность которого определялись принципом «народности» и коллегиальности.

В старину его роль была особенно высока. Как полагал А.Х. Магомедов, собрание общинников являлось верховным органом, решавшим хозяйственные, судебные и общественные дела сельской общины. По его мнению, еще в первой половине XIX в. на нем решались военные вопросы — о набеге, мире и пр.¹¹ Согласно З.Н. Ванееву, на ныхасе мужчины «обычно проводят свободное время»; если нет вопросов, требующих разрешения, ныхас служил местом «развлечения частной беседой. Это своего рода *клуб под открытым небом*». В то же время, З.Н. Ванеев подчеркнул, что в ряде случаев ныхас решал «вопросы, касающиеся общих интересов общины».¹² Ю.Ю. Карпов в число социально значимых функций ныхаса включает регулирование общественной жизни селения, организацию некоторых видов деятельности и досуга мужчин, воспитание юношей. Такой социологический портрет ныхаса делает его сопоставимым с традиционным мужским домом.

Г.Д. Чиковани определяет ныхас как традиционный орган, непосредственно связанный с управлением села, регулированием всех сторон его жизни. Вместе с тем, он подчеркивает, что сословный характер горной Осетии наложил отпечаток на социальный характер ныхаса. Это подтверждает И. Кануков, отметивший важную деталь: знать считала для себя унижительным ходить на ныхас, «так как туда собираются люди из низшего сословия».¹³

Будучи древним традиционным органом управления, ныхас имел большие полномочия. Круг обсуждаемых им вопросов был чрезвычайно широк. На нем обсуждались все хозяйственные дела: регулирование пользования лесом, охрана нив, пастьба скота, содержание общинного пастуха, сроки пахоты, определение начала сенокосения, установление системы севооборота, строительство мостов и т.д. Ныхас разбирал различные конфликты, дела об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, споров из-за имущества, прием новых поселенцев и т.д. Основной задачей ныхаса было регулирование общественной жизни села в условиях сочетания норм обычного права и шариата. Это был важнейший элемент структуры горного села в Осетии, средоточие всей общественной жизни. В старину количество ныхасов соответствовало количеству кварталов¹⁴. Но помимо квартальных и сельских были еще и общесельские ныхасы. Например, в Алагирском ущелье находился особо уважаемый общесельский Дагомский ныхас, куда обращались и жители других ущелий для разбора наиболее важных дел¹⁵.

В работе ныхаса принимали участие все взрослые мужчины, но решение любых вопросов общественной и частной жизни целиком зависело от мнения старших. Общинные сходы собирались через «фидиуагов» (глашатаев) в необходимых случаях, особых сроков их проведения не существовало¹⁶.

Но в местах, где проводились ныхасы, ежедневно в свободное от сельскохозяйственных работ время собирались мужчины села, обсуждали различные сельские вопросы, делились новостями. Ныхас был своеобразной школой для молодежи, которая не только училась у стариков жизненному опыту, но и получала знания об истории своего народа, его культуре. Здесь выступали народные певцы, сказители. Здесь же проводились спортивные игры, состязания, различные общественные пиршества. Молодежь училась у старших правилам народного этикета.

Прежде на ныхасе разбирались и судебные дела. Все решения подлежали официальному оглашению, а исполнение их было строго обязательно для всех общинников, имело силу закона.

В период феодализации осетинских обществ значительно изменилась демократическая сущность ныхаса. Большое значение на нем придавалось принадлежности к господствующему феодальному классу. Исход многих дел зачастую определялся уже не авторитетным мнением старейшин, а знатностью и состоятельностью заинтересованных лиц.

Вопросы, которые затрагивали интересы нескольких соседних аулов, не всегда могли быть разрешены ныхасами. Поэтому для урегулирования спорных дел существовали посреднические суды, в которые входили члены ныхасов различных селений. Такие суды были распространены повсеместно, но наиболее известны из них суды в селениях Дагом, Нар, Мацута и др.

Суд и судопроизводство. Судебная практика у осетин реализовывалась в четко обозначенных институциональных рамках третейского (посреднического) суда (*тæрхон*), предназначенного для урегулирования взаимоотношений между отдельными индивидами в сфере частных имущественных интересов¹⁷: «Адатом разбираются дела воровские. Этот суд имеет также место в наследственном праве, при разделе имения и при отношениях родителей к детям и мужей к женам...»¹⁸. Именно суд посредников являлся «органом, разрешающим в этом случае конфликты и вместе с тем творящим и осуществляющим право...»¹⁹.

К суду осетины прибегали в тех случаях, когда тяжущиеся стороны, отказываясь от принадлежащего им права самосуда и разрешения спора силой, представляли разные фамилии, поскольку споры между родственниками улаживались старейшинами, а внутрисемейные разногласия разрешались главой семьи.

Осетинский суд не имел постоянного характера, а назначался в каждом отдельном случае разбирательства по взаимному соглашению спорящих сторон. Медиаторами (т.е. членами третейского суда — *тæрхоны лæгтæ*) избирались наиболее почетные и уважаемые старшие, происходившие из известных фамилий и имевшие право именоваться *уæздæттæ* (благородными), непременно сведущие в обычном праве²⁰.

Число судей было нечетным (кратно трем), причем ответчик мог выбирать на одного медиатора больше, чем истец, обиженный — на одного больше, чем обидчик. В тех же случаях, когда возникали затруднения с четким определением того, кто обиженный и кто обидчик, обе стороны высылали равное число судей²¹. Каждая сторона имела право отвода избранных судей и назначения нового суда при несогласии с уже вынесенным решением.

При переходе на более высокие уровни социальной организации роль посреднического суда возрастала. Высшими в иерархии посреднических судов были суды в Дагоме (у северных осетин) и в Узаге (у южных)²². Не будучи апелляционными инстанциями, эти суды имели все же столь непререкаемый авторитет у населения, что решения их имели окончательный характер.

Основным принципом, на котором строилась вся деятельность посреднического суда, являлся принцип «объективной ответственности»²³. Необходимость в третейском суде возникала лишь тогда, когда совершенное правонарушение влекло за собой объективные последствия. Соответственно, заключение посредников основывалось на вещественных доказательствах содеянного. В том случае, если «объективных» доказательств для вынесения решения оказывалось недостаточно, прибегали к показаниям, которые давали *комдзог* (*комдзæуæг*) — «доказчик», и *æвдисæн* — свидетель, представляющий косвенные улики.

«Доказчик» являлся тем свидетелем, который на суде был в состоянии указать субъект правонарушения и раскрыть последовательность преступных действий. «Доказчик» получал вознаграждение от потерпевшего, если удавалось найти преступника. В противном случае на «доказчика» также распространялся принцип коллективной ответственности, соответственно которому вина ложилась на всю родственную группу: в таком случае «доказчик» удовлетворял потерпевшего как виновная сторона. По существу, в деятельности «доказчика» на суде проявлялись зачатки прокурорских функций. При убедительных показаниях «доказчика» и свидетеля суд определял меру взыскания. Следует, однако, отметить, что такие средства судебных доказательств, как показания свидетелей, не были характерны для древнего осетинского судопроизводства, а появились в позднее время под влиянием государственно-бюрократического порядка ведения судебного процесса. М. М. Ковалевский объясняет отсутствие свидетельских показаний в традиционном судопроизводстве тем, что, будучи включенным в широкий круг кровнородственных связей, свидетель, даже если он имел неоспоримые доказательства совершенного преступления, подвергал себя и всех своих кровных родственников угрозе мести со стороны родственников того, против кого он свидетельствовал на суде²⁴.

Чтобы придать приговору обязательную силу, нередко прибегали либо к поручительству родственников, либо к предварительной присяге. Поручи-

тельство являлось важным процедурным элементом традиционного судопроизводства, который обеспечивал гарантии исполнения обязательств, превентивно налагаемых на обе стороны — «обидчика в том, что он действительно будет платить то, что уже определено судом, а обиженный в том, что он будет доволен определенной пеней и больше ничего требовать не будет, коль скоро получит от обидчика то, что судом определено...»²⁵. Каждая сторона самостоятельно назначала поручителей (*фидар*) для противоположной стороны, при этом обидчик обязан был заплатить поручителям обеих сторон плату (*фидауæггаг*); ее размер определялся важностью рассматриваемого дела. Клятва, принимаемая поручителями при свидетелях во исполнение взятых на себя обязательств, заставляла родственников выполнять решения суда²⁶.

При отсутствии таких форм судебных доказательств, как свидетельские показания, письменные документы и собственное признание обвиняемого, их место и функции в судопроизводстве заняли судебный поединок и испытание обвиняемого (трансформированная практика архаических ордалий), которые рассматривались судом как доказательство судебной достоверности.

В исключительных случаях, когда ни истец, ни ответчик не имели больше средств для доказательства своей правоты перед лицом медиаторов, назначалась очистительная присяга (*ард*). К присяге прибегали и тогда, когда показания «доказчика» и свидетеля казались неубедительными для суда; требовались дополнительные подтверждающие факторы (т.е. доказательная сила приводимых аргументов была недостаточной); обвиняемый привлекался к суду по подозрению. Присягать обязана была та сторона, которую судьи считали правой, поэтому присяга служила не только способом достижения истины, но и средством защиты для ответчика. Если для ответчика присяга являлась средством оправдания, то для «доказчика» и свидетелей она служила доказательством справедливости собственных показаний, т.е. неоспоримым судебным доказательством. Важность присяги как судебного доказательства подчеркивалась тем обстоятельством, что она приносилась публично, в торжественной обстановке у святилища — *дзуара*²⁷.

Решения суда основывались на обычном праве, и в тех случаях, когда предшествующая общественная практика не давала аналогий, возникал прецедент, которому стремились придать циклический характер, рассматривая его в виде частного случая традиционной нормы. Будучи по сути общественной договоренностью, маслагат, таким образом, исполнял функции систематизации, одновременно расширяя сферу применения типизированной юридической нормы конкретными частными обстоятельствами.

Деятельность посреднического суда у осетин отличал выраженный *демократизм*, основанный на выборности медиаторов самими тяжущимися сторонами из числа всего взрослого мужского населения, что дало основа-

ние М.М. Ковалевскому считать посредничество «всесословной повинностью»²⁸. Неформализованный характер традиционного судопроизводства²⁹, проявлявшийся внешне как в «бесформенности обвинения, так и в бесформенности тех процессуальных действий, из которых слагается судебное действие»³⁰, являлся еще одним его качественным признаком.

Будучи окончательным и обязательным к исполнению, приговор носил все же факультативный характер³¹, поскольку решение, вынесенное третейскими судьями, было ничем иным, как соглашением сторон, к которому относились так же, как и к другим договорам, требующим обеспечения. Этим обстоятельством объясняются функции поручительства родственников во исполнение приговора или соприсяжничества. В силу этих же обстоятельств существовала и возможность пересмотра решения посредников³² и назначения нового разбирательства в случае несогласия с заключением состоявшегося суда.

Не менее важным признаком осетинского посреднического суда было особое значение присяги, «погашающей» уголовные и гражданские юридические действия³³, к которой прибегали в тех случаях, когда у тяжущихся сторон бывали исчерпаны все средства для доказательства своей правоты.

Однако механизмы деятельности посреднического суда обеспечивали не столько выявление истины, сколько разрешение конфликта путем замещения действительных разногласий их моделью³⁴ и достижение консенсуса путем делегирования судебских полномочий посредникам, чье решение легитимировалось их возрастным и статусным авторитетом. Поэтому социальная функция института посреднического суда, бывшего проводником власти обычного права в сфере частных взаимоотношений, заключалась главным образом в поддержании баланса в имущественно-правовых статусах членов общины. Будучи защитником гражданских прав общинников, посреднический суд принимал решения, имевшие примирительный характер и направленные на сохранение мирных отношений внутри самой общины.

Родственные объединения. Основу самоорганизации осетинского традиционного общества составляли родственные объединения нескольких уровней — патронимии («иу артæй рацæугæ»), фамилии («мыггаг») и фамильные союзы, братства («æрвадæлтæ»).

Территориальные, экономические, общественные и идеологические связи родственных семей органично вписывались в жизнедеятельность общины. Патронимия заполняла тот вакуум в традиционной хозяйственной, общественной и идеологической сферах жизнеустройства, который появился с разложением большой семьи.

Осетинские названия патронимии — «иу артæй рацæугæ» (от одного огня разошедшиеся), «иу фыды фырттæ» (дети одного отца), «дыггаг хæдзар» (второй дом) — подтверждают высказанное осетинскими исследователями

положение о происхождении патронимии в результате сегментации большой семьи³⁵.

«Иу артæй рацæугæ» включало в себя некоторое число семей разных поколений, главы которых являлись прямыми потомками определенного лица — отца, считавшегося их общим предком. Численный и поколенный состав патронимий отличался нестабильностью: патронимии разрастались, из них выделялись новые.

Родственная группа «мыггаг» — фамилия, включавшая несколько патронимий. В сознании осетин это был реально существовавший союз, основанный на кровном родстве. Каждая «мыггаг» именовалась по имени своего предка. В экономическом отношении «мыггаг» состояла из отдельных самостоятельных хозяйственных единиц — неразделенных и малых семей, связанных обязательствами взаимопомощи.

Самоорганизующие функции фамилии, как и других родственных союзов, были связаны с деятельностью семейного совета и старшего фамилии. Черты коллективизма в хозяйственной жизни «мыггаг» проявлялись в форме различных видов родственной взаимопомощи. Главным интегрирующим фактором было сознание кровного родства, а основными правилами общения — солидарность и взаимность между семьями «мыггаг». Общность культа, святилища, башни, кладбища сплачивали этот коллектив не меньше, чем общая собственность на средства производства.

Наряду с фамилиями у осетин, как и многих других народов Северного Кавказа, существовал институт, именуемый фамилией второго порядка — «æрвад».

«Æрвадæлтæ» (братства) представляли собой более широкий круг родственников, объединяющий иногда 4–5 фамилий, имевших общее происхождение от одного отдаленного предка. «Æрвады» возникали в результате разрастания фамилий первого порядка³⁶. Отношения между членами братств были менее тесными, чем в рамках фамилий. Но «æрвадæлтæ» по отношению друг к другу несли определенные обязанности: оказывали материальную помощь в случае смерти кого-либо из них, приглашали на торжественные события, общие праздники, соблюдали экзогамию. Почти все осетинские фамилии входили в братства. Известны многочисленные братства, как Амбаловы-Агнаевы-Зангиевы-Таутиевы-Карсановы-Тиджиевы-Цахиловы, а также менее крупные: Бадтиевы-Байматовы-Дзампаевы-Кантемировы-Кануковы или Баскаевы-Бидеевы-Кадиевы-Шанаевы-Тхостовы³⁷. Состав братств не был стабильным. В связи с массовым переселением осетин на равнину члены «æрвадов», отдаляясь друг от друга территориально, стали забывать родственные связи.

Все эти родственные объединения сохраняли свои функции в течение долгого времени, но интегрирующая значимость патронимии оказалась са-

мой существенной. Одним из ее основных признаков считалось территориальное единство.

В горах семейно-родственные группы занимали нередко отдельный поселок или даже несколько смежных селений. Сохранялось несколько селений в горах, называвшихся по фамилии жителей, например, Беритыкау (село Бериевых, 5 дворов), Козатикау (село Козаевых, 20 дворов), Хозитыкау (село Хозиевых, 20 дворов), Бирагтыкау (село Бираговых), Хадарцевых, Кардановых, Кануковых, Гумаевых и др.³⁸ В многофамильных поселениях отчетливо прослеживалось поквартальное расселение семейно-родственных групп «иу артæй рацæугæ».

Среди многофамильных поселений можно выделить несколько разновидностей. Одну из них представляли такие села, где одна патронимия по занимаемой территории, числу дворов, значению и влиянию имела приоритет над другими жителями села. Так, например, из 29 дворов селения Биз 20 занимали Бутаевы, из 23 дворов Верхнего Унала 20 занимали Цаллаговы, из 30 дворов селения Гусойтского 20 занимали Каргиновы, из 33 дворов Нижнего Садона 25 занимали Бесоловы³⁹. Другую разновидность многофамильных поселений представляли села, имевшие несколько кварталов и улиц, застроенных домами близких родственников. В с. Дзивгис отдельные кварталы занимали 13 семей Фарниевых, 6 семей Гутновых, 8 семей Елкановых, 13 семей Хаутовых, 4 семьи Хуцистовых и 3 семьи Цоколаевых⁴⁰. Из 19 дворов селения Донисар обособленно проживали 7 семей Дзэбоевых и 7 семей Хестановых, из 24 дворов селения Урсдон отдельный квартал занимали 10 семей Амбаловых, обособленно были поселены и 8 семей Челахсаевых⁴¹. В селении Сахсат Нарского прихода, состоявшем в 1886 г. из 21 двора, было 11 семей Саутиевых, 10 семей Хубецевых; из 35 дворов селения Дзазих 17 занимали Тотиевы, 10 — Хасиевы⁴². В селении Згид, состоявшем из 75 дворов, проживали 35 семей Цагараевых, 24 семьи Агузаровых, 11 семей Томаевых и 5 семей Габулаевых; в селении Ход общей численностью 72 двора 32 занимали Кайтовы, 19 — Дзугкоевы⁴³.

С течением времени происходило нарушение территориального единства «иу артæй рацæугæ». Это объясняется главным образом массовым переселением осетин-горцев на равнину в результате острого безземелья в горах. На равнине образовывалось множество новых сел из выходцев из различных горных ущелий Осетии.

Переселяясь на равнину, «иу артæй рацæугæ» старались селиться компактно, образуя часто целые улицы, кварталы. В квартале компактного патронимического расселения дома располагались рядом, их дворы могли быть связаны внутренними переходами или перелазами, иногда имелся и общий двор. В горных селениях с их ступенчатой застройкой крыша дома одной из родственных семей могла быть двором для другой семьи⁴⁴. Более

крупные семейно-родственные группы населяли несколько смежных кварталов.

Причиной нарушения территориального единства патронимии были семейные разделы, т.к. обычное право осетин допускало куплю-продажу земли: выделившаяся семья могла продавать свой земельный участок «чужеродцам», если не находилось покупателя среди родственников⁴⁵. Нарушению территориального принципа единства патронимии отчасти способствовало и то обстоятельство, что общинный сход имел право наказывать провинившихся общинников выселением из села вместе с семьей⁴⁶. Многие семьи были вынуждены менять место жительства из-за боязни кровной мести, а так как она распространялась на довольно широкий круг родственников, переселение совершалось обычно несколькими семьями.

Наиболее распространенным типом поселений в осетинском пореформенном селе становились смешанные села, т.е. такие села, где в патронимических кварталах проживали и чужие семьи. Широкое развитие получали внутриквартальные и межквартальные отношения, происходило функциональное переплетение патронимических и соседских отношений, которые стали мало отличаться друг от друга. При существовании подворной собственности соседи, так же, как и родственники, нередко имели в общем пользовании некоторые хозяйственные постройки, сообща пользовались сельскохозяйственным инвентарем, вступали в супряги и т.д. Как указывал М. Ковалевский, «... то, чем владел раньше сообща род, расселенный в нескольких селениях, теперь принадлежит тем же селениям, но связанным уже не родственным, а территориальным признаком, так как здесь уже поселились и чужеродцы»⁴⁷. Соседская трудовая и материальная взаимопомощь со временем становилась такой же обязательной, как и родственная. Институт соседства глубоко проникал в быт осетин. Известную народную поговорку «хороший сосед лучше брата» довольно часто случается слышать и в наши дни. Социально-экономические условия способствовали нарушению территориального единства патронимических объединений, но традиция родственного расселения «иу артæй рацæугæ» была у осетин настолько сильна, что и на равнине многие патронимии сохраняли территориальное единство, и даже образовывали новые патронимические кварталы, улицы, отсеки («сых», «зылд») ⁴⁸.

Форма патронимического поселения, обусловленная близостью общественно-экономических интересов патронимии, оказалась в числе наиболее устойчивых признаков единства этого родственного коллектива.

Между семьями «иу артæй рацæугæ» существовали тесные экономические связи, обусловленные наличием некоторой общей собственности, представленной чаще всего пастбищными или сенокосными угодьями, колдцем, током, мельницей, каким-либо сельскохозяйственным или домаш-

ним инвентарем (например, большие кухонные котлы), транспортными средствами, хозяйственными помещениями⁴⁹. Несмотря на наличие общепатронимической собственности, семьи одной патронимии не являлись единым производственным коллективом, каждая из них самостоятельно владела своим имуществом. Главной функцией патронимической организации была трудовая и материальная взаимопомощь. Осетинская повседневность предусматривала определенный регламент межродственного взаимодействия. Взаимопомощь проявлялась во время многих трудовых процессов сельскохозяйственного цикла. Например, при пахоте и посеве несостоятельным, нетрудоспособным родственникам обрабатывали землю или давали займы тягловый скот и инвентарь. Родственники, которые чаще всего были еще и соседями, объединялись в супряги. Совместные работы широко практиковались при уборке урожая, при стрижке овец, обработке шерсти⁵⁰.

Отказ в помощи рассматривался как безнравственный поступок, которого было вполне достаточно, чтобы вся родственная группа потеряла свой авторитет. По наблюдениям современников, в Осетии в рассматриваемый период трудно было увидеть нищего, «нищих нет, хотя есть очень бедные. Бедным помогают те, которые побогаче и до нищенства не допустят. Точно также и больных, и идиотов и т.п. не оставляют на произвол судьбы; они пользуются сочувствием и уходом со стороны родных»,⁵¹ «ни одна фамилия еще не отвернется от своего члена и не бросит, не пустит побираться... по дворам»⁵².

Особенно заметно проявлялась родственная взаимопомощь во время основных событий жизненного цикла. Обязательным было участие родственников в уплате калыма и составлении приданого невесты, в празднике по случаю рождения мальчика, в организации похорон и поминок.

Хозяйственный уклад и традиционный быт осетин требовали усилий многих людей, а с разложением больших семей на малые индивидуальные семьи только их тесная взаимосвязь могла обеспечить эффективное ведение хозяйства и решение бытовых проблем (устройство различных празднеств, похорон, поминок и т.п.).

Семейно-родственная группа «иу артæй рацæугæ» долго сохраняла общественные и идеологические связи. Патронимия оказывала большое влияние на жизнь каждой отдельной семьи. Горская семья с детства прививала детям уважение к родственникам, особенно к старшим. Все члены патронимии были связаны круговой порукой, из их числа обычно избирались соприсяжники обвиняемого на суде. Еще важнее была семейно-родственная взаимопомощь при кровомщении и примирении кровников.

Большую значимость в духовной жизни осетин имела общепатронимическая идеология. Естественным, но в высшей степени интегрирующим фактором следует признать наименование патронимии, состоявшее из собственного имени предка данной патронимии с присоединением патро-

нимической приставки «тæ». Все носители этого фамильного имени строго соблюдали экзогамию, имели общие святилища, места поклонения, общие ритуальные праздники, в том числе пиршества в честь общих покровителей — «дзуаров», которые устраивались обычно в доме старшего из членов патронимии⁵³. Члены патронимии имели обычно отдельное кладбище или участок на общем сельском кладбище⁵⁴, могли иметь свою башню.

Территориальные, экономические, общественные и идеологические связи семей одной патронимии переплетались с такими же связями, пронизывавшими другие социальные структуры. Являясь составным элементом более широких родственных объединений и сельской общины, патронимия у осетин гармонично вписывалась в структуру сельской общины. В одном селе, как правило, проживало несколько патронимий, которые поддерживали друг друга и морально, и материально, но одновременно находились в определенной зависимости от сельских общин. Например, каждая патронимия имела своего старшего («хистæр»), но власть этих старших была ограничена общинным сходом («ныхас») ⁵⁵. Если общинный сход постановлял наказать какого-нибудь общинника общесельским бойкотом («хъоды»), члены патронимии обязаны были подчиниться решению схода и прекратить общение с виновным⁵⁶. Если даже «иу артæй рацæугæ» имели в общепатронимической собственности некоторые участки покосной или пахотной земли, они не могли начинать покос и пахоту, так же, как и все остальные общинники, без разрешения общинного схода и участия в устройстве общесельского праздника «атиаг»⁵⁷.

У осетин не было чисто родственных праздников, соседей и всех общинников приглашали обычно на все мероприятия, даже на фамильные «кувды» (пиры).

В семейно-родственную структуру были тесно вплетены отношения, основанные на **искусственных формах родства**. Побратимство означало взаимную поддержку, вплоть до кровомщения, и распространялось не только на самих побратимов, но и на их семьи. Известны случаи, когда побратимство становилось препятствием для заключения брака, что свидетельствует о том, что в общественном сознании искусственное родство могло приравниваться к кровному. Заключение побратимства закреплялось клятвой и специальным ритуалом.

Заметное распространение у осетин, как и у других народов Кавказа, получило атальчество — практика передачи детей, чаще сыновей, на воспитание лицам из других селений, а часто и в семьи соседних народов.

Воспитанника обучали правилам горского этикета, умению владеть оружием и конем, учили пению и танцам. По достижении совершеннолетия его торжественно возвращали в семью, что сопровождалось традиционным пиршеством и дарообменом.

Семья и семейный быт. Семейная организация осетин характеризуется существованием нескольких форм. Длительное время сохранялись большие семьи, состоявшие из представителей нескольких, чаще всего 3–4 поколений. Основными признаками такой семьи являются общинно-семейная собственность, общее производство и потребление, общинная форма управления при многочисленном родственном составе коллектива, обусловленном неразделенностью братьев. Большое распространение получили семьи, состоявшие из брачных пар боковых родственников.

М. М. Ковалевский для доказательства существования семейной общины обратился к изучению кавказских народов — пшавов, сванов и осетин, сохранявших, как он считал, «многочисленные следы своей первобытной культуры».⁵⁸ Совершив три поездки на Кавказ, ученый приходит к выводу, что в наиболее полной форме сохраняла архаические черты осетинская семейная община. Он отмечал, что «осетинский двор в разных местностях Осетии представляет собой группу лиц в 20, 40, 60 и даже 100 или около того»⁵⁹. Известный кавказовед П. С. Уварова, указывая на архаический быт осетин, писала: «В сакле живет обыкновенно многочисленная семья, ибо дележи и ссоры семейные еще не в обычае у осетин».⁶⁰

В своем развитии большая семья прошла несколько этапов, каждому из которых соответствовал определенный уровень социально-экономических отношений. Эволюция большой семьи особенно четко прослеживается при рассмотрении ее численности: 100 и более человек для отдаленного прошлого, 40, 50, 60 человек для позднейшего времени, когда семья еще сохраняет в той или иной степени традиционный характер, и 15–20 человек для неразделенной семьи более позднего времени.⁶¹

Длительное бытование большой семьи у осетин было обусловлено рядом причин, прежде всего низким уровнем развития производительных сил. Специфика культуры первичного производства осетин способствовала сохранению большесемейной организации как наиболее удобной формы коллективного труда. В условиях комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства только большая семья могла одновременно заниматься несколькими видами хозяйственной деятельности, что определяло и ее более высокий социальный статус.

Сохранению большой семьи способствовало и то обстоятельство, что, несмотря на относительную самостоятельность, жизнедеятельность семьи в экономической, общественной и бытовой сферах регулировалась сельской общиной.

Сельский сход мог давать разрешение на раздел семьи только при следующих условиях: согласие главы большой семьи, обоснованность повода, способность будущей семьи к самостоятельному ведению хозяйства, к исправной выплате всех податей, повинностей, казенных взысканий. Необходимо было

также согласие 2–3 лиц, имеющих право участвовать в сходе.⁶² Семья, желающая разделиться на отдельные домохозяйства, обязана была заявить об этом сельскому сходу и указать размеры и способ раздела имущества. Согласно нормам обычного права, раздел производили специально определенные лица — «уарджытæ» (делители). Как правило, в этой роли выступали соседи. Сход должен был отводить вновь образующейся семье усадебный участок и полевой надел наравне с другими жителями.⁶³ Контроль общины над семьей в таких вопросах, как семейные разделы, наследование имущества, создание новых семей, объяснялся ее фискальными интересами, ответственностью за выплату государственных и общественных повинностей.

Значимую роль в сохранении больших семей играли и ментальные установки. При жизни родителей семейные разделы, как правило, не производились, они осуждались обществом. Как отмечал С. Кокиев, «мы видим семьи душ до 40 и более, потому что раздел между братьями при жизни родителей явление слишком редкое и ненормальное».⁶⁴

Массовый характер бытования больших семей в Осетии многие исследователи объясняют и традиционной склонностью к совместному проживанию, довольно длительное время сохранявшейся у осетин.⁶⁵

Тем не менее, распад больших семей в пореформенный период становился повсеместным явлением. Этот процесс начался еще в 20-е годы XIX века и был связан с массовым переселением осетин из горной местности на равнину. Переселившиеся семьи получали земельный надел, что являлось мощным стимулом для выделения малых семей. Разделы семьи происходили также в силу естественной необходимости, когда разросшаяся семья уже не могла жить «одним котлом».

Стремление выделиться из семьи возникало вместе с появлением возможности самостоятельного существования.

В процессе разложения больших семей складывалась промежуточная форма, или поздний вариант большой семьи — «неразделенная семья». Так же, как и в большой семье, основой ее существования являлась общность хозяйства — нераздельное владение землей, скотом, орудиями производства. Для неразделенной семьи характерно значительное сокращение численности, она состояла не более чем из 15–20 человек.

Неразделенная семья отличалась от большой семьи тем, что состояла уже не из трех и более поколений, а, как правило, из двух поколений брачных пар, с которыми жили женатые дети.⁶⁶ Большая семья распадалась на малые, индивидуальные семьи. Но в тех случаях, когда раздел совершался между братьями старшего поколения, семья брата, имевшего несколько женатых сыновей, вновь становилась неразделенной.

Во главе осетинской семьи стоял старший в семье мужчина — дед, отец. Главой семьи мог быть и старший сын, если отца не было в живых или он

был нетрудоспособен. Иногда эту роль выполняла старшая женщина, она наделялась такими же обязанностями и правами, как и глава семьи — мужчина. Старший обычно выступал от имени семьи в хозяйственных сделках, в отношениях с общинниками, а позднее — с сельской администрацией. Он направлял всю хозяйственную деятельность семьи, регулировал очередность работ, распоряжался их распределением среди мужчин, являлся ответственным за все имущество. На равнине, где ведущей отраслью было земледелие, глава семьи руководил вспашкой, посевами зерновых культур, уборкой урожая. В горах он заботился об увеличении поголовья скота, нанимал пастбища, покупал хлеб у равнинных жителей.⁶⁷ Все остальные хозяйственные функции были строго распределены между мужчинами. Считалось неприличным, когда пожилой человек работал, имея в доме младших. В народе говорили, что хорошие дети никогда не позволят своим престарелым родителям заниматься тяжелым физическим трудом.⁶⁸ Глава состоятельной семьи организовывал и контролировал труд батраков и младших членов семьи, как правило, не принимая личного участия в работах. Здесь сохранялся и половой принцип разделения труда, т.е. четкое разграничение мужской и женской работы.

Общий дом («хæдзар») при разделе, как правило, оставался родителям, а если их не было, старшему из братьев. Согласно обычаю, родители оставались на попечении младшего сына, но если он был женат, родители могли выбрать любого из сыновей.⁶⁹ Матери и сестрам предоставлялось право выбирать для проживания дом одного из братьев. В этих случаях остальные братья выделяли часть своего имущества для содержания сестры и матери. В некоторых местах вошло в обычай выделять при разделе определенную часть для женщин-наследниц и присоединять ее к доле того брата, который будет ими избран. Если какая-либо из женщин выходила замуж, она теряла право на получение помощи от братьев. Вдова, оставшаяся после смерти мужа с дочерьми, выходя замуж, теряла право на имущество мужа.⁷⁰ По нормам обычного права при дележе имущества старший и младший братья получали большую долю, чем другие братья. При определении размеров доли старшего и младшего («хистæйраг» и «кæстæйраг») не существовало единой для всей Осетии нормы. Она определялась в зависимости от размера и вида делимого имущества.

Преимущественное право старшего обосновывалось его функциями в хозяйственной и общественной жизни, многие из которых не утратили своего значения и после раздела семьи. Выделение доли для младшего определялось обязанностью старших братьев покровительствовать ему. Если среди братьев были неженатые, им выделялась определенная доля из имущества на калым.⁷¹ Но раздел семьи всецело зависел от воли главы семьи. Самовольно отделившийся сын не получал никакого имущества.

Все члены семьи вели себя подчеркнуто вежливо по отношению к старшему, считалось неприличным спорить с ним, сидеть, курить, танцевать в его присутствии. Женщины подобным образом вели себя в отношении к старшей в семье. Эти правила поведения распространялись и на отделившихся членов семьи. Ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие (женитьба, замужество и т.д.) не осуществлялось без совета старшего. Отправление религиозного культа в семьях разделившихся сыновей также являлось функцией главы семьи — деда, отца, старшего брата.

Особое место в семейном быту осетин занимали обычаи избегания («уайсадын»). Для осетин, как и для многих других народов Кавказа, были характерны четыре вида избегания. Один из них — избегание между супругами. Им не полагалось появляться вместе в общественных местах, есть за одним столом, беседовать, находиться днем в одном помещении, оставаться наедине. Считалось неприличным заботиться друг о друге в присутствии других членов семьи и посторонних. Супруги не называли друг друга по имени, заменяя его местоимениями или определениями типа «живущая в доме», «наше семейство» и т.д. Невестку называли и по девичьей фамилии. Особенно строго соблюдались эти запреты в присутствии старших.

Другой вид избегания касается родителей и детей. Правила хорошего тона требовали от детей беспрекословного подчинения родителям, их почитания, независимо от возраста самих детей. Этот вид избегания больше распространялся на отца, нежели на мать. Отец не мог при посторонних общаться со своими детьми, «только в самом интимном кругу жены и детей или с глазу на глаз позволительно отцу дать волю своим чувствам и понынчить, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставляли с ребенком на руках, он не задумывался бросить малютку куда попало...».⁷² Мать в силу естественных обстоятельств (необходимость кормления и постоянного ухода за ребенком) не так сильно придерживалась обычая избегания. Но ей также полагалось воздерживаться от проявления чувств по отношению к своим детям. В большой семье воспитанием детей занималась не только она, но и другие женщины; если в доме были еще дети, она ко всем относилась одинаково. В общественных местах избегание между матерью и детьми соблюдалось строже.

Следующий вид избегания определяет отношения между женщиной и родственниками мужа. Невестка, не достигшая почтенного возраста, не имела права говорить вслух в присутствии старших мужчин. Тем более она не могла вступать в разговор со свекром или со старшими родственниками мужа. Даже после того, как свекор сам через некоторое время после свадьбы обращался к невестке с предложением прекратить избегание, она продолжала его соблюдать. Слабее было выражено избегание между невесткой и свекровью. Очевидно, это объяснялось совместным ведением хозяйства, не-

обходимостью частого общения. Тем не менее, снятие запретов происходило только после особого предложения со стороны свекрови.

Четвертый вид избегания касался мужа и его родственников, особенно старших⁷³. Они посещали друг друга только в строго определенных случаях, таких как свадебные и семейные визиты, семейные праздники, несчастья и т.д. Все эти ограничительные отношения очень долго сохранялись у осетин.

Со временем осетинская семья претерпевала значительные изменения: сокращалось число больших семей, сужался круг родственников, ведших общее хозяйство; появилась переходная форма семейной организации — неразделенная семья, которая, не будучи постоянной, систематически регенерировалась на основе малой семьи; увеличивалось количество малых семей.

Вступление в брак юношей и девушек было предметом пристального внимания со стороны всей общины. Безбрачие было крайне редким явлением в осетинской действительности. К вопросу создания семьи осетины подходили весьма ответственно и взвешенно, не только из-за выгоды в хозяйственных вопросах, но и потому, что таким путем значительно расширялся круг родни, что для горца являлось предметом особой гордости.

При заключении брака непременно учитывались сословность, общественное и имущественное положение семей брачующихся. Социальный барьер при заключении браков оказывался почти непреодолимым. Осетинская знать, как и все этнические элиты на Кавказе, предпочитала сословно-неравным бракам межнациональные брачные союзы, а также браки в своей социальной среде, нередко закрывая глаза на существование родственных связей между будущими супругами.

Браки были ранними, особенно со стороны невесты. Брачный возраст для девушек наступал в 14–16 лет. Но, в зависимости от местных традиций и экономических условий, эти цифры колебались. Например, в селах Куртатинского ущелья часто выдавали замуж девочек в 13 лет. В Дигорском ущелье ранних браков почти не было⁷⁴.

Ранние браки поощрялись и приветствовались обществом как залог успешного ведения домашнего хозяйства, которое определялось наличием рабочих рук, распределением всех обязанностей и видов деятельности между членами семьи. Мужчины могли вступать в брак в возрасте 16–18 лет, но ранние браки среди мужчин встречались значительно реже, в основном из-за необходимости уплаты калыма. Этот обычай был причиной поздних браков среди мужчин, он наносил ущерб благосостоянию горцев, которым приходилось с трудом добывать на него средства и ждать до 35–40 лет.⁷⁵ Калым служил своеобразным индикатором «достоинства крови» и не был одинаков у различных классов и в разных обществах. Так, у тагаурских, куртатинских и алагирских влиятельных фамилий Осетии плата за невесту доходила до 1000 руб. серебром или 100 быков. У привилегированных сословий Нарской

котловины размер ирада (калыма) составлял 100 коров, причем непременно скотом отдавалась пятая часть, а остальное — пашнями, оружием, медными предметами и т.д. Ирад крестьян колебался в пределах 25 – 30 коров⁷⁶.

Вместе с женихами зачастую «взрослели» и заблаговременно засватанные невесты, что повышало в целом брачный возраст. Обычным явлением была большая разница в возрасте жениха и невесты, от 15 до 25 лет. Как указывал А. Скачков, «благодаря калыму часто можно встретить супружеские пары, в которых муж старше жены на 20 – 30 лет и даже более»⁷⁷.

На брачный возраст оказывала влияние и традиция, запрещавшая девушке выходить замуж раньше старших сестер. Если жених одной из них уходил на заработки, ждать приходилось не только его невесте, но и ее младшим сестрам⁷⁸. Реакцией на увеличение норм калыма стало распространение практики умыкания девиц. Традиционный брак у осетин совершался путем сватовства. В отличие от соседних народов, умыкание никогда не было формой заключения брака, оно вызывало негодование общества и влекло за собой кровомщение. По свидетельству современников, «в большинстве случаев похищения имеют характер дикого насилия, часто сопровождаемого кровопролитием, а нередко и убийствами с той или с другой стороны. Нередки случаи, когда семья жениха и невесты остаются во всегдашней вражде, не посещают друг друга и стараются не встречаться»⁷⁹. Но распространившееся в более позднее время похищение невест совершалось зачастую по согласию сторон.

В быту осетин долго сохранялись левиратские браки. Сведения о них приводятся у В. Багратиони, Г.Ю. Клапрота, В. Пфафа и других авторов. Все они определяют левиратский брак следующим образом: после смерти мужа его жена должна была выйти замуж за одного из его братьев. По данным М. Ковалевского, левират у осетин сохранялся «во всей его силе» к 80-ым годам XIX века⁸⁰. Его длительное бытование объясняется тем, что некоторые последствия такого брака соответствовали ментальным установкам осетин. Брат покойного, вступая в брак с его вдовой, наживая с ней общих детей, продолжал общую с ним фамилию. Деверь брал в жены вдову брата и по другим соображениям. Если у женщины оставались дети и она еще не была стара, то в интересах воспитания детей семья умершего выносила решение женить на его вдове холостого брата. Бытовала и такая разновидность левирата: если жених умирал до свадьбы, и девушка оставалась засватанной в доме отца, а калым уже был полностью или частично выплачен, то на ней мог жениться брат жениха. Эта форма левирата одобрялась общественным мнением. Левират или сорорат в глазах людей был особенно желателен, если покойная оставляла детей. Считалось, что лучшей мачехи, чем родная сестра матери, для детей не найти. Левират и сорорат распространялся не только на родных братьев и сестер, но и на племянниц, двоюродных сестер и других близких родственников.

У осетин бытовал и обычай юлечного брака. Причиной, побуждавшей родителей к обручению малолетних детей, следует считать стремление обеих сторон укрепить дружеские отношения родством. Инициаторами такого соглашения, как правило, выступали отцы обручаемых.

Выбор невесты для юноши целиком зависел от воли родителей, прежде всего отца. Девушку также выдавали замуж по желанию родителей. М. М. Ковалевский писал: «Произвольно решая судьбу своего сына, отец на этот раз, впрочем, с участием матери, также свободно распоряжается и рукой дочери. Только для виду испрашивается ее согласие. Хорошо воспитанная девушка не в праве высказать своего предпочтения тому или иному жениху: на все расспросы матери она должна отвечать упорным молчанием, не давая виду, люб ей избранник ее матери, или нет. Чтобы избавиться от ненавистного ей жениха, у молодой осетинки не остается иного выхода, как посягнуть на свою жизнь». А если она не решается на это, то «проводит жизнь с нелюбимым ей человеком»⁸¹.

В осетинской повседневности практически не было разводов. Не осуждались вторые браки, преимущественно мужчин. Высокий уровень брачности и раннее замужество были также факторами высокой рождаемости. Вероятность внебрачного рождения была практически равна нулю. Внебрачные дети считались незаконнорожденными, а женщине, родившей вне брака, и ее детям грозили позор и общественное презрение.

Деторождению в традиционно-бытовой культуре придавалось большое социальное значение. В соответствии с традициями, особым предпочтением пользовалось мужское население. Лишь сыновья считались продолжателями рода, главными защитниками семьи и наследниками ее имущества, являлись гарантией прочности социальных позиций семейного коллектива. Рождение сына всегда встречалось как особо радостное событие, тогда как появление на свет девочки проходило, как правило, незаметно. Только после рождения сына женщина могла рассчитывать на некоторую свободу, почет и уважение в новой семье. С рождением уже первого ребенка, особенно сына, поднимался общественный авторитет отца и укреплялось семейное положение матери, которой в случае бездетности могли грозить развод или появление в доме второй жены.

Отсутствие детей рассматривалось как наказание свыше. Женщины прибегали к помощи «святых покровителей». Главным святилищем считалось Мады Майрам — святилище Матери Марии — покровительницы женщин.

Свадебная обрядность. Свадебная обрядность осетин включала несколько этапов, на каждом из которых имели место определенные этикетные ситуации, отражающие как статусно-возрастные, так и родственные отношения.

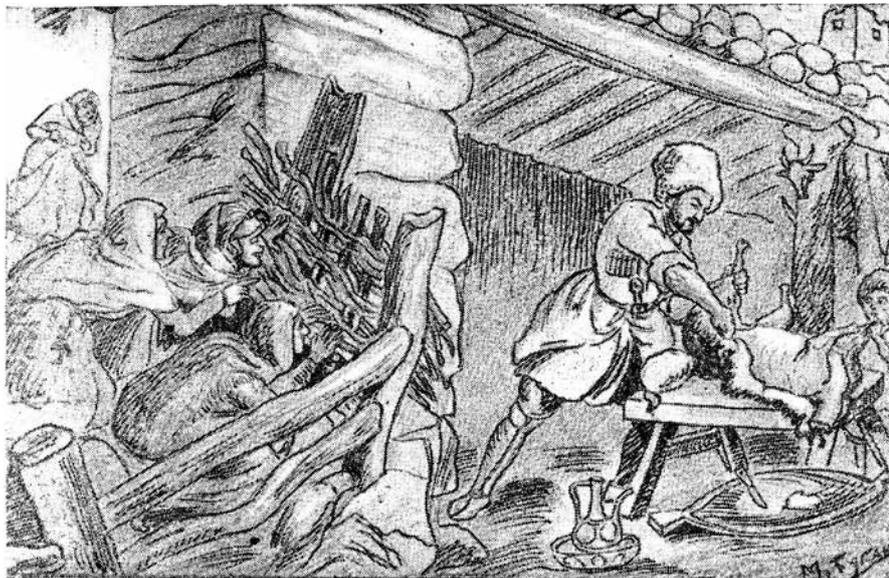
Особенности согласования заключения брака достаточно интересны. Общение должно было вестись с позиций трех суверенных сторон: родня-

щихся и посредника, который, помимо всего прочего, пользовался привилегиями гостя, добавляя к передаваемому поручению еще и личную просьбу. Все это возведено на официальный, т.е. общественный уровень, предъявляющий строгие требования к участникам беседы.

В предсвадебных событиях требовалось обязательное участие соседей. Делегация сватов, как правило, должна состоять из трех агнатических родственников жениха, одного или двух когнатических и непременно соседа. После того, как друг жениха получал официальное разрешение на сватовство, оно начиналось и производилось не менее двух-трех раз. Первый визит в дом невесты наносил и сам жених с ближайшими друзьями. Друзья, по свидетельству Д. Шанаева, «выстраиваются в ряд (на конях) на улице около дома невесты и поют песни. Хозяева высылают им навстречу самых почетных мужчин с приветствиями, просят спешиться, зайти в дом как желанных гостей. Когда гости спешиваются, юноши отводят их коней, убирают их с помощью младших гостей. Гостей приглашают в гостиную и сажают, предварительно забрав берданки, бурки и плетки и сложив их в отдельном помещении вместе с седлами. По просьбе хозяев молодежь приглашает юношей и девушек со всего села устроить танцы для гостей».⁸² Жених чаще всего не заходил в дом, оставаясь во дворе. Если же его приглашали, то он не садился за стол, а оставался у дверей, не снимая шапки и демонстрируя свое «младшинство». «*Кæстæриуæг*» — этикетный цикл, предписанный младшим, не зависит от реального возрастного соотношения приехавших. Указанный поведенческий цикл исполнялся женихом в течение всего визита. Впрочем, строго стереотипизированным было поведение всех присутствующих: «Хозяева за старшего сажают своего самого почетного мужчину, хорошо знающего порядки и обычаи ведения стола. Перед старшим кладут три пирога, шашлык на деревянном вертеле и араку или пиво в роге. Старший, сняв шапку, берет их в руки и произносит тост стоя. Вслед за ним встают и гости, снимают шапки и в один голос произносят «Оммен» в определенных местах тоста. Когда старший кончает молитву, тогда три пирога, шашлык и араку несут жениху (тот, стоя в углу, в сенях, или в другой комнате)... отведывает (отпивает, откусывает) от всех трех»⁸³.

Независимо от возраста приехавших ритуальное вкушение пищи младшего совершает жених. Этим его этикетно приобщают к общему пиршеству и общему делу. Вариативность минимальна не только в порядке ведения застолья, но и в тостах. «Начинается пиршество. Первый бокал — за великого создателя — Бога. Этот почетный тост пьют все, только по очереди, начиная от старших и кончая младшими. Младший не может выпить раньше старшего, сидящего выше него. Когда тот обратится к нему, что я на слова старшего говорю «аминь» и призываю тебя, после того выпивает и младший. Так доходит до самых младших за столом. Второй тост произносит тоже старший за

Уастырджи. Третий — за крепкое родство породнившихся фамилий. Четвертый — за невесту, жениха, шафера и кума. Дальше произносят разные тосты. Когда гости пьют, им дружно хлопают и поют застольные песни. Гости посылают хозяйкам бокал с закуской, затем — танцующей молодежи».

Испытание жениха. Худ. М.С. Туганов

Сущность свадебного застолья проявляется только с третьего тоста, остальные тосты сменяются в общей последовательности, принятой на пирах. Не изменялись обрядовые подношения почетных бокалов, но прибавлялся еще один — преподносимый тещей зятю: «Теща берет большую чашу с пивом и передает своему зятю, он без слов принимает чашу и, отпив глоток, передает ее своим друзьям и те благодарят тещу и желают ей, чтобы она в лице их друга заимела желанного зятя».⁸⁴ Этот обряд сопровождается так называемое «раскрытие зятя»: «Старшие из гостей и хозяев садятся, младшие гости встают, идут за зятем и приводят его с низко надвинутой на глаза шапкой. Зять становится у самых дверей. Старший возносит молитву и передает чашу с пивом со словами: «Отныне твоя совесть перед народом чиста (выполнив все обряды) и отныне просим тебя приезжать открыто»⁸⁵.

Целым рядом коммуникативно значимых действий характеризуется сговор («фидыд») — официальный акт породнения, происходящий в доме невесты. Делегацию в дом невесты возглавляет один из фамильных старших. Во время сговора действуют циклы старшинства, гостеприимства, застолья и др. Интересно, что почти во всех источниках, описывающих этот

эпизод сватовства, упоминается огнестрельное оружие, чаще всего пистолет, передаваемый одному из младших родственников невесты. С этого дня усиливаются этикетные регламентации между женихом и невестой и их родственниками. Жених избегает ходить по улице, где живет его невеста, при встрече с ее родственниками в обществе он должен спешиться, остановиться и переждать, пока родственник пройдет. Невеста со дня сговора считалась сосватанной («куырдуат»). «С этого времени девушка по народному обычаю должна вести жизнь несколько иную. Прежде она могла являться в сопровождении подруг на все общественные увеселения. Теперь, сделавшись невестой, она могла являться лишь на такие увеселения, на которых не могла встретиться с каким-либо дальним или близким родственником жениха, ибо по обычаю осетин она должна скрываться если не от всех, то по крайней мере от значительно превосходящих летами родственников жениха»⁸⁶.

Осетинская свадьба охватывала все предусмотренные коммуникативным этикетным общением оппозиции с прибавлением еще одной, в данном случае существенной: «родственник — неродственник». Официальный свадебный этикет нивелировал роль первых, на должности шафера («къухылхæцæг»), «æмдзуарджын», «хуызисæг» (снимателя шали), распорядителя застолья, распорядителя на свадебных танцах и т.д. назначались близкие люди неродственного круга. Шафер (дословно — «державший за руку») в течение всей последующей жизни считался лицом, породненным с невестой. По наблюдениям Д. Шанаева, «девушки, присутствующие при невесте, бросаются на шафера и обрывают на нем черкеску... он все-таки берет невесту под руку и в сопровождении всех девиц вводит ее с опущенною на лицо шалью в отделение, где находится очаг и надочажная цепь и где была столовая дружок и гостей. Девушки, играющие на гармонике, следуют за невестой и поют известную свадебную песню»⁸⁷.

Жених во время свадьбы также пребывает в обществе своих сверстников в доме «фысыма» (свадебная должность одного из представителей соседского сообщества). Несмотря на то, что именно родственники с обеих сторон принимают самое деятельное участие в организации и проведении свадеб, их этикетные позиции мало подчеркнуты, а в отношении родителей брачующихся даже ослаблены. В церемонии прощания с невестой, напутствиях и благопожеланиях не принимает участия ее отец. Когда девушку приводят в дом жениха, с приветствием никогда не выступает его отец. Даже обряд «мыдыкъус» (обрядовое угощение для свекрови, которое привозит с собой невеста из отчего дома — мед, смешанный с топленным маслом) совершается не обособленно: свекровь сидит в окружении своих сверстниц, каждая из которых также получает символическое угощение и маленький подарок.

Свадьба у осетин. Вывод невесты. Худ. М.С. Туганов

Второй этап свадебной обрядности составляет очень существенное звено. По значимости, многолюдности и престижности обряды в доме невесты ничем не уступают совершаемым в доме жениха. Их обязательность отличает осетин от большинства народов Северного Кавказа, допускающих инсценирование похищения как обычную форму заключения брака.

Для празднования свадьбы в доме невесты собирается все сельское общество, родственник круг с тем же порядком застолий и количеством затрат на него, что и в доме жениха. На равноценность событий указывает и существование специфических дефиниций: «чызгæрвыст» (в доме невесты), «ночь невестки» — «чындзæхсæв» (в доме жениха). Ключевым мотивом этого этапа является прием «чындзхассаг» («увозящих невесту») — делегация тех, кого послала семья жениха, состоящая из нескольких старших, но преимущественно молодежь. «Дружки извещают о своем приезде выстрелами из ружей и пистолетов и громкими возгласами радости. Они шумно въезжают во двор родителей невесты, громко произнося различные приветственные фразы. Дружки и гости в доме невесты на дворе устраивают игры и пляски — осетинские, кабардинские, чеченские и т.д. — все это, разумеется, с участием девушек, стыдливо выходящих из комнаты невесты на зов приезжих гостей. В промежутках между танцами молодежь угощают шашлыком, пирогами и другими печеньями, мужчин же — еще напитками. К вечеру все танцы и игры на время унимаются. Гости и дружки приглашаются к обеду. До начала пиршества старший из всех присутствующих, предварительно обнажив голову и встав со своего почетного места, с чаркою обращается громко, во всеус-

лышание, ко всем присутствующим: «О, добрые люди! Послушайте немного. Боже! направь дело тех, ради которых мы находимся тут, на нуги счастья, поведи его так, как говорят сердца их, чтобы дом, в который девушка войдет, был осчастливлен ее вступлением, чтобы там воцарилось благоденствие, и предпиши счастья ей самой в среде семейства»⁸⁸.

Этот день знаменует переход к третьему этапу, его этикетная кульминация — прощание невесты с очагом. Отметим, что во время свадебных церемоний ритуалом прощания с очагом в обоих домах руководит шафер. Свадебные действия дополняет еще один существенный аспект индоевропейского бракосаключения, упоминаемого в «Ведах» — «рукопожатия» или «овладения рукой невесты». Юноша берет и хватает руку девушки в присутствии первоначального ее хозяина в знак того, что она отныне переходит в его собственность». Эти полномочия, осуществляемые шафером-посредником, отражены в самой сути определения его должности — «къухылхæцæг» («за руку держащий»). После исполнения обряда прощания с очагом «къухылхæцæг» выводит невесту за руку из дома. Завершает третий этап — вынос из дома приданого (впоследствии его стали привозить позднее), после чего выводили и невесту.

Движение свадебного поезда сопровождалось особыми действиями: песни, джигитовка, стрельба, которые усиливались при приближении к дому жениха. Услышав это, женщины, молодежь, дети выходили встретить невесту.

В хадзаре располагались столы для самых старших, к которым и подводили невесту для приветствия. У ряда кавказских народов распространен обряд приподнимания покрывала с лица невесты с помощью стрелы, кинжала, палки как символа оружия; покрывало приподнимает специально назначаемый человек. У осетин эта официальная свадебная должность именовалась «хызисаг» (дословно — «сниматель фаты»). Невеста пребывала возле очага только во время ритуала круговой чаши. После этого ее провожали в отведенную ей комнату, где она оставалась в кругу девушек. К ней заходили для приветствия женщины и мужчины — близкие родственники. Выводили невесту из комнаты только по особой просьбе пирующих для исполнения танца. Следующий день знаменовался приездом «хуындзау» — делегации из дома невесты. Она состояла преимущественно из нескольких старших, одной невестки делегируемой фамилии и молодежи — юношей и девушек. Их принимали и угощали по общим правилам гендерной и возрастной иерархии.

Свадьбы собирали большое количество людей, особенно если брачующиеся были из разных селений. Сельчане и родственники получали приглашение через специальных посланников, роль которых исполняла родственная или соседская молодежь. Гости прибывали преимущественно группами и реже семьями. Девушек чаще всего сопровождали братья. Предъявлялись достаточно строгие требования к внешнему виду гостей: «Гости на свадьбу

являлись в национальных костюмах. Мужчине, например, было позорно придти на свадьбу без «цука» — черкески⁸⁹, которая обязывала к ношению оружия. В обязанности родственной и соседской молодежи вменялось последующее сопровождение старших и девушек, когда они расходились по домам.

Социализация молодого поколения. Осетины выработали свои способы социализации, которые определялись историческими и социально-экономическими условиями, а также традиционными представлениями о совершенной личности и способах ее формирования.

Традиционная система социализации молодого поколения основана была на основных жизненных циклах ребенка и молодого человека. В представлении осетин наиболее важным и ответственным является первый период в жизни ребенка, где определяющее значение имели выбор имени, обряды первого года жизни: вовлечение ребенка в семью, укладывание в колыбель, кормление, охранительная магия, первый шаг, первое состригание волос и т.д. Предметный мир этого этапа — первых лет жизни ребенка, имел также существенное значение в процессе его социализации и включал в себя предметы и способы кормления, детскую колыбель, средства гигиены, определенный режим, игрушки, одежду, занятия и т.д.

Если на начальном этапе жизни основным принципом было обеспечение его физического благополучия и использовались спонтанные методы воздействия, то следующий этап социализации связан с системным приобщением ребенка к ценностям и приоритетам семьи, с первым выходом во взрослое общество, приобщением ребенка к жизни социума. Ребенок все больше становился лицом своей семьи, а ее авторитет был предметом особой заботы.

Стиль социализации во многом определялся структурой и типом семьи. Для внутреннего строя семьи были характерны авторитарность и патриархальность. Главенствующее положение мужчины, принцип старшинства в семье, зависимое положение младших определяли характер не только внутрисемейных отношений, но и социальную позицию каждого из членов семьи, нравственные установки и ориентации. Четкое возрастное и половозрастное распределение обязанностей, принципы поведения, специфические способы общения способствовали тому, что дети осваивали опыт предшествующих поколений на уровне наблюдения и повторения их поведения. Таким образом, дети уже к 7–8 годам становились ответственными за свое общественное поведение. Трудовое воспитание являлось одним из важнейших задач в общей системе социализации детей в семье. В результате, уже к 16 годам подростки могли брать на себя все основные хозяйственные задачи. Трудовое воспитание и активное привлечение детей к трудовой деятельности семьи объяснялось господством натурального хозяйства, которое требовало большого количества рабочих рук. Основным

методом воспитания в семье было поучение, назидание. Дети подражали и копировали поведение взрослых. Но при всей значимости семьи в процессе социализации личности, она не была единственным фактором, представляя собой социальную микросреду человека.

Мощный воспитательный и регламентирующий потенциал был заложен в общине, представлявшей собой внешний мир общественных отношений. Определяя формы поведения для всех возрастных категорий, община представляла собой традиционный институт социализации детей и молодого поколения, вовлекая их в жизнь социума. Социализирующая роль общины осуществлялась как прямым, так и опосредованным образом. Не оставаясь равнодушными к любым поступкам детей, сельская община строго требовала соблюдения общественных норм поведения, выполнения всех функций и обязанностей. Общественная нетерпимость к нарушению любых норм морали и этикета была противопоставлена всеобщему почету и уважению, которого добиться было так же нелегко. Настоящей школой жизни были народные праздники, общественные ритуальные мероприятия, поскольку традиционная обрядность является одним из устойчивых признаков этноса. Под воздействием обрядности формировались представления о личностном совершенствовании. Большое воспитательное значение имели различные игры и состязания. Они закаляли ребенка с малых лет, готовили его к жизни, воспитывали сильных, ловких, выносливых юношей.

Активная социализация детей и подростков проходила в обществе сверстников, в котором складывались свои правила поведения и отношения. На каждом возрастном этапе складывалась своя субкультура, которая формировала условия социализации. В детском возрасте — на игровом уровне, в подростковом возрасте — на уровне специфических форм общения и проведения досуга, в молодежном периоде — в нормах поведения и участия в общественных мероприятиях. Находясь под контролем институтов общины, подрастающее поколение было достаточно автономным в своих поступках. Несмотря на многочисленные запреты и этикетные регламентации, община не подавляла личность, а создавала условия для ее формирования в рамках традиционных нравственных, религиозных и социальных представлений.

Практика традиционного воспитания у осетин насыщена гендерным символизмом. Обрядово узаконенные, формирующиеся с детства, специфические модели феминности и маскулинности лежали в основе этико-педагогических представлений осетин. Уже на ранних этапах процесса социализации отчетливо проявлялась гендерная дифференциация социальной деятельности: общественная сфера мужчин и замкнутое узкое пространство домохозяйства женщин.

Детские игры. Худ. М.С. Туганов

Воспитание девочек осуществлялось под присмотром старших женщин семейной общины. Они приобщали воспитанниц к ценностным нормам, присущим хорошей хозяйке, жене, снохе, матери. Важнейшей составляющей этих качеств было следование правилам приличия, почтение к мужчине. Идеал юноши не оставляет сомнений в воинской направленности этико-воспитательных приоритетов традиционного общества.

Традиционные институты были основаны на опыте предшествующих поколений и вере в святость национальных традиций и норм.

Похоронные обряды. Одной из отличительных особенностей осетинских похорон является их широкий общественный характер, свидетельством чему являлся институт оповестителей «хъæргæнæг» — печальный вестник из числа родственников, и «фидиуæг» — глашатай, имевшийся в каждом большом селении. Отправляясь оповещать о смерти, хъæргæнæг садился по возможности на лучшего коня чёрной масти, который должен был всё время идти рысью. Всадник держал плеть в левой руке, слезал и садился с правой стороны. Встречая путников, он

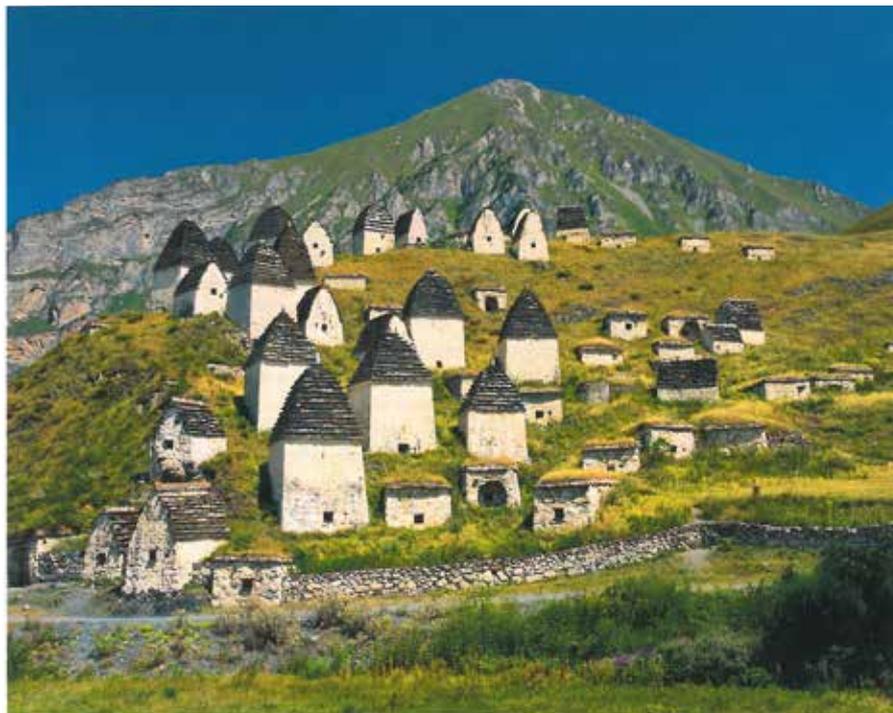
останавливал коня и сообщал о цели своей поездки; подъезжая к селу, увидев сидящих на ныхасе мужчин, спешился, подходил к ним с опущенными руками и произносил имя умершего со словами «*фæци*» (скончался) или «*фæзиан*» (умер)⁹⁰. Если родственники жили в разных сёлах, отдалённых друг от друга, посылали несколько печальных вестников, обязанность которых заключалась в оповещении как можно большего числа родственников и односельчан.

От ираноязычных предков осетины заимствовали и *обряд оплакивания*, в котором в старину участвовало много людей — это родственники, односельчане, друзья, близкие товарищи. Плачущие голоса сливались в единый протяжный плач, по которому издали узнавали о случившемся. Ни один путник не мог проехать мимо дома, в котором лежал умерший, не выразив соболезнования, причём делалось это по определённой этикету, выработанному веками. Путник, спешившись, делал несколько шагов вперёд и принимал печальную позу: стоял с опущенной головой и руками. Навстречу ему выступала группа стариков, обычно из числа родственников умершего, со словами благодарности за его соболезнования. Только после этого путник продолжал свой путь.

Голосили в основном женщины, причём особо выделялись голоса искусных плакальщиц (*хъарæггæнæг*). О значении осетинского обряда оплакивания свидетельствует старинная осетинская поговорка: «*Устыты хъарæггæй æмæ хъæрæй фидауы зиан*» (Причитания и голошения женщин украшают похороны). Но существовали и *запретительные* нормы: отец не мог оплакивать ни сына, ни дочь; мать — малолетних детей; тестю не полагалось оплакивать зятя; муж никогда не заплачет при смерти жены; зять не оплакивает родственников со стороны жены; запрещалось оплакивать убитого молнией; умерших от оспы детей. Считалось, что чем больше слёз будет пролито, тем более счастлив будет покойник на том свете, тем благоприятнее отнесётся он к своим родным.

Магическая функция причитаний, заключающаяся в утешении покойника слезами, в создании для него благоприятной обстановки на том свете, постепенно отмирала. Со временем на первый план выступила *воспитательная функция*: причитания являлись и являются своеобразной художественной характеристикой усопшего, данной ему в неизбежный для каждого смертного час в присутствии большого количества людей, знакомых и незнакомых.

Похороны женщины были намного скромнее, но также сопровождались цепью сложных древних обрядов. Умершую оплакивали все присутствовавшие на похоронах женщины. Родственницы по отцовской линии трёхкратно обходили гроб вокруг покойной на коленях. Этот же ритуал совершался на кладбище всеми молодыми невестками.

Даргавс. Город Мертвых

Отправляясь на похороны, мужчины ехали обычно верхом на лошадях впереди, а женщины — на арбах и бричках сзади. Все участники были в чёрном. Прибыв в село, они останавливались вдалеке от дома покойного и шли в том же порядке, как ехали. Подходя к дому, мужчины разделялись на две группы: родственники и друзья шли к покойному и оплакивали его. Другая группа выражала *тæфæрфæс* (соболезнование) по ритуалу: мужчины становились в один ряд с опущенными руками и печальными лицами. Навстречу им выступали несколько стариков из числа родственников и односельчан и благодарили их за участие в горестной процедуре. Затем мужчины отходили в сторону и освобождали дорогу соболезнующим женщинам.

Облекали покойника во всё новое, причём вся одежда для него, за исключением головного убора, изготовлялась его семьей. Головной убор для умершего мужчины приносили родственники жены. Они же в случае смерти замужней дочери приносили головной платок. Бытовал обычай, по которому засватанную умершую девушку хоронили в белом головном платке.

Хоронили усопшего обычно в семейном склепе или на родовом участке кладбища, располагая тело в могиле лицом к востоку, а у мусульман — лицом по направлению к Мекке. Кроме того, в каждом ауле горной Осетии су-

ществовало и общесельское кладбище, где хоронили тех, кто не имел своего склепа или родового кладбища. На кладбище членов семьи хоронили вместе. Если же кто-нибудь из них умирал на чужбине, то старались во что бы ни стало привезти его в родное село и похоронить там, чтобы вся семья была вместе и на том свете.

Самый торжественный момент во всей погребальной церемонии — *бæхфæлдисæн* «посвящение коня». Обряд проводил красноречивый старец, хорошо знавший слова посвячительной речи. *Бæхфæлдисæг* «посвячитель коня» выходил из толпы, брал в руки уздечку и проводил ею по рукам покойника или клал ему на руку, что означало передачу коня усопшему. На коне была торба с ячменём, чтобы стоял спокойно (или не голодал на том свете, по другому варианту). Затем старик брал рог или стакан с аракой (чаще — чашу с сакральным пивом) и произносил длинную образную и красивую речь. Закончив говорить, посвячитель проливал несколько капель напитка сначала на голову коня, затем на покойника, после чего разбивал чашу или стакан о подкову правой передней ноги. Коня трижды обводили вокруг гроба в сопровождении вдовы и близких родственников, не перестававших оплакивать усопшего. После этого у животного отрезали кончик правого уха в знак того, что она и на том свете будет служить покойному. Посвящённый конь оставался обычно в доме покойного навсегда, причём в течение года он использовался только для верховой езды.

Посвящение коня покойнику. Худ. М.С. Туганов

Одновременно с обрядом посвящения коня совершался обряд обрезания косы у вдовы. Родственницы отрезали косу и клали её под голову покойника (варианты: отрезали только кончик косы и клали также под голову покойника вместе с кончиком уха коня или волосами из его чёлки) со словами: *хæлар дын уæд дæ ус* «пусть пребудет с тобой и твоя жена».

Если умирал человек, не имевший потомства, с ним выносили на кладбище его надочажную цепь, которую после похорон относили обратно и вешали на место. Такие похороны считались бесславными, о чём свидетельствует проклятие *дæ рæхыс дæ фæстæ ауыгъдæй баззайæд* «чтобы твоя цепь после тебя оставалась неподвижной» (вариант: цепь уносила вдова в отцовский дом). Если умирал неженатый последний представитель мужского пола, оставшаяся в доме женщина или девушка опоясывала себя надочажной цепью и сопровождала покойника до кладбища. Об этом свидетельствует такое проклятие, как: *дæ сау рæхыс дæ астæуыл бабæтт* «чтобы ты опоясала себя своей чёрной цепью».

В течение целого года со дня похорон для семьи покойника одной из главных забот было постоянное снабжение умершего пищей и питьём, чтобы на том свете он не голодал. В обычаях поминок проявлялась забота о покойниках, стремление задобрить и заручиться их покровительством. По данным Вс. Ф. Миллера, относящимся к 80-м годам XIX века, осетины устраивали в год 12 больших и малых поминок.⁹¹ Количество поминок по умершим родственникам у мусульман не совпадало с христианскими. У осетин-магометан, кроме больших осенних, известны семидневные, сорокадневные поминки, Рамазан, Курман, Сабатизæр. Но они также требовали больших расходов. Поминки делились на общественные (массовые) и семейные.

С осетинским поминальным столом связана и определённая символика чисел. Печальные и радостные события определялись подачей к столу установленного числа пирогов с начинкой из сыра. В первом случае их было чётное число (2,4,6,8), во втором — нечётное (3,5,7,9). К столу старейшин и уважаемых стариков на поминках подавали четыре сакральных пирога с сыром вместе с головой и другими почётными частями туши животного.

Поминальные скачки (*дугъ*), по мнению народа, «самое высшее удовольствие для умерших, которые, хотя и невидимо, но принимают вместе с живыми самое непосредственное участие в праздничных торжествах».⁹² Второе их назначение — способствовать спасению душ покойников, которые к этому времени претерпевают невыносимые муки, — скачки устраивались как выкуп за душу усопшего. Конные скачки иногда заменялись стрельбой в цель. Только после завершения состязания начиналось поминальное пиршество.

Скачки в честь умершего. Худ. М.С. Туганов

По умершему родичу осетины носили и носят траур (*сау дарын*). Мужчины не брились, позже к этому прибавилось ношение фотографии усопшего в чёрном обрамлении и с ленточкой из чёрной ткани на лацкане костюма. Обычай не предусматривал, чтобы отец выражал свою скорбь и носил траур по умершим детям, хотя со временем этот запрет стал нарушаться.

Женщины, родные и близкие родственники одевались в траурную одежду. Траур носили мать — по детям, братья и сестры — по умершим братьям и сестрам, а также по близким друзьям, по названным братьям, по дяде, матери, а порою и по отцу. Особо строгие предписания по несению траура по мужу предусматривались вдове (*идæдз*). В этнографическом материале отражено благоговейное и почтительное отношение осетин к лицам, носящим траур, в особенности к матери умершего. При появлении лица, носящего траур, в обществе умолкал смех, и затихало веселье. Перед женщиной в трауре безмолвно склоняли головы почтенные старцы, а кровники прекращали свою схватку.⁹³ Заметим, что оскорбление могилы предка приравнивалось к оскорблению домашнего очага. Самые суровые клятвы давались на могилах предков, а нанесённое им оскорбление смывалось только кровью. При судебных разбирательствах по адатам предков самой безошибочной мерой выявления виновников было убийство нечистых животных на родовом кладбище, т.е. осквернение могил предков.

Осетинские похороны имели широкий общественный характер, что проявлялось в родственной и общинной солидарности при оказании материальной помощи семье покойного для покрытия её огромных расходов по устройству многочисленных и разорительных поминок по умершему родичу.

Религиозные верования. Принятие аланами христианства сопровождалось строительством храмов и церквей, многие из которых сохранялись в рассматриваемое время. Так, в верховьях Кубани насчитывается свыше десяти развалин храмов. В горах Осетии в период царствования в Грузии царицы Тамары было сооружено большое количество монастырей и церквей. В их числе Зругский храм на границе Южной и Северной Осетии, церкви в Алагирском, Куртатинском и Дигорском ущельях. Много развалин древних храмов в Кударском ущелье. Но христианство в Осетии в средние века не успело пустить глубокие корни.

Оттесненные в горы в результате монгольского нашествия, осетины вынуждены были адаптироваться к жизни в суровых горах. «Исполинские горы, — писал Н. Жданов, — своими снежными вершинами уходящие в небеса, грозные тучи с громами и молниями, бури и вихри и обвалы — все это наводило на осетин страх и ужас. Они пытались умилостивить эти грозные явления своими мольбами и жертвами, резали в честь неодушевленной природы быков и баранов»⁹⁴.

В ходе адаптации осетин к замкнутому горному пространству формировались религиозные верования, сакральные представления и магическая практика.

Бытовали такие древние формы религии, как тотемизм и анимизм. Следы тотемических верований сохранились в археологических памятниках и в фольклоре, в частности в нартовском эпосе. Отдельные фамилии свое происхождение связывали с медведем, волком и другими животными. Так, Арсиевы (в русской этимологии Медведевы) поклонялись медведю. В его честь они построили в Куртатинском ущелье святилище «Арсы дзуар». Медведя считала своим предком и фамилия Хубаевых из Ксанского ущелья Южной Осетии. Волка считала своим покровителем и предком фамилия Бираговых из Зругского ущелья. Царазоны из с.Бурон Алагирского ущелья считали своим покровителем Орла. Фамилия Тукаевых из Дигоры считала священной Змею.

Ярким тотемным образом был олень. Осетинское название оленя *саг* В. И. Абаевым возводится к самоназванию скифов-саков, которые именовали себя по своему тотемному животному-оленю.⁹⁵ У осетин олени рога прикреплялись к столбам внутри жилища, их изображения зафиксированы в национальном орнаменте.

Как и у многих других народов, особое место в религиозных воззрениях занимал конь. Имена, образованные от иранского названия лошади (*асра*)

и нарекавшиеся с магической целью способствовать благополучию, получили широкое распространение на всей территории расселения иранских племен.⁹⁶ В мифологии иранских народов конь представлен как тотемное животное, способное на чудеса. О связи коней с небесами свидетельствует и осетинское название Млечного пути — *Æрфæны фæд* (знаменитый конь нарта Урузмага, происхождение которого связано с тотемическим мифом). Наиболее ярко культ коня у осетин находит свое кульминационное выражение в известном обряде посвящения коня покойнику (*бæхфæлдисын*).

Осетинам известны архаические представления о быке, поддерживающем землю с горами и морями на своих рогах. В честь быка устраивали специальный праздник — Воскресенье заклания быка (*Галæргæвдæн хуыцаубон*), а в горной Осетии сохранилось святилище быков (*Галты дзуар*). В дни больших календарных праздников в качестве жертвенного животного предпочитался бык. Жертвенный бык обычно определялся за год до начала праздника. На шею ему вешали колокольчик, крестик из ясени, а рога его украшались лентами, цветами.

Культовым животным был и баран. Многочисленные осетинские праздники были связаны с паломничеством к святилищам, где совершались жертвоприношения, преимущественно баранами. В горах Осетии имеются святилища баранов — *Фыры дзуар*, которые в прошлом украшались каменными и чугунными статуями баранов.

Сакральным существом считалась и змея. Во многих произведениях устного народного творчества осетин дракон или чудовище (*кæфхъуындар*) часто предстает в образе Залийской змеи (*Залиаг калм*). Осетины верили, что местом обитания дракона является не только водная стихия, но и небеса. Этим суеверием была вызвана прицеленная к луне стрельба в ночь под новый год, чтобы спасти ее от схватившего его чудовища, небесной змеи — *арвы калм*.

У осетин бытовали и представления о тотемах — птицах. Жители равнины верили, что гнездование в доме ласточек предвещает счастье. С кукованием кукушки, с карканьем вороны связывались недобрые предзнаменования.

В традиционной культуре осетин значительное место занимает дерево и связанные с ним представления, обряды и запреты. Развитый культ дерева определяется его исключительной ролью в культуре жизнеобеспечения осетин. Отношение к дереву было не просто бережным и разумным. Рубка деревьев без особой нужды воспринималась как крайне безнравственное и дикое явление. Даже в тех случаях, когда дерево рубили для жизненно необходимых целей, считали обязательным повиниться перед духом дерева, совершив обряд жертвоприношения. У осетин совершенно очевидна связь культа дерева с культом предков; существовало поверье, что души умерших родных находят приют в деревьях. Многие бытописатели и путешественники

отмечали существование священных рощ, за рубку дерева в которых человека настигали болезни, слепота, смерть. В священных рощах можно было рубить дрова и использовать древесину только для изготовления амулетов или для разведения костра, когда готовилась ритуальная пища в честь праздника данного святилища.

Особыми объектами поклонения становились одиноко растущие деревья, рядом с ними устраивали святилища, в определенные дни совершались жертвоприношения и обрядовые поливания водой или молоком. Волшебные деревья, в которых течет кровь или молоко, упоминаются в Нартовском эпосе, в сказках, легендах.

К числу обожествляемых объектов природы относились и водные источники. Осетины, как многие другие народы, считали, что вода имеет свойство не только физического, но и духовного очищения. Сложилось представление о повелителях водной стихии, среди которых зафиксированные в эпических текстах Донбеттыр и водные женские божества, своеобразные русалки — «доны чызджытæ» (водяные девы), длинноволосые красавицы, обитающие в реках, родниках, озерах и других водных пространствах. К ним были обращены молитвы осетин о чистой и здоровой воде. Бытовали пожелания об их благословении — «доны чызджыты хорзæх дæ уæд» (пусть облагодетельствуют тебя водяные девы) и даже проклятья — «доны чызджытæй æлгъыст фæу» (пусть проклянут тебя водяные девы).

У осетин сохранялись отголоски фетишизма в виде почитания неодушевленных предметов. Пожалуй, нет селения в горах Кавказа, в том числе и в Осетии, где не было и нет почитаемых горных вершин или камней. Для осетин горные вершины — местопребывание святых (*Тбау-Уацилла*, *Бурсамдзели*, *Тыхост*, *Сау Барæг* и др); почти все осетинские святилища расположены на холмах и выступах гор. Поскольку камень, доставленный из святилища, имел равнозначную силу, из-за трудности подъема в горы осетины сделали «филиалы» своих святилищ на низинах, куда и шли на поклонение. Велика была вера в магическую силу продырявленного камня. Наиболее почитаемыми считались камни белого цвета (большой белый камень у святилища Уацилла в сел. Едыс, белый камень в с. Нар Алагирского ущелья). В эпических сказаниях упоминается большой серый камень на нартовском *ныхасе*, так называемый «камень забвения» — кто на него ложился, тот забывал о своем горе⁹⁷. Высокопочтимой семейной реликвией у осетин был блестящий драгоценный камень — *цыкурайы фæрдыг*.

Общеосетинским фетишем были такие домашние святыни, как очаг, надочажная цепь, имевшая своего покровителя, и надочажный столб «Сæры зæд». Высоко почитались такие божества, как Сафа, хранитель огня «Æфсин», домовый «Бынаты хицау». В некоторых случаях носителем охранительных сил выступали драгоценные камни («цыкурайы фæрдыг»).

В представлениях древних осетин огонь — сверхъестественное существо, способное как облагодетельствовать человека, так и навредить ему. Именем огня произносили клятвы и проклятия — «*дæ зынджы хай бахуыссæд*» (да угаснет доля твоего огня), «*арты сыгъд фæу*» (да будь сожжена на огне), «*арты фыдæх ссар*» (да постигнет тебя немилость огня) и т.д. Огонь наделялся целительными свойствами, активно использовался в охранительной и лечебной магической практике. Осетины возвели огонь в ранг божеств, от него ждали защиты от злых сил, увеличение числа членов семьи, приплода домашнего скота, в его честь устраивали праздники.

В осетинской мифологии было множество божеств, которые олицетворяли различные явления природы. Самая высшая ступень осетинского пантеона — творец мира — Бог (*Хуыцау*). В дохристианский период осетины имели представление о великом верховном боге, создателе и управителе мира, который возвышался над остальными осетинскими божествами. Хуыцау — податель добра и зла, счастья и несчастий.⁹⁸ Осетины считали, что в повседневной жизни их судьбами распоряжаются другие божества, ведающие отдельными отраслями природных сил и подчиняющиеся верховному Богу-Хуыцау. При этом «другие божества осетин не называет богами, хотя они занимают в его религиозных представлениях и в культе такое же место, как боги у древних греков, германцев или славян. Можно нередко слышать, как они называют верховного бога «богом богов» (*Хуыцæутты Хуыцау*), допуская тем самым существование других богов, подчиненных высшему».⁹⁹ К ним относятся: Уастырджи, Уацилла, Сафа, Донбеттыр, Æфсати, Мады Майрæм, Тутыр, Гæтæг, Галæгон и др.

Уастырджи — бог мужчин и воинов, покровитель путника, посредник между небожителями и людьми. Имя его окружено ореолом недосягаемого почета и обожания, многочисленными легендами, преданиями. В представлениях осетин он с белой бородой, на белом коне, подобно молнии облетает землю от края до края. По мнению В. И. Абаева, Уастырджи — это охристианизированный образ старого солнечного божества осетин¹⁰⁰.

Уацилла — дух-покровитель с большими полномочиями. По меткому определению В.Ф. Миллера, «имя библейского пророка, перешедшее к осетинам вместе с ранним христианством, сделалось у них именем древнего бога громовика, вытеснив его прежнее название»¹⁰¹. *Курдалагон* — мифический кузнец, один из самых популярных божеств, бог кузнечного дела. Он живет в дружбе с нартами, в своей кузне кует железное оружие. *Æфсати* — покровитель туров, оленей, коз и других благородных зверей. Широкая популярность Æфсати в фольклоре и эпосе осетин, развитая охотничья обрядность свидетельствует о том, что охота занимала в их хозяйственной жизни видную роль. *Тутыр* — патрон и властитель волков, без разрешения которого волки не могут причинить вреда ни человеку,

ни его хозяйству. *Фæлвæра* — патрон мелкого рогатого скота. В представлениях суеверных осетин он кроток, тих и безобиден. Имя патрона дошло до нас в христианизированной форме (Флор и Лавр). *Галæгон* — антропоморфное существо, покровитель ветров, обитал высоко в горах и низвергался в ущелья, производя бури и метели. Мады Майрæм — божество, покровительствовавшее женщинам и детям. *Наф* — покровитель рода, древнейшее и почитаемое божество, во власти которого — плодородие. Весенние праздники Большой Наф и Малый Наф долго сохранялись в быту горных осетин¹⁰². *Бынаты хицау* — хозяин места, жилого дома. По представлениям древних осетин, духи могут иметь человеческий облик, понимать человеческую речь и вести образ жизни, подобный людям. Этим представлениям соответствует образ *Бынаты хицау*. *Духи и ангелы (зæдтæ æмæ дауджытæ)* — небесные духи низшей категории. Примечательно их парное, во множественном числе употребление (*зæдтæ æмæ дæ дауджыты хорзæх уæд*) — да благословят тебя духи и ангелы. Характерной особенностью религиозных верований осетин было большое количество дзуаров — святилищ.

Обряд побратимства у святилища Реком. Худ. А. В. Джанаев

Цопнай. Худ. М.С. Туганов

В религиозном пантеоне осетин существовали как общеосетинские культы отдельных божеств, так и культы отдельных ущелий, сел, фамилий.

Священнослужители («дзуары лæгтæ») не образовали замкнутой группы, но тенденция в отдельных родственных объединениях или сельских общинах должность жреца передавалась по наследству. Так, все жители с. Задалеск поклонялись святилищу «Задалески нана», но особые обязанности и права были отведены Текоевым. Многие из прилегающих к с. Дзивгис аулов поклонялись святилищу в Дзивгисе, но право выбора жрецов было закреплено только за Елкановыми и Хаматовыми.

В процессе распространения христианства и ислама у осетин складывались синкретические культы: для древних божеств изыскивались параллели в пантеоне христианских и исламских святых, в их честь слагались песни. Традиционный обряд жертвоприношения распространялся на Николая Угодника, Георгия Победоносца, Архангела Михаила.¹⁰³

По свидетельству Штедера, во второй половине XVIII века все фамилии дигорских баделят уже придерживались ислама¹⁰⁴. Вахушти Багратиони писал, что «...в Тагаурии, Куртаули, Валагири, Дигории и Басиане главари и знатные суть магометане, а простые крестьяне — христиане, но они несведущи в той и другой вере: различия между ними состоят лишь в том, что кушающие свинину считаются христианами, а кушающие конину — магометанами»¹⁰⁵.

Особенности конфессионального состояния осетин, в частности существовавшие верования в «главного», «большого» бога, часть исследователей объясняет эволюцией религиозного сознания, достигшего определенной фазы на пути к монотеизму. Другие ученые рассматривают версию о существовании осетинской национальной монотеистической религии. Представляется, что углубленное исследование религии осетин должно стать одним из приоритетных направлений осетиноведения.

Устное народное творчество. Устное народное творчество — одна из составных частей традиционной культуры осетин. В нем выработались свои художественно-выразительные средства, свои традиции в описании событий, пейзажа, в показе образа, в раскрытии характера героев. В произведениях устного народного творчества отразились особенности мировоззрения народа, его думы и чаяния, многие исторические события.

По-прежнему нартовские сказания удовлетворяли эстетические потребности народа. Удивительные рассказы о подвигах героев, захватывающие дух приключения украшали досуг и воинов, и пастухов, и пахарей. Народ знал свой эпос. Содержание отдельных сюжетов мог рассказать любой осетин, но прекрасное исполнение сказания было уделом талантливых сказителей, выразителей духа, мудрости и творческой энергии народа.

Сокровищницей уникальных тысячелетних знаний осетинского народа о мире является сказка, представленная в осетинском фольклоре всеми его видами: сказка о животных (*Цæрæгойты аргъау*), волшебная сказка (*Алæмæтон аргъау*), легендарная, новеллистическая, сатирическая. Они повествуют об отношениях простых смертных с небожителями пантеона осетин, о «жизни» небесных светил, о сотворении животных и насекомых, о семейных отношениях, о верной любви, об отношениях простого народа со служителями христианского и мусульманского культов, работников с хозяевами, о хитрецах-бедняках, обманувших своих хозяев и присвоивших их богатство. Героями народных сказок чаще всего выступали искатели правды, счастья. Как отмечал К. Хетагуров, «сказки составляют достояние обоих полов и всех возрастов. Они многочисленны, разнообразны и художественны; они всегда служили одним из самых приятных времяпрепровождений. Игра на двух- и двенадцатиструнном фандыре и длинные повествования под их аккомпанемент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин. Эта отрасль народного творчества особенно любима и полна прелести»¹⁰⁶.

По определению К. Борисевича, «осетины — народ поэтический, одаренный довольно богатой фантазией, что можно заключить хотя бы по сказкам, содержание которых изобилует роскошными фантастическими картинками. Поэтический талант осетина проявляется в массе песен, слагаемых на каждый более или менее выдающийся факт их жизни».¹⁰⁷

Музыкальный фольклор осетин связан глубокими корнями с их жизнью и бытом и имеет многовековую историю. Песня повсюду сопутствовала и сопутствует жизни осетин — в радости, в горе, в повседневном труде, в массовых народно-зрелищных мероприятиях и т.д. Испокон веков она пробуждала и воспитывала чувства собственного достоинства и национального самосознания народа, побуждала его на ратные дела, была лучшим украшением досуга.

Жанровое многообразие осетинской народной песни представлено трудовыми (земледельческими, календарными, пастушескими), обрядовыми (мифологическими, свадебными, хороводными др.), бытовыми (колыбельными, застольными, любовными, шуточными, сатирическими, плясовыми, детскими), героико-историческими (песнями борьбы — *тохы зарджытæ*, песнями о народных героях, о боевых укреплениях и др.), эпическими песнями — сказами, а также похоронными причитаниями по умершим.

Особенностью музыкальной формы сказания является непременно исполнение его с инструментальным сопровождением. От песен других жанров оно отличается мерным безраспевным речитационно-повествовательным складом, лаконичностью музыкальной фразы, относительно ограниченным звуковым объемом мелодии, что свидетельствует о том, что жанр этот восходит к древнейшим пластам музыкальной культуры народа. Песни-сказы, в отличие от песен других жанров, имеют свою музыкально-стилистическую специфику, исключая их из числа обиходных песен.

Обрядовые песни являются порождением народных обрядов, совершаемых при отправлении всевозможных культовых, семейных и иных праздников. Этот жанр объединяет мифологические, религиозно-культовые песни, песни-заклинания, песни-умилостивления, свадебные, хороводные песни. Мифологическая номенклатура осетинского народа изобилует антропоморфными существами, но в песенном творчестве запечатлены лишь те из них, от которых (по представлениям предков) зависели жизнь и благоденствие народа.

Трудовые песни в музыкальном фольклоре осетин делятся на два основных вида — мужские и женские. Мужские песни, отражающие более широкую сферу трудовой деятельности, нежели женские, отличаются и большим тематическим и музыкально-композиционным разнообразием. Значительную часть их составляют трудовые производственные песни («Песня косарей», «Урожайная»). Для женских трудовых песен тематика ограничивается в основном интересами домашнего, ручного труда («Онай»).

Историко-героические песни справедливо занимают ведущее положение в песенном творчестве народа. Значительная часть их отражает древние родоплеменные и феодальные отношения — кровную месть, абречество, борьбу за землю и пр.

Музыкальный фольклор осетинского народа, помимо развернутых форм вокального творчества, вбирает в себя также и глубокие корни древнейшей инструментальной культуры. Наличие в музыкальном инструментарии осетинского народа инструментов всех трех основных групп — духовых, струнных и ударных, а также их применение в быту, подтверждает древность этой культуры.

Примечания

1. Ванеев З.Н. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // ИОНИИК. Владикавказ, 1926. Вып. II. С.37; его же. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955; Скитский Б.В. Остатки феодализма в земельных отношениях в нагорной полосе Северной Осетии в пореформенное время // Б.В. Скитский Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972. С.187–234; Магометов А.Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963. С.50–52; Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974.
2. Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII — начала XX века: Архивные материалы и научные исследования/Сост. П. А. Кузьминов. В 2-х т. Нальчик, 2006. Т. I. С.149.
3. Там же. С.150.
4. Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004. С.107.
5. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. М., 1886. Т. I. С.108–109.
6. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. I. С.105–110.
7. Городецкий Б.М. Осетины нагорной полосы Терской области. (Этнографическо-статистические материалы). Екатеринодар, 1908. С.8.
8. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. I. С.139–140.
9. Там же. С.141–142.
10. Чибириков Л.А. Осетинский аул и его традиции. Владикавказ, 1995; Магометов А.Х. Культура и быт осетинского крестьянства. С.50–53.
11. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского крестьянства. С.51–52.
12. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Т. II. С.151.
13. Кануков И. В осетинском ауле // Инал Кануков. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985. С.32.
14. Чиковани Г.Д. Из общественного быта осетин — ныхас. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1973. С.11.
15. Там же.
16. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн.1. С.352.
17. См.: Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. II; Лиахвели Г. Древнее судопроизводство у осетин // Юридическое обозрение. 1885. № 197; Он же. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. 1886. № 292; Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С.122–137; Ла-

- дыженский А. М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. СКНЦВШ. 1997. № 2. С.80 – 89; Бабич И. Л. Правовой монизм в Северной Осетии: История и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. М., 2000. № 133.
18. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. В 2-х т. Одесса, 1882–1883. Вып. II. С.257 – 258.
19. Ванеев З. Н. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // ИОНИИК. Владикавказ, 1926. Вып. II. С.36.
20. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т. II. С.218, 222; Мансуров Н. С. Указ. соч. С.124.
21. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С.22.
22. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т. II. С.218.
23. Ладыженский А. М. Указ. соч. С.85.
24. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т. II. С.226 – 227.
25. Леонтович Ф. И. Указ. соч. С.21.
26. Там же.
27. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. Отд. I. С.1 – 20.
28. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т. II. С.222.
29. Там же. С.218 – 219, 385.
30. Там же. С.385.
31. Там же. С.191, 216, 395 – 396.
32. Там же. С.410.
33. Шанаев Дж. Т. Присяга по обычному праву осетин // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992.
34. Дмитриев В. А. Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. М.-Тбилиси, 2003. С.35.
35. Калоев Б. А. Осетины. С.165; Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С.144; Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии Осетии. С.95, 96.
36. Калоев Б. А. Указ. соч. С.166, 167.
37. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.143, 144.
38. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.88. Лл.161 – 204. Последние отмечены на карте Осетии, составленной в 1832 г. штабс-капитаном Ковалевским и подпоручиком Соломатиным. РГВИА. Ф. ВУА. Д.20526.
39. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д. 3. Лл.78 – 162; Д.89. Лл.33 – 44; Д.92. Л.1 – 32.
40. ЦГА РСО-А. Ф.270. Оп.1. Д.6. Лл.1 – 76.
41. ЦГА РСО-А. Ф.30. Д.83. Лл.52 – 78.
42. ЦГА РСО-А. Ф.30. Д.88. Лл.97 – 172.
43. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.92. Лл.32 – 123.
44. Смирнова Я. С. Указ. соч. С.91.
45. Калоев Б. А. Указ. соч. С.165.
46. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.266.
47. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т.1. С.130.
48. Калоев Б. А. Указ. соч. С.165.
49. Смирнова Я. С. Указ. соч. С.93; Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.213; Калоев Б. А. Указ. соч. С.165.
50. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.213.
51. Борисович К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. С.245.

52. Ардасенов А. Г. (В.-Н.-Л.). Переходное состояние горцев Северного Кавказа // А.Г. Ардасенов. Избранные труды. Владикавказ, 1997. С.112.
53. Калоев Б. А. Указ. соч. С.166.
54. Там же.
55. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып.1. С.43.
56. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.230.
57. Там же. С.211.
58. Ковалевский М. М. Очерк происхождения семьи и собственности. М., 1939. С.32.
59. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Т.I. С.10.
60. Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. С.16.
61. Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии Осетии. Тбилиси, 1978. С.66.
62. ЦГА РСФСР-А. Ф.11. Оп.52. Д.276. Л.14.
63. Там же. Л.35.
64. Кокиев С. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып.1. М., 1885. С.79.
65. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.170.
66. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С.20.
67. Калоев Б. А. Указ. соч. С.180.
68. Борисович К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа (Семейная и домашняя жизнь) // ЭО. 1899. №1, 2. С.243.
69. Калоев Б. А. Указ. соч. С.184.
70. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // ТВ. 1875. №8.
71. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин. С.190, 191.
72. Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. Т.IV. С.342.
73. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. С.38, 39.
74. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. С.336–337.
75. НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д.93.
76. Калинин Л. В. О свадебных платежах и приданом у кавказских горцев // ЭО. 1890. Кн. IV. С.30.
77. Скачков А. Опыт статистического исследования горного уголка. Экономический очерк / Б. м. и г. 1905. С.95.
78. ПМА, 2007.
79. ТВ. 1894. № 100.
80. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.I. С.141.
81. Там же. С.286–287.
82. Шанаев Д. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1870. С.10.
83. Каргиев Б. М. Старинные обычаи и нравы осетин // НА СОИГСИ. Фонд 4. Оп.1. Д.109. Л.16.
84. Там же. Л.18.
85. Там же.
86. Шанаев Д. Указ. соч. С.11–12.
87. Там же. С. 24.
88. Там же. С.15–19.
89. Каргиев Б. М. Указ. соч. Л.99.
90. Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в. // КЭС. Т.VIII. М., 1984. С.72.
91. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч.1. С.94.

92. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. Ч.1. С.316.
93. Там же. С.320.
94. Жданов Н. Рассказы о кавказском племени осетин. М., 1898. С.23.
95. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С.37, 137.
96. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т.1. С.232, 256, 262.
97. Сказания о нартах. Цхинвали, 1981. С.58.
98. Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004. С.256.
99. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч.1. С.239.
100. Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном // В. И. Абаев. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т.1. С.331.
101. Миллер В. Ф. Указ. соч. С.240.
102. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С.90–91.
103. Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С.18.
104. Штедер Л. П. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // ОГРИП. С.35.
105. Вахушти. География Грузии/Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904. С.141.
106. Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. Т. IV. С.345.
107. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1889. №1–2. С.226.

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ОСЕТИН С НАРОДАМИ КАВКАЗА

Торговля как фактор развития межэтнических отношений. В рассматриваемое время, помимо традиционных экономических связей с соседними народами, осетины использовали новые возможности — торговлю с Россией через ярмарки и базары на кордонной линии. В склеповых сооружениях Осетии, Чечни и Ингушетии нередко встречаются изделия XVIII в. неместного производства¹. Большое количество находок свидетельствует о приобретении их местным населением у перекупщиков. Иностранные купцы предпочитали реализовывать свой товар в крупных центрах. Количество приобретаемого товара наводит на мысль, что по меньшей мере часть из них предназначалась для перепродажи в горах. Видимо и таким путем попадали к рядовым чеченцам, ингушам, осетинам и простому люду других народов Кавказа «заморские товары».

В XVIII в. дальнейшее развитие получила меновая торговля между горцами. В Центральном и Восточном Кавказе основными центрами, где северокавказские народы осуществляли обмен, являлись Эндери, Тарки, Татартуп, Кизляр. Базары в селении Эндери проходили каждую пятницу; на них съезжались горцы почти всего Северного Кавказа. Ежегодно в начале весны собирались базары возле Татартупа. Несколько дней горцы обменивались здесь продуктами и изделиями ремесла. В Кизляре три больших рынка, куда привозили продукцию жители Кумыкии, Чечни, Осетии, Кабарды².

В рассматриваемое время роль крупных торговых центров продолжали играть города Грузии. Товарами внутренней торговли служили пшеница, рожь, ячмень. В Имеретии продавали осетров, шип, севрюгу и «иную белую рыбу». В Кутаиси торговали бархатом, атласом, крашеной

и белой парчой, шелком-сырцом, медом, воском, полотном. В Грузию поступали товары из Константинополя, Греции, Польши. По свидетельству российского посла в Имеретии А. Иевлева (1650–1652 гг.), сюда приезжали «торговые люди из турок, кызылбаш, из Азова... со всякими товары разные люди»³.

В статейных списках русских посольств приведены цены на товары, существовавшие в Грузии. Пуд шелка-сырца стоил 16–17 золотых (1 золотой = 40 алтын), за 1 абас (1 абас = 20 копеек) покупали 8 батманов пшеницы. В Грузии этого периода получили распространение персидские деньги: абасы, полуабасы и другие; в обращении находились и монеты местной чеканки: золотые и ефимки (1 ефимка = 20 алтын)⁴. В первой половине XVIII в. горцы Северного Кавказа ездили в Грузию за солью⁵. На базаре в местечке Они торговали железными товарами, бумажными тканями, солью и просом. Ближайшими к Осетии районными рынками являлись: Цхинвали, Ахалгори, Душети. Анализ массовых источников привел В.Н. Гамрекели к выводу о «прочной традиции приездов горцев Большого Кавказа в Грузию для торговли, для купли и продажи»⁶.

Во второй половине XVIII в. расширяются непосредственные торговые сношения Северной Осетии с Россией. Этому во многом способствовала политика русского правительства, проводимая в отношении Осетии. В 1785 г. Екатерина II, например, предписала кавказской администрации, «чтобы в торге, промыслах и прочих позволенных упражнениях имели свободу и чтобы военные и гражданские начальники не стесняли их в том ни под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли»⁷.

В XVIII в. осетины поддерживали довольно оживленные хозяйственные связи с Астраханью, Кизляром, Терками и со станицами гребенских казаков — Брагунской, Щедринской и Червленной. Алдары и баделята не раз просили начальство Кавказской линии, чтобы «им для проездов в Кизляр и в прочие российские места, куда надобно будет, свободный путь был». В Астрахани осетины обменивали продукцию из шерсти и кожи на соль, железо, ткани российских фабрик⁸.

На протяжении всего XVIII в. росла торговля горцев с Астраханью, а после основания в 1735 г. — с Кизляром и др. городами⁹. В последнем со временем возвели постоянные овощные и красные лавки с сукном, галантереей, стеклом, фарфором, железом и др. Ярмарки собирались регулярно в Троицын день и 12 октября. На двух базарах можно было увидеть «осетина, продающего сыр и бурки, черкеса с зелеными сотами диких пчел, лезгина с медной посудой, киста и чеченца с ружьями и шашками, караногайца с овощами и козами... терского казака с оружием и рыбою»¹⁰.

Из Осетии вывозились сукно из козьего пуха, войлок, овчины, шубы, кожи, сыр, масло, табак¹¹. В обмен приобретались соль, ситец, парча, персид-

ские синие и красные бурметы, разноцветное стекло русского производства, рыба, холст, железо и др.

Стремясь увеличить объемы торговых операций, царская администрация предоставила народам Кавказа различные льготы. Указом 1752 г. членам Осетинского посольства «повелено присылаемым от них в Кизляр и Астрахань для дел их давать из казны кормовые деньги»: старшинам по 10, а рядовым по 3 копейки в день; «а которые будут приезжать для продажи своего скота и прочего купечества, и тех от обыкновенных пошлин уволить»¹².

Осетины, пользуясь правом беспошлинного обмена, приезжали в Кизляр «для вымену по малому числу на соль и на рыбу, также и на рубашки себе холста», привозили «горских простых кафтанов, сукон, шапок и прочей мелочи»¹³. Документы середины XVIII в., как правило, не называют имен «осетинцов в Кизляр ездящих»¹⁴, но дают любопытную характеристику профессиональных качеств горских купцов: «Все помянутые народы, кроме армян и грузинов, в больших торгах и денгах знания не имеют»¹⁵. В ущельях Осетии рыбой, хлебом и холстом торговали члены духовной комиссии¹⁶.

Указом от 2 октября 1756 г. велено взимать пошлину «таких же размеров, как и с прочих горцев, с привозимых в Осетию и вывозимых оттуда товаров Осетинцами...». Такая мера принята в связи с ликвидацией в 1755 г. таможен внутри России. Это затрудняло торговлю осетин и других горских народов. В декабре 1760 г. кабардинцам, осетинам, чеченцам и кумыкам разрешили отпустить «с платежом пошлин, холст и прочие вещи, коих вывоз в Персию был тогда запрещен»¹⁷.

Торговля продолжала носить меновой характер. В середине XVIII в. среди горных осетин, — отмечал М. Чулков, — «деньги не ходят». В 1756 г. в Кизляр с архимандритом Пахомием прибыло два осетина и «за самые малые вещи пошлин не платили»¹⁸.

В последней четверти XVIII в. основными пунктами торговли с русскими купцами были Кизляр и Моздок. Только за сентябрь 1774 г. на этих рынках побывало 36 торговцев-осетин. Осетины покупали у русских торговых людей холст, бумажные ткани, железо, соль, рыбу, а также бутылки, графины, стеклянные и деревянные чашки, фаянсовые тарелки. В свою очередь, они привозили на продажу бурки, башлыки, шкуры, шерсть, сыр, грубые самотканые сукна. Однако торговля эта носила неэквивалентный характер. Осетины зачастую обменивали свои товары, изготовление которых стоило им немалых усилий, на относительно дешевые предметы массового производства. Тем не менее, торговля с Россией имела большое значение для Северной Осетии: она укрепляла ее хозяйственное положение, способствовала расширению товарно-денежных связей и содействовала развитию дружественных русско-осетинских отношений.

С Кабардой, Чечней, Ингушетией и Грузией осетины вели меновую торговлю. По свидетельству Ю. Клапрота, осетины обменивали своих овец у грузин на шелковые дешевые ткани, ситец, золотые и серебряные нити, медную и железную посуду и другие предметы домашнего обихода. У черкесов и кабардинцев они обменивали скот на соль, а также на просо, полотно и другие товары.

Экономические связи между Осетией и народами Кавказа получили новый импульс после основания крепостей Моздок (1763 г.)¹⁹ и Владикавказ (1784 г.). Моздок, отмечает Ш.Б. Ахмадов, постепенно превращался в центр экономической и культурной жизни Осетии. Сюда привозили свои товары русские, армянские, грузинские купцы, кабардинские, осетинские, чеченские, ингушские и другие торговцы²⁰. Вокруг крепости возникли осетинские поселения²¹, жители которых также вели активную торговлю. Приезжали в Моздок и горные осетины. В 1768 г. представители цимитинских старшин Кубади Елоев, Бибо Тушев, Чанчек Мамсуров и Бакар Казгиреев обратились к российским властям с просьбой дать им открытый лист «и с тем беспрепятственно могли как в Моздок, Кизляр приезжать и выезжать без всяких сумнительств и препятствий, как другие верно подданные обращаются»²². На рубеже XVIII-XIX вв. нарские осетины обменивали в Моздоке изделия на хлеб, соль, полотно и другие товары²³.

При господстве натурального хозяйства и феодальной раздробленности торговые связи Северной Осетии не могли получить широкого развития. Одним из сдерживающих факторов были и природно-географические условия Северной Осетии: перевальные дороги по Дарьяльскому и Алагирскому ущельям не обеспечивали постоянного сообщения с Грузией и другими районами Закавказья, а труднопроходимые перевалы — Крестовый, Мамисонский, Караугомский — почти исключали всякие связи с югом в зимний период.

Осетино-грузинские отношения. Как и прежде, в отражении агрессии извне Грузия опиралась на помощь горцев, включая осетин. В конце XVII в. нарские осетины во главе с Гоци — военачальником из рода Хетага — вновь пришли на выручку грузинским воинам. Гоци в единоборстве сразил персидского великана и получил в дар от грузинского царя серебряную чашу с надписью. В этнографическом очерке «Особа» (1902 г.) К.Л. Хетагуров писал: «Чаша цела и до сих пор переходит от отца к старшему сыну»²⁴.

В 1703 – 1724 гг. в Картли правил Вахтанг VI, хорошо знавший Осетию, ибо с дядей Арчиллом не раз находил убежище в Зарамаге и Дигории.

В XVIII в. осетины продолжали оставаться верным боевым союзником Грузии. Это подтверждают многочисленные грамоты и привилегии, дарованные монархами Грузии осетинам за их военные заслуги. Грузинский царевич Александр 28 апреля 1701 г. специально пригласил куртатинцев Хаджи и Са-

мура Черджиевых: «Приезжайте к нам сюда и от нас получите милость нашу». Грамотой от 22 мая 1702 г. царь Ираклий «определил жалованье... куртатинцу Карги Черджиеву на 12 марчили красного товару». В октябре того же года Ираклий «определил жалованье... Самуру Черджиеву на 20 марчили красного товару ежегодно, наперед сего убили твоего брата, в награду за то определили тебе это жалованье, а теперь кроме сего одновременно жалуем тебе 30 штук красного товару»²⁵. Грамотой от 20 августа 1714 г. царевич Ираклий назначил жалованье тагаурцу Алимурзе Фидарову «на 10 марчили красного товару». Сохранились ежегодные записи (до 1718 г.) царских казначеев о выдаче товаров А. Фидарову. 4 сентября 1729 г. царь Георгий назначил жалованье Качи Фидарову «на 25 марчили красного товару в год»²⁶.

В восстании против персов в войске эристава Шанше насчитывалось значительное число осетин. В грамоте 1746 г. эристава Шанше, данной Дочико Томаеву, написано: «во время войн, (нам), арагвским эристам много и честно служили... много сделали, чем только сможем, всегда будем к вам милостивы и желать всего доброго»²⁷. В феврале 1750 г. Таймураз и Ираклий с 12-тысячным отрядом, в состав которого входили грузины, осетины, ингуши и кабардинцы, выступили к владельцам Еревана и Ганджи для защиты от набега врагов. Победу праздновали в Тбилиси. Как пишет Папуна Орбелиани, «отпустил государь черкесского князя, одарив щедро его и войско, войско потусторонних осетин, наполнил их всех дарами и отправил в свои страны». В 1753 г. для сражения с Аджи-Челебом Ираклий воспользовался формированиями черкесов, осетин и других горцев²⁸. В 1754 г. во время нашествия Нурсал-бека на Грузию царь Таймураз обратился за помощью к народам Северного Кавказа. В Анаури «приехали воины черкесов, калмыков, джиков, киштов, глигвов, ногайцев и осетин со своими предводителями»²⁹.

Совместные выступления против захватчиков были весьма частым явлением. По свидетельству С.Д. Бурнашева, находившегося в Грузии с 1783 по 1787 гг., «Кабардинцы и Осетинцы служат на войне царя за жалованье, также некоторые роды Лезгинские... Осетинцы и Кабардинцы всегда дружны с Грузией»³⁰.

В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. представители всех обществ Осетии приняли участие в боевых операциях Ираклия II. В 1768 г. С. Вонявин видел «в одном местечке, называемом Хуртатом, в доме новокрещенного осетинца Андрея Цалеукова, присланного от грузинского владельца Ираклия посланца для найму людей в военную показанному владельцу службу»³¹. В 1771 г. А. Батырев «получил справедливое известие, что все осетинские и куртатинские старшины с подвластными по требованию его светлости грузинского царя Ираклия отправились к нему на помощь противу турок»³². В «Записке митрополита Кутатского», датированной 14 марта 1769 г., сообщает-

ся: «Доставать можно всегда военных людей лезгинцев и осетинцев до сорока тысяч и более. Пред сим Соломон нанимал несколько лезгинцев и каждый из них по двадцати рублей становился»³³.

Монархам Грузии служили алагирские крестьяне и уазданлаги. В 20-е гг. XVIII в. царь Кахетии Константин продлил действие «дарственной книги» Зидахана Хетагурова, выданной ему отцом Константина «за службу». Еще в XIX в. Хетагуровы хранили грамоту карталинского царя Арчила (1730–1736 гг.), пожалованную в знак «милости нарскому дворянину Хетагури — Зидахани (Зиди) и потомкам» его. Многие Хетагуровы «служили грузинским царям верою и правдою, получали от них за это дворянское достоинство»³⁴. Сын Арчила Александр пожаловал грамоту «нарскому дворянину» Аса Амиранову, в которой, кроме прочего, значилось: «Отцы и деды Ваши служили отцам и дедам нашим с таким тщением, что дом наш и по сей день находится вне опасности». Им же дана грамота «царскому князю Махамату Зидаханову в том, что отец и деды ваши служили отцам и дедам нашим самопожертвованием, отчего наш дом был всегда невредим»³⁵. Аналогичную грамоту Александр, внук царя Вахтанга, пожаловал в 1780 г. Чибиру и Куба Бигуловым, Козаевым из Зрукского ущелья³⁶.

За службу в ополчении крестьяне получали своего рода плату. Нарские «дворяне» Джаналд Хурумов, Канибат Пареев, Вахтанг Эладиев, Гако Батаев, Ладос Гисаев, Джаша Епхиев, Кайхо Салваев, Джагга Джанаев, Боллатико Туаев и др. получали по 50 марчилай (1 марчилай = 60 коп. в ценах того времени) в год; Басил Шикоев — 130, а Тавкан Хелпомаев и Габис Самураев — по 150 марчилай в год³⁷. В 1780 г. сын царя Бакара «назначил нарским дворянам» ежегодное жалованье: Петру Мимиствали — 70 марчилай, Канча Зарашвили и «нарскому князю Махмуду Джидашвили по 50 марчилай»³⁸.

Царь Таймураз в 1752 г. «через грузинского князя Есама Чебелева да осетинского владельца Елисея Ильина» набрал ополчение; «от осетинского народа из некоторых деревень поехали к нему со двора по 2, по 3 и по 4 человека, с жалованьем по 30 рублей каждому»³⁹. В ополчение входили и представители других ущелий Осетии, за что они также получали награды. В частности, грамотой от 22 октября 1785 г. Ираклий II назначил ежегодное жалованье тагаурскому жителю Беса Адлишвили — парчу на 12 марчилай в год⁴⁰. Помимо наград «красными товарами» и деньгами отдельные крестьяне специальными грамотами возводились в азнауры. Однако сам по себе такой акт не превращал их в феодалов. По обычному праву грузин, дворяне подразделялись на три категории: первую («кровь» — 20 тысяч тетри), среднюю («кровь» — 12 тысяч тетри) и низшую («кровь» — 6 тысяч тетри). Азнауры последней категории редко имели зависимое население, а их главная обязанность — «служба и воинская повинность»⁴¹.

Совершенно иные «милости» оказывались осетинским феодалам. В конце XVIII в. Туджий Кундухов с частью крестьян переселился в Грузию. Ираклий II «возвел его в дворянство» и дал «тарханство от всех повинностей, за исключением военных и охотничьих»⁴².

17 июля 1786 г. Ираклий II подарил Дохчико Хетагурову имение в Цхинвале: «Жалуем тебе...нарскому осетину Хетагури, сыну Мамия Дохчико, сыновьям твоим Караджу и Долету, внуку твоему — сыну Болатико Натгери и потомкам дома вашего, за то, что сын твой Болатико был с нами в Аспиндзе, где мы победили турок и лезгин, он храбро сражался и был убит»⁴³.

С разрешения царевича Вахтанга алдар Фома Кундухов купил землю в Ачхоте. «Мы, царевич, владетель Арагви Вахтанг, дали тебе, нашему преданному *служаке, крестнику царя* (Ираклия II)... тагаурскому дворянину Кундухашвили Фоме, сыну твоему, *нашему крестнику* Иоанну и будущим дома твоего эту книгу в том, что Кобиашвили, сын Лазаря Кайкубат в Ачхоте два с половиной сакомло (*сакомло* — земельный надел со всеми угодьями) собственно принадлежащего имения» продал. Приказом Ираклия II от 4 января 1799 г. Ивану Елканову (Елиханову) из Зарамага в Ачабети отдали в собственность «оброчное имение»⁴⁴.

По «аристократическим» вариантам предания о Царгасе, стырдыгорские феодалы пользовались «дружбой царей карталинских и имеретинских»⁴⁵. Некоторые редакции предания укрепление связей с Грузией относят ко времени правления Баграта II, даже указывается, будто с 1622 г. царгасата стали «союзниками имеретинского дома Багратидов». За то были «щедро награждаемы и даже признавались владетелями с правами наследия, верхнерачинских деревень: Гебе, Чиори и Глали» и т.п.⁴⁶ Соколов, побывавший в Грузии в 1802 г., указывал на стремление имеретинского царя Соломона сохранить добрососедские отношения с Западной Осетией, особенно Стыр-Дигорией. С этой целью царь «отдал право старшинам оных, что когда они будут проезжать в Имеретию, чтобы жители Геби без платы давали им угощение, и к сим же старшинам относились на расправу в случающихся между ними распрях, что и до ныне существует»⁴⁷.

В рапорте коменданта Кизляра от 24 марта 1747 г. поручик осетинской комиссии писал: «Приходили ко мне из горских жилищ осетинского из уездов, называемых Кутатцкого и Чирамского (Цимитинского. — Ред.), которые имеются в недалеком от Малой Кабарды расстоянии, *дворяне* и объявили мне: присланы де они реченных уездов от осетинских людей объявить от них, что *прежде*... надлежали к России, а как до сего, так и ныне ни под чьим владением яко шаха персидского и султана турецкого и протчих владеющих князей не состоят и живут собою»⁴⁸.

В самом конце XVIII в. Грузия вновь стала объектом агрессии со стороны Ирана. Новый шах Ага-Мохаммед Каджарский отличался особой жестоко-

стью и планировал полностью уничтожить Грузию. В 1795 г. шах начал опустошительный поход в Закавказье. В трагические для Грузии дни свыше 500 осетинских воинов сложили свои головы в борьбе с персами⁴⁹.

Грузино-осетинское сотрудничество не ограничивалось лишь военной сферой. Развивались торговля, семейно-брачные отношения, аталычество и т.д.

Осетино-кабардинские взаимосвязи. Осетино-кабардинские взаимосвязи в XVIII в. не поддаются однозначной оценке. Осетины нередко пользовались равнинными пастбищами кабардинских князей. За что, естественно, платили своего рода «пошлину». Но рассматривать это как показатель политической зависимости вряд ли правомерно. Симптоматично, что в «Известии о горских народах», поданном в 1743 г. российскому правительству, князя Кабарды Магомет Атажукин, Адильгирей Гиляксанов, Алиш Хамзин сообщали об осетинах: «Оные горские народы ни под чьей протекциею не состоят и никому ими действительно овладеть невозможно затем, что живут в крайних и непроходимых местах»⁵⁰.

Документы той поры содержат немало примеров совместного участия в феодальных блоках осетинской и кабардинской знати. Не вызывают сомнений тесные отношения между Сафарали Каражаевым и известным политическим деятелем начала XVIII в. Арсланбеком Кайтукиным. В 1715 г. С. Каражаев и А. Кайтукин были свидетелями при определении границ владений узденя И. Урусбиева⁵¹. Видимо, дигорские феодалы выступали союзниками князей Кайтукиных в борьбе с Идаровичами. В свою очередь, Кайтукины оказывали помощь баделятам в столкновениях с противниками.

Следует отметить связи осетинских феодалов с известным политическим деятелем первой половины XVIII в. кабардинским князем Адильгиреем Гиляксановым. В 1724 г. грузинский царь Вахтанг с большой свитой вынужден был покинуть родину. После перехода Караугомского ущелья его задержали дигорские феодалы, но благодаря вмешательству А. Гиляксанова и влиятельного зарамагского владельца Зураба Елиханова, Вахтанг со свитой был освобожден и беспрепятственно проследовал дальше в Россию.

Российское правительство в 40-е гг. XVIII в. направило в Осетию миссионеров. В деле надлежащего приема и успешной деятельности миссионеров в Осетии Петербург рассчитывал на поддержку кабардинских князей, их связи с осетинскими феодалами. Прибыв в мае 1745 г. в Кабарду, члены духовной комиссии остановились у А. Гиляксанова, а затем в его сопровождении выехали в Осетию, где были представлены влиятельным осетинским феодалам.

По словам миссионеров, Адильгирей «со своими узденями препровождал из Грузии грузинского царя через Гори, так и ныне ездящим для проповеди слова божьего и крещения осетинского народа духовным персонам чинит безопасное препровождение подвластными своими людьми». Возглавлявший Осетинскую духовную комиссию архимандрит Пахомий

в 1746 г. сообщал о Гиляксанове, что он и в Осетии «верно служит». Годом раньше архимандрит сообщал в Синод, что Адильгирей «принял их с почетом» и «препроводил их к Осетии и в местечке Дигории поручил их главным людям с таким приказом, что ежели какой им сделается ущерб, то он, Адильгирей, взящет от них»⁵².

По словам баделятов, эти земли кабардинские князья уступили им за 47 рабов. Показательно и то, что прежде всего на равнину переселились те фамилии дигорской знати, которые были прочно связаны с кабардинскими феодалами, — Тугановы, Кубатиевы, Каражаевы, Абисаловы и др.⁵³

В случае необходимости феодальные блоки собирались достаточно быстро. В декабре 1766 г. майор Татаров доносил полковнику Копыловскому «о собрании как Большой Кабарды, так и Малой владельцами и узденями и прочими горскими народами, яко то Карачай, Чегем, Балкар, Дугор, Каражау, Кубатием, находится на общем собрании и согласии»⁵⁴.

В XVIII в. осетинские владельцы в большинстве своем входили в группировки малокабардинских феодалов, и лишь немногие ориентировались на князей Большой Кабарды. Во второй половине XVIII в. часть баделятов изменила прежнему сюзерену Таусултанову. Причину этого со слов «старшин Кантемирских» в 1802 г. выяснил А. Е. Соколов: «Владельцы Большой Кабарды, приметя ослабление потомков Тав-Султана, от разделения между ними происшедшего, употребили случай тот в свою пользу, начав господствовать не только над самими Тав-Султанами, но и над всеми прочими селениями, на их земле находящимися: Кубатиевым, Тугановым, Каражаевым, Шегемовым и Кабановым, ... преклонив к себе старшин сих селений, так и всех Дигорских, избыточными подарками; и таким образом владельцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самых подошв Снеговых гор».

Причина переориентации баделятов коренится в ослаблении позиций князей Малой Кабарды. В 1752 г. умер наиболее могущественный из них — Адильгирей Гиляксанов. Его наследники Батай и Али-Арсланбек Таусултановы не пользовались тем политическим весом, каковой имел дядя; чем незамедлительно воспользовались их противники: «некоторые Большой Кабарды владельцы призывают их осетинцов под свою власть обнадеживая при этом их защищением»⁵⁵. В конце концов часть осетинских феодалов заключила союз с князьями Большой Кабарды. Напомним, что отношения с новыми сюзеренами закреплялись «избыточными подарками» — практика, характерная для средневекового Кавказа. Каждый владелец, вступая в связь с князем, получал от него т.н. «уорк-тын», в русских источниках известный под названием «узденской дани». По обычному праву получение уорк-тына было единственным, что связывало феодала с сюзереном, которому служили по своему выбору и добровольному согла-

шению. Отношения между партнерами по феодальному блоку тогда считались закрепленными, когда «узденская дань» выплачивалась сполна⁵⁶.

Осетины вместе с кабардинцами и другими горцами отстаивали независимость Северного Кавказа, отражая агрессию крымского хана. В 1707 г. по приказу турецкого султана хан Каплан-Гирей попытался подчинить себе Кабарду. С огромным войском он отправился на Северный Кавказ и потребовал от кабардинских князей ежегодную дань — 3000 мальчиков и девочек. Однако, учитывая успехи Петра I в Азовской кампании, князья отвергли это требование. С помощью соседей — балкарцев и осетин — они разбили крымского хана: «От кабардинцев и от других горских народов погибло из голоду померло больше 300 человек/татар/. И затем хан со оставшимися принужден был от Кабарды бежать»⁵⁷.

И в последующем осетины оказывали кабардинцам помощь в отражении агрессии крымских ханов. Интересен в этой связи документ 1766 г., в котором кабардинские князья просили у осетин военную поддержку. «На что осетинцы им объявили, что с ними в союзе мирном оне быть не отрекаются, только с тем, если от них кабардинцев касается какое-либо возмездие к крымской стороне, то оне осетинцы в том им спомоществовать должны»⁵⁸.

Осетино-балкарские отношения. Осетино-балкарские отношения в XVIII в. носили разносторонний характер. В материальной и духовной культуре соседних народов есть много общих черт⁵⁹. Этим объясняется переселение значительного числа осетинских семей в Балкарию, а многих балкарских — в Дигорию. О тесных осетино-балкарских контактах свидетельствуют языковые явления. Несмотря на принадлежность осетинского и балкарского к различным языковым семьям, в хозяйственной и культурной практике этих народов встречается много общих слов.

Осетины и балкарцы активно участвовали в наиболее крупных событиях социальной и политической жизни друг друга. Так, во время крестьянского восстания 1781 г. в Дигории на помощь местному крестьянству пришли балкарцы. В ходе этого восстания проявилась и общность их ориентации на Россию. Согласно донесению русского офицера Штедера, руководитель отряда балкарцев Бекба (Бецба) «принес присягу вместе с дигорцами, объединился с общинниками и требует принесения формальной присяги в верноподданстве» России⁶⁰.

Осетино-вайнахские контакты. Осетино-вайнахские контакты в XVIII веке продолжали развиваться как в области хозяйственной, так и общественной жизни⁶¹. У осетин ингуши перенимали некоторые навыки земледелия. Не случайно ряд важных хозяйственных терминов вайнахов этимологически восходит к осетинскому языку. В то же время осетины заимствовали у ингушей навыки строительства в горных условиях. Иссле-

дователи отмечают функционально-типологическое и стилистическое сходство зодчества ингушей и осетин. Г. А. Кокиев усматривал причину этого в том, что осетины для строительства сложных комплексов приглашали ингушских мастеров⁶². В XVIII веке у осетин и ингушей имел место обмен мастерами: ингуши занимались строительством в Осетии, а осетины — в Ингушетии. О тесных этнокультурных контактах осетин и ингушей в XVIII в. свидетельствует наличие смешанных осетино-ингушских поселений с осетинскими названиями: Валакау, Даллагкау, Калмыкау, Багир и др., которые располагались в Джерахском ущелье, в низовьях р. Армхи⁶³. В этот период нередко были браки между осетинами и ингушами.

Успешное развитие в XVIII в. осетино-ингушских связей в значительной мере объясняется общностью их материальной культуры и религиозных верований. В рассматриваемое время в Ингушетии, как и в Осетии, наряду с язычеством было распространено и христианство. В 1756 г. сами ингуши заявляли иеромонаху Григорию, что «именуют себя христианами и как осетинцы великой пост постытца... и тем же праздником празднуют, которым осетинцы»⁶⁴. В 1757 г. в Ингушетии приняли крещение несколько сот душ.

В середине XVIII в. в Ингушетии усилилось движение за присоединение ее к России. Оно формировалось под воздействием политической ориентации успешно развивавшихся русско-осетинских отношений. В 1756 г. 60 ингушей обратились к архимандриту Арсению, служившему в Осетинской духовной комиссии, с просьбой: «И в какой милости осетинцы и под покровом всемилостивейшей нашей государыни обретаются и свободно приезжают в Кизляр, в такой же милости и под покровом их, киштов, иметь и свободно ж в Кизляр им ездить дозволить»⁶⁵.

Прочные связи существовали между осетинскими и вайнахскими привилегированными фамилиями. Об этом свидетельствуют взаимные браки их представителей. Например, Урызмаг Туганов (сер. XVIII в.) был женат на дочери галгаевского старшины Смаилова⁶⁶. Феодалы поддерживали отношения при помощи института куначества и побратимства. Данная форма союза эксплуататорских слоев имела широкое распространение и нашла отражение в устном народном творчестве.

Согласно одному из преданий, у Мехка Астби из Галгаевского общества «был друг — черкесский князь». По другому преданию, «присяжным братом» (т.е. не по крови) вайнаха Хидыр Мирзы являлся предок осетинских феодалов Тугановых (по мнению У. Б. Далгат — Дударовых из Чми). К нему поехал Хидыр Мирза, когда состарился, а сыновья его, женившись, потеряли к нему «должный почет и уважение». Туганов (Дударов) стал усиленно кормить Хидыр Мирзу, поить его всевозможными напитками и через некоторое время восстановил его силы так, что Мирза без посторон-

ней помощи сам сел на лошадь. Тогда они поехали на куртатинских князей (ель)... разбили их и, забрав пленников и всякого богатства, возвратились домой»⁶⁷.

Тесное переплетение исторических судеб соседей нашло отражение и в большом количестве общих фамилий, коих насчитывается более 120. Таковы фамилии Дударовых, Плиевых, Андиевых и другие. Осетинское происхождение имеют Цуровы, Льяновы, Хаматхановы, Бедоевы, Гайтовы, Таутиевы, Тариевы и другие. Примечательно, что почти все эти фамилии — крестьянские. В этой связи приведенный материал можно рассматривать и как свидетельство бегства общинников от своих владельцев. Крестьяне уходили с насиженных мест туда, где их могли по-дружески встретить и защитить. Например, осетины Андиевы происходили от беглого ингуша, принятого здесь со всеми почестями⁶⁸. В позднем средневековье несколько фамилий осетин из-за кровной мести переселились в Джерахское ущелье. Документ начала XIX в. называет пять таких пунктов, в которых насчитывалось 37 дворов и 185 жителей⁶⁹.

Примечания

1. Тменов В.Х. Город мертвых. Орджоникидзе, 1979. С. 132–133.
2. Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII — первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2004. С.97.
3. Сванидзе М.Х. Грузия, страны Причерноморья и Восточная Европа в первой половине XVII в. // Россия, Польша и Причерноморья в XV-XVIII вв. М., 1979. С.241–242.
4. Волкова Н.Г. Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. как этнографический источник // КЭС. Т. VI. М., 1976. С.272–273.
5. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Сборник документов. Т. I. / Сост. Г.А. Кокиев // ИСОНИИ. Т.6. Орджоникидзе, 1933. С.31–34.
6. Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С.27, 29.
7. См.: Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. СПб., 1868. С.224.
8. Кокиев Г.А. Кабардино-русские отношения в XV–XVII вв. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005. С.188–189.
9. Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII — первая половина XIX в.). Пятигорск, 2002.; Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С.175–196.
10. Шидловский Ю. Записки о Кизляре // ЖМВД. № IV. Кн.11. 1843. С.174–175, 177–180.
11. Кокиев Г.А. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулат // ЗСККГНИИ. Т. II. Ростов н/Д, 1929. С.355.
12. Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т.2. Кн.2. СПб., 1785. С. 324.
13. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I. С.387.

14. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. С. 74
15. Там же. С. 296.
16. Там же. С. 110; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I. С. 389.
17. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869. Ч. 1. С. 95, 266.
18. Чулков М. Указ. соч. С. 325–327.
19. Виноградов Б. В., Рябкова А. Н. Возведение крепости Моздок (1763 г.) в контексте внутри- и внешнеполитических обстоятельств и историографических трактовок // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2009. С. 80–81.
20. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено — Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981. С. 97.
21. Письма Х. Ш... к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ // Северный архив. 1828. № VII. С. 108.
22. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) Т. I. С. 237.
23. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII — начале XX века. М., 1974. С. 138.
24. Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 319.
25. ЦГА РСО-А. Ф. 254. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 15. Л. 191–192 об.
27. Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до XVIII в.). Цхинвали, 1962. Т. 1. С. 116.
28. См.: Санакоев М. П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали, 1979. С. 72.
29. Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией и с народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981. С. 40.
30. Бурнашев С. Д. Картина Грузии и описании политического состояния царства Карталинского и Кахетинского. Тифлис, 1901. С. 6, 9.
31. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. II. С. 194.
32. Гамрекели В. Н. Указ. соч. С. 194.
33. Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1. (1766–1774 гг.). СПб., 1891. С. 30.
34. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–11.
35. Хетагуров К. Соч. Т. IV. С. 317–318.
36. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 9. Л. 29 об., 33.
37. См.: Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. Указ. соч. С. 137–141.
38. Пурцеладзе Д. П. Грузинские дворянские грамоты. Тифлис, 1881. С. 25.
39. Бутков П. Г. Указ. соч. С. 239.
40. См.: Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. Указ. соч. С. 58.
41. Гасвиани Г. А. Социально-экономическая структура Сванетии в XI–XVIII вв. Тбилиси, 1980. С. 54–55.
42. Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. Указ. соч. С. 179.
43. Там же. С. 159–160.
44. Там же. С. 30, 134–135.
45. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2. Л. 77. Д. 10. Л. 47–47 об.; Осетинское народное творчество/Под ред. З. М. Салагаевой. Т. 1. Орджоникидзе, 1961. С. 566.
46. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1. Л. 111; НА СОИГСИ. Ф. ф. Д. 26. Л. 31 об.
47. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. С. 16.
48. Кокиев Г. А. Кабардино-русские отношения в XV–XVII вв. С. 178.

49. См.: Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976. С.111.
50. Русско-осетинские отношения в XVIII в.. Т. II. С.63.
51. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. М., 1968. С.50.
52. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. II. С.133 – 134.
53. Кокиев Г. А. Кабардино-русские отношения в XV – XVII вв. С.180.
54. ЦГА РД. Ф.379. Кизлярский комендант. Д.638. Л.70.
55. Белокуров С. А. Указ. соч. С.508.
56. ЦГА РД. Ф.379. Кизлярский комендант. Д.500. Л.47 об. — 48 об.
57. Гарданов В. К. Указ. соч. С.182 – 183.
58. Тхамоков Н. Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С.37.
59. Кокиев Г. А. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулат. С.211.
60. Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С.79 – 91.
61. ЦГАДА. Ф. Госархив. Раз.23. Кор. 9. С.14. Л.244.
62. Калоев Б. А. Указ. соч. С.91 – 111; Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией). Нальчик, 2007. С.25 – 26.
63. Кокиев Г. А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // ИЮОНИИ. Вып. 2. Сталинир, 1935. С.222.
64. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII – начале XX века. С.128 – 129; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I. С.394.
65. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I. С. 395.
66. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 9. Л. 82 – 82 об.
67. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 369 – 370.
68. Гуриев Т. А. Как рождается фамилия // Социалистическая Осетия, 1983. № 210.
69. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVII – начале XX века. С.144 – 145.

ГЛАВА 4. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ОСЕТИИ К РОССИИ

Осетинское посольство в Петербурге (1749–1752 гг.).

После фазы активных контактов середины XVI — начала XVII в. в русско-кавказских отношениях наступила пора своего рода «затишья». Связи Осетии с северным соседом возобновились в 40-е гг. XVIII в. — после заключения Белградского мира 1739 г. Учитывая стратегическую важность дороги через Кавказский хребет, Петербург стремился наладить отношения с осетинами, под контролем которых находился Дарьяльский проход. С этой целью в 1743 г. императрица Елизавета поручила Коллегии иностранных дел собрать информацию о внутри- и внешнеполитическом состоянии Осетии. Работу в этом направлении координировал глава Коллегии канцлер А.П. Бестужев-Рюмин.

Чиновникам Коллегии удалось получить достаточно объемную информацию по интересующему вопросу. В качестве информаторов выступили находившиеся в то время в Петербурге кабардинские князья Магомед Атажукин и Альдигирей Гиляксанов, а также кумыкский владелец Алиша Хамзин. В пространным документе «Известия о горских народах», составленном в канцелярии асессора Бакунина, особый раздел посвящен Осетии. «Шестой народ — дюгор. Седьмой народ — сюрдигор, живут в горах, по вершинам реки Урюха... разстоянием от деревни владельца Альдигирея Гиляксанова день езды. И с тою Малою Кабардою постоянный имеют мир, и некоторую малую кабардинцам дают и дань и взаимно между собою женятца, дюгоры и сюрдигоры на кабардинках, а кабардинцы на их дочерях, ... а закону никакого не имеют, ... Через оные народы простираются две дороги в Грузию... в некоторых местах такие тесные проходы, что не токмо на лошади проехать, но надобно идти пешком и лошадь за собою, с великою опасностью вести, ... а ездят в одно только летнее сухое время, а во время дождя

и снега проезда не бывает, а до Грузии от Малой Кабарды обоими теми дорогами доезжают пятым днем»¹.

Интересно свидетельство игумена Христофора об отношении осетин к северному соседу: «А с Россиею в союзе быть может, что у них *намерение и есть* (курсив ред.), только они у себя такого главного предводителя никого не имеют»². А это, по мнению игумена, серьезно затрудняет решение вопроса.

Собранные Коллегией иностранных дел материалы передали в Сенат, который 3 декабря 1744 г. постановил: грузинского архимандрита Пахомия со свитой отправить «в Осетию для чтения проповедей и крещения осетинского народа»³.

В течение 1745 г. представители осетинских обществ неоднократно просили членов духовной комиссии Пахомия помочь в организации переговоров и выражали готовность поехать в Петербург. Среди возможных тем для переговоров назывались: принятие осетинами российского подданства, переселение на равнинные земли и др. Указом от 14 августа 1746 г. в Петербурге намечались русско-осетинские переговоры «ради крещения и других секретов». Понадобилось еще более двух лет подготовки, прежде чем сформированное Осетинское посольство отправилось в путь. Пять человек представляли Алагирское, Куртатинское и Дигорское общества. Возглавлял посольство Зураб Елиханов (Зарамаг). Другими послами были: Елисей Лукич сын Хетагов (Нижний Зака), «Давидов сын прозванием Кутат» (Патер Давидович Кутат из Дзивгиса), Созруко и Кази Баделидзе (из Стыр-Дигоры).

Немаловажно отметить, что из полномочных послов двое (Зураб Елиханов-Магкаев, глава посольства, и Елисей Хетагов-Кесаев) происходили из области Туалта, включавшей территории Южной и Центральной Осетии, а третий (Батырмирза-Патер Давидович Кутат-Цопанов) представлял ключевое в Северной Осетии Куртатинское общество. По протоколу в состав посольства входили также трое помощников-«служителей». Помощником главы посольства выступал его сын Дмитрий, а двое других (Дживи Абаев и Сергей Соломонов) принадлежали к знатному осетинскому клану Агузата (осет. Агъузатæ), родовая территория которого расположена в пределах нынешнего Джавского района Республики Южная Осетия.

Точно так же организованы все представительства, выступавшие от имени Осетии. Еще только один пример — в 1758 году осетины обратились к Елизавете Петровне с просьбой возобновить таможенные льготы. Одним из трех представителей Осетии выступает Осиф Абаев из общины Сба на территории нынешней Республики Южная Осетия.

Стоит обратить внимание на политический формат русско-осетинских отношений. Для того, чтобы вести переговоры с отдельными феодальными владениями или обществами и принимать их присяги о российском подданстве, считался вполне достаточным уровень губернатора или командующего

крупным воинским соединением. Посольство, принятое на высшем уровне, и русско-осетинские переговоры в Петербурге — надежное свидетельство тому, что Осетия воспринималась на Кавказе и в России как единая страна с особым геополитическим статусом⁴.

Как видно, практически во всех уголках Осетии осознавали необходимость установления прочных связей с Россией. Симптоматично, что начало реализации этой идеи связано с Зурабом Елихановым — жителем Центральной Осетии. Его предки не раз оказывали военную помощь монархам Грузии. Выражая признательность и благодарность Елихановым за помощь и поддержку в тяжелые времена, монарший дом Грузии взял к себе на воспитание Зураба. Архимандрит Пахомий в донесении Синоду от 12 июля 1745 г. сообщал о нем: «Между ими знатной фамилии есть один... и оному главному имя Зураб Елиханов. У грузинского царя в доме воспитан и диалект грузинский хорошо знает, тако же и божественное писание знает же, и как в сих местах, так и во всей Осетии он знатный человек и знают его от самых горских черкасов по тракту до внутри Осетии. Главные люди все ему родственники и свойственники и сей Елиханов и в России бывал»⁵. На родине Зураб развернул активную деятельность, выступая за присоединение к России. Ему принадлежит инициатива формирования посольства (1749–1752 гг.).

Осетинское посольство в Петербурге. Худ. А.В. Джанаев

Вторым представителем Осетии на переговорах в Петербурге являлся Елисей Лукич сын Хетагов. Как и Зураб Елиханов, юные годы он провел в

Грузии, где принял христианство и получил духовное образование. Хетагов пользовался большим влиянием в Осетии и за ее пределами. Союз с дигорскими феодалами был скреплен браком Елисея с дочерью баделята Кубатиева, одной из влиятельнейших фамилий Западной Осетии. В документах той поры Хетагов предстает как опытный военный предводитель. «... во время военное все осетины имеют его за главного полководца и тогда повелениям его повинуются»⁶.

Еще одним послом в источниках назван Патер-мирза, после крещения — Егор (Георгий) Куртаулов. Созруко и Кази Баделидзевы так и не приняли участия в переговорах, ибо доехав до Кизляра они, под давлением кабардинских феодалов, возвратились в Осетию.

В начале февраля 1750 г. посольство прибыло в Петербург; переговоры проходили до конца 1751 г. В ходе заседаний осетинская сторона высказала пожелание: «Весь осетинский народ желает быть в подданстве е.и.в.». Переговоры венчал официальный прием, устроенный в декабре 1751 г. императрицей Елизаветой в честь осетинского посольства.

В результате переговоров осетины получили разрешение на переселение в предгорную зону Центрального Кавказа, признанную «вольной и свободной», разрешалась беспошлинная торговля в Кизляре и Астрахани⁷.

Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений. Предкавказские степи манили горцев с давних времен. Этот район стал надежным пристанищем для многих горцев, по разным причинам покидавших родные места. Императрица Екатерина II в 1763 г. подписала Указ о разрешении переселяться горцам в урочище Моздок. В июле 1763 г. началось строительство города на месте существовавшей крепости. С основанием крепости Моздок поток беглецов увеличился. Этому способствовали мероприятия царизма, имевшего в этом регионе определенные интересы. В 1757 г. по плану ассессора Давида Абазаце, «для лутчего поощрения по поселению осетинцев в здешнюю сторону» предполагалось давать старшинам по 10, а «рядовым» по 5 руб. на семью. Разрешалась беспошлинная торговля по кордонной линии и в городах, дозволяли «вольность» в курении вина. В 1762 г. Коллегия иностранных дел разработала план заселения пустовавшего Кизлярского края. Суть плана заключалась в стремлении развить в Моздокском районе шелковую и хлопчатобумажную промышленность, а Моздок сделать торговым центром Северного Кавказа⁸.

По указанию Сената подполковник Гак, первый комендант крепости Моздок, должен был «приложить старание о склонении к переселению осетинцев и киштинцев, живших там же в Кавказских горах, а при том из других тамошних же народов»⁹. В 1765 г. Гак поручил игумену Осетинской духовной комиссии Григорию «осетинского и киштинского народа внушить и проводить их в урочище Моздок, показывая ласкательства»¹⁰. «Для лутчего по-

ощрения к переходу и поселению в здешнюю сторону» правительствующий сенат решением от 9 октября 1762 г. предложил выдавать переселенцам из казны «старшинам и узденям единожды по 10, а рядовым по 5 рублей на семью»¹¹. Четырьмя годами позже велено «земли для пашен и садов по обширности здешнего места, дать каждому, сколько потребно»¹². В начале XIX в. надел равнялся здесь 15 десятинам пахотной земли на переселенца мужского пола¹³.

Рабочие возможности крестьянских дворов, переселившихся в степное Предкавказье, были невелики. Для освоения земельных наделов и нормального ведения хозяйства им оказывали помощь лесом, скотом («не более пары волов, одной коровы и трех овец»), «земледельческим орудием», а при необходимости и «семенами на первый посев»¹⁴. Во время губернаторства Картвелова (он являлся гражданским губернатором Кавказа до 1808 г.) на пособия выделили 30 тысяч рублей ассигнациями¹⁵.

Интересно отметить, что среди переселенцев в этом районе практически не было феодалов. В рапорте в Коллегию иностранных дел от 2 мая 1766 г. комендант Кизляра Потапов сообщал о попытке «разными доводами» склонить осетинских старшин к переселению в Моздокские степи и в саму крепость. Но для алдаров, как заметил Потапов, «тамошнее им с подвластными пребывание более лестно, нежели сюда переходить»¹⁶. Такого же мнения относительно переселения в Моздок придерживались и другие владельцы Северного Кавказа. Вероятно, поэтому императрица рескриптом от 18 декабря 1784 г. разрешила раздавать земли для поселения всем желающим «без различия рода и званий»¹⁷.

В Моздок фарсаглагов, как и горскую бедноту вообще, толкало увеличение повинностей во второй половине XVIII в. По наблюдениям Б. Ф. Поршнева, между возможностями ухода и ростом эксплуатации существует обратно пропорциональная зависимость¹⁸. В Кабарде в рассматриваемый период повинности возросли настолько, что общинники потребовали от владельцев, чтобы «подать брали б с них умеренную, какую и прежде они платили». Уорки (дворяне) насильно присваивали имущество крестьян и рабов. Во время антифеодалного выступления 1767 г. тфокотли (крестьяне) вновь потребовали, чтобы «имеющихся у них чагар (зависимых), собственных, уже не холопей, оставили в их воле». Произвол феодалов вынуждал крестьян «бежать в русские пределы». «В прошлом 1769 году, — отмечал один из них, — жительство я имел во владениях Куденета Борукина, имел я собственных холопов; оной владелец... взял у меня два холопа и три лошади... я видя ево крайнюю обиду и выбежал з женою и детьми в Моздок на поселение»¹⁹. И такие случаи не были редкостью.

Резкое увеличение количества беглецов в Северной Осетии во второй половине XVIII в. также связано с усилением социального гнета. Используя

помощь соседних феодалов, осетинские владельцы в этот период усилили эксплуатацию крестьян. В тяжелом положении оказалось население предгорных аулов. Освоение плодородных земель, приобретенных у князей Таусултановых, привело к росту урожайности зерновых и в то же время — резкому увеличению размера повинностей. Последнее обстоятельство, разумеется, вызвало ответную реакцию крестьян.

Так, летом 1764 г. около четырех тысяч адамихатов предприняли попытку ухода от баделятыв. Кабардинские князья уговаривали их «ласкою и со угрожениями, чтоб они с своими владельцами помирились и жили на прежних своих местах. Но они, дигорцы, в том их не послушали для много оказанных им от своих владельцев обид и притеснений, от примирения отказались с истинным намерением перейти к поселению в Моздок». Вскоре «Большой Кабарды владельцы от них отъехали и остались только два Малой Кабарды владельца Тасолтановы»²⁰. Уговоры и угрозы кабардинских князей, видимо, возымели действие, ибо в Моздок в 1764 г., по одним данным переселилось 6 семей осетин²¹, по другим данным — 5, состоявших из 14 душ м.п. и 10 д.ж.п.²², по третьим — всего две семьи: 4 д.м.п. и 6 д.ж.п.²³

Некоторые крестьяне ушли в казачьи станицы. Например, 24 сентября 1764 г. в Моздок переселился «из Брагунской деревни Дигорского уезду осетинец Георгий Мамуков женат»²⁴. Не исключена возможность перемещения части адамихатов в Кизляр и в гребенские городки, куда крестьяне Осетии уходили еще в начале XVIII в.

В 1829 г. комендант Моздока плац-майор Цыклауров обнаружил в архиве список *крещенных* в крепости осетин (233 душ об.п.) и 116 семей кабардинцев (343 душ об.п.).

В списке 1785 г. отмечено, что семейства «очень слабы числом душ». Бездетных отцов, вдовцов, холостых среди осетин было 46 человек (52%), а у кабардинцев — 49 (42%). Осетины проживали в 36 собственных домах, кабардинцы — в 53. Дома эти находились на улицах Георгиевской, Петропавловской, Копытовской, Сводной, Кирпичной, Ленивой, Форштатской, Кабардинской, Осетинской и Некрещенной. По мнению В. Лариной и И. Бежанова, осетины жили преимущественно на Георгиевской и Осетинской улицах²⁵. Рядом с большинством домов находились огороды. Жильем располагали далеко не все, многие ночевали у родственников или «у посторонних жителей — грузин и армян»²⁶.

В списке 1785 г. ведется речь лишь о крещенных горцах. Общее же их число было несравненно больше. Уже в 1784 г. в Моздоке проживало 200 душ и ж.п., преимущественно осетин и кабардинцев²⁷. Социальные низы Осетии и соседних обществ стремились в Моздок, где они, принимая христианство, освобождались от феодальной зависимости. «Народ по большей части, — писал П. С. Потемкин об адыгах, — ненавидит своих владельцев и не желает лучшего, как только б им позволить переселиться за нашими крепостями»²⁸.

Только в 1764–1767 гг. в Моздок бежало 32 семейства кабардинских крестьян. В этой связи становятся понятными требования адыгских феодалов уничтожить крепость. В 1764 г. они отправили в Санкт-Петербург депутацию в составе Кайтуко Кайсынова и Шабаз-Гирея Куденетова, которые настаивали на ликвидации Моздока, выплате компенсации за беглецов и снижении пошлин с кизлярских товаров. Центральные власти пошли на предоставление беспошлинной торговли в Кизляре и выдачу денег — 3 тысяч рублей. Однако эти меры показались князьям недостаточными. Отказ уничтожить крепость «раздразнил их до того, что они и присланных к ним денег не приняли, и побудил их совсем отпасть от российской стороны»²⁹. Князья ответили серией набегов на кордонную пограничную линию.

Помимо осетин и кабардинцев в степное Предкавказье бежали крестьяне Дагестана, Чечни и Ингушетии. Например, в январе 1781 г. старшины Большой Чечни и Аджиаула в письме коменданту Кизляра Куроедову отмечали: «Ежели же будут наши холопы магометанского закона от нас убегать и являться в российских границах, оных нам отдавать обратно»³⁰.

Многие крестьяне, обосновавшись в степном Предкавказье, становились казаками. О. Константинов отмечал, что во второй половине XVIII в. в казачьи войска поступало «весьма много инородцев, принявших крещение, преимущественно из беглых горцев»³¹. По сообщению М. Энгельгардта и Ф. Паррота, из моздокских осетин составили отдельный полк, конвоировавший почту или путешественников до Владикавказа. Полк получал «от правительства провиант, порох и свинец», но не вносил «за пользование угодьями никаких налогов»³². Видимо, путешественники имели в виду Горскую команду, которая начала формироваться из осетин и кабардинцев в 1764 г. По замыслу армейского командования «число сей команды» по штату состояло из 1 штаб-офицера и 100 казаков, «коим определено было жалованье, провиантское и фуражное»³³.

В первые годы команду укомплектовали не полностью, т.к. с 1764 по 1771 гг. в Моздоке поселилось только 24 семьи осетин и 37 семей кабардинцев. «Команда из горских народов, на основании высочайшей конфирмации 1765 г. и подтвержденная 1770 г., комплектовалась... горцами, выходившими из родины и принимавшими православную веру»³⁴.

В начале XIX в. в команду входило 104 казака и 6 старшин, имевших в Моздоке 51 дом³⁵. В 1816 г. «казачья братия» вместе с семьями состояла из 134 д.м.п. и 100 д.ж.п.³⁶ В 1817 г. к Горской команде были присоединены казаки Луковской станицы, жившие недалеко от Моздока. Кроме военной службы горцы занимались и хозяйством. По указу кавказского наместнического управления, в 1790 г. землемер Темпфер обмежевал команде участок земли³⁷. В начале XIX в. в распоряжении ее членов находилось 4843 десятины сельскохозяйственных угодий³⁸.

В 1837 г. старший адъютант штаба войск на Кавказе поручик Кутузов просил коменданта Моздока выяснить причины как переселения горцев в Моздок, так и их тяги к казачьей службе. Плац-майор Кудинов, расспросив моздокских старожил, сообщил Кутузову, что общество «казачьей братии» «составилось» из беглых «кабардинцев и осетинцев, кои, ученыя побег от своих владельцев, поселились в Моздоке, а по разыскании их владельцами — были ими возвращены; во избежание чего сеи переселенцы» записывались в казаки³⁹.

Опасения крестьян имели реальную основу. Так, в 1770 г. тагаурский алдар Кануков требовал у моздокского коменданта вернуть «холопку», бежавшую от него и поселившуюся в Моздоке⁴⁰. Своих беглых разыскивали и кабардинские феодалы. В 1786 г. кабардинские князья Мисост Баматов, Кургока и Мусса Карамурзины жаловались главнокомандующему войсками на Кавказе П. С. Потемкину: «Осмеливаемся донести Вашему Высокопревосходительству, что холопья наши кабардинцы, разбегавшись от нас, находятся жительством около крепостей: Георгиевской, Павловской и в Моздоке... Мы просим Ваше превосходительство приказать, как с холопьями нашими помириться»⁴¹.

Тем не менее, количество бежавших росло с каждым годом, что служило камнем преткновения между российской администрацией и местной знатью⁴². В Моздоке помимо «казачьей братии» сформировалось «общество осетин и черкес, вольно живущих». Об этом говорится, в частности, в рапорте генерала Емануэля Паскевичу в 1830 г. Поселенцы отбывали городские повинности. К 1839 г. число слободчан увеличилось: осетин стало 555 окладных душ, кабардинцев — 287. И те и другие платили по раскладке земскую повинность по 1 руб. 90 коп., на содержание земской почты — по 30 коп.; занимались земледелием, скотоводством и извозом купеческих товаров на недалекие расстояния, «некоторые на собственных подводах, а другие нанимаются в батраки»⁴³.

Русско-осетинские переговоры 1774 г. и их результаты. В ходе русско-турецкой войны, начавшейся в 1768 г., огромное значение для Кавказского театра военных действий приобрела Дарьяльская магистраль. Большой ее участок контролировали осетинские феодалы Дударовы. В сентябре 1769 г. они помогли отряду генерала Тотлебена совершить первый для русских войск переход через Главный Кавказский хребет. В течение всех трех дней передвижения отряда по дороге осетины обеспечивали солдат провиантом и жилищем для ночлега, строили мосты и прокладывали дорогу, помогали в транспортировке боеприпасов. Благожелательность осетин отметил граф И. Ф. Паскевич в докладе военному министру А. И. Чернышеву: «При первом появлении российских войск под командованием генерала Тотлебена осетины встретили их как своих избавителей».

Успешное для России завершение войны с Турцией ускорило подготовку русско-осетинских переговоров, состоявшихся осенью 1774 г. в Моздоке. С российской стороны их вел астраханский губернатор Кречетников. Осетинскую делегацию возглавляли Бахтигирей Есиев и братья Цаликовы. В результате переговоров Центральная Осетия вошла «под протекцию все милостивейшей государыни» Екатерины II.

В ходе переговоров осетинские послы подали «Прошение», в котором изложили свои просьбы, как политического, так и экономического характера. «Как мы находимся под высочайшим ея императорского величества *покровительством* (курсив ред.), то и просим, построить или возобновить прежнее Осетинское подворье и сделать оттуда в Моздок, Кизляр и обратно в жилища наши свободный проезд и дозволить нам покупать соль, железа по малому числу на удовольствие наше»⁴⁴.

Благоприятное завершение переговоров вызывало волну новых «депутаций» к астраханскому губернатору Кречетникову с просьбой о присоединении к России. «Валагирцы из грузинских границ, — отмечал губернатор в письме Екатерине II, — без позыва (вызова. — Ред.), а толко по единому слуху о состоявшихся переговорах, явились в Моздок. Видя сей их поступок, — подчеркнул Кречетников, — не мог иначе принять их как с похвалой, обещаю им е. и. в. в монаршее покровительство»⁴⁵. Под «Валагирцами из грузинских границ» можно понимать жителей как Северной Осетии, так и Южной. Следовательно, в переговорах участвовали представители южных осетин, граничившие с Грузией. За короткий период Астраханский губернатор принял более 180 осетин.

После 1774 г. миграция осетин в степное Предкавказье заметно возросла. На первых порах горцы оседали лишь в местах расположения казачьих станиц, военных форпостов, крепостей. Известно немало примеров доброжелательных взаимоотношений русских и осетин. В одном из документов астраханского губернатора говорится: «Из всех горских народов наиболее оказывают привязанность к России и даже склонности к закону христианскому осетины». Показательно в этом плане и то, что осетины укрывали бедных русских людей. Л. Штедер отмечал по этому поводу: «Многочисленные русские перебежчики, которых я мало-помалу возвращал... жили свободно среди осетин и находили себе, не работая, пропитание... Мне предлагали за свободу этих людей подарки»⁴⁶.

В 1804 г. на казенных землях степного Предкавказья крестьянами Дигорского общества основано селение Чернорское, получившее это название из-за близкого расположения к Черному яру. З. Сосиев и М. К. Гарданов основание поселения ошибочно относили к 1805 г.⁴⁷. Однако оно возникло до этого, ибо с 1805 по 1809 гг. на Кавказе свирепствовала чума, и подвижность населения была незначительной. К тому же она сдерживалась администра-

тивными мерами. О степени их строгости можно судить хотя бы по тому, что в июне 1807 г. астраханского губернатора князя Тенищева отдали под суд «за слабость, оказанную им при сохранении карантинных мер». В том же году губернатору Кавказа отпущено 30 тыс. руб. «на оплату жителям за пожженные вещи»⁴⁸. Здесь же уместно привести выдержку из статьи анонимного автора в газете «Казбек»: «по документам моего прадеда видно, что он еще в 1804 г. просил черноморское общество о принятии его к себе на жительство»⁴⁹.

Через год после основания в селении насчитывалось уже 40 дворов. История образования данного поселения — это также история классово-сословной борьбы. Уход из родных мест (из аула Каражаево) адамихатов — реакция на гнет феодалов и их союзников кабардинских князей. На Терек переселились «дигорцы, недовольные заведенными в их стране порядками»⁵⁰. Основателями селения считаются братья Кургосовы — капитан Тавсарук и священник Николай. Они ездили по аулам с агитационными целями, чтобы подействовать на тех, «которые желали переселиться, но не решались». Узнав о роли Кургосовых в уходе крестьян, кабардинские феодалы, союзники баделятов, убили братьев.

Экономическое положение черноморцев описал чиновник Ребров (Алексей Федорович Ребров — крупный помещик, кавказский предводитель дворянства, одно время чиновник особых поручений при Ермолове) в прошении главнокомандующему войсками на Кавказе в 1812 г.: «Сеи осетинцы» выведены с гор в 1804 г. в крайней бедности, здесь занимаются хлебопашеством и скотоводством, не несут никаких повинностей⁵¹. В народе эта группа переселенцев называлась *ерашти* (по названию одного из рукавов Терека). Это наименование встречается и в официальных документах, например, в рапорте генерал-лейтенанта Глазенапа князю Цицианову от 30 мая 1804 г.⁵²

В 1810 г. в Моздокский край переселилась большая группа дигорских крестьян из 300 человек, в 1811 г. — еще 16⁵³. В том же году возникло еще одно поселение — Новоосетинское. В Новоосетинском и Черноморском проживало в то время 473 человека⁵⁴. Между этими аулами осели 266 адамихатов, образовав село Осетинское. В числе причин миграции последней группы крестьян переплетаются мотивы кровной мести и желания адамихатов избавиться от гнета феодалов.

Все 266 жителей с. Осетинского первоначально обитали в предгорном ауле Масыгкау (у Штедера и Ю. Клапрота *Каратша, Маскуава*), хозяином которого являлся баделят Каражаев. Как повествует предание, убийство кабардинского князя, пытавшегося увезти крестьянскую девушку, нарушило порядок жизни с. Масыгкау. Адамихаты обратились за помощью к командующему войсками на Кавказской линии. После этого присланные казаки помогли крестьянам перебраться на линию⁵⁵. В Масыгкау с баделятами Каражаевыми остались только Цориевы, Гоценаевы, Кертановы и Марзоевы.

Дореволюционные исследователи уход крестьян от Каражаевых связывали с совместной деятельностью дигорских феодалов и их давних союзников князей Кайтукиных. Баделята «подстрекнули» Кайтукина «наказать масыгкаувцев». Однако крестьяне «наказали» самого князя: в стычке его убили⁵⁶.

Переселение подвластных баделятов Каражаевых подтверждается и официальными документами. Весной 1810 г. в рапорте наместнику Кавказа Тормасову командир 19-ой дивизии Булгаков сообщал о притеснениях дигорских крестьян, об их желании «переселиться к кордонной линии Кавказской». Под прикрытием присланных Булгаковым казаков адамихаты в числе 269 душ «со всем имуществом и скотом» переправились к Прохладненскому карантину⁵⁷. Через несколько дней они прибыли в Чернорское, где прожили более трех лет⁵⁸. Затем ниже по течению Терека в 3-х км от Чернорского для крестьян выделили участок в 12000 десятин, выкупленный казной за 10 тыс. руб. у помещика Реброва⁵⁹. Адамихатам оказали финансовую помощь для обустройства на новом месте, «приобретения леса», скота, лошадей и т.д., «не менее, чем от 150 до 200 рублей ассигнациями». Всего было выделено 20676 руб.⁶⁰. В обязанности крестьянам вменялось несение караульной («казачьей») службы на линии⁶¹. В 1825 г. взрослое мужское население Чернорской и Новоосетинской по приказу Ермолова зачислили в Горский казачий полк⁶².

Основание Владикавказа. Как уже отмечалось в 1769 г., через Дарьяльский проход в Грузию прошел первый небольшой российский отряд под командованием Тотлебена. Важное стратегическое значение этого пути ясно осознавали и в правительственных, и в военных кругах. Во время русско-осетинских переговоров 1774 г. возникла идея строительства укрепления у входа в Дарьяльское ущелье. В декабре 1775 г. астраханский губернатор Кречетников подал правительству доклад об Осетии. В нем упоминалось и о строительстве здесь русской крепости. Наиболее подходящим местом губернатор считал берег Терека у Эльхотовских ворот. При этом он ссылаясь на политические мотивы, полагая, что возведение этой крепости позволило бы активизировать русско-грузинские дипломатические отношения. Помимо этого свою идею о строительстве укрепления в районе Эльхотова он подкреплял другой идеей — превращением городка в торговый центр Северного Кавказа: «...необходимо оной город сделать знаменитым, и завести торги, коим удовольствием народ тамошний обольстить разными привозными товарами»⁶³.

После заключения Георгиевского трактата в 1783 г. Российское правительство решило основать на Центральном Кавказе крепость, которая не только закрепила бы успехи России на Кавказе, но и стала политическим центром региона. Царь Грузии Ираклий II ставил вопрос о строительстве дороги, позволяющей установить постоянную связь между Россией и Закавказьем.

Ираклий II предлагал также построить крепость у входа в Дарьяльское ущелье, чтобы она могла обеспечить безопасность движения по дороге через Главный Кавказский хребет. О строительстве крепости просили и осетинские старшины⁶⁴.

Осенью 1783 г. командующий войсками Кавказской линии Павел Потемкин получил указание о постройке крепости на Центральном Кавказе. Однако он не решил строить городок у входа в Дарьяльское ущелье. По его мнению, удаленность от Кавказской линии и расположения русских войск значительно снижали обороноспособность городка. Наиболее подходящим местом для строительства крепости П. Потемкин считал Эльхотовское урочище. Там и была заложена крепость, названная в честь Григория Потемкина-Таврического «Потемкинской». Одновременно началось строительство укреплений на реке Камбилеевке и недалеко от Моздока на правом берегу Терека.

Вскоре, однако, выяснилось, что принятые меры не могут обеспечить беспрепятственное движение по дороге от Моздока до Тифлиса. Ираклий II продолжал настаивать на необходимости строительства городка у входа в Дарьяльское ущелье. Об этом же ходатайствовали и осетины.

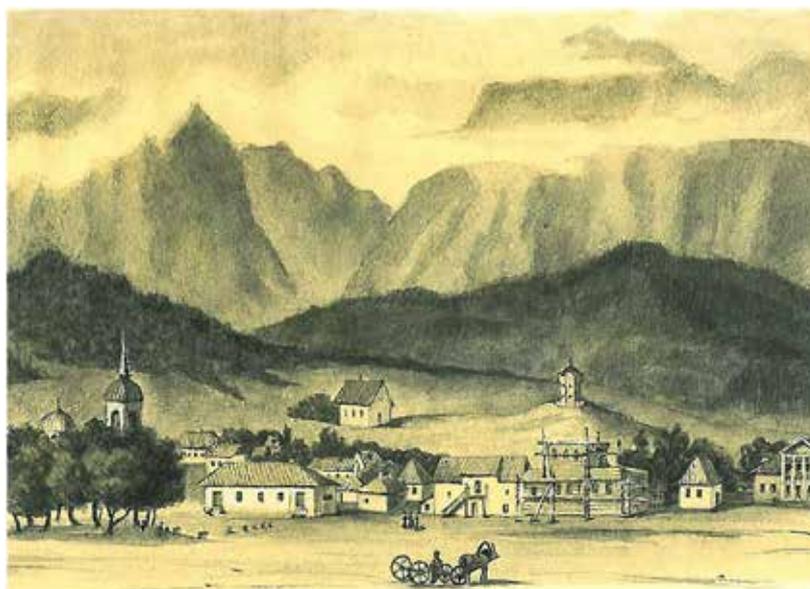
10 марта 1784 г. отряд под командованием генерал-аншефа Толмачева в составе трех батальонов пехоты, 601 казака и 8 орудий переправился на правый берег Терека и стал бивуаком у входа в Дарьяльское ущелье. Здесь 12 марта, по распоряжению генерала Толмачева, было заложено укрепление, названное Владикавказом. По традиции, существовавшей при закладке крепостей, состоялся парад войск, и произведен артиллерийский салют 21 выстрелом. Невиданное торжество привлекло массу горцев; всем был предложен скромный обед. С 13 марта начались строительные работы, завершившиеся в середине апреля. 6 мая крепость была освящена. Императрица Екатерина II в своем указе от 2 мая 1785 г. на имя Потемкина повелевала: «В построенной крепости при входе в горы Кавказские позволяем мы соорудить православную церковь... при том наблюдать, чтобы церковное духовенство в крепости, при входе в горы построенной, не употребляло народам тамошним притеснений, или принуждений»⁶⁵. Гарнизон простоял во Владикавказе 4 года. За это время были возведены новые сторожевые посты по дороге в Грузию: Редант, Балта, Джерах, Ларс и Дарьял.

Основание Владикавказа, как и заключение годом раньше Георгиевского трактата, вызвало недовольство шаха Ирана, султана Турции, а также ряда протурецки и проирански настроенных владетелей Кавказа. Турецкое правительство пыталось склонить осетинское население к участию в войне против Грузии и России. Однако, несмотря на все старания, турецкие эмиссары в Осетии успеха не имели. В 1786 г. Турция стала открыто готовиться к войне. Пытаясь выиграть время, российское правительство пошло на некоторые уступки. В частности, решено было скрыть крепостные валы Потемкинского,

Камбилеевского, Владикавказского и Григорополисского укреплений, находившиеся в них воинские команды вывести на Кавказскую линию, строения же взорвать и предать огню.

Вся линия укреплений от Моздока до Дарьяла стала восстанавливаться в 1793 г. В районе современного Реданта на возвышенном месте был построен редут «Новый», укрепленный палисадом с бойницами и снабженный одним орудием. Тогда же начато восстановление Владикавказа. В 1804 г. его разрозненный гарнизон был преобразован во Владикавказский гарнизонный батальон, командир которого одновременно являлся и комендантом крепости. В следующем году гарнизон переформировали в двухбатальонный полк.

В конце XVIII — начале XIX вв. усилился поток горцев-осетин, селившихся около южных валов крепости. Большинство из них крестилось. Так, в марте 1807 г. «переселившиеся из Тагаурских ущельев к Владикавказу некоторые осетины со всеми семействами согласились принять христианский закон»⁶⁶. В 1815 г. для осетин-христиан выстроили церковь. «Среди осетин бок о бок жили и семейства женатых солдат»⁶⁷.

Старый Владикавказ. Художник А. Дьяконов

Защиту крепости обеспечивал Владикавказский полк; осетины деятельно помогали нижним чинам. Комендант поручил осетинам оборону южной части крепости. В этом месте укрепления солдаты находились только при орудиях.

В 1815 г., по свидетельству одного из путешественников, Владикавказская крепость имела вид четырехугольного редута с бастионами, на каждом

из которых располагалось полевому орудию. Крепость была окружена ровом и земляным бруствером. Гарнизон в то время состоял из строительного отряда корпуса инженеров путей сообщения, команды артиллеристов и пехотного полка; его командир одновременно являлся и командиром крепости. В подчинении у коменданта находился также Донской казачий полк, расположенный за крепостью в особых казармах, обнесенных плетневым забором. Внутри крепости находились каменная церковь, деревянные казармы с обширным госпиталем, довольно красивыми офицерскими домами. В восточной части возвышался комендантский дом. К нему примыкала гостиница для проезжающих, несколько лавок русских торговцев с различными товарами, напитками и съестными припасами. Между Терекком и крепостью лежал так называемый форштадт, разделенный на две части. В первой находились казармы роты строителей и улица с домами женатых солдат. Во второй части — около 30 семейств осетин. Они занимались скотоводством и земледелием.

По плану-чертежу 1826 г. крепость имела иной, нежели в начале века, вид. Укрепление внешне напоминало неправильный многоугольник. Крепость окружал земляной вал высотой 5 футов, такой же глубины ров, ширина которого равнялась 17 футам. Общая площадь укрепления возросла и равнялась 55 гектарам. Крепость имела три бастиона и два полубастиона. Бастионы северной стороны назывались «Моздокский» и «Владикавказский», южную часть крепости защищал бастион «Тифлисский». На восточной стороне находились полубастионы «Веселый» и «Полевой». Крепостные ворота находились на западном фесе укрепления. От ворот шел спуск к реке, через которую был перекинут временный мост, поставленный по распоряжению генерала Торماسова в 1809 г. Мост находился под защитой специального укрепления с амбразурами для орудий. С южной стороны к укреплению примыкало старое осетинское поселение, обнесенное высоким деревянным палисадом с бойницами. Все осетинское селение окружал глубокий ров. В нескольких местах деревянного забора-палисада узкие калитки, способные пропустить только одного человека или одну лошадь.

С восстановлением и реконструкцией Владикавказской крепости, строительством Военно-Грузинской дороги сообщение между Кавказской линией и Закавказьем стало постоянным.

Посольство Карадзау Мамиева. Историю русско-осетинских отношений в XVIII в. завершает еще одно знаковое событие — посольство Карадзау Мамиева. Перед началом войны с Турцией в 1787 г. Екатерина II совершила своеобразный политический демарш на южные границы России. Особое значение императрица придавала встречам с «депутатами» народов, искавших союза с Россией. Осетинскую делегацию возглавлял житель Нара Карадзау Мамиев. Согласно данным академика П. Г. Буткова, «поколения Куртат, Ол-

лагир, Заха и Нара имели своих депутатов при князе Потемкине-Таврическом». Интересно, что «императрица Екатерина II сама позволила от купели быть восприемником... владельца Курмана Кубатиева, нареченного в святом крещении Александром». Причем А. Кубатиев получил чин майора, Г. А. и П. С. Потемкины стали крестными отцами трех куртатинских и двух тагаурских «старшин»⁶⁸.

В историко-этнографическом очерке «Особа» К. Хетагуров писал: «До самого последнего времени в Нарской церкви хранилась грамота Екатерины Великой, пожалованной представлявшей ее величеству депутации нарских осетин»⁶⁹.

Что касается до самой встречи делегации с императрицей, то ее политической целью стала демонстрация «надежных подданных» России. Для Петербурга это было важно из-за надвигавшейся войны с Турцией.

Русско-осетинские отношения насчитывают не одну сотню лет. Выявлено много фактов, свидетельствующих о стремлении осетин войти в состав российского государства. Так, в одном из документов астраханского губернатора говорится: «Из всех народов горских наиболее оказывают привязанность к России... осетины». Благожелательность осетин к русским отмечали граф И. Ф. Паскевич в докладе военному министру А. И. Чернышеву, а также М. И. Татищев, Л. Штедер и многие другие. Осетины верой и правдой служили интересам России в русско-турецких и других войнах. Во всех уголках Осетии осознавали необходимость установления прочных связей с Россией.

Определяющим в русско-осетинских отношениях стал XVIII в. Симптоматично, что начало реализации идеи присоединения к России связано с Зурабом Елихановым — жителем Центральной Осетии. В результате целой серии переговоров и посольств, особенно после Кючук-Кайнаржийского мирного договора 1774 года, Осетия (Северная и Южная), вошла в состав России. В одном из документов южные осетины упоминаются как «Валагирцы из грузинских границ».

Присоединение Осетии к России стало важной вехой в истории осетинского народа. Оно принесло осетинам стабильность, необходимые условия для экономического, социально-политического и культурного развития. Обоснование осетин на равнине, появление новых сел рядом с казачьими станицами и русскими поселениями, установление позитивных межэтнических контактов способствовали взаимовлиянию соседствующих культур.

Примечания

1. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. II. С.37 – 38.
2. Там же. С.41.
3. Там же. С.61.
4. Бзаров Р.С. О принципах формирования осетинского посольства 1749–1752 гг. // Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений. Сборник статей. Владикавказ, 2010. С.36–51.
5. ЦГИА. Ф.796. Оп.26. Д.373. Л.222–222 об.
6. История Северо-Осетинской АССР. Т. I. Орджоникидзе, 1987. С.188–189.
7. Там же. С.189–190.
8. ЦГА РД. Ф.379. Кизлярский комендант. Д.500. Л.11–14 об.
9. Бутков П.Г. Указ. соч. С.295.
10. АВПР. Оп.128/II. Д.1. Л.888.
11. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т. I. Сборник документов / Сост. Г.А. Кокиев // ИСОНИИ. Т.6. Орджоникидзе, 1933. С.301.
12. Там же. С.297.
13. ЦГИА. Ф.383. Оп.29. Д.929. Л.34 об.
14. Там же. Л.35 об.–36.
15. Там же. Л.17.
16. АВПР. Оп.128/II. Д.1. Л.892–893.
17. Бентковский И. Дела наши на Северном Кавказе от построения укрепления Моздок до учреждения кавказского наместничества. С 1765 по 1786 гг. // СГВ. 1876. №31–33.
18. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С.284–285.
19. Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С.149–150.
20. Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С.155–156.
21. Бентковский И. Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «Казачьи братья» // СГВ. 1880. №3.
22. Гамрекели В. Н. Указ. соч. С.207.
23. ЦГА РД. Ф.379. Кизлярский комендант. Д.55. Л.27.
24. Гамрекели В.Н. Указ. соч. С.158.
25. Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. С.37.
26. Бентковский И. Моздокские... // СГВ. 1880. №3, 4.
27. АКАК. Т. I. Тифлис, 1866. С.81.
28. Ларина В.Н. Указ. соч. С.37.
29. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.2. С.11–13.
30. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1979. С.62.
31. Константинов О. Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю // Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850. С.46.
32. Engelhardt M. und Parrot F. Reise in die Krym und den Kaukasus. Th.I. Berlin, 1815. S.145.
33. Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829. С.64–65.
34. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. // КС. Т. XVIII. 1897. С.393.
35. Калоев Б.А. Указ. соч. С.238.
36. Бентковский И. Моздокские... // СГВ. 1880. №6.
37. Дебу И. О Кавказской линии. СПб., 1829. С.64–65.

38. Калоев Б. А. Из истории Моздока и моздокских осетин // ИСОННИИ. Т. XXV. 1966. С.238.
39. Бентковский И. Моздокские... // СГВ. 1880. №6.
40. Ларина В. И. Указ. соч. С.38.
41. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С.137.
42. Клычников Ю. Ю. Ситуация на северокавказской окраине России в царствование Екатерины II и Павла I // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 14. М.-Армавир, 2008. С.21.
43. Бентковский И. Моздокские... // СГВ. 1880. №3 – 6.
44. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. II. С.320.
45. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). Т.1. С.268.
46. ОГРИП. С.38.
47. Гарданов М. Селение Христиановское в фактах жизни // ИОНИИК. Вып. I. Владикавказ, 1925. С.151; Сосиев З. Станица Чернаярская // ТС. Вып.5. 1903. С.31.
48. Бентковский И. Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетиях // СГВ. 1879. №2.
49. Дигорон. Историческая справка // Казбек. 1902. №1205.
50. Сосиев З. Станица Чернаярская // ТС. Вып.5. 1903. С.34.
51. ЦГИА. Ф.383. Оп.29. Д.929. Л.41 – 41 об., 74.
52. АКАК. Т. II. 1868. С.939.
53. ЦГИА. Ф.383. Оп.29. Д.929. Л.34.
54. АКАК. Т. VI. Ч. II. 1875. С.603.
55. Осетинское народное творчество/Под ред. З. М. Салагаевой. Т. I. Орджоникидзе, 1961. С.599; Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч.1. Дзауджикау, 1949. С.58.
56. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – XIX вв. М., 1974.
57. ЦГИА. Ф.383. Оп.29. Д.929. Л.8.
58. Сосиев З. Указ. соч. С.36.
59. ЦГИА. Ф.383. Оп.29. Д.1492. Л.204 – 204 об.
60. Там же. Д.929. Л.18 об. –23.
61. Там же. Л.8.
62. Сосиев З. Указ. соч. С.36.
63. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. II. С.359.
64. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. С.114.
65. Ракович Д. В. Прошлое Владикавказа. Владикавказ, 1911. С.5.
66. Волкова Н. Г. Указ. соч. С.138.
67. Ракович Д. В. Указ. соч. С.16.
68. Хрестоматия по истории осетинского народа/Сост. М. П. Санакоев. Т. I. Цхинвал, 1993. С.181.
69. Хетагуров К. Полн собр. соч. Т. IV. С.315.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	7
РАЗДЕЛ I. ТЕРРИТОРИЯ ОСЕТИИ В ДРЕВНОСТИ.....	15
Глава 1. Эпоха камня, ранней и средней бронзы.....	17
Древнейшие археологические памятники на территории Южной Осетии (с.17). Древнейшие археологические памятники на территории Северной Осетии(с.19). Пещерная стоянка Мыштуладжы-лагат (с.20). Пещерная стоянка Шау-лагат (с.25). Памятники эпохи ранней и средней бронзы в горах Северной Осетии (с.26). Памятники эпохи энеолита, ранней и средней бронзы в предгорной зоне Северной Осетии (с.31). Памятники эпохи средней бронзы в степной зоне Северной Осетии (с.46).	
Глава 2. Эпоха поздней бронзы и раннего железа. Кобанская культура	53
Генезис и периодизация кобанской культуры (с. 53). Поселения (с.59). Погребальный обряд и элементы духовной культуры древних кобанцев (с.60). Основные категории материальной культуры (с.64). Оружие и защитное снаряжение (с. 66). Украшения (с.74). Хозяйство и орудия труда (с. 79). Изобразительное искусство кобанской культуры (с.81)	
Глава 3. Скифы Кавказа.....	89
Скифы по данным археологии (с.89). Киммерийцы и скифы Северного Кавказа по данным археологии (с.91). Взаимодействие кочевников и аборигенов (с.109). Сведения письменных источников о киммерийцах и скифах (с.122).	
Глава 4. Сарматы Северного Кавказа	143
Сарматы по данным археологии (с.143). Сарматы Северного Кавказа по данным археологии (с.146). Взаимодействие сарматов с местным населением (с.161). Сведения письменных источников о сарматах Северного Кавказа (с.163).	
Глава 5. Аланы Северного Кавказа в I-IV вв.	183
Аланы по данным археологии (с.183). Аланы Северного Кавказа по данным археологии (с. 193). Сведения письменных источников об аланах Северного Кавказа (с.206).	
РАЗДЕЛ II. АЛАНИЯ-ОСЕТИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕКОВЬЯ (V – XVII вв.)	225
Глава 1. Племенные объединения алан	227
Сложение аланского племенного объединения. Оседание на землю, рост населения (с.229). Аланы и савиры (с. 230). Аланы в ирано-византийских войнах (с.233). Перемещение «Великого шелкового пути» на Северный Кавказ. Аланская культура VI – VII вв. (с.236).	

Глава 2. Аланы и хазары. Социальные процессы.....	241
Алано-хазарские отношения (с. 241). Аланы в арабо-хазарских войнах (с.246). Салтово-маяцкая культура VIII-IX вв. (с.249). «Великий шелковый путь» в VII-IX вв.(с. 251). Формирование сословных групп и государства у алан Социально-экономическое развитие Алании (с.253). Культура и быт. Проникновение христианства (с. 258).	
Глава 3. Алания в X-XII вв. Возникновение раннефеодальной государственности.....	264
Аланы и Киевская Русь. Походы русов и алан на Каспий (с. 264). Территория Алании. Археологические памятники (с. 267). Земледелие, скотоводство, рост ремесленного производства. Торговые связи (с. 270). Социальный и политический строй. Возникновение раннефеодальной государственности (с. 275). Принятие христианства (с.280). Нижне-Архызское городище X - XII вв. – центр Аланской епархии (с. 282). Памятники культуры (с.285). Формирование раннесредневековой алано-осской народности (с. 287). Торговые пути. Возникновение городов (с. 289).	
Глава 4. Алания в период феодальной раздробленности. Монголо-татарское нашествие	303
Монгольское вторжение 1222-1223 гг. (с.304). Вторжение монголо-татар на Северный Кавказ в 1238-1239 гг. (с. 305). Результаты монгольских походов. Поход 1277-1278 гг. против Деякова (с. 309). Аланы Южной Осетии в золотоордынский период (с.315).	
Глава 5. Алания-Осетия в XIII - XV вв	324
Монголо-татарское иго на Северном Кавказе (с.324). Ослабление Золотой Орды. Куликовская битва и ее значение для народов Северного Кавказа (с. 326). Нашествие Тимура на Северный Кавказ и его последствия (с.327). Осетино-кабардинские отношения в XIV-XV вв. (с. 329) Формирование осетинских обществ (с. 329). Эволюция феодализма в горной Осетии (с.332). Архитектурные памятники. Материальная культура (с. 336). Фольклор осетин в XIV-XV вв.(с. 339)	
Глава 6. Осетия в XVI - XVII вв.	345
Русско-северокавказские отношения в XVI – XVII вв. (с. 345) Русско-кавказские торговые связи(с. 349). Появление гребенского казачества (с. 353). Борьба народов Северного Кавказа с крымско-турецкой и иранской агрессией (с. 353). Основание крепости Терки(с. 359). Осетино-грузинские отношения в XVI-XVII вв.(с. 360)	
РАЗДЕЛ III. ОСЕТИЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века	367
Глава 1. Хозяйство и общественный строй.....	369
Территория и население (с. 369). Хозяйство (с. 371). Общественный строй (с. 375). Тагаурское общество (с. 379). Куртатинское общество (с.388). Алагирское общество (с. 396). Дигорское общество (с. 398). Южная Осетия (с. 410)	
Глава 2. Традиционная социальная и духовная культура.....	419

Сельская община (с. 419). Общинный сход (с. 422). Суд и судопроизводство (с. 423). Родственные объединения (с. 426). Семья и семейный быт (с. 432). Свадебная обрядность (с. 438). Социализация молодого поколения (с. 444). Похоронные обряды (с. 446). Религиозные верования (с. 452). Устное народное творчество (458).

Глава 3. Экономические и культурные связи осетин с народами Кавказа.....464

Торговля как фактор развития межэтнических отношений (с. 464). Осетино-грузинские отношения (с. 467). Осетино-кабардинские взаимосвязи (с. 471). Осетино-балкарские отношения. Осетино-вайнахские контакты (с. 473).

Глава 4. Присоединение Осетии к России478

Осетинское посольство в Петербурге (1749-1752 гг.) (с. 478). Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений (с.481). Русско-осетинские переговоры 1774 г. и их результаты (с. 485). Основание Владикавказа (с.488). Посольство Карадзау Мамиева (с. 491)

Научное издание

**ИСТОРИЯ ОСЕТИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА XVIII В.
ТОМ 1**

Корректор — *Дзуцева И.Г.*
Технический редактор — *Цопанова А.Ю.*
Компьютерная верстка — *Черная А.В.*
Дизайн обложки — *Макарова Е.Н.*

Подписано в печать 25.11.2019.
Формат бумаги 70×100 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура шрифта «Myriad». Усл.п.л. 40,15.
Тираж 100 экз. Заказ №123.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр Российской академии наук»
362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО–Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3